

БЛАГОВЕЩЕНСК

2

0

1

9

Материалы

ЦХ

РАЭЭСК

оссийской
археолого-этнографической
конференции студентов и молодых ученых

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ГАУ «ЦЕНТР ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ»

ХЭЙХЭСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ХЭЙЛУНЦЗЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МАТЕРИАЛЫ LIX РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Благовещенск – Хэйхэ
8–12 апреля 2019 г.

**Благовещенск
2019**

УДК [902/904+39] (47) (063)
ББК 63.4я431+63.5я431
М34

Ответственный редактор –
канд. ист. наук О. А. Шеломихин

Редакционная коллегия:
канд. биолог. наук А. А. Барбарич, канд. философ. наук Н. В. Кухаренко,
Д. П. Волков, Е. И. Крючко

Рецензенты:
канд. ист. наук С. В. Алкин, канд. ист. наук А. А. Крупянко

М34 Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск – Хэйхэ, 8–12 апреля 2019 г. / Науч. ред. О. А. Шеломихин. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. – 335 с., илл.

ISBN 978-5-8331-0412-5

Сборник содержит материалы докладов LIX Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых (Благовещенск, 8–12 апреля 2019 г.).

В статьях участников конференции представлены результаты археологических, этнологических, культурологических и междисциплинарных исследований древних, традиционных и современных обществ Евразии, проведенных ими как самостоятельно, так и под руководством ведущих специалистов. Ряд вопросов носят проблемный и дискуссионный характер. Издание адресовано специалистам – археологам, этнологам, историкам, культурологам, регионоведам, музейным работникам, – студентам, осваивающим эти специальности, а также краоведам и широкому кругу читателей, интересующихся археологическими древностями, проблемами развития палеокультур и современными этнокультурными процессами Евразийского пространства.

ISBN: 978-5-8331-0412-5

© Благовещенский государственный педагогический университет, 2019
© Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИОГРАФИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ АРХЕОЛОГИИ

<i>И. Д. Долгушин</i> Основные открытия и значение археологических работ М. Уле в южной части Перу в 1899–1905 гг.	11
<i>Е. И. Иванушко, В. Г. Киселев</i> Археологическая разведка при реализации проекта «Вахта памяти», 2018 год	13
<i>А. С. Колясникова</i> К истории исследования органических ретушеров палеолита	14
<i>М. В. Константинов, Т. А. Константинова</i> Первые научные раскопки в бассейне Амура	16
<i>Р. В. Куюков</i> История археологического изучения Восточного Алтая	18
<i>Д. А. Помляков</i> Из истории иркутской палеоэтнологической школы: В. И. Подгорбунский	20
<i>Г. М. Сагманова</i> Проблемы изучения цветовой гаммы древнерусских стеклянных браслетов	23

ПАЛЕОЛИТ — МЕЗОЛИТ

<i>Н. О. Викулова, Н. А. Марков</i> Древнее поселение Усть-Менза-6 (Груздевая) в Западном Забайкалье	25
<i>Ю. С. Губар</i> Скульптура усть-ковинского мамонта: элементный анализ и интерпретация пигментов	27
<i>Д. П. Золотарев</i> Особенности подготовки ударных площадок терминальных нуклеусов в комплексах среднего саргана Байкало-Енисейской Сибири	29
<i>Д. С. Кошкина</i> Каменные наконечники стрел раннеолитического и мезолитического слоев стоянки Остров Лиственичный (морфология, корреляция, хронология)	31
<i>Е. Д. Никулина</i> Использование косули в хозяйственной деятельности населения объекта Усть-Хайта по материалам 8 и 9 горизонтов	33
<i>А. И. Панкина</i> Хтонические существа из коллекции зооморфной скульптуры палеолитической стоянки Мальта	36
<i>Т. Е. Ростяженко</i> Орнаментика мальтинских дисков: технология, образы, смыслы	38
<i>Г. В. Серовец</i> Донеолитические погребения в пещере Ниа, Борнео	39
<i>И. С. Шегутов</i> Палеолитические комплексы в окрестностях Мальты (Шамотный Завод – Новомальтинск)	41

НЕОЛИТ — ЭНЕОЛИТ

<i>М. Е. Абрашина</i> Экспериментальная реконструкция рубчатого и ячеистого технического декора керамических сосудов Байкало-Енисейской Сибири (неолит – ранний бронзовый век)	44
<i>Н. С. Батуева</i> Некоторые итоги изучения гончарной технологии керамики с памятников неолита Европейского Северо-Востока	46
<i>В. Д. Булавко</i> Анализ керамики раннего неолита поселения Шракшуря III (Малое Море озера Байкал)	49
<i>А. В. Веретенников</i> Каменные наконечники стрел артынской культуры позднего неолита Среднего Прииртышья и Барабы (типолого-морфологический анализ)	51
<i>Т. А. Гаврилина</i> Погребальный комплекс Лома-Атауальпа, докерамическая культура лас-вегас, Эквадор (По материалам российско-японско-эквадорской экспедиции 2018 г.)	54
<i>Т. С. Година</i> Керамические скребки с поселения Харпичан-4	56
<i>А. В. Ерохина</i> Косторезное дело в неолите Приморья	58
<i>Т. Ю. Игнатьева</i> Планиграфическая структура древнейшего культурного горизонта (7 объединенный) усть-каренгской археологической культуры	60
<i>В. В. Коваленко (Орлова)</i> Особенности и перспективы исследований мультислойчатых местонахождений Южного Приангарья и Тункинской долины	63
<i>К. А. Крутикова</i> Сравнительный анализ раннеолитических могильников в устьях рек Белая и Китой (Южное Приангарье)	65
<i>И. Г. Курчатова</i> Керамический материал эпохи неолита Мегино-Кангаласского улуса	68
<i>Г. Г. Мальцев</i> Неолитические горизонты многослойного поселения Косая Шивера (Западное Забайкалье) ...	70
<i>Д. А. Мархаева</i> Комплексы с керамикой посольского типа многослойного поселения Катунь I (Чивыркуйский залив озера Байкал)	72
<i>Е. С. Посашикова</i> Технологическая и типологическая характеристика раннеолитической призматической каменной индустрии археологического местонахождения Горелый Лес	74
<i>А. А. Пушкарь</i> Керамический комплекс позднего неолита археологического памятника Боярин-6	77
<i>Е. Е. Смолянский</i> Результаты исследований голоценовых комплексов Усть-Белой (Южное Приангарье) в 2018 году	78
<i>А. Л. Шепова</i> Шлифованные стержни в орудийных комплексах археологических культур раннего и среднего неолита острова Сахалин: типология, технология, интерпретация	80

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

<i>А. А. Абишева</i> Погребения с лошастью на территории Восточной Сарыарки	84
<i>Г. К. Букешева</i> Раннеалакульская (петровская) археологическая культура: территория, памятники	86

<i>Н. С. Гульчак</i>	Поселение Бурла-3 в системе археологических культур эпохи поздней бронзы Кулунды . . . ю . . .	88
<i>О. А. Качесова</i>	Исследования ирменских погребальных комплексов на могильнике Чумыш-Пережат	89
<i>Д. О. Климова</i>	Изобразительное искусство населения эпохи ранней бронзы Монгольского Алтая: материалы из закрытых комплексов и их значение для атрибуции наскального искусства региона	91
<i>А. А. Кыддерменова</i>	Массовые находки астрагалов в погребениях эпохи бронзы (По материалам раскопок на комплексе археологических памятников Кырыкунгир)	93
<i>А. А. Ларочкин</i>	Комплекс вооружений одиновской культуры (По материалам памятников Барабинской лесостепи)	95
<i>В. М. Лурье</i>	Керамический комплекс поселения Каменный Лог I (Предварительное сообщение)	97
<i>В. Р. Масленникова</i>	Памятник Первый Оленевод-7: планиграфия, стратиграфия, культурная принадлежность	99
<i>С. В. Маслодудо</i>	Поселения эпохи бронзы бассейна реки Чикой	100
<i>А. И. Михайлова</i>	Изображения шаманов на писаницах Якутии	102
<i>И. А. Савко</i>	Сравнительный анализ материалов могильников андроновской культуры Верхнего Аляя	104
<i>К. С. Сапарова</i>	Территория и планировочные структуры поселений поздней бронзы Сарыарки	107
<i>Е. А. Сергиевич</i>	Петроглифы на центральных участках Шалаболинской писаницы	109
<i>А. Д. Торохова</i>	Керамическая коллекция третьего культуросодержащего горизонта многослойного местонахождения Усть-Ёдарма II (Северное Приангарье)	111
<i>Е. В. Трусова</i>	История открытия и изучения андроновских памятников на территории Ачинско-Мариинской лесостепи	113
<i>А. А. Ушакова</i>	Об изображениях окуневских личин на Шалаболинской писанице	115

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

<i>О. А. Гольшев</i>	Особенности изобразительной традиции в петроглифах тагарского времени долины реки Ини (Минусинский район Красноярского края)	118
<i>Е. В. Губенко</i>	Находки бус в погребениях таштыкского могильника Тесинский Залив-3	120
<i>Н. Р. Дьяков</i>	Образы животных на седельных покрывках и татуированных изображениях пазырыкской культуры: гендерные сходства и различия	122
<i>Е. И. Дюков</i>	Кроуновские жилища на памятниках юга Приморья	124
<i>А. В. Еремеев</i>	Керамическая коллекция первого культуросодержащего горизонта стоянки Ручей Акимов (Северное Приангарье)	125
<i>Е. В. Калинин</i>	Сравнительный анализ орнаментации керамики калинкинской культуры Сургутского Приобья	127

<i>М. Кобланулы</i>	Поселения раннего железного века Северного Казахстана: топография, планировка, датировка	130
<i>В. П. Михалева</i>	Керамическая коллекция второго культуросодержащего горизонта многослойного местонахождения Усть-Ёдарма II (Северное Приангарье)	132
<i>В. А. Мохарь</i>	Историко-культурная динамика древнего поселения на озере Долгое	134
<i>М. А. Муришидова</i>	Пантеон хищников в наскальном искусстве Саяно-Алтая в скифскую эпоху	137
<i>А. Е. Патрушева</i>	Погребения в урнах как характерная черта эпохи палеометалла Филиппинского архипелага ...	139
<i>М. М. Проконова</i>	К вопросу о пространственном распределении поселенческих комплексов саргатской культуры Прииртышья	140
<i>С. С. Радовский</i>	История изучения ареала распространения Быстринской культуры (По материалам погребальных комплексов)	142
<i>И. Г. Рогова</i>	Знаковая символика на тагарских предметах и ее проявление в петроглифах Среднего Енисея	145
<i>М. К. Руденко</i>	Комплекс каменных орудий янковской археологической культуры (По материалам памятника Черепаша-7)	147
<i>Г. В. Скоробогатова</i>	Погребальная традиция майминской культуры Северного Алтая	149
<i>А. А. Трофимов, И. Г. Рогова</i>	Таштыкские рисунки на писанице Учум	151
<i>В. С. Юдакова</i>	Формирование кашинской гончарной традиции в Среднем Притоболье (По материалам кашинской культуры)	153

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ

<i>В. О. Антипина</i>	Баллистические особенности трехлопастных наконечников стрел в конечной точке: результаты эксперимента	156
<i>М. Д. Биткина</i>	Керамическая коллекция первого культуросодержащего горизонта местонахождения Адорма (Северное Приангарье)	158
<i>В. М. Бураков</i>	Ямаровский тракт как историко-археологический памятник	160
<i>В. Е. Вальченко</i>	Шилкинская керамическая коллекция Дальневосточной археологической экспедиции 1954 года: анализ и интерпретация	162
<i>Е. С. Галютин</i>	Косторезное дело бохайцев Приморья России	164
<i>М. А. Гриб</i>	Основные признаки погребальных памятников одинцовской культуры	166
<i>Р. В. Давыдов</i>	Трасологический анализ изделий из металла: возможности, ограничения, перспективы	167
<i>М. Е. Жуков</i>	Особенности погребального обряда троицкого типа мохэской археологической культуры	169

<i>Е. В. Зеленина</i> Особенности погребальной практики качинцев и аринцев в позднем Средневековье – начале нового времени в Красноярском лесостепном районе (По материалам работ археологического отряда НГУ)	171
<i>Д. Исмаилов</i> «Комбинированная» сабля из «оружейной палаты» ханского дворца	173
<i>Н. Е. Кушнарев</i> Материалы покровской культуры из коллекции археологических разведок в Дальнереченском и Красноармейском районах Приморского края	175
<i>А. С. Мальшев</i> Наконечники стрел Краскинского городища	177
<i>А. Д. Муратбакиева</i> Образ птицы с личиной на груди: выделение иконографических признаков	179
<i>А. Е. Попов</i> Ангайский могильник – новый памятник Верхнего Амура	181
<i>М. А. Портнягин</i> Погребение № 2 могильника Зуун Хярын Дэнж I: к вопросу об этнокультурной ситуации в Северном Прихубсугулье в XII–XIV вв.	183
<i>П. И. Романов</i> Артиллерия Умревинского, Чаусского и Уртамского острогов (По материалам письменных и археологических источников)	185
<i>И. В. Рюмин</i> Планиграфия захоронений могильника Абрамово-10	187
<i>М. С. Сидорук</i> Классификация венчиков сосудов михайловской культуры (По материалам памятника Черниговка, селище-5)	189
<i>К. В. Танцура</i> Изучение археологических памятников эпохи Средневековья в урочище Гришкин Лог в 1958–1961 гг.	192
<i>Т. С. Угожаева</i> Об освоении охотского побережья в XVII–XIX вв. (На примере уклада жизни гижигинских казаков)	194
<i>А. У. Урбушев</i> Петроглифы Сары-Кобы (Юго-Восточный Алтай)	196
<i>З. Ч. Ухинов</i> Металлические зеркала из погребений XII–XIV вв. Поононья	198
<i>В. В. Цвелев</i> Русская керамика XVIII–XIX вв. из сборов Лесостепной зоны Новосибирской области	200
<i>О. О. Шишкина, А. А. Орехова</i> Антропоморфные фантастические персонажи этнографического времени в наскальном искусстве Минусинской котловины	202

АНТРОПОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ

<i>Е. Н. Дивдевилова</i> Надмогильные сооружения якутов в советский период: традиции, трансформации, модификации	205
<i>А. Т. Дукомбайев</i> Типология оседлых памятников кочевников казахских степей	207
<i>Г. Д. Икеев</i> Собака в религиозных обрядах и праздниках коряков в XIX – начале XXI вв.	209
<i>И. В. Казмиров</i> Курительные трубки коряков (по данным этнографических источников)	211

<i>Т. В. Костырева</i>	Традиции татуажа народов Севера Дальнего Востока России	213
<i>Н. В. Люля</i>	Материнская поэзия в среде украинского населения села Родино Родинского района Алтайского края во второй половине XX века	214
<i>С. М. Михайлова</i>	Проволочные серьги якутов	217
<i>А. В. Мусиенко</i>	Особенности государственного устройства у средневековых номадов Северо-Восточной Азии (На примере государства Бохай)	219
<i>А. Д. Подольская</i>	Щелок и другие моющие средства санитарии и личной гигиены русской семьи Алтая	220
<i>А. А. Семенов</i>	Истоки захоронения с конем в Якутии	222
<i>А. В. Шайдуров</i>	Фольклор народов Алтая как источник этнической истории	224

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

<i>М. Е. Голубев, О. А. Голубева</i>	Проблема комплектования русской коллекции в этноэкологическом музее-заповеднике «Тюльберский городок» Кемеровского муниципального района	227
<i>В. А. Докучаев</i>	Предметы китайского «импорта» в собрании Музея археологии и этнографии АлтГУ	229
<i>Л. В. Долгополова, А. В. Сутелова</i>	Петроглифы на горе Георгиевской: проблемы и перспективы музеефикации	231
<i>А. И. Зуева</i>	Использование результатов археологических исследований при реконструкции оборонительных сооружений острогов	233
<i>А. С. Кинёва</i>	Народные рисунки хакасов на каменных плитах из фондов музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета	235
<i>У. С. Конь, И. Ю. Понкратова</i>	История города Гижигинска (1650-е – 1920-е гг.)	237
<i>К. В. Лазарева</i>	Традиционная культура в государственных программах сохранения культурного наследия Республики Корея	239
<i>Л. С. Лебедева</i>	К вопросу о сохранении археологических памятников на о. Завьялова (Магаданская область)	241
<i>Я. М. Мамуль</i>	«Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области» в деле популяризации и развития археологии в регионе (2003-2018 гг.)	242
<i>А. В. Образцова, А. Ю. Халтаева</i>	Енисейская писаница (вопросы изучения, сохранения и музеефикации)	244
<i>И. В. Сирюкин</i>	Этнографические изображения на скалах Тепсея	246
<i>А. С. Чабан</i>	Спасательные археологические раскопки памятника Хитровка-2 на территории Амурской области, 2018 г.	249

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>О. Е. Кравченко, Е. Д. Москвичева</i> Фотограмметрические методы при рекогносцировке, обследовании и картировании объектов археологического наследия	252
<i>Э. В. Лавриненко</i> К вопросу о формировании и перспективах бренда РАЭСК	254
<i>А. К. Яроцук</i> Кыпчакские каменные изваяния Казахстана: опыт 3d-реконструкции	255

МАТЕРИАЛЫ ИНОСТРАННЫХ УЧАСТНИКОВ
НА ЯЗЫКЕ ОРИГИНАЛА

<i>М. Н. Абдрахманов (М. Әбдрахманов)</i> Возможности использования ГИС-приложения в казахстанской археологии	258
<i>Ван Юйфу, Бао Шугуан, Ши Янь (王禹夫, 包曙光, 石岩)</i> Применение технологии визуализации в археологии местонахождения у нефтебазы Лянцзы в г. Фуюань	260
<i>До Имэн (多奕蒙)</i> Очерк культуры Сяонаньшань	264
<i>Лю Юэмин (刘月鸣)</i> Изучение изображений животных в культуре кайо	267
<i>Лю Ян (刘杨)</i> О перемещении столицы Чжу Ди	271
<i>Сунь Сяо (孙熙尧)</i> Исследование миграций скотоводческих культур в степях Евразии на основе анализа распространения в орнаментации звериного стиля	275
<i>Тянь Пань (田攀)</i> Исторический взгляд на археологию Китая	278
<i>Тянь Пань, Ши Ханьда (田攀, 施汉达)</i> Исследование золотых изделий доцинского периода в Северном Китае	280
<i>Чэнь Додуоу (陈豆豆)</i> Древняя расписная керамика в долине реки Или и её связь с гончарными традициями соседних регионов	283
<i>Чжан Синьюэ (张欣悦)</i> Предварительное изучение конской упряжи племен мохэ и Бохая	292
<i>Чжан Сюэвэй (张雪薇)</i> Изучение каменных артефактов местонахождения Сифэньчан в районе фермерского хозяйства уезда Сунькэ провинции Хэйлунцзян	297
<i>Юй Лян (于梁)</i> Скипетр и его навершие	301
<i>Юй Сяосяо (余肖肖)</i> Исследование останков животных культуры нижнего слоя Сяцзядянь	304

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Секция «ПАЛЕОЛИТ — МЕЗОЛИТ»

<i>А. А. Уланов, А. В. Тетенькин</i> Новые данные о местонахождении Павлова I. Технологический контекст каменного производства	310
<i>С. Ю. Хохлов</i> Геоархеологическое местонахождение Буреть. Новые данные	312

Секция «НЕОЛИТ — ЭНЕОЛИТ»

- С. А. Печенин*
Голоценовый комплекс геoarхеологического местонахождения Буреть (Падь Сухая III)
по результатам работ 2018 года 314
- И. В. Уланов, А. В. Веренская*
Результаты экспериментальной проверки одной из гипотез по конструированию сосудов
хайтинского типа 316

Секция «БРОНЗОВЫЙ ВЕК»

- Е. Н. Солдатченкова*
Домашние животные в погребальном обряде культур начальной поры эпохи поздней бронзы
Волго-Уральского региона (синташтинская, петровская и покровская культуры) 319

Секция «РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК»

- О. С. Комарова*
Морфологический анализ керамики каменско-маковского типа селища Дом Отдыха-3
на Нижнем Енисее 321

Секция «СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ»

- Р. Р. Утягулова*
О ранних импортах по материалам Билярского городища на примере керамики типа «Сари» ... 323

Секция «АНТРОПОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ»

- А. С. Свидовская*
Духовные стихи в похоронной обрядности потомков украинских переселенцев
Алтайского края 325
- К. О. Сопова*
Культура жизнеобеспечения русского населения Западной Сибири по этнографическим,
архивным и археологическим материалам 327
- Р. М. Харитонов*
Новые данные о бурятском луке (по материалам семейных архивов) 329

- Список сокращений 333

ИСТОРИОГРАФИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ АРХЕОЛОГИИ

УДК 902+930

Основные открытия и значение археологических работ М. Уле в южной части Перу в 1899-1905 гг.

И. Д. Долгушин

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск

Макс Уле (Max Friedrich Uhle, 1856–1944) по праву считается одним из основоположников всей южноамериканской археологии. Им было исследовано большое количество памятников в центральноандском и тихоокеанском регионах, впервые составлена хронологическая последовательность для местных культур; кроме того, им же был проведён ряд раскопок в Аргентине и США (Калифорния).

Для археологии Перу значение работ Макса Уле особенно велико, недаром его называют «отцом перуанской археологии» – как, к примеру, в подзаголовке сборника Дж. Х. Роу [Rowe, 1954]. М. Уле не только исследовал множество археологических памятников, открыв, выделив и датировав ряд культур, но и заложил основу для дальнейших исследований региона – прежде всего, связанных с именами видных ученых А. Л. Крёбера и Х. С. Тельо, которые в значительной мере опирались именно на работы М. Уле.

В настоящей работе рассматривается лишь один эпизод работ М. Уле в Перу — раскопки в южной части страны, проводившиеся при поддержке Калифорнийского университета в 1899–1905 гг. К этому времени относятся раскопки многочисленных памятников в долинах южноперуанских рек, относимых к культурам наска и чиму, а также важные работы на памятнике Анкон, где были исследованы раковинные кучи, относящиеся к раннему периоду.

Впервые же Перу М. Уле посетил ещё в 1895 г., после своего долгого пребывания в Боливии. Проведя ряд важнейших исследований, в частности, на знаменитом памятнике Тиауанако, М. Уле был вынужден покинуть Боливию

из-за сложившейся неблагоприятной политической обстановки и переехал из Ла-Паса в Лиму.

При финансовой поддержке Пенсильванского университета Филадельфии он проводит раскопки на расположенном близ перуанской столицы памятнике Пачакамак. Здесь, в административном центре империи инков, было сделано множество уникальных находок, большинство из которых сейчас находятся в собрании Музея археологии и антропологии Пенсильванского университета; тогда же М. Уле была впервые в истории южноамериканской археологии предложена хронологическая последовательность для культур Центральных Анд. Им было выделено четыре периода – ранний (pre-Tiahuanaco), период Тиауанако, доинкский и инкский периоды [Табарев, 2006].

Снова М. Уле приезжает в Перу в 1899 г. – теперь организатором экспедиции выступал Калифорнийский университет. В это время его научные интересы сосредоточились в южных областях Перу – свои раскопки он проводил в долинах рек Чинча, Ика и Наска.

Интерес к археологии этого региона появился у М. Уле рано – ещё во время работы в Берлинском этнографическом музее в 1888–1892 гг. В то время директор музея Адольф Бастиан приобрёл у некоего Хосе Мариано Оседы, врача и археолога-любителя из перуанского города Пуно, небольшую коллекцию керамических сосудов, ныне относимых к культуре наска [Oferici, 1998, с. 218]. М. Уле имел возможность ознакомиться не только с самими находками, но и с подробными записями Оседы о месте и обстоятельствах их обнаружения. Теперь же ему представилась возможность изучить эту

до тех пор почти не известную культуру не по отдельным разрозненным находкам, но в ходе масштабных археологических раскопок.

22 сентября 1900 г. М. Уле начинает раскопки в долине Чинча и ведёт их до начала декабря, после чего переезжает в долину Ика, где работает до мая 1901 г. В ходе этих работ М. Уле была локализована культура ранней наски и, кроме того, раскопаны уникальные погребения инкского периода с богатым инвентарем – изделиями из дерева, драгоценных камней, золота и серебра.

В конце лета и осенью того же года М. Уле посетил долину Писко, где его заинтересовали остатки инкской дороги – здесь начинался древний путь к андскому высокогорью. Здесь же он осмотрел хорошо сохранившийся инкский дворец в Тамбо Колорадо; затем, следуя по маршруту инкской дороги, поднялся в Анды и, изучив инкскую застройку в городе Уайатара, вернулся в Лиму, откуда отплыл в Сан-Франциско, чтобы доставить собранные коллекции в Калифорнийский университет.

В 1903 г. М. Уле вновь отправляется в Перу. С января по май 1904 г. он раскапывает раковинные кучи в Анконе – опыт изучения такого рода памятников М. Уле получил в Калифорнии, а на самом памятнике Анкон он уже работал в 1897–1898 гг., во время своей первой экспедиции в Перу. Раковинные кучи были ошибочно датированы возрастом ок. 2 тыс. лет – тогда как реальный их возраст должен быть оценен примерно в три раза старше; однако М. Уле верно отнес их ко времени примитивных рыболовов и собирателей.

В Анконе же была найдена черная керамика с простым орнаментом в виде насечек. Эти находки М. Уле определил в начало культурной последовательности региона, аргументируя её примитивностью; сейчас бедность раннеанконского инвентаря в большей степени принято объяснять экономическими соображениями, однако стратиграфически он действительно относится к раннему периоду [Rowe, 1954, с. 10].

После завершения работ в Анконе М. Уле некоторое время работал в долине реки Чанкай, где была обнаружена керамика двух различных типов, отнесённая М. Уле к раннему периоду (pre-Tiahuanako). В это самое время с ним случился инцидент, чуть не закончившийся плачевно, — упав в глубокую траншею, он серьезно повредил шею. Тем не менее работы продолжались; осенью М. Уле посетил долину реки Супе и приступил к раскопкам на памятнике Чиму Капак (Chimu Saras), где было обнаружено много хорошо сохранившихся изделий из дерева и текстиля. Поблизости было открыто два памятника раннеанконского типа.

В начале 1905 г. М. Уле совершает длительную поездку в Куско, а вернувшись на побережье, вновь посещает долины Наски и Ики, собрав коллекцию керамики культуры ранней наски. Затем он приезжает в Лиму и с начала 1906 г. по просьбе перуанского правительства занимается организацией государственного музея, где он стал директором Отделения археологии и диких племен (Seccion de la Arquelogia y de las Tribus salvajes).

Основываясь на своих исследованиях в Южном Перу, М. Уле подтвердил ранее предложенную им хронологическую схему, которая, по его мнению, должна была, с учетом древнейших памятников Анкона, охватить более 2 тыс. лет. Были сделаны справедливые выводы о том, что в доинкскую эпоху в регионе уже существовали развитые культуры со сложным социальным, политическим и экономическим устройством.

Открытия М. Уле заложили основу для дальнейшего археологического изучения региона. Особенно следует отметить деятельность Альфреда Луиса Крёбера (Alfred Louis Kroeber, 1876–1960), одного из крупнейших американских археологов первой половины XX в. Первоначально свои исследования А. Крёбер проводил в значительной мере на материале коллекций М. Уле; также работая в Калифорнийском университете, он проявлял большой интерес к его исследованиям. Позднее А. Крёбером был опубликован ряд работ, посвященных классификации и интерпретации материалов памятников Южного Перу – в долинах рек Чича, Ика, Наска и др.

Таким образом, работы М. Уле стали основополагающими для всей перуанской археологии и не теряют своего значения по сей день.

*Научный руководитель —
А. В. Табаров, д-р ист. наук,
ведущий научный сотрудник
Институт археологии и этнографии
СО РАН*

Список литературы

- Macedo J. M. Catalogue d'objets archéologiques du Pérou de l'ancien empire des Incas. Paris: Imprimerie Hispano-Américaine, 1889
- Oferici G. Max Uhle y las investigaciones arqueológicas en la región de Nasca// Indiana, vol. 15, Berlin: Ibero-Amerikanisches Institut, 1998. – pp. 217–255
- Rowe J. H. Max Uhle, 1856–1944: a Memoir of the Father of Peruvian Archaeology, Los Angeles: University of California Press, 1954. – 139 p.
- Rueche L. Happy 159th Birthday Max Uhle (1856-1944): Father of Peruvian Archaeology, Philadelphia, 2015 URL: <https://www.penn.museum/>
- Табарев А. В. Введение в археологию Южной Америки: Анды и Тихоокеанское побережье. – Новосибирск: Изд-во «Сибирская научная книга», 2006. – 244 с.

Major Discoveries and Importance of Max Uhle's Archaeological Research in South Peru (1899–1905)

I. D. Dolgushin

Max Uhle (Max Friedrich Uhle, 1856–1944) was one of the founders of all South American archaeology. He is known as a «Father of Peruvian archaeology». His discoveries in South Peru, in Nazca, Chincha and Pica valleys and on the Ancon archaeological site have laid the foundation for further research of the region (firstly I mean researches by A.L. Kroeber and J.S. Tello). Uhle's works remain valid to this day.

Keywords: Max Uhle, Nazca, Chima, Ancon, Alfred Kroeber

Долгушин Иван Дмитриевич

студент 3-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: i.dolgush@mail.ru

Dolgushin Ivan Dmitrievich

3rd year student

Novosibirsk State University

e-mail: i.dolgush@mail.ru

УДК 902

Археологическая разведка при реализации проекта «Вахта памяти», 2018 год

Е. И. Иванушко, В. Г. Киселев

Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск

В период Великой Отечественной войны на территории Волгоградской области происходили одни из самых ожесточенных сражений. В ходе боев погибло более 1 миллиона воинов. Многие советские солдаты считаются пропавшими без вести, и в последнее время у родственников павших воинов возникает желание узнать о судьбе своих близких. Проект «Вахта памяти» помогает этим людям обнаружить какие-либо сведения о погибших.

Целью проекта «Вахта памяти» является увековечивание памяти солдат, погибших при защите Отечества в годы Второй мировой войны.

Задачи проекта: обнаружение неизвестных братских и одиночных боевых и госпитальных захоронений в полосе действий 96-й стрелковой дивизии; перезахоронение останков в действующие военно-мемориальные кладбища; введение в исторический оборот сведений, полученных в ходе реализации проекта, согласно ФЗ «Об увековечивании памяти погибших при защите Отечества» [ФЗ № 4292-1].

С 2016 года в районе г. Серафимович Волгоградской области сводный поисковый отряд Амурской области начал вести поисковые мероприятия.

В 2017 году, основываясь на данных, полученных от местных жителей, поисковый отряд провел поисковые работы в районе хутора Берёзки, близ г. Серафимович, где было обнаружено место захоронения солдат Красной Армии. Проведенные мероприятия частично позволили установить количество могил в ряду. Одна из могил была вскрыта для установления количества захороненных воинов [Кулигина, Максимович, 2018].

В 2018 г. в рамках проекта «Вахта памяти» было продолжено исследование санитарного захоронения вблизи хутора Берёзки. Состав

поискового отряда был сформирован из числа студентов Благовещенского педагогического университета, руководителем экспедиции назначен сотрудник БГПУ О. А. Шеломихин. Целью экспедиции было установление точных границ неучтенного места захоронения солдат 96-й «Амурской» стрелковой дивизии.

Для выполнения поставленной цели была исследована местность на северо-западной окраине хутора Березки, к северу от современного кладбища, где в ходе полевых работ 2017 года были зафиксированы следы погребений.

Для реализации задач 2018 года использовались археологические и математические методы с применением результатов аэрофотосъемки и проецирования ее на современную дневную поверхность в исследуемом районе.

Заложенные 16 археологических шурфов, площадью 2x2 м, позволили зафиксировать ряды и линии могильных пятен, определить границы их распространения на местности.

Территория обнаруженных могил располагается к северу от современного сельского кладбища и не обозначена на поверхности, подвержена воздействию антропогенных факторов (автодорога, противопожарная полоса), что вызывает озабоченность о будущей сохранности участка погребения.

По итогам выполненных работ сведения об обнаруженных границах захоронения были переданы местной администрации для принятия ряда мер по увековечиванию памяти павших при защите Отечества, таких как: установка обозначающих знаков на месте массового захоронения; предупреждение ведения на участке сельскохозяйственных работ; информирование местного населения.

Таким образом, археологическая разведка позволила обнаружить неучтенные захоронения рядом с хутором Берёзки и определить его границы. В дальнейшем это позволит решить вопрос о дальнейшей судьбе захоронения, провести мероприятия по выяснению личностей погибших и переносу их останков в мемориальное захоронение [ФЗ № 4292-1].

*Научный руководитель — Д. П. Волков,
директор Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области,
научный сотрудник Амурской лаборатории
археологии и этнографии ИАЭТ СО РАН*

Список литературы

Кулигина С. Е., Максимович М. Н. Использование археологических методов в работе над проектом «Вахта памяти» // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты : материалы LVIII Рос. (с международным участием) археол.-этногр. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Омск, 25–27 апреля 2018 г.) / отв. ред. М. Л. Бережнова, И. В. Толпеко. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. – С. 19–20.

Федеральный закон «Об увековечивании памяти погибших при защите Отечества» от 14 января 1993 г. №4292-1 (ред. От 19 июля 2018.) // СПС «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15556/ (дата обращения: 15.01.2019).

Archeological Exploration Done with the Assistance of Project «Vakhta Pamyati» in 2018 year

E. I. Ivanushko, V. G. Kiselev

At this article there is a description of the activity which is done by the consolidated search group of the Amur region connected with the project «Vakhta pamyati». This description is mostly focused on the archeological works of 2018 year. The main goals, tasks and results of this search expedition are set in archeological exploration implementing project «Vakhta pamyati» at 2018 year.
Keywords: Vakhta pamyati, Amur region, archeological

*Иванушко Евгений Иванович
Киселев Владимир Геннадьевич*
студенты 4-го курса
Благовещенский государственный
педагогический университет
e-mail: vladimir_2402@bk.ru

*Ivanushko Evgeniy Ivanovich
Kiselev Vladimir Gennadievich*
4th year students
Blagoveshchensk State Pedagogical
University
e-mail: vladimir_2402@bk.ru

УДК 902/904

К истории исследования органических ретушеров палеолита

А. С. Колясникова

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск

В палеолитических костяных индустриях широко распространены орудия, использовавшиеся древним человеком в качестве ретушеров. В археологии ретушер обозначает орудие, используемое для преобразования края каменного инструмента или подправки его края, затупившегося в процессе использования. Ретушеры часто выполнялись на необработанных фрагментах костей, в некоторых случаях они имеют следы обработки – например, подтески края для придания заготовке нужной формы [Mozota, 2017].

В последние годы органические ретушеры были обнаружены не только в среднем и верхнем палеолите, но и в нижнепалеолитических комплексах (см., например: [Verna, d'Errico, 2011; Mallye, Thiébaud, Mourre et al., 2012]). Такие находки вызывают большой интерес исследователей, потому что присутствие костяных ретушеров еще на ранних этапах палеолита свидетельствует о высоком уровне когнитивных способностей древних гоминин.

В данной работе рассматриваются основные исследования и методы, применяемые при изучении органических ретушеров, а также географическое распространение и хронологический контекст обозначенных орудий. Нами рассмотрены исследования ретушеров эпохи палеолита, но следует отметить, что костяные ретушеры присутствуют как в мезолитических [David and Pelegrin, 2009], так и в неолитических комплексах [Taute, 1965].

Первые упоминания костяных ретушеров в научной литературе встречаются в конце XIX века [Leguay, 1877; Daleau, 1883]. Л. Генри-Мартин первым провел исследование этого типа костяных орудий из фаунистического материала мустьерского слоя грота Ля Кина (1907–1910). С 1970-х годов исследователями было обнаружено большое количество костяных ретушеров на палеолитических стоянках Европы, среди таких стоянок Пещера Кульна в Чехии [Valoch, 1988], Абриго Таглиенте в Италии [Leonardi, 1979] и

др. В течение 1970-х – 2000-х годов были исследованы и опубликованы десятки новых исследований ретушеров [Mozota, 2012].

Костяные ретушеры были обнаружены и за пределами Европы, например, в среднепалеолитических слоях пещеры Бломбос (Южная Африка) [Henshilwood et al., 2001] и Умм-эль-Тлель (Сирия) [Voëda et al., 1998].

В октябре 2015 г. в Ганновере была проведена конференция, посвященная исключительно костяным ретушерам. Ее участники представили результаты исследований неформальных костяных орудий, найденных на территориях Германии, Франции, Великобритании, Испании, Италии, Чехии и Израиля (Retouching the Palaeolithic: Becoming Human and the Origins of Bone Tool Technology, 2015, Ганновер).

В отечественной науке одно из первых исследований костяных ретушеров было проведено С. А. Семеновым в 1957 г. на материалах восточно-европейских средних и верхнепалеолитических археологических памятников, таких как Кийк-Коба и Костенки [Семенов, 1957]. Для среднепалеолитических стоянок Кавказского региона ретушеры были изучены В. П. Любиным и А. К. Филипповым [Любин, 1994].

Для территории Горного Алтая среднепалеолитический костяной инструментарий впервые выделен в 2016 г. [Колобова и др. 2016]. На сегодняшний день в Чагырской пещере найдено 1200 костяных орудий, большинство (ок. 90 %) из которых ретушеры. В 2017 г. в рамках междисциплинарного изучения комплексов среднего палеолита Чагырской пещеры была проведена серия экспериментов, одной из задач которых было создание ретушеров из кости и их использование [Федорченко, Селецкий, Боманн, Колобова, 2017].

Экспериментальные исследования костяных ретушеров проводились многими специалистами в XX и начале XXI вв. [Vincent, 1993; Armand and Delagnes, 1998; Tartar, 2002; Daujeard, 2008; Mallye et al, 2012]. Л. Сире (1925) одним из первых опубликовал результаты экспериментов по ретушированию каменных орудий при помощи фрагментов костей и пришел к выводу, что фрагменты диафизов со следами использования были не наковальнями, как предполагалось до него, а ретушерами, которые использовались в качестве активных орудий для обработки каменных инструментов [Mozota, 2015]. В рамках изучения археологических материалов стоянки Ля Кина (Charente, Франция), П. Г. Чейз провел серию экспериментов. По их результатам он доказал, что исследуемые им костяные орудия были использованы в качестве ударных инструментов для ретуширования краев кремня [Chase, 1990].

Методы анализа костяных ретушеров, основанные на классификации метрических показате-

телей и морфологических особенностей данного типа орудия, были описаны и применены различными отечественными и зарубежными исследователями [Любин, 1994; Armand and Delagnes, 1998; Malerba and Giacobini, 1998; Veselsky, 2008; Mozota, 2009; Mallye et al., 2012]. Большинство исследователей согласны с методом, приведенным в работе Ж.-Б. Мали [Mallye, 2012]. Его метод включает классификацию ориентации следов, их расположения на поверхности ретушера и их морфологию, стандартизируя основные данные наблюдений. Следы на ретушерах делятся на ямки округлой или треугольной формы и штрихи-насечки. Активные площадки делятся на 4 варианта по расположению (латеральное слева, латеральное справа, по центру, дистальное, близко к краю) и 4 варианта по их характеру (изолированные, рассеянные, плотно собранные, перекрывающие друг друга).

В последние годы исследователями часто поднимается вопрос о каннибализме среди неандертальцев. Недавние находки из грота Гойе в Бельгии доказывают, что неандертальцы в Северной Европе делали орудия не только из костей животных, ими использовались также кости своих же соплеменников. В 2016 г. было опубликовано исследование трех фрагментов большеберцовой кости и одного фрагмента бедренной кости человека, некогда служивших ретушерами [Hélène Rougier et al, 2016]. Ученые пока не могут с уверенностью сказать, были ли эти кости остатком ритуала или пищевыми остатками. Ранее уже были известны случаи использования костей человека в качестве ретушеров, например, в гроте Ля Кина во Франции были найдены три фрагмента черепа, а на стоянках Крапина (Хорватия) и Ле Прадель (Франция) известны костяные ретушеры из бедренной кости человека [Patou-Mathis M., 1997; Mussini C., 2011; Verna and d'Errico, 2011].

Количество научных работ, посвященных исследованию костяных ретушеров, велико. На основе рассмотренных работ мы видим вариативность методологических подходов в истории изучения ретушеров из кости. За последние годы были разработаны и применены новые методы, которые позволяют исследователям стандартизировать основные характеристики этих орудий.

Научные руководители:

*С. К. Васильев, канд. биол. наук,
старший науч. сотрудник*

*А. И. Кривошапкин,
д-р ист. наук, профессор РАН
зам. директора по науч. работе
Институт археологии и этнографии
СО РАН*

Список литературы

Филиппов А. К., Любин В. П. Костяные ретушеры из мустьерского слоя и пространственное распространение культурных остатков // Неанд. Гуппского ушеля на Сев. Кавказе / Под ред. В. П. Любина. – Майкоп: Меоты, 1994. С. 142–147.

Kolobova K. A., Markin S. V., Chabai V.P. Bone retouchers in the Middle Paleolithic complexes of Chagyrskaya Cave. Theory Pract. Archaeol. Res. 2016; P. 35–39.

Mallye J.-B., Thiébaud C., Mourre V., Costamagno S. The Mousterian bone retouchers of Noisetier Cave: experimentation and identification of marks // Journal of Archaeological Science, 2012. Vol. 39. P. 1131–1142.

Mozota M. Experimental programmes with retouchers: where do we stand and where do we go now? In: Hutson J. M., García-Moreno A., Noack E. S., Turner E., Villaluenga A., Gaudzinski-Windheuser S. The Origins of Bone Tool Technologies; Verna C., d'Errico F. The earliest evidence for the use of human bone as a tool // Journal of Human Evolution, 2011. Vol. 60. P. 145–157.

Rougier H., Crevecoeur I., Beauval C., Posth C., Flas D., Wissing C., Furtwängler A., Germonpré M., Gómez-Olivencia A., Semal P., van der Plicht J., Bocherens H., Krause J. Neanderthal cannibalism and Neanderthal bones used as tools in Northern Europe. Scientific Reports. DOI: 10.1038/srep29005

History of Paleolithic Organic Retouchers Study

A.S. Koliashnikova

The paper addresses the issue of the bone retouchers studies published from the very beginning of those investigations. We discussed the general investigation methods as well as geographical and chronological contexts of Paleolithic bone retouchers. Based on the reviewed articles we distinguished the variability of the methodological approaches and wide geographical and chronological distribution of Paleolithic bone retouchers.

Keywords: Bone retouchers, Paleolithic, Methodology

Колясникова Анастасия Сергеевна

студентка 3-го курса

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет

e-mail: kns0471@gmail.com

Koliashnikova Anastasiia Sergeevna

3rd year student

Novosibirsk National Research
State University

e-mail: kns0471@gmail.com

УДК 902: 930.25 (282.257.5)

Первые научные раскопки в бассейне Амура

М. В. Константинов

Забайкальский государственный университет, Чита

Т. А. Константинова

Государственный архив Забайкальского края, Чита

В Госархиве Забайкальского края (ГАЗК) выявлен документ, свидетельствующий о проведении академиком Г. Ф. Миллером археологических раскопок в бассейне Амура, на реке Шилке. Он представлен в фонде канцелярии Нерчинского воеводства и определен как промемория, т. е. деловое письмо [ГАЗК. Ф. 10. ОП. 1. Д. 25. Л. 118–119, об. 119]. Его подписал «Академии наук профессор Г. Ф. Миллер своим и своих товарищей именем». Письмо направлено из Аргунского (Нерчинского) Завода в 1735 г. и адресовано Нерчинскому воеводе Г.Ф. Деревнину. Ниже приводится текст документа:

«Промемория из Камчатской Экспедиции от профессора Академии Наук в Нерчинскую Воеводскую Канцелярию

Понеже мы ради изъяснения древней истории и ради исследований, какие в прежние годы в Нерчинском уезде народы жили, так же и ради собирания Императорскую Кунст камеру древних любопытных вещей, за потребно разсудили, что некоторые из старых иноземских могиль раскопать, и имевшиеся по левой

стороне Шилки против Нижняго городища места, где таких могиль довольно находится, къ тому за наиспособнейшие признали: Того ради отправили мы для сего изследования команды нашей Студента Алексея Горланова с инструкцией, чтобъ ему требовать от Нерчинской воеводской канцелярии шесть человекъ служивыхъ людей на вспоможение, да указ Городищенской слободы къ припашину, чтобъ ему давать на работу из тамошни жителей на каждой день по десяти человекъ мочных людей съ киркой и съ железными и деревянными лопатами: А ежели таких снастей в Городищенской слободе не имеется то требовать бы ему оны от Нерчинской Воеводской Канцелярии. Нерчинская Воеводская Канцелярия да благоволят о всемъ вышеописанномъ чего он требовать будетъ, учинить по Ее Императорского Величества Указу Академии Наук Профессор Герардъ Фридрихъ Миллер своимъ и своих товарищей именем. Подпись (автограф) Июля 15 дня 1735 году Съ Аргунских серебряныхъ Заводовъ».

На левом боковом поле лицевой части листа сделана канцелярская помета: «№. 292 = июля 19 дня 1735 года чрез Студента Алексея Горланова».

На оборотной стороне листа в его нижней части и в верхней части другого листа (всего 17 строк) представлен текст приговора (распоряжения), отданного Нерчинским воеводой Г. Ф. Деревниным:

«1735 году июля дня Получил съ Ее Императорского Величества в Нерчинскую Канцелярию Воевода Господин Гаврило Федорович Деревнинъ вышестоящую промеморию Слушай Приговоръ по сей оно промемории. Для копки вверх по Шилке реке по левую сторону против Нижнего городища отправить шесть человек служивых людей и выдать имъ из казны для той копки три лопатки железные две тупицы одну пешню... а в Городищенскую Слободу с припашену послать Указ в котором написать, чтобъ ему по получении того Указа как прибудет в ту Слободу Студентъ Алексей Горланов со служилыми людьми и станеть требовать для работы тамошны обывателей по десять человекъ на день мочныхъ людей с переменной с тупицами железными и деревянными лопатами безо всякого задержания отправлять а се приготовить за ... Воевода Гаврило Деревнин».

На левом боковом поле сохранилась канцелярская помета о том, что эта запись сделана «1735 года июля 23 дня».

Приведенный документ свидетельствует о том, что Г. Ф. Миллер организовал археологические раскопки древних курганов с научной целью. Государственная власть оказывала существенное содействие научным исследованиям. Г. Ф. Миллер опирался на «Ее Императорского Величества Указ», т. е. фактически действовал «именем Императрицы». А. Горланову были

даны полные инструкции, согласно которым он раскопал 15 могил. По докладу молодого исследователя он нашел в них только один обломок черепа человека. Г. Ф. Миллер посчитал полученные результаты недостаточными и на обратном пути из Читинска к Байкалу выявил новый могильник такого же характера; он находился на реке Уде (в бассейне Селенги) и состоял из десяти погребений. Он раскопал два погребения, при этом в обоих обнаружил части человеческих скелетов, а в одном из них еще и лошадиные кости. Результаты исследований Г. Ф. Миллер использовал при создании «Истории Сибири» [Миллер, 2005].

Археологические методы исследования в соотношении с этнографическими наблюдениями позволили ему начать свой труд с главы «События древнейших времен до Русского владычества». В ней он отмечал, что в разных местах в степях видел древние укрепления, каменные изваяния, старинные могилы и принадлежащие им предметы. В числе богатых на памятники мест ученый называл Даурию с Аргуною, Ононом и Шилкой. Он оценивал памятники как подлинные исторические свидетельства прошлых эпох и связывал их с эпохой Чингисхана и его последователей. Своим отношением к древним памятникам, включая приемы их исследования, Г. Ф. Миллер, несомненно, весьма способствовал становлению науки о древностях в России. Архивные материалы подтвердили факт проведения Г. Ф. Миллером раскопок древних погребений в верхней части бассейна реки Амур с глубоко осознанной научной целью, заключенной в формуле «ради изъяснения древней истории».

Список литературы

Миллер Г. Ф. История Сибири. Издание третье. В 3-х т. М., 2005

The First Scientific Excavations of the Amur River Basin

T. A. Konstantinova

In the State Archives of the Zabaikalsky Krai a document was found that testifies to the conduct of archaeological excavations by Academician G.F. Miller in 1735. This document represents a promemoria addressed to Nerchinsk voivode G.F. Derevnin. According to the document, under the guidance of A.P. Gorlanov, a student of the St. Petersburg Academy of Sciences, 15 ancient burials were excavated in the upper reaches of the Shilka. In the «History of Siberia» G.F. Miller correlated these burials with the era of Genghis Khan.

Keywords: G.F. Miller, promemoria, Transbaikalia, Shilka, ancient burials, era of Genghis Khan.

Константинов Михаил Васильевич

д-р ист. наук, профессор
Кафедра истории
Забайкальский государственный университет

Konstantinov Michail Vasileivich

PhD, professor
Department of History
Transbaikal State University

Константинова Татьяна Андреевна

канд. ист. наук
научный сотрудник
Государственный архив Забайкальского края
e-mail: mk-rus@mail.ru

Konstantinova Tatiana Andreevna

Candidate of History,
researcher
State Archive of Transbaikal Region
e-mail: mk-rus@mail.ru

История археологического изучения Восточного Алтая*

Р. В. Куюков

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск

*Работа подготовлена в рамках проекта РФФИ №18-09-00709 «Комплексное изучение погребальной архитектуры царских курганов скифского времени Алтая на погребально-поминальном ансамбле в урочище Пазырык»

Восточный Алтай – административно это современный Улаганский район Республики Алтай – богат археологическими памятниками. Они разбросаны практически по всем речным долинам, окруженным горами, часто образуя значительные скопления. По насыщенности археологическими памятниками особо выделяются долины рек Большой Улаган, Чулышман и Башкаус. Этот труднодоступный и малоизученный район привлекал многих исследователей, начиная с последней трети XIX века.

Исследования памятников Восточного Алтая начались в 1880 году. Первым исследователем, осмотревшим памятники в этом районе, стал Н. М. Ядринцев [1883, с. 181–205], а через год по его пути прошел А. В. Адрианов. Также в числе первых исследователей был финский археолог Й. Р. Аспелин. Сведения об археологических памятниках, записанные им во время поездки в 1888 году, опубликованы только в 1931 году [Appelgren-Kivalo, 1931]. Первые научные раскопки проведены Н.С. Гуляевым в 1890 году. Тогда был раскопан один курган на реке Большой Улаган, недалеко от устья р. Балыктуюль. В этот период были накоплены ценные сведения по археологическому наследию района.

В 1924 году С. И. Руденко изучил объекты в урочищах Арагол, Мешейлык и Кудырге. В 1925 году А. Н. Глуховым были продолжены раскопки могильника Кудырге и исследованы впускные погребения больших курганов Пазырыка. В 1929 году М. П. Грязнов исследовал четыре кургана Арагола и произвел раскопки Первого Пазырыкского кургана [Абдулганеев, 2006, с. 12–13].

В 1947–1949 годах продолжились работы на Пазырыкском могильнике под руководством С. И. Руденко [1953]. Работавший в этой экспедиции Л. Н. Гумилев в 1948 году зафиксировал несколько археологических памятников, главным образом тюркского времени. Он упоминает каменные оградки выше урочища Тужар и ниже по течению реки на могильнике, который он назвал Балыктуюль, им зафиксированы 139 оградок и 486 балбалов [Гумилев, 1959, с. 105–115]. В этом году А. А. Гавриловой были продолжены раскопки могильника

Кудырге [Гаврилова, 1965].

В 1967 году С. С. Сорокин исследовал два кургана гунно-сарматского времени на Балыктуюльском могильнике и два кургана этого же периода на Пазырыке [Сорокин, 1977]. В 1968 году В. Ф. Чумакаев зафиксировал наскальные рисунки в урочище Теле-Тыт и Кутук-Суу, которые были опубликованы им вместе с С. С. Сорокиным [Сорокин, Чумакаев, 1971].

Наиболее активно памятники Улаганского района стали исследоваться с конца 1970-х годов. В 1977 году Н. М. Зиняков исследовал железоплавильные печи на левом берегу реки Балыктуюль [Зиняков, 1978]. В 1978 году В. Д. Кубарев осмотрел разновременные памятники и зафиксировал гравировки по берегу Башкауса [Кубарев, Кадиков, Чевалков, 1979, с. 237–239]. В 1980 году М. Т. Абдулганеев зафиксировал ряд разновременных могильников у с. Балыктуюль и раскопал поселение афанасьевской культуры [Абдулганеев, Киришин, Кадиков, 1982, с. 64–74]. В этом же году Л. С. Марсадолов провел разведочные работы у сел Улаган и Балыктуюль и зафиксировал 11 памятников [Марсадолов, 1981, с. 195–196]. В 1981 году А. С. Васютин зафиксировал еще ряд памятников у села Балыктуюль в урочищах Кыргызак и Пак-Балык, петроглифы в местности Дялбак и провел раскопки могильников Кок-Паш и Коо [Васютин, 1983, с. 192]. В 1981 году Ю. Т. Мамадаков открыл петроглифы и пять могильников в долине Чулышмана [Мамадаков, 1983, с. 212], в 1985 году провел раскопки четырех курганов на Балыктуюльском могильнике. В 1982–1988 годах А. М. Илюшин исследовал 16 объектов на Пазырыкском могильнике, зафиксировал и обследовал могильники Сары-Кобы I–III [Илюшин, Сулейменов, 1997, с. 93–103], обнаружил петроглифы и шесть могильников Чулышман I–VI [Илюшин, 1985, с. 204]. В 1993 году В. А. Кочеев провел аварийные раскопки на могильнике Межелик. Было исследовано восемь объектов [Кочеев, Ларин, Худяков, 2003, с. 109–132].

В 2000 году Суразаков осмотрел оросительные каналы и курганы по течению реки Чульча, притока Чулышмана [Суразаков, 2003, с. 9–10] Так же сообщается, что А. П. Боро-

довский в 2002 году осмотрел захоронение этнографического времени [Бюллетень археологических исследований, 2002]. В 2017 году на Пазырыкском могильнике стартовали работы по исследованию и рекультивации объектов Пазырыкского могильника, которые реализуются совместной экспедицией ГАГУ и Государственного Эрмитажа.

Исследования Восточного Алтая дали ценные материалы для изучения древней и средневековой истории не только Алтая, но и многих культур степного пояса Евразии. Изучение курганов Пазырыкского могильника С. И. Руденко и М. П. Грязновым принесли мировую известность алтайской археологии. Большие курганы Пазырыка, в которых благодаря мерзлоте сохранилось в первозданном виде большое количество предметов из органических материалов, стали самыми ценными и почитаемыми у местного населения. Интересные сведения о раскопках содержатся в воспоминаниях местных жителей, участвовавших в раскопках на Пазырыкском могильнике в 1940-е гг. Самые интенсивные исследования памятников долины реки Большой Улаган проводились в конце 1970-х – 1980-е годы. Именно в это время было открыто и зафиксировано большее количество объектов, чем в другие этапы исследования.

Научный руководитель —

*Н. А. Константинов, канд. ист. наук,
старший научный сотрудник*

Музейный комплекс

Горно-Алтайский государственный университет

Список литературы

Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildmaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. – Helsingfors, 1931. – 48 p. – 71 p. (abb.)

Абдулганеев М. Т. Афанасьевские некрополи Средней Катуни и Большого Улагана: локальные особенности погребальной обрядности // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 2006. – С. 419.

Абдулганеев М. Т., Кирюшин Ю. Ф., Кадинов Б. Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 1982. – С. 52–57.

Бюллетень археологических исследований 2002 года в Горном Алтае. – Горно-Алтайск, 2002. – Вып. 1. – 24 с.

Васютин А. С. Исследования древнетюркских оградок в Горном Алтае // АО 1981 года. – М.: Наука, 1983. – С. 192.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. // М. – Л.: 1965. С. 144.

Гумилёв Л. Н. Алтайская ветвь тюркок-тугю // Советская археология. – 1959. – № 1. – С. 105–114.

Елин В. Н., Васютин А. С. Новые материалы предтюркского времени из Восточного Алтая // Проблемы степей Евразии. Советско-венгерский сборник. – Кемерово, 1984. С. 35–39.

Зиняков Н. М. Исследование памятников чёрной металлургии в Горном Алтае // Археологические открытия 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 231–232.

Илюшин А. М., Сулейменов М. Г. Раскопки археологических памятников в долине реки Улаган в 1987–1988 гг. // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. – Вып. 2. – С. 93103.

Илюшин А. М. Исследования в долине реки Чулышман // Археологические открытия 1983 года. – М., 1985. – С. 204.

Константинов Н. А., Вавулин М. В., Зайцева О. В., Урбушев А. У. Обследование археологических памятников долины реки Большой Улаган (Восточный Алтай) // Древности Сибири и Центральной Азии. № 9(21). – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2018. – С. 17–33.

Кочеев В. А., Ларин О. В., Худяков Ю. С. Раскопки могильника Межелик // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – Выпуск 1. – С. 109–132.

Кубарев В. Д., Кадинов Б. Х., Чевалков Л. М. Разведки по рекам Аргут, Чуя и Башкаус // Археологические открытия 1978 года. – М.: Наука, 1979. – С. 237–239.

Мамадаков Ю. Т. Работы Онгудайского отряда // Археологические открытия 1981 года. – М., 1983. – С. 212.

Марсадалов Л. С. Исследования в Онгудайском и Улаганском районах Горного Алтая // Археологические открытия 1980 года. – М.: Наука, 1981. – С. 195–196.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.–Л.: АН СССР, 1953. – 402 с. – 120 табл.

Сорокин С. С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // Археологический сборник государственного Эрмитажа – Л.: Гос. Эрмитаж, 1977. – Вып. 18. – С. 57–67.

Сорокин С. С., Чумакаев В. Ф. Наскальные изображения в районе Пазырыка // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1971. – Вып. X. – С. 140–146.

Суразаков А. С. Отчет по экспедиции на Чулышман в августе 2000 г. // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: 2003. – Вып. 1. – С. 9 – 10.

Яринцев Н. М. Описание сибирских курганов и древностей // Труды Московского археологического общества. – М., 1883. – Т. 9. – Вып. 2, 3.

History of Archaeological Study of Eastern Altai

R. V. Kuyukov

The article is devoted to the history of the archaeological study of Eastern Altai, which is the Ulagan district of the Altai Republic. The paper describes all the discoveries and excavations of archaeological sites from the second third of the XIX century.

Keywords: History of studies, Eastern Altai, excavation, survey, burial ground, kurgans, petroglyphs

Куюков Роман Владиславович

4 курс, бакалавр

Горно-Алтайский государственный университет

e-mail: kuyukov.roman@mail.ru

Kuyukov Roman Vladislavovich

4th year bachelor

Gorno-Altai State University

e-mail: kuyukov.roman@mail.ru

Из истории иркутской палеоэтнологической школы: В. И. Подгорбунский

Д. А. Помляков

Иркутский государственный университет, Иркутск

Основателем Иркутской школы этнологии (палеоэтнологии, археологии) в 20–30 гг. XX столетия по праву считается Б. Э. Петри – выпускник кафедры этнографии и географии Петербургского университета, ученик Ф. К. Волкова [Медведев, 2008].

Менее известен тот факт, что в Иркутск в эти же годы прибывают еще два представителя российской этнологии, воспитанники профессора Б. Ф. Адлера в Казанском университете В. И. Подгорбунский и С. Н. Лаптев [Титова, 2015]. Они активно включаются в научное изучение Сибири, занимаясь географическими, этнографическими и археологическими исследованиями. Став в 1918 г. сотрудниками и преподавателями Иркутского университета, они в подготовку молодых специалистов в области палеоэтнологии вносят вклад не менее весомый, чем внес Б. Э. Петри.

Сведения о научно-педагогической деятельности и жизни «иркутских казанцев» в исторической литературе незначительна. Особенно это касается жизни и научных изысканий В. И. Подгорбунского, о котором имеется краткая заметка в виде некролога [В. И. Подгорбунский, 1962] или же отдельные упоминания в общих обзорных публикациях [Окладников, 1950; Титова, 2015].

В данной статье предполагается восполнить этот пробел, введя в научный оборот значительные и пока мало известные материалы, хранящиеся в различных фондах архивов Иркутской области.

Базовым для проведения исследования послужил широко распространенный в истории биографический метод, когда через жизнеописание отдельного человека дается оценка его личности и деятельности [Репина, 2010].

Василий Иннокентьевич Подгорбунский (28.02.1884 – 21.08.1961) родился в Иркутске в довольно состоятельной семье коллежского советника Иркутской контрольной палаты. По-видимому, уже в детские годы он получает хорошее семейное образование, особенно по части музыки (игра на пианино) и знания иностранных языков (немецкого и французского), а также солидную подготовку в стенах Иркутской гимназии. После окончания в 1912 г. гимназии он зачислен студентом естественного отделения физико-математического фа-

культета Казанского университета (КГУ) (рис. 1, 1, 3).

С этого момента наступает казанский период его жизни (1912–1918). В КГУ он собирается заняться зоологией, но, прослушав курс лекций известного в России географа и этнолога профессора Б. Ф. Адлера, решает специализироваться на кафедре географии и этнографии – по этнографии и археологии Сибири.

С 1913 г. начинаются первые самостоятельные исследования В. И. Подгорбунского. По заданию Общества изучения Сибири (ОИС) он занимается этнографией бурят Кудинской степи и археологическими изысканиями в городе Иркутске и его окрестностях. Последующие экспедиции в 1914–1917 гг. осуществлялись им уже по поручению и финансированию Общества естествоиспытателей КГУ (ОЕКГУ).

В 1914 г. продолжает работать в Кудинской степи. В 1915 г. занимается этнографией тунгусов и археологией в долине реки Шилка у Нерчинска. В 1916 г. изучает археологические объекты Тункинской и Торской котловины. В 1917 г. начинается его первое комплексное исследование Якутии по рекам Май и Алдан. Частично результаты работ публикуются в научных записках ОЕКГУ [АИГУ. Д. № 140. Л. 30–32].

Определяется и специализация молодого исследователя: этнография тюркских, бурятских, тунгусских, якутских народов и археология. В целях углубления знаний по указанной проблематике он в качестве вольнослушателя в 1916–1917 гг. прослушал курс лекций Н. Ф. Катанова по этнографии тюрков и монголов, изучает монгольский язык в Казанской духовной академии. В 1917–1918 гг. становится, помимо учебы в университете, студентом Северо-Восточного археолого-этнографического института в Казани, где слушает курсы антропологии С. А. Теплоухова и тюркологии С. А. Малова. В 1917 г. посещает курсы этнологии и соматической антропологии Д. Н. Анучина в Московском университете.

В конце 1918 г. он в силу неприятия советской власти возвращается в Иркутск, так и не получив документов об окончании университета, что впоследствии стало большим препятствием для занятия соответствующих должностей в Иркутском университете (ИГУ).

1

2

3

4

Рис. 1. 1 – В. И. Подгорбунский (1912 г.); 2 – В. И. Подгорбунский (1939 г.); 3 – метрическая выписка В. И. Подгорбунского (1894 г.); 4 – удостоверение ВСОРГО на проведение археологических и этнографических исследований, выданное В. И. Подгорбунскому (1919 г.)

В Иркутск он прибывает уже одним из наиболее подготовленных специалистов не только в области палеоэтнологии, но и в мультидисциплинарном спектре естественных наук. Активно включается в научную жизнь города.

Его пребывание в Иркутске можно разделить на два периода: 1918–1931 и 1931–1961 гг.

В первом периоде В. И. Подгорбунский, став членом Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСОРГО), по заданию общества проводит ряд экспедиций (рис. 1, 4): в 1918–1925 гг. и в 1927 г. – по этнографии и географии Якутии, в 1921–1923 гг. – по этнографии бурят

и археологии в районах Бохана, Унги, Алари и Ангары. Ведет большую организационную работу во ВСОРГО, став членом его руководящего органа – Распорядительной комиссии, является инициатором создания Якутской секции общества.

С 1920 г. года начинается научно-педагогическая деятельность В. И. Подгорбунского – вначале в ИГУ, где работает до 1951 г. ассистентом на кафедрах общего землеведения, географии и геологии (1920–1925 гг.), сотрудником краеведческого музея (1925–1927) и, наконец, старшим преподавателем и доцентом (1935–1951) на кафедре физической географии ИГУ (рис. 1, 2). По совместительству проводит занятия на географическом и историческом факультетах Иркутского педагогического института, а с 1955 по 1961 гг. в качестве доцента читает лекции на охотоведческом факультете Иркутского сельхозинститута [В. И. Подгорбунский (Некролог), 1962].

В университете он также становится научным сотрудником первого разряда открытого в 1923 г. Биолого–географического научного института. По поручению института им проведены ряд экспедиций по Ангаре, Илимю (1928–1931), изучаются археологические объекты г. Иркутска (1924).

1920-е гг. являются временем его активной публикации результатов своих научных изысканий. В его научном багаже насчитывается 23 статьи в различных изданиях и более 60 рубрикаций в Советской Сибирской энциклопедии.

В 1930-х гг. из-за установления жесточайшего идеологического контроля во время «великого перелома» (1929–1930) публикационная деятельность В. И. Подгорбунского почти прекращается, и только многие подготовленные к изданию работы чудом сохраняются в фондах архивов.

Наступает время различных «чисток» и репрессий неугодных власти элементов. В одну из «чисток» в университете попадает в 1931 г. и В. И. Подгорбунский. В 1932 г. его увольняют из университета, а в 1951 г. арестовывают за контрреволюционную деятельность по «знаменитой» статье 58-10ч. II УК РСФСР [АФСБИО. Д. № 15956. 177 л.]. В результате чего он получает 10 лет лагерей. Выходит досрочно в 1955 г. тяжело больным. Реабилитирован 14 февраля 1990 г.

21 сентября 1961 г. заканчивается жизненный путь В. И. Подгорбунского.

*Научный руководитель – Н. А. Савельев,
канд. ист. наук, доцент
Кафедра мировой истории
и международных отношений
Иркутский государственный
университет*

Список литературы

- АИГУ. Д. № 140. л. 30–32
АИОКМ. 9904. Д. 65.
АФСБИО. Д. 15956. 177 л.
В. И. Подгорбунский (Некролог) // Изв. ВСОРГО. – 1962 г. – №. 60. – С. 167–170.
Медведев Г. И. Иркутская школа археологии // История и историки: 90 лет исторической школы Иркутского государственного университета. – Иркутск: Оттиск, 2008. – С. 37–45.
Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1–2. – 412 с.
Ретина Л. П. История через личность: историческая биография сегодня. – М.: Квадрига, 2010. – 720 с.
Свинин В. В., Сазонова С. А. В. И. Подгорбунский как этнограф и музейный работник // Дуловские чтения 1997 г. (секция археология и этнография): мат-лы докл. и сообщ. региональной науч.-прак. конф. – Иркутск, 1997. – С. 161–165.
Тимова Т. А., Козлов В. Е., Гущина Е. Г. К исследованию в естественно-историческом отношении восточного края России и Сибири, роль общества естествоиспытателей при Казанском университете в развитии этнографии в первой четверти XX века // Былые годы. – 2015. – № 37, вып. 3. – С. 689–696.

From the History of the Irkutsk Paleoethnological School: V. I. Podgorbunsky

D.A. Pomlykov

Previously unknown material of biography about V.I. Podgorbunsky collected and analyzed in this article, and summarized his scientific contribution to the study of archeology and ethnography of the Baikal, Yakutia, Buryatia. The main source of work was archival materials, especially the archives of the ISU and the FSB in the Irkutsk region.

Keywords: historiography, Irkutsk School of Paleoethnology, V.I. Podgorbunsky, archeologist, ethnographer, geologist

Помляков Дмитрий Александрович

1-й курс магистратуры
Иркутский государственный университет,
e-mail: dima-pom@mail.ru

Pomlykov Dmitry Aleksandrovich

1st year undergraduate
Irkutsk State University
e-mail: dima-pom@mail.ru

Проблемы изучения цветовой гаммы древнерусских стеклянных браслетов

Г. М. Сагманова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

Наличие большого числа стеклянных браслетов является характерной чертой древнерусских археологических памятников. Массовый характер обнаружения стеклянных браслетов обуславливает возможность применения в исследовании статистических методов. Как правило, основными показателями, интересующими исследователя, являются форма поперечного сечения жгута браслета, диаметр (как жгута, так и изделия) и цвет стекла.

Цветовая гамма стеклянных браслетов – характеристика, в первую очередь, утилитарно-эстетическая, она непосредственно характеризует предпочтения людей, их вкус, спрос и т. д. Особенности цветовой гаммы могут указывать на происхождение изделий, источник импорта или на возможное существование местного локального производства [Щапова, 1969, с. 106]. Однако именно в исследовании цветовой гаммы стекла кроются значительные проблемы для исследователей. Одна из них – субъективность восприятия цвета. Во-первых, наше восприятие может отличаться от восприятия людей, которые создавали и использовали эти вещи. В. И. Завьялов в своей работе отмечал отсутствие в древнерусском языке термина для обозначения фиолетового цвета, в то время как фиолетовые браслеты составляют значительную долю во многих коллекциях (Завьялов, 2015, с. 180). Во-вторых, разные исследователи могут по-разному идентифицировать цвет стекла. Например, в работах, посвященных анализу стеклянных браслетов, часто проблематичным является визуальное разделение браслетов на оливковые, зеленые, черные или коричневые. Субъективность восприятия цвета и локальные особенности коллекций стеклянных изделий на различных памятниках обуславливают наличие различных интерпретаций цветовой гаммы стеклянных браслетов.

М. Д. Полубояринова в статье, посвященной стеклянным браслетам Новгорода, выделяет 8 цветов стекла: черный, коричневый, зеленый, желтый, бирюзовый, фиолетовый, синий (браслеты синего цвета поделены, в свою очередь, на «кобальтово-синие» и на «медно-синие») и бесцветный [Полубояринова, 1963, с. 178]. Ю. Л. Щапова определяет 7 основных цветов для древнерусских стеклянных браслетов: бирюзовые, желтые, фиолето-

вые, зеленые, синие, коричневые и оливковые. Однако в ряде своих статей она допускает различные вариации цветовой гаммы, например, включая браслеты черного, красно-коричневого цветов [Щапова, 1998, с. 119, 141], [Щапова, 1972, с. 114], [Щапова, 1969, с. 106].

Е. К. Столярова выделяет 13 различных цветов, сгруппированных в 7 основных: коричневые (включая красно-коричневый, оливковый, бежевый), зеленые (включая желто-зеленый и зеленый), бирюзовые (включая бирюзовый и сине-зеленый), синие (включая синий, серо-голубой и сине-фиолетовый) а также желтый и фиолетовый цвета. [Солярова, 2016, с. 207], [Столярова, Коваль, 2017, с. 90].

И. А. Сафарова выделяет браслеты оливковые, коричневые, желтые (включая желто-зеленые), синие (включая сине-фиолетовые), бирюзовые, зеленые и фиолетовые [Сафарова, 2015, с. 216].

И. Н. Кузина делит браслеты из Владимира на фиолетовые, зеленые разной интенсивности окрашивания, голубые, коричневые, светло- и темно-оливковые, коричнево-зеленые, желто-зеленые, сине-фиолетовые, бирюзовые и синие фрагменты [Кузина, 2007, с. 130].

Проблему субъективности исследовательского подхода в определении цветовой гаммы отмечает Ю. Л. Щапова, критикуя метод использования различных эталонов для определения цвета. В целях нормирования описания она предлагает химико-технологический подход, основанный на принципе соотношения физического цветового тона с длиной волны в спектре [Щапова, 1989, с. 79–81]. Однако этот подход осложняется несовершенством метода и отсутствием единой позиции исследователей в интерпретации результатов химического анализа [Галибин, 2001, с. 66], [Егорьков, 2011, с. 376].

Известно, что цвет стекла во многом зависит от состава. Красители, используемые в стеклоделии, могут придавать стеклу различные цвета в зависимости от концентрации в шихте и сочетания с другими элементами, а также в зависимости от состава минерала-красителя, атмосферы в печи и т. д. Таким образом, изделия, изготовленные в разных мастерских, так или иначе будут иметь небольшие отличия в составе стекла, концентрации красителя и в его

цвете [Галибин 2001, с. 83]. Определение цвета стеклянных браслетов осложняется при высокой концентрации красителя и интенсивности цвета, когда внешне черные браслеты на самом деле оказываются коричневыми, оливковыми, фиолетовыми и даже желтыми при рассмотрении тонкого скола стекла. В случае, если исследователь определял цвет браслета лишь на вид, не проверяя цвет скола, его статистические данные сложно считать корректными. Проблема «черных браслетов» заключается и в том, что до конца неизвестно, зачем для создания черных внешне браслетов использовалось разное по цвету и, соответственно, по составу стекло. Применение каждого из красителей имело свои нюансы и позволяло получать цвета, различные по оттенкам и плотности. Например, окрашивание окисью марганца (Mn^{+2}) дает слабо-розовый цвет или различные оттенки от винно-красного до фиолетового и коричневого; при наличии в марганцевом сырье примесей железа марганец окрашивает стекло в прозрачный коричневый цвет; добавление оксида марганца (MnO_2) дает черный цвет [Галибин, 2001, с. 33]. При использовании в качестве красителя железа (в виде ионов Fe^{+3}) в восстановительных или окислительных условиях получается янтарно-коричневый цвет, при условиях, близких к нейтральным, образуется коричнево-зеленый оттенок, при концентрации красителя более 3–5% получается черный цвет [Галибин, 2001, с. 35], при варке стекла с каменным углем образуется интенсивный коричневый цвет вплоть до черного, при использовании древесного угля стекло окрашивается в более мягкие коричневые тона [Галибин, 2001, с. 37].

Таким образом, для создания браслетов черного цвета использовали разные рецептуры и условия варки стекла. Можно предположить, что такие «черные» браслеты из стекла разных составов происходят из разных мастерских. Следовательно, каждая мастерская добивалась нужного цвета, используя разные

красители. Однако достоверно изучить этот вопрос можно, лишь зная химический состав изделий.

*Научный руководитель –
С. И. Валиулина,*

*канд. ист. наук, доцент
Кафедра истории Татарстана,
археологии и этнологии*

Казанский федеральный университет

Список литературы

- Галибин В. А. Состав стекла как археологический источник. – Спб., 2001. – 216 с.
- Егорьков А. Н. Взгляд на некоторые проблемы интерпретации состава древнего стекла // Стекло Восточной Европы в древности, Средневековье и Новое время: изучение и реставрация: тезисы докладов межд. науч. конф. – М.: ИА РАН, 2011. – С. 374–382
- Завьялов В. И. Цветовая гамма стеклянных браслетов Переяславля Рязанского (по материалам Житного раскопа) // Археология Подмосквья. Вып. 11 – М.: Институт археологии РАН, 2015. – 552 с.
- Кузина И. Н. Стеклянные изделия из раскопок в квартале 13 города Владимира в 2006 г. // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2007. – С. 128–133.
- Полубояринова М. Д. Стеклянные браслеты древнего Новгорода // Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. 3. МИА, № 117. М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 164–199
- Сафарова И. А. Актуальные вопросы хронологии стеклянных изделий из раскопок Твери // Стекло Восточной Европы в древности, Средневековье и новое время: изучение и реставрация. Тезисы докладов международной научной конференции. М.: Институт археологии РАН, 2011. – С. 35.
- Столярова Е. К. Стекло средневековой Москвы: XII–XIV вв. – М.: РГГУ, 2016. – 692 с.
- Столярова Е. К., Коваль В. Ю. Стеклянные браслеты восточной части Московского Кремля (предварительные результаты работ 2016 года) // Краткие сообщения Института археологии. – 2017. – Т. 249, № 2. – С. 86–94.
- Щапова Ю. Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. Учебное пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 96 с.
- Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. — М.: Московский университет, 1972. – 215 с.
- Щапова Ю. Л. Стеклянные изделия из Старой Рязани (по материалам раскопок 1966 – 1968 гг.) // Археология Рязанской земли. – М., 1974. – С. 76–92.
- Щапова Ю. Л. Византийское стекло. Очерки истории. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – 288 с.
- Щапова Ю. Л. Стеклянные браслеты и датирование городского культурного слоя // Советская Археология. – 1969. – № 4. – С. 102–108.

Problems in Studying the Color of Ancient Russian Glass Bracelets

G. M. Sagmanova

This article is devoted to problems in the study of glass bracelets – one of the most commonly found artefacts at excavations of ancient Russian sites, and one of the few that retained the original color. The research of color spectrum of glass bracelets is highly informative, but it is complicated by different problems, for example, the subjectivity of color perception, which determines the existence of different interpretations of the color range of glass bracelets, that makes it difficult to apply the method of statistical analysis.

Keywords: colors, glass bracelets, ancient Russian archeology

Сагманова Гульназ Марсовна

студентка 4-го курса

Казанский (Приволжский) федеральный университет

e-mail: g_s_17@mail.ru

Sagmanova Gulnaz Marsovna

4th year student

Kazan (Volga Region) Federal University,

e-mail: g_s_17@mail.ru

ПАЛЕОЛИТ — МЕЗОЛИТ

УДК 902 (571.55)

Древнее поселение Усть-Менза-6 (Груздевая) в Западном Забайкалье

Н. О. Викулова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Н. А. Марков

Забайкальский государственный университет, Чита

Уникальность многослойных археологических памятников заключается в том, что их изучение позволяет проследить историю развития и формирования материальной культуры древнего человека в широком хронологическом диапазоне. Стратиграфическая позиция археологического материала в соотношении с технолого-типологическим анализом дает возможность датировать культурные остатки и отследить элементы изменений в индустриях по мере смены климатических условий. В комплексе с радиоуглеродным датированием культурных горизонтов открывается перспектива для формирования культурно-хронологических реконструкций.

Территория Забайкалья особенно богата многослойными памятниками. Одним из наиболее ярких комплексов многослойных памятников является Усть-Мензинский. Чикойской экспедицией Забайкальского государственного университета с 1980 г. проводятся систематические исследования на базе Усть-Мензинского археологического комплекса, который расположен в Красночикоинском районе Забайкальского края при впадении р. Менза в р. Чикой (бассейн р. Селенги). Археологический комплекс Усть-Мензинского урочища представлен 18 многослойными поселениями, культурные горизонты которых относятся к периодам от среднего палеолита до железного века [Константинов, 1994, с. 11]. Древние поселения располагаются на надпойменных террасах с I по VII. Наиболее изучены на данный момент поселения, связанные с нижними террасами высотой до 10 м (I–II).

В 2012–2014 гг. впервые на базе Усть-Мензинского археологического комплекса были

проведены крупные раскопочные работы на уровне надпойменной террасы высотой 32 м над меженным уровнем р. Менза. Исследования проводились на поселении Усть-Менза-6 (Груздевая) в рамках раскопа площадью 100 м². В процессе изучения покровных отложений на поселении выделено семь культурных слоев, которые соотносятся с последовательно залегающими литологическими слоями. В семи культурных слоях совокупно выявлено 1679 артефактов.

Культурный слой 1 зафиксирован в верхнем почвенном слое. Слой представлен единичными каменными артефактами и фрагментами керамики.

В *культурном слое 2*, выявленном в каштановой супеси, зафиксирована небольшая серия артефактов, в числе которых скребки, проколки, пластинки и отщепы. Особый интерес представляет грунтовое погребение. Оно заложено с подошвы культурного слоя 2. Представлено полным скелетом взрослого человека в скорченном положении на боку. Скелет помещен в округлую погребальную яму размером 81х90 см. Глубина погребальной ямы – 70 см. Скелет и череп пропитались охрой. Рядом со скелетом была найдена двугранная микропластинка размерами 4х0,7 см. Под скелетом на дне ямы зафиксировано небольшое скопление угля, пробы которого взяты на С14 датирование. Предварительно погребение отнесено к периоду мезолита. В 2014 г. при расширении первоначального раскопа было зафиксировано ритуальное кострище, контур которого оформлен красной охрой.

В *культурном слое 3* представлена рабочая площадка с серией нуклеусов различных кон-

фигураций и большим количеством отходов производства в виде чешуек и технических сколов. Наличие в орудийном наборе острий и долотовидных форм, а также использование в качестве основы для орудий преимущественно отщепов позволяют коррелировать этот слой с Куналеем (слой 2).

Культурный слой 4 представлен хозяйственным комплексом. Поверхность обитания фиксируют несколько золистых пятен. Из заполнения наиболее яркого пятна получена радиоуглеродная калиброванная дата 21090 ± 350 (ЛУ-7206). Пластинчатый принцип снятий и орудийный набор позволяют соотносить его с материалами поселения Мельничное-2 (слои 2, 3), которое «демонстрирует мелкопластинчатую (без микротехники) индустрию и относится к средней поре верхнего палеолита 25–18 тыс. л. н.» [Мороз, 2002, с. 172]. Слой 4 также можно уверенно сравнивать с палеолитическим поселением Мастеров Ключ, которое автор раскопок датирует «в интервале 27–28 до 23 тыс. л.н.» [Мещерин, 2009, с. 80]. Коллекция предметного материала памятника Мастеров Ключ демонстрирует серии средних пластинок и фрагментов, сочетание призматического, подпризматического и леваллуазского расщепления, а также большую вариативность сырья.

Археологические находки *культурных слоев 5 и 6* представлены остеологическим материалом и единичными каменными инструментами в виде грубых однолезвийных скребел, остроконечников и выемчатых орудий. В сравнении с материалом из вышележащих слоев он весьма архаичен.

В *слое 7* выявлена конструкция из 11 камней, которая фиксирует уровень обитания. К этому же уровню относится серия обожженных костей бизона. Радиоуглеродное датирование определило возраст слоя $35\ 170 \pm 1380$ тыс.л.н. ЛУ-7311. На основании архаичных скребловидных форм этот слой коррелируется со скребловидными формами слоя 2 Усть-Мензы 15. Не исключено, что архаичные формы в указанных слоях Усть-Мензы-6 и 15 являются результатом переотложения археологического материала из более древних уровней.

Ancient Settlement Ust-Menza-6 (Gruzdevaya) in Western Transbaikal

N. O. Vikulova, N. A. Markov

This article is devoted to archaeological materials identified during the study on the territory of Ust-Menzinsky complex of the ancient settlement of Ust-Menza 6 (Gruzdevaya). The settlement revealed materials that allow reconstructing the change of cultural traditions and technological methods in this territory in a wide chronological range from the finale of the Middle Paleolithic to the Bronze Age. Particularly noteworthy is the anthropological find in layer 2, the economic complexes of layers 3 and 4. The monument is interesting from the point of view of forming a holistic view of western Transbaikal during the middle

Сырьевой базой поселения на уровне культурных слоев 5–7 служил местный, в основном галечный материал, но также отмечается использование желваков кварцита. Для культурных слоев 1–4 сырьевой базой служил приносной плитчатый материал, в основе кремнистый; местный галечник использовался редко. Стратиграфическая позиция культурных слоев и технолого-типологический анализ материалов поселения позволяют предварительно отнести культурный слой 1 к эпохе бронзы; культурный слой 2 – к мезолиту-неолиту; культурные слои 3–4 – к средней поре верхнего палеолита; культурные слои 5–7 – к началу верхнего палеолита и, возможно, к концу среднего палеолита.

В 2018 г. была выполнена прирезка к раскопу в 10 кв. м. Выявленный предметный материал (слои 3 и 4) дает хорошую возможность для ремонта, что позволит в дальнейшем более целостно представить технологические приемы и организацию хозяйственной деятельности древнего человека на данном поселении.

В итоге важно отметить, что древнее поселение Усть-Менза-6 (Груздевая) – многослойный памятник, который иллюстрирует этапы развития материальной культуры древнего человека от палеолита до бронзового века. Изучение памятников такого рода крайне важно для формирования представлений о развитии и взаимодействиях культурных традиций на территории Усть-Мензинского урочища и Западного Забайкалья в целом.

Научный руководитель –

*М. В. Константинов, д-р ист. наук, профессор
Кафедра отечественной истории
Забайкальский государственный университет*

Список литературы

- Константинов М. В.* Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ – Чита: Изд-во БНЦ СОРАН, 1994. – 280 с.
Мещерин М. Н. Палеолитическое поселение Мастеров Ключ // Древнее Заб.: Культура и природа: сб. ст. – Чита: ЗабГУ, 2009. – С. 79–99.
Мороз П. В. Особенности каменных индустрий средней поры верхнего палеолита Западного Забайкалья (на примере стоянок Мельничная-2 и Мастеров Ключ) // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: материалы XLII РАЭСК. Омск: ОмГУ, 2002. – С. 170–172.

period of the Upper Paleolithic, since this topic is not sufficiently covered in the regional cultural-chronological scheme. This monument is promising for further comprehensive research.

Keywords: Ust-Menza, Western Transbaikal, Paleolithic, stone implements, cannon set, resource base, reconstruction

Викулова Наталья Олеговна

аспирант 3-го года обучения
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
E-mail: natasha_vikulova@mail.ru

Марков Никита Александрович

студент 3-го курса
Забайкальский государственный университет
E-mail: nikitka@mail.ru

Vikulova Natalia Olegovna

3rd year postgraduate
Lomonosov Moscow State University
E-mail: natasha_vikulova@mail.ru

Markov Nikita Aleksandrovich

3rd year student
Transbaikal State UniversityHistory
E-mail: nikitka@mail.ru

УДК 903.27/7.031.1

Скульптура усть-ковинского мамонта: элементный анализ и интерпретация пигментов*

Ю. С. Губар

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

*Исследование проведено в рамках проекта РФФИ-НЦНИЛ-а №17-56-16016

В палеолитическом искусстве мамонт занимает особое место. Это обусловлено той значительной ролью, которую он играл в жизни и хозяйственной деятельности древнего человека. Известно, что в Сибири люди соседствовали с мамонтами на протяжении длительного времени [Васильевский, Дроздов, 1983, с. 59]. Поэтому очевидно, что древнее население данной территории могло отразить вполне реальный образ этого животного в своей художественной деятельности. Его изображения можно встретить в нескольких вариантах: пещерная живопись, гравировки и скульптура [Шмидт, 2002].

В данной работе рассматривается скульптурное изображение мамонта с позднепалеолитической стоянки Усть-Кова. Оно было обнаружено в 1981 г. Н. И. Дроздовым и является уникальной находкой для территории Сибири, поскольку большинство изображений мамонта известно нам по археологическим материалам, найденным в Европейской части России (Костенки I и IV, Аносовка, Авдеево). В Северной Азии до обнаружения указанной скульптуры не было известно подобных изображений [Васильевский, Дроздов, 1983, с. 60].

Скульптура была найдена на дне песчаного котлована и приурочена к среднему комплексу стоянки, датируемому в пределах 24–20 тыс. л.н. [Волков и др., 2018, с. 58]. Выполнено скульптурное изображение из бивня мамонта, имеет размеры 8,4×4,8×2,3 см. У скульптуры

выделена крупная голова – с крутым затылком и наклоненная вперед, – туловище отделено от головы треугольным вырезом, линия спины плавно переходит в заднюю часть ног, сами ноги животного массивные и короткие. Скорее всего, фигурка имела достаточно устойчивое положение, опираясь на ноги и хобот [Васильевский, Дроздов, 1983, с. 61].

На ее поверхности были зафиксированы следы красящих веществ, указывающие на то, что фигурка была окрашена. Красная краска видна на верхней части головы и в вырезе, отделяющей ее от туловища, пятна черного пигмента фиксируются в некоторых местах на туловище [Там же, с. 62]. При проведении реставрационных работ в 2018 г. было выполнено микроскопическое исследование поверхности скульптуры, которое показало, что черная краска покрывала пятнами тело мамонта, красный пигмент отдельными скоплениями сохранился в зонах выемок и в порах бивня [Волков и др., 2018, с. 60]. Кроме того, в ходе реставрации предмета было проведено исследование элементного состава пигментов, покрывавших усть-ковинского мамонта.

Цель данной работы – анализ красящих веществ с поверхности скульптуры мамонта из Усть-Ковы и попытка их интерпретации. В основу анализа положено определение элементного состава веществ, при использовании метода SEM-EDX. Элементный анализ выполнен на электронном микроскопе Bruker Nano GmbH Quantax 70 (Germany).

Анализ пигментов был произведен с трех участков скульптуры: нейтральный участок без следов краски, область со следами красного пигмента, а также область с черным пигментом.

В результате элементного анализа были получены следующие данные: набор химических элементов в составах красного и черного пигмента практически идентичен: доминирующим элементом является кальций (9,1 и 6,9%), железо и кремний находятся в пределах 5–5,9%, в составе также присутствует алюминий (2,3 и 2,5%). Очевидно, что алюмосиликатные добавки использовались в качестве связующего вещества. Для придания темной окраски пигменту в его состав добавлялись марганец (3,4 и 4,9%) и магний (0,5%). Последний присутствует только в элементом составе черного пигмента. Ниже порога значимости находятся калий, хлор и фосфор.

Для выявления характеристики пигментов и их сравнения был сделан элементный анализ нейтрального участка без следов краски. Его химический состав существенно отличается по количественным показателям. В составе нейтрального участка также доминирует кальций, однако его содержание значительно меньше – всего 4%, кремния – 1,2%. Кроме того, содержание железа (0,4%) и алюминия (0,7%) гораздо меньше, чем в химическом составе пигментов, их содержание расположено ниже порога значимости, как и магния (0,3%), хлора (0,3%), калия (0,2%). В составе отсутствует марганец.

Таким образом, на основе анализа можно сделать выводы об искусственном происхождении пигментов с поверхности скульптуры мамонта Усть-Ковы. Очевидно, что в пигменты были добавлены различные органические и неорганические добавки [Волков и др., 2018, с. 61].

Пигменты применялись как красящие вещества при создании наскальных изображений, окрашивании тела, в антисептических целях, а также для декорирования предметов мобильного искусства. На территории Сибири пигменты появляются в палеолитических комплексах, датируемых 35–50 тыс. л.н. (Малая Сья, Каменка, Хотык, Мальта и др.). Красящее вещество в культурном слое фиксируется в виде порошка, кусочков охры, «карандашей» из гематита [Лбова, Худзик, 2012, с. 21]. Минеральные пигменты использовались как в «чистом виде», так и смешивались с различными добавками: древесным углем, суглинком, животным жиром и т.д. Чаще всего использовались четыре основных цвета: красный, черный, желтый и белый.

Интерпретация цветовой гаммы пигментов может объяснить некоторые аспекты мифологических и космологических представлений древнего человека. Красная краска могла использоваться, к примеру, для погребального обряда и символизировать кровь. Что касается других оттенков – белого и черного, – то они могли ассоциироваться с жидкостями и выделениями из тела человека. По мнению А. В. Гаврилова, именно человеческий организм послужил источником для цветовой классификации [Гаврилов, 1990, с. 13]. Также у многих народов мира красный и черный цвета связывались с огнем, жизнью и смертью [Васильевский, Дроздов, 1983, с. 62].

Нанесенные на скульптуру красный и черный пигменты могли иметь символический характер. Ввиду отсутствия связанных со скульптурой следов ритуальной практики ее интерпретация затруднена. Однако можно предположить, что она является свидетельством промысловой магии [Токарев, 1990, с. 228]. Черный пигмент, возможно, был нанесен на мамонта с целью придания образу большего сходства с реальным животным. Красный пигмент мог обозначать кровь животного. Он затемнен окислами марганца для придания большего сходства с цветом крови и был нанесен позже, на что указывает перекрытие красным пигментом черного в некоторых местах.

*Научный руководитель – Л. В. Лбова,
д-р ист. наук, профессор*

*Кафедра археологии и этнографии
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

- Борисковский П. И.* Палеолит СССР. – М.: Наука. 1984. – С. 166–226.
- Васильевский Р. С., Дроздов Н. И.* Палеолитические скульптурные изображения из Восточной Сибири // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск: Изд-во Наука, 1983. – С. 59–65.
- Волков П. В., Лбова Л. В., Губар Ю. С., Швец О. Л.* Усть-Ковинский мамонт: результаты микроскопического исследования // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2018. – Т. 17, № 7: Археология и этнография. – С. 56–66.
- Гаврилов А. В.* О значении охры в погребальном обряде археологических культур эпох палеолита – бронзы // Тезисы докладов всесоюзного семинара «Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности». – Запорожье: ИА АН УССР, 1990. – С. 12–14.
- Лбова Л. В., Худзик С. Ю.* Формы символической деятельности в культурах раннего этапа верхнего палеолита Сибири в контексте дискуссии о комплексе современного поведения (материалы для учебного курса) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, № 7: Археология и этнография. – С. 16–25.
- Токарев С. А.* Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.
- Шмидт И. В.* Семантика изображений мамонтов эпохи палеолита: историографический аспект (по материалам Североазиатской коллекции) // Вестник ОмГУ. – 2002. – №3. – С. 57–60.

Sculpture of Ust-Kovinsk Mammoth: Element Analysis and Interpretation of Pigments

J. S. Gubar

The sculptural image of a mammoth from the Ust-Kova site is a unique archaeological finding in a territory of Siberia. Restoration work made it possible to study of pigments from the surface of the sculpture. As a result of elemental analysis, it was found that for coloring ancient peoples used red and black artificial pigments. An attempt was also made to interpret the color range of pigments. It can be assumed that the sculpture of the mammoth acts as evidence of commercial magic.

Keywords: mammoth, elemental analysis, Paleolithic art, mammoth tusk, pigment, late Paleolithic, Siberia.

Губар Юлия Сергеевна

1-й курс магистратуры

Новосибирский государственный университет

E-mail: julfoxzzz@gmail.com

Gubar Julia Sergeevna

master's program, 1st year

Novosibirsk State University

E-mail: julfoxzzz@gmail.com

УДК 902:55(571.5)

Особенности подготовки ударных площадок терминальных нуклеусов в комплексах среднего саргана Байкало-Енисейской Сибири*

Д. П. Золотарев

Иркутский государственный университет, Иркутск

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 074-02-2018-334 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Для Байкало-Енисейской Сибири отмечается дискретная культурная ситуация для заключительной стадии позднего палеолита (МИС-2). Наиболее репрезентативно представлены геoarхеологические объекты (ГАО) культурно-хронологической группы sr^3 возрастом 19–17,5 кал. тыс. л. н. – Китойский Мост, Мальта-Мост I (III к. г.), Мальтинка I (III к. г.), Черемушник II (II к. г.), Шамотный Завод (II к. г.), Бадай V (III к. г.), Кулаково I, Федяево, Шишкино II (III к. г.). Некоторые объекты обеспечены ^{14}C -датами – Шишкино II (III к. г. – 13900±200 л. н. – ГИН-5634), Мальта-Мост I (III к. г. – 14680±100 л. н. – ГИН-9511), Красный Яр (I-IV к. г.) (III к. г. – 15880±240 л. н. – СОАН-7778) [Бердникова, 2012; Палеолит и мезолит, 2016], Китойский Мост (14970±70 л. н. – UCIAMS-207544; 14620±60 л. н. – UCIAMS-207545).

Для объектов характерны разные вариации техник микрорасщепления, которые являются важнейшими культуроразличительными признаками. Их выделение позволяет создать пространственно-временную картину развития микропластинчатого расщепления [Медведев, 1975, с. 36–37].

Объектом исследования является технология микрорасщепления среднего саргана Байкало-Енисейской Сибири. Предмет иссле-

дования – технологические признаки ударных площадок терминальных нуклеусов.

Цель настоящей работы определяется в выявлении технологических особенностей подготовки ударных площадок терминальных нуклеусов в системе атрибутивного подхода [Monigal, 2002].

Эмпирическую базу исследования составляют 90 терминальных нуклеусов из комплексов среднего саргана Байкало-Енисейской Сибири. Для описания ударных площадок использованы следующие признаки: ориентация площадки, характер обработки ударной площадки, угол между площадкой и фронтом, метрические характеристики ударной площадки [Медведев, 1975, с. 36]. Выделяются несколько вариантов подготовки ударных площадок терминальных нуклеусов.

К первому варианту относятся терминальные (клиновидные) нуклеусы с вогнутой латерально скошенной ударной площадкой [Медведев и др., 1974, с. 69–70]. Заготовками для них служили сколы, бифасы и бифасиальные спецзаготовки. Площадка нуклеуса оформлялась разнофасеточными сколами с правой или левой латерали. Такая подготовка характерна для ГАО Китойский Мост (2 экз.), Мальта-Мост I (III к. г.) (13 экз.), Бадай V (III к. г.) (3 экз.), Черемушник II (II к. г.) (3 экз.), Шамотный Завод

(II к. г.) (3 экз.), Федяево (9 экз.), Красный Яр (I–IV к. г.), Шишкино II (III к. г.) (1 экз.) [Абрамова, 1962, 1978; Астахов, 1963; Бердникова, 2012; Лежненко, 1974; Пержаков, 1990; Тарасов, 1978].

При изучении коллекции сколов из III к. г. ГАО Мальта-Мост I методом ремонта выявлена технология подготовки ударных площадок клиновидных нуклеусов на бифасиальных спецзаготовках. Скалыванию микропластин предшествовала тщательная обработка площадки сколами с левой латерали. Далее происходило снятие с этой же латерали технического «лепесткового» скола с характерной вогнутостью. В процессе утилизации нуклеуса проводилась подправка ударной площадки серией мелких снятий. После утраты оптимального угла скалывания производилось повторное снятие технического скола. Эта технология подготовки ударной площадки сходна с техникой «сайкаи» (Saikai) [Sugihara, Tozawa, 1961]. Аналогичную подготовку площадки имеют клиновидные нуклеусы из комплексов 2Б и 6 к. г. стоянки Коврижка IV (р. Витим) возрастом 15,7–15,3 тыс. л. н. (19,2–18,3 кал. тыс. л. н.) [Тетенькин, 2017]. Техника оформления клиновидных нуклеусов с вогнутой латерально скошенной ударной площадкой имеет аналогии и в позднепалеолитических комплексах Среднего Енисея [Абрамова, 1975, 1979, 1979а; Артемьев, 1996].

Особый вариант этого технического приема зафиксирован на клиновидных нуклеусах из II к. г. ГАО Черемушник II [Лежненко, 1974, с. 83]. Клиновидные нуклеусы с латерально скошенной или горизонтальной ударной площадкой (13 экз.) дополнялись коротким либо длинным фронтальным сколом, отчего на поверхности площадки образовывался «уступ» [Медведев и др., 1974, с. 70].

Ко второму варианту отнесены нуклеусы с контрфронтально скошенной ударной площадкой. Она подправлялась с фронта серией мелких сколов либо одним крупным. Этот технический прием зафиксирован на ГАО Бадаи V (III к. г.) (5 экз.), Красный Яр (I–IV к. г.), Черемушник II (II к. г.) (5 экз.), Кулаково I (3 экз.), Мальтинка I (III к. г.) (4 экз.) [Абрамова, 1962, 1978; Бердникова, 2012; Лежненко, 1974]. Возможно, этому варианту близки терминальные нуклеусы с горизонтальной гладкой либо естественной, а также слабофасетированной ударной площадкой из группы 2 (6 экз.) III к. г. Мальта-Мост I.

В результате проведенного анализа технологически значимых признаков удалось установить, что для комплекса среднего сартана Байкало-Енисейской Сибири характерны две технические традиции обработки

ударных площадок терминальных нуклеусов: поперечно-ориентированными и продольно-ориентированными сколами [Медведев, 1975, с. 36–37]. Для объектов Мальта-Мост I (III к. г.), Черемушник II (II к. г.), Бадаи V (V к. г.), Красный Яр (I–IV к. г.) следует признать наличие 2–3 различных, но синхронно существовавших традиций обработки площадок терминальных нуклеусов в рамках одного культурного комплекса.

*Научный руководитель – Н. Е. Бердникова
старший научный сотрудник
Научно-исследовательский центр
«Байкальский регион»
Иркутский государственный университет*

Список литературы

- Абрамова З. А. Красный Яр – новая палеолитическая стоянка на р. Ангаре // СА. – 1962. – № 3. – С. 147–156.
- Абрамова З. А. Находки каменного века в Абакано-Минусинской котловине // Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 1975. – С. 21–30.
- Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 160 с.
- Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. – Новосибирск: Наука, 1979а. – 200 с.
- Абрамова З. А. Палеолитическое поселение Красный Яр на Ангаре (верхний комплекс) // Древние культуры Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 7–34.
- Артемьев Е. В. Микропластинчатая индустрия верхнепалеолитических памятников Средней Сибири (Средний Енисей): автореф. дис. канд. ист. наук. – Новосибирск, 1996. – 18 с.
- Астахов С. Н. Позднепалеолитическая стоянка у д. Федяево на Ангаре // СА. – 1963. – № 3. – С. 209–215.
- Бердникова Н. Е., Воробьева Г. А. Особенности многослойных геoarхеологических объектов в нижнем течении р. Белой (юг Байкальской Сибири) // Феномен геoarхеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии: мат-лы Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня открытия Б. Э. Петри Улан-Хады. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. – С. 54–72.
- Лежненко И. Л. Итоги исследования позднепалеолитических памятников Кулаково I и Черемушник II // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. – Вып. 2. – С. 65–115.
- Медведев Г. И. К проблеме формально-типологического анализа каменных изделий палеолитических и мезолитических индустрий: (номенклатура деталей наглядных моделей) // Проблемы терминологии и анализа археологических источников: Тез. докл. к Вост.-Сиб. регион. совещ. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1975. – С. 21–42.
- Медведев Г. И., Михнюк Г. Н., Лежненко И. Л. О номенклатурных обозначениях и морфологии нуклеусов в докерамических комплексах Приангарья // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. – Вып. 1. – С. 60–90.
- Палеолит и мезолит Байкальской Сибири / Г. И. Медведев, Н. Е. Бердникова, Е. О. Роговской, Е. А. Липнина, И. М. Бердникова, Г. А. Воробьева. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. – 175 с.
- Пержаков С. Н. Многослойная стоянка Шишкино II // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: К XIII Конгрессу ИНКВА. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1990. – С. 101–105.
- Тарасов Л. М. Палеолитическая стоянка Шамотный завод // Древние культуры Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 35–56.

Тенькин А. В. Технологический контекст производства и расщепления микропластинчатых нуклеусов по материалам культурных горизонтов 2Б и 6 стоянки Коврижка IV (Витим, Байкало-Патомское нагорье) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2017. – Т. 21. – С. 107–135.

Monigal K. The Levantine leptolithic: blade production from the Lower Paleolithic to the dawn of the Upper Paleolithic. – Southern Methodist University, Dallas, 2002. – 613 p. – (Ph.D. dissertation).

Sugihara S., Tozawa M. Pre-Ceramik Age in Japan. - Acta Asiática. – Tokio, 1961. – Т. I. – P. 1–28.

The Features of the Preparation of Pressure Platforms of Terminal-Edge Cores in the Complexes of Middle Sartan of Baikal-Yenisei Siberia

D. P. Zolotarev

In this paper was identified the main technical variants of platform preparation of terminal-edge cores from geoarchaeosites of the chronogroup in the interval between 19-17,5 cal. BP. (sr3) in the Baikal-Yenisei Siberia. The first variant includes terminal-edge cores with a concave lateral face sloping pressure platform. This group includes terminal-edge cores with frontal-lateral platform preparation of the site with a flake formed the “ledge”. The second variant is represented by terminal-edge cores with a back sloping pressure platform.

Keywords: Baikal-Yenisei Siberia, Pleistocene, MIS-2, Middle Sartan, microblade technique, terminal-edge cores, wedge-shaped cores, pressure platform

Золотарев Дмитрий Павлович

студент 4-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: dmitryzolotarev2012@yandex.ru

Zolotarev Dmitry Pavlovich

4th year student

Irkutsk State University

e-mail: dmitryzolotarev2012@yandex.ru

УДК 903.222 (571.53)

Каменные наконечники стрел ранне-неолитического и мезолитического слоев стоянки Остров Лиственичный (морфология, корреляция, хронология)

Д. С. Кошкина

Иркутский государственный университет, Иркутск

Наконечники стрел являются одним из наиболее распространенных видов каменных изделий на археологических стоянках. Исследованиям каменных наконечников стрел Прибайкалья посвящены труды А. П. Окладникова, Г. И. Медведева, В. И. Базалийского, О. И. Горюновой, Г. М. Георгиевской, Е. О. Роговского, А. М. Кузнецова, С. В. Федорова, С. П. Дударёка [Базалийский, 2010; Кузнецов, Роговской, Таракановский, 2017; Медведев, 1968; Окладников, 1955; Федоров, Дударёк, 2015].

Статья посвящена описанию каменных наконечников стрел, найденных на археологической стоянке Остров Лиственичный, сопоставлению изделий 3 и 5 культурных слоев (далее – к.с.) и их сравнению с материалами стоянки Усть-Ёдарма II.

Стоянка Остров Лиственичный открыта в 2007 г. Усть-Илимским отрядом археологической экспедиции ИГУ во время спасательных работ в зоне Богучанского водохранилища. Ныне затопленный памятник располагался на одноименном острове, в районе пр. Ёдарма и Ката, правого и левого притоков Ангары. Масштабные раскопки на объекте проводились в

2011–2012 гг. В результате выявлено 7 культуросодержащих слоев. Для нас наиболее интересными являются 5 к.с. и 3 к.с., относящиеся к раннему и среднему голоцену соответственно. По 3 слою были получены радиоуглеродные даты ~7,2-7 тыс л. н. (ранний неолит), а основные датировки 5 культурного слоя относятся примерно к 8,5 тыс. л. н. (финальный мезолит) [Кузнецов, Роговской, 2016].

Совокупная коллекция наконечников 3 и 5 к.с. составляет 25 экз. (8 целых и 17 фрагментированных). Основным субстратом для изготовления наконечников являются кремний, аргиллит, халцедон, сланец. Большинство наконечников из 5 к.с. сделаны на основе отщепов и сколов. На пластине изготовлен только вкладышевый наконечник с боковой выемкой. Один из наконечников изготовлен на основе скола со шлифованным дорсальным фасом [Роговской, 2014]. В орудиях 3 к.с. в качестве заготовок используются как пластины, так и отщепы в равных пропорциях.

Говоря о метрических характеристиках, необходимо указать следующие моменты. Большинство найденных в 3 к.с. наконечников до-

статочны малы: самый большой из них имеет длину 4 см, а средняя длина оставшихся фрагментов составляет 2,8 см. Даже с учетом фрагментации в среднем длина наконечника превышает ширину в 2,5–2,6 раза. Наконечники 5 к.с., более крупные. Их средняя длина около 3,5 см.

По форме пера выделены следующие основные типы наконечников – треугольные, овальные, ромбовидные и асимметричные с боковой выемкой, которые также фигурируют в статье как вкладышевые.

К 3 к.с. относится 12 наконечников, из которых 5 целых и 7 поврежденных. Они представлены треугольной (6 экз.), овальной (4 экз.) и ромбовидной (1 экз.) формами, а также 1 вкладышевым наконечником. В 5-м к.с. 13 наконечников, из них 3 целые и 10 имеют повреждения. Большинство наконечников имеют треугольную форму (11 экз.) и один представляет собой вкладышевый наконечник с боковой выемкой.

Среди наконечников 3 к.с. преобладают орудия без ретуши на теле и с краевой обработкой (6 экз.). Бифасиальная, покрывающая диагональная ретушь отмечается на 4 экз. Один наконечник оформлен контрпоперечной ретушью. Тело вкладышевого наконечника имеет унифасиальную параллельную ретушь, а жало обработано бифасиально.

Большинство наконечников 5 к.с. имеют бифасиальную краевую ретушь с относительно крупными фасетками (7 экз.). Кроме того, имеется 1 экземпляр с бифасиальной контрдиагональной ретушью и 1 наконечник с унифасиально обработанным телом и бифасиально обработанными краями. У вкладышевого наконечника тело оформлено бифасиальной параллельной стелюющей захватывающей ретушью [Кузнецов, Роговской, Таракановский, 2017]

В результате, мы видим определенные различия в обработке и форме наконечников 3 и 5 к.с. Отмечается более частое появление других форм, в частности овальных. Изменяются размеры и пропорции наконечников, а также техника изготовления орудий. В качестве заготовок чаще используются пластины и меняется характер обработки фасов. Однако треугольная форма все еще является преобладающей и субстрат остается неизменным по причине постоянства сырьевой базы.

Для сопоставления орудий 3 к.с. также задействованы материалы со стоянки Усть-Ёдарма II, а именно наконечники 7 и 8 к.с., которые относятся к раннеолитическому времени. Данной серии принадлежат 43 наконечника (целых и поврежденных), из которых 31 имеет овальную форму, 9 – треугольную и 2 – ромбовидную. Также есть один наконечник с выемкой, но в работе, посвященной описанию и

классификации наконечников с данной стоянки, он характеризуется овальной формой [Фёдоров, Дударёк, 2015].

Если говорить об основных различиях между материалами двух стоянок, то в первую очередь стоит отметить разницу в распространенности основных типов каменных наконечников: если большинство орудий, найденных на стоянке Усть-Ёдарма II, имеют овальную форму, то на Острове Лиственничном преобладает треугольная. Имеются некоторые различия в обработке изделий. Например, на Усть-Ёдарме II, несмотря на большее количество материала, имеется лишь один наконечник, изготовленный на пластине, а также отсутствуют орудия с диагональным направлением ретуши.

Говоря об общих элементах, сразу можно отметить, что на обеих стоянках есть наконечники всех основных типов, и большую часть материала составляют орудия треугольных и овальных форм. Также некоторые изделия объединяет технологический принцип. В частности это относится к вкладышевым наконечникам, которые выполнены на халцедоновых пластинах.

Таким образом, сопоставление 3 и 5 слоев позволяет нам проследить некоторые изменения в обработке каменных наконечников стоянки Остров Лиственничный во времени. Сравнение с материалами 7 и 8 к.с. Усть-Ёдармы II с синхронных 3 слою Стоянки Остров Лиственничный позволяет увидеть черты, различающие данные материалы в пространстве. Это – преобладание разных основных форм и некоторые отличия в обработке. В то же время наблюдаются и объединяющие признаки, например, наличие всех основных форм. Для более подробного изучения наконечников эпохи финального мезолита необходимо привлечь материалы других памятников Северного Приангарья.

*Научный руководитель – Е. О. Роговской
канд. ист. наук, научный сотрудник
Научно-исследовательский центр
«Байкальский регион»
Иркутский государственный университет*

Список литературы

Базалийский В. И. Морфотипологический анализ каменных наконечников стрел могильника «Локомотив» / В. И. Базалийский // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2010. – Вып. 8. – С. 39–53.

Кузнецов А. М., Роговской Е. О., Таракановский С. П. Вкладышевые наконечники стрел из раннеголоценового культурного слоя стоянки Остров Лиственничный (Северное Приангарье) / Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2017. – № 6. – С. 207–211.

Кузнецов А. М., Роговской Е. О. Некоторые аспекты жизнедеятельности населения Северного Приангарья в финальном ме-

золите (на примере стоянки Остров Лиственичный) // Экология древних и традиционных обществ. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. – Вып. 5, ч. 2. – С. 91–93.

Медведев Г. И. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири / Г. И. Медведев // Описание и анализ археологических источников. – Иркутск : Иркут. ун-т, 1981. – С. 16–33.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Ч. 3: Глазковское время. – 374 с. (МИА. № 43).

Роговской Е. О. Депозиты многослойного местонахождения Остров Лиственичный (Северное Приангарье) / Е. О. Роговской, А. М. Кузнецов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 9. – С. 77–102.

Фёдоров С. В., Дударёк С. П. Каменные наконечники стрел эпохи неолита и раннего бронзового века с многослойного геоархеологического местонахождения Усть-Ёдарма II в Северном Приангарье // Мат-лы докл. LV Регион. (XI Всерос. с междунар. участием) археол. – этногр. конф. студентов и молодых ученых. – Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2015. – С. 87–89.

The Stone Arrowheads of Mezolithic and Early Neolithic Layers of Ostrov Listvenichny (Morphology, Correlation, Chronology)

D. S. Koshkina

This article describes stone arrowheads from 3rd and 5th cultural layers from the archeological site Ostrov Listvenichny and compares them with materials from the geoarcheological site Ust'-Yodarma II. The study reveals some characteristic features of stone arrowheads from this archeological site, but the question about the morphological transformation of arrowheads through time, especially in Mesolithic remains open.

Keywords: stone arrowheads, Mesolithic, Early Neolithic, Ostrov Listvenichny, Ust'-Yodarma II

Кошкина Дарья Сергеевна

студентка 2 курса

Иркутский государственный университет

e-mail: dariakoshkina010@gmail.com

Koshkina Daria Sergeevna

2nd year student

Irkutsk State University

e-mail: dariakoshkina010@gmail.com

УДК 903.01(571.53)»633»

Использование косули в хозяйственной деятельности населения объекта Усть-Хайта по материалам 8 и 9 горизонтов*

Е. Д. Никулина

Иркутский государственный университет, Иркутск

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 074-02-2018-334 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Местонахождение Усть-Хайта расположено на месте впадения р. Хайта в р. Белая, на 6-7 метровой высокой пойме устьевого участка р. Белая. Объект открыт в 1969 г. Н. А. Савельевым и Н. И. Дроздовым в результате сбора подъемного материала, в 1996 г. впервые была произведена зачистка обнажения террасы и выяснена стратиграфия культуровмещающих отложений. В ходе проведения спасательных работ в 2000 г. на памятнике была вскрыта площадь 724,5 м². В толще субаэральных и субаквальных отложений общей мощностью более 3,5 м было выделено 15 культуросодержащих горизонтов (к.г.) [Многослойное..., 2001].

В данной работе представлены результаты начального этапа археозоологического изучения остатков косули из докерамических горизонтов. Для анализа был привлечен материал из 8 и 9 к.г. 8 к.г. происходит из средней части пачки заиленных супесей – погребенных почв, 9 к.г. – из нижней ее части. Последний расчленяется на подгоризонты [Многослойное..., 2001].

Первые датировки Усть-Хайты были сделаны традиционным радиоуглеродным методом, поэтому требовалось большое количество материала и были использованы композитные образцы. Это привело к высокой погрешности в датах. В 2013 г. была проведена работа по уточнению датировок. В оксфордской лаборатории были получены даты по определяемым костям благородного оленя и косули с точной привязкой в пространстве.

Для 9 к.г. в оксфордской лаборатории было получено девять дат, которые укладываются в промежуток 12400-10750 л.н.¹. Три даты, по 8 к.г. обозначают период 10200-9700 л.н. Таким образом данные слои относят к переходному периоду от позднего плейстоцена к раннему голоцену [Holocene Zooarchaeology..., 2017].

На объекте Усть-Хайта по количеству костных остатков преобладают два вида: благород-

¹ Все приведенные даты – калиброванные

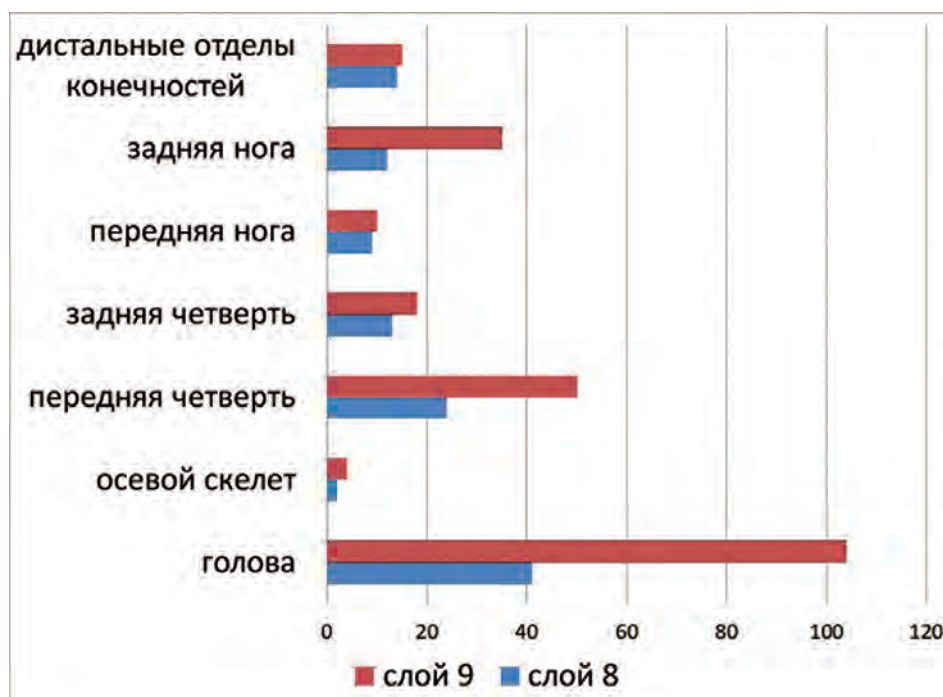

Рис. 1. Процентное соотношение категорий костей в слоях

ный олень и косуля, вместе они составляют более 92% от определяемых остатков. Причем в докерамических горизонтах доминируют остатки благородного оленя, а в керамических – косули [Holocene Zooarchaeology..., 2017]. Соответственно эти животные играли значительную роль в хозяйственной деятельности населения, и их остатки требуют подробного изучения. На данном этапе исследования объектом рассмотрения является косуля.

Для проведения анализа костные остатки были разделены на категории, соответствующие частям туши животного: голова (фрагменты черепа, челюстей и зубов), осевой скелет (позвонки), передняя четверть (лопатка, плечо, локоть, луч), задняя четверть (таз, крестец, бедро, коленная чашечка, большая берцовая), передняя нога (запястные и пястные кости), задняя нога (предплюсна и плюсна) и дистальные отделы конечностей (фаланги, фрагменты метаподий) [Zooarchaeology..., 2008]. Из расчетов были исключены немногочисленные фрагменты ребер.

Из процентного соотношения скелетных элементов в слоях видно их сходство: доли передней четверти и осевого скелета в обоих слоях равны. Доля фрагментов от головы и задней ноги больше в 9 к.г., доля фрагментов задней четверти меньше чем в 8 к.г., передней ноги и дистальных отделов конечностей меньше в два раза. В целом соотношения процентных показателей указанных категорий совпадают, единственное различие – большая доля дистальных отделов конечностей в 8 к.г. (рис. 1)

Во всех горизонтах наиболее велика доля костей от головы, что обусловлено большим количеством зубов, как изолированных, так и с фрагментами челюстей – встречаются ряды до четырех зубов. Фрагменты черепа встречаются редко, представлены части из основания черепа, а также в каждом из слоев присутствуют обломки черепа с роговым пеньком. Плохая сохранность не позволяет определить – были рога сброшены или отломлены.

Осевой скелет представлен наименьшим количеством костей в обоих горизонтах, но представлены все отделы позвоночника.

Среди костей передней четверти преобладают фрагменты лопаточной (8 к.г.) и плечевой (9 к.г.). В целом ситуация в этих горизонтах схожа: плечевая кость и лопатка преимущественно представлены дистальными фрагментами. Различия касаются отсутствия в 9 к.г. находок локтевой кости и намного большего, нежели в 8 к.г., представительства фрагментов лучевой. Задняя четверть представлена небольшим количеством фрагментов бедренной и большой берцовой костей.

Из костей передней ноги обычны фрагменты метакарпальной кости. Наличием различных костей запястья отличается 8 к.г. (скафоид, полулунная, пирамидальная). В 9 к.г. встречена грифельная кость. Задняя нога в обоих культурных горизонтах представлена одинаковым набором костей: пяточные (обычно фрагментированы, редко встречены полные кости), астргалы (чаще всего полные или же представлены

верхним блоком кости), менее многочисленны центротарсальные и метатарсальные кости.

В категории дистальных костей конечностей встречаются преимущественно фрагменты вторых фаланг и метаподий, реже – полные первые фаланги.

Процентное отношение костей со следами воздействия к общему количеству рассматриваемых костей в обоих слоях одинаково и немногочисленно. Доля костей со следами разделки занимает только 2%. В 9 к.с. это следы расчленения по суставам на пястной, плюсневой костях и порезы на блоке плечевой. Особенно интересен дистальный фрагмент пястной кости с рядом параллельных насечек на передней поверхности диафиза. Следы, расположенные на основании черепа, свидетельствуют о разделке головы животного на уровне приращения нижних челюстей.

Помимо следов зубов хищников, которые фиксируются преимущественно на блоках плечевых костей, были отмечены отверстия, которые могли появиться как от клыков животных, так и вследствие человеческого воздействия. Такие отверстия есть на задней стороне проксимального эпифиза двух правых лучевых костей, найденных на одном квадрате, а также на ряде пяточных костей – отверстия расположены на теле кости с латеральной стороны (такие экземпляры встречаются в обоих слоях), в этом случае кажется наиболее предпочтительной версия об особенностях разрушения. Круглое отверстие, очевидно не от зубов животного, расположено на дистальном конце большой берцовой кости из 9 к.г. с передней стороны блока.

В 8 к.г. кости со следами разделки представлены центротарсалом и пястной костью со следами порезов на передней стороне верхнего сустава.

Следы зубов хищников отмечены на блоках плечевой кости, нижнем эпифизе бедренной кости, а также на шейке лопатки, II фаланге и блоке метаподии. Необходимо отметить отсутствие следов погрызов грызунов на костях, а также выразительных экземпляров обожженных костей.

Основываясь на приведенной выше информации, можно сделать ряд выводов и предположений. Существенных различий между 8 и 9 к.г. не прослеживается. Комплекс фаунистических остатков можно отнести к «кухонным», так как видна достаточно большая степень раздробленности костей, следы разделки и следы зубов хищников, вероятно, оставленные собаками, скелеты которых зафиксированы в слое 9. А также хорошо представлены кости от мясных частей туши. Отсутствие среди костей козули обожженных экземпляров может объясняться дробностью обожженной кости, затрудняющей идентификацию [Антипина, 2016].

Из того, что на местонахождении представлены кости от всех частей тела козули, можно сделать предположение, что животные добывались в непосредственной близости и разделка производилась на месте [Zooarchaeology..., 2008].

Таким образом, мы видим, что козуля активно использовалась населением Усть-Хайты в докерамический период как один из промысловых видов.

*Научный руководитель – Н. А. Савельев
канд. ист. наук, доцент
Кафедра мировой истории
и международных отношений
Иркутский государственный университет*

Список литературы

Holocene Zooarchaeology of Cis-Baikal / eds. Losey R., Nomokonova T. – Kothen: druckhaus kothen GmbH & Co., 2017. – 144 p.

Zooarchaeology / E. J. Reitz, E. S. Wing. – Cambridge : Cambridge University Press, Second edition, 2008. – 533 p.

Антипина Е. Е. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии. – М.: Институт археологии Российской академии наук, 2016. – С. 96–117.

Многослойный геоархеологический объект Усть-Хайта – предварительные данные / Н. А. Савельев, А. В. Тетенькин, Е. С. Игумнова, Т. А. Абдулов, Е. М. Инешин, С. С. Осадчий, В. М. Ветров, А. М. Клементьев, А. М. Мамонтов, Л. А. Орлова, И. В. Шибанова // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 338–352.

Utilization of Roe Deer Bones by Ust-Khaita Site Population Based on Materials 8 and 9 Layers

E. D. Nikulina

This article contains the results of first stage of zooarchaeological analyses roe deer remains from archaeological site Ust-Kaita. Bones from 8 and 9 layers were considered. Present information of skeletal frequency, traces on bones from cuts and teeths.

Keywords: Roe deer, mesolithic, Ust-Khaita, South Angara Region, zooarchaeology

Никulina Екатерина Дмитриевна

студентка 4-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: katepiler@ya.ru

Nikulina Ekaterina Dmitrievna

4th year student

Irkutsk State University

e-mail: katepiler@ya.ru

Хтонические существа из коллекции зооморфной скульптуры палеолитической стоянки Мальта *

А. И. Панкина

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

*Работа выполнена в рамках проекта РФФ 18-78-10079 «Разработка технологий и информационной системы документирования и научного обмена археологическими данными»

Коллекция зооморфной скульптуры палеолитической стоянки Мальта представляет собой необычный по видовому составу набор изображаемых животных. Среди них подавляющее большинство занимают изображения птицы, но имеются также изображения грызуна (суслика/ондатры) и мамонта (предметы хранятся в фондах ГИМ и Государственного Эрмитажа). Орнаментированные изделия удлиненных пропорций рассматривались как орнаментированные стержни и их фрагменты [Герасимов, 1931, с. 17; Абрамова, 1962, с. 49; Шмидт, 2006, с. 237; Волкова, 2011, с. 172–173], а также В. Е. Ларичевым было предложена интерпретация таких предметов как змеи [Ларичев, 1993, с. 109]. Такое прочтение этих предметов позволяет дополнить видовой состав изображенных животных, и дает возможность сделать предположения о существовании более усложненной картины мира жителей палеолитической стоянки Мальта в части, касающейся взаимоотношений человека и окружающего мира.

Известная ихтиоморфная скульптура представляет собой одностороннее изображение довольно крупной рыбы, по контуру близкой к окуню, выполненное на плоском отщепе бивня мамонта. Изделие имеет хорошо выделенные головку, жаберную часть, туловище, хвостовую и боковые плавниковые зоны. Тело покрыто равномерным спиралевидным орнаментом, плавниковая зона представляет собой ряды перьев [Герасимов, 1931, с. 17; Лбова и др., 2017, с. 609].

Основными инструментами формообразования скульптуры являются резец и резчик (здесь и далее трасологические определения П. В. Волкова). Ими был выполнен спиралевидный орнамент в центральной части скульптуры, поверх него имеются углубления, выполненные вращательными движениями резца до 180°. В хвостовой части имеются аналогичные углубления, но здесь спиралевидный орнамент предварительно не наносился. Плавниковая зона представлена достаточно глубокими каналами, сформированными резцом и подправленными резчиком по бортам и дну. Жаберная часть выполнена также резцом и резчиком. Обратная сторона фигурки – слоистая поверхность бивня, не обработана в принципе.

Одно из изображений змеи представляет собой вытянутое изделие, выполненное на стержне

невидном удлиненном фрагменте бивня. Имеет четко выраженные головку, спинку, брюшко. Головка орнаментирована рядами лунок, имеется изображение пасти. На месте спила имеется канал, соединяющий правую и левую части пасти, к нему примыкает незамкнутый овал, оформленный параллельными и круговыми линиями, вероятно, представляющий собой пасть змеи и язычок. Спинка фигурки орнаментирована поперечными линиями, располагающимися на разном друг от друга расстоянии. В хвостовой части изделия имеется сквозное отверстие.

Общее формообразование выполнено путем обработки поверхности скобелем, имеются следы скобления на брюшке. Спинка, вероятно, первоначально была обработана таким же образом, но затем поверхность была перекрыта орнаментом и следами заполировки износа. Линейный орнамент выполнен ножом, использовавшимся в качестве пилы и совершавшим возвратно-поступательные движения. На головке углубления выполнены сверлением острой проверткой. Отверстие в хвостовой части развальцовано строгальным ножом.

Второе изображение змеи представляет собой искривленный, слегка уплощенный стержень, имеющий четкое деление на головку и основное тело. Скульптура покрыта полулунным орнаментом по всей поверхности спины и частично на брюхе [Ларичев, 1993, с. 109].

Характер обработки поверхности плохо определяется. Орнамент выполнен при помощи резца. Предположительно на первом этапе орнаментации были выполнены углубления по всей длине изделия, на последующем этапе эти же углубления были видоизменены в шевронообразный знак встречным движением по всей длине. Место выделения головки выполнено, вероятно, при помощи строгального ножа. Торцы изделия заглажены, в районе «головы» имеются следы надреза, перелома и зашлифовки.

Для рассмотренных скульптур можно выделить несколько характерных особенностей. Во-первых, все три скульптуры обладают сложным орнаментальным комплексом, который во многом определяет вид животного, что не характерно для других зооморфных скульптур мальтинской коллекции. Представлены три вида типичной мальтинской орнаментации: полулунный, продольные линии, ряды лунок [Лбова,

2017, с. 13-14]. Наличие сложной орнаментации может объясняться как семантической составляющей скульптуры (палеоастрономические версии), так и характерными особенностями изображаемых животных (имитация чешуи).

Во-вторых, скульптуры имели разную функциональную направленность, следы утилизации встречаются на них неравномерно. Если фигурка змеи, интерпретируемая как личинка, имеет отверстие и, вполне возможно, использовалась как подвеска, на ней были найдены следы заплыва от последствий контакта с мягким органическим материалом, то на изображении рыбы не было найдено никаких следов утилизации. Скульптуры имеют и разное пространственное расположение на памятнике: змей с полулунным орнаментом был найден под известняковой плитой вместе с антропоморфным изображением, а рыба – в «зоне пластин из бивня» [Липнина, 2002, с. 229]. Расположение в разных планиграфических ситуациях и неравномерное наличие следов утилизации на поверхности характерны для всей коллекции зооморфной скульптуры Мальты [Липнина, 2002, с. 183].

Таким образом, рассмотренные изображения рыбы и змей дополняют коллекцию зооморфных скульптур Мальты. Изделия имеют сходства в технологии производства скульптур, в использовавшемся для этого наборе инструментов, в планиграфических и функциональных особенностях [Лбова и др., 2017, с. 609]. Подход к этим предметам как к зооморфным скульптурам является важным дополнением к вопросу об интерпретации зооморфных образов мобильной пластики палеолитической стоянки Мальта. Согласно этнографическим и археологическим материалам, такие животные, как птицы и змеи, имеют тесную взаимосвязь, свидетельствующую о существовании достаточно сложной картины мира, для которой характерно деление мира не менее чем на две части, синкретичность зооморфных образов (сочетание признаков существ низших и высших миров при характеристике одного и того же животного) [Цивьян, 2002, с. 49, 50; Шмидт, 2006, с. 65]. Представленные мальтинскими материалами такие животные, как птицы, рыбы, змеи, грызуны, во многих этнографических культурах счи-

таются особыми животными, способными жить в разных мирах и совершать путешествия между ними [Элиаде, 2000, с. 55, 58; Шаманский костюм, 2004, с. 13–44]. На наш взгляд, выявленный состав зооморфных образов в коллекции мобильной скульптуры стоянки Мальта нельзя считать просто случайным.

Представленные в данной статье предметы: ихтиоморфные и герпетоморфные изображения были подробно документированы и опубликованы в информационной системе документирования археологических объектов первобытного искусства верхнепалеолитической стоянки Мальта (адрес: malta.artemiris.org).

*Научный руководитель – Л. В. Лбова
д-р ист. наук, профессор*

*Кафедра археологии и этнографии
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

Lbova L. Technological Features of Decorated Ivory Artifacts in the "Classic" Collection from the Mal'ta Site (Siberia, Upper Paleolithic) // Annales d'Université Valahia Targoviste, Section d'Archéologie et d'Histoire, Tome XIX, 2017, Pp. 7–17.

Абрамова З. А. Палеолитическое искусство на территории СССР. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 85 с., 63 табл.

Лбова Л. В. Искусство малых форм Северной Азии в эпоху верхнего палеолита. – Диссертация на соискание у. степени канд. ист. наук. – Кемерово, 2011. 254 с.

Герасимов М. М. Мальта. Палеолитическая стоянка (предварительные данные): результаты работ 1928/29 г. – Иркутск: Власть труда, 1931. – 34 с.

Лбова Л. В., Волков П. В., Панкина А. И. Технологические аспекты производства мобильной пластики в верхнем палеолите (зооморфная скульптура Мальты) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сборник научных трудов / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. – Барнаул: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2017. – С. 608–609.

Липнина Е. А. Мальтинское местонахождение верхнепалеолитических культур: современное состояние изученности и перспективы исследования. – Диссертация на соискание у. степени канд. ист. наук. – Иркутск, 2002. 313 с.

Цивьян Т. В. Змея и птица: к истолкованию тождества // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984. С. 47–57.

Шаманский костюм / О. А. Чернявская, А. А. Дурасов, С. Н. Мурзин. – Иркутск: Артгиздат, 2004. – 78 с.

Шмидт И. В. Изобразительное творчество в палеолите Северной Азии: методики интерпретаций (историографический аспект). – Диссертация на соискание у. степени канд. ист. наук. – Новосибирск, 2006. – 344 с.

Элиаде Мирча. Шаманизм: Архаические техники экстаза. Перевод с английского: К. Богущкий, В. Трилис. – Киев: «София», 2000. – 480 с.

Chthonic Creatures in the Zoomorphic Sculptures Collection of the Paleolithic Site Malta

Pankina A. I.

The zoomorphic sculpture collection of the Paleolithic site Malta is supplemented by three products. These are images of fish and two snakes. The article presents the results of morphological, technological and stylistic analyzes of these sculptures.

Keywords: Primitive art, zoomorphic sculpture, technology, Upper Paleolithic, Malta, Siberia

Панкина Анна Ильинична

магистрант 1-го года обучения
Новосибирский государственный университет
e-mail: pankina1995b@mail.ru

Pankina Anna Ilyinichna

Master's program, 1st year
Novosibirsk State University
e-mail: pankina1995b@mail.ru

Орнаментика мальтинских дисков: технология, образы, смыслы*

Т. Е. Ростяженко

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

*Работы выполнены при поддержке гранта РФФИ №18-78-10079 «Разработка технологий и информационной системы документирования и научного обмена археологическими данными»

Современные исследования показывают, что более 30 тысяч лет назад на всех континентах люди использовали схожие по начертанию символы в различных комбинациях, что дает веские основания предположить, что эти знаки являются средством передачи информации [Weise, 2007]. Материалы эталонного верхнепалеолитического местонахождения Мальта являются одним из классических примеров в археологии Сибири, позволяющих рассматривать отдельные предметы как средство хранения и передачи информации.

Изделия из бивня, кости, рога, поделочно-го камня характеризуют более 800 предметов палеолитической пластики, включая орнаментированные диски и пластины, которые можно выделить в особую группу [Герасимов, 1931; Каменный век... 2001 и др.]. Группа представляет собой шесть предметов, выполненных на плоских отщепках и пластинах из бивня мамонта, которые можно классифицировать по типу заготовки, форме и характеру элементов орнамента («ямки», зигзаг, С-образные знаки). «Ямочный» орнамент выполнялся проверткой с округлым концом, а каждая точка – разовым поворотом [Рогачев, 1983] – 2 экз. Первый предмет (Большая мальтинская пластина) – крупная (146x89x12 мм), слегка выгнутая трапециевидная пластина с отверстием посередине, наружная сторона покрыта орнаментом в виде четырех малых спиралей (202 лунки) и одной крупной, расположенной в центре (242 лунки). Предварительно были выгравированы линии, вдоль которых выстраиваются лунки. Второй предмет, небольшой диск, покрыт «ямками», наряду с С-образным орнаментом.

Зигзагообразный орнамент выполнялся в виде коротких бороздок, прочерчивался короткими отрезками. Таким орнаментом покрыты два небольших диска подквадратной формы. С лицевой стороны на обоих дисках выполнены по 18 параллельных линий зигзага.

По мнению А. Филиппова, выполняя элементы С-образного орнамента, скульптор наносил три сверлины, центральная глубже боковых, а затем соединял их. Еще один вариант нанесения – проскабливание острием с двух сторон по направлению к точке двух выемок [Филиппов, 2004]. Таким орнаментом декорированы два предмета: диск с тремя незакончен-

ными линиями орнамента и крупная пластина, покрытая им в пять линий (130 С-образных знаков) на лицевой стороне («сигара»).

Таким образом, в коллекции представлены три основных элемента орнамента, характерные для палеолитического искусства Сибири: С-образные или полулунные знаки, зигзаги или волнистые линии, а также лунки («ямки»). С-образные знаки встречаются на трех дисках, зигзаг выполнен на двух пластинах, а орнаментом, составленным из «ямок», покрыты две пластины (одна полностью и одна частично), имеющие различную технологическую природу [Lbova, 2017].

Изделия с аналогичным «ямочным» орнаментом можно выделить в коллекции костяной индустрии Янской стоянки [Питулько, 2014]. Подобный орнамент также встречается на небольшой пластинке в форме животного и на «жезде начальника» из погребения подростков (верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь [Солдатова, 2014]. Изделие с зигзагообразным орнаментом встречается на стоянке Юдиново-1 (овальная бляха из бивня) [Верхний палеолит..., 2016].

Интерпретация знаков является предметом исследований в области семантики и метрологии, и в этом случае важно учитывать общий характер композиции всего орнаментированного участка.

Одним из устойчивых принципов декорирования является орнаментирование по разметке спирали. Спираль как один из самых распространенных символов каменного века понималась специалистами по-разному. Чаще всего спираль рассматривают как изображение змеи, символ времени, вечности, жизни и смерти [Кабо, 2002]. Также спираль интерпретируется как символ дыхания и ритуального танца [Керлот, 1994].

Изделия со спиралевидным орнаментом на стоянке Мальта представлены более широко, чем описанная коллекция (например, орнаментация изображения рыбы, мальтинских антропоморфных фигурок, 8-образных подвесок).

В палеолитическом искусстве Русской равнины спираль встречается не только в виде рисунка или гравировки, но и в виде скульптуры. На стоянке Костенки I было найдено плоское изделие в форме полуспирали, а также уплощенный диск, орнаментированный спиралевидным рисунком с двух сторон [Верхний палеолит..., 2016].

Одним из ярких примеров изделий с комбинациями спиралевидного орнамента являются стержни из пещеры Истюриц [Passemard, 1920].

В этнографических материалах спираль часто встречается в орнаментации одежды, предметов быта, на культовых предметах [Кабо, 2002].

На данный момент существуют несколько наиболее обоснованных интерпретаций функции описанных выше мальтинских артефактов. М. М. Герасимов считал, что мальтинские пластины служили предметами украшений. Согласно В. Е. Ларичеву, орнаменты на предметах Мальты являются древней счетной календарно-астрономической системой. Нами ранее высказывалась мысль о престижном характере этих предметов [Герасимов, 1931; Ларичев, 1986; Ростяженко, 2018, и др.].

Приведенные предметы подробно документированы и опубликованы в Информационной системе данных об объектах первобытного искусства стоянки Мальта по адресу malta.artemiris.org.

*Научный руководитель – Л. В. Лбова
д-р ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Lbova L. Technological Features of Decorated Ivory Artifacts in the "Classic" Collection from the Mal'ta Site (Siberia, Upper Paleolithic). *Annales d'Université Valahia Targoviste, Section*

d'Archéologie et d'Histoire. – Tome XIX. – 2017. – Pp. 7–17

Passemard E. 1920 Les Spirales de la caverne d'Isturitz. In: *Bulletin de la Société préhistorique de France*, tome 17, N° 6. Pp. 150–154

Weise H. The co-evolution of number concepts and counting words. *Lingua*, 2007. Volume 117, Issue 5, Pp. 758–772

Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / Отв. редактор Г. А. Хлопачев. СПб.: Экстрапринт, 2016. — 384 с.: цв. ил.

Герасимов М. М. Мальта. Палеолитическая стоянка (предварительные данные): результаты работ 1928/29 г. – Иркутск: Власть труда, 1931. – 25 с.

Кабо В. Р. Круг и крест. Размышления этнолога о первобытной духовности. – Канберра: Алчеринга, 2002. – 232 с.

Каменный век Южного Приангарья. Бельский георхеологический район / отв. ред. Медведев Г. И. –Иркутск: Изд-во ИГУ, 2001. – Т. 2. – 242 с.

Керлот Х. Э. Словарь символов. – М.: REFL-book, 1994. – 608 с.

Ларичев В. Е. Мальтинская пластина из бивня мамонта. – Новосибирск: Инст. истории, филологии и философии, 1986. – 44 с.

Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Иванова В. В. Искусство верхнего палеолита Арктической Сибири: личные украшения из раскопок Янской стоянки // *Уральский исторический вестник*. – 2014. – Вып. 2. – С. 6–17

Рогачев А. Н. Технология производства в эпоху палеолита. – Л.: Наука, 1983. – 208 с.

Ростяженко Т. Е. Мальтинские орнаментированные диски как предметы престижа // *Археология: Материалы 56-й Междунар. науч. студ. конф. 22-27 апреля 2018 г. / Новосибир. гос. ун-т. –Новосибирск: ИПЦ ИГУ, 2018, С. 23–24.*

Солдатова Т. Е. Изделия из кости с верхнепалеолитической стоянки Сунгирь // *Вестник ТГУ*. – 2014. – Вып. 385. – С. 122–125

Филиппов А. К. Хаос и гармония в искусстве палеолита. – СПб: Нестор-история, 2005. – 224 с.

The Ornamentation of Malta's Discs and Blades: Technology, Images and Meanings

T. E. Rostyazhenko

The famous site of the classical stage of Upper Paleolithic in Eurasia is Malta-site; it is located in Baikal-zone (South Siberia). Three categories of decoration presented in the collection are typical for Siberian Paleolithic Art: C-shaped or scalloped marks zigzag and «cupules». C-shaped marks are found on three disks, zigzag – on three blades, one blade is fully covered with «cupules» and one more is covered partially. There are several interpretations of the disks including decorations, calendar-astronomical system and prestige technologies.

Keywords: Prehistory Art, symbol, ornament, technology, Siberia

Ростяженко Татьяна Евгеньевна

студентка 3-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: miss.oldman2017@yandex.ru

Rostyazhenko Tatyana Evgenievna

3rd year student

Novosibirsk State University

e-mail: miss.oldman2017@yandex.ru

УДК 902

Донеолитические погребения в пещере Ниа, Борнео*

Г. В. Серовец

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №18-09-00010 «Древние культуры островной части Юго-Восточной Азии: происхождение, особенности и региональное значение»

Пещерный комплекс Ниа (Niah) является опорным археологическим объектом для всей Юго-Восточной Азии. Осознавая значимость этого памятника, исследователи стараются

проводить его комплексный анализ, детально рассматривая все хронологические периоды, уделяя внимание антропологии, палеогенетике, геологии и т.п. Одной из перспективных

областей изучения на протяжении более полувека остается исследование погребальных практик. Выбор данной темы исследования обусловлен массовостью обнаруженного археологического материала, значительной вариативностью погребальных практик, а также довольно ранней для Юго-Восточной Азии датировкой.

Остров Борнео, также известный как Калимантан, находится в центре Малайского архипелага, окружён Южно-Китайским морем на севере и северо-западе, морем Сулу на северо-востоке, морем Сулавеси на востоке и Яванским морем на юге. Археологический комплекс пещер Ниа располагается в северной части острова и представляет собой небольшие по высоте холмы с пещерами карстового происхождения. Комплекс, состоящий из 21 пещеры, располагается в горе Гунунг Субис (Gunung Subis), с высшей точкой 394 м над уровнем моря [Barker, Reynolds, Gilbertson, 2005].

Первооткрывателем пещеры считается Альфред Рассел Уоллес, который в 1854 г. обнаружил ее в ходе изучения местной флоры и фауны. Однако систематические археологические исследования на памятнике начались только в 1957 г. Пионерные работы Тома и Барбары Харриссон открыли мировому научному сообществу богатый археологический материал, который позволил говорить о наличии последовательно сменяющих друг друга периодов, начиная от палеолита (41,500±1000 л.н.) и заканчивая этнографической современностью.

На данный момент существуют две классификации донеолитических погребений: Барбары Харриссон (1967) и Линдсея Ллойда-Смита (2009). Изначально было выделено три группы донеолитических захоронений (погребения в позе зародыша, сидячие погребения, «деформированные» погребения) [Harrisson B., 1967]. После получения новых сведений и повторной обработки уже известного материала в начале 2000-х гг. была проведена рекласификация, в ходе которой вторичные несоревшие погребения и вторичные кремированные погребения заменили собой группу «деформированных погребений» [Lloyd-Smith, 2009].

Погребения в позе зародыша описываются исследователями как: «первичные захоронения с согнутыми руками и ногами, часто с лодыжками под тазом» [Harrisson B., 1967]. Особенности данной группы являются плотное сжатие рук в локте, изогнутые вверх предплечья, отсутствие могильной конструкции, а также какого-либо воздействия огня на кости умершего. Глубина таких захоронений варьируется от 0,30 до 1,27 м, датировка – от 8000 до 6000 л.н. На данный момент к кате-

гории погребений в позе зародыша относятся семнадцать захоронений: B25, B27, B77, B84, B87, B88A B88B, B89, B93, B145, B148, B155, B156, B170, B171, B172 и B173 [Lloyd-Smith, 2012].

Сидячие погребения классифицируются как «первичные захоронения со скрещенными ногами; туловище опустилось над тазом, как будто находилось в сидячем положении» [Harrisson B., 1967]. Можно выделить следующие характерные черты группы: 1) поза с разведенными ногами с коленями вперед от таза; 2) отсутствие какой-либо могильной конструкции; 3) глубина залегания захоронений от 0,46 до 0,91 м; 4) радиоуглеродное датирование от 8 000 до 14 000 л.н. Данная группа подразделяется на две подгруппы – сидячее/обуленное (B54, B141 и B147) и сидячее/необуленное (B83). Такое разделение связано с тем, что погребение B83 существенно отличается от остальных захоронений, однако по многим признакам все же относится к этой группе [Lloyd-Smith, 2012].

Расформированная группа «деформированных» погребений описывалась Барбарой Харриссон как «захоронения с деформацией, которая произошла до разложения плоти и связок; при этом расположение тела анатомически верно» [Harrisson B., 1967]. В современной археологии памятника считается, что в данную категорию Том и Барбара Харриссон относили те захоронения, которые не подходили по каким-либо параметрам в другие группы.

Ллойд-Смит выделяет две новые категории: вторичные несоревшие (B92, B146) и вторичные кремированные (B82, B176) погребения. В результате рекласификации погребения B92 (ок. 7 140 л. н.) из категории деформированных, а B146 (ок. 11 400 л.н.) из категории сидячих переместились в группу вторичных несоревших. Вторичные кремированные погребения были найдены на небольшом расстоянии относительно друг друга и датированы ок. 18 000 л. н. [Lloyd-Smith, 2009].

Научную значимость археологического комплекса пещер Ниа невозможно переоценить. Несмотря на то, что его раскопки ведутся этапами уже более полувека, археологи не исследовали и половины богатого материала памятника. Однако то, что уже изучено, представляет собой богатейшую коллекцию, опираясь на которую, можно детально рассмотреть отдельные аспекты жизнедеятельности людей прошлого.

Особое место в изучении материальной и духовной культуры древнего населения Юго-Восточной Азии занимает погребальный обряд. Накопленный археологический мате-

риал позволяет проследить изменение и развитие погребальной практики, а следовательно, и изменения в мировоззрении обитателей пещеры Ниа.

Научный руководитель – А. В. Табарев
д-р ист. наук
ведущий научный сотрудник
зав. сектором зарубежной археологии
Институт археологии и этнографии СО РАН

Список литературы

- Barker G., Reynolds T., Gilbertson D.* The Human Use of Caves in Peninsular and Island Southeast Asia // *Asian Perspectives*. – 2005. – Vol. 44. – No.1 – P. 1–15.
- Harrison B.* A Classification of Stone Age Burials from Niah Great Cave, Sarawak // *Sarawak Museum Journal*. – 1967. – Vol.15. – P. 126–200.
- Lloyd-Smith L.* Chronologies of the Dead: Later Prehistoric Burial Practice at the Niah Caves, Sarawak. Unpublished PhD dissertation, University of Cambridge. 2009.
- Lloyd-Smith L.* Early Holocene burial practice at Niah cave, Sarawak // *Indo-pacific archaeology* – 2012. – Vol. 32. – P. 54–69.

Pre-Neolithic Burial Practice at Niah Cave, Borneo

G. V. Serovets

The article is devoted to pre-Neolithic burial practice at Niah caves. In light of renewed investigation of new radiocarbon dates and cave stratigraphy, this paper reviews the classification of pre-Neolithic burials at Niah Cave. Here is a short description of the various groups of burials (primary flexed, primary seated, secondary unburnt, and secondary cremated).

Keywords: Southeast Asia, Borneo, Niah caves, pre-Neolithic, burial practice

Серовец Галина Витальевна
студентка 4-го курса
Новосибирский государственный университет
e-mail: galyaserovets@gmail.com

Serovets Galina Vitalevna
4th year student
Novosibirsk State University
e-mail: galyaserovets@gmail.com

УДК 903(571.53)»6325»

Палеолитические комплексы в окрестностях Мальты (Шамотный Завод – Новомальтинск)*

И. С. Шегутов

Иркутский государственный университет, Иркутск

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 074-02-2018-334
«Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Палеолитическая стоянка Мальта является одной из самых ярких «звезд» в созвездии палеолитических местонахождений Сибири. Она открыта в 1928 г. М. М. Герасимовым [1931, 1935], и до сих пор занимает одно из центральных мест в исследованиях сибирского палеолита. Местонахождение расположено на левом берегу р. Белой (левый приток р. Ангары) на верхней окраине пос. Мальта. Многолетние исследования комплексов этого объекта, продолженные после М. М. Герасимова Иркутским государственным университетом (Г. И. Медведев, Е. А. Липнина – 1981, 1990–1993, 1995–2001, 2014, 2016–2018 гг.), показали, что Мальтинское палеолитическое местонахождение является многослойным, с 14 уровнями содержания артефактов [Северная Азия..., 2007, с. 51–52]. Классический комплекс Мальты имеет возраст в интервале 25–28 кал. тыс. л. н. (21–23 тыс. л. н. 14С). Выше классического комплекса расположены четыре уровня находок, связанных с отложениями сартанского возраста (sr – МИС 2). Ниже классического мальтинского комплек-

са находятся более древние уровни находок – три из них имеют каргинский возраст (kr, МИС 3) с датировками от 29 до 45 кал. тыс. л. н. (от 26 до 43 тыс. л. н. 14С) и один уровень, связанный с муруктинскими отложениями (mr, МИС 4) возрастом более 60 тыс. л. н. Для нижних комплексов характерны артефакты из кварцита, в отличие от остальных уровней, где в качестве каменного сырья преобладает кембрийский кремний.

Мальтинской стоянке в долине р. Белой сопутствуют ряд палеолитических местонахождений в хроноинтервале от более 100 тыс. л. н. до конца плейстоцена, открытых и в разной степени изученных различными исследователями [Северная Азия..., 2007]. Перспективным участком для поиска палеолитических объектов, прежде всего каргинского времени, является территория современного пос. Новомальтинск (старое название Шамотный Завод), который находится на левом берегу р. Белой, в 3 км на северо-восток от верхней окраины пос. Мальта. На этой площади на участке между

падами Камень и Глубокий Лог на протяжении около 2,5 км в разные годы обнаружены ряд объектов с материалом палеолитического возраста. Комплексы фиксировались и в экспонированном состоянии, и в отложениях террасовидной поверхности с относительными отметками 15–20 м от уреза р. Белой.

Первые объекты на территории пос. Новомальтинск открыты М. М. Герасимовым в конце 20-х гг. XX в. [Бердникова, 2007]. Начиная от пади Камень до Шамотного Завода в полосе шириной до 100 м им собран на пашнях подъемный материал финальнопалеолитического возраста (бадайская стадия). Это местонахождение получило название Камень. По правому борту Глубокого Лога на пашнях М. М. Герасимовым собрана коллекция артефактов бадайсской стадии. Этот пункт он обозначил как Бадай.

В 1957 г. на территории местонахождения Урочище Камень в отложениях траншеи строящегося трубопровода А. П. Окладниковым зафиксированы артефакты. Раскопки проводились одним из отрядов Братской археологической экспедиции ИИМК. Вдоль траншеи на участке длиной около 600 м было заложено несколько врезок, небольших раскопов общей площадью около 130 кв. м. Эта территория вошла в литературу как «Шамотный Завод» [Тарасов, 1978]. Археологические остатки фиксировались в отложениях на двух уровнях: первый уровень – в подошве горизонта В (суглинок красно-бурый) на глубине 0,40 м; второй уровень – в слое светлого песка, кровля которого нарушена морозобойными трещинами. Общее количество находок составило более 8,5 тыс. ед. Возраст найденного материала определяется его морфологией и стратиграфическим положением – верхний уровень, скорее всего, имеет возраст второй половины $sg4$ (11,7–14,8 кал. тыс. л. н.); нижний уровень – $sr3$ (17–18 кал. тыс. л. н.). В составе фауны, в большинстве собранной в отвалах траншеи, обращает на себя внимание каргинский комплекс: мамонт, шерстистый носорог, пещерный лев. К сожалению, каргинские отложения в 1957 г. вскрыты не были.

В середине 60-х гг., по устному сообщению Г. И. Медведева, при рытье котлована под магазин, расположенного в центре поселка и в 120 м вглубь от бровки террасы, был вскрыт археологический комплекс с каменными артефактами и крупной фауной, связанный с каргинскими отложениями. В 1966 г. на территории пос. Новомальтинск (Шамотный Завод) Г. И. Медведевым и Н. А. Савельевым проведены разведочные работы. Заложено три шурфа. Точное расположение шурфов установить не удалось, но, исходя из практики разведочных работ того времени, они располагались в прибровочной части террасовидной поверхности.

Наиболее представительная коллекция артефактов собрана в шурфе 3. Каменный инвентарь насчитывает 51 экз. Сырьём служил серый и чёрный кремль (59%), разнозернистый кварцит (39%) и аргиллит (2%).

Индустрия сколов насчитывает 18 экземпляров (35%), среди сколов выделяется один долечный скол, один реберчатый и 4 полуреберчатых. Один кварцитовый скол апплицируется с чоппером-отбойником. Также к индустрии сколов относится микропластина (1 экз.) и фрагменты пластин (4 экз.) – один проксимальный фрагмент, один медиальный и два дистальных.

К нуклевидным формам относятся 13 экземпляров (26%), среди них 11 преформ, две из которых можно отнести к заготовкам нуклеусов со скошенной площадкой, и 2 типологически определяемых нуклеуса: оба двухплощадочные, бифронтальные, один – пирамидальный, другой – с вогнутыми скошенными площадками и встречными снятиями.

Орудийный набор насчитывает 20 экземпляров (39%) и включает в себя преформы орудий – 3 экз. (15%), чопперы-отбойники – 3 экз. (15%), скребла – 2 экз. (10%), скребки – 2 экз. (10%), сколы с ретушью утилизации – 9 экз. (45%) и фрагмент пластины с ретушью – 1 экз. (5%). Предметы изготовлены из разнозернистого кварцита (60%) и кремня (40%). Также в коллекции присутствует костяное острие (1 экз.).

По наличию карбонатной корки на поверхности артефактов основное их количество найдено в сартанских отложениях, аналогично Шамотному Заводу 1957 г. Часть кварцитовых сколов без карбонатной корки и два скребла, выполненных на кварцитовых сколах, можно отнести к комплексам каргинского возраста. Одно скребло – продольное, второе – угловое (*déjeté*). Оба скребла одинарные, со ступенчатой дорсальной ретушью. Наличие на территории пос. Новомальтинск материалов каргинского возраста подтверждено раскопками 2013, 2014 гг., проведенных Г. И. Медведевым и Е. А. Липниной, которые зафиксировали два уровня находок в каргинских педокомплексах (материалы не опубликованы).

Таким образом, территория пос. Новомальтинск является перспективной для исследований комплексов палеолита как сартанского, так и каргинского времени, которые возможно синхронизировать с аналогичными комплексами Мальты.

*Научный руководитель – Н. Е. Бердникова
старший научный сотрудник
Научно-исследовательский центр
«Байкальский регион»
Иркутский государственный университет*

Список литературы

Бердникова Н. Е. Роль М. М. Герасимова в исследовании финальнопалеолитических культур Прибайкалья // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2007. – Т. 1. – С. 58–65.

Герасимов М. М. Палеолитическая стоянка в Мальте // Сбщ. ГАИМК. - 1931 - № 11/12. – С. 55–57.

Герасимов М. М. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальта // Палеолит СССР: Материалы по истории дородо-

вого общества. – М.; Л., 1935 – С. 78–124. – (Изв. ГАИМК – Вып. 118).

Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Сибирская археологическая полевая школа: Путеводитель экскурсий / Н. Е. Бердникова, Г. А. Воробьева, О. И. Горюнова, Е. А. Липнина, Г. И. Медведев, А. В. Мироманов, Е. О. Роговской, С. П. Таракановский, Е. А. Слагода, Е. Б. Ощепкова. – Иркутск: Изд-во «Оттиск». 2007. – 124 с.

Тарасов Л. М. Палеолитическая стоянка Шамотный завод // Древние культуры Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 35–56.

Paleolithic Complexes in the Neighborhood of Malta (Shamotny Zavod – Novomaltinsk)

I. S. Shegutov

This article analyzed data on Paleolithic complexes in the village of Novomaltinsk (the old name is Shamotny zavod), located in close proximity to the world famous Malta Paleolithic site. Both exposed and stratified Paleolithic objects are known in this territory. It has been determined that the territory of the village of Novomaltinsk is promising for research of Paleolithic complexes, both of Sartan Ice Age and Karginisky Interstadial, which can be synchronized with similar complexes of Malta.

Keywords: Upper Paleolithic, Malta, Novomaltinsk, search prospects.

Шегутов Иван Сергеевич

студент 2-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: shegutow@gmail.com

Shegutov Ivan Sergeevich

2nd year student

Irkutsk State University

e-mail: shegutow@gmail.com

НЕОЛИТ — ЭНЕОЛИТ

УДК 903.08(571.53)»637»

Экспериментальная реконструкция рубчатого и ячеистого технического декора керамических сосудов Байкало-Енисейской Сибири (неолит – ранний бронзовый век)*

М. Е. Абрашина

Иркутский государственный университет

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ, проект № 074-02-2018-334 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Реконструкция технологических аспектов при помощи эксперимента является важной составляющей комплексного изучения традиций древнего гончарства. Одним из таких аспектов является техника обработки поверхности керамических сосудов. В настоящей статье рассматривается технический декор – под ним следует понимать отпечатки на поверхности сосудов, которые получают в процессе изготовления сосуда при помощи особых технических приемов и формообразующих инструментов [Бердников, 2011, с. 57]. Целью исследования является реконструкция видов технического декора (рубчатого и ячеистого), фиксируемого на сосудах неолита – раннего бронзового века Байкало-Енисейской Сибири.

Подобные эксперименты уже проводились исследователями на материалах изучаемого ими региона [Воробьев, 1999; Глушков, Глушкова, 1992; Лопатина, 2017]. Однако некоторые виды технического декора, встречаемые на сосудах Байкало-Енисейской Сибири, имеют аналоги только в материалах сопредельных территорий Забайкалья и Якутии [Воробьев, 1999; Цыденова, 2012]. Таким образом, технологические традиции, присущие гончарству на исследуемой территории, носят региональный характер.

Ранее нами проведены исследования, в ходе которых опробована техника нанесения отпечатков на модели, подобные сосудам с сетчатым и шнуровым декором. Исходя из характера проанализированных следов на археологической керамике, сетчатые отпечатки были

смоделированы при помощи двух способов: выбивания лопаткой, обмотанной фрагментом сетчатого полотна, и выбивания гладкой колотушкой сосуда через наложенное на него сетчатое полотно [Абрашина, 2017б, с. 73–74]. Шнуровой техникой декор воспроизводился с использованием витых шнуров из крапивы и сухожилий [Абрашина, 2017а, с. 13]. Кроме выбивания сосудов, был опробован такой способ декорирования, как рельефное прокатывание округлой палочкой с намотанным на нее шнуром.

Керамика с оттисками рубчатой (резной) лопатки на исследуемой территории широко представлена в материалах среднего неолита и бронзового века. К ней относятся керамика посольского типа, рубчатая керамика с жемчужинами и керамика улахан-сегеленняхского типа. Характер рубчатых оттисков на сосудах разнообразен, что выражается в ширине борозд, которое варьирует от 0,1 до 0,5 см, а также в направлении оттисков и четкости отпечатков. Для посольской керамики характерны четкие борозды разной ширины, которые располагаются преимущественно вдоль вертикальной оси сосуда. Для рубчатой керамики с жемчужинами характерны оттиски различной ширины и четкости, нанесенные в горизонтальном направлении, иногда с отклонением от оси на 30–40° (рис. 1, 2). Схожие характеристики имеет рубчатый технический декор улахан-сегеленняхской керамики.

В среднем и позднем неолите появляется традиция декорирования сосудов ячеистыми

(вафельными) оттисками, которая фиксируется на неолитической керамике посольского и ымыяхтахского типа, а также на сосудах улахан-сегеленняхской культуры бронзового века. Фиксируемые на сосудах ячеистые оттиски не отличаются большим разнообразием. Главные отличия, отмеченные на отобранных образцах, заключаются в размере элементов (ячеек), их симметричности, а также толщине рельефных выступов между ними. На ымыяхтахской керамике ячейки зачастую имеют квадратную форму с более широкими выступами (0,2–0,3 см) (рис. 2, 2). На образцах посольского и улахан-сегеленняхского типа ячейки более вытянутые, то есть ромбовидные, а выступы тоньше (0,1 см) (рис. 2, 4). В ориентации оттисков не прослеживается закономерностей.

Согласно выявленным характеристикам оттисков, зафиксированных на археологических образцах, нами были изготовлены лопатки (колотушки) с разными рабочими поверхностями. Для воспроизведения ячеистых оттисков изготовлены лопатки с вырезанными на них двумя видами орнамента: композицией ромбовидных ячеек с тонкими бороздами (рис. 2, 3) и композицией квадратных ячеек с широкими бороздами (рис. 2, 1). Для моделирования рубчатых оттисков изготовлены лопаточки с вырезанными на них рубцами, которые отличаются по направлению (вертикальные и горизонтальные) и толщине (0,1 см и 0,3 см) (рис. 1, 1, 3–4).

С помощью изготовленных инструментов была произведена выбивка эталонных образцов, сконструированных на деревянной и глиняной формах-основах. Также опробован прием тиснения на предварительно выбитых гладкой колотушкой эталонах. Различия в оттисках незначительные, сложно дифференцируемые.

В результате сравнительного анализа эталонных оттисков с археологическими образцами не было выявлено существенной разницы. Единственное отличие отобранных фрагментов керамики от эталонов выявлено

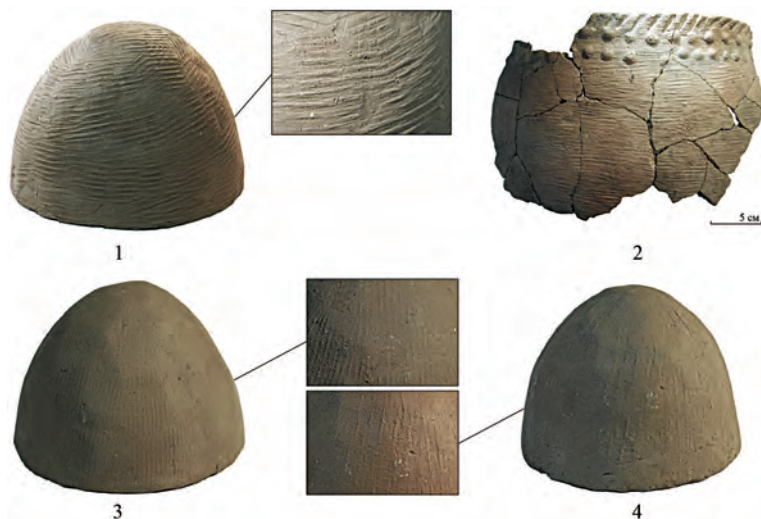

Рис. 1. Рубчатая керамика: 1 – эталонный образец, выбитый лопаткой с узкими бороздами (рубцами) в горизонтальном направлении; 2 – фрагмент рубчатого сосуда со стоянки Генералова (раскопки 2014 г.); 3 – эталонный образец, выбитый лопаткой с узкими бороздами (рубцами) в вертикальном направлении; 4 – эталонный образец, выбитый лопаткой с широкими бороздами (рубцами) в вертикальном направлении)

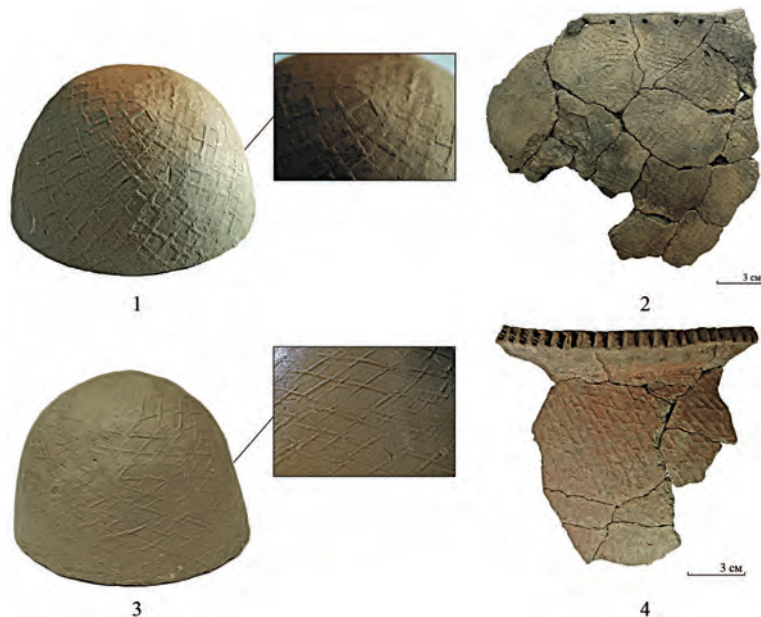

Рис. 2. Керамика с ячеистым техническим декором: 1 – эталонный образец, выбитый лопаткой с квадратными ячейками; 2 – фрагмент ымыяхтахского сосуда со стоянки Деревня Мартынова; 3 – эталонный образец, выбитый лопаткой с ромбовидными ячейками; 4 – фрагмент улахан-сегеленняхского сосуда со стоянки Генералова

при помощи микроскопа Альтами SM0745-T. Оно заключается в отсутствии на большинстве археологических образцов четких отпечатков фактуры дерева, которые отмечены на экспериментальных образцах. Возможно, это результат сглаживания микрорельефа поверхности, происходившего в процессе последующих операций по изготовлению сосуда и его эксплуатации. В дальнейшем следует обратить внимание и на изменение рабочей поверхно-

сти инструмента после его продолжительного использования, поскольку этот фактор также мог сказаться на характере отпечатков. Кроме того, можно предположить, что материалом для резных колотушек могла служить и кость с гладкой рабочей поверхностью.

Исходя из результатов эксперимента, можно отметить, что с периода раннего неолита в Байкало-Енисейской Сибири сохраняется традиция изготовления сосудов методом выбивания. В ходе эксперимента нами опробованы два приема обработки поверхности – выбивание и тиснение, которые не демонстрируют существенных различий в характере оттисков, а это осложняет точную идентификацию конкретных приемов. Также выявлено сходство смоделированных нами на эталонных образцах различных видов технического декора с теми, что фиксируются на сосудах эпохи неолита – бронзового века.

*Научный руководитель – И. М. Бердников
канд. ист. наук
старший научный сотрудник
Научно-исследовательский центр
«Байкальский регион»
Иркутский государственный университет*

Список литературы

Абрашина М. Е. К вопросу о происхождении шнурового технического декора на керамических сосудах Байкало-Енисейской Сибири: технология и эксперимент // Международная археологическая школа в Болгаре. – Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2017а. – С. 11–18.

Абрашина М. Е. Технический декор неолитических сосудов Байкальской Сибири по данным экспериментальных исследований // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур народов Евразии. – Сургут; Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017б. – С. 73–76.

Бердников И. М. Техника декорирования керамических сосудов. Терминология и принципы описания // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2011. – С. 54–62.

Воробьев С. А. Опыт экспериментального моделирования неолитической керамики Якутии и некоторые проблемы ее технологии // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. – Новосибирск: Наука, 1999. – С. 64–86.

Глушков И. Г., Глушкова Т. Н. Текстильная керамика как исторический источник: По материалам бронзового века Западной Сибири. – Тобольск: Тобольский пед. ин-т, 1992. – 130 с.

Лопатина О. А. Рельефное прокатывание поверхности как прием создания так называемых «текстильных» отпечатков на древней керамике // Археология Евразийских степей. – Казань: ИА им. А.Х. Халикова АН РТ, 2017. – № 4. – С. 287–296.

Цыденова Н. В. Керамика со шнуровыми отпечатками в Байкальском регионе и на сопредельных территориях // Феномен геологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня открытия Б. Э. Петри Улан-Хады. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. – С. 239–246.

Experimental reconstruction of ribbed and cellular technical decor on the ceramic vessels of Baikal-Yenisei Siberia (Neolithic – Early Bronze Age)

M. E. Abrashina

Results of the experimental modeling of technical decor on the ceramic Neolithic and Early Bronze vessels of Baikal-Yenisei Siberia are presented. The specimens of the archaeological vessels with ribbed and cellular technical decor were selected. Special attention was paid to the knocking out and print technique of the vessels using the wooden paddles with carved work surfaces. As a result, similarities between the reference impressions and original impressions on the archaeological ceramics were revealed. *Keywords:* Baikal-Yenisei Siberia, Neolithic, Bronze Age, pottery, experimental archaeology, technology, technical decor.

Абрашина Мария Евгеньевна
магистрант 1-го года обучения
Иркутский государственный университет
E-mail: mariya28_09@mail.ru

Abrashina Maria Evgenievna
1st year of Master's course
Irkutsk State University
E-mail: mariya28_09@mail.ru

УДК 902.652

Некоторые итоги изучения гончарной технологии керамики с памятников неолита Европейского Северо-Востока *

Н. С. Батуева

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

* Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ проект № 18-39-00059 «Ранние гончарные традиции населения Среднего Предуралья» и РГНФ проект № 17-11-59004а/У «Неолитизация Верхнего и Среднего Прикамья: основные подходы и методы исследования»

Территория Северо-Востока Европы с севера ограничена побережьями Баренцева и Печорского морей, а с востока Уральским хребтом, при этом не имея как таковых границ на западе и юге. Современные

исследователи считают, что неолит данной территории можно разделить на два этапа. К первому этапу относятся такие памятники, как Дутово I, Черная Вадыя, Эньты I, поселения и стоянки черноторской и камской архе-

ологических культур [Археологическая карта РК, с. 16], и датируются ранним неолитом. Ко второму этапу относятся памятники с традициями ямочно-гребенчатой керамики [Карманов, 2012, с. 419-446].

Изучение технологии изготовления сосудов было проведено в рамках историко-культурного направления, созданного А. А. Бобринским на основе применения методики бинокулярной микроскопии, трасологии и физического моделирования [Бобринский, 1978; 1999]. В данной работе упор был сделан на изучении двух элементов гончарной технологии – представлений об исходном пластичном сырье (далее ИПС) и рецептов формовочных масс (далее ФМ).

Технико-технологическому анализу подверглись 49 сосудов из керамических коллекций следующих памятников: Пезмог IV (1), Конещелье (6), Эньты I (12), Вис I (16), Черноборская III (1), Прилукская (1), Зубово (12).

По итогам анализа нам удалось разделить керамические коллекции на две группы: с орнаментацией гребенчатым штампом и с орнаментацией наколами или насечками.

Первая группа посуды, орнаментированной гребенчатым штампом, делится на подгруппы:

1.1. Первая подгруппа включает в себя посуду камской неолитической культуры и близких к ней типов. Сюда относятся сосуды с поселения Вис I, Пезмог IV, Конещелье и Эньты I. Всего было выделено 9 сосудов. Сосуды данной группы были изготовлены из незапесоченной глины (44%) или илистой глины (56%). В 90% было использовано сырье в естественно увлажненном состоянии (табл. 1). В рецептах ФМ можно выделить следующие составы: «глина/илистая глина + Ш», «глина/илистая глина + ОР», «илистая глина + Ш + ОР» и «глина + дробленая глина + ОР» (табл. 2). Наиболее распространенным рецептом является состав с Ш и ОР. Остальные составы были встречены примерно в равных количествах, кроме последнего. Рецепт с дробленой глиной и ОР был зафиксирован только на стоянке Конещелье. Помимо этого, данный сосуд отличается тем, что при его орнаментации использовалось «естественное орудие», вероятно, челюсть мелкого грызуна. Посуда данной группы имеет следующие характерные черты: толстостенность (от 0,7 см и более), встречаются венчики, скошенные внутрь с наплывом, орнаментированные плотно гребенчатыми отпечатками, иногда с ямками, выполненными углом штампа. В данных коллекциях были зафиксированы такие приемы нанесения орнамента, как штамповка (оттискивание) и прокатывание. Вся

посуда относится к раннему неолиту [Карманов, 2012, с. 422].

1.2. Ко второй подгруппе мы отнесли сосуды с таких памятников, как Вис I и Эньты I. Всего было выделено 18 сосудов. Технико-технологический анализ показал, что для изготовления данной посуды использовалось исключительно незапесоченное глинистое сырьё. Чаще всего это были глины, лишь в одном сосуде были зафиксированы илистые глины. Примерно 20% сосудов были изготовлены из дробленых незапесоченных глин. Остальное сырьё употреблялось в естественно увлажненном виде (табл. 1). Анализ рецептов ФМ показал наличие следующих составов: «илистая глина/глина + дресва» (3 сосуда – 16%) и «глина + дресва + ОР» (15 сосудов – 84%) (табл. 2). Морфологические признаки данной подгруппы заключаются в следующем: толстостенные сосуды (от 0,7 см и более), орнаментация представлена композициями, выполненными из гребенчатых элементов или гребенчатых с ямочными. Ямки округлые наносились по венчику или стенкам сосудов. Гребенчатый орнамент наносился с помощью техники прокатывания, оттискивания, редко шагания. Данная посуда соответствует типу гребенчато-ямочной керамики, выделенной В. Н. Кармановым, и относится к среднему неолиту [Карманов, 2012, с. 422].

Вторая группа керамики, орнаментированной наколами:

2.1. Первая подгруппа накольчатой посуды близка к керамике волго-камской культуры. К данной подгруппе можно отнести посуду с памятников Зубово, Вис I, Черноборская III. Всего было отнесено 15 сосудов. Технико-технологический анализ показал, что посуда данной подгруппы изготавливалась древними гончарами из илистых глин (47%) и глин (53%) (табл. 1). Илистые глины использовались только незапесоченными. Признаки дробления ИПС были зафиксированы как в илистых глинах, так и в глинах, но только в незапесоченном сырье (табл. 1). При составлении ФМ были отмечены следующие составы: «глина + Ш», «глина/илистая глина + ОР», «глина/илистая глина + Ш + ОР», «глина + дробленая глина + ОР». Стоит отметить, что самым распространенным составом оказался рецепт с добавлением органического раствора в качестве искусственной примеси. Морфологические признаки данной группы керамики выглядят следующим образом: толстостенная посуда чаще с плоским или округлым дном, орнаментирована округлыми, овальными наколами, насечками, ногтевидными наколами. Техника нанесения орна-

мента представлена двумя видами: накальвание или отступление – «отступающая палочка». Иногда фиксируются неорнаментированные сосуды.

2.2. Ко второй подгруппе были отнесены сосуды из коллекций стоянок Конещелье и Прилукская. Всего 6 сосудов. Сосуды стоянки Конещелье были изготовлены из незапесоченной глины (83%), примерно в равном количестве в увлажненном (3 сос.) и дробленом (2 сос.) состояниях. В изученном сосуде стоянки Прилукская была зафиксирована незапесоченная илистая глина в естественно увлажненном состоянии. При анализе были выделены следующие составы ФМ: «глина + Ш», «глина + ОР», «глина + дробленая глина + ОР», «глина/илистая глина + Ш + ОР». На стоянке Прилукская был зафиксирован последний состав.

Мы видим, что подгруппы 2.1. и 2.2. имеют схожую технологию в составлении рецептов ФМ, но имеют некие различия в отборе ИПС, что дает основания для разделения данных подгрупп. Еще одна причина для этого – морфологические признаки. Керамика подгруппы 2.2. имеет на внешней стенке сосудов небольшой валик, который чаще всего орнаментирован насечками либо округлыми наколами. Основным элементом при декорировании являются либо округлые, либо подтреугольные отдельные наколы. Венчики также орнаментированы по торцу. Данную посуду В. Н. Карманов относит к чернорборской группе с тычково-накольчатой керамикой [Карманов, 2012, с. 422].

2.3. В третью подгруппу нами был отнесен один сосуд поселения Вис I. Он был изготовлен из незапесоченной глины в естественном увлажненном состоянии с добавлением в качестве искусственных примесей дресвы и ОР,

Таблица 1. Результаты изучения исходного пластичного сырья (ИПС) керамики

	Исходное пластичное сырье (ИПС)								Итого:
	Илистые глины				Глины				
	Незапесочена		запесочена		Незапесочена		запесочена		
	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	
Гребенчатая керамика									
1.1.									
1. Пезмог IV	—	1	—	—	—	—	—	—	1
2. Конещелье	—	—	—	—	1	—	—	—	1
3. Вис I	3	—	—	—	3	—	—	—	6
4. Эньты I	—	1	—	—	—	—	—	—	1
ВСЕГО:	5/56%		—		4/44%		—		9/100%
1.2.									
1. Вис I	1	—	—	—	5	1	—	—	7
2. Эньты I	—	—	—	—	8	3	—	—	11
ВСЕГО:	1/6%		—		17/94%		—		18/100%
Накольчатая керамика									
2.1.									
1. Чернорборская III	—	—	—	—	—	—	1	—	1
2. Вис I	1	1	—	—	—	—	—	—	2
3. Зубово	3	2	—	—	5	1	1	—	12
ВСЕГО:	7/47%		—		6/40%		2/13%		15/100%
2.2.									
1. Прилукская	1	—	—	—	—	—	—	—	1
2. Конещелье	—	—	—	—	3	2	—	—	5
ВСЕГО:	1/17%		—		5/83%		—		6/100%
2.3.									
1. Вис I	—	—	—	—	1	—	—	—	1
ВСЕГО:	—		—		1/100%		—		1/100%

Таблица 2. Результаты изучения формовочных масс (ФМ) керамики

	Рецепты ФМ					
	«глина / илистая глина + Ш»	«глина / илистая глина + ОР»	«глина / илистая глина + Ш + ОР»	«глина + ДГ + ОР»	«глина / илистая глина + дресва»	«глина + дресва + ОР»
Гребенчатая керамика						
1.1.	2/22%	2/22%	4/44%	1/12%	—	—
10/100%						
1.2.	—	—	—	—	3/16%	15/84%
18/100%						
Накольчатая керамика						
2.1.	2/13%	8/53%	4/27%	1/7%	—	—
15/100%						
2.2.	2/33%	1/17%	2/33%	1/17%	—	—
6/100%						
2.3.	—	—	—	—	—	1/100%

Сокращения: Ш – шамот, ОР – органический раствор, ДГ – дробленая глина.

орнаментирован с помощью рядов округлых наколов. Выделение сосуда в отдельную подгруппу основано на различии в составе ФМ по сравнению с двумя первыми типами.

Таким образом, к раннему неолиту относятся керамические подгруппы 1.1., 2.1. и 2.2., к среднему – подгруппы 1.2. и 2.3. Обращает на

себя внимание то, что в среднем неолите илистая глина практически не используется в качестве ИПС. На раннем этапе для населения характерно составление ФМ из «ИПС + Ш + ОР», а для более позднего периода – ФМ с примесью дресвы.

Научный руководитель – Е. Л. Лычагина, канд. ист. наук, доцент доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

Some Results of the Study of Pottery Ceramics Technology from the Neolithic Monuments of the European North-East

N.S. Batueva

The article is devoted to the study of pottery traditions of the ancient population of the European Northeast. The study of dishes was held in the framework of the historical and cultural approach developed by A.A. Bobrinsky. The authors reviewed the tradition of making neolithic ceramics: the use of raw materials and artificial components in the manufacture of dishes. As a result of the research, 5 groups of ceramics were allocated, related to 2 chronological stages.

Key words: ceramics, pottery traditions, Neolithic, Eneolithic, historical and cultural approach.

Батуева Надежда Сергеевна
специалист научного отдела
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
E-mail: nadiabat@yandex.ru

Список литературы
Археологическая карта Республики Коми. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2014. 416 с.
Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Коллективная монография. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
Карманов В. Н. Неолитическое население на Европейском Северо-Востоке: обитание или пребывание? // Первобытные древности Евразии: К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. – М.: ИА РАН, 2012. – С. 419–446.

Batueva Nadezhda Sergeevna
specialist of Scientific Department
Perm State Humanitarian Pedagogical
University
E-mail: nadiabat@yandex.ru

УДК 903.02(571.53)«6343»

Анализ керамики раннего неолита поселения Шракшура III (Малое Море озера Байкал)

В. Д. Булавко

Иркутский государственный университет, Иркутск

В последние годы технико-морфологическому анализу неолитической керамики Прибайкалья и, в частности, побережья Байкала уделяется большое внимание. Тем не менее целенаправленные исследования в настоящее время ограничены сравнительно небольшим кругом стратифицированных стоянок [Некоторые..., 2016; Горюнова, Новиков, 2017; Сравнительный..., 2017]. В связи с этим изучение и анализ неолитической керамики новых объектов представляет несомненный научный интерес.

Цель предлагаемой работы – провести технико-морфологический анализ керамики ранне-неолитических комплексов (II и I слои) поселения Шракшура III, выявить их характерные и особенные черты.

Стоянка Шракшура III расположена на перешейке одноименного мыса северо-западного побережья залива Мухор Малого Моря оз. Байкал. Она обнаружена в 2003 г., исследована

в 2017 г. отрядом экспедиции Иркутского государственного университета (А. Г. Новиков, О. И. Горюнова). Выделено 3 культурных слоя, два нижних из которых отнесены к неолиту [Новиков, Горюнова, 2017].

Керамика II слоя (359 фрагментов от 23 сосудов) – с сетчатой, шнуровой и гладкой поверхностью. Исходным сырьем для нее служила глина средней степени запесоченности. Размер кварцевого песка до 2 мм. Искусственных примесей в формовочной массе не зафиксировано.

Преобладает сетчатая керамика (345 фрагментов от 16 сосудов). В 4 случаях отмечены свидетельства конструирования сосудов способом лоскутного наклепа (судя по характеру спаев). На внутренней поверхности 9 сосудов зафиксированы оттиски сетчатой основы, на которой, вероятно, формовалось изделие. Внешняя поверхность и срез венчика покрыты сетчатыми оттисками. Преобладают четкие ре-

льефные отпечатки. В 6 случаях их расположение бессистемное. Встречаются сосуды с затертыми оттисками. Преобладает размер ячеи 4–5 мм; фрагменты от 3 сосудов с мелкоячеистыми оттисками (2 мм). Черепки плотные, тонкие (толщина венчиков 5–12 мм, стенок 3–6 мм), в изломе преобладают двухцветные. Сосуды закрытой, простой формы. Диаметр венчика одного сосуда 23 см. Фрагменты дна не зафиксированы. Преобладают сосуды без орнамента (12 экз.). В 3 случаях они украшены вдоль венчика: пояском ямочек (1 экз.) и отверстий (2 экз.). Один сосуд орнаментирован двойным горизонтальным зигзагом, выполненным прочерченными линиями. Срез венчиков, как правило, не декорировался; на 1 сосуде нанесены наклонные насечки.

Шнуровая керамика представлена 12 фрагментами от 5 сосудов. На двух из них зафиксированы признаки лоскутного налёпа. Оттиски шнура наклонные или вертикальные по отношению к венчику. Их отпечатки, как правило, параллельные; наложение оттисков отмечено только на фрагментах округлого дна. В 2 случаях оттиски тонкие, нитевидные. На внутренней поверхности дна сосуда отмечены сетчатые отпечатки, вероятно, от шаблона-основы, на которой проводилась его формовка. Судить о форме сосудов по имеющимся фрагментам не представляется возможным. Один венчик – с прямой верхней плоскостью, от сосуда простой формы. Толщина венчика 5 мм, стенок – 4–6 мм. Орнамент отмечен на фрагментах от 2 сосудов. На одном он располагался вдоль венчика в виде пояса отверстий; по его верхней плоскости нанесены насечки. Фрагмент от второго сосуда украшен узкими горизонтальными рядами штамповых вдавлений (вариант керамики хайтинского типа).

Гладкостенная керамика (от 2 сосудов) представлена: фрагментом круглого дна и венчиком от сосуда сложной, закрытой формы. На одном из них зафиксированы признаки лоскутного налёпа. Диаметр венчика 5 см. Толщина венчика 5 мм, стенок – 3 мм. Керамика без орнамента.

Керамика I слоя (176 фрагментов от 16 сосудов) – с сетчатой, гладкой поверхностью и с оттисками шнура. Исходным сырьем для нее служила глина средней степени запесоченности. Искусственных примесей в формовочной массе не зафиксировано.

Основу комплекса составляют сосуды с оттисками сетки-плетенки (10 из 16 сосудов). На 3 из них зафиксированы признаки лоскутного налёпа. Внутренняя поверхность у 7 сосудов с отпечатками сетчатой основы. Внешняя поверхность и срез венчика покрыты оттисками сетки-плетенки. Преобладают сосуды с круп-

ной ячеей – 4–5 мм (4 экз.); встречаются мелкоячеистые – 2–3 мм (3 экз.); в двух случаях оттиски бессистемные и в одном – затертые. Сосуды простой формы, без выделения венчика. Толщина венчиков 5–7 мм, стенок 4–5 мм. Фрагменты дна не зафиксированы. Практически вся керамика без орнамента; в одном случае она украшена пояском отверстий.

Гладкостенная керамика представлена фрагментами от 2 сосудов. Венчик одного из них от сосуда простой формы, без орнамента. Фрагмент от второго сосуда украшен наклонными парными линиями, выполненными оттисками двузубчатого штампа. Толщина стенок 4–5 мм.

В кровле I культурного слоя были обнаружены фрагменты от 4 шнуровых сосудов. На 2 из них отмечены признаки лоскутного налёпа. Толщина стенок сосудов 4–5 мм. Венчик от одного сосуда утолщен до 7 мм. По композиции и технике нанесения орнамента этот сосуд входит в группу керамики посольского типа. Вдоль его венчика проходит пояска мелких отверстий, ниже которого – горизонтальные ряды оттисков прямоугольного штампа; по срезу венчика – наклонные насечки. Фрагменты от других сосудов украшены рядами, выполненными отступающей лопаточкой или штамповыми вдавлениями. От последнего ряда одного из них отходят короткие наклонные линии.

В целом в ходе анализа керамики из неолитических комплексов стоянки Шракшура III было изучено 535 фрагментов от 39 сосудов (23 сосуда из II слоя и 16 – из I слоя). Материал II слоя рассматривается как единый культурно-хронологический комплекс [Новиков, Горюнова, 2017]. Для него характерны преобладание керамики с оттисками сетки-плетенки и, в меньшем количестве, наличие шнуровой керамики хайтинского типа и гладкостенной посуды. Керамический комплекс объединяет использование одинакового сырья для изготовления сосудов, отсутствие искусственных примесей в формовочной массе, применение форм-основ и лоскутного налёпа при их конструировании. Все сосуды закрытые, преобладают простые формы. Выявленные отличия между сетчатой и шнуровой керамикой хайтинского типа заключаются в обработке внешней поверхности и в орнаментации сосудов. По всем этим признакам исследуемый комплекс аналогичен керамике ряда многослойных объектов Приольхонья: V нижний слой Саган-Зыбы II, VIII слой Тышкинэ II, VII слой Бугульдейки I, датированных ранним неолитом [Горюнова, Новиков, 2017; Соотношение..., 2017]. Керамика I слоя неоднородная. Ее основу составляют сетчатые сосуды, аналогичные по всем технико-морфологическим признакам посуде

из II слоя, что позволяет отнести ее к раннему неолиту. Иностранной выглядит шнуровая керамика посольского типа, обнаруженная в кровле этого слоя. По технике нанесения орнамента и используемым штампам она отличается и от сетчатой, и от хайтинской шнуровой керамики. Она соотносится с комплексами среднего неолита Прибайкалья.

*Научный руководитель — А. Г. Новиков
канд. ист. наук, доцент
Кафедра мировой истории
и международных отношений
научный сотрудник
НИЦ «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет*

Список литературы

Горюнова О. И., Новиков А. Г. Керамика раннего неолита из поселений побережья озера Байкал // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. – Т. I. – С. 137–139.

Некоторые аспекты технологических традиций в гончарстве западной части Байкальской Сибири / И.М. Бердников, Н.Б. Соколова, И.В. Уланов, Е.О. Роговской // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2016. – Вып. 5. – С. 172-179.

Новиков А. Г., Горюнова О. И. Предварительные результаты раскопок многослойного поселения Шракшюра III на западном побережье озера Байкал // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2017. – Т. XXIII. – С. 178-181.

Сравнительный анализ ранненеолитической керамики с поселений побережья озера Байкал / О. И. Горюнова, Н. Б. Соколова, А. Г. Новиков // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. – Чанчунь, 2017. – С. 98–101.

Analysis of Early Neolithic Pottery of the Settlement Shrakshura III (Little Sea of Lake Baikal)

V. D. Bulavko

The technical and morphological analysis of the Early Neolithic pottery complexes of I and II cultural layers of the settlement Shrakshura III was performed. This site is located on the north-western coast of the Mukhor Bay of the Little Sea of Lake Baikal. In this complex was established the presence of corded ceramics (Khaita type) and net-impressed ceramics. Their characteristic features were identified. Analogies were drawn with the Early Neolithic sites of the coast of Lake Baikal.

Keywords: Lake Baikal, multilayered settlement, Early Neolithic, pottery vessels.

Булавко Виктория Дмитриевна
студентка 2-го курса
Иркутский государственный университет
E-mail: vikabulavko123@gmail.com

Bulavko Victoria Dmitrievna
2nd year student
Irkutsk State University
E-mail: vikabulavko123@gmail.com

УДК 902.01

Каменные наконечники стрел артынской культуры позднего неолита Среднего Прииртышья и Барабы * (Типолого-морфологический анализ)

А. В. Веретенников

*Кемеровский государственный университет
Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Кемерово*

* Работа выполнена в рамках госзадания Министерства РФ №33.2597.2017/ПЧ

1. Археологические исследования на территории Барабинской лесостепи в начале XXI в. внесли корректировку в культурно-исторические схемы неолита Прииртышья и Барабы. В частности, была пересмотрена концепция А. И. Петрова, отражающая состояние знаний в 1980-х – начале 2000-х гг. [обзор см.: Бобров, Марочкин, 2012; Юракова, 2017, с. 11–12]. Артынский этап, датированный А. И. Петровым энеолитом в схеме екатерининской культуры, был отнесен к позднему неолиту и выделен в самостоятельную культуру [Бобров, 2008; Бобров, Марочкин, 2011].

Культуру представляют материалы таких памятников, как Пахомовская пристань III, Бичили I, Боровлянка II, Усть-Тара IV, XXVIII, XXXIII, Тух-Сигат IV, Артынская стоянка, Автодром 2/1. Для керамики артынской культуры характерны тонкостенные остродонные банки с орнаментацией по всему сосуду горизонтальными линиями и округлыми ямками [Бобров, Марочкин, Юракова, 2010, с. 115].

Каменная индустрия представлена предметами, выполненными на пластинах: ножи, наконечники стрел, проколки с пришлифованным острием, концевые скребки. Также зафиксиро-

ваны скребки округлой, подквадратной и случайной формы, выполненные на отщепках [Бобров, Марочкин, 2011, с. 106].

Всего на артыньских поселениях зафиксировано 27 каменных наконечников стрел: Автодром-2/1 (19 экз.), Усть-Тара IV (7 экз.), Усть-Тара XXXIII (1 экз.). В общем описании культуры предлагается подразделение наконечников на изделия с прямым или вогнутым насадом, с сохранением общей для всех предметов листовидной формы [Бобров, Марочкин, 2011, с. 106; Бобров, Марочкин, Юракова, 2017, с. 56]. Состояние источников позволяет провести детальный типолого-морфологический анализ всей серии.

2. Типолого-морфологическая классификация каменных наконечников стрел является распространенной практикой. При разработке методической основы настоящей работы проанализированы несколько схем типолого-морфологического анализа этой категории инвентаря. В основе всех из них лежит выделение типов наконечников стрел по форме. Нами выработана собственная схема анализа, коррелирующая основные элементы методик В. И. Молодина и И. Г. Глушкова, а также В. И. Базалийского [Молодин, Глушков, 1989; Базалийский, 2010]. Обе методики предусматривают выделение морфотипа на основании учета конкретных количественных показателей в пропорциях предмета, что делает схему пригодной для анализа любой серии наконечников (после соответствующего формального описания). За основу нашей работы взята схема В. И. Молодина и И. Г. Глушкова, но из методики В. И. Базалийского добавлены способы вычисления индексов выпуклости краев и вогнутости базы наконечников стрел.

В нашей схеме учтены такие параметры, как общая высота предмета (h_1), высота от точки жала до наибольшей ширины пера (h_2), высота от наибольшей ширины до насада (h_3), высота наибольшей вогнутости базы (h_4), наибольшей выпуклости края (h_5), длина от жала до угла края (h_6), наибольшая ширина пера (b_1), ширина базы основания (b_2). Вычислялись показатели:

пропорциональности (h_1/b_1) с вариациями: укороченные ($0,45 - 1$) и среднепропорциональные ($0,45 - 0,16$);

ширины лопастей (b_2/b_1) с вариациями: узколопастные ($0,66 - 1$), среднелопастные ($0,5 - 0,66$) и широколопастные ($0,13 - 0,5$);

широтности (по В. И. Молодину и И. Г. Глушкову) (h_2/h_1) с вариациями: среднеширотные ($0,4 - 0,66$) и низкоширотные ($0,66 - 0,75$).

3. Для получения объективной морфологической классификации были обработаны целые каменные наконечники стрел, относящихся к артыньской культуре. Таким образом, из 27 предметов было отобрано 21 экземпляр: 15 экз. с памят-

ника Автодром-2/1 (Бараба), 5 экз. с Усть-Тара IV и 1 экз. с Усть-Тара XXXIII (Среднее Прииртышье). Количественные показатели барабинской и приртышской групп различны из-за степени изученности самих памятников, и это нужно учитывать при оценке репрезентативности.

При проведении анализа использованы опубликованные данные по наконечникам из приртышских комплексов [Ивашенко, Толпеко, 2006, с. 87 – 88, рис. 2–3], а также проанализированы предметы барабинского комплекса из фондов музея «Археологии, этнографии и экологии Сибири КемГУ».

Форму каменных наконечников стрел артыньской культуры исследователи определили как листовидную, но без уточнения термина [Бобров, Марочкин, 2011, с. 106; Бобров, Марочкин, Юракова, 2017, с. 56]. С этим можно согласиться, если принять во внимание плавность перехода от наиболее широкой части пера к базе и острию. В таком случае листовидная форма действительно характерна для наконечников обеих территориальных групп. Различия внутри серии прослеживаются в форме базы (выделено три категории) и параметрических вариациях (различия формируют варианты внутри категорий), что также подтверждает ранее высказанные наблюдения.

4. Барабинская серия (серия А) представлена наконечниками с поселения Автодром-2/1. При анализе выявлены три категории с девятью вариантами:

Категория АI. Листовидный наконечник с прямой базой (3 экз. 20% комплекса):

Вариант АI.1. Среднепропорциональный, среднелопастной, низкоширотный (1 экз., 7%).

Вариант I.2. Среднепропорциональный, среднелопастной, среднеширотный (2 экз., 13%).

Категория АII. Листовидный наконечник стрелы с вогнутой базой (11 экз., 73% комплекса):

Вариант АII.1. Укороченный, узколопастной, низкоширотный (2 экз., 13%).

Вариант АII.2. Укороченный, узколопастной, среднеширотный (1 экз., 7%).

Вариант АII.3. Укороченный, среднелопастной, низкоширотный (1 экз., 7%).

Вариант АII.4. Укороченный, среднелопастной, среднеширотный (2 экз., 13%).

Вариант АII.5. Среднепропорциональный, узколопастной, среднеширотный (3 экз., 20%).

Вариант АII.6. Среднепропорциональный, среднелопастной, среднеширотный (2 экз., 13%).

Категория АIII. Листовидный наконечник стрелы с округлой, приостренной базой (1 экз., 7%):

Вариант АIII.1. Среднепропорциональный, широколопастной, среднеширотный.

5. При рассмотрении наконечников стрел прииртышской серии отдельно проанализированы изделия из поселений Усть-Тара-IV и Усть-Тара XXXIII.

Анализ наконечников с Усть-тара IV (серия В) (5 экз.) выделяет 2 категории с 4 вариантами:

Категория VI. Листовидный наконечник с прямой базой (2 экз., 40%)

Вариант VI.1. Среднепропорциональный, узколопастной, низкоширотный (2 экз.).

Категория VII. Листовидный наконечник стрелы с вогнутой базой (3 экз., 60%):

Вариант VII.1. Укороченный, широколопастной, среднеширотный (1 экз., 20%).

Вариант VII.2. Среднепропорциональный, узколопастной, низкоширотный (1 экз., 20%).

Вариант VII.3. Среднепропорциональный, среднелопастной, среднеширотный (1 экз., 20%).

На памятнике Усть-Тара XXXIII (серия С) (1 экз.) представлен только один вариант из категории II:

Категория CII. Листовидный наконечник стрелы с вогнутой базой:

Вариант CII.1. Укороченный, широколопастной, среднеширотный (1 экз., 100%).

Таким образом, типолого-морфологический анализ наконечников стрел артынской культуры позволяет говорить о двух территориальных группах, показатели которых коррелируются, но при выраженной пропорциональной вариативности.

6. На всех трех памятниках преобладающей категорией являются наконечники с вогнутой базой (для серии А – 11 экз./73%, для серии В – 4 экз./80%, для серии С они являются единственной категорией). Наравне с этим среди наконечников с вогнутой базой в территориальных группах прослеживается специфика, если проанализировать показатель вогнутости. Наконечники Барабы со слабовыраженной вогнутостью (показатель в пределах 0,04–0,23), тогда как в прииртышской группе представлена в основном сильновыраженная вогнутость (показатель в пределах 0,22–0,35).

Общим признаком для обеих территориальных групп выступает и наличие наконечников с прямой базой, но их доля заметно меньше: в Барабе – 3 экз./20%, в Прииртышье – 2 экз./33%. Характеризуя всю артынскую серию, отметим

небольшую длину наконечников (от 19,27 до 46,26 мм).

Представленная классификация формирует задел для дальнейшего сравнения предметов каменной индустрии двух территориальных комплексов артынской культуры. Полученный результат статистически подтверждает наличие единой формы наконечников стрел (листовидной) с двумя основными категориями по базе (вогнутая и прямая), но подчеркивает большую вариативность параметрических пропорций, в том числе в аспекте территориальной группировки.

*Научный руководитель – В. В. Бобров
д-р ист. наук, профессор
зав. кафедрой археологии
Кемеровский государственный университет
главный научный сотрудник
Федеральный исследовательский центр
угля и углехимии СО РАН*

Список литературы

Базалийский В. И. Морфотипологический анализ каменных наконечников стрел могильника Локомотив // Известия Лаборатории древних технологий. 2010. №1 (8). – С. 39–53.

Бобров В. В., Марочкин А. Г. Артынская культура // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. – СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. – Т. 1. – С. 106–108.

Бобров В. В., Марочкин А. Г. Неолит Барабы // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2012 года. – Кемерово, 2012. – Вып. 4. – С. 63–73.

Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Керамика артынской поздненеолитической культуры (по материалам поселения Автодром-2) // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: мат.-лы XV Междунар. Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 113–116.

Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Поселение артынской культуры Автодром-2 -памятник позднего неолита в Барабинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017 г. – Т. 45, №1. – С. 49–61.

Бобров В. В. К проблеме культурной принадлежности поздне-неолитического комплекса поселения Автодром-2 // Окно в неведомый мир. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 110–113.

Иващенко С. Н., Толтеко И. В. Культурно-хронологическая атрибуция ранних памятников Усть-Тарского археологического микрорайона // Исторический ежегодник. 2005. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2006. – С. 83–91.

Молодин В. И., Глушков И. Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1989. – 168 с.

Юракова А. Ю. Неолит Барабинской лесостепи и южно-таежного Прииртышья: дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2017. – 231 с.

Stone Arrowheads of the Artyn Culture of the Late Neolithic of the Middle Irtysh and Baraba (Typological-morphological analysis)

A. V. Veretennikov

The work is devoted to the stone arrowheads of the Artyn culture, common in the territory of the Baraba and the Middle Irtysh. The paper presents the results of a typological and morphological analysis. The principle of choosing a technique is given. The sources of work were 27 arrowheads from the monuments of Avtodrome-2/1, Ust-Tara IV and Ust-Tara XXXIII.

Keywords: Neolithic, Artyn culture, stone arrowheads, Baraba, Middle Irtysh, typological-morphological analysis, Autodrome-2/1, Ust-Tara IV, Ust-Tara XXXIII.

Веретенников Алексей Васильевич

лаборант-исследователь
Кемеровский государственный университет
аспирант 1-го года обучения
Федеральный исследовательский центр угля
и углехимии СО РАН
E-mail: Veretennikov862@gmail.com

Veretennikov Alexey Vasilyevich

assistant researcher
Kemerovo State University
1st year graduate student
The Federal Research Center for Coal and Coal Chemistry,
SB RAS
E-mail: Veretennikov862@gmail.com

УДК 902/904

Погребальный комплекс Лома-Атауальпа, докерамическая культура лас-вегас, Эквадор (по материалам российско-японско-эквадорской экспедиции 2018 г.)

Т. А. Гаврилина

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

Докерамическая культура лас-вегас (10800-6600 л.н.) представлена комплексом памятников на полуострове Санта-Элена (Республика Эквадор). В дальнейшем на этой территории получила своё распространение культура вальдивия, одна из знаковых раннеземледельческих культур Южноамериканского континента (5500-3500 л.н.) [Табарев, 2006; Marcos, 1988, 2015].

Несмотря на то, что целенаправленные попытки исследовать полуостров Санта-Элена предпринимались с середины 1950-х гг., первым исследователем, которым в 1960-х гг. были найдены и описаны докерамические местонахождения юго-западной части Эквадора, был Э. Ланнинг (экспедиция Колумбийского университета, США). В своих работах археолог описывает ряд комплексов, среди которых значится и эпонимный памятник Лас-Вегас (OGSE №80), датированный возрастом 8700-7000 л. н. [Lanning, 1967. p. 54-55].

Основной вклад в изучение культуры лас-вегас внесла ученица Э. Ланнинга, археолог К. Стосерт. В ходе полевых работ 1970-х – 1980-х гг. ею было изучено (подъемные сборы и зачистки) около 30 местонахождений культуры [Stohtert, 1988].

Большинство же её выводов было сделано на основе раскопок наиболее крупного многослойного памятника – № 80. Итогом экспедиций стала серия статей, монография, большое количество фотографий погребений и элементов сопроводительного инвентаря (полевые отчёты URL: <https://www.karenstohtert.org/las-vegas.html> (дата обращения: 30.10.18). Также был проделан огромный объём работы по описанию и интерпретации погребального обряда [Stohtert, 1988, 2011].

С 1983 по 1985 г. Приморским политехническим университетом (ESPOL) осуществлялся проект по спасательной археологии, одним из результатов этого стало обнаружение серии новых памятников. Наиболее любопытными представляются местонахождения № 66 и № 67: на последнем эквадорские исследователи обнаружили ряд погребений в бескерамических слоях.

В 2000–2001 гг. К. Стосерт продолжила изучение памятников полуострова Санта-Элена, уделив особое внимание местонахождению № 67, так как, по её предположениям, оно должно было стать вторым после № 80 крупным некрополем культуры лас-вегас. Важным итогом работ стали две радиоуглеродные датировки по раковинам (7390±60 л.н.; 7480±70 л. н.).

Новый этап исследований культуры лас-вегас начался в полевом сезоне 2018 г., когда команда российско-японско-эквадорских учёных (ДВФУ, ИАЭТ СО РАН, ESPOL и др.) приступила к работам на памятнике Лома-Атауальпа, упоминаемом в отчётах предшественников (№ 66/67, 1982–83, 1983–84 гг.; 2000)¹. В результате археологами было обнаружено три погребения с ярким сопроводительным инвентарём.

Погребение № 1 (вторичное) изначально было обнаружено в шурфе 2017 г. и в сезоне 2018 г. раскопано полностью. Представляет собой скелет женщины приблизительно 45 лет плохой сохранности. Под черепом располагался пест-лощило, в ногах – подвеска из раковины. В непосредственной близости от

¹ Здесь и далее используется информация из отчёта по итогам полевого сезона 2018 г. на памятнике Лома-Атауальпа, с разрешения авторов.

него были также обнаружены немногочисленные фрагменты черепа еще одного индивидуума.

Погребение № 2 (вторичное), расположенное на слое раковин, представляет собой захоронение женщины старше 50-ти, около ног скелета помещен шлифованный кельт. Стратиграфически данное погребение залегало выше погребений № 1 и № 3 и, возможно, является более поздним.

Погребение № 3 (вторичное, частичное) – скелет мужчины, лежащий на материковом слое, под погребением № 2. Нижняя часть косяка (таз и ноги) в неплохой сохранности, также представлены длинные кости рук, позвонки и отдельные фрагменты рёбер, а в области живота зафиксированы крупные камни. Главная особенность захоронения – замена части скелета конструкцией из камня и ракушечного конгломерата. Можно предположить гибель погребённого в результате нападения морских хищников, – это объясняет необходимость использования в погребальном обряде материала, принесённого с берега моря.

Погребения, обнаруженные в ходе работы российско-японско-эквадорской команды археологов в 2018 г., существенно дополняют уже имеющееся представление о погребальном обряде древнего населения полуострова Санта-Элена.

К. Стосерт в своём труде отмечает, что сопроводительный инвентарь культуры довольно скромнен и однообразен, каменная индустрия невыразительна [Stothert, 1988]. В свою очередь, среди находок полевого сезона 2018 г. прослеживаются любопытные орудия на галечных сколах и отщепках, обработанные нуклеусы из кремнистого сланца и халцедона. Сопроводительный инвентарь уникален: в женском погребении № 2 найден кельт со шлифованной поверхностью – в работах предшественников упоминаний об аналогичных находках в погребальном контексте нет [Lanning, 1967; Stothert, 1988].

Можно предположить, что у древнего населения полуострова Санта-Элена на этапе охотников и собирателей уже появляются вещи, играющие роль социальных маркеров. Шлифованный топор из захоронения № 2, по предварительным заключениям трасолога, не имеет следов использования, следовательно, речь

может идти о его роли именно в процессе погребального обряда, а также, вероятно, об особом статусе погребённой – кельт традиционно является мужским атрибутом в захоронениях. Отдельно от погребений обнаружен комплекс из морских галек (ранее подобные находки отмечались на памятнике № 80 [Stothert, 1988]), который также может иметь важное значение в погребальном обряде культуры. Вероятно, в данном случае можно говорить о некоем аналоге «платы Харону» за переход умершего в другой мир.

Таким образом, до настоящего времени различные аспекты жизни древнего населения тихоокеанского побережья Эквадора реконструировались фактически на основании единственного памятника культуры лас-вегас – № 80. Новый этап изучения связан с работой российско-японско-эквадорских археологов в 2018 г. на памятнике Лома-Атауальпа, и именно на данном этапе исследования становится возможным предпринять попытку детализации особенностей погребального обряда и специфики социальной структуры носителей культуры лас-вегас.

*Научный руководитель — А.В. Табарев
д-р ист. наук
ведущий научный сотрудник
Институт археологии и этнографии
СО РАН*

Список литературы и источников

- Lanning E. P. Peru before the Incas. Englewood Cliffs: Prentice Hall, Inc, 1967. – 216 p.
- Marcos J. G. Real Alto: la historia de un centro ceremonial Valdivia. Part 1. – Guayaquil: ESPOL. Corporación Editora Nacional – 1988. – 344 p.
- Marcos J. G. Un sitio llamado Real Alto. – Ecuador: Mengraf Telf, 2015. – 210 p.
- Stothert K. E. Coastal Resources and the Early Holocene Las Vegas Adaptation of Ecuador // Trekking the Shore. Changing Coastlines and the Antiquity of Coastal Settlement. – N. Y.: Springer, 2011. – P. 355–382.
- Stothert K. E. La Prehistoria Temprana de la Peninsula de Santa Elena, Ecuador: Cultura Las Vegas. – Guayaquil.: Museos del Banco Central del Ecuador, 1988. – 271 p.
- URL: <https://www.karenstothert.org/las-vegas.html> (дата обращения: 30.10.18)
- Табарев А. В. Введение в археологию Южной Америки. Анды и тихоокеанское побережье. Учеб. пособие. – Новосибирск, 2006. – 239 с.

Burial Complex Loma Atahualpa, Preceramic Culture Las Vegas, Ecuador (Russian-Japanese-Ecuadorian Team of Archaeologists, Field Season 2018)

T.A. Gavrulina

Preceramic culture Las Vegas is mainly known by the only one archaeological site – № 80, located on the peninsula Santa Elena, Ecuador. In this paper much attention is given to describing key points of single burials at Loma Atahualpa site, according to results of Russian-Japanese-Ecuadorian archaeological team's field season 2018. Author of the article makes some preliminary

assumptions about social differentiation in ancient Las Vegas community and provides a possibility of continuity in burial practices of cultures Las Vegas and Valdivia.

Keywords: South America, Pacific coast, preceramic culture, burial complex, interpretation.

Гаврилина Татьяна Александровна

1-й курс магистратуры

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет

E-mail: tanyaesler@gmail.com

Gavrilina Tatiana Aleksandrovna

Master program, 1st year

Novosibirsk National Research
State University

E-mail: tanyaesler@gmail.com

УДК 902

Керамические скребки с поселения Харпичан-4

Т. С. Година

*Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры
«Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова», Хабаровск*

Керамические скребки довольно часто встречаются на памятниках Сибири и Дальнего Востока. Они могли служить для обработки как мягких, так и твёрдых шкур, древесины, обработки стенок сосудов (лощило). Как считали С. А. Семёнов и Г. Ф. Коробкова, проводившие ряд экспериментов с керамическими скребками, обработка шкур занимала одно из ведущих мест в сфере производства, обслуживающего бытовые потребности. Отсюда и особый интерес к проблеме изучения данных орудий и производства в целом [Семёнов, Коробкова, 1983, с. 187].

На территории Хабаровского края есть единичные находки скребков из керамики (рис. 1), но самый большой материал получен с раскопок многослойного неолитического поселения Харпичан-4, расположенного в 2,5 км к востоку от пос. Харпичан, в левой части долины р. Девятки, на поверхности 4–6-метровой цокольной террасы (Солнечный район Хабаровского края). Памятник был исследован А. В. Малявиным в 2006 г. на площади 99 кв. м. Хронологический диапазон 10–13 – 4–5 тыс. лет назад. Здесь содержатся стратифицированные комплексы осиповской, кондонской и белькачинской культур [Малявин, 2007].

Всего на памятнике обнаружено 116 керамических скребков, из которых 85 подверглись нашему исследованию. Керамические скребки, как орнаментированные, так и неорнаментированные, выполнены на небольших фрагментах сосудов (венчики – 11 шт., стенки – 74 шт.) и имеют интенсивный износ краёв; в нескольких случаях наблюдаются следы приостраивающей подтёски (рис. 2). Наибольшая интенсивность залегания данных изделий содержится во II – IV пластах. В основной массе скребки представляют собой плоские фрагменты кера-

мики, но встречаются и сильно вогнутые – 7 шт. Также отмечаются сильные следы нагара на 14 фрагментах скребков. Толщина черепков варьируется от 4 мм до 1 см. Примеси в керамике различные: песок, шамот, дресва, минералогенная примесь. На некоторых фрагментах следы обработки кромки сильно замыты, что мы связываем с низким качеством глиняного теста и слабой температурой обжига исходного сосуда. Размеры скребков варьируются от 2,1 до 10 см. Большинство изделий укладываются в метрические параметры от 3 до 7 см. На 5 фрагментах имеются сверлёные отверстия, что может говорить о том, что в качестве скребков использовались уже «реставрированные» фрагменты керамики.

На большинстве изделий обработано сразу несколько кромок, а в 11 случаях такая обработка наблюдается по всему фрагменту. Некоторые исследователи подразделяют вторично использованные фрагменты сосудов на несколько категорий артефактов – диски, бруски, лощила, скребки [Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2012]. Мы не выделяем столь детально артефакты и считаем их все скребками.

По характеру следов сработанности можно выделить следующие группы:

1. 27 штук – скребки характеризуются сильной сработанностью и выровненностью рабочей поверхности. В поперечном сечении лезвие скруглено или имеет П-образное сечение.

2. 41 штука – средняя сработанность поверхности. Сработанности занимают выступающие части излома.

3. 17 штук – у фрагментов слабая степень сработанности, видимо, ими только начинали работать.

Линейные следы на рабочей поверхности скребков прослеживаются далеко не на всех

Рис. 1. Керамический скребок с памятника Нижнетамбовское-2, 2005 г.

образцах, а там, где они есть, в большинстве – перпендикулярны кромке. На нескольких экземплярах видны диагональные и вертикальные риски. Также встречаются следы заполированности рабочей поверхности скребков (рис. 3).

Такое большое количество найденных скребков мы связываем с характером постройки, которая была раскопана. На основе ряда наблюдений мы не склонны считать данное сооружение рядовым жилищем, а предполагаем его специфические функции, связанные со вспомогательным обеспечением поселенческой системы (например, как склада-хранилища или мастерской) [Малявин, 2008].

Опыты с керамическими скребками, проведенные С. А. Семёновым и его коллегами на свежеснятых шкурах, показывают, что это достаточно эффективные орудия, не уступающие в продуктивности концевым скребкам на пластинах и отщепах, использованным без рукояток [Семёнов, Коробкова, 1983, с. 187].

Таким образом, мы склонны предполагать, что жители данного поселения в основном занимались выделкой кожи и дерева, о чём можно судить по найденным не только керамическим, но и каменным скребкам – 104 экземпляра (из них 30 – концевые на пластинах, 66 – концевые на отщепах, 8 – скрёбла), а также другим инструментам деревообработки и кожевенного дела.

Такое большое количество керамических скребков обусловлено доступностью материала, всегда в избытке имеющегося на поселении. Также керамический материал обладает абразивными качествами, которые повышают эффективность работы с кожей. С помощью керамических скребков можно было производить кожевенные операции, начиная от снятия мездры и кончая сгонкой волос.

Можно предположить, что дефицита ценных горных пород, как в некоторых регионах страны, жители данного поселения не испытывали, т.к. сохраняются традиции использования каменных скребков (104 штуки) и других орудий труда из камня. Это явление было бы невозможно без значительных источников местного сырья и многовековой практики его применения.

Использование керамических скребков может быть связано с тем, что на определенном этапе развития культуры проявляется тенденция

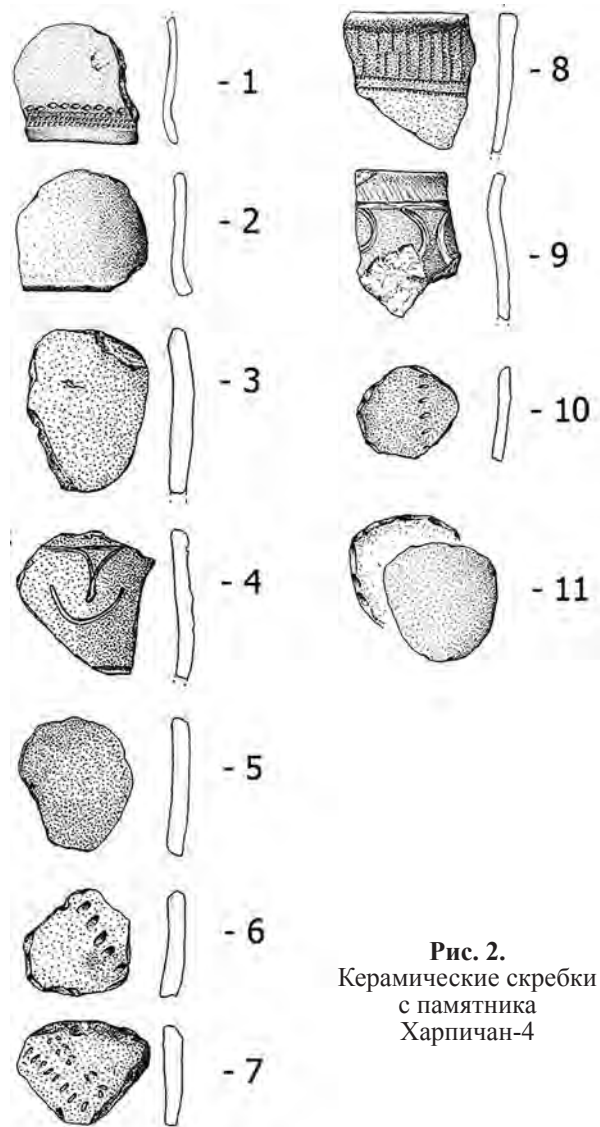

Рис. 2. Керамические скребки с памятника Харпичан-4

интенсивного вторичного использования керамики как нового вида искусственного сырья [Бородовский, 1996]. Но в основном эти процессы наблюдаются для гораздо позднего времени – железного века Приобья, Новосибирской области, – а мы имеем дело с неолитом. Возможно, это связано с тем, что на территории Хабаровского края найдена древнейшая керамика и люди, жившие здесь, гораздо раньше пришли к пониманию, удобству и доступности использования фрагментов керамики в качестве скребков.

Список литературы

Бородовский А. П. Вторичное использование керамических фрагментов в западносибирской лесостепи эпохи палеометалла (фактология и эксперимент) // Керамика как исторический источник. – Тобольск, 1996. С. 49–53.

Бородовский А. П. Керамические скребки для обработки кожи из ирменского поселения Милованово-3 // Древности Алтая. 2002. № 8. С. 28–36.

Малявин А. В. Отчёт о раскопках неолитического поселения Харпичан-4 (Солнечный район Хабаровского края) в 2006 году

// А. В. Малявин. – Архив ИА РАН 2006.— Хабаровск, 2007. – 118 с.

Малявин А. В. Харпичан-4: многослойный неолитический памятник (Приморье) / А. В. Малявин // Окно в неведомый мир: сб. ст. к 100-летию со дня рождения акад. А. П. Окладникова. – Новосибирск, 2008. – С. 150–155.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С. Вторичное использование фрагментов керамики на поселении кротовской культуры Венгерovo-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 7. – С. 91–109. – ISSN 1818-7919.

Семёнов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств. Л.: Наука, 1983. 254 с.

Чикунова И. Ю., Скочина С. Н. Керамические изделия с поселения Муллашинские Юрты 7 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. Вып. 10. С. 49–56.

Рис. 3. Следы разной степени сработанности

Ceramic Scrapers from Settlement Kharpichan-4

T. S. Godina

In the present work, ceramic scrapers from the multi-layer Neolithic settlement Harpichan-4 are considered, their characteristics are given, and variants of use are proposed.

Key words: settlement Harpichan-4, Neolithic, ceramic scrapers, leatherworking.

Година Тамара Сергеевна

старший научный сотрудник
Краевое государственное бюджетное научное
учреждение культуры
«Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова»
E-mail: Godini-007@mail.ru

Godina Tamara Sergeevna

Senior Researcher
Regional State Budgetary Institution of Culture
«Khabarovsk Regional Museum
named after N. I. Grodekov»
E-mail: Godini-007@mail.ru

УДК 902.01

Косторезное дело в неолите Приморья

А. В. Ерохина

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

Орудия из органических материалов составляли значительную долю в орудийном наборе каменного века. Важно отметить, что самым большим препятствием в изучении древних орудий из кости и рога является редкость этих артефактов в археологических комплексах по причине повышенной кислотности почв в регионе, которая ведет к относительно быстрому разложению органики. Исходя из этого, наличие сохранившихся изделий из кости и рога в куль-

турном слое объектов археологического наследия (ОАН) представляют огромную ценность при реконструкции адаптационных стратегий населения эпохи неолита на территории Приморского края.

Среди материалов археологических культур эпохи среднего и позднего неолита Приморья комплекс костяных изделий в большинстве своем представлен единичными или фрагментарными орудиями, что находит свое отражение

в недостаточной характеристике косторезного дела в эпоху нового каменного века на территории рассматриваемого региона.

Одним из редких памятников со свидетельствами обработки костяного сырья с целью получения орудий является пещера Чертовы Ворота. В культурном слое памятника (руднинская археологическая культура среднего неолита, 7–5,5 тыс. л. н.) были обнаружены артефакты, изготовленные из кости: обломки гарпунов, иглы, наконечники дротиков с пазом в верхней части для каменного вкладыша, уникальный кабаньих клык, украшенный резьбой, нашивки из перламутра и поделки из кости [Татарников, 1981].

На сегодняшний день наиболее представительная коллекция, характеризующая косторезное дело в эпоху неолита Приморья, представлена в бойсманской археологической культуре эпохи среднего неолита (6,5–5 тыс. л. н. [Бойсманская..., 1997]). В результате того, что одной из составляющих системы жизнеобеспечения бойсманцев являлось морское собирательство, на обнаруженных поселениях зафиксированы крупные слоистые раковинные кучи – мусорные включения антропогенного характера, сохранность органики в которых намного выше, чем в рядом залегающих почвах.

Классическим и опорным памятником, исследованным в достаточной степени для формирования представления о производстве костяных изделий населением рассматриваемой культуры, является ОАН Бойсмана-2.

Обнаруженные артефакты рассматриваемого комплекса характеризуют различные направленности в хозяйственной жизни обитателей поселения.

Добыча рыбы и морского зверя: острога с зубчатыми наконечниками и уплощенным с двух сторон клиновидным насадом для стационарного крепления к древку; гарпуны с различными морфологическими характеристиками из кости и рога животных, которые подвергались специальной обработке, обстругиванию и шлифованию; цельнорезные рыболовные крючки, вырезанные из кости, рога и клыка.

Выделка шкур и обработка кожи: скребки из клыков с заостренной округло-выпуклой формой; ложила, выполненные из наиболее подходящих фрагментов костяного материала, со следами заполированности на рабочей поверхности; шилья и иглы с просверленными ушками из кости или рога с колющим краем, подходящие по длине фрагменты, к ним же можно отнести игольники (продолговатая полая трубка, с довольно тонкими стенками из трубчатой кости животного).

Орудия, характеризующие хозяйственно-производственную жизнь с возможным многофункциональным назначением: ложки из тонких (0,1–0,2 см) частей лопаток овальной или капле-

видной формы с небольшим углублением и тщательно вырезанным контуром; отжимники – прямые или изогнутые стержни из кости или рога; нож с рукояткой и коротким широким лезвием с закругленным окончанием из пяточного сустава крупно-копытного животного [Попов, 2001].

Большинство изделий были выполнены из костей (70%). Для изготовления орудий в качестве основного поделочного материала использовались трубчатые кости, возможно, ребра. Зубы (20%) и рог (9%) использовались режее. Анатомические определяющие признаки, как правило, уничтожены в процессе придания формы заготовке.

На основании сохранившегося органического материала исследователями сделаны предположения о том, что в неолите в Южном Приморье обитали косули, кабаны, лошади. Наиболее доступная кость, подходящая для резьбы, – цевка (кость крупных рогатых животных). Эта кость широко использовалась в изготовлении гарпунов и острог. Кость довольно пластична, хорошо обрабатывается ручным инструментом, поддается полировке.

Реконструируя процесс обработки сырья для костяных изделий, стоит обратить внимание на то, что кость нуждалась в предварительной подготовке. По А. П. Бородовскому [Бородовский, 1997], кость сначала варили несколько часов, чтобы отделить от остатков мяса и обезжирить, затем отбеливали, и только после этого ее можно было обрабатывать.

В резьбе очень широко использовались рога различных животных: крупного скота, лося и оленя. Такая популярность обуславливается доступностью этого материала.

Данные, полученные в результате раскопок ОАН Боярин-6 в 2013, 2014 и 2016 гг., также свидетельствуют о том, что костяное производство занимало одно из основных мест в системе жизнеобеспечения населения.

Комплекс костяных изделий представлен 76 экземплярами, среди которых 33 орудия и их обломки связаны с морской охотой или рыболовством: зубчатые (неповоротные) гарпуны, острога, обломки костяного острия и других костяных изделий (иглы и т.д.).

Наконечники гарпунов с односторонним расположением зубьев (5 экземпляров) имеют крупные клювовидные зубья, мелкие зубья-зазубрины. Гарпун с клювовидными зубьями имеет конусовидную, сужающуюся к низу, с округлым концом базу насада со стопором-линем в виде противоположащих плечиков – уступов на функциональных сторонах наконечников. Также обнаружена деталь (зубец) костяного составного неповоротного зубчатого гарпуна (острога). Место крепления оформлено в виде выемки, опоясывающей ствол орудия.

Представленные орудия лова отличаются большим разнообразием как с морфологической, так и с функциональной точки зрения.

На артефактах зафиксированы следы при шлифовки, предположительно оставленные в результате их использования, что свидетельствует о их частом применении.

К следующей категории орудий отнесены изделия с острой колющей рабочей поверхностью. К ним относится костяное острие (лощило) с уплощенной рабочей частью и слабо намеченными плечиками в средней части фрагмента. Также обнаружены 3 экземпляра костяных игл, отшлифованных с необычайной тонкостью и демонстрирующие сходства с современными стальными аналогами. Иглы практически идентичны.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что процесс изготовления костяных орудий включал три основных этапа:

1) Подборка основы – чаще всего использовали естественные формы сырья, реже сколы и отщепы с обрабатываемой кости;

2) Оформление костяной основы с помощью рубящих, режущих орудий, а также скоблением и сверлением;

3) Финальная обработка орудий с помощью шлифования, полировки с целью уничтожения грубых следов обработки и в некоторых случаях – нанесение орнамента.

The bone carving of neolithic of primorye

A.V. Erokhina

The article deals with the bone carving of the Neolithic age, which was one of the leading industrial trends in the life of the ancient people. We can see confirmation of this when deal with the tools of those cultures that located either on the lands with less acidic soils, or on the lands where were shell heaps, contributing to the preservation of organic matter. In the Neolithic of Primorye, we can reconstruct and trace all the importance of bone carving in the life support system in Boisman's archaeological culture, where bone tools were not only preserved, but were also actively used in the extraction of marine bioresources. An analysis of the materials of the historical sites like Boimana-2 and Boyarin-6 confirm this.

Key words: Boisman's archaeological culture, Boimana-2, Boyarin-6, bone carving, bone

Ерохина Алеся Вадимовна
студентка 4-го курса
Дальневосточный федеральный университет
e-mail: erokhaaa@gmail.com

Erokhina Alesya Vadimovna
4th year student
Far-Eastern Federal University
e-mail: erokhaaa@gmail.com

УДК 902(571.54/.55)

Планиграфическая структура древнейшего культурного горизонта (7 объединенный) усть-каренгской археологической культуры

Т. Ю. Игнатьева

Иркутский государственный университет, Иркутск

Изучение пространственного поведения человека, выраженного в материальных остатках, является важным аспектом при изучении древнейшего прошлого народов Сибири. К сожалению, данное направление

Тем не менее с точностью утверждать о наличии термообработки мы не можем, так как схожие признаки наблюдаются и при археологизации костей, подверженных влиянию кислот и щелочей.

На основе проведенного исследования мы можем сделать вывод о том, что исследование костяного делопроизводства на современном этапе остается актуальным и требует дальнейшего изучения, опорным материалом для которого являются артефакты из раковинных куч.

Научный руководитель — А. Н. Попов
канд. ист. наук, доцент
Департамент истории и археологии
Школа искусств и гуманитарных наук
Дальневосточный федеральный университет

Список литературы

Бойсманская археологическая культура Южного Приморья / Попов А. Н., Чикишева Т. А., Шпакова Е. Г. – Новосибирск, 1997. – 96 с.

Бородовский А. П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. – 224 с.

Попов А. Н. Комплекс промысловых орудий из кости, рога и клыка бойсманской археологической культуры // Произведения искусства и другие древности из памятников Тихоокеанского региона – от Китая до Гондураса. – Владивосток, 2001. – № 12. – С. 36–54

Татарников В. А. Археологические находки в пещерах Посыетская и Чертовы ворота // Пещеры. – Пермь: Изд-во Пермский государственный университет им. А.М. Горького, 1981. – С. 104–108.

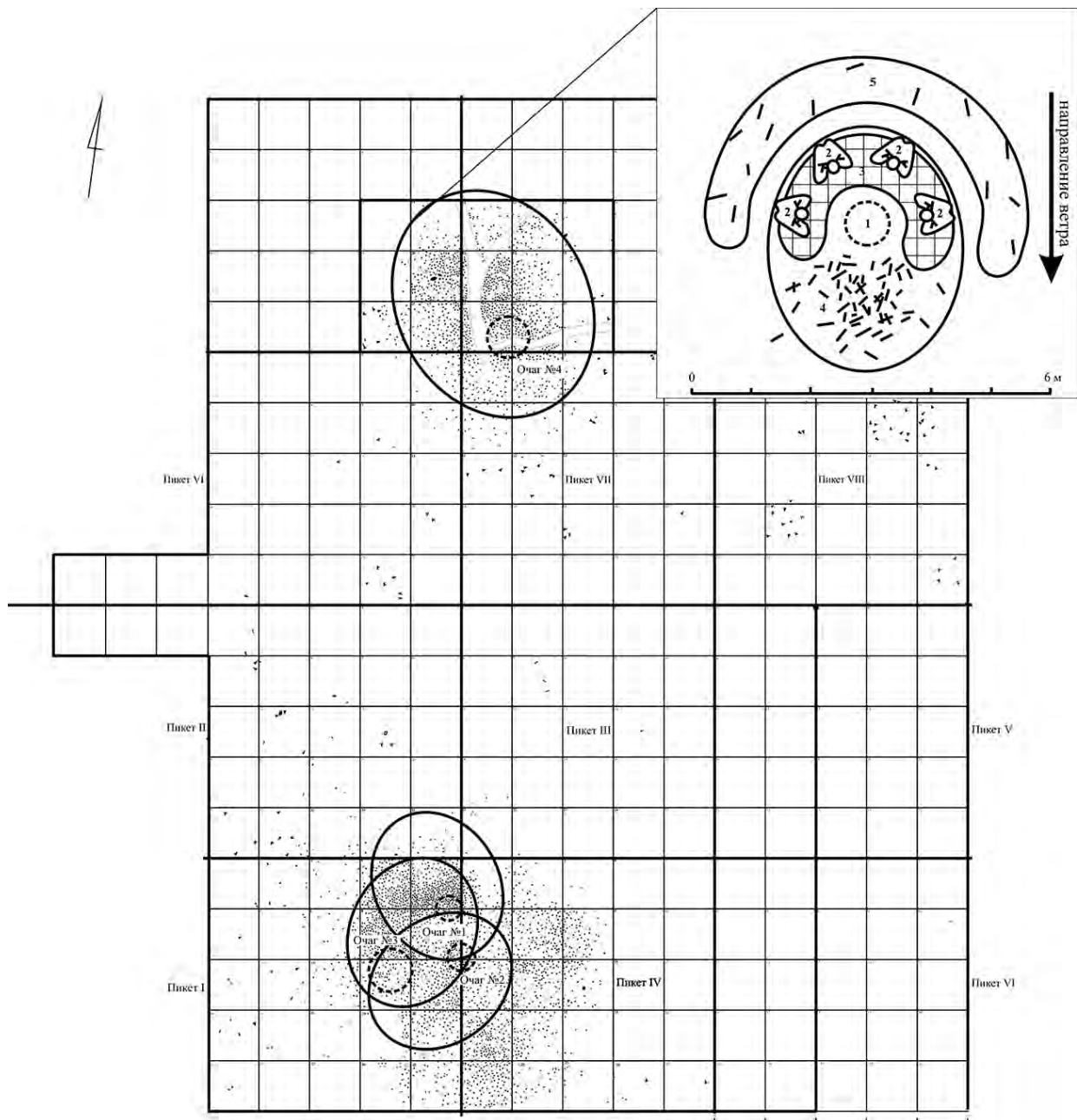

Рис. 1. Усть-Каренга XIV, раскоп 12.

7 (объединенный) культурный горизонт с обобщающей моделью расположения людей и отходов у очага (по Л. Бинфорду).

1 – очаг; 2 – сидящие люди; 3 – зона падения остатков; 4 – передняя зона отброса; 5 – задняя зона отбросов.

Данный комплекс был открыт в 1975 году М. П. Аксеновым [Ветров, 1992]. Через год началось систематическое планомерное исследование Усть-Каренгского археологического комплекса археологом ИГУ В. М. Ветровым, которое продолжалось с небольшими перерывами более 20 лет.

Усть-Каренгский археологический комплекс состоит из 16 условно выделенных локальных пунктов, расположенных при слиянии рек Каренга и Витим на севере Забайкалья (Тунгокоченский район Читинской области) [Ветров, 1997].

Для изучения планиграфии нами были взяты три локальных пункта – Усть-Каренга XII, Усть-Каренга XIV, Усть-Каренга XVI. Выбор обусловлен тем, что именно на этих объектах был обнаружен 7 (по общей нумерации) культурный горизонт, один из самых древних на стоянке и содержащий древнейшую в Северной Азии керамику, которая датируется 12240 и 10800 л. н. [Древнейшая керамика..., 2009]. Остатки древнейшего гончарного производства делают 7 культурный горизонт особо значимым в системе изучения памятников древнейшего прошлого Азии.

В основе планиграфического анализа лежит обобщающая модель развертывания деятельности ситуации по Л. Бинфорду. Им выделялась зона падения остатков (более насыщенная зона), передняя и задняя зоны отбросов (менее насыщена) (рис. 1).

За элементарную структуру всего поселения нами было признано одиночное скопление материальных остатков из раскопа 12, Усть-Каренга XIV (рис. 1). Оно обладает максимально четкой структурой самого скопления без эффекта наложения нескольких деятельностных ситуаций, имеет четкий контур и один очаг. Анализ этого скопления отвечает модели расположения людей и зон отходов деятельности у очага Л. Бинфорда, зафиксированную при наблюдении деятельности эскимосов-нунамиутов [Binford, 1983].

Элементарная планиграфическая структура включает в себя округлое в плане скопление материальных остатков с очагом, расположенным ближе к одному из краёв скопления. Сами находки распространяются в большей степени с одной стороны от очага (рабочая зона), а в противоположную сторону слабо рассеяны (зона отброса отходов по Л. Бинфорду).

Общей чертой всех скоплений является асимметричное распространение культурных остатков по отношению к очагам. Наибольшая концентрация, культурных остатков наблюдается на площади находящейся к северу или к северо-западу от центра очага. Важную информацию для исследования представляет так же расстояние между очажными пятнами. Так, расстояние между очагами № 1 и № 2 составляет менее 1 м, а расстояние между очагами № 1 и № 3 равно чуть более 1 м (рис. 1). По нашему мнению, это может говорить о том, что одновременное функционирование этих очагов невозможно, так как при одновременном горении на таком расстоянии очагов неизбежно возникают своеобразные «мёртвые зоны», уменьшающие полезную приочажную площадь. Учитывая проксемические наблюдения, сидеть вблизи очага в комфортных условиях возможно как минимум в 0,70 м от него. При этом направление ветра играет важную роль в размещении у костра – человек всегда стремится занимать позицию, находящуюся с наветренной не задымленной комфортной стороны.

Культурные остатки 7 объединённого горизонта на отдельных участках археологического комплекса являются итогом компрессионного наложения, состоящего из разновременных сюжетов разворачивавшихся в прошлом деятельностных ситуаций. О компрессионном характере сложения структуры поселения

свидетельствует близость расположения очагов, дистанция между которыми менее 1,5 м, а также разница в глубине залегания слоя в разных раскопах.

Очаги и скопления Усть-Каренгских местонахождений – это структуры стоянок открытого типа, формировавшихся вне жилищ. Это предположение доказывает сравнительный анализ со стоянками Студеное I и Усть-Менза I. [Константинов, 1994].

Анализ скоплений в сопоставлении со стоянкой Большой Якорь I [Инешин, Клементьев, Тетенькин, 2005] которая находится в 800 км ниже по течению Витима показал, что объекты были разными по специализации (разное положение в системе хозяйственного цикла). Стоянки Усть-Каренгского археологического комплекса относятся к базовым охотничьим лагерям, где значительная часть коллектива проживала в относительно постоянном режиме и где деятельность сопровождалась изготовлением и использованием керамических сосудов. А стоянка Большой Якорь I, как это было показано её исследователями, является временным лагерем охотников на миграционных путях северного оленя [Инешин, Тетенькин, 2010].

Дальнейшая задача исследования – проанализировать планиграфию и выделить непосредственно на плане следы конкретных актов деятельности, что позволит прийти к выводу о временной продолжительности обитания людей на этой стоянке, «расклеить» единую планиграфическую картину на составляющие её отдельные деятельностные акты.

*Научный руководитель: Е. М. Инешин
канд. ист. наук
зав. лабораторией археологии
Педагогический институт
Иркутский государственный университет*

Список литературы

- Binford L. R.* In pursuit of the past. Decoding the archeological record. L., 1983. P. 149–160. Fig. 89
- Ветров В. М.* Каменный век верхнего Витима: дис. ... канд.ист. / Ветров Виктор Михайлович.– Новосибирск, 1992. – 195 с.
- Ветров В. М.* Усть-Каренгская культура и ее место в системе археологических памятников сопредельных территорий // Взаимоотношение народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Доклад Второй международной научно-практической конференции. – М.–Иркутск–Тэгү: Изд-во ООО «Листок», 1997. – Кн. II.– С.176–180
- Инешин Е. М., Клементьев А. М., Тетенькин А. В.* Планиграфический анализ культурных горизонтов многослойного местонахождения Большой Якорь I на Нижнем Витиме / Известия лабораторных древних технологий. – Выпуск 3. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. тех. ун-та, 2005. – С. 74–107
- Инешин Е. М., Тетенькин А. В.* Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене.

Местонахождение Большой Якорь I. – Новосибирск: Наука, 2010. – 270 с.

Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. К всемирному археологическому интер-конгрессу. (Забайкалье, 1996). – Совм. изд-во ИОН БНЦ и ЧГПИ, 1994. – 164 с.

Хомелл П. Н. Древнейшая керамика Усть-Каренгской археологической культуры / П. Н. Хомелл, В. М. Ветров, П. Джордан и др. // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы). Материалы XLIX регионов археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Кемерово, 2009. – С. 78–82

Planigraphic Structure of the Ancient Cultural Horizon (7 United) of Ust'-Karenga Archaeological Culture

T. Y. Ignatieva

The article provides a planigraphic analysis of 3 local points of Ust'-Karenga archaeological culture, which has recorded 7 cultural horizon remaining the oldest ceramics in North-East Asia. The planigraphy of ancient sites is studied from the standpoint of the spatial behavior of ancient man. The case of 7 cultural horizon was formed in the result of compression of the blend of episodes at different times and at different seasons of habitation on this site of ancient hunters-potters.

Keywords: Ust'-Karenga archaeological complex, planigraphy, spatial behavior, cultural horizon, proxemics.

Игнатьева Татьяна Юрьевна

студентка 4-го курса

Педагогический институт

Иркутский государственный университет

e-mail: ignateva.tatjana@mail.ru

Ignatieva Tatiana Yurievna

4th year student

Teacher Training College

Irkutsk State University

e-mail: ignateva.tatjana@mail.ru

УДК 902.652(571.53)

Особенности и перспективы исследований мультислойчатых местонахождений Южного Приангарья и Тункинской долины*

В. В. Коваленко (Орлова)

Иркутский государственный университет, Иркутск

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ, проект № 074-02-2018-334 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Поиск и изучение многослойных местонахождений, являющихся одним из наиболее распространенных типов археологических источников, стали неотъемлемой частью геоархеологических исследований Байкало-Енисейской Сибири. Многослойные местонахождения можно разделить на две группы: макрослойчатые (малоинформативные) и мультислойчатые (с высокой степенью информативности). В настоящей работе рассмотрены особенности мультислойчатых местонахождений на примере трех объектов Южного Приангарья и Тункинской долины, исследования которых проведены в 2014–2018 гг.

Два местонахождения находятся на р. Белой, крупном левобережном притоке р. Ангары.

Холмушино 3. Открыто в 1972 г. Н. А. Савельевым и Д. И. Дементьевым на территории одноименного села (Усольский р-н Иркутской обл.), на высокой 6–7-метровой пойме левого берега р. Белой. В процессе археологических работ 2016 г. были заложены 2 береговые врезки общей площадью 27 м². Песчано-супесчаные отложения субаквально-субаэрального генези-

са вскрыты на глубину до 4 м. В общей сложности зафиксировано 5 культуросодержащих горизонтов (к. г.), приуроченных к слаборазвитым и эмбриональным погребенным почвам. В соответствии с особенностями стратиграфии можно выделить две пачки отложений. В составе верхней пачки средне- и позднеголоценового возраста, мощностью до 1,8 м, отмечено до 6 погребенных гумусовых горизонтов, разделенных более светлыми прослоями. Вторая пачка мощностью до 2,2 м, возраст которой определен рубежом плейстоцена – голоцена и ранним голоценом, представлена песчаными отложениями с множеством маломощных слаборазвитых и эмбриональных почв. Для к. г. 3 (низ второй пачки) с сетчатой и хайтинской керамикой получено две радиоуглеродные даты, которые позволили определить возраст комплексов ранним неолитом – 8510–8380 кал. л. н. [Новые радиоуглеродные ..., 2017; Хронометрия неолитической ..., 2019]. Дата для к. г. 5 (средняя часть нижней пачки) демонстрирует возраст 12 569–12 150 кал. л. н. [Бердников, Бердникова, 2017].

Усть-Белая. Местонахождение расположено на левом приустьевом участке р. Белой и имеет богатую историю исследования [Бердникова, 1995]. В процессе исследований последних лет на 4–5-метровой пойме проведены раскопки общей площадью 92 м². Максимальная глубина вскрытых отложений составила 3,4 м (слоистые супеси и пески субаквально-субаэрального генезиса). Позднеголоценовая пачка, мощность которой на разных участках варьирует от 0,8 до 1,7 м, содержит до 6 погребенных почв. Во второй пачке – среднеголоценовой – мощностью до 1 м зафиксировано до 4 слабо развитых почв. Раннеголоценовая пачка (мощность до 2,2 м) содержит множество эмбриональных слабо гумусированных почв. Археологические материалы приурочены к почвам верхней и средней пачки. Всего выделено 4 к. г. Наиболее информативным оказался к. г. 3, содержащий комплексы с керамикой усть-бельского типа. Их возраст, в соответствии с радиоуглеродными датами, определен в интервале 6716–6311 кал. л. н. [Хронометрия неолитической ..., 2019].

Еловка-Нуган I. Является первым и пока единственным мультислойчатым голоценовым объектом в Тункинской долине и расположено близ с. Еловка, на правом приустьевом участке р. Еловка, левого притока р. Иркут. На двух участках высокой поймы р. Иркут были заложены шурфы общей площадью 35,5 м². Наиболее интересные материалы получены в двух шурфах. В одном из них, расположенном на 5-метровой поверхности, вскрыты мелкослоистые пойменные отложения на глубину до 2,6 м. В нижней пачке субаквального генезиса зафиксировано множество маломощных гумусовых горизонтов среднего и позднего голоцена, четко разделенных прослоями светлого песка, к четырем из которых приурочены археологические комплексы. Самыми информативными оказались к. г. 1 и 2, для которых получены радиоуглеродные даты с интервалами 5896–5748 кал. л. н. и 6092–5923 кал. л. н. соответственно [Местонахождение Еловка-Нуган I ..., 2015]. В разрезе шурфа, заложенного на 6–7-метровой пойме и вскрытого на глубину 2,1 м, зафиксированы слоистые отложения субаквально-субаэрального генезиса со слабо развитыми и эмбриональными почвами раннего и среднего голоцена. Для археологического комплекса к. г. 1 с раннеолитической сетчатой и хайтинской керамикой в верхней пачке отложений получена радиоуглеродная дата в диапазоне 7839–7689 кал. л. н. Возраст двух маломощных погребенных почв нижней пачки определен интервалами 9396–9034 и 9622–9535 кал. л. н. [Местона-

хождение Еловка-Нуган I ..., 2015; Хронометрия неолитической ..., 2019].

Анализируя охарактеризованные разрезы, можно выделить типичные мультислойчатые ситуации Южного Приангарья и Тункинской долины и их специфику. Возраст рек и характер их режима обуславливает скорость осадконакопления по берегам и, как следствие, геоморфологические и стратиграфические особенности конкретных прибрежных участков.

Для р. Белой выявлены две мультислойчатые ситуации. Первая связана с 6–7-метровой поймой, где наиболее детальные сведения можно получить для отложений раннего – среднего голоцена и археологических материалов мезолита, неолита и в некоторых случаях – раннего бронзового века. Эта ситуация является типичной для археологических местонахождений в районе п. Мишелевка и Холмушино. Другой случай зафиксирован на 4–5-метровой пойме, где наибольшую информативность имеют отложения среднего – позднего голоцена и археологические комплексы среднего неолита – раннего железного века. Подобная ситуация выявлена впервые и пока ограничивается левобережным участком в устье р. Белой, но уже на данном этапе исследований позволила получить первые надежные радиоуглеродные даты для усть-бельской керамики Южного Приангарья.

На высоких поймах р. Иркут также зафиксированы две ситуации. Первая предоставляет возможность получить детальные сведения об отложениях среднего – позднего голоцена (неолит – ранний бронзовый век). Вторая дает возможность изучать отложения раннего голоцена – начала среднего голоцена и археологические комплексы мезолита и раннего неолита.

Таким образом, мультислойчатые местонахождения, обладающие главным преимуществом – четкой стратиграфической ситуацией, – являются наиболее привлекательными и перспективными в изучении культур древних охотников-собирателей Байкало-Енисейской Сибири.

*Научный руководитель – И. М. Бердникова
канд. ист. наук
старший научный сотрудник
НИЦ «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет*

Список литературы

- Бердникова Н. Е. Усть-Белая: история исследования // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск, 1995. – С. 78–95.
Бердников И. М., Бердникова Н. Е. Геоархеологическая специфика раннеголоценовых комплексов Южного Приангарья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2017. – Т. 23. – С. 39–44.

Местонахождение Еловка-Нуган I – первый мультислойчатый археологический объект голоценового возраста в Тункинской долине / И. М. Бердников, Н. Е. Бердникова, Е. О. Роговской, Е. А. Липнина, И. В. Уланов, Д. Н. Лохов, Н. Б. Соколова, А. М. Клементьев, К. А. Крутикова, М. Е. Абрашина // *Известия Иркут. гос. ун-та. Сер. Геология. Этнология. Антропология.* – 2015. – Т. 14. – С. 24–48.

Новые радиоуглеродные данные для неолитических комплексов многослойных местонахождений Тункинской долины

и Приангарья / И. М. Бердников, Н. Е. Бердникова, С. А. Когай, А. М. Кузнецов, Е. А. Липнина, Д. Н. Лохов, Е. О. Роговской, Н. А. Савельев, Н. Б. Соколова, И. В. Уланов // *Евразия в кайнозое. Стратиграфия, Палеоэкология, культуры* – 2017. – Вып. 6. – С. 220–223.

Хронометрия неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири: основные идеи и новые данные / И. М. Бердников, О. И. Горюнова, А. Г. Новиков, Н. Е. Бердникова, И. В. Уланов, Н. Б. Соколова, Д. Н. Лохов, М. Е. Абрашина, К. А. Крутикова, Е. О. Роговской, С. А. Когай // *Stratum plus.* – 2019. – № 2 (в печати).

Specificity and Research Perspectives of the Multilayered Sites in Southern Angara Region and Tunka Valley

V. V. Kovalenko

Study results of three multilayered sites of Southern Angara Region and Tunka valley are presented. The sites are located on the high floodplains of Belaya and Irkut rivers. The features of the stratigraphic sections are due to territorial location and hydrological regime of the rivers. The main advantage of multilayered sites in geoarchaeological research is clear stratigraphy, where archaeological complexes associated with isolated buried soils. This allows us to detail the chronometry and correlate the archaeological complexes using stratigraphy and radiocarbon dating.

Keywords: Southern Angara region, Tunka Valley, Holocene, multilayered sites.

Коваленко Валерия Владимировна

студентка 3-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: terifeleni@gmail.com

Kovalenko Valeria Vladimirovna

3rd year student

Irkutsk State University

e-mail: terifeleni@gmail.com

УДК 903.59(571.53)

Сравнительный анализ раннеолитических могильников в устьях рек Белая и Китой (Южное Приангарье)*

К. А. Крутикова

Иркутский государственный университет, Иркутск

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ, проект № 074-02-2018-334 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

На территории Байкальской Сибири за весь период исследований открыто 7 китойских могильников [Базалийский, 2012, с. 58–59; Бердникова, 2001, с. 144]. Их однородность не вызывает сомнения. Однако они обладают дифференциацией в элементах ритуала захоронений и некоторых типологических показателях категорий сопроводительного инвентаря [Базалийский, 2012, с. 68]. В этом свете актуальность приобретает проведение сравнительного анализа могильников. В настоящей статье представлена сравнительная характеристика раннеолитических могильников в устьях р. Белой (Галашиха, Шумилиха, Усть-Бельский могильник) и р. Китой (Китойский могильник и Ярки).

Могильники усть-бельского участка находятся в устье р. Белой, левого притока р. Ангары, в 110 км вниз по течению от г. Иркутска. На его территории обнаружено 24 захоронения раннего неолита, из них 11 – на Усть-Бельском могильнике, 4 – на Шумилихе и 9 – на Гала-

шихе [Георгиевская, 1989, с. 59–73; Горюнова, 2002, с. 12; Бердникова, 2001, с. 144–145]. Полностью разрушенное погребение, найденное на ангарском участке Усть-Белой, в дальнейшем анализе не учитывается. В одиночных захоронениях обнаружены 4 мужских костяка (1 – *maturus*, 1 – *adultus*), 2 женских (1 – *maturus*) и 2 детских (оба – *infantilis I*) [Георгиевская, 1989, с. 62–73; Бердникова, 2001, с. 144–145]. В парных в двух случаях зафиксированы совместные погребения женщины и мужчины и в одном – женщины и ребенка (*infantilis I*).

Китойский могильник находится в 3 км ниже по течению р. Ангары от современного устья р. Китой [Витковский, 1881]. В 1957 г. в местности Ярки, которая расположена неподалеку от Китойского могильника, также найдены захоронения раннего неолита [Окладников, 1974, с. 58–61]. Со времени открытия местонахождения обнаружено 31 погребение, содержащее 35 индивидов [Базалийский, 2012, с. 59].

Таблица 1

Основные признаки погребального обряда

Признак	Могильник							Шумилиха
	Усть-Бельский		Китойский, Ярки		Галашиха			
Положение костяка в могиле	вытянут, на спине	8	80	20	64,5	7	77,7	4
	вытянут, на животе	–	–	1	3,2	–	–	–
	вытянут, на правом боку	–	–	1	3,2	–	–	–
	на спине с согнутыми коленями	–	–	1	3,2	–	–	–
	сидячее	–	–	1	3,2	–	–	–
	не определена	2	20	7	22,5	2	22,3	–
Ориентировка костяков	СЗ-СВ	6	60	20	64,5	2	22,2	2
	ЮЗ-ЮВ	1	10	6	19,3	4	44,4	–
	В	–	–	–	–	2	22,2	–
	З	–	–	–	–	–	–	2
	ЮЗ-ЮВ/СЗ-СВ	–	–	1	3,2	–	–	–
Засыпка гематитом	не определена	3	30	4	12,9	1	11,1	–
	есть	10	100	31	100	9	100	4
Наличие ритуальных объектов	нет	–	–	–	–	–	–	–
	есть	–	–	+	–	+	–	–
Кол-во погребенных в одной яме	нет	–	–	–	–	–	–	–
	одиночные	7	70	29	93,5	7	77,7	3
	парные	1	10	2	6,5	2	22,3	1
Череп у погребенных	групповые	2	30	–	–	–	–	–
	нет	3	30	4	12,9	1	11,1	1
	есть	7	70	27	87	8	88,9	3

Половозрастная характеристика имеется только для оригинального захоронения мужчины (maturus) [Хороших, 1979, с. 86].

В таблице 1 представлены основные признаки, выделенные нами для погребальных комплексов рассматриваемых могильников.

В таблице 2 представлены результаты радиоуглеродного датирования погребений. В дальнейшем анализе используются только даты, скорректированные с учетом пресноводного резервуарного эффекта.

Нарушение части захоронений Усть-Бельского могильника и Галашихи не позволяет произвести подсчет процентного соотношения инвентаря могильников, поэтому для анализа выделены наиболее встречаемые и значимые категории находок (табл. 3).

Интерес представляют небольшие костяные острия с уплощенным телом и заостренным концом в верхней части, обнаруженные в погребениях Усть-Бельского (№ 1, 4, 15) и Китойского могильников (раскопки Н. И. Витковского и П. П. Хороших) [Георгиевская, 1989, с. 73; Хороших, 1979, с. 86]. Также в материалах Китойского и Усть-бельского могильников зафиксированы костяные пластины с циркульным орнаментом, интерпретированные как браслеты [Георгиевская, 1989, с. 67; Окладни-

ков, 1974, с. 50–52]. Еще одна редкая категория – пронизки из белого нефрита, отмечены на Шумилихе (погр. № 1 1999 г.) и Китойском могильнике (погр. № 1, раскопки П. П. Хороших).

Как видно из табл. 1 по большинству признаков могильники имеют высокий уровень сходства, что неудивительно, поскольку именно на их основании и была выделена китойская традиция захоронения. На территории Китойского могильника обнаружено большее разнообразие в положении костяков, однако этот факт может объясняться разрушением могил на других сравниваемых объектах и меньшим количеством раскопанных захоронений на них.

Выделенные категории инвентаря отмечены в части захоронений как устья р. Белой, так и устья р. Китой, обладают морфологическим единством и типичны для всех китойских комплексов Байкальской Сибири. Внимание на себя обращают костяные острия, костяные «браслеты» и пронизки из белого нефрита. Подобные предметы не зафиксированы в материалах Локомотива и Шаманки П. Интересен и тот факт, что в могильниках устья Белой и устья Китоя не обнаружены кольца из кальцита, которые часто встречаются на Локомотиве и Шаманке П.

Скорректированные радиоуглеродные даты для рассматриваемых комплексов находятся в

Таблица 2

Данные радиоуглеродного датирования

Могильник	№ погр.	Лаб., №	¹⁴ С-дата, л. н.	Скоррект. ¹⁴ С-дата, л. н.	Источник
Усть-Бельский	5	ОхА-25490	6710±33	6224±72	[Chronology of middle..., 2016, с. 82]
Усть-Бельский	8	ОхА-25492	6694±34	6188±73	[Chronology of middle..., 2016, с. 82]
Усть-Бельский	9	ОхА-25493	6640±32	6141±72	[Chronology of middle..., 2016, с. 82]
Усть-Бельский	11	ГИН-4486	6170±400	–	[Мамонова, Сулержицкий, 1989, с. 22]
Усть-Бельский	3	ГИН-4810	6200±80	–	[Мамонова, Сулержицкий, 1989, с. 22]
Усть-Бельский	4	ГИН-4365	6560±80	–	[Мамонова, Сулержицкий, 1989, с. 22]
Усть-Бельский	10	ГИН-4126	6760±160	–	[Мамонова, Сулержицкий, 1989, с. 22]
Китойский	–	ОхА-28749	6879±37	6344±74	[Chronology of middle..., 2016, с. 81]
Китойский	4	ОхА-28749	6660±35	6269±73	[Chronology of middle..., 2016, с. 82]
Китойский	11	ОхА-28751	6706±35	6233±73	[Chronology of middle..., 2016, с. 82]
Ярки	–	ГИН-4032	6640±50	–	[Мамонова, Сулержицкий, 1989, с. 22]
Ярки	6	ГИН-4469	7990±350	–	[Мамонова, Сулержицкий, 1989, с. 22]
Галашиха	17 (2)	ОхА-25151	6685±36	6266±74	[Chronology of middle..., 2016, с. 82]
Галашиха	18	ОхА-25152	6690±36	6176±74	[Chronology of middle..., 2016, с. 82]
Галашиха	17 (1)	ОхА-25150	6655±35	6172±73	[Chronology of middle..., 2016, с. 82]
Галашиха	5 (1)	ОхА-25114	6640±35	6095±73	[Chronology of middle..., 2016, с. 82]
Галашиха	16	ОхА-25149	6540±35	6079±73	[Chronology of middle..., 2016, с. 82]
Галашиха	4	ОхА-25113	6586±34	6049±73	[Chronology of middle..., 2016, с. 82]
Галашиха	5 (2)	ОхА-25115	6592±36	6044±74	[Chronology of middle..., 2016, с. 82]
Галашиха	3	ОхА-25112	6496±35	6033±73	[Chronology of middle..., 2016, с. 82]
Галашиха	7	ОхА-25178	6573±36	6028±74	[Chronology of middle..., 2016, с. 82]
Галашиха	5 (1)	СОАН-4014	6225±150	–	[Бердникова, 2001, с. 146]
Галашиха	5 (2)	СОАН-4015	6170±65	–	[Бердникова, 2001, с. 146]
Шумилиха	2	ОхА-25572	6664±37	6167±74	[Chronology of middle..., 2016, с. 82]
Шумилиха	3	ГИН-4100	6370±60	–	[Мамонова, Сулержицкий, 1989, с. 22]
Шумилиха	2	СОАН-1665	4380±15	–	[Окладников, Конопацкий, 1984, с. 27]
Шумилиха	1	ГИН-10911	6050±80	–	–

диапазоне 6344±74–6028±74 14С л. н. (табл. 2). При этом погребения Локомотива и Шаманки II (первой хронологической группы) выглядят древнее [Chronology of middle ..., 2016, p. 80–85]. Таким образом, захоронения в устьях рек Белая и Китой представляют собой наиболее молодую группу в китойском массиве захоронений Южного Приангарья и Прибайкалья.

По результатам анализа охарактеризованных в настоящей статье материалов можно сделать следующие выводы.

Категории инвентаря, общие только для исследуемых объектов, и близость в основных признаках обряда показывают, что могильники в устьях рек Белая и Китой имеют высокий уровень сходства, что, очевидно, объясняется географической и хронологической близостью могильников. Ряд отличий не дает на данном

этапе исследования оснований утверждать, что могильники принадлежали одному роду, хотя группы, оставившие погребальные комплексы в устьях рек Белая и Китой, были наиболее близки между собой в среде китойского населения. При этом Локомотив обнаруживает большее сходство с рассмотренными нами могильниками, чем Шаманка II. В дальнейшем археологические работы на этих объектах, вероятно, позволят значительно дополнить сравнительную характеристику.

*Научный руководитель – И. М. Бердникова
канд. ист. наук,
старший научный сотрудник
НИЦ «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет*

Список литературы

Таблица 3

Наличие категорий инвентаря в могильниках

Chronology of middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect / A. W. Weber, R. J. Schulting, C. B. Ramsey, V. I. Bazaliiskii, O. I. Goriunova, N. E. Berdnikova // Quaternary International. – 2016. – № 419. – С. 74–98.

Базалийский В. И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст / В. И. Базалийский // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2012. – Вып. 9. – С. 43–101.

Бердникова Н. Е. Правобережная устьевая часть. Бельский участок. Галашиха // Каменный век Южного Приангарья. Бельский георхеологический район. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2001. – Т. 2. – С. 140–147.

Витковский Н. И. Краткий отчет о раскопке могилы каменного периода в Иркутской губернии, произведенной по поручению Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества в июле 1880 г. / Н. И. Витковский // Изв. ВСОИРГО. – 1881. – Т. 11. – № 3–4. – С. 1–12.

Георгиевская Г. М. Китойская культура Прибайкалья / ред. А. К. Конопацкий. – Новосибирск : Наука, 1989. – 152 с.

Горюнова О. И. Древние могильники Прибайкалья (неолит–бронзовый век) / отв. ред. Г. И. Медведев. – Иркутск : изд-во Ирк. гос. ун-та, 2002. – 84 с.

Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д. Опыт датирования по 14С погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. – 1989. – № 1. – С. 19–32.

Окладников А. П. Неолитические памятники Ангары / А. П. Окладников. – Новосибирск : НАУКА, 1974. – 317 с.

Окладников А. П. Погребение эпохи неолита и ранней бронзы на Ангаре: (по материалам раскопок 1977 г.) / Окладников А. П., А. К. Конопацкий // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1984. – С. 18–35.

Хороших П. П. Неолитические погребения на р. Ангаре в местности Ярки. // Изв. СО АН СССР. – Новосибирск, 1979. – Вып. 2. – № 6. – С. 83–88.

Могильник	Категории инвентаря											
	Наконечники стрел	Наконечники гарпунов	Жаляца составных рыболовных крючков	Стержень составных рыболовных крючков	Тесла и топоры из нефрита	Ножи из нефрита	Костяные остря	Украшения из клыков кабана	Украшения из зубов животных	Скульптуры голов людей	Ложки	Игольники
Китойский, Ярки	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Усть-бельский	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Галашиха	+	–	+	+	+	+	+	–	+	–	–	+
Шумилиха	+	–	+	+	–	–	+	+	+	–	+	+

Comparative Analysis of the Early Neolithic Burial Grounds in the Ust-Belaya and Kitoi River Mouths (Southern Angara Region)

K. A. Krutikova

We presents a comparative analysis of the main features of burial rite, categories of grave goods and data of radiocarbon dating of Early Neolithic burial complexes from the Ust-Belaya and Kitoi river mouths. As a result of the study of obtained data, a high level of similarity of the studied burial grounds was concluded, due to the geographical and chronological proximity of objects. Probably the groups that inhabited the mouths of rivers Belaya and Kitoi were closest to each other among the Kitoi population. *Keywords:* Baikal Siberia, Neolithic, Kitoi mortuary tradition, burials.

Крутикова Ксения Александровна
1 курс магистратуры,
Исторический факультет
стажер-исследователь
НИЦ «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет
e-mail: kseniya_krutikova@mail.ru

Krutikova Kseniya Aleksandrovna
1st year Master’s course
History Faculty
Trainee Researcher,
Research Center «Baikal Region»
Irkutsk State University
e-mail: kseniya_krutikova@mail.ru

УДК 904

Керамический материал эпохи неолита Мегино-Кангаласского улуса

И. Г. Курчатова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск

Первые археологические исследования на территории Мегино-Кангаласского улуса начинаются в конце 1920-30-х гг. и продолжаются до настоящего времени. За это время было исследовано множество памятников,

датированных неолитом, эпохой палеометаллов, средневековья и якутской культуры. Самые древние археологические памятники изучаемой территории относятся к эпохе неолита. Под неолитом принято считать заверша-

ющую стадию каменного века, для которого характерно появление керамики и производства сосудов – одного из важнейших достижений эпохи неолита [Окладников, 1955а; Мочанов, 1969, Федосеева, 1980; Алексеев, 1987; 1996; Аргунов, 1990; Кистенев, 1990; и др.] Керамика является содержательным и распространенным материалом на археологических памятниках. Ю. А. Мочановым была разработана периодизация эпохи неолита Якутии, в которую входят такие культуры, как сылахская (IV тыс. до н.э.), белькачинская (III тыс. до н.э.) и ымыяхтахская (II тыс. до н.э.) Каждый этап неолита Якутии имеет характерную для него керамику, например, для сылахской культуры характерны отпечатки мелкой сетки на внешней поверхности, белькачинской культуре присуща шнуровая керамика, а вафельная керамика – для ымыяхтахской культуры.

Наиболее массовым материалом на исследуемой территории является керамика. В Мегино-Кангаласском улусе было изучено много археологических стоянок (Майя I, Майя II, Майя III, Тумул, Бердигестях, Беке, Моро, Муохтаах и др.), где встречается неолитическая керамика. Было проанализировано большое количество фрагментов керамики эпохи неолита, но на стоянках Майя I и Муохтаах II было найдено больше всего керамики. По этим фрагментам керамики стоянки предварительно отнесены к неолиту (ымыяхтахская культура II тыс. до н.э.), так как орнамент керамики, характерный для неолитических культур, был шнуровой, рубчатый, вафельный и гладкостенный. Больше всего было найдено вафельной керамики, ее было 249 фрагментов.

Состав теста керамики со всех стоянок был таким: песок, дресва, шамот; песок, шерсть, шамот; песок, шамот, шерсть и дресва; песок и дресва. По составу теста мы можем определить к какой эпохе относится керамика и понять, как менялась технология изготовления сосудов.

Существует два типа орнамента керамики: технический, он наносился в процессе изготовления, и художественный – после, но еще по влажной глине [Воробьев, 1999: 78; Алексеев, 1996]. В археологических материалах исследуемой территории среди керамики в большей степени преобладает технический декор, так как в основном были найдены фрагменты стенок сосудов с вафельным, шнуровым и рубчатым орнаментами. Декоративный орнамент представлен чаще в виде прочерченных прямых линий на внешней поверхности.

Керамический материал Мегино-Кангаласского улуса является очень массовым. По количеству керамики, найденной на стоянках данного региона, можно сказать, что вафельная керамика ымыяхтахской культуры встречается повсеместно. А значит, что к концу неолита, в ымыяхтахскую культуру, население в данном регионе увеличилось или начался активный процесс миграции.

*Научный руководитель – К. А. Пестерева
старший преподаватель
Северо-Восточный федеральный университет*

Список литературы

- Алексеев А. Н.* Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. – С. 144
- Воробьев С. А.* Опыт экспериментального моделирования неолитической керамики Якутии и некоторые проблемы её технологии // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука. Сиб. предпр. РАН, 1999. – С. 64–86.
- Мочанов Ю. А.* Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. – М.: Наука, 1969. – 256 с.
- Пестерева К. А.* Отчет о работе Мегино-Кангаласского отряда археологической экспедиции ЯГУ по маршруту п. Нижний Бестях – с. Балыктах – с. Майя в Мегино-Кангаласском улусе Республики Саха (Якутия) в полевой сезон 2008 г.
- Пестерева К. А.* Отчет о работе Мегино-Кангаласского отряда археологической экспедиции ЯГУ по маршруту с. Майя – п. Суола в Мегино-Кангаласском улусе Республики Саха (Якутия) в полевой сезон 2009 г.
- Пестерева К. А.* Отчет о работе Заречного отряда АЭ СВФУ в Чурапчинском, Таттинском и Мегино-Кангаласском районах Республики Саха (Якутия) в полевой сезон 2012 г.

Ceramic Material of Neolithic Age in the Megino-Kangalass Ulus

I. G. Kurchatova

This article is devoted to the ceramic material of the Neolithic of the regions of Yakutia. In the Megino-Kangalassky district, the sites of the Neolithic cultures were investigated. Identified ceramics, which is more common.

Keywords: ceramics, Neolithic, Megino-Kangalassky ulus, migration.

Курчатова Ирина Георгиевна
студентка 1-го курса
Северо-Восточный федеральный
университета им. М. К. Аммосова
e-mail: iren2000143123@gmail.com

Kurchatova Irina Georgievna
1st year student
Ammosov North Eastern Federal
University
e-mail: iren2000143123@gmail.com

Неолитические горизонты многослойного поселения Косая Шивера (Западное Забайкалье)

Г. Г. Мальцев

Забайкальский государственный университет, Чита

Многослойное поселение Косая Шивера-1 расположено в Красночикойском районе Забайкальского края в 20 км выше устья р. Менза, в пади Широкая, рядом с перекатом Косая Шивера. Открыто в 1981, изучалось в 1987, 1988, 1992, 2018 гг. отрядом Чикойской археологической экспедиции под руководством А. В. Константинова. В месте расположения поселения единственной транспортной артерией является река, передвижение по которой возможно только на моторных лодках или байдарках. От ближайшего с. Архангельское до места поселения (30 км) иногда удается добраться по лесовозной дороге.

Поселение связано с I надпойменной террасой высотой 8 м. В покровных и аллювиальных отложениях террасы на площади 72 м² выявлены 17 культурных горизонтов, которые датируются эпохами бронзы (1,2), неолита (3,4/1,4/2,4/3,4/4,5,6), мезолита (7–13) и финальным палеолитом (14). До настоящего времени опубликованными остаются только материалы 14 культурного горизонта, где выявлено палеолитическое жилище [1]. Летом 2018 г. изучение поселения было продолжено. Главная цель раскопок – продолжить изучение геологического разреза поселения, а также неолитических культурных горизонтов

Ниже приводится стратиграфия поселения:

1. Почвенно-растительный горизонт, состоящий из: а) дернины и черного гумусированного вещества черной супеси мощностью от 3 см до 10–13 см. б) супесь каштаново-коричневая, пронизанная корнями растений. Граница подошвы и кровли постепенная, но отчетливая по цветовым различиям – 0,1 м. Общая мощностью слоя – 0,2 м. В дернине 1 культурный горизонт – поздняя бронза. В каштаново-коричневой супеси 2 культурный горизонт – ранняя бронза.

2. Песок коричневатого-сероватый, плотный, неслоистый мощностью от 0,16 до 0,28 м. Местами в слое есть и чисто-сероватые пески. В средней части слоя наблюдается темно-серая пятнистость, возможно, остатки гумусированных полосок мощностью до 3 см. В этом слое 3 культурный горизонт – поздний неолит.

3. Линзовидно- и пятнисто залегающие серые супеси, иногда в виде протяженных лент-линз, иногда в виде изолированных расплывчатых линз и пятен. Слой имеет нечеткие границы кровли и подошвы. Есть основание полагать,

что линзы и пятна слоя – следы былой голоценовой почвы. Со слоем связаны культурные горизонты 4/1, 4/2, 4/3 – поздний неолит, мощность слоя от 3–5 см до 7–8 см.

4. Супесь светло-коричневатого-сероватая, бесструктурная. Подошва слоя подчеркнута коричневой песчанистой глиной (следы ожелезнения) мощностью до 1 см. Со слоем связан культурный горизонт 4/4, который залегает сразу же под ниточкой ожелезнения.

5. Песок коричневатый, светлее предыдущего, возможно, оловый. Отдельные участки (ближе к подошве) супесчаные. Волнистая граница подошвы слоя проходит по кровле нижележащей слабогумусированной полосы. Мощность слоя от 7 до 13 см.

6. Зона почвообразования, состоящая из пятнисто-гумусированных лент и супесчаной прослойки между ними. Верхняя лента имеет расплывчатую форму кровли и подошвы и состоит из сближенных пятен и извилистых разводов темной глинистой супеси и, в меньшей мере, – пятен коричневой супеси. Мощность ленты в среднем 0,07 м, но местами достигает до 0,18 м. По подошве ленты проходит нитевидная геохимическая граница ржавого цвета мощностью 1–1,5 мм. Пространство между лентами – светло-коричневая супесь мощностью 8–10 см.

В ленте верхней почвы расположен 5 культурный горизонт – средний неолит. В ленте нижней почвы 6 культурный горизонт – ранний неолит. Общая мощность зоны почвообразования 0,2 м.

7. Серые глинистые пески, перемежающиеся с более тонкими глинисто-песчанистами прослойками. Верхний прослой мощностью до 1 см залегает в 0,14 м ниже кровли слоя и состоит из песчано-супесчаного коричневатого материала. 2-й прослой илисто-глинистый с редкими серыми примазками мощностью до 5 см залегает на 0,23 м ниже кровли слоя. 3-й прослой супесчано-глинистый, светло-коричневый, мощностью до 1 см в 0,4 м от кровли слоя. 4-й прослой, представленный илистой супесью, коричневатый, мощностью 1–1,5 см, расположен в 0,47 м от кровли слоя. 5-й прослой сероватый по цвету, мощностью до 1 см, расположен в 0,55 м от кровли слоя в слабоглинистой супеси. 6-й прослой, мощностью до 1 см, расположен в подошве слоя. Снизу этот прослой подчеркнут четкой горизонтальной линией геохимической

границы коричневатого цвета мощностью до 2–3 см. Этим слоем заканчивается трещина отседания (до 20 см по вертикали) и заканчиваются разрывы и смещения слоев.

Со слоем связаны ряд культурных донеолитических уровней: первый (верхний) прослой – 7 культурный горизонт; второй – 8 культурный горизонт; третий – 9 культурный горизонт; четвертый – 10 культурный горизонт; шестой – 11 культурный горизонт. Общая мощность литологического слоя 0,8 м.

8. Пески слабоглинистые, светло-серые, разномерные, слоистые, местами с линзами серых песков, в нижней половине хорошо промытые, в раздувах до 10–15 см. Встречаются прослойки заиленных песков. В 1 см ниже кровли слоя – 13 культурный горизонт, а в 15 см ниже кровли, в заиленном слабо коричневатом прослое, – 14 культурный горизонт с палеолитическим жилищем. Мощность слоя 0,76 м.

К неолиту относятся культурные горизонты 3,4/1, 4/2, 4/3, 4/4,5,6, которые связаны с погребенными почвами 2–6 литологических слоев. Ниже приводится их описание [2].

3 культурный горизонт связан с темной гумусированной прослойкой. С горизонтом связано несколько сажистых пятен. Первое имеет овальную форму размерами 1,02 x 0,62 м, мощность заполнения до 5 см. На его поверхности расположено 16 галек средних размеров. С южной стороны к нему примыкают еще 7 камней. С пятном связаны 7 мелких фрагментов керамики и еще 2 – за его пределами. Второе пятно – размерами 0,7 x 0,72 м и имеет мощность заполнения до 5 см. На его поверхности – 15 галек средних размеров. С пятном связаны конический микронуклеус, микропластина с мелкой ретушью по краю с брышка, 31 отщеп, 15 мелких фрагментов тонкостенной керамики. С северо-восточной стороны пятна найдены торцовый нуклеус, отщеп, фрагмент микропластины, 4 фрагмента тонкостенной керамики.

Третье пятно – овальной формы, размерами 0,4 x 0,55 м и мощностью заполнения до 3 см. На по-

верхности – одна галька вытянутой формы. Рядом с пятном фрагменты 3 микропластин, отщеп, оббитая галька. Четвертое пятно – аморфной формы, размерами 0,7 x 0,8 м, поверхность пятна неровная с буграми и западинами. Пятое сажистое пятно – аморфной формы, размерами 0,3x0,15 м.

Культурные горизонты 4/1, 4/2, 4/3, 4/4 связаны с гумусированными прослойками. В горизонте 4/1 найдены отщеп и микропластина с ретушью. В горизонте 4/2 находок не выявлено, он выделен предварительно с тем, чтобы в последующем не менять нумерацию культурных горизонтов. В горизонте 4/3 выявлен только один валунчик, в горизонте 4/4 найдено 2 отщепов.

5 культурный горизонт связан с верхней почвой 6 литологического слоя. К горизонту отнесены следующие находки: 9 нуклеусов, 3 орудия, 126 отщепов, 47 микропластин, пластинка, 10 фрагментов керамики.

6 культурный горизонт связан с нижней лентой почвы 6 литологического слоя. Горизонт дал интересный комплекс каменного инвентаря, но, к сожалению, ни одного кусочка керамики. Расчищены многочисленные речные гальки, скальные обломки различных размеров. С горизонтом связаны 10 нуклеусов, 3 орудия, 294 отщепов, 15 микропластин, 138 фрагментов микропластин, 3 пластины.

Таким образом, на поселении выявлено 7 самостоятельных культурных горизонтов времени неолита, в которых найден представительный материал. Изучение поселения планируется продолжить.

*Научный руководитель – А. В. Константинов
д-р ист. наук, профессор
председатель Забайкальского
регионального отделения
ВОО «Русское географическое общество»*

Список литературы

Константинов А. В. Древние жилища Забайкалья: (Палеолит, мезолит). Новосибирск: Наука, 2001. – 224 с.

Константинов А. В. Исследования в пади Широкая на р. Менза в Читинской области: Отчет о полевых исследованиях в 1992 г. Чита, 1992. – 24с.

Neolithic Horizons Multilayer of Settlement Kosaya Shivera (Western Transbaikalia)

G. G. Malcev

Excavations were carried out in 1992, 1998, 2018. It is connected with the I terrace. 14 occupation layers are revealed. Their age – from Late Stone Age (Late Paleolithic) to the Bronze Age inclusive. Seven occupation layers – 3, 4/1, 4/2, 4/3, 4/4, 5.6 belong to the neolithic age. The lithic industry and ceramics are found in these layers. The lithic industry is represented by mikronukleusa, microplates, tools. Ceramics is thin-walled with a stamped ornament.

Keywords: Western Transbaikalia, Menza, ancient settlement, Kosaya Shivera-1 the neolithic age, the lithic industry, ceramics.

Мальцев Геннадий Георгиевич

студент 4-го курса

Забайкальский государственный университет

e-mail: konstant1956@mail.ru

Maltsev Gennady Georgievich

4th year student

Trans-Baikal State University

e-mail: konstant1956@mail.ru

Комплексы с керамикой посольского типа многослойного поселения Катунь I (Чивыркуйский залив озера Байкал)

Д. А. Мархаева

Иркутский государственный университет, Иркутск

Керамика посольского типа получила своё название по одноименному поселению, расположенному на юго-восточном побережье оз. Байкал. Несмотря на то, что она встречается практически по всему побережью Байкала, стратифицированных объектов, содержащих чистые комплексы с этой керамикой, единицы. Как правило, она известна по подъемным сборам и компрессионным комплексам, совместно с материалами раннего или позднего неолита [Комплексы с керамикой ..., 2013]. В этом плане большой научный интерес представляет многослойное стратифицированное поселение Катунь I, на котором выделено два культуросодержащих слоя с керамикой посольского типа [Номоконова, Горюнова, 2004].

Многослойное поселение Катунь I находится на одноименном мысе, расположенном на западном побережье Чивыркуйского залива оз. Байкал. Местонахождение обнаружено В. В. Свининым в 1965 г. Стационарные работы проведены отрядом Байкальской комплексной экспедиции Иркутского государственного университета (О. И. Горюнова) в 1989 и 1991 гг. На объекте выделено 9 культурных слоев, нижние из которых (VII и VI слои) содержали чистые комплексы с керамикой посольского типа [Итоги и перспективы..., 2016].

Цель предлагаемого исследования – проведение морфо-технологического анализа комплексов керамики VII и VI слоев стоянки Катунь I, выявление их характерных и особенных признаков.

Керамический комплекс VII слоя представлен 505 фрагментами минимум от 27 сосудов (с.). Из них преобладает керамика посольского типа (18 с.), которая встречается в двух вариантах: с внешним (11 с.) и с внутренним (6 с.) утолщением венчика; один сосуд – без утолщения. Использовалась глина средней запесоченности; формовочная масса для разных вариантов керамики посольского типа одинаковая (глина + песок). Внешняя поверхность сосудов гладкая или покрыта штриховыми оттисками (выколачивание с помощью рубчатой лопаточки). На внутренней поверхности некоторых сосудов зафиксированы штрихи (следы затирания), ногтевые отпечатки и нагар (отмечен и с внешней стороны). На фрагментах от 3 сосудов обнаружены признаки зонального лоскутного налета (многослойная структура черепка и расслоение емкостей по горизонтальным разломам). В изло-

ме преобладают черепки двухцветные и многоцветные. Вся керамика тонкостенная. Толщина стенок 3–4 мм, по срезу венчика 3–6 мм, по его утолщению от 7 до 13 мм. Сосуды с внешним утолщением сложной закрытой формы, диаметром 24–30 см. Сосуды с внутренним утолщением – простой закрытой формы, диаметром 21–31 см. Фрагменты дна не сохранились.

Вся керамика орнаментированная. Узор покрывал верхнюю часть тулова и поверхности венчика. Композиция узора состоит из горизонтальных рядов штамповых вдавлений (зубчатых – 11 с.; прямоугольных – 6 с. и подтреугольной формы – 1 с.). На 2 сосудах от последнего горизонтального ряда отходят короткие сдвоенные линии (наклонные в одном случае и вертикальные в другом), выполненные тем же штампом, что и основной узор. На сосудах с внешним утолщением преобладает орнаментация зубчатым штампом (8 из 10 с.), а на сосудах с внутренним утолщением – прямоугольным (5 из 7 с.). Вдоль венчика всей посуды посольского типа нанесен поясок отверстий. У сосудов с внешним утолщением он проходит по полосе, выполненной прочерчиванием или штамповыми вдавлениями подтреугольной формы. Орнамент по верхней и внутренней поверхностям венчика выполнен тем же штампом, что и по тулову. В группу керамики посольского типа отнесен сосуд без характерного для нее утолщения венчика. По всем остальным параметрам он соответствует этой группе.

В комплексе выделяется гладкостенный сосуд сложной закрытой формы. Его внешняя и внутренняя поверхности покрыты оттисками пальцев (получены в результате лепки). Диаметр сосуда по венчику – 10 см. Толщина венчика и стенок 5 мм.

В слое (помимо посольской керамики) зафиксированы малочисленные фрагменты от 2 сосудов с оттисками сетки-плетенки. Размеры сетчатой ячеи одного из них 5 мм, другого 3 мм. Фрагмент венчика с оттисками мелкоячеистой сетки от сосуда простой закрытой формы. На его внутренней поверхности отмечены оттиски сетчатой основы, на которой, вероятно, формовался сосуд. Вдоль венчика проходит поясок отверстий.

К подошве VII слоя приурочены фрагменты сосудов (от 6 с.), по ряду признаков аналогичные керамике хайтинского типа. Их

внешняя поверхность либо гладкая (3 с.), либо с оттисками тонкого шнура (3 с.). Сосуды сложной и простой закрытой формы. Имеются фрагменты острого дна. На внутренней стороне одного сосуда отмечены оттиски основы, на которой, вероятно, формовалась эта емкость. Композиция орнаментов состоит из горизонтальных (2 с.), наклонных (1 с.) линий и их сочетания на одном сосуде (3 с.). Техника нанесения узора – прочерчивание. Возможно, эта керамика перемещена из нижележащего слоя, вскрыть который не удалось из-за высокого уровня воды (замечание О. И. Горюновой, автора раскопок).

В комплексе VI слоя обнаружено 233 фрагмента керамики от 5 сосудов посольского типа с внешним утолщением венчика. Применялась глина средней запесоченности; формовочная масса – глина + песок. Внешняя поверхность сосудов гладкая или штриховая. На внутренней поверхности ряда сосудов отмечен нагар. В изломе черепки преимущественно одноцветные. Толщина стенок сосудов 3–4 мм, по срезу венчика 3–5 мм, по утолщению 6–11 мм. Преобладают сосуды сложной закрытой формы, диаметром 29 см. Один сосуд – простой закрытой формы, диаметром 29 см. Орнамент покрывает верхнюю часть тулова и поверхности венчика. Композиция состоит из горизонтальных рядов (2 с.), сочетания горизонтальных и коротких вертикальных (1 с.) или наклонных (2 с.) линий. Орнамент нанесен зубчатым, прямоугольным, арочным штампом и прочерченными линиями. Вдоль венчика – поясок отверстий. На 2 сосудах он проходит по полосе, выполненной штамповыми вдавлениями подтреугольной формы. В двух случаях по внутренней поверхности венчика – наклонные прочерченные линии.

В целом исследование керамических комплексов VII–VI культурных слоёв поселения Катунь I демонстрирует, что они по составу аналогичны между собой, что свидетельствует об их культурно-хронологическом единстве. Ведущее место в комплексах занимает керамика

посольского типа в двух ее вариантах: с утолщением венчика с внешней и с внутренней стороны. Сравнительный анализ показал, что они отличаются лишь наличием или отсутствием утолщения с той или иной стороны. По составу формовочной массы, конструированию сосудов, техническому декору, композиции и мотивам орнамента, технике нанесения узора и используемых штампов – они аналогичны между собой.

Совместно с посольской керамикой зафиксированы в небольшом количестве фрагменты от сосудов с оттисками сетки-плетенки и с гладкой поверхностью без орнамента. Подобное сочетание встречается и на других объектах с посольской керамикой (например, слой VA многослойной стоянки Саган-Заба II) [Комплексы с керамикой ..., 2013]. Из общего комплекса по ряду признаков выделяется керамика хайтинского типа, принадлежность которой к исследуемому слою следует уточнить.

*Научный руководитель – А. Г. Новиков
канд. ист. наук*

*научный сотрудник
Иркутская лаборатория археологии
и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН*

*доцент
Кафедра мировой истории
и международных отношений*

*научный сотрудник
НИЦ «Байкальский регион»*

Иркутский государственный университет

Список литературы

Итоги и перспективы исследований археологических объектов побережья Чивыркуйского залива озера Байкал / А. Г. Новиков, А. Т. Абдулов, О. И. Горюнова. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2016. – № 16. – С. 37–65

Комплексы с керамикой посольского типа в неолите Прибайкалья: по материалам V верхнего слоя геоархеологического объекта Саган-Заба II / В. А. Долганов, О. И. Горюнова, А. Г. Новиков, А. В. Вебер // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История. Филология. – 2013. – Т. 12, вып. 7. – С. 125–132

Номенко Т. Ю., Горюнова О. И. Неолитические комплексы многослойного поселения Катунь I (Чивыркуйский залив оз. Байкал) // Изв. лаборатории древних технологий. – 2004. – Вып. 2. – С. 117–123

The Complexes with Ceramics of Posolskaya Type of Multilayer Settlement Katun' I (Chivyrkuiskii Bay of Lake Baikal)

D. A. Markhaeva

The article is devoted to the study of ceramic complexes of VII–VI layers of multilayer settlement Katun' I (Chivyrkuysky Bay of lake Baikal). Morpho-technological and comparative analysis was carried out, characteristic and special features were revealed. The cultural and chronological unity of the studied complexes is established.

Keywords: Chivyrkuy Bay, lake Baikal, Katun' I, posolskaya ceramics, multi-layer settlement, neolithic, morpho-technological analysis.

Мархаева Дарима Андреевна

студентка 2 курса

Иркутский государственный университет

e-mail: darimamarhaeva@gmail.com

Markhaeva Darima Andreevna

2nd year student

Irkutsk State University

e-mail: darimamarhaeva@gmail.com

Технологическая и типологическая характеристика раннеолитической призматической каменной индустрии археологического местонахождения Горелый Лес

Е. С. Посашкова

Иркутский государственный университет, Иркутск

Многослойное археологическое местонахождение Горелый лес расположено на правом берегу р. Белой, в среднем ее течении, в 3 км от поселка Мишелевка, и тем самым относится к Мишелевско-Холмушенскому археологическому участку Южного Прибайкалья. Оно было открыто в 1969 г. Бельским отрядом во главе с Н. А. Савельевым и Н. И. Дроздовым во время Ангаро-Бельской археологической экспедицией ИГУ.

Работы на данном археологическом местонахождении велись с 1971 по 2002 г. с перерывами, в течение 10 лет. В результате этих работ было вскрыто 793 м² и выделено семь уровней залегания находок, находящихся в диапазоне мезолит – железный век. Культуросодержащие горизонты включены в отложения высокой 6–7 м поймы р. Белой. Четкая стратиграфическая ситуация и разнообразие археологического материала, а также проведенные на нем палеопедологические и палинологические исследования и радиоуглеродный анализ выдвинули его в ряды опорных археологических местонахождений от неолита до бронзового века Южного Прибайкалья [Савельев, Горюнова, 1974].

В данной статье дается технологическая и типологическая характеристика первичного расщепления в раннеолитической призматической каменной индустрии слоев 6 и 5а (6–7 тыс. л. н.) многослойного археологического местонахождения Горелый лес.

За основу была взята схема технологии призматического расщепления, предложенная Н.А. Савельевым [Savelev, 1992, 3–5 р] для неолита Южного Прибайкалья.

Для предлагаемой характеристики технологии призматического расщепления использовалась коллекция, насчитывающая 1447 ед. находок. Она представлена преформами, пренуклеусами, нуклеусами, техническими сколами, призматическими пластинами с их фрагментами, а также изделиями на пластинах.

В индустрии Горелого леса, согласно схеме Н. А. Савельева, типологически выделяются следующие типы нуклевидных изделий: усеченно-овалойдный, клиновидный, призматический, пирамидальный и усеченно-пирамидальный, призматический плоский, призматический с ребром (гребнем) и конический. Пренуклеусы данных типов также делятся на двугранные, трехгранные и четырехгранные формы.

Субстратом для пренуклеусов послужили куски конкреции кремня, собранных в кембрийских коренных отложениях, прилегающих к местонахождению. Конкреция механически расчленилась на несколько фрагментов, которые использовались для изготовления будущих пренуклеусов. При их изготовлении предпочтение отдавалось угловатым и (или) со скошенной дистальной частью формам желваков. Однако можно наблюдать и тщательно обработанные пренуклеусы.

На пренуклеусе оформлялись несколько продольных ребер, которые, как правило, служили для формирования призматического рельефа. Ребро заострялось под углом 60–85 градусов и имело двухстороннюю или одностороннюю обработку крупными и мелкими отщеповыми снятиями с последующим ретушированием края.

Площадка оформлялась скошенной или вогнутой где угол между фронтом составлял 75–80 градусов. Для этого осуществлялось скальвание нескольких отщеповых сколов с одной или нескольких плоскостей. В некоторых случаях в конце заострялся край ретушированием.

Дистальная часть каждого типа нуклевидного изделия своеобразная. Практически на всех четырехгранных, трехгранных нуклевидных формах в дистальной части можно наблюдать скос – или в сторону контрфронта (в форме тесла), или латерали (в виде ассиметричного кия). Кроме того, встречаются и заостренная дистальная часть, как правило, у пирамидального типа (рис. 1, 7).

Оформление дистальной части осуществлялось с фронта несколькими продольными снятиями и иногда завершалось ретушированием. Производились двухсторонние или односторонние продольные снятия на широкие поверхности. В некоторых случаях достаточно было одного «усекающего» снятия с фронта перед началом скальвания пластин. Также необходимая форма дистальной части могла присутствовать на самом субстрате (рис. 1, 14), и модификация, как правило, не требовалась. Скошенная дистальная часть использовалась как площадка для снятия дефектов сырья или заломов, а также, возможно, для предотвращения снятия пластины с ныряющим окончанием. Однако усечение дистальной части приводило к уменьшению длины последующих пластин.

Контрфронт нуклевидных изделий представлен различными вариантами, из которых выде-

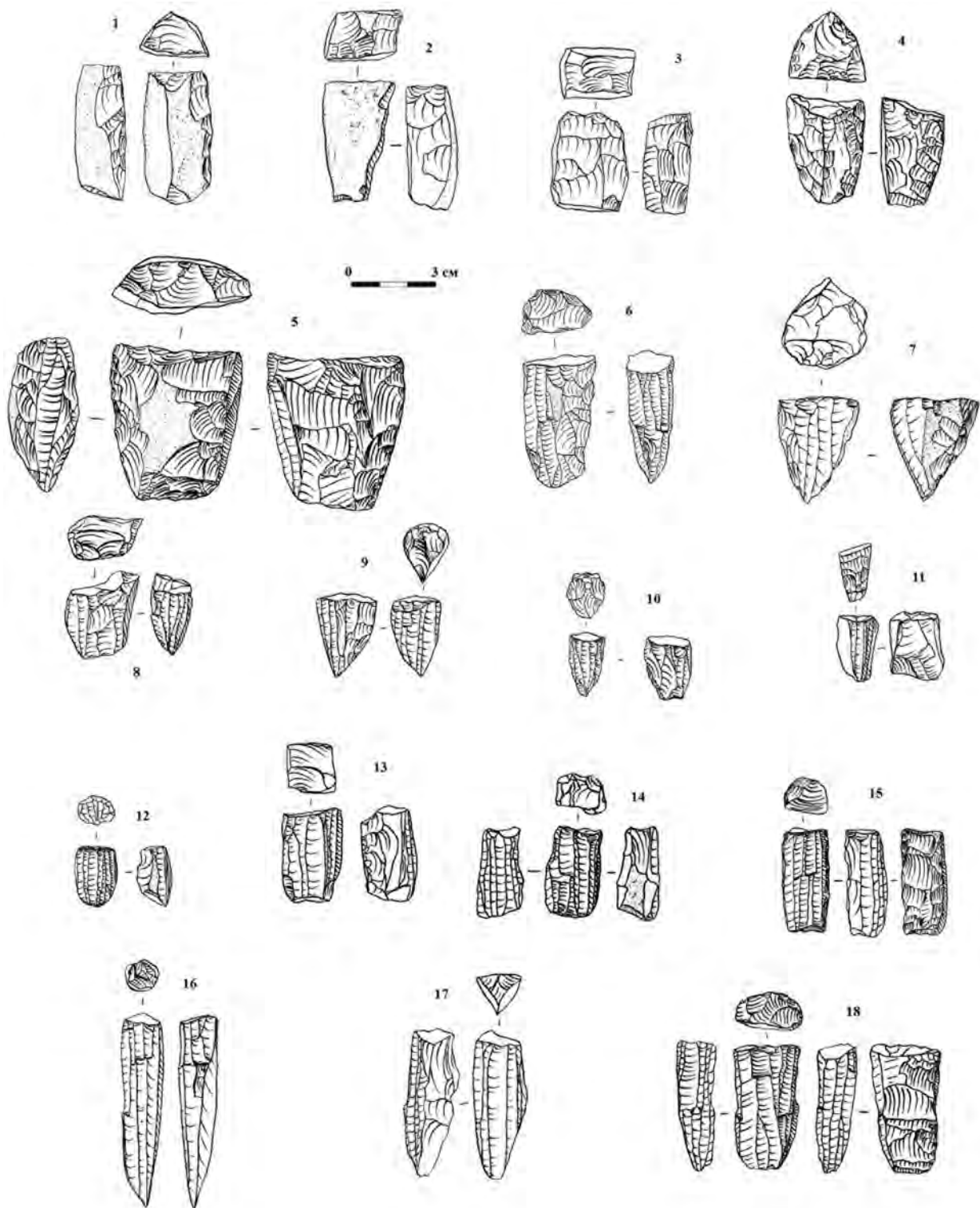

Рис. 1. Нуклеусы и пренуклеусы археологического местонахождения Горелый лес.

Пренуклеусы: 1 – трехгранный; 2, 3 – четырехгранный;

Нуклеусы: 4 – усеченно-пирамидальный; 5, 6, 8 – усеченно-овалойдный; 7 – пирамидальный;
 10, 11 – клиновидный; 12-15 – призматический; 16 – конический; 17 – призматический с ребром (гребнем);
 18 – призматический плоский

ляются: плоский, выпуклый и в виде гребня. Плоская форма контрфронта обычно оформлялась поперечными сколами (рис. 1, 15) или имела плоскую естественную поверхность. Выпуклость контрфронта была обусловлена снятием с латералей (оформление ребер) и с основания (оформление усеченной дистальной части). Контрфронт в виде гребня являлся еще одним бифасиально оформленным или естественным ребром (рис. 1, 17).

Нуклеусы Горелого леса находятся в различной стадии сработанности, что позволяет выявить определенные технологические цепочки. На двугранной форме пренуклеуса формирование фронта осуществлялось с торца путем снятия одного из двух ребер. Затем получение пластин могло осуществляться с этого же торца с сохранением тыльного ребра, либо распространиться на смежную или противоположную торцевую поверхность скалывания.

У трехгранного пренуклеуса скалывание пластин могло производиться снятием одного реберчатого скола, сохраняя остальные два, таким образом, происходило его уплощение. Либо снималось еще одно ребро, затем осуществлялся переход на широкую поверхность скалывания, где при утилизации сохранялось одно тыльное ребро. Кроме того, возможно было снятие и последнего ребра, переходя на круговое скалывание пластин.

Формирование призматического рельефа у четырехгранной формы осуществлялось либо на одной или двух торцевых частях, либо на широкой поверхности скалывания. Также мог осуществляться переход к круговому скалыванию пластин путем снятия оставшихся ребер.

Таким образом, в ходе утилизации нуклеус мог в конечной стадии приобретать облик конического, призматического плоского и призматического с ребром (гребнем) нуклеусов.

Получение пластин производилось отжимной техникой от центра к краям фронта, а затем

наоборот. В некоторых случаях порядок снятия пластин мог меняться.

Нуклеусы имеют как узкий (2–3 скола-заготовки), так и широкий (4–12 сколов-заготовок) фронт в зависимости от формы нуклеуса. В процессе скалывания пластин осуществлялось снятие карнизов нависания и углубление зоны приложения усилия на площадке путем снятия сколов с петлеобразным и ступенчатым окончанием. Это делалось для поддержания острого угла в зоне сопряжения площадка-фронт, с целью добиться лучшего сцепления отжимника с площадкой. В дальнейшем это приводило к появлению зазубрин и выступа в центре площадки. По этим причинам, а также по причинам возникновения заломов в зоне расщепления со стороны фронта при неудачных снятиях шло подживление площадки. Как уже было сказано выше, кроме этого, осуществлялась подработка дистальной части для поддержания ее скоса.

На основе полученных данных в этой технологии были выделены следующие особенности: обязательно осуществлялась модификация площадки, т. е. создание вогнутой рабочей кромки с углом 75–80 градусов; осуществлялось оформление определенного скоса к фронту в дистальной части, как на пренуклеусах, так и в процесс получения пластин; в качестве пренуклеусов использовались двугранные, трехгранные и четырехгранные формы; при получении пластин использовалась отжимная техника скола.

*Научный руководитель — Н. А. Савельев
канд. ист. наук, доцент
Кафедра международных отношений
Иркутский государственный университет*

Список литературы

Savelev N. A. Some Aspects in the study of Blade Industries of Neolithic Period in Baikal Region // International conference The Origin and Dispersal of Microblade Industry in Northern Eurasia. – Sapporo: University of Sapporo Press, 1992 – 5 p.

Савельев Н. А., Горюнова О. И. Раскопки на многослойной стоянке Горелый лес: (предварит. сообщ.) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1974. – Вып. 1. – С. 160–199

The Technological and Typological Characteristics at the Early Neolithic Prismatic Stone Assemblages of the Gorelyi Les Site

E. S. Posashkova

This article presents the technological and typological characteristics of the primary reduction in the Early Neolithic prismatic stone industry of layers 6th and 5thA of the multilayered archaeological Gorelyi Les site, which is the basic site of the Neolithic – Bronze Age of the Southern Baikal region. Gorelyi Les site is located on the right bank of the Belaya River, in its middle course. The technology of prismatic knapping of this archaeological site is based on utilization of wedge-shaped, prismatic, truncated-pyramidal and pyramidal cores.

Keywords: Neolithic, primary reduction, prismatic stone assemblages, Southern Baikal, technological method, basic site.

Посашкова Елизавета Сергеевна
студентка 2-го курса магистратуры
Иркутский государственный университет
e-mail: posashkova.liza@yandex.ru

Posashkova Elizaveta Sergeevna
2nd year student of the graduate school
Irkutsk State University
e-mail: posashkova.liza@yandex.ru

Керамический комплекс позднего неолита археологического памятника Боярин-6

А. А. Пушкарь

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

Археологический памятник Боярин-6 расположен в бухте Боярин, на о. Русский. Памятник был открыт в 2011 г. А. Н. Поповым. В ходе разведывательных работ было заложено 2 шурфа. Находки отнесены к культурам среднего (бойсманская) и позднего (зайсановская) неолита, отдельные фрагменты принадлежат раннему железному веку. В 2013–2016 гг. на памятнике были проведены раскопки. Общая площадь раскопа – 100 м². В ходе работ найдены изделия из камня, керамики и кости, а также кухонные остатки раковин морских моллюсков, образующих «раковинную кучу».

Памятник является двухслойным. Находки зайсановской культуры преобладают в слоях дерна, темно-коричневого суглинка и в верхней части раковинных напластований.

Керамический комплекс зайсановской культуры включает в себя 6 развалов сосудов, 3548 фрагментов керамики и 2 фрагмента пряслиц.

Формовочная масса составлена по рецептуре «глина+минеральные включения». Присутствуют фрагменты с включениями слюды. Размеры минеральных частиц варьируют от мельчайших (менее 1 мм) до крупных (3 мм).

Сосуды лепились вручную. Отсутствуют следы применения вращающихся устройств. Формовка сосудов велась ленточно-кольцевым наделом, о чём свидетельствует растрескивание по спаям лент на отдельных фрагментах. Ленты крепились внахлест.

Внешняя поверхность сосудов обработана небрежно. Об этом свидетельствует шероховатость поверхности и отчетливо выступающие частицы минерального отощителя. Внутренняя сторона сосудов имеет следы заглаживания грубым материалом.

Черепок пористый, крошится в руках, поверхность пятнистая. Это позволяет предположить низкотемпературный обжиг в костре.

Морфологически сосуды слабопрофилированные, плоскодонные без горловины или с едва намеченной горловиной. О размерных показателях позволяет судить развал, найденный в шурфе № 1. Сосуд ситулообразный, открытого типа, высота 25 см, диаметр дна 8,5 см, диаметр устья 18,5 см, диаметр по кромке венчика 21,5 см. Дно плоское, стенки плавно расширяются кверху. Линия максимального расширения расположена немного выше середины тулова. Горловина обо-

значена слабым сужением, к устью стенки немного расширяются и завершаются отогнутым наружу венчиком с округлой кромкой. Сосуд декорирован вертикальными столбцами оттисков горизонтально поставленной десятизубой гребенки. Орнамент покрывает весь сосуд, от венчика до придонной части.

На памятнике представлено большое количество разрозненных частей керамических сосудов. Венчики прямые, слегка или сильно отогнуты наружу, кромка округлая. На некоторых фрагментах наблюдается валик-воротничок.

Керамика толстостенная. Толщина стенок варьирует от 4 мм до 7 мм. На некоторых фрагментах присутствует пищевой нагар, что говорит об утилитарном назначении сосудов.

На доньях в отдельных случаях присутствует «закраина». Толщина дна, как правило, превышает толщину стенок.

Орнаментальным полем служила вся внешняя поверхность сосуда, от венчика до придонной части. Декорирование производилось штампованием, прочерчиванием, накальванием, тиснением. Основные элементы: оттиск штампа, прочерченная линия, оттиск веревки или шнура, намотанного на палочку, прочерк зубчатой гребенки. Наиболее встречающиеся мотивы: вертикальные ряды гребенчатого штампа, пересекающиеся линии, образующие сетку, вертикальный зигзаг, ряды горизонтальных или коротких наклонных оттисков веревки или шнура. В некоторых случаях мотивы могли выстраиваться в сложную композицию.

Помимо развалов и фрагментов керамических сосудов на памятнике были найдены 2 фрагмента неорнаментированных усеченно-конических пряслиц.

Керамику позднего неолита памятника Боярин-6 можно отнести к раннему варианту зайсановской культуры, который датируется 4700-4600 л. н. [Крутых, 2012]. Керамический комплекс памятника Боярин-6 находит аналогии с раннезайсановскими комплексами памятников Рыбак-1, Зайсановка-7, Кроуновка-1, Клерк-5, Гвоздево-4.

*Научный руководитель – А. Н. Попов
канд. ист. наук, доцент*

Дальневосточный федеральный университет

Список литературы

Гарковик А. В. Неолитический керамический комплекс многослойного памятника Рыбак-1 на юго-западном побережье Приморья // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии / Мат-лы международной конференции «Из века в век». – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2003. – С. 94–101

Вострецов Ю. Е., Гельман Е. И., Комото М., Миямото К., Обата Х. Новый керамический комплекс неолитического поселения Кроуновка-1 в Приморье // Мат-лы международной конференции «Из века в век». – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2003. – С. 86–93

Крутых Е. Б. Зайсановская археологическая культура: проблема интерпретации // Россия и АТР. – Владивосток: Изд-во ИИАЭ ДВО РАН, 2012. – № 1 (75). – С. 139–154

Ceramic Complex of the Late Neolith (Based on Boyarin-6 Site)

A. A. Pushkar

This article is about ceramic complex of Zaysanovskaya archeological culture on Boyarin-6 site. Analysis of recieved data allow to make a conclusion that this ceramic complex relates to early stage of Zaysanovskaya archeological culture and has similarities with ceramic complexes on Rybak-1, Zaysanovka-7, Krounovka-1, Klerk-5 and Gvozdevo-4 sites.

Keywords: ceramics, Boyarin-6 site, stone age, neolithic period.

Пушкар Анастасия Александровна

студентка 4-го курса

Дальневосточный федеральный университет

e-mail: nas.pushkar@gmail.com

Pushkar Anastasia Aleksandrovna

4th year student

Far Eastern Federal University

e-mail: nas.pushkar@gmail.com

УДК 902(571.53)»634»

Результаты исследований голоценовых комплексов Усть-Белой (Южное Приангарье) в 2018 г.*

Е. Е. Смолянский

Иркутский государственный университет, Иркутск

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ, проект № 074-02-2018-334 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

В 1929 г. на левом приустьевом участке р. Белая М. М. Герасимовым было открыто многослойное местонахождение Усть-Белая. Объект активно изучался на протяжении 1950–1990-х гг. [Бердникова, 1995, с. 78–82] и в начале 2010-х гг. В 2017 г. на 4–5-метровой пойме р. Белой отрядом НИЦ «Байкальский регион» ИГУ были проведены рекогносцировочные работы, в результате которых зафиксированы средне- и позднеголоценовые археологические комплексы в мультислойчатой ситуации [Орлова, Крутикова, 2018]. В 2018 г. исследования на данном участке были продолжены отрядом Лаборатории геоархеологии Байкальской Сибири НИЦ «Байкальский регион» ИГУ. Береговая врезка 3 (2017 г.) расширена на 20 м², а вдоль приустьевых валов заложено 3 шурфа. Культуросодержащие горизонты (далее к. г.) были приурочены к погребенным почвам в песчано-супесчаных отложениях субэриально-субаквального генезиса, возраст которых определяется в диапазоне от раннего до позднего голоцена.

Врезка 3. Размеры выработки 2018 г. составили 4×5 м, максимальная глубина – 3,2 м. В общей сложности выделено четыре горизонта, из которых наиболее насыщенный находками –

к. г. 3. Всего находок в к. г. 1 – 18 ед. Они представлены 4 сколами, абразивом, фрагментом скребка, сколом с ретушью, оббитой галькой, 9 фрагментами керамики (8 неопределимых и один с ячеистым техническим декором) и фрагментом неопределимой кости. Общее количество находок в к. г. 2 – 86 ед. В их числе: 39 каменных сколов, 2 пластины, резец, вкладыш, скребок, скол с ретушью, 2 оббитых гальки и одна целая галька, целая ретушированная пластина, фрагмент пластины с ретушью, кусок породы, 33 фрагмента керамических сосудов (27 неопределимых, один с ячеистым, один с рубчатым и еще 4 со шнуровым техническим декором), 2 фрагмента фаунистических остатков (один принадлежал лошади). В коллекции к. г. 3 1504 ед.: 187 сколов (в том числе 20 с ретушью), 19 целых и 34 фрагмента пластин, 21 целая и 45 фрагментов пластин с ретушью, вкладыш, орудие с шипом, 29 абразивов, 6 целых и 14 фрагментов наконечников стрел, 3 скребка, проколка, 2 изделия из кости (острие и игла), галька, 19 кусков породы (в том числе оббитых), 64 фрагментов керамических сосудов (35 неопределимых, 23 усть-бельского и 6 посольского типов), бедренная кость человека, 747 фрагментов неопределимой кости, а также

239 целых и фрагментированных зубов, 70 фрагментов костей косули, благородного оленя, средних и крупных копытных и грызунов. В к. г. 4 зафиксировано всего 4 находки: наконечник стрелы (в кротовине) и 3 кости косули.

Шурф 1. Размеры шурфа составили 2×2 м, глубина – 3–3,1 м. Выделено четыре горизонта. В к. г. 1 обнаружены скребок и неопределимый фрагмент сосуда. В к. г. 2 найдено 163 керамических фрагмента (140 от рубчатых сосудов, 23 неопределимых). Находки к. г. 3 представлены 16 сколами (один из них с ретушью), терминально-краевым нуклеусом, пластиной и фрагментом пластины с ретушью, 84 фрагментами неопределимых костей, одной костью косули и фрагментом зуба парнокопытного. В к. г. 4 обнаружен только скол с ретушью.

Шурф 2. Размеры шурфа – 2×2 м, глубина – 3–3,1 м. В шурфе выделено четыре горизонта. В к. г. 1 найдена пластина с ретушью, в к. г. 2 – 33 скола, пластина, 21 фрагмент сосуда (один с рубчатым техническим декором, 20 неопределимых), 337 фрагментов неопределимой кости, 330 фрагментов костей и 36 фрагментов зубов косули. В числе находок к. г. 3: 13 сколов, фрагмент пластины, фрагмент костяного острия, 11 фрагментов сосудов усть-бельского типа, 65 фрагментов неопределимой кости и 54 кости мелкого хищника. В 4 к. г. найдена только пластина.

Шурф 3. Размеры шурфа 2×2 м, глубина – до 3 м. В общей сложности выделено четыре горизонта. В к. г. 1 обнаружены 2 скола и фрагмент оббитой породы, в к. г. 2 – 7 сколов (один из них с ретушью), фрагмент ретушированной пластины и 10 фрагментов рубчатых сосудов. Находки к. г. 3 представлены 14 сколами (один с ретушью), фрагментом пластины и 2 фрагментами сосудов (один с оттисками рубчатой лопатки и один неопределимый). В к. г. 4 зафиксированы: 86 сколов, 4 целых и 8 фрагментированных пластин, 4 абразива с желобком, фрагмент шлифованного изделия, 2 оббитых и 3 целых гальки, 8 кусков породы (в том числе один оббитый), костяная подвеска, 4 фрагмента сосудов (2 усть-бельского типа, 2 неопределимых), 359 фрагментов неопределимой кости, 59 определимых костей косули, благородного оленя, крупного копытного, а также позвонки рыбы и 2 челюсти грызуна. Ниже, на глубине 2,7 м обнаружен фрагмент сосуда усть-бельского типа, который попал туда, судя по всему, по кротовине из вышележащего к. г. 4

В целом, результаты раскопок 2018 г. коррелируют с данными, полученными в 2017 г. Верхние культуросодержащие уровни (к. г. 1, 2 врезки 3, шурфов 1, 2 и к. г. 1–3 шурфа 3) могут датироваться бронзовым и ранним железным веками, о чем говорят находки характерной керамики (с рубчатым и ячеистым техническим

декором), а к. г. 3 врезки 3, шурфов 1 и 2 и к. г. 4 шурфа 3, которые содержат комплексы преимущественно с усть-бельской керамикой, относятся к неолиту. Нижние к. г. 4 во врезке 3 и шурфах 1, 2 содержат единичные находки, поэтому преждевременно говорить о выделении самостоятельных археологических комплексов на этих уровнях.

Радиоуглеродные даты, полученные для материалов к. г. 3 врезок 1, 3 2017 г. и коррелирующих с ним горизонтов, выделенных в шурфах 2018 г., подтвердили нашу предварительную датировку и позволили определить возраст приуроченных к ним усть-бельских комплексов в интервале ~6700–6300 кал. л. н. [Хронометрия неолитической ..., 2019].

Ближайшие аналоги изученных нами неолитических комплексов имеются в материалах мультислойчатых местонахождений Казачка I (Канско-Рыбинская котловина) и Деревня Мартынова (Северное Приангарье), где также присутствует керамика усть-бельского типа. Для этих местонахождений ранее был получен ряд радиоуглеродных дат [Тимошенко, 2014; Бердников и др., 2017], которые выглядят несколько древнее. На территории Южного Приангарья подобные комплексы впервые зафиксированы в мультислойчатой ситуации, что позволило установить их возраст. Таким образом, результаты наших исследований позволяют определить стоянку Усть-Белую в качестве опорного местонахождения при изучении культур среднего неолита Южного Приангарья.

*Научный руководитель — И. М. Бердников
канд. ист. наук
старший научный сотрудник
НИЦ «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет*

Список литературы

- Бердникова Н. Е. Усть-Белая: история исследования // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск, 1995. – С. 78–95.
- Новые радиоуглеродные данные для неолитических комплексов многослойных местонахождений Тункинской долины и Приангарья / Бердников И. М., Бердникова Н. Е., Когай С. А., Кузнецов А. М., Липнина Е. А., Лохов Д. Н., Роговской Е. О., Савельев Н. А., Соколова Н. Б., Уланов И. В. // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, Палеоэкология, культуры – 2017. – № 6. – С. 220–230.
- Хронометрия неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири: основные идеи и новые данные / Бердников И. М., Горюнова О. И., Новиков А. Г., Бердникова Н. Е., Уланов И. В., Соколова Н. Б., Лохов Д. Н., Абрашина М. Е., Крутикова К. А., Роговской Е. О., Когай С. А. // Stratum plus. – 2019. – № 2 (в печати)
- Орлова В. В., Крутикова К. А. Новые данные по голоценовым комплексам многослойного местонахождения Усть-Белая // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. – С. 82–84.
- Тимошенко А. А. Хронология и периодизация каменного века Канско-Рыбинской котловины // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 10. – С. 27–49.

Research Results of the Ust-Belaya Holocene Complexes (Southern Angara Region) in 2018

E. E. Smolyanskii

We presented the results of field works on the Ust-Belaya site (Southern Angara region) in 2018. As a result of the excavation, new materials (Neolithic – Early Iron Age) were obtained. Cultural horizon 3, where were found a lot of stone tools, faunal remains, fragments of Ust-Belaya ceramic vessels, and single fragments of Posolskaya ceramic, is the most informative. According to radiocarbon dates this complex is dating in the range ~6700–6300 cal BP. The results of research allow you to define the Ust-Belaya site as basic object for the study of Middle Neolithic cultures in the Southern Angara region.

Keywords: Baikal Siberia, Southern Angara Region, Neolithic, multilayered site, Ust-Belaya ceramic.

Смолянский Евгений Евгеньевич

студент 2-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: evgeny.smolyanskiy@gmail.com

Smolyanskii Evgenii Evgenyevich

2nd year student

Irkutsk State University

e-mail: evgeny.smolyanskiy@gmail.com

УДК 902

Шлифованные стержни в орудийных комплексах археологических культур раннего и среднего неолита острова Сахалин: типология, технология, интерпретация

А. Л. Шопова

Сахалинская лаборатория археологии и этнографии ИАЭТ СО РАН и СахГУ, Южно-Сахалинск

Начало процесса прибрежной адаптации древних социумов о. Сахалин тесно связано с переходом к оседлому образу жизни и относится к периоду раннего неолита [Грищенко, 2011, с. 80]. Данный процесс носил постепенный характер, и его укоренение относится к периоду среднего-позднего неолита. В свете существующих исследований интерпретация каменных орудий является одним из приоритетных направлений, способных пролить свет на картину древнего хозяйства неолитического населения о. Сахалин.

В ходе исследования были изучены 55 каменных стержней, происходящих со следующих памятников: Стоянка Горнозаводск 2 (Невельский городской округ, западное побережье южной части о. Сахалин), Поселение Славная 4, Стоянка Славная 5 (Долинский городской округ, восточное побережье южной части о. Сахалин). Их расположение косвенно указывает на их хозяйственную специализацию – морское рыболовство. Подтвердить или опровергнуть эти данные может типологический, технологический и трасологический анализ каменного инвентаря, обнаруженного при раскопках. Для проведения анализа были приняты следующие критерии, определяющие орудие как деталь составного рыболовного крючка: сильно вытянутая форма, наличие целенаправленной обработки заготовки (шлифовка, пришлифовка), наличие конструктивных элементов – бороздки для крепления шнура, элементов для крепления жала.

• Контекст

Орудия данного типа обнаружены в слоях раннего и среднего неолита. В контексте раннего неолита (Славная 5) они сопутствуют комплексу культуры наконечников на пластинах с допустимыми датировками по аналогичному материалу 7310-7060 cal BC [Грищенко, 2011, с. 46, 71]. Средний неолит на всех упомянутых памятниках представлен культурой сони с датировками в диапазоне 5626±345–4495±525 cal BC [Василевский, 2008, с. 189].

• Типология, технология изготовления, трасология

Критериями комплексного технологического анализа орудий были:

1. Форма стержня, его сечения.

2. Размеры.

3. Основные технологические приемы, использовавшиеся при производстве.

Анализ публикаций орудий, интерпретированных как составные части рыболовных крючков, показал, что они обладают комплексом признаков, варьирующихся от формы к форме, но относительно постоянными, а именно: удлинённая форма, размеры до 10–15 см, а также технологические приемы обработки: наличие крепежных элементов для крючка и крепежной борозды для шнура. Эти критерии были использованы для анализа материалов в данной работе.

Тун 1. Брусковидные (26 экз.)

К данному типу относятся стержни в форме параллелепипеда, боковые плоскости которых

практически параллельны, отсеки боковых поверхностей представляют собой прямоугольник, а поперечное сечение – квадрат или прямоугольник. Длина орудий от 87 до 18 мм.

Результаты визуального обследования орудий данного типа показали, что материалом для их изготовления служит мелкозернистый песчаник, представляющий собой массив зерен силикатов, сцементированных низкопрочными осадочными породами. При растрескивании этот материал легко образует относительно ровные, параллельные плоскости. Этим качеством воспользовались люди, получив возможность изготовления грузил без необходимости создания сложной вытянутой формы долгим шлифованием.

Однако мы можем утверждать, что перед нами не случайные природные объекты, а артефакты, так как на них присутствуют следы шлифовки граней, а также бороздки для крепления шнура (Рис. 1, а). К сожалению, ввиду физических особенностей сырья провести трасологический анализ данных орудий в целях реконструкции не представляется возможным.

Орудия данного типа обнаружены в слоях 2 и 3 поселения Славная 4 совместно с керамикой и каменными орудиями культуры сони, соответственно их бытование приходится на ранний этап среднего неолита. Размеры и небольшой вес грузил данного типа позволяют сделать вывод об их использовании для вылова некрупной рыбы на небольших глубинах, возможно, в прибрежной зоне или в реке.

Тип 2. Стержни с крепежным штырем в проксимальной части («с носиком») (6 экз.)

К данному типу относятся стержни веретеновидной формы, овальные, округлые или уплощенные в поперечном сечении, дистальному и проксимальному концам которых придана специфическая форма. Длина орудий от 62 до 34 мм.

Необходимо отметить, что все орудия данного типа изготовлены из сланца и отличаются тщательной обработкой кончиков стержня. Несмотря на относительно невысокую твердость сланца (от 2 до 6 по шкале Мооса в зависимости от химического состава), это весьма трудоемкий процесс. Кончики стержней данного типа не имеют ярко выраженного перехвата для крепления шнура, однако при трасологическом исследовании на них были обнаружены следы воздействия плотного материала без проникающей заполировки. Мы предполагаем, что «носик» стержней данного типа предназначен на горизонтального крепления жала крючка к цевью (Рис. 1, б).

Таким образом, данный тип орудий обладает всеми обозначенными типологическими

признаками цевья составного рыболовного крючка: это вытянутая обтекаемая форма, придаваемая намеренно шлифовкой, наличие крепежа для жала и шнура.

Стержни данного типа обнаружены в слое 1 стоянки Славная 5 в комплексе с каменными орудиями на пластинах и керамикой раннеолитического облика.

Тип 3. Призматические стержни (6 экз.)

К данному типу относятся стержни неправильной призматической формы с несколькими пришлифованными гранями, подовальной или округлой формы в поперечном сечении. На одном из них присутствует бороздка для крепления шнура. Длина стержней 88–72 мм.

Стержни данного типа изготовлены из сланца, однако им не придавалась законченная симметричная форма. В процессе изготовления орудия естественные грани гальки лишь доводились шлифовкой, в результате чего орудие имеет в целом обтекаемую, но неправильную форму. Кроме того, поверхность не приводилась в идеально гладкое состояние, скорее наоборот, грани орудия подчеркнуты шлифовкой. Мы предполагаем, что данное технологическое решение служило для облегчения крепежа посредством полной обмотки цевья шнуром. Доказательством данной техники крепления является заполировка, обнаруженная по всей поверхности орудий. Это проникающая заполировка, которая сглаживает линейные следы от шлифовки на поверхности стержня. Область распространения заполировки позволяет заявлять о том, что шнур покрывал более 50 % тела стержня, а не только фиксировал жало (Рис. 1, в).

На проксимальном конце одного стержня присутствует узкая бороздка для крепления шнура, а также горизонтальные насечки – следы резки камня. Дистальный конец орудий не подвергался шлифовке и сколот под острым углом.

Орудия данного типа обнаружены на стоянке Горнозаводск 2 и поселении Славная 4. Стратиграфический контекст позволяет нам предположить их принадлежность к орудийному набору культуры сони. Данный тип орудий имеет аналоги по всем описанным техническим особенностям среди материалов раковинной кучи Тонсамдон на территории Южной Кореи [Накао, 2014, р. 56], где каменные стержни были обнаружены в комплексе с костяными жалами.

Учитывая форму, наличие бороздки для крепления шнура и устойчивые типологические аналоги мы делаем вывод о том, что орудия данного типа являются цевьем составного рыболовного крючка.

Тип 4. Веретенновидные (6 экз.)

К данному типу относятся стержни удлиненной формы с резко сужающимися концами, круглой формы в поперечном сечении. На них присутствует бороздка для крепления шнура. Ввиду того, что орудия фрагментированы, определить их длину затруднительно, однако их толщина варьируется от 10 до 15 мм.

Интерпретация орудий данного типа затруднена тем, что их форма, строго обтекаемая и симметричная, что не является принципиальной необходимостью для грузила. Кроме того, часть этих орудий имеет проточенную бороздку для крепления шнура с двух сторон и может быть интерпретирована как грузило для сети (Рис. 1, г), но часть из них такой функциональной особенности не имеет, а ввиду своеобразной формы как-то закрепить на таком стержне шнур практически невозможно. С другой стороны, симметричная форма, наличие или отсутствие крепежной борозды и сильно различающиеся размеры орудий данного типа могут говорить о разном функциональном назначении изделий. Таким образом, вопрос интерпретации стержней данного типа нуждается в дальнейшей разработке.

● Выводы

Типологический, трасологический и технологический анализ шлифованных стержней, входящих в орудийные комплексы археологических культур раннего и среднего неолита, дал следующие результаты:

1. Исследованные образцы имеют функциональные особенности, характерные для элементов составного рыболовного крючка, а именно: вытянутая форма, использование шлифовки по всей поверхности изделия или частично, наличие функциональных элементов крепежа – борозды для крепления шнура, «носика» для крепления жала.

2. Исследованные образцы несут следы использования, образовавшиеся в ходе контакта с несохранившимися органическими материалами: заполировки, темный налет.

3. Форма исследованных орудий может зависеть как от их функциональных особенностей, так и от материала.

4. Исследованные образцы имеют стойкие типологические аналогии с материалами археологических культур, для которых характерны сходные природно-климатические условия и хозяйственные модели (прибрежная адаптация). Однако существуют и уникальные функциональные особенности данного вида орудий, характерные для о. Сахалин, – например, брусковидная форма.

5. В целом, исходя из результатов исследования, можно говорить о том, что использование шлифованных каменных стержней указывает

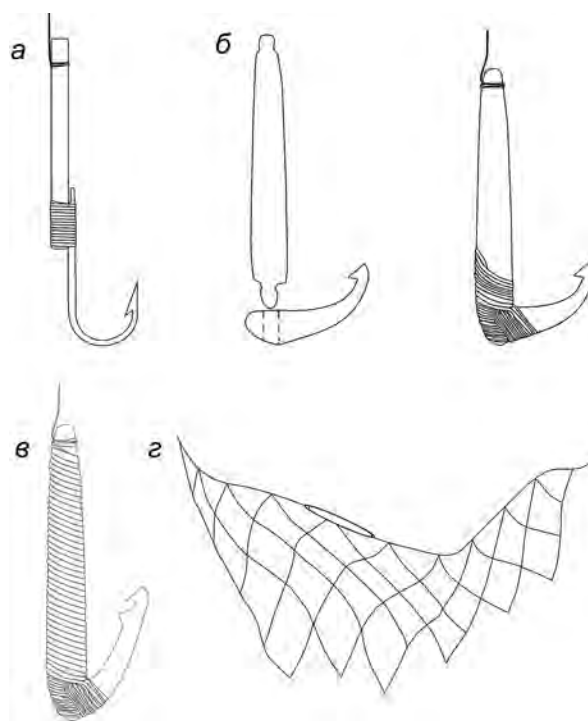

Рис. 1. Графическая реконструкция возможного использования шлифованных каменных стержней в рыболовстве:

- а** – составной рыболовный крючок с использованием брусковидного стержня;
- б** – составной рыболовный крючок с использованием горизонтального крепления жала;
- в** – составной рыболовный крючок с использованием призматического стержня;
- г** – предполагаемый вариант использования веретенновидного стержня.

на приморскую адаптацию древних социумов и может служить ярким маркером рыболовства в раннем и среднем неолите о. Сахалин.

Научный руководитель –

А. А. Василевский

д-р ист. наук, профессор

Сахалинский государственный университет

Список литературы

Неопубликованные источники

Василевский А. А. Отчет о работах Лютожского палеолитического отряда археологической лаборатории НИС ЮСГПИ в 1994 г. – Южно-Сахалинск, 1995. – Архив ИА РАН. – Ф. 1. Р-1

Гриценко В. А. Научный отчет о работах отряда № 2 археологической экспедиции Сахалинского государственного университета в 2006 году. – Том 2. – Спасательные раскопки стоянки Славная 5. Проект «Сахалин-2». – Южно-Сахалинск, 2007. – Архив ИА РАН. – Ф. 1. Р-1

Гриценко В. А. Научный отчет о работах отряда № 2 археологической экспедиции Сахалинского государственного университета в 2006 году. – Том 3. – Спасательные раскопки поселения Славная 4. Раскоп № 2. Проект «Сахалин-2». – Южно-Сахалинск, 2007. – Архив ИА РАН. – Ф. 1. Р-1

Гриценко В. А. Научный отчет о работах отряда № 2 археологической экспедиции Сахалинского государственного университета в 2006 году. – Том 4. – Спасательные раскопки поселения Славная 4. Раскоп № 3. Проект «Сахалин-2». – Южно-Сахалинск, 2007. – Архив ИА РАН. – Ф. 1. Р-1

Гриценко В. А. Спасательные археологические раскопки стоянки Горнозаводск 2 в Невельском городском округе Сахалинской области в 2015 году. Научный отчет. – Южно-Сахалинск, 2018. – Архив ИА РАН. – Ф. 1. Р-1

Опубликованные источники

Masaki Fujita, Shinji Yamasaki, Chiaki Katagiri, Itsuro Oshiro, Katsuhiro Sano, Taiji Kurozumi, Hiroshi Sugawara, Dai Kunikita, Hiroyuki Matsuzaki, Akihiro Kano, Tomoyo Okumura, Tomomi Sone, Hikaru Fujita, Satoshi Kobayashi, Toru Naruse, Megumi Kondo, Shuji Matsu'ura, Gen Suwa, and Yousuke Kaifu. Advanced maritime adaptation in the western Pacific coastal region extends back to 35,000–30,000 years before present. – Режим доступа: <http://www.pnas.org/content/113/40/11184>

Nakao Atsushi. Syoumon jidai zennki gouhann niwa kanhantou no ketsugoushiki tsuribari ga Kyusyu ni denposhiteiruga, syuyoumon jidai goukizenu ou kara. Syuyonikakete Kyusyu no dokurisusei ga tsuomari, konojidai niokeru gouryu no zeozai sonomonoga fumeiryon to maru // *Archaeology quarterly*. – Vol. 125. – P. 55–58 (на яп. яз).

Sook-Chung Shin, Song-Nae Rhee, C. Melvin. Aikens Chulmun Neolithic intensification, complexity and emerging agriculture in Korea // *Arctic anthropology*. – 51 (1). – 2012. – P. 68–110.

Большая политехническая энциклопедия. – М, 2011.

Василевский А. А. Каменный век острова Сахалин. – Южно-Сахалинск, 2008.

Георгиевская Г. М. Китайская культура Прибайкалья. – Новосибирск, 1989.

Гриценко В. А. Ранний неолит острова Сахалин. – Южно-Сахалинск, 2011.

Гриценко В. А., Шенова А. Л. Спасательные раскопки стоянки эпохи неолита Горнозаводск 2 в Невельском районе Сахалинской области (2015 г.). – Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты // Материалы LVIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Омск, 2018. – С. 74–75.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // Материалы исследований по археологии СССР. – Вып. 18. – М., 1950.

Семенов С. А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). – Москва, Ленинград, 1957.

Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. – Ленинград, 1968.

Эверстов С. И. Рыболовство в Сибири. – Новосибирск, 1988.

Polished Rods in Early Neolithic and Neolithic Toolkits of Sakhalin Island: Typology, Technology, Interpretation

A. L. Shepova

Morphometric, technological and use-wear analysis of stone tools founded in early-neolithic and neolithic sites located on sakhalin island. Reconstructing of strategy of neolithic fishing on sakhalin island.

Keywords: sakhalin, fishing, combined fishhook, sinker, stone tools.

Шенова Анна Леонидовна

младший научный сотрудник
Сахалинская лаборатория археологии
и этнографии ИАЭТ СО РАН
и СахГУ
e-mail: shepovaanna@mail.ru

Shepova Anna Leonidovna

unior researcher
Sakhalin laboratory of Archeology and Ethnography
Institute of Archeology and Ethnography
SB RAS, Sakhalin State University
e-mail: shepovaanna@mail.ru

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

УДК 902

Погребения с лошастью на территории Восточной Сарыарки в эпоху бронзы

А. А. Абишева

*Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
Астана, Республика Казахстан*

Начиная с середины II тысячелетия до н.э. возросшее значение лошади в хозяйственной и военной сфере привело к превращению этого животного в культовый объект, включенный в процесс формирования сложного сознания человека. По представлениям древних людей, после смерти человека жизнь его продолжается в потустороннем мире. Снаряжая умершего в загробный мир, родственники стремились обеспечить его самыми необходимыми для привычного ему образа жизни вещами. Состоятельные люди погребались с лошастью. С середины раннего железного века, по словам С. П. Толстова, «захоронение лошадей вместе с человеком – реликт древней тотемской идеологии». Но впоследствии лошадь, напротив, стала священным достоянием племенной династии, а затем и основным богатством социально ориентированных групп в обществе [Толстов, 1948, с. 303].

Ландшафт Восточного Казахстана по-своему разнообразен. Племена Восточного Казахстана обитали в горных и высокогорных районах Алтая, Калбинского хребта и Тарбагатая, в степях на севере, в пустынных и полупустынных землях на юге. Основные водоканалы в этом регионе – Иртыш и его многочисленные притоки: Бухтарма, Курчум, Ульба, Шар, Кызылсу и другие. Обширные равнины с плодородными почвами, пастбищами, многочисленными рудниками меди, олова, золота в горах, богатыми рыбой реками, охотничьими лесами – все это обусловило развитие высокой культуры эпохи бронзы [Цыганов, 2001, с.164].

В золотой колыбели степи – Сарыарки, в суровых природно-климатических условиях, лошадь быстро заняла важное место в хо-

зяйственном укладе жизни местных племен. А как тотем образ лошади ушел из сознания людей [Руденко, 1953, с. 336].

История изучения памятников эпохи бронзы Восточного Казахстана имеет небольшую историю. Первые памятники-захоронения были раскопаны в 50-е гг. XX века С. С. Черниковым. Андроновская культурно-историческая общность, охватывающая Казахстан, Западную Сибирь, западную часть Средней Азии, Южный Урал, рассматривается археологами как этап развития родственных племен, находившихся в примерно одинаковых физико-географических условиях, где, естественно, выделяются локальные группы, локальные особенности [Черников, 1960, с. 88].

На территории Казахстана встречаются погребения с лошадьми. Могильники эпохи бронзы, в которых найдены останки лошади или ее частей, в основном расположены в центре страны. Восточная часть андроновского ареала – памятники Восточного Казахстана. Считалось, что здесь не был распространен обряд положения в могилу костей лошади. Однако в последние годы кости лошади были найдены в значимых памятниках Восточного Казахстана – в могильниках Каракемер и Кырыкунгир. Они расположены на стыке двух разных природно-климатических зон – Горного Алтая и Сарыарки. В свою очередь исследование этих могильников показывает важность связи культур горных и степных зон [Могильник бронзового века..., 2018]. Следует отметить, что в регионе была высоко развита древняя металлургическая культура. Согласно археологическим источникам, разработка месторождений на территории Восточного Казахстана началась

примерно в XVII–XVI вв. до н.э. [Черников, 1951, С. 144-150].

В течение пяти лет археолого-этнографическая экспедиция Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева проводит полноценные комплексные исследования в горах Чингизтау. Сам регион Чингизтау был выбран для исследования не случайно. Он расположен на месте соприкосновения древних цивилизаций и стал крупным очагом становления археологических культур [Шынгыстаудагы ..., 2018].

Могильник Кырыкунгир находится на административной территории села имени Токтамыс-батыра, вдоль реки Чаган, северо-западнее Абайского района Восточно-Казахстанской области. Ограда № 24 расположена в восточной части могильника Кырыкунгур. Камни ограды четко видны на поверхности земли. После вскрытия поверхности было обнаружено три каменных ящика. Все они расположены в направлении с востока на запад. Каменные ящики обозначены порядковыми цифрами (№ 1, 2, 3) в направлении с юга на север. Расстояние между каменным ящиком № 1 и каменным ящиком № 2 – 90 см, между каменным ящиком № 2 и каменным ящиком № 3 – 3,33 м. Между каменными ящиками № 2 и № 3 были обнаружены остатки костей лошади. Они находились на глубине 25 см от поверхности земли.

Могильник Каракемер расположен в 50 км к ЮЗ от районного центра Карауыл Абайского района Восточно-Казахстанской области. Ограда эпохи бронзы находится на второй террасе р. Барлыбай. Ограда имеет форму ровного круга диаметром 6 м. Камни ограды сохранились частично.

В ходе зачистки для получения плоской поверхности в центральной части ограды обнаружены два каменных ящика.

Каменный ящик № 1 – прямоугольной формы, представляет собой три вертикально вкопанные в яму каменные плиты. Северная продольная стенка – общая с ящиком № 2. Стыки между плитами ящика были замазаны глиной. Размеры ящика составляют в длину 1,2 м, в ширину 0,8 м, высоту 0,7 м. В самом каменном ящике на глубине 0,5 м были обнаружены комплекты конской узды, в том числе костяные псалии (рис. 1). Они имели круглую форму и были с тремя отверстиями. В ходе расчистки на глубине 70 см найдены фрагменты останков костей лошади. Никаких погребальных предметов не обнаружено. Общая глубина захоронения составила 73 см. Несмотря на то, что курганы были ограблены еще в древности, данные памятники эпохи бронзы имеют научную ценность.

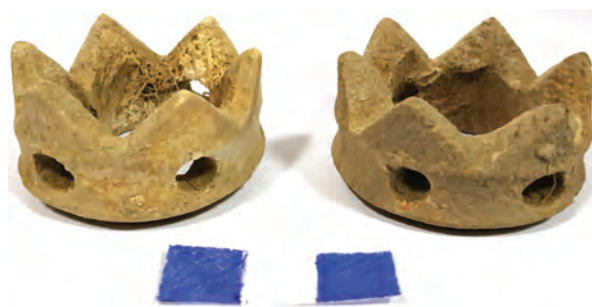

Рис. 1. Могильник Каракемер. Костяные псалии. Эпоха бронзы

Проводимые работы по исследованию могильников бронзового века Восточного Казахстана сейчас находятся на начальном этапе. Для результативного изучения памятников необходимо создать полновесную источниковедческую базу, для этого нужны дополнительные раскопочные материалы, современные технологии, которые позволят провезти комплекс научных изысканий на достаточном уровне.

Захоронения в Восточном Казахстане открыли до этого совершенно не изученный пласт знаний по различным аспектам материальной и духовной культуры племен бронзового века. Материалы памятников заставили по-новому взглянуть на хозяйство, быт, образ жизни племён. Полученный в ходе исследований материал может дать ответы на многие проблемные вопросы в изучении культуры бронзового века.

*Научный руководитель – А. Б. Айтбаев
преподаватель
Кафедра археологии и этнологии
Исторический факультет
Евразийский национальный университет
им. Л. Н. Гумилева*

Список литературы

- Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М-Л.: Наука, 1953. – 402 с.
- Толстов С. П. Древний Хорезм. – Москва: Изд-во МГУ, 1948. – 440 с.
- Умиткалиев У. У, Айтбаев А. А, Искаков К. А, Педрацкий М. Погребальные сооружения эпохи бронзы в могильнике Кырыкунгир // Бронзовый век Казахстана: исследования и новые открытия: Материалы Международной научно-практической конференции – Астана: ТОО Мастер По, 2018. – 192 с.
- Цыганов А. П. Первоцветы Восточного Казахстана. – Усть-Каменогорск: ВКГУ, 2001. – 164 с.
- Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, – МИА, № 88, М.— Л., 1960, – 272 с.
- Черников С. С. Восточноказахстанская экспедиция. – КСИИМК. Вып. XXXVII. 1951. С. 144-150.
- Шынгыстаудагы Кырыкунгир кешенді ескерткіші / Комплексный памятник Кырыкунгир в горах Чингизтау / A burial ground Kyrykungirin Shyngystaumountains / Komplex sepulkralny Kyrykungir w górach Szyngystau. – Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2018. – 200 с.

Burial With a Horse in the Bronze Age of Eastern Saryarka

A.A. Abisheva

The article is devoted to the issues of burial with a horse in the Bronze Age of Eastern Saryarka. The natural features and relief of the region, the origin of semi-nomadic cattle breeding are considered. The article analyzes the burials that were discovered by the archaeological and ethnographic expedition of the Eurasian National University named after L. N. Gumilev. The funerary items were discovered in the complex burial ground Kyrykungir and Karakemer.

Keywords: Eastern Saryarka, Bronze Age, semi-nomadic, Eastern Kazakhstan, Kyrykungir, Karakemer.

Абишева Айгуль Абдрахмановна

студентка 4-го курса

Евразийский национальный университет

им. Л. Н. Гумилева

e-mail: ai98gul@mail.ru

Abisheva Aigul Abdrahmanovna

4th year student

Eurasian National University

named after L. N. Gumilev

e-mail: ai98gul@mail.ru

УДК 902/904

Раннеалакульская (петровская) археологическая культура: территория, памятники

Г. К. Букешева

*Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева
Астана, Казахстан*

Первым этапом эпохи бронзы на территории Казахстана является раннеалакульская археологическая культура, представленная памятниками петровского типа. Территория петровской археологической культуры – Северный и Центральный Казахстан, Южное Зауралье, лесостепное Притоболье. Признаки этой культуры составляют укрепленные центры, инновации в сфере металлургии и общественного устройства, погребения воинов-колесничих. Памятники петровской культуры датируются XVIII–XVII вв. до н. э.

Петровская археологическая культура была выделена Г. Б. Здановичем в 1975 г. [Зданович, 1983, с. 48–68]. Западные границы расположены в долинах небольших рек Тоболо-Иртышского бассейна и левых притоков верхнего течения р. Урал. Восточные пределы памятников петровского типа не выходят за границы Среднего Притоболья. Северо-восточные границы простираются до Зауралья (Чистолеляжский могильник). Юго-восточные петровские памятники находятся в Петропавловском Приишимье, где и были первоначально открыты Г. Б. Здановичем. Верхнее Притоболье, благодаря работам О. А. Кривцовой-Граковой, В. В. Евдокимова, В. Н. Логвина и др., также уверенно включается в ареал распространения петровских памятников [Алаева, 2016, с. 78–79; Логвин, 2005, с. 190–194].

Круг памятников представлен поселениями (Боголюбово I, Новоникольское I, Петровка II, Семиозерное II, Камышное II, Селезян I,

Архангельский Прииск I, Кулевчи III, Кулевчи «Д», Владимировка I, Городищенское III, Старо-Кумлякское и т.д.) и могильниками (Берлик II, Кенес, Аксайман, Бектениз, Графские Развалины, Бестамак, Токанай-1, Раскатиха, Верхняя Алабуга и т. д.) [Евдокимов, Логвин, Ткачев 2016, с. 30; Виноградов, 2017, с. 38–40; Алаева, 2016, с. 78–79].

Петровские поселенческие комплексы изучены неравномерно и представлены разными по качеству материалами. Площадь петровских жилищ – от 25 до 100 кв. м. Форма жилищ прямоугольная, в средней части торцевой стены иногда фиксируется короткий выступ – выход в виде тамбура. Конструкции петровского типа – наземные, котлован жилища углублен в грунт не более чем на 15–20 см. Полы обмазаны слоем глины с крупным речным песком. Прямоугольная форма помещений, оформление входов, почти полное отсутствие столбовых углублений убеждают в том, что стены жилищ сооружались из бревен. В жилищах зафиксировано по 1–2 круглых очага наземного типа с каменными выкладками, в отдельных случаях – остатки от более сложных очажных конструкций.

Петровские оборонительные сооружения представлены рвами глубиной от 1,5 до 2,5 м при максимальной ширине 3,5 м. С внутренней и внешней сторон, вдоль рвов, имеются развалы валов – небольших насыпей из глины. Иногда прослеживаются остатки столбовых конструкций, которые когда-то укрепляли и усиливали вал. Примерные площади, огра-

ниченными рвами, на наиболее исследованных памятниках – поселениях Новоникольское I и Петровка II – равны 5700 и 8400 кв. м [Зданович, 1983].

Г. Б. Зданович выделяет три вида погребального обряда у петровцев: детские кладбища, взрослые «родовые» кладбища и одиночные взрослые захоронения.

На реке Ишим у с. Петровка в Северном Казахстане был исследован грунтовый детский могильник. Значительная его часть к моменту раскопок была разрушена карьером. Вскрыто 32 ямы длиной 0,5–1 м, шириной 0,4–0,8 м при глубине 0,8–1,1 м. Преобладающая ориентировка – З–В. В каждой из ям обнаружено от одного до трех сосудов, иногда кости мелкого рогатого скота (коз), в одном случае зафиксированы украшения. Следы надмогильных сооружений отсутствуют.

Вторая категория петровских погребальных памятников представлена курганными захоронениями, включающими одну крупную центральную могильную яму. Как правило, это мужские погребения, содержащие предметы вооружения, остатки боевых колесниц и скелеты лошадей. Данная категория определяется археологами как погребения воинов-колесничих.

Третья категория погребальных памятников – это курганы с одной или двумя центральными ямами, вокруг которых по кольцу расположены периферийные захоронения.

Петровские могильники состоят из земляных насыпей, обычно не выше 0,5 м и диаметром до 12–16 м. Насыпи расположены на некотором расстоянии друг от друга, и их количество на погребальном поле относительно невелико (от 3 до 10). Курганы с крупными одиночными ямами иногда занимают обособленное положение и удалены от основной, современной им группы насыпей (Новоникольское, курган 1; Бектениз, курган 4), а в отдельных случаях образуют самостоятельные могильники (Берлик I, II).

Захоронения в одиночных крупных ямах, принадлежащие, вероятно, особой социальной группе воинов-колесничих, исследованы в могильниках Кенес, Улубай, Берлик, Новоникольское. Погребальные камеры (размером до 4х2,5 м, глубиной 1,2–1,5 м) расположены в центре подкурганной площадок, ориентированы по линии З–В с отклонениями на СЗ–ЮЗ. У северо-восточного угла часто фиксируется вход в виде небольшого выступа в плане и ступенька. Погребения совершались по обряду трупоположения. Умерших хоронили на левом боку в скорченном положении, кисти рук находились у лица. Преобладает слабая степень скорченности. В ориентировке погребенных в центральных одиночных ямах господствуют западное и северо-западное направления.

Мужские погребения содержали богатый и многообразный инвентарь: каменные булавы, каменные и костяные наконечники стрел, кремневые пластины, костяные щитковые псалии. Среди металлического инвентаря – ножи с намечающейся рукоятью, ножи с перехватом, шилья и плоские тесла. В крупных центральных могилах иногда совершались захоронения женщин. В женских захоронениях найдены желобчатые браслеты, подвески в полтора оборота, очковидные и крестовидные, различные металлические бусы и пронизи, пастовый бисер.

Ярким признаком петровской культуры являются погребения с остатками колесниц. Изучением казахстанских, урало-казахстанских колесничих комплексов занимались Г. Б. Зданович, В. Ф. Генинг, В. В. Евдокимов, А. А. Ткачев, А. В. Епимахов, И. А. Кукушкин и др. Петровские колесницы в казахстанских степях известны по памятникам: Берлик II, Улубай, Сатан, Аксайман, Аялберген, Нуртай, Ащису. Фиксируются отпечатки колесных пар, и существует мнение о наличии в могилах не колесниц, а колес. Кроме наличия отпечатков колесных пар, в захоронениях найден инвентарь, связанный с колесницами. В первую очередь, это щитковые псалии и костяки лошадей [Сотникова, 2014, с. 158].

Петровская археологическая культура отражает кардинальные изменения в урало-казахстанских степях и является периодом сложения основ протогородской цивилизации. Это обосновывает актуальность исследования проблем петровской археологической культуры в археологии Евразии.

*Научный руководитель — М. К. Хабдулина
канд. ист. наук, доцент
директор НИИ археологии им. К. А. Акишева*

Список литературы:

- Алаева И. П. Раннеалакульские памятники урало-казахстанского региона // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – №3 (34). – С. 78–85.
- Виноградов Н. Б. Проблемы синхронизации, культурной близости памятников синташтинского и петровского типов и возможности их решения // Вестник археологии антропологии и этнографии. – 2017. – № 2 (37). – С. 38–47.
- Евдокимов В. В., Логвин В. Н., Ткачев А. А. Поселение Семнозерное II // Вестник археологии антропологии и этнографии. – 2016. – № 2 (33). – С. 30–40.
- Зданович Г. Б. Основные характеристики Петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении Петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск; Уфа: Башкирский университет 1983. – С. 48–68.
- Сотникова С. В. Образ погребальной колесницы и формирование традиции вертикальной направленности ритуала на территории евразийских степей в эпоху бронзы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики // Исторические науки и археология / Тамбов: Грамота. – 2014. – №9 (47). – С. 157–160.

The Early Alakul (Petrov) Archaeological Culture: Territory and Monuments

G. K. Bukesheva

This article proposes a systemic view of the content of a complex of monuments of Early Alakul culture in Southern Trans-Urals, Northern and Central Kazakhstan, in particular, a detailed justification for interpreting monuments of Petrov's type as a reflection of the early stage of the history of Alakul cultures of Southern Trans-Urals, North and Central Kazakhstan. The paper highlights the main characteristics of the Early Alakul culture, as well as a detailed description of the architecture and layout of residential buildings, funeral practices and the leading types of material culture.

Keywords: Early Alakul archeological culture, Petrov's type, proto-city civilization, funerary monuments, chariots.

Букешева Гульзат Кайнулловна

магистрант 1-го года обучения

Евразийский национальный университет

им. Л. Н. Гумилева

E-mail: bgk897@mail.ru

Bukesheva Gulzat Kaynullova

1st year undergraduate

Eurasian National University

named after L. N. Gumilev

E-mail: bgk897@mail.ru

УДК 902(571.150)

Поселение Бурла-3 в системе археологических культур эпохи поздней бронзы Кулунды

Н. С. Гульчак

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул

На сегодняшний день изучение поселений эпохи поздней бронзы Северной Кулунды является одним из важных направлений не только в исследовании памятников Обь-Иртышского междуречья, но и всей позднебронзовой археологии. Остро дискуссионными остаются вопросы, связанные как с формированием культур, так и с выяснением процессов культурного взаимодействия населения региона во второй половине II тыс. до н. э.

Особое место среди памятников поздней бронзы Кулунды занимает поселение Бурла-3 в силу своей высокой, не типичной для этой территории среднеазиатской составляющей, что выражается в наличии станковой керамики. В Алтайском крае станковая керамика очень редкий феномен, и центром её распространения является среднее течение Бурлы. На данном поселении обнаружили остатки от двухкамерных жилищных конструкций полуземляночного типа. Также была найдена печь для обжига керамики, что не свойственно для степного и лесостепного Алтая [Кирюшин, Папин, Редников, 2014, с. 163].

В 1982 году В. С. Удодов открыл поселение Бурла-3. Он раскопал около 600 кв. м, изучил остатки трех жилищ площадью 33–42 кв. м и мощное кострище за пределами поселения. Наиболее многочисленной категорией находок на поселении является керамика, представленная двумя типами: лепной и станковой [Удодов, 1994, с. 20].

Большинство памятников эпохи поздней бронзы Кулундинской степи относится к ан-

дронидным культурам. На поселении Бурла-3 фиксируется взаимодействие между двумя культурно-историческими традициями: андронидной и среднеазиатской.

Обнаружение и исследование поселений Бурла-III, Кайгородка-III и Гридино в Северной Кулунде поставили перед исследователями эпохи развитой и поздней бронзы вопрос о феномене «бурлинского типа памятников» [Кирюшин, Папин, Федорук, Редников, 2013, с. 212–213]. Материалы данных поселений резко выделялись на фоне одновременных комплексов большим процентом бегазы-дандыбаевской посуды и керамики, изготовленной на гончарном круге. Поясняя факт существования таких комплексов в регионе, В. С. Удодов не исключал возможность проникновения сюда отдельных групп среднеазиатского населения. Продолжение изучения поселения Бурла-III в 2013–2015 гг. и 2018 году позволило дополнить имеющиеся материалы новыми данными, в целом доказывающими правдивость гипотезы В. С. Удодова. В результате исследования поселения за четыре полевых сезона полностью раскопано одно двухкамерное жилище полуземляночной конструкции, часть камеры второго жилища и объекта, предположительно, связанного с керамическим производством [Папин, Редников, Федорук, Демин, 2015, с. 251–253].

Сам факт открытия на территории Северной Кулунды подобных памятников поставил на повестку дня не только вопрос о далеких южных

среднеазиатских связях населения Кулунды эпохи поздней бронзы, но и проблему его культурной неоднородности. Решение последнего вопроса во многом осложняется практически полным отсутствием погребальных памятников подобных культурных образований на этой территории. Не меньше сложностей вызывает вопрос о культурогенезе степных общностей второй половины II тыс. до н. э.

Таким образом, дальнейшее изучение памятника Бурла-3 не только расширит представления о происхождении и формировании данного поселения, но и позволит поставить вопрос об этнокультурном взаимодействии населения эпохи развитой и поздней бронзы на обширной территории Северной и Центральной Азии.

*Научный руководитель – М. А. Демин
д-р ист. наук, профессор
Алтайский государственный педагогический
университет*

Список литературы

Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Федорук А. С., Редников А. А. Феномен «бурлинского типа памятников» // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. – Барнаул, 2014. – Вып. 1. – С. 47–48

Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Федорук А. С., Редников А. А., Федорук О. А. Проблема изучения «бурлинского типа» памятников эпохи поздней бронзы на территории степного Алтая // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2013. – С. 212–215

Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Редников А. А., Федорук А. С., Фролов Я. В. Предварительные итоги полевого изучения поселения Бурла 3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Барнаул 2014. – С. 31–36

Папин Д. В., Федорук А. С., Черных Д. В., Бирюков Р. Ю. Предварительные результаты электромагнитного изучения поселения Бурла-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. — Барнаул, 2014. – С. 162–164

Удодов В. С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды. Автореф. дис... канд. ист. наук. Барнаул, 1994. – 21 с.

Федорук А. С., Папин Д. В., Редников А. А. Жилищно-хозяйственный комплекс поселения Бурла 3 // Изв. Алт. гос. ун-та. – Барнаул, 2015. – С. 280–284

Федорук А. С., Папин Д. В., Редников А. А., Федорук О. А., Демин М. А. Традиции домостроительства населения эпохи поздней бронзы степного Алтая (по материалам поселения Бурла 3) // Изв. Алт. гос. ун-та. – Барнаул, 2015. – С. 250–255

Settlement Burla-3 in the System of Archaeological Cultures of the Late Bronze Age of Kulunda

N. S. Gulchak

In this article the materials of the monument Burla-III are studied. Formation of cultures and processes of cultural interaction of the population of the region.

Keywords: Burla-III, Northern Kulunda, ceramics, late bronze age, settlements

Гульчак Никита Сергеевич

студент 2-го курса

Алтайский государственный педагогический

университет, Барнаул

E-mail: n.gulchak@yandex.ru

Gulchak Nikita Sergeevich

2nd year student

Altai State Pedagogical University

Barnaul

E-mail: n.gulchak@yandex.ru

УДК 902

Исследования ирменских погребальных комплексов на могильнике Чумыш-Пережат

О. А. Качесова

Алтайский государственный университет, Барнаул

К настоящему моменту в Барнаульско-Бийском Приобье известно 15 ирменских погребальных памятников, среди которых 6 курганных и 9 грунтовых могильников. На этих памятниках исследовано около 200 погребений [Райткина, 2010]. Несмотря на то, что в последние несколько лет целенаправленные раскопки ирменских некрополей не осуществлялись, в ходе исследования многослойных погребальных комплексов были получены новые материалы. Одним из таких памятников является Чумыш-Пережат, расположенный в нижнем течении р. Чумыш.

Грунтовый могильник Чумыш-Пережат был открыт в 2012 г. в ходе разведочных работ, которые проходили в Залесовском районе Алтайского края под руководством С. П. Грушина [Фрибус, Грушин, 2015]. Планомерное исследование могильника, начатое в 2014 г. и продолжающееся по настоящее время, позволило выявить на нем 5 культурно-хронологических комплексов (неолит, андроновская, ирменская, староалейская культуры и раннесредневековое время). Целью работы является характеристика ирменского комплекса. Всего на памятнике исследовано два захоронения ирменской куль-

туры. Они приурочены к южной оконечности мыса. В 2016 г. было обнаружено парное погребение, совершенное на уровне материка. Оно было частично разрушено в ходе поздней раскопки. Первый скелет был сильно потревожен, судя по сохранившимся *in situ* костям, погребенный был уложен скорченно на правом боку, головой на ЮЗ. Фрагменты тазовых костей найдены в 1,2 м к югу. Справа от черепа найден керамический сосуд и бронзовая серьга. Положение второго погребенного – скорченно на правом боку, головой на ЮЗ, руки помещены перед лицом. Справа от черепа найден целый керамический сосуд.

В 2018 г. было исследовано одиночное захоронение периода поздней бронзы. Оно совершено на уровне материка. Скелет был в разрушенном состоянии и принадлежал ребенку. Положение черепа и ребер позволяет предположить, что погребенный был уложен головой на ЮЗ. Справа от черепа найден неорнаментированный керамический сосуд, под черепом – бронзовая серьга со спиралевидной шляпкой.

Зафиксированный погребальный обряд описанных комплексов обладает такими чертами, как юго-западная ориентация погребенного, скорченное положение на боку, захоронения на уровне материка. Такие параметры погребального обряда типичны для алтайского варианта ирменской культуры [Раиткина, 2010].

Инвентарь также типичен для ирменской культуры, а два погребения, исследованные на могильнике Чумыш-Пережат, имеют очевидное сходство между собой: комбинация «керамический сосуд + бронзовая серьга» встречается неоднократно – в могильнике Суртайка [Членова, 1973], Малый Гоньбинский Кордон-1/5 [Кунгуров, Папин, 2001], Змеевка [Членова, 1976], Ближние Елбаны-IX [Абдулганеев, Егоров, 1995] и т. д. Серьги, найденные в обоих погребениях, относятся к одному типу гвоздевидных, но имеют свои особенности. Серьга из парного погребения имеет округлую шляпку, серьга из одиночного погребения – спиралевидную. Такие предметы довольно часто встречаются в погребениях в Лесостепном Алтае. Похожие серьги с округлой шляпкой обнаружены на Камышенке [Членова, 1981], Малый Гоньбинский Кордон-1/5 [Кунгуров, Папин, 2001], Змеевка [Членова, 1976]. Серьга со спиралевидной шляпкой имеет схожесть с материалами могильников Плотинная I [Уманский, 1972] и Фирсово I [Фирсово-I – погребальный комплекс..., 2018]. Керамический сосуд из парного погребения имеет типичную ирменскую форму и орнаментацию. Круглодонный сосуд орнаментирован каннелюрами и перевернутыми заштрихованными треугольниками с жемчужинами. Такой тип керамики А. В. Матвеев относил к ирменско-

му этапу и датировал концом XI – IX в. до н. э. [Матвеев, 1993, с. 139]. Аналогичный орнамент имеет керамика с поселения Цыганкова Сопка-I [Кирюшин, Папин, Федорук, 2015], датируемая в пределах X в. [Кирюшин, Грушин, Папин, 2007]. Наиболее полные аналогии орнаментированного сосуда с памятника Чумыш-Пережат находят в материалах могильника Мельничихин Лог-I [Папин, Фролов, 1998]. Два неорнаментированных небольших сосуда находят аналогии в материалах могильника Староалейка-II [Кирюшин, Шамшин, 1998], также за пределами Алтайского Приобья.

Таким образом, можно сделать вывод, что исследованные погребения периода поздней бронзы на памятнике Чумыш-Пережат с уверенностью можно отнести к ирменской культуре и датировать по традиционной хронологии концом XI – IX в. до н. э., что подтверждается особенностью погребального обряда, а также погребального инвентаря.

*Научный руководитель – С. П. Грушин
д-р ист. наук, профессор
Кафедра археологии, этнографии и музеологии
Алтайский государственный университет*

Список литературы

- Абдулганеев М. Т., Егоров Я. В. Новые раскопки на Ближних Елбанах // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1995. – Вып. 5. – С. 190–195.
- Кирюшин Ю. Ф., Шамшин А. Б. Погребение ирменской культуры из могильника Староалейка-2 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1998. – Вып. 9. – С. 105–110.
- Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Папин Д. В. Хронология памятников эпохи поздней бронзы степного и лесостепного Алтая. Проблемы радиоуглеродного датирования археологических памятников бронзового века Алтая // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2007. – Вып. 3. – С. 84–89.
- Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Федорук О. А. Технично-технологический анализ керамического комплекса поселений Цыганкова Сопка-I, III // Известия Алтайского гос. ун-та. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2015. – С. 87–91.
- Кунгуров А. Л., Папин Д. В. Могильник-5 археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2001. – С. 79–84.
- Матвеев А. В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. – 182 с.
- Папин Д. В., Федорук А. С., Федорук О. А., Фролов Я. В. Фирсово-1 – погребальный комплекс периода финальной бронзы в Барнаульском Приобье // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2018. – Вып. 2. – С. 47–62.
- Раиткина Ю. Ю. Погребально-поминальная обрядность носителей ирменской культуры Алтайского Приобья // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2010. – С. 44–46.
- Уманский А. П. Могильник карасукского времени у ст. Плотинная по аварийным раскопкам 1968 года // Археология и краеведение Алтая. – Барнаул: Изд-во БГПИ, 1972. – С. 22–26.
- Фрибус А. В. Отчет об археологических раскопках на могильнике Чумыш Пережат в Залесовском районе Алтайского края в 2016 году. – Барнаул: 2017. – 265 с.

Фрибус А. В., Грушин С. П. Культурно-хронологические комплексы могильника Чумыш-Перекаг (предварительное сообщение по результатам работ 2014 г.) // Человек и север: антропология, археология, экология. – Тюмень: Изд-во Института проблем освоения Севера СО РАН, 2015. – С. 196–199.

Фролов Я. В., Папин Д. В. Коллективное погребение ирменской культуры в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1998. – Вып. 9. – С. 102–105.

Членова Н. Л. Андроновские и ирменское погребения могильника Змеевка (Северный Алтай) // КСИА. – М: Изд-во Наука, 1976. – Вып. 147. – С. 76–84.

Членова Н. Л. Ирменское погребение с богатым инвентарем // КСИА. – М: Изд-во Наука, 1981. – Вып. 167. – С. 100–109.

Членова Н. Л. Суртайка – могильник карасукской эпохи в предгорном Алтае // КСИА. – М: Изд-во Наука, 1973. – Вып. 134. – С. 114–122.

Research of Irmen Burial Complexes from the Burial Ground Chumysh-Perekat

O. A. Kachesova

Article is about new graves from burial ground Chumysh-Perekat. Publication of new materials and search analogies of things from graves is the aim of this article. It has been attributed to the Irmen archaeological culture of last Bronze Age and dated 11th – 9th BC.

Keywords: the graves, the Last Bronze Age, the Irmen archaeological culture, Chumysh River.

Качесова Ольга Александровна

студентка 3-го курса

Алтайский государственный университет

e-mail: kachesova99@yandex.ru

Kachesova Olga Alexandrovna

3rd year student

Altai State University

e-mail: kachesova99@yandex.ru

УДК 902/904

Изобразительное искусство населения эпохи ранней бронзы Монгольского Алтая: материалы из закрытых комплексов и их значение для атрибуции наскального искусства региона

Д. О. Климова

Кемеровский государственный университет, Кемерово

Монгольский Алтай богат разновременными памятниками наскального искусства, история исследования которых насчитывает более ста лет [Дорж, Новгородова, 1975, с. 5–9; Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, с. 7–17; Батболд, 2018, с. 7; и др.]. Их изучение позволяет раскрыть такие мировоззренческие аспекты, которые не проследить по другим археологическим источникам. Благодаря работе специалистов, к настоящему времени в петроглифах региона не только выявлены и проанализированы основные образы и сюжеты, но и разработана общая хронологическая шкала наскального искусства [Новгородова, 1989, с. 318; Кубарев, 2003, с. 52]. Она выстроена на основании стилистического сходства с наскальными изображениями сопредельных территорий [Советова, Миклашевич, 1999; Рогожинский, 2011; Кубарев, 2009; и др.].

При построении хронологической шкалы петроглифов Монгольского Алтая метод аналогий оставался основным, так как вплоть до последних лет материалы наскального искусства не были подкреплены находками из закрытых комплексов. В последние годы ситуация изменилась, и в распоряжении исследователей теперь имеется серия разновременных изображе-

ний, выявленных при раскопках погребальных и поминальных объектов Монгольского Алтая [Тишкин, Мухарева, 2011; Горбунов, Тишкин, Серегин, Мухарева, Мунхбаяр, 2015; Мухарева, Серегин, 2016; и др.]. Их целесообразно привлекать для уточнения существующей хронологической шкалы наскального искусства региона.

Наиболее значимым для уточнения хронологической и культурной атрибуции древнейших наскальных изображений можно считать комплекс Хар Чулуут 1, раскопанный летом 2015 г. отрядом Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции под руководством А. А. Ковалева и Ч. Мунхбаяра. По особенной архитектуре сооружения памятник соотнесли с чемурчекской культурой [Ковалёв, 2015, с. 156]. В ходе раскопок на плитах, составляющих ограду комплекса, были обнаружены целые группы выбитых изображений. Центральными фигурами, вероятно, являлись антропоморфные существа с туловищами параболической или прямоугольной формы и «антеннами», идущими из прямоугольного выступа сверху фигуры [Там же]. Изображения этих существ имеют аналогии на скалах располо-

женных поблизости комплексов Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, с. 73–76], ранее они были условно названы «протошаманками» и датированы в пределах от энеолита до эпохи бронзы [Там же].

В композициях комплекса Хар Чулуут 1 нередко встречаются мужские антропоморфные фигуры с трапециевидным туловищем, повернутым анфас, и одной ногой, изображённой в профиль [Ковалёв, 2014, с. 160], также имеющие аналогии в петроглифах Цагаан-Салаа, Бага-Ойгур, Шивээт хайрхан и др. памятников. Кроме того, были зафиксированы личины, фигуры быков с вытянутыми мордами и S-образными рогами, эротические сцены, «отпечатки» обутых ног и т.д.

Аналогичные изображения, выявленные ранее на скалах, были датированы периодами ранней и развитой бронзы [Кубарев, 2003, с. 52]. В настоящее время, основываясь на стилистическом единстве изображений комплексов Хар Чулуут 1, Цагаан-Салаа, Бага-Ойгур и некоторых других, мы можем не только говорить о том, что они были созданы населением, относящимся к одной культурной общности, но и конкретизировать датировку наскальных изображений периодом ранней бронзы, которым датированы петроглифы из закрытого комплекса [Ковалёв, 2015; с. 156].

Примечательно, что некоторые изображения, выполненные в похожей манере, были выявлены и на территориях Российского, Казахского и Китайского Алтая [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, с. 75], что может свидетельствовать о широком распространении чемурчекской изобразительной традиции.

Таким образом, разнообразные петроглифы, найденные при раскопках ритуального комплекса Хар Чулуут 1 и относящиеся к чемурчекской культуре, не только помогают нам понять мировоззрение населения ранней бронзы,

проживавшего на территории Монгольского Алтая, но и позволяют более точно датировать аналогичные изображения на памятниках открытого типа, соотнося их с изобразительной традицией чемурчекской культуры.

*Научный руководитель – А. Н. Мухарева
канд. ист. наук, доцент
Кафедра археологии
Кемеровский государственный университет*

Список литературы

- Батболд Н.* Хронология петроглифов Монгольского Алтая // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2018. – № 1 (2). – С. 6–13.
- Горбунов В. В., Тишкин А. А., Серегин Н. Н., Мухарева А. Н., Мунхбаяр Ч.* Продолжение исследований тюркских оградок на территории Монгольского Алтая // Теория и практика археологических исследований. – 2015. – № 1 (11). – С. 70–86.
- Дорж Д., Новгородова Э. А.* Петроглифы Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1975. – 281 с.
- Ковалев А. А.* Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Часть II. Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель. – СПб.: МИСР, 2015. – 320 с.
- Кубарев В. Д.* Памятники каракольской культуры Алтая – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009.
- Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э.* Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. – 640 с.
- Мухарева А. Н., Серегин Н. Н.* Гравированные изображения на плите тюркской оградки комплекса Годон-Гол-V (Монгольский Алтай) // Известия Алтайского государственного университета. – 2016. – № 2 (90). – С. 229–235.
- Новгородова Э. А.* Мир петроглифов Монголии. – М: Наука, 1984. – 166 с.
- Рогожинский А. Е.* Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. – Алматы: «Signet Print», 2011. – 342 с.
- Советова О. С., Миклашевич Е. А.* Хронологические и стилистические особенности среднеиисейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: КемГУ, 1999. – С. 47–74.
- Тишкин А. А., Мухарева А. Н.* Петроглифы на камнях из курганных сооружений (по материалам исследований в Монгольском Алтае) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы Международной научной конференции. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. – Вып. 2. – С. 560–564.

Visual Art of the Population of Early Bronze Age of the Mongolian Altai: Materials from the Closed Complexes and Their Value for Attribution of the Rock Art of Region

D. O. Klimova

The article discusses the petroglyphs of the population of Early Bronze Age of the Mongolian Altai and the value of visual materials from closed complexes for the attribution of the rock art. A representative series of new images was discovered in 2015 by A.A. Kovalev and Ch. Munkhbayar during the excavations of the Chemurchek ritual complex Har Chuluut 1. Analysis of these images and the search for analogies in the rock art of the region, allowed not only to clarify the chronological attribution of the latter, but also to correlate them with Chemurchek culture.

Keywords: petroglyphs, Early Bronze Age, Mongolian Altai, analogy, attribution, Chemurchek culture, ritual complex.

Климова Дарья Олеговна
студентка 3-го курса
Кемеровский государственный университет
e-mail: daria-nik@bk.ru

Klimova Daria Olegovna
3rd year student
Kemerovo State University
e-mail: daria-nik@bk.ru

Массовые находки астрагалов в погребениях эпохи бронзы (По материалам раскопок на комплексе археологических памятников Кырыкунгир)

А. А. Кыдерменова

*Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
Астана, Республика Казахстан*

К настоящему времени на территории Казахстана выделены археологические культуры, характеризующие все периоды эпохи палеометалла, начиная от уникальной ботайской энеолитической культуры. Традиционно особое внимание уделялось памятникам бронзового века, в рамках которого был систематизирован огромный массив данных по андроновской культурно-исторической общности. Не меньший интерес у специалистов продолжают вызывать дандыбай-бегазинская культура поздней бронзы, а также памятники переходного периода в различных регионах обширного степного пояса.

На территории Восточно-Казахстанской области расположены археологические комплексы различных этапов эпохи бронзы. В литературе отмечались уникальность этого региона, а также необходимость исследования комплексов, содержащих погребальные некрополи и поселения, и проведения их сравнительно-типологического анализа с материалами из других регионов [Ткачева, Ткачев, 2008].

Одним из перспективных для реализации данного подхода, ориентированного на монографическое исследование объектов разных хронологических периодов (от бронзового века и до Средневековья), является комплекс археологических памятников Кырыкунгир («Сорок пещер»). Он расположен на левом берегу р. Шаган в Абайском районе Восточно-Казахстанской области.

Археологический комплекс Кырыкунгир занимает площадь около трех км², на которой расположено около 100 объектов, относящихся к разному времени. Курганы эпохи бронзы занимают участки береговой террасы. Они представлены надмогильными сооружениями различной формы. Среди них выделяются объекты, которые лишь условно можно отнести к курганам, поскольку на современной дневной поверхности они выглядят как оградки, сооруженные из вертикально вкопанных плит. [Умиткалиев и др., 2018, с. 30].

В полевом сезоне 2014 г. на комплексе Кырыкунгир был исследован курган № 58, расположенный в непосредственной близости от кургана с «усами». Основу надмогильного сооружения составляла ограда округлой в плане формы диаметром 6,5 м. До начала раскопок

вертикально установленные плиты возвышались над дневной поверхностью на 0,15–0,2 м.

После зачистки каменной конструкции оказалось, что высота плит ограды составляет от 0,3 до 0,5 м. Три каменных ящика находились в центральной части ограды и были ориентированы длинными сторонами по линии запад – восток. Они располагались в виде цепочки, протянувшейся с юго-запада на северо-восток. Каменные ящики № 1 и № 2 представляют собой конструкцию прямоугольной формы с общей разделительной стенкой для двух отдельных захоронений. Ящик № 1 сооружен из четырех вертикально вкопанных плит, размеры 1,9×1,1 м, высота до 0,72 м, стыки между плитами замазаны глиной. В ходе расчистки на глубине 0,7 м были обнаружены фрагменты керамики и беспорядочно расположенных костей скелета взрослого человека. Среди них были обнаружены бронзовые украшения (бусы), керамические сосуды и орудия труда, а в юго-восточной части ящика – астрагалы овцы в количестве 36 экз. Они находились на дне погребального сооружения и составляли компактное скопление, которое оказалось непо потревоженным.

Каменный ящик № 2 был сооружен из трех каменных плит и разделительной плиты с ящиком № 1, стыки между плитами также имели глиняную замазку. Его размеры 1,9×0,9 м, высота 0,7 м. В заполнении были зафиксированы фрагменты керамики и разрозненные кости верхней части скелета взрослого человека. На глубине 0,7 м в непо потревоженном состоянии находились тазовые кости и кости ног. Их положение позволяет предположить, что человек был уложен в скорченном состоянии головой на запад. У ног в юго-восточном углу каменного ящика находилось компактное скопление астрагалов в количестве 104 экз. Почти все они имеют близкие размеры и определены как астрагалы овцы. На части прослеживаются следы подработки (стертые грани, сколы) и фрагменты краски красного цвета. Стоит подчеркнуть, что лишь один астрагал заметно выделялся от остальных своими более крупными размерами.

Каменный ящик № 3 также имел прямоугольную форму, его стенки сооружены из четырех вертикально помещенных в могильную яму плит. Размеры 1,4×0,8 м, высота около 0,5 м,

как и в двух предыдущих случаях, соединения между плитами ящика замазаны глиной. При зачистке заполнения были обнаружены кости животных, отдельные кости скелета взрослого человека и фрагменты керамики. Других предметов погребального инвентаря не обнаружено [Умиткалиев и др., 2018, с.138–139].

Таким образом, в двух из трех погребениях кургана № 58 было обнаружено 140 астрагалов. Несмотря на то, что захоронения оказались ограбленными, полученные материалы позволяют высказать ряд предположений о содержащемся в них сопроводительном инвентаре.

Из многочисленных научных публикаций известно, что, начиная с эпохи неолита, астрагалы животных являются наиболее часто встречаемыми артефактами как в погребальных, так и на поселенческих комплексах. Важное значение для интерпретаций культурологического характера имеет их фиксация в детских захоронениях. Именно детские погребения с астрагалами позволяют большинству исследователей практически единодушно рассматривать развлекательно-познавательную функцию в качестве основной [Ковалева, 1990; Сотникова, 2014]. Особо стоит отметить оригинальную гипотезу Л. С. Клейна, увидевшим в игровой и культовой деятельности более глубокое значение, а именно свидетельство формирования математического мышления у населения эпохи бронзы [Клейн, с 50-51].

В погребениях кургана № 58 астрагалы обнаружены в захоронениях взрослых. По мнению авторов раскопок могильника Кырыкунгир, они применялись не только в известных у тюркских народов и, в частности, у казахов детских играх в асыки, но и использовались в культовой практике, в частности при гадании. Нельзя исключить, что астрагалы в погребениях 1 и 2 могли играть роль сакральных предметов, которыми сопровождали умерших [Умиткалиев, Тлеугабулов, с. 38–39]. Также стоит отметить, что, по представлениям казахов, асык был одним из символов правителя, осуществлявшего правосудие.

Безусловно, что между часто встречаемыми находками астрагалов в погребениях эпохи бронзы и этнографическим периодом лежит огромный хронологический разрыв. Это делает весьма сомнительным прямую экстраполяцию сведений, относящихся к XIX в. Метод ретроспекции позволяет уменьшить хронологический разрыв как минимум до монгольского времени, для которого у нас есть косвенные свидетельства использования астрагалов в детских играх. И даже в этом случае все предположения по-прежнему остаются на уровне гипотез. Однако среди них наиболее перспективной является разработка тех гипотез, которые учитывают неразрывную связь игровой и магической функции.

Научные руководители:

О. А. Митько, канд. ист. наук

*У. У. Умиткалиев, канд. ист. наук, доцент
заведующий кафедрой археологии
и этнологии*

*Евразийский национальный университет
им. Л. Н. Гумилева*

Список литературы

Клейн Л. С. Происхождение нуля, или Древнейшая эволюция игры в кости между Дунаем и Индом // Стратум: структуры и катастрофы. – СПб.: Нестор, 1997. – С.47–66

Ковалева И. Ф. Срубные погребения с наборами альчиков // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1990. – С. 59–71

Сотникова С. В. Детские погребения с наборами альчиков и роль игры в обществах степного населения эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. –2014. – № 2 (25). – С. 26–34

Ткачева Н. А., Ткачев А. А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. – Новосибирск: Наука, 2008. – 253 с.

Умиткалиев У. У., Айтбаев А. Б., Абдигали Н. А., Педрацкий М. Комплексный памятник Кырыкунгир в горах Чингистау. – Астана: Изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2018. – 200 с.

Умиткалиев У. У., Айтбаев А. Б., Исаков К. А., Педрацкий М. Погребальные сооружения эпохи бронзы в могильнике Кырыкунгир // Бронзовый век Казахстана: исследования и новые открытия: Изд-во ЕНУ им. Л. Н. Гумилева. 2018. – Вып. 1. – С. 137–160

Умиткалиев У. У., Тлеугабулов Д. Т. Асыки и их роль в мировоззрении кочевников // Народы и религии Евразии. Раздел религиозный фактор в истории древних и средневековых народов Евразии. – 2017. – №1. – Вып. № 10–11. – С. 37–44

Mass Findings of Astragals in the Burials of the Bronze Age (on the Materials of Dispositions on the Complex of Archaeological Monuments Kyrykungir)

A. A. Kydermenova

This article is devoted to the analysis of the mass findings of astragalus in the burials of the Bronze Age in the Kyrykungir complex. The complex is located in the East of the Republic of Kazakhstan. The article provides an interpretation of the finds in three stone boxes found under the mound of barrow № 58. They found 140 sheep astragalus. In our opinion, the most promising is the hypothesis, which takes into account the connection of astragalus with the game and magic functions.

Keywords: Eastern Kazakhstan, bronze age, kurgan, fence, astragalus, ram, magic, game.

Кыдерменова Алу Акановна

магистрант 1-го курса

кафедра «Археология и этнология»

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева

e-mail: kydermenova@bk.ru

Kydermenova Alua Akanovna

1st year Master's student

Department of Archaeology and Ethnology

Eurasian national university named after L. N. Gumilev

e-mail: kydermenova@bk.ru

Комплекс вооружений одиновской культуры (По материалам памятников Барабинской лесостепи)

А. А. Ларочкин

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

Как известно, самые передовые и новейшие технологии используются человеком для изготовления оружия. Соответственно, его качество зачастую отражает уровень развития общества в целом.

Предметом нашего исследования послужило вооружение, найденное на ряде могильников одиновской культуры Центральной Барабы: Сопка-2/4А, Абрамово-11, Преображенка-6, и Тартас-1. Культура выделена в 2008 г. В. И. Молодиным и датируется им в пределах первой половины III тыс. до н.э. Нами было проанализировано 189 погребений. Классификация предметов вооружения и их типология подробно расписана в соответствующей литературе [Молодин, 2012].

Статистический анализ показал: предметы вооружения обнаружены в 24 погребениях из 189, что составило 12,7%. В этих могилах были зафиксированы 45 скелетов, при 26-ти из них были найдены предметы вооружения. Анализ по половозрастному признаку позволяет сделать вывод, что из 26 скелетов 10 (38,5%) мужские, 4 скелета (15,3%) – женские, 1 (3,8%) – детский; у оставшихся 11 погребенных пол определить не удалось.

Количественные показатели распределяются следующим образом. Каменные наконечники стрел представлены десятью экземплярами, и их помещение в погребения не были характерными для одиновцев, но качество отделки характеризует их активное применение [Молодин, 2012, с. 144].

Костяные наконечники представлены крупной серией из 95 экземпляров. Встречаются в разном количестве – от единичных экземпляров до целого скопления. Это может свидетельствовать о нахождении в могиле колчана, который не сохранился до настоящего времени. Фрагменты предполагаемого берестяного колчана частично сохранились в погребении № 184 (Сопка-2/4А). Куски плохо сохранившейся бересты располагались в ногах умершего рядом с компактной кучкой костяных наконечников стрел в количестве 21 экземпляра, лежащих острием на юго-запад. К сожалению, нет возможности реконструировать колчан, но мы можем лишь доказать факт его присутствия в погребениях.

Остальной инвентарь представлен единичными экземплярами, но это ничуть не умаляет его значения.

В одиновское время, скорее всего, население постепенно начинает переходить к более и мощному луку. На это указывают костяные накладки, т. н. «спицы» [Молодин, 2012, с. 143], зафиксированные на памятнике Сопка-2/4А в погребениях № 176, 178, 192. На некоторых спицах отсутствуют дополнительные отверстия или углубления. Возможно, что данные изделия могли служить накладками на тело лука [Молодин, 2012, рис. 206].

Единственным каменным оружием ближнего боя, выполненным из мрамора, является булава (Сопка-2/4А, погр. №178). Отмечено, что булава найдена рядом с женским скелетом. Помимо оружия, данный предмет мог выполнять и сакральную функцию [Молодин, 2012, с. 153]. Такую особенность подобного вооружения подчеркивает М. В. Горелик [Горелик, 2003, с. 50–53].

Значительной серией представлены изделия из бронзы: кинжал [Молодин, 2012], наконечники копий сейминско-турбинского типа, и бронзовые кельты [Молодин, 2013].

Бронзовый кинжал размерами 13,2×2,8 см (Сопка-2/4А погр. № 518) был найден в нижнем ярусе могилы возле левой берцовой кости мужчины пожилого возраста. Кельты и копия найдены на памятниках Преображенка-6 и Тартас-1.

На памятнике Преображенка-6 в погребении № 24 был обнаружен наконечник втульчатого копья, находящийся у южной стенки могилы. Длина копья – 38,5 см, ширина втулки – 4,6 см [Молодин, 2013, с. 313].

Остальные три предмета были найдены в распаханной части могильника и не имеют привязки к определенным погребениям. К ним относятся бронзовый втульчатый наконечник, длина – 12 см, ширина втулки – 3,4 см, два бронзовых кельта небольших пропорций, неорнаментированные. Высота кельтов – 7 и 6,7 см, ширина насада – 4 и 4,8 см, ширина лезвия – 4,3 и 4,9 см соответственно [Там же, с. 314–316].

Еще один кельт был найден в погребении № 487 на памятнике Тартас-1 [Молодин, 2013, с. 317]. Кельт был расположен с правой сторо-

ны от умершего. Изделие не орнаментировано, его размеры: высота – 6,4 см, ширина лезвия – 5 см, ширина насада – 3,2 см [Молодин, 2013, с. 318–320].

Трасологические исследования копий и кельтов сейминско-турбинского типа показывают, что кельты предназначались для рубящих ударов. Копья, в силу своей конструктивной особенности (лезвие, заточенное сзади) могли применяться как для прямых колющих ударов, так и для парирования атак, а также для нанесения рубящих ударов. По мнению П. М. Кожина, изготовление и использование однотипных сейминско-турбинских копий могло свидетельствовать о шереножном типе построения войск [Кожин, 1989].

Нахождение предметов сейминско-турбинского типа в погребальных комплексах одиновской культуры является наиболее ранним по хронологии проявлением сейминско-турбинских традиций на территории Западной Сибири в эпоху ранней бронзы. Важно отметить, что одиновская культура датируется первой половиной III-го тыс. до н. э.

В единственном экземпляре найден фрагмент защитного вооружения (Сопка-2/4А погр. № 583). Предмет представляет часть доспеха чешуйчатого типа – роговую пластину с отверстиями для крепления к одежде [Молодин, 2012, с. 154]. Зафиксирована в детском погребении (ребенок 6–7 лет). С позиций семантики данный факт возможно объяснить сакральными представлениями: когда предмет вооружения мог принадлежать его родственникам и позже перейти к нему самому. Поскольку чешуйчатый доспех – изделие в плане изготовления достаточно сложное, то помещение его целиком в могилу может считаться нецелесообразным,

поэтому в могиле находилась только малая часть.

На основании изложенного материала можно сделать следующие выводы. В одиновских памятниках выделяется группа погребений с обычным и специфическим вооружением (булава, бронзовые копья и кельты), которые могли указывать на высокий социальный статус умершего. Такое «престижное» оружие присутствует в мужских, женских, и детских погребениях. Все это указывает на значительную социальную дифференциацию общества. Видимо, в одиновском обществе формируются социальные группы (в виде кланов или линджей), все члены которых, вне зависимости от пола и возраста, связаны с военным делом. Принадлежность к этой военной прослойке передавалась по наследству, с момента рождения.

*Научный руководитель – И. А. Дураков
канд. ист. наук, доцент
Кафедра теории, истории культуры
и музеологии
Новосибирский государственный
педагогический университет*

Список литературы

Горелик М. В. Оружие Древнего Востока. – СПб.: Атлант, 2003. – 336 с.

Кожин П. М. Сибирская фаланга эпохи бронзы // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993. – С. 16–41

Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3. – 220 с.

Молодин В. И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры (Барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию академика А. П. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 309–325

Armament Complex of the Odino Culture (on the Materials of Archaeological Sites in the Baraba Forest-Steppe)

A. A. Larochkin

The article provides an analysis of burials with armament of the Odino culture of the Bronze Age. Weapons and armor elements made of various materials, such as bone, horn, stone, and bronze. The analysis showed the following data: weapons contains in male female and child graves, which leads to the conclusion that both men and women could have weapons in equal measure. From the point of view of semantics, weapons can perform not only the war function, but also the sacral function, as well as the function of power. Probably, the deceased with armament could have a high social status.

Key words: Odino culture, archaeology of the Siberia, the Bronze Age, weapon, armament.

Ларочкин Артем Александрович

студент 3-го курса

Новосибирский государственный педагогический университет

e-mail: koshara-mac-dak@yandex.ru

Larochkin Artem Aleksandrovich

3rd year student

Novosibirsk State Pedagogical University

e-mail: koshara-mac-dak@yandex.ru

Керамический комплекс поселения Каменный Лог I (Предварительное сообщение)

В. М. Лурье

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Долгое время в изучении эпохи поздней бронзы Минусинских котловин основным предметом споров был вопрос о соотношении «классических» и «атипичных» памятников, различающихся керамикой и некоторыми особенностями погребального обряда. Дискуссия, развернувшаяся в 1960–80-е гг., так и не привела к формированию единой точки зрения и способствовала появлению нескольких терминов для обозначения одного и того же явления. К обсуждению проблемы вернулись только в начале 2000-х гг., когда И. П. Лазаретовым и А. В. Поляковым была разработана периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири [Лазаретов, Поляков, 2008].

В работах М. П. Грязнова и его сторонников «атипичная» группа памятников получила название каменноложской по раскопкам поселения Каменный Лог I, произведенным Красноярской экспедицией в 1961–63 гг. Несмотря на то, что эти раскопки долгое время оставались наиболее полными исследованиями поселений эпохи поздней бронзы Минусинских котловин, материалы Каменного Лога I так и не были опубликованы.

Особенный интерес представляет анализ керамического комплекса этого поселения, который, по мнению М. П. Грязнова, являлся эталонным для поздней группы памятников [Грязнов, 1965, с. 66], и соотнесение его с этапами, предложенными И. П. Лазаретовым и А. В. Поляковым [Лазаретов, Поляков, 2008].

На поселении Каменный Лог I было зафиксировано три полуземлянки, две из которых состояли из двух помещений, соединенных между собой коридорами. Всего было обнаружено около полутора тысяч фрагментов сосудов, большинство из которых представляли собой неорнаментированные обломки стенок. Для постоянного хранения в Государственном Эрмитаже было отобрано около 300 фрагментов венчиков и орнаментированных стенок более чем от 200 сосудов (ОАВЕС ГЭ, колл. 2399.47-53; 2400.11-14, 30-33, 71-80). Почти весь керамический материал был обнаружен в котлованах жилищ, причем большинство находок локализовались в нижнем слое ближе к стенкам, что может свидетельствовать о своеобразной «уборке» помещений, при которой весь «мусор» перемещался ближе к стенкам, а центральная часть оставалась свободной для хозяйственной или жилой зоны.

На поселении не было обнаружено целых сосудов или их развалов. Вероятно, оно было по-

кинуто без спешки, и вся посуда, которую еще можно было использовать, была унесена. Такая же ситуация зафиксирована на поселении Торгажак [Лазаретов, 1996, с. 32].

По орнаментации, форме венчика, оформлению перехода между шейкой и туловом керамику поселения Каменный Лог I можно разделить на три условные группы. Первую группу образуют сосуды, орнаментированные несколькими линиями на шейке, с отогнутым неорнаментированным венчиком; вторую – с утолщенным прямым венчиком, орнаментированные рядом ямок в верхней части; третью – с орнаментированными венчиками и валиками в области шейки. Сосуды из первой группы относятся к классической линии развития II этапа эпохи поздней бронзы Южной Сибири (по Лазаретову, Полякову), из второй – к атипичной линии развития II этапа, из третьей – к III этапу.

Керамика различных хронологических этапов достаточно хорошо распределяется по жилищам. Большинство фрагментов, обнаруженных в полуземлянках 1 и 2, относятся к III хронологическому этапу, в полуземлянке 3 – ко II. Во 2 и 3 жилищах также присутствует небольшая примесь материалов из более раннего и более позднего этапов соответственно (рис. 1). При этом никаких различий в стратиграфическом положении разновременной керамики проследить не удается.

В жилище 2 в различных квадратах было обнаружено около 10 фрагментов от разных сосудов, которые можно отнести ко II этапу эпохи поздней бронзы. Более ранняя керамика могла попасть в заполнение полуземлянки из нижних слоев поселения при рытье котлована или хозяйственных ям.

Обломков сосудов, относящихся к III этапу, в полуземлянке 3 также было обнаружено около десяти. Семь из них относились к развалам двух сосудов, найденных в соседних квадратах. Керамика следующего хронологического этапа могла попасть в заполнение жилища в результате каких-то нарушений почвенного слоя, например, из-за деятельности грызунов. Также котлован полуземлянки мог быть не до конца задернован, когда на поселение пришли люди, пользовавшиеся другой керамикой.

Вероятно, жилище 3 использовалось в более ранний период, чем жилища 1 и 2. Однако сколько времени прошло между окончанием функционирования одного и постройкой других, на данном этапе исследования определить не удастся.

Различия между жилищами 1, 2 и 3 прослеживаются не только в керамическом комплексе, но и в некоторых конструктивных особенностях. Полуземлянка 3, в отличие от всех остальных, состояла из одной камеры, и в ней не было зафиксировано выхода, оформленного в виде коридора, пол которого понижался от древней дневной поверхности до уровня котлована.

Конструкции жилищ, подобные зафиксированным в Каменном Логе I, пока что не встречались ни на одном другом поселении эпохи поздней бронзы Минусинских котловин, поэтому на данном этапе исследования нет никаких доказательств тому, что вышеперечисленные различия полуземлянок 1, 2 и 3, как и их отличие от конструкций жилищ других поселений, связаны с их бытованием в различное время.

К сожалению, в отчетах Красноярской экспедиции не содержится общего плана поселения или какой-либо информации о взаиморасположении жилищ, поэтому проанализировать их с помощью метода горизонтальной стратиграфии невозможно.

Керамика II и III этапов из коллекции Каменного Лога I обнаруживает широкий круг аналогий среди материалов могильников Южной Сибири [Лазаретов, Поляков, 2008, с. 34, 37–46].

На данный момент сложно говорить об аналогиях керамическому комплексу Каменного Лога I среди коллекций из других памятников того же типа, так как поселения эпохи поздней бронзы Минусинских котловин изучены очень слабо: раскопки проводились всего лишь на пяти из них.

Опубликованы были материалы только поселения Торгажак [Савинов, 1996]. Керамика, обнаруженная на этом памятнике, относится ко II этапу эпохи поздней бронзы [Лазаретов, Поляков, 2008, с. 41] и сопоставляется, в первую очередь, с материалами из жилища 3 Каменного Лога I. При этом на обоих поселениях в котлованах одних и тех же жилищ встречались фрагменты сосудов и классической, и атипичной групп II этапа.

Итак, фрагменты сосудов из жилищ 1, 2 и 3 поселения Каменный Лог I относятся к различным

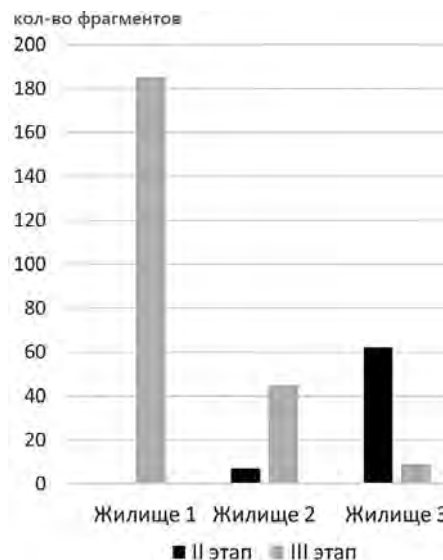

Рис. 1. Распределение керамики II и III этапов эпохи поздней бронзы Южной Сибири (по Лазаретову, Полякову) в жилищах поселения Каменный Лог I

хронологическим этапам, что свидетельствует о том, что эти постройки использовались не одновременно. Следовательно, материалы различных жилищ необходимо рассматривать отдельно, а не в рамках единого синхронного комплекса. Также это позволяет пересмотреть оценки данного поселения и поставить вопрос о правомерности его использования в качестве эпонима для обозначения более поздней группы памятников эпохи поздней бронзы Среднего Енисея.

Список литературы

- Грязнов М. П. Работы Красноярской экспедиции // КСИА. – Москва: Изд-во Наука, 1965. – Вып. 100. – С. 62–72
- Лазаретов И. П. Керамика поселения Торгажак // Древние поселения Хакасии. Торгажак. – СПб: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. – Гл. IV. – С. 33–37
- Лазаретов И. П., Поляков А. В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. – Барнаул: Изд-во Концепт, 2008. – С. 33–54
- Савинов Д. Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. – СПб: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. – 105 с.

Ceramic Complex of the Settlement Kamenny Log I

(Preliminary report)

V. M. Lure

In this article I have tried to analyze ceramic complexes in dwellings of the settlement of Kamenny Log I, the key site in the late Bronze Age at Minusinsk Hollow, and on the basis of this analysis to reconsider the meaning of Kamenny Log I for the interpretation of the later group of sites. Partly my paper's goal is proper publishing of some materials connected with the site, because results of studying at Kamenny Log I are staying mostly unpublished.

Key words: Late Bronze Age settlements, Minusinsk Hollow, ceramic complex.

Лурье Вера Михайловна

научный сотрудник
Институт истории материальной культуры
Российской Академии наук
e-mail: verqa@list.ru

Lure Vera

scientific researcher
Institute for the History of Material Culture
Russian Academy of Sciences
e-mail: verqa@list.ru

Памятник Первый Оленевод-7: планиграфия, стратиграфия, культурная принадлежность

В. Р. Масленникова

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

Археологические исследования в Приморье фиксируют большое количество древних памятников вблизи морского побережья. Популярность прибрежных ландшафтов в древности определяется богатством и разнообразием ресурсов этой зоны. Побережье Лазовского района активно заселялось людьми на протяжении длительного времени – с эпохи каменного века до этнографической современности.

Примером многократного заселения людьми одних и те же комфортных для проживания и ведения хозяйственной деятельности прибрежных мест может служить памятник Первый Оленевод-7, выявленный весной 2018 г. экспедицией музея археологии и этнографии УНМ ДВФУ под руководством А. Н. Попова.

Памятник находится в Лазовском районе Приморского края, в северной части бухты Петрова, и занимает оконечность узкого мысовидного выступа слабонаклонной террасы южного склона прибрежной сопки.

Выступ имеет высоту около 15 метров и заканчивается крутым склоном в 130 метрах от современного уреза воды. Поверхность выступа покрыта широколиственным лесом и густым травянисто-кустарниковым подлеском. Площадь памятника составляет 245 м². В ходе археологических работ летом 2018 г. на краю выступа был заложен раскоп площадью 18 м².

В процессе раскопок получена коллекция (625 предметов), состоящая из 40 каменных изделий и 585 фрагментов керамики. Также были изучены остатки двух сооружений, относящихся к разным периодам заселения.

Сводная стратиграфия раскопа:

1. Темно-коричневый гумусированный суглинок(дерн) – 3–12 см;
2. Коричневый суглинок с мелким щебнем (культурный слой) – 7–21 см;
3. Рыхлый коричневый суглинок (слой, распространённый за пределами жилища бронзового века, представляющий собой околжилищное пространство) – 10–15 см;
4. Темно-коричневый суглинок с мелким щебнем(заполнение котлованов жилищ) – 10–35 см;
5. Темно-коричневый суглинок – 5–18 см;
6. Материк – светло-коричневый суглинок с щебнем.

На памятнике было выделено 3 культурно-хронологических этапа заселения. Основ-

ным материалом для их анализа стала керамика, имеющая яркие культурные признаки, – прежде всего, венчики и орнаментированные фрагменты стенок сосудов.

Первый культурно-хронологический этап представлен на памятнике эпохой Средневековья – культурой мохэ (VII–X вв.) Два фрагмента керамики были обнаружены в верхней части культуросодержащих отложений на стыке дернового слоя и подстилающего его слоя коричневого суглинка.

Подобная керамика была найдена в ходе разведок в 2001 г. на памятнике Первый Оленевод-4 [Слепцов, 2002]. Для нее характерно наличие налипного валика, расположенного под слабо отогнутой кромкой венчика. На одном из фрагментов присутствовали два реставрационных отверстия.

Второй культурно-хронологический этап относится к эпохе раннего железного века. В процессе разборки первого пласта в восточной части раскопа был зафиксирован слабоуглубленный в грунт котлован жилища подквадратной формы, не имеющий четких границ. В его пределах концентрировались небольшие скопления керамики янковской археологической культуры (2,8–1,9 тыс. л. н.) [Бродянский, Артемьева, 2009]. При разборке второго пласта она была встречена единичными фрагментами в верхних его уровнях. Данная керамика занимает преобладающее место среди всего найденного материала. Венчики имеют резкую Г-образную либо слабо отогнутую наружу форму. Присутствуют 3 фрагмента стенок, орнаментированные налипными валиками. Основные черты комплекса находят аналогии в эталонных коллекциях янковской культуры (Малая Подушечка, поселение на п-ве Песчаном) [Янковская культура, 1986].

Наиболее ранний культурно-хронологический этап относится к бронзовому веку. В процессе разборки 2 пласта в северо-западном углу раскопа был зафиксирован край котлована жилища, уходящий в стенки раскопа. Котлован имеет покатое плечо и глубину 20–30 см. На плече были зафиксированы 5 мелких ямок глубиной 8–4 см, и диаметром 6–5 см. На удалении ок. 1 метра к юго-востоку от котлована была расположена хозяйственная яма, имеющая диаметр 35 см и глубину 18 см. В заполнении котлована и хозяйственной ямы встречается ке-

рамика маргаритовской культуры (3600–3300 л. н.) [Бродянский, Артемьева, 2009].

Среди керамических фрагментов, обнаруженных на Первом Оленеведе-7, всего 7 имеют черты маргаритовской культуры. Среди них присутствуют венчики, оформленные наlepным валиком-карнизом, орнаментированным по верхней грани (4 фр.) Один из венчиков имел короткие насечки в нижней части валика-карниза. Также в коллекции присутствуют обломок сосуда черного цвета, орнаментированный рядом наклонных коротких прочерков, и фрагмент оранжевого цвета, орнаментированный двумя параллельными наклонными рядами наколов.

В конце XX в. на востоке Приморского края частично были раскопаны памятники, которые имели «смешанные» комплексы, сочетающие черты зайсановские и маргаритовские. Это Глазковка-2, Глазковка-3, Заря-3, Преображение-1 (Лазовский р-н), Водораздельная (Дальнегорский р-н), Ясная поляна-3 (Анучинский р-н). Основные компоненты материалов этих памятников связаны с маргаритовской культурой. Зайсановские признаки проявляются в декоре стенок сосудов прочерченными элементами и оформлении нижней части венчиков короткими насечками [Гарковик, 2011]. Такие признаки присутствуют и в керамике Первого Оленеведа-7.

Среди каменных изделий, обнаруженных на памятнике, необходимо выделить шлифованную каменную «шашечку» из светло-серого камня. Такие каменные изделия также характер-

ны для маргаритовской археологической культуры раннего бронзового века [Андреева, 1987].

Таким образом, исследования на памятнике Первый Оленевод-7 дали интересный материал для изучения культурно-хронологической последовательности заселения побережья бухты Петрова в эпоху ранней бронзы – Средневековья. Продолжение работ на памятнике дает возможность более подробного исследования данного вопроса.

*Научный руководитель – А. Н. Попов
кан. ист. наук, доцент
Департамент истории и археологии
Школа искусств и гуманитарных наук
Дальневосточный федеральный университет*

Список литературы

- Андреева Ж. В., Студзицкая С. В. Бронзовый век Дальнего Востока // Эпоха бронзы лесной полосы СССР.- М.: Наука, 1987. С. 351–363
- Бродянский Д. Л., Артемьева Н. Г. Археология Приморья–Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2009. – 280 с.
- Гарковик А. В. Некоторые итоги исследования памятника Евстафий-4 // Россия и АТР. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН 2011. С. 32–47
- Никитин Е. Ю. Отчет об археологических исследованиях на территории объектов хозяйственного освоения в Приморском крае. Владивосток, 2018 – 250 с.
- Слепцов И. Ю. Отчет об археологической разведке в Лазовском районе Приморского края в 2001 году, Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2002. – 88 с.
- Янковская культура / Ж. В. Андреева, И. С. Жушиховская, Н. А. Кононенко. – М.: Наука, 1986. – 215 с.

Archaeological Site Pervy Olenevod-7: Stratigraphy, Planigraphy, Cultural Background

V. R. Maslennikova

The article presents the results of archeological research on the site Pervy olenevod-7. The site has signs of multiple settlement and includes materials from the bronze-middle age.

Keywords: Archaeological site, Primorsky kray, bronze-middle age

Масленникова Валерия Романовна

студентка 2-го курса
Дальневосточный федеральный университет
e-mail: Valera.maslennikova99@mail.ru

Maslennikova Valeria Romanovna

2nd year student
Far-Eastern Federal University
e-mail: Valera.maslennikova99@mail.ru

УДК 902 (571.55)

Поселения эпохи бронзы бассейна реки Чикой

С. В. Маслодудо

Забайкальский государственный университет, Чита

Обитатели таежной зоны Чикоя эпохи палеометалла селились на речных террасах крупных и малых рек. Культурные слои бронзового века обнаружены на таких поселениях, как Алтан, Нижняя Еловка, Усть-Менза-1-10, Студеное-1-2, Солонцовое, Усть-Буркал,

Косая Шивера. Эти слои связаны с отложениями суббореала (ранняя бронза, 3,8–2,8 тыс. л. н.) и субатлантики (поздняя бронза, 2,8–2,2 тыс. л. н.) [Константинов М. В., Семина Л. В., 1980]. Поделки из чистой меди в забайкальских условиях не сохраняются, но

зафиксировано пятно зелёного цвета, сохранившее следы окиси меди (Усть-Менза-2). На Алтане выявлены куски окислившейся медной руды и шлака. Бронза представлена единичными изделиями в виде обломков однолезвийных ножей, а также полушарной пуговицей (Студёное-1). Кусочки бронзы и абразивные камни со следами заточки металлических инструментов выявлены на Студёном-1,2, Усть-Мензе-2, Нижней Еловке. На этих же поселениях обнаружено большое количество крупных каменных орудий, которые использовались при добыче и дроблении руды (чоперы, топоры, молоты, песты, отбойники). Вместе с тем продолжали использоваться традиционные, неолитические по облику, орудия, в том числе микропластинки, снимаемые с микронуклеусов разных форм (подпризматические, призматические, торцово-клиновидные, торцовые, конические). Некоторые микронуклеусы переоформлены в дрели миниатюрных размеров. Продолжали использоваться вкладышевые ножи с наборными микропластинчатыми лезвиями. Из микропластинок изготавливались такие орудия, как угловые резцы и проколки. Большое количество мелких скребков и долотовидных орудий оформлены на отщепах. Присутствуют наконечники стрел, выполненные в бифасиальной или даурской техниках. Вероятно, что в качестве ретушёров и отжимников при обработке камня использовались стержни из металла. К металлу относились бережно и экономно. Такие породы, как яшма и халцедон, также старались использовать максимально полно.

Поселения бронзы богаты керамическими изделиями, но они фрагментированы настолько, что не поддаются реконструкции. По фрагментам можно сделать вывод, что они принадлежат тонкостенным сосудам, изготовленным техникой выколачивания с использованием колотушки, обмотанной нитями. Формы сосудов простые, с открытым верхом, прямыми венчиками и округлым дном. Сосуды украшались штамповым орнаментом, чаще всего образующим желобчатые ряды. Некоторая часть сосудов окрашивалась красной охрой. Незначительная часть фрагментов из слоёв поздней бронзы принадлежит толстостенным сосудам с плоским дном и утолщенным венчиком с рассечённым горизонтальным валиком. Выявлены обломки от плоских глиняных плиток овальной формы [Семина Л. В. 1983; Базарова Л. Д., Семина Л. В., 1987; Константинов М. В., Константинов А. В., Екимова Л. В., Разгильдеева И. И., 2003].

На поселениях выявлены хозяйственные комплексы в виде очагов, кострищ, хозяй-

ственных ям. На поселении Нижняя Еловка слой насыщен кусками щебня, в том числе касситерита. Большинство камней обожжены. Скорее всего территория Нижней Еловки использовалась для переработки и добычи оловянной руды. Добыча руды по р. Еловка велась и в XX веке.

На некоторых поселениях обнаружены погребения с плохо сохранившимися останками людей (Усть-Менза-2, 3, 5). Погребальный инвентарь представлен единичными каменными орудиями. В Кристинкиной пещере в погребальном инвентаре выделяются бронзовые наконечники стрел треугольной формы [Константинов М. В., Екимова Л. В., Верещагин С. Б., 2016].

Население таежной зоны бассейна р. Чикой в эпоху бронзы сохранило охотничий уклад, добывая изюбря, лося, косулю, медведя и других животных. Важную роль в хозяйстве играло рыболовство и собирательство. Вместе с тем в эпоху поздней бронзы появляются домашние животные, такие как овцы, козы, свиньи. О контактах со степным населением свидетельствуют находки триподов в слое поздней бронзы на Усть-Мензе-1. [Константинов М. В., Екимова Л. В., Верещагин С. Б., 2016; Цыбиктаров А. Д., 2006, 2009].

*Научный руководитель – М. В. Константинов
д-р ист. наук, профессор
Кафедра отечественной истории
Забайкальский государственный университет*

Список литературы

- Базарова Л. Д., Семина Л. В. Алтан – многослойный памятник позднего антропогена Забайкалья // Природные орудия и древний человек в позднем антропогене. Улан-Удэ: БНЦ СО АН ССР, 1987. – С. 167–179
- Константинов М. В., Екимова Л. В., Верещагин С. Б. Таёжный Чикой на рубеже камня и бронзы /отв. ред. В. Я. Шумкин. Чита: ЗабГУ, 2016. – 247 с.
- Константинов М. В., Семина Л. В. Таёжные племена на восточной окраине скифо-сибирского мира // Скифо-сибирская культурно-историческое единство: материалы I Всесоюзной археологической конф. – Кемерово, 1980. – С. 96–104
- Константинов М. В., Константинов А. В., Екимова Л. В., Разгильдеева И. И. Студёное // Человек, среда, время: материалы науч. семинаров полевого лагеря «Студёное». – Чита: ЗабГПУ, 2003. С. 8–20
- Семина Л. В. Кристинкина пещера – памятник раннего металла Южного Забайкалья // По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск, 1983. С. 61–70
- Цыбиктаров А. Д. Хэнтэйская культура эпохи раннего металла севера Центральной Азии // Социогенез в Северной Азии: материалы конф. (г. Иркутск, 29 марта – 1 апреля 2009 г.). – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. – 241 с.
- Цыбиктаров А. Д. Центральная Азия на заре бронзового века (конец III – первая половина II тыс. до н. э.). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2006. 236 с.

Settlements of the Bronze Age of the Chikoi River Basin

S. V. Maslodudo

Chikoi archaeological expedition Transbaikal State University identified a number of archaeological objects of the Bronze Age, including settlements, caves, burials. The results show that in the taiga zone r. Chikoi continues to inhabit the former Neolithic population.

Keywords: Ust-Menza, Studenoe, Altan, Lower Elovka, Christinkina Cave, multi-layered settlement, South-Western Transbaikalia, Bronze Age, stone tools, economic complex, burial

Маслодудо Сергей Викторович

аспирант

Забайкальский государственный университет

e-mail: grinhcVC@yandex.ru

Maslodudo Sergey Victorovich

Post-graduate

Transbaikal State university

e-mail: grinhcVC@yandex.ru

УДК 902

Изображения шаманов на писаницах Якутии

А. И. Михайлова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск

На данный момент писаницы на территории Якутии хоть и достаточно хорошо изучены, но слабо освещены в некоторых аспектах. По данной теме мало работ, и пока нет четкой классификации писаниц Якутии: обычно их не классифицируют по их содержанию, по технике или стилю выполнения. Существует лишь их деление по географическим признакам, то есть по рекам, где они расположены. Исходя из этого, предложенная классификация писаниц, содержащих в себе изображения шаманов, позволит систематизировать наскальные рисунки Якутии и поможет в их дальнейшем исследовании.

Признаки, по которым мы выделяли изображения шаманов, – это наличие культовых предметов шамана, таких как бубен, головной убор, а также характерная одежда. Но бубен появляется чуть позже, в эпоху бронзы, и поэтому головной убор был главным определяющим признаком в построении классификации. Головной убор шамана – это символ его силы и вооруженности [Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А., 2005, с. 340]. Без него шаманы не камлали, так как с ним можно увидеть то, что другие – смертные не могут видеть [Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А., 2005, с. 340]. Также антропоморфные фигуры шаманов иногда бывают и с дополнениями в виде привесок, жгутов на костюме и с некоторыми характерными для них атрибутами, которые мы сейчас можем увидеть в любых костюмах шаманов.

Для построения классификации мы изучили ряд писаниц, где присутствуют антропоморфные фигуры, которые по ряду признаков (выступы на голове, рогатые головные уборы, ритуальная одежда, бубен, колотушка) были отнесены к шаманским изображениям; а также

были выделены композиции и сцены с шаманами. Так были рассмотрены следующие писаницы: Суруктаах Хая на р. Марха, Маган-Чай (Мархачан), Бадараннаах, Мохсоглоох Хая, в 4 км выше Еланки на р. Лена, Суруктаах Хая, Баасынай I, Токко, писаница Средняя Нюкжа в долине реки Олёкма. Упомянутые выше писаницы датируются концом эпохи неолита и бронзовым веком. В позднем неолите появляются изображения масок-личин. Датированными элементами этого периода стали: валенкообразные ноги у животных и людей, рожки у антропоморфных фигур, антропоморфные фигуры с ромбическими туловищами, выполненные в контурной технике [Окладников, Мазин, 1976, с. 93–101].

Уже в эпоху бронзы в основу сюжета входит изображение человеческой фигуры. Вместе с тем характерна и стилизация фигур, наличие в писаницах фантастических изображений, а также рисунков, выполненных в тагарском зверином стиле [Кочмар, 1992, с. 165].

Петроглифы эпохи раннего железного века полностью отличаются от предыдущего периода. Сохраняется традиция изображения трехпалых и фаллических антропоморфных фигур с характерными для шаманов принадлежностями. Изображение различных животных достигает совершенной стилизации, отмечается появление зооморфных фигур, сцен охоты, оленеводства, шаманских культовых обрядов и т. д. [Кочмар, 1992, с. 165]. То есть с каждой новой эпохой появляется новое в наскальных рисунках, улучшается техника выражения и меняется сюжет.

Учитывая характерные особенности каждого рисунка, изображения шаманов на писаницах

Изображения шаманов на писаницах Якутии

Типы изображений	Петроглифы		
I тип	 Рис. 1	 Рис. 2	 Рис. 3
II тип	 Рис. 4	 Рис. 5	 Рис. 6
III тип	 Рис. 7	 Рис. 8	 Рис. 9
IV тип	 Рис. 10	 Рис. 11	
V тип	 Рис. 12		

Якутии были распределены по группам. Такими особенностями выступают предметы шаманской атрибутики, изменение которых происходит в зависимости от археологической культуры, тем самым позволяя нам проследить эволюцию наскального искусства Якутии.

Тип I. Антропоморфные изображения, выполненные геометрическими линиями (поздний неолит): писаница Бадараннах, Суруктаах-Хая, писаница Мархачан, писаница Бадараннах, писаница Тойон-Ары, писаница Часовня (Табл. 1, рис. 1, 2, 3).

Тип II. Антропоморфные изображения в рогатых головных уборах (поздний неолит): писаница Ниже Тинной, писаница Ат-Дабан, фрагмент писаницы Ат-Дабан, писаница Ат-Дабан, писаница Баасынай, писаница устья р. Крестях, писаница Часовня (Табл. 1, рис. 4, 5, 6).

Тип III. Антропоморфные изображения с бубном и треугольным туловищем (эпоха бронзы) – к ним относятся писаницы на реке Мая, писаницы Суруктаах-Хая, а также писаница Мархачан, писаница Дабан, антропоморфная фигура писаницы Нюкжа, писаница Токко, писаница Ключ Горелый (I), писаница Арби, писаница Еланка (Табл. 1, рис. 7, 8, 9).

Тип IV. Антропоморфные изображения в шаманских одеяниях (ранний железный век): писаница Токко, 3-я группа рисунков Среднеюкжинской писаницы, фрагменты писаницы Мохсоголлох – Хая, писаница Юрдюк – Хая, фрагмент писаницы Еланка, писаница Еланки (Табл. 1, рис. 10, 11).

Тип V. Изображение шаманов, опускающихся в потусторонний мир (поздний неолит, бронза) – фрагмент писаницы Суруктаах-Хая. (Табл. 1, рис. 12).

Параллели с сопредельными с Якутией территориями можно увидеть в некоторых сходствах в стиле изображения, в сюжете и в интерпретации тех или иных образов с петроглифами Забайкалья, Прибайкалья и Приамурья. Ярким примером могут выступать антропоморфные изображения, выполненные в рентгеновском стиле, которые, кроме Якутии, известны также на таких памятниках, как Сакачи-Алян на Нижнем Амуре, гора Укыр в Кудинских степях, Большая Када и Манзя на Ангаре, бухта Ая на побережье озера Байкал, Томская писаница на Томи, Ирбитский писаный камень на Среднем Урале и т. д. [Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А., 2005,

с. 427]. Также для изображений шаманов на территории Якутии характерно наличие рогатых головных уборов. Аналогичные изображения встречаются на территории Бурятии, Саяно-Алтая, Амура, Тувы и т. д. Бубен – основной определяющий атрибут шамана. Наскальных изображений шаманов с бубнами на территории Якутии довольно много, как и на остальных сибирских писаницах, где они также появляются сравнительно поздно, как и в Якутии. В качестве орудия культового действия, как отмечают многие исследователи, до появления бубна служили лук и стрелы, – примеры этого мы можем наблюдать у энцев, а также у северных алтайцев [Таубэ, 1994, с. 281; Потанин, 1883, с. 775].

Список литературы

Основным принципом, которым мы руководствовались в ходе выделения изображений шаманов, в первую очередь была их определенная роль в разных сценах: сразу можно сказать, что одна из фигур отличается от остальных. А также определяющим может быть наличие у антропоморфных фигур предметов атрибутики шаманов (бубен с колотушкой, лук и стрелы, одежда с бахромой и т. д.).

Сравнив писаницы Якутии с памятниками наскального искусства сопредельных районов, таких как Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье, можно сказать, что по стилю рисунков якутские писаницы не имеют сильных отличий. Но вместе с тем у наскальных рисунков Якутии есть свои характерные особенности.

*Научный руководитель – К. А. Пестерева
старший преподаватель
Исторический факультет
Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова*

Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Мифы в камне. Мир наскального искусства России. – М.: Алетей, 2005. – 320–427 с.

Кочмар Н. Н. Стиль и датировка писаниц Якутии. Археологические исследования в Якутии. – Новосибирск 1992. С. 165

Кочмар Н. Н. Писаницы Якутии. – Новосибирск, 1994

Кочмар Н. Н. // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. – Новосибирск, 1999. С. 110.

Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писаницы. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959

Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Часть I. – Л.: Издательство «Наука», 1969. – С. 51–56, 70–75, 105–217

Окладников А. П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 70–74, 117–129

Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы бассейна реки Алдан. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 9–64;

Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья. – Новосибирск.: Наука, 1976 – С. 93–101

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 г. по поручению Русского Географического общества. – СПб, Вып. IV; Материалы этнографические, 1883 – С. 775.

Таубе Э. Сказки и предания алтайских тувинцев 1994, – М., 1994. – С. 281

Images of Shamans on the Writings of Yakutia

A. I. Mikhailova

The article is devoted to the scribbling, including anthropomorphic figures, which are interpreted as images of shamans. At the moment, the letters on the territory of Yakutia, although studied quite well, but poorly covered in some aspects. There are few works on this topic and so far there is no clear classification of Yakutia's writings; they are usually not classified according to their content, technique or style.

Keywords: shamans, tambourine, the classification of writings, radiographical style, plot.

Михайлова Александра Ильинична

студентка 2-го курса

Северо-Восточный федеральный университет

им. М. К. Аммосова

e-mail: Champion99.ru@gmail.com

Mikhailova Alexandra Ilinichna

2nd year student

North-Eastern Federal University

named after M.K. Ammosov

e-mail: Champion99.ru@gmail.com

УДК 902 (571.150)

Сравнительный анализ материалов могильников андроновской культуры Верхнего Алея

И. А. Савко

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул

Погребальные комплексы Верхнего Алея, в силу своего пограничного географического положения между степной и лесостепной частью Обь-Иртышского междуречья и Горным Алтаем, представляют большой интерес для изучения процессов этнокультурного взаимодействия в эпоху развитой бронзы.

Наличие большого количества раскопанных погребений на локально ограниченной территории позволяет сопоставить материалы наиболее крупных и географически близких

некрополей Чекановский Лог-2 (далее ЧЛ-2, 28 могил) и Чекановский Лог-10 (ЧЛ-10, 79 могил) с использованием статистико-математических методов. Могильники находятся на правом берегу реки Алей в зоне Гилевского водохранилища в Третьяковском районе Алтайского края [Демин, Ситников, 2007, с. 4]. За время работ 1999–2011 гг., проводимых под руководством д. и. н. М. А. Демина и к. и. н. С. М. Ситникова, было выявлено более 200 андроновских погребений.

Статистический анализ материалов предполагает ряд этапов:

1. Отбор памятников и формирование набора признаков.

Ученые выделяют разные признаки для описания элементов погребального комплекса. В нашем случае сравнение велось по трем категориям (158 признаков), которые включают погребальный обряд (планиграфия, внутримогильные и надмогильные сооружения, характеристики могильной ямы и погребенных), предметы из металла, камня и кости и керамику (количество и форма сосудов, техника орнамента, элементы и мотивы орнамента, композиции).

2. Ввод в компьютер и кодирование переменных данных.

В программе Microsoft Excel была сформирована база данных всех погребений, которая организована в табличной форме, где строки – это найденные объекты, а столбцы – признаки. Наличие признака в погребении отмечается как «1», отсутствие – как «0».

3. Анализ частоты встречаемости признаков, результаты которого сведены в таблицу (табл. 1).

4. Культурно-историческая интерпретация.

Современное понимание сложения федоровской культуры на территории Алтая связано с идеей о двух волнах миграции. Первая волна соотносится с нижней границей культуры и связана со сменой местного раннебронзового елунинского населения пришлым – андроновским. Она определяется XV–XIV вв. до н. э. (Кирюшин Ю. Ф., Шамшин А. Б.) или XVII–XVI вв. (Н. А. и А. А. Ткачевы) [Илюшин, Борисов, 2013, с. 182]. На этом этапе носители федоровской культуры имели много общих черт с раннебронзовым населением. Вторая волна отличается от первой отсутствием в погребальном обряде элементов, характерных для местных доандроновских культур (уменьшение «чужеродных» технических элементов, преобладание мелкозубчатой гребенки, высокое процентное содержание треугольников и меандров, господство полисюжета в композиции).

Для некрополя Чекановский Лог-2 характерен ряд признаков, присущих ранним памятникам андроновской культуры.

1. Отсутствие деревянных сооружений в могилах.

Деревянные конструкции являются традиционным явлением для большинства памятников федоровской культуры, за исключением ряда андроновских могил лесостепной Барабы и Кузнецкой котловины, которые не имеют внутримогильных сооружений [Бобров, 2014, с. 271; Илюшин, Борисов, 2013, с. 183].

2. Ориентация ям по линии северо-запад – юго-восток, что характерно для памятников Восточного (Маринка, Зевакино, Березовский) и Центрального и Северного Казахстана [Ткачева, Ткачев, 2008, с. 239; Кузьмина, 2008, с. 163]. Например, ориентировка головой на восток в сопровождении слабопрофилированного сосуда встречена на некрополе Маринка и памятниках канайского типа Верхнего Прииртышья. Восточная ориентировка умерших может считаться ранней для территории как Верхнего Прииртышья, так и Верхнего Приобья, и находит определенные параллели с елунинской культурой ранней бронзы [Кирюшин, 2002, с. 72].

3. Наличие каменного наконечника при широком распространении металла.

4. Сходство с раннебронзовой керамикой (наличие слабопрофилированных сосудов горшечно-баночных форм). Аналогичные сосуды характерны для раннебронзовых памятников Усть-Буконьского типа, а также для керамики канайского типа Восточного Казахстана [Мерц, 2017, с. 174–175]. Преобладание крупно-гребенчатого и гладкого штампа (Чудиновка-1), а также простых моносюжетных композиций (Маринка, Рублево VIII).

В отличие от могильника ЧЛ-2 материалы памятника ЧЛ-10 имеют ряд поздних признаков:

1. Наличие могил с деревянными внутримогильными конструкциями.

2. Обряд кремации, который ряд ученых интерпретирует как более поздний признак [Илюшин, Борисов, 2013, с. 184]. Однако результаты раскопок могильника Старый Сад в Центральной Барабе не подтверждают этот тезис [Андроновский (федоровский), 2016, с. 83].

3. Преобладание в керамике мелкозубчатой гребенки, насечек, высокого процента геометризмов (треугольники и меандры), господство классического полисюжета в орнаменте [Илюшин, Борисов, 2013, с. 182–184].

В целом в погребальном обряде могильника отсутствуют элементы, характерные для местного доандроновского населения. По нашему мнению, ЧЛ-10 в своем орнаментальном составе в большей степени тяготеет к классическим памятникам андроновской культуры и в этом отношении может соотноситься со второй волной миграции населения федоровской культуры (Дегтяревка, Танай, Васьково).

Возможно, на определенном этапе население, соорудившие памятники ЧЛ-2 и ЧЛ-10, жило одновременно, о чем свидетельствует ряд наблюдений.

1. Использование камня в погребальных комплексах, что для степной и лесостепной зоны является исключением и больше характерно для предгорных областей [Кирюшин, Папин, Федорук, 2015, с. 33–34].

Таблица 1.

Сравнительная характеристика могильников Чекановский Лог2 и Чекановский Лог-10

Чекановский Лог – 2	Чекановский Лог – 10
I. Погребальный обряд	
Планиграфия	
Общее: произвольно расположенные погребения (ЧЛ-2 -39% и ЧЛ-10- 43%, далее по образцу)	
Особенное: цепочка погребений (57% и 8%)	Особенное: обособленная планиграфическая группа (0% и 49%)
Внутри могильные и надмогильные сооружения	
Общее: редкое использование камня	
Особенное: каменная обкладка (11% и 0%)	Особенное: каменный ящик (0 и %1), деревянная рама (0% и 6%)
Характеристика могильной ямы	
Общее: нет	
Особенное: прямоугольная форма ямы (84% и 59%), направление ямы по оси СЗ-ЮВ (44% и 4%), средних размеров до 220-150 см (68% и 16%), глубина от 110 см (54% и 31%)	Особенное: овальная форма ямы (16% и 41%), направление ямы по оси СВ-ЮЗ, маленький размер ямы до 120x80 см (36% и 66%), размеры ямы в ширину и длину более 220 см (4% и 23%), глубина до 110 см (46% и 69%)
Характеристика погребенных	
Общее: обряд ингумации (82% и 91%), большинство погребённых лежит на левом боку в скорченном положении (64% и 74%), преобладании детских (61% и 74%) над взрослыми (32% и 26%)	
Особенное: расположение головы на запад (50% и 9%), расположение костяка не в анатомическом порядке (61% и 35%); преобладание женщин (29% и 8%)	Особенное: наличие обряда кремации, расположение головы на юго-запад (4% и 70%), преобладание мужчин (4% и 12%).
Ритуальные действия	
Общее: уголь в заполнении ямы (71% и 43%)	
Особенное: постпогребальное проникновение (86% и 19%)	Особенное: нет
II. Металлический и каменный инвентарь	
Общее: бусы бронзовые, цилиндрической формы, серьга бронзовая, кольцевидная, подвески бронзовые, в полтора оборота	
Особенное: бляшки бронзовые, выпукло-вогнутые округлой формы, бляшки бронзовые, выпукло-вогнутые, квадратной формы, каменный наконечник стрелы	Особенное: альчик, обоймочки биметаллические с загнутым концами, пронизки пастовые, пронизки свернутые из золотой фольги, серьга с раструбом, цельнолитая
III. Керамика	
Количество и форма сосудов	
Общее: наличие одного сосуда (94% и 83%), приостренная форма венчика (23% и 28%)	
Особенное: отсутствие банок и горшков, преобладание горшечно-баночная форма сосудов (59% и 11%), округлая форма венчика (62% и 31%)	Особенное: два сосуда (6% и 14%), практически равное количество банок и горшков, уплощенный срез венчика (15% и 50%)
Техника орнаментации и орнаментир	
Общее: техника штампования (93% и 72%), орнаментир гладкого штампа (33% и 48%); палочки или лопатки (27% и 32%)	
Особенное: техника накалывания (27% и 4%), орнаментир крупно-гребенчатый штамп (40% и 8%)	Особенное: техника протаскивания (13% и 64%), техника качалки (0% и 18%), орнаментир мелкий гребенчатый штамп (13% и 38%)
Элементы орнамента	
Общее: насечки и «штрихполосы» (33% и 22%)	
Особенное: горизонтальный и вертикальный зигзаг (54% и 31%)	Особенное: меандр (0% и 36%), треугольник (0% и 50%), каннелюры (17% и 62%)
Композиции	
Общее: моносюжетные (100% и 64%)	
Особенное: только моносюжетные	Особенное: полисюжетные и моносюжетные

2. Наличие в планиграфии сепаратных детских участков.

3. Сходство погребального обряда (см. табл. 1).

4. Общие черты в орнаменте.

Проведенный сравнительный анализ археологических материалов позволяет предположительно связывать могильник Чекановский Лог-2 с первой миграционной волной андроновцев в Верхнее Приобье (XV–XIV вв. до н. э.). Могильник Чекановский Лог-10 можно отнести ко второй андроновской миграционной волне и датировать более поздним временем. Наличие общих черт может свидетельствовать о том, что население, соорудившее эти два некрополя, определенное время проживало совместно.

*Научный руководитель: М. А. Демин
д-р ист. наук, профессор
Кафедра отечественной истории
Алтайский государственный педагогический университет*

Список литературы

Бобров В. В. Особенности андроновского погребального обряда в восточных районах ареала культуры // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е. Е. Кузьминой. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – С. 268–278

Демин М. А., Ситников С. М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Ч.1. – Барнаул: БГПУ, 2007. – 274 с.

Илюшин А. М., Борисов В. А. Курганы развитой бронзы в долине реки Ур: – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2013. – 303 с.

Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Федоруж О. А. Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов). – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. – 108 с.

Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 294 с.

Кузьмина Е. Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности: монография. – Актобе: Принта, 2008. – 358 с.

Мерц И. В. Культура населения Восточного Казахстана в эпоху ранней бронзы: дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2017. – 345 с.

Молодин В. И., Мильникова Л. Н., Селин Д. В., Нескоров А. В. Андроновский (федоровский) комплекс на памятнике Старый Сад (Барабинская лесостепь) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2016. – Т. 15. – №3. – С. 63–86

Ткачева Н. А., Ткачев А. А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. – Новосибирск: Наука, 2008. – 304 с.

Comparative Analysis of Materials of the Burial Grounds of the Andronovo Culture of the Upper Aley

I. A. Savko

The article publishes a comparative analysis of two burial grounds of the Bronze Age of the Upper Alley. According to the results of the study, similarities and differences of monuments were identified, based on which the Chekanovsky Log-2 was previously classified as chronologically earlier than the necropolis Chekanovsky Log-10. The work presents analogies with other burial grounds of East Kazakhstan.

Keywords: Andronovo culture, Fedorov monuments, statistical analysis, comparison, relative chronology.

Савко Илья Андреевич

студент 4-го курса

Алтайский государственный педагогический университет

e-mail: savko.ilia2016@yandex.ru

Savko Ilya Andreevich

4th year student

Altai State Pedagogical University

e-mail: savko.ilia2016@yandex.ru

УДК 902

Территория и планировочные структуры поселений поздней бронзы Сарыарки

К. С. Сапарова

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана (Казахстан)

Эпоха поздней бронзы, на территории Казахстана датируемая XII–VIII вв. до н.э., – одна из ключевых эпох в истории человечества. Она вобрала в себя все достижения предшествующего цивилизационного развития. В культурах данного периода ярко проявляются изменения общественных отношений в виде складывания родоплеменных подразделений и сложных социальных структур. Это отразилось в строительном деле и архитектуре – изменилась планировочная структура поселений, размеры и конструкции жилищ.

Интересующий нас регион Сарыарка, расположенный в центре казахских степей, – особый сакральный локус, культурный ландшафт которого сформирован тысячелетней деятельностью предшествующих поколений. На севере рассматриваемый регион граничит с Западно-Сибирской равниной, на востоке – с долиной Иртыша, на юге ограничивается пустыней Бетпак-Дала, на западе отроги мелко-сопочника упираются в Тургайскую ложбину. Рельеф региона представлен аккумулятивными и денудационными равнинами островны-

ми низкогорьями и мелкосопочными возвышенностями [Вилесов, Науменко, Аубекеров, 2009, с. 119–121].

На территории Сарыарки поздняя бронза представлена бегазы-дандыбаевской археологической культурой (АК), выделенной и обоснованной А. Х. Маргуланом в 1979 году. [Маргулан, 1979, с. 45]. Бегазы-дандыбаевская АК известна своими монументальными погребальными сооружениями, однако наряду с ними известны и поселения данного периода, в основном связанные с металлургическими разработками.

По словам Г. Р. Уилли, основателя особого направления в археологической науке – «археология поселений»: «Поселения с входящими в них жилищами являются в равной мере насущными для всех без исключения членов общества, и в них наиболее непосредственно отражаются происходящие в культуре данного этноса процессы». Именно поэтому поселения считаются чрезвычайно информативными источниками [Willey, 1956, с. 4].

На территории Центрального Казахстана в настоящее время известно около 42 поселений, в слоях которых обнаружены фрагменты керамики с «валиком», распространенной в эпоху поздней бронзы на территории Казахстана и Алтая. Исследование поселенческих комплексов данного региона началось в 1946 году и связано с деятельностью Центрально-Казахстанской археологической экспедиции (ЦКАЭ), экспедициями Карагандинского государственного университета им. Е. А. Букетова (в разные годы под руководством В. В. Евдокимова, В. В. Варфоломеева, С. У. Жауымбаева), а также Сарыаркинской экспедицией Института археологии им. А. Х. Маргулана [Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 42].

Свои поселения жители, обитавшие на территории Сарыарки в эпоху поздней бронзы, возводили как на местах поселков, оставленных их предшественниками в андроновскую эпоху, так и осваивали новые места. В связи с этим поселенческие комплексы эпохи поздней бронзы этого региона представлены однослойными и многослойными памятниками: Атасу I, Мыржык, Бугулы I, Алат, Талдысай, Суук-Булак, Копа I, Упаис, Кент, Тагибай-булак, Шортанды-Булак и др. [Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 41–43].

Комплексы поселений обычно располагались на первых надпойменных террасах степных рек, у излучин, рядом с пойменными участками. По площади занимаемой территории поселения делятся на несколько групп:

1 группу представляют малые поселения площадью до 5000 кв. м с 2–9 жилищами (Тагибай-Булак, Икпень I, Усть-Кенетай);

2 – посёлки средних размеров, где на площади в 6000–20000 кв. м фиксируются остатки 10–30 сооружений (Атасу I (S – 15000 м²), Суук-Булак, Домалактас (S – 7000 м²), Донгал (S – 6500 м²), Упаис);

3 – поселения, насчитывающие более 40 построек площадью от 30000 до 300000 кв. м (Кент, Мыржык (S – 40000 м²), Шортанды-Булак, Бугулы I (S – 70000 м²)). По мнению исследователей, данные поселения-протогорода и положили начало степной цивилизации [Маргулан, 1979, с. 248–255; Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 42; Бейсенов, Ермолаева, 2016, с. 76–78; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 27; Варфоломеев, 1991, с. 9–10; Варфоломеев, 2003, с. 91–95].

Что касается планировочных структур, выделяются селища с линейным расположением, вытянутые вдоль берега, с улицей между постройками (Икпень I, Копа I, Усть-Кенетай, Каркаралы II), поселения, скученные со сплошной застройкой (Упаис, Кент, Донгал, Атасу I, Мыржык) и поселения круговой планировки, со свободной внутренней площадкой (Шортанды-Булак).

Межжилищное пространство в поселениях использовалось преимущественно в хозяйственных целях. Здесь располагались загоны для скота, хозяйственные ямы и мастерские, предназначенные для обработки металла. На двух поселениях – Бугулы I и Шортанды-Булак – обнаружены остатки святилищ [Маргулан, 1979, с. 250].

В хозяйственно-жилых комплексах преобладают постройки прямоугольной формы (за исключением Атасу I), углубленные в материк на 0,3–0,5 м. Стены котлованов жилищ укреплялись каменной кладкой или облицовывались вертикально врытыми плитами (Атасу I, Домалактас). Преобладают жилища без каменных конструкций (Шортанды-Булак, Суук-Булак и др.). Размеры жилищ варьируют от 36 до 300 м². Часто жилища состояли из нескольких камер и хозяйственных пристроек, соединявшихся коридорами.

На основе материала указанных выше поселений можно сделать вывод о том, что расположение поселений, в зависимости от географических условий и наличия в близлежащем пространстве строительного материала, способствовало существованию в рамках одной культуры позднего бронзового века региона построек разных конструкций. В конструкции жилищ с каменными стенами преобладают сооружения наземного типа, в то время как жители горной зоны Центрального Казахстана продолжали строить помещения в виде землянок и полуземлянок. Форма жилищ не изменялась, но использовался иной

строительный материал – лес. В них сохранились следы от стенных столбов, составлявших деревянную основу прямоугольного жилого сооружения.

*Научный руководитель – М. К. Хабдулина
канд. ист. наук, доцент
директор НИИ археологии им. К. А. Акишева*

Список литературы:

Willey G. R. Prehistoric settlement patterns in the New World // VFRP. N. Y., 1956. N 23. P. 4–8.

Бейсенов А. З., Ермолаева А. С. Атасуский микрорайон: новые исследования на поселении Мыржык. // Актуальные проблемы археологии Евразии. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию не-

зависимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана. – Алматы, 2016. – С. 75–83

Варфоломеев В. В. Кент и его округа (некоторые итоги палеоэкономического и социокультурного анализа памятников восточной Сары-Арки) // Степная цивилизация Восточной Евразии. – Т. 1. Древние эпохи. – Астана, 2003. – С. 88–108

Варфоломеев В. В. Сары-Арка в конце бронзовой эпохи: автореф. дис.... канд. ист. наук. – Алма-Ата: ИИАЭ АН КазССР, 1991. – 21 с.

Вилесов Е. Н., Науменко А. А., Аубекеров Б. Ж. Физическая география Казахстана: учебное пособие. – Алматы: Казак университеті, 2009. – 362 с.

Евдокимов В. В., Варфоломеев В. В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана: Учеб. пособие. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2002. – 138 с.

Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сарыарки (по материалам Северной Бетпакдалы). – Алматы: Наука, 1992. – 247 с.

Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1979. – 363 с.

Territory and Planning Structure of Settlements of the Late Bronze of Saryarka

K. S. Saparova

The article deals with the territorial location and settlement structure of settlements of the late bronze age of the Saryarka steppes. On the basis of the studied material shows the most common complexes of settlements (by area and location of dwellings).

Keywords: Late Bronze, settlements, Saryarka, dwelling

Сапарова Камеля Сериккызы

магистрант 1-го курса

Евразийский национальный университет

им. Л. Н. Гумилева, Астана (Казахстан)

e-mail: kml.96@mail.ru

Saparova Kamelya Serikkyzy

1st year undergraduate

Eurasian National University named after L. N. Gumilev

Astana (Kazakhstan)

e-mail: kml.96@mail.ru

УДК 903.07.31

Петроглифы на центральных участках Шалаболинской писаницы

Е. А. Сергиевич

Красноярский государственный педагогический университет, Красноярск

Шалаболинская писаница располагается на правом берегу Тубы, к юго-востоку от д. Ильинка и в 5 км к юго-западу от с. Шалаболино Курагинского района Красноярского края. О писанице было известно еще с первой половины XIX века. Первое ее исследование провел этнограф Н. А. Костров [Дроздов, Заика, 2005], который и дал ей сегодняшнее название. В дальнейшем рисунки изучали И. Т. Савенков [1886, 1910], А. В. Адрианов [1910]. Скальный массив с изображениями Шалаболинской писаницы имеет протяженность около 3 км. Рисунки расположены на различных высотах от 150 м до 1,5 км от уреза воды. Писаница разделена на 8 участков [Заика, 2010]. Наибольшая концентрация петроглифов наблюдается на центральном участке писаницы (участки 4, 5). В 2018 г. археологическим отрядом КГПУ им. В. П. Астафьева были проведены работы на Шалаболинской писанице с целью определения современного состояния петроглифов.

В ходе работ были обследованы как известные композиции, так и выявлены ранее не известные наскальные рисунки.

Участок 4 протяженностью около 150 м находится в 100 м к СВВ от участка 3, обособлен территориально. Рисунки выявлены на 77 плоскостях на высоте 3–6 м от уреза воды. Плоскости расположены довольно компактно, иногда многоступенчатыми ярусами скальных обнажений. Практически все ранее неизвестные плоскости выявлены фрагментарно под мощными отложениями наносного грунта и осыпями скальных пород на нижнем ярусе скалы. Много новых изображений таштыкской культуры, выполненных путем гравировки, обнаружено на уже известных фризах скалы. В известных композициях выявлено также много зооморфных фигур, контуры которых обозначены редкой неглубокой выбивкой.

На данном участке скалы находятся одни из самых показательных древних композиций,

практически полностью покрывающих фигурами широкие фризы скальных выходов. Частые случаи палимпсеста до сих пор вызывают жаркие дискуссии по поводу хронологии наскального искусства Среднего Енисея. В данном секторе присутствуют практически все известные сюжеты и стили петроглифов, охватывающие широкий временной интервал от эпохи неолита до этнографической современности.

Участок 4а находится между 4 и 5 участками и имеет протяженность около 16 метров. На нем располагаются 8 плоскостей с зооморфными изображениями, выполненными в технике выбивки. Часть из них обращена на восток (плоскости 2, 3, 4, 6, 7) и часть – на запад (плоскости 1, 5, 8). Заслуживают внимания изображения на плоскости 6. Она расположена в центре участка на высоте 5,6 м от уреза воды. На ней изображено несколько зооморфных фигур, которые обращены головой на восток. В левой части плоскости частично сохранилось изображение лося (его передняя часть). У него большая, повернутая вправо голова с рогами, длинная морда, массивная верхняя губа, очень хорошо видна подшейная «серьга», подчеркнут типичный массивный горб. Правее контурно выбито изображение другого лося (голова и шея показаны силуэтно). Четко видны: массивная верхняя губа, два уха, подшейная «серьга», характерный горб, изображение ног теряется в сколе скалы. Этот рисунок перекрывает два другие, менее определенные фигуры. Под мордой лося выбит круг, а перед ней – вертикальная черта. Судя по динамичной позе животного и реализму образа, лось, скорее всего, выполнен в ангарском стиле, характерном для неолитических петроглифов Сибири.

Участок 5 расположен между 4 и 6 участками и имеет протяженность около 125 м. Данный участок находится в 130 м к северо-востоку от участка 4, более насыщен изображениями, которые расположены на различных ярусах, приурочены к прижиму скалы. Плоскости верхнего яруса чрезвычайно труднодоступны (подходы к ним, по всей видимости, осыпались), находятся на высоте около 20 м от уреза воды, нижний ярус рисунков сильно поврежден воздействием воды и льда, перекрыт мощными осыпями и наносным грунтом, находится на высоте 1,5–2 м от уреза воды. Рисунки выполнены путём выбивки и гравировки. Представлены фигуры копытных животных, медведей, изображения лодок, антропоморфных фигур, знаковых символов. Присутствуют известные многофигурные композиции среднего яруса с участием динамичных, реалистичных фигур лосей, быков, медведей.

Обратим внимание на ряд наскальных композиций.

Плоскость 41 находится в 2,9 м от уреза воды. На ней расположены несколько изображений оленей, которые ориентированы в разные стороны. Там же изображены две человеческие фигурки. Одна показана в динамичной позе, человек держит в руке какой-то предмет, возможно лук. Другая фигура представлена в более статичной позе, правая ее рука лежит на поясе, а левая касается дуги, которая окружает фигуру.

Плоскость 43 располагается на высоте 4,5 м от уровня воды. На ней изображено несколько фронтальных человеческих фигурок, которые выполнены контурно путем гравировки.

Плоскость 46 находится на высоте 4,6 м от уреза воды. На ней изображено животное, которое можно трактовать как оленя (у животного показаны довольно массивные ветвистые рога, удлинённая шея и слегка вытянутая голова). Животное показано в позе внезапной остановки, характерной для скифо-сибирского звериного стиля в петроглифах и может быть датирована эпохой раннего железа (тагарская культура).

Подводя итоги, можно сказать, что центральные участки очень насыщены изображениями, особенно 5 участок – на нем мы видим изображения как на нижних, так и на верхних ярусах писаницы. Участок 4а – небольших размеров, но на его небольшой площади находится достаточное количество изображений. Данная информация носит предварительный характер, более полную характеристику можно дать петроглифам центрального участка после полной обработки полевых материалов исследований.

*Научный руководитель – А. Л. Заика
канд. ист. наук, доцент*

*Кафедра отечественной истории
Красноярский государственный педагогический
университет им. В. П. Астафьева.*

Список литературы

- Адрианов А. В.* Отчет по исследованию писаниц Минусинского края // Изв. РКСИВА, 1910. – № 10. – С. 41–50
- Дроздов Н. И., Заика А. Л.* История исследования Шалаболинской писаницы // Мир наскального искусства. Сб. док. междунаро. конф. / Под ред. Е. Дэвлет. – М.: ИА РАН, 2005. – С. 72–74
- Заика А. Л.* Приложение № 1 к Учетной карте (п. VI) объекта культурного наследия федерального значения, представляющего собой историко-культурную ценность «Шалаболинская писаница». 2010 г. // Архив Музея археологии и этнографии Средней Сибири КГПУ им. В. П. Астафьева. Оп. 0057. Д. 0026. – 261 л.
- Савенков И. Т.* К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Изв. ВСОРГО. – Т. 17. – № 3–4. – Иркутск, 1886. – С. 25–101
- Савенков И. Т.* О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове в 1908 г. – М., 1910. – 552 с.

Petroglyphs on the Central Areas of Shalabolinskaya Pisanitsa

E. A. Sergievich

The article is devoted to the research of the Central plots shalabolinskaya petroglyphs. Which are the most saturated images. Each field season is characterized by new discoveries. In the summer of 2018, work was performed on Shalabolinskaya the petroglyphs to determine the current state of the petroglyphs. Previously unknown images were also identified. This information is preliminary; a more complete description can be given to the petroglyphs of the Central section after the full processing of field research materials.

Keywords: Shalabolinskaya Pisanitsa, petroglyphs, engraving, embossing, zoomorphic images.

Сергиевич Екатерина Александровна

студентка 3-го курса

Красноярский государственный педагогический

университет им. В. П. Астафьева

sergievich98katya@gmail.com

Sergievich Ekaterina Alecsandrovnna

3rd year student

Krasnoyarsk State Pedagogical University

named after V. P. Astafiev

sergievich98katya@gmail.com

УДК 903.02(571.53)

Керамическая коллекция третьего культуросодержащего горизонта многослойного местонахождения Усть-Ёдарма II (Северное Приангарье)

А. Д. Торохова

Иркутский государственный университет, Иркутск

Многослойное местонахождение Усть-Ёдарма II расположено на территории Усть-Илимского административного района Иркутской области, на границе с Красноярским краем, на правом приустьевом участке р. Ёдармы при ее впадении в р. Ангару, в 88 км ниже по течению от бьефа плотины Усть-Илимской ГЭС.

Объект, впоследствии получивший наименование Усть-Ёдарма II, был открыт в 1972 г. Богучанским отрядом Комплексной археологической экспедиции ИГУ. Для уточнения сведений о стратиграфии, топографии местности и характере археологического материала были проведены рекогносцировочные работы в 1998, 2007 и 2008 гг. В период с 2009 по 2012 гг. на территории местонахождения были проведены спасательные работы в связи с предстоящим затоплением ложа Богучанской ГЭС.

Общая вскрытая площадь на объекте составила 5078 м². Насчитывается 12 уровней археологического материала – от позднего плейстоцена до времени этнографической современности, – вмещенных в делювиальные отложения субаэрального генезиса. Зафиксированы изделия из камня, кости и металла, фрагменты керамических сосудов, костные остатки млекопитающих [Липнина, Лохов, Когай, 2011; Липнина, Лохов, 2012].

Целью данного исследования является введение в научный оборот керамических материалов, приуроченных к 3 культуросодержащему горизонту (КГ) в гумусированной супеси суббореального периода голоцена.

Третий КГ представлен 6250 единицами находок, из них 3879 фрагментов керамических сосудов, 1542 единицы каменного производства, 828 фрагментов фаунистических остатков и один экземпляр бронзового изделия.

Керамическая коллекция по мотивам орнаментации и технике нанесения декора, а также по особенностям технологии изготовления делится на 14 классификационных групп.

Группа 1 представлена 1798 фрагментами от 10 гладкостенных тонко- и толстостенных сосудов открытой и закрытой формы. Венчики овальной, прямой и грибовидной формы, внешний край рассечён вдавлениями различной формы и оттисками гладкого прямоугольного штампа. По внешнему борту одного из венчиков оформлено округлое коническое отверстие диаметром 0,3 см. На внутреннем борте другого венчика сохранилось ямочное вдавление диаметром 0,5 см. Толщина фрагментов варьируется от 0,3 до 1,1 см.

В группе 2 насчитывается 1430 фрагментов от 61 толсто- и тонкостенных керамических сосудов с разнообразными по форме и размеру налепными валиками. Венчики овальной и прямой формы, валики рассечены преимущественно овальными вдавлениями. Имеются следы «примазки» к поверхности некоторых валиков. Толщина фрагментов варьируется от 0,5 до 0,9 см.

К группе 3 отнесено 347 фрагментов от 45 толсто- и тонкостенных сосудов с оттисками разнообразного по форме и размеру зубча-

то-гребенчатого штампа (3–8 зубьев). Венчики овальной и простой формы. В ряде случаев штампование производилось с протяжкой. Четыре фрагмента принадлежат сосуду «усть-бельского» вида. Толщина фрагментов варьируется от 0,25 до 0,9 см.

Группа 4 представлена 14 фрагментами от 4 сосудов с оттисками гладкого штампа овальной и прямоугольной формы. Один венчик внешне симметричной формы, овальный в сечении, внешний край рассечен подквадратными вдавлениями, нанесенными палочкой с неровным кончиком.

Тремя фрагментами сосудов с оттисками разнообразного по форме и размеру личиночного штампа представлена 5 группа. Венчик внешне симметричной формы, овальный в сечении, под ним оформлен ряд оттисков овальных вдавлений. Толщина 0,3–0,4 см.

В группе 6 насчитывается 72 фрагмента от двух сосудов с оттисками разнообразных по форме и размеру лопаточек с прямоугольным ровным, вогнутым, треугольным, округлым рабочим краем. Венчики преимущественно овальной формы. На некоторых фрагментах имеются «жемчужины» диаметром 0,3–0,4 см. Толщина 0,3–0,9 см.

Группа 7 представлена 87 фрагментами от 8 сосудов с оттисками «сетки-плетёнки», часть из которых имеют следы затёртости. Венчики прямой грибовидной формы. Толщина фрагментов варьируется от 0,4 до 0,7 см.

К группе 8 относятся 11 фрагментов керамических сосудов с оттисками «шнура». Часть фрагментов орнаментированы рядами оттисков подтреугольных и овальных вдавлений. Толщина от 0,4 до 0,9 см.

Группа 9 представлена 34 фрагментами от 4 емкостей со следами выбивания внешней поверхности сосудов краем лопаточки – рубчатая лопаточка. Венчики простой и овальной формы. Наблюдается утолщение стенок сосуда при переходе от венчика к тулову.

Фрагмент от керамического сосуда с несколькими параллельными рядами «жемчужин» относится к 10 группе.

В группе 11 присутствуют 9 фрагментов от керамического сосуда «усть-бельского» типа. Венчик приостренной формы, внутренний и внешний скосы оформлены наклонным гребенчатым штампом. По внешнему борту венчик и тулово сосуда орнаментированы рядами наклонного личиночного штампа. Поверх первого ряда оформлен поясок округлых ямочных вдавлений, образующих на внутренней поверхности сосуда «жемчужины». На одном фрагменте тулова внутри вдавления просверлено коническое отверстие.

Группа 12 представлена 4 фрагментами от

керамического сосуда «посольского» типа. Венчик овальной, внешне симметричной формы со сквозными отверстиями, нанесенными с верхней поверхности под углом и выходящими из внутреннего борта. Внешний край венчика выступает карнизом. Внешний борт орнаментирован параллельными прочерченными линиями.

Группа 13 представлена 7 фрагментами ножек/ушек от керамических сосудов. Два целых прямоугольной формы со сквозными отверстиями и 4 фрагмента от овальных. Имеются округлые сквозные отверстия диаметром 0,5–0,7 см. Крепились к сосуду они предположительно смолой.

К группе 14 относятся 3 фрагмента дна сосуда, два из которых – плоские.

К сожалению, невозможно с полной уверенностью определить микростратиграфию толщи отложений, содержащих материальные остатки 3 КГ, т. к. по содержанию археологического материала горизонт является компрессионным, т. е. содержит в себе фрагменты керамики неолитического времени, бронзового и раннего железного веков. Исходя из имеющихся данных, ряд исследователей приходят к выводу, что в период бронзового века сохраняются основные приемы расщепления и орудийный набор, характерные для неолитической эпохи, что затрудняет выделение чистых комплексов на основе технико-типологических характеристик инвентаря [Стоянка Пашина ..., 2016, с. 103], но появляются новые способы обработки поверхностей сосудов и орнаментации.

В процессе обработки и анализа керамической коллекции были выделены группы на основании орнаментации и технико-технологических приемов обработки поверхности сосудов. Почти все выделенные группы керамики нашли соответствие в керамических комплексах, выделенных для археологических объектов палеометалла как Северного Приангарья, так и Байкальской Сибири в целом.

Научные руководители:

Е. А. Липнина

канд. ист. наук, доцент

Иркутский государственный университет

Д. Н. Лохов

научный сотрудник

НИЦ «Байкальский регион»

Иркутский государственный университет

Список литературы

Липнина Е. А., Лохов Д. Н., Козай С. А. Результаты спасательных работ на объектах археологического наследия Усть-Ёдарма II и Древняя Ёдарма в зоне затопления Богучанской ГЭС (2011 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2011. – Т. 17. – С. 420–423

Липнина Е. А., Лохов Д. Н. Спасательные работы на объектах археологического наследия Усть-Ёдарма II и Древняя Ёдарма в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2012. – Т. 18. – С. 448–452

Стоянка Пашина в Северном Приангарье / А. Е. Гришин, Ж. В. Марченко, Ю. Н. Гаркуша, Д. А. Гурулев, С. В. Шнайдер, Н. А. Кулик, С. А. Васильев, Е. А. Кербс. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – 168 с. – (Тр. Богучанской археологической экспедиции; т. 2)

The Ceramic Collection of the Layer 3 of the Multilayered Site Ust-Yodarma 2 (Northern Angara Region)

A.D. Torokhova

This article presents the results of the research of the layer 3 of the multilayered site Ust-Yodarma 2. The salvage excavations were occurred in the period from 2009 to 2012. The ceramic collection is composed of 3879 ceramic fragments. This ceramic collection is divided into 14 groups according to applying decor technique and ornamentation. It correlates with the archaeological materials of a number of objects in the Northern Angara region and Baikal Siberia.

Keywords: Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age, multi-layered site, Ust-Yodarma II site, third layer, ceramic.

Торохова Анна Дмитриевна
студентка 2-го курса
Иркутский государственный университет
e-mail: monocystal7@mail.ru

Torokhova Anna Dmitrievna
2nd year student
Irkutsk State University
e-mail: monocystal7@mail.ru

УДК 902

История открытия и изучения андроновских памятников на территории Ачинско-Мариинской лесостепи

Е. В. Трусова

Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Кемерово

Ачинско-Мариинская лесостепь расположена между двумя культурными центрами эпохи бронзы: верхнеобским и среднеенисейским. С археологической точки зрения – это контактная зона степных и таежных культур. В период развитой бронзы на территории Ачинско-Мариинской лесостепи появляются новые памятники, связанные с миграционной волной андроновского населения на восток через так называемый «степной коридор» вплоть до Среднего Енисея [Бобров, 1989, с. 12].

Первые археологические исследования памятников андроновской культуры начинаются в 1914 г. На р. Серж (левый приток р. Чулым) близ д. Андронovo А. Я. Тугариновым было раскопано 4 андроновских могилы. Позднее на основании данных материалов могильника С. А. Теплоуховым была выделена андроновская культура [Теплоухов, 1927]. В 1926–1929 гг. разведочные работы в Шарыповском районе проводил Г. П. Сосновский. Им были открыты и исследованы андроновские могилы около улуса Ораки [Красниенко, Субботин, 1999, с. 29]. В западном районе Ачинско-Мариинской лесостепи были исследованы андроновские погребения в составе насыпи курганов скифской эпохи. В 1956–1959 гг. А. И. Мартыновым были исследованы разновременные могильники Большепичугино I на р. Урюп и Михайлов-

ка на р. Кии. В могильнике Большепичугино I были исследованы андроновские погребения в нескольких курганах. На территории Михайловского курганного могильника была найдена одна могила андроновского времени; фрагменты керамической посуды были зафиксированы в насыпи курганов и засыпке тюрокских могил [Мартынов, 1964, с. 235–238]. На юге Красноярского края в зоне строительства Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (КАТЭК) В. В. Бобровым был исследован могильник Кадат IX. Памятник находился на южной оконечности правого коренного борта р. Кадат, в 2 км к С-З от деревни Кадат. Всего на памятнике было исследовано 5 андроновских могил [Бобров, Михайлов, 1989, с. 41]. Э. Б. Вадецкой и С. Б. Гультовым был открыт и исследован разновременный могильник Ашпыл с погребениями андроновской культуры. В юго-западной части могильника исследовано более 13 андроновских погребений [Вадецкая, 1983, с. 49]. С 1979 г. проводились исследования Косогольского комплекса под руководством А. И. Мартынова. На территории поселения Косоголь I было обнаружено 16 могил андроновской культуры [Красниенко, Субботин, 2013, с. 55]. На поселении Инголь, располагавшемся на цокольной террасе юго-западного берега оз. Инголь, кемеровскими архе-

ологами в 1980–1981 гг. были исследованы два андроновских погребения. Позднее С. Б. Гультовым было найдено еще одно погребение, без инвентаря, также отнесенное к андроновской эпохе [Бобров, Попов, 1981, с. 166; Красниенко, Субботин, 1999, с. 65]. Могильник Косоголь III исследовался В. В. Иванчуком в 1987–1993 гг. Памятник располагался в южной части Назаровской котловины на территории Ужурского района Красноярского края в 1,5 км к Ю-В от деревни Косоголь. Всего было изучено 35 андроновских погребений [Михайлов, Иванчук, 2002, с. 100]. На курганном могильнике Кошколь I, располагавшемся в 3 км от к ЮВ от деревни Шушь, в 1987–1988 гг. было раскопано три андроновских цисты [Красниенко, Субботин, 1999, с. 99].

Поселений с материалами андроновской культуры найдено больше, чем погребальных памятников. Археологические исследования в 1957 г. проводил отряд под руководством Н. Л. Членовой. В ходе работ было раскопано андроновское поселение Обьюл. Поселение располагалось в 3,7 км к ЮЮВ от с. Ивановка и занимало оконечность мыса на краю второй надпойменной террасы правого берега р. Обьюл. Всего было исследовано 704 кв. м. площади памятника. В слое с андроновскими материалами помимо керамики были зафиксированы кости животных [Членова, 1957, с. 96]. Поселение Березовский ручей было открыто в 1977 г. в ходе разведки в зоне строительства I Березовского угольного разреза и I Березовской ГРЭС В. А. Захом. Позднее, в 1979 г., памятник исследовал В. А. Бобков, в 1980-м – А. И. Мартынов. На памятнике были найдены фрагменты керамики андроновской культуры и раннебронзового времени [Бобров, Михайлов, 1989, с. 43]. В том же году А. М. Кулемзиным и Е. В. Поповым было открыто поселение Кадат III. Поселение находилось в 2 км к СЗ от памятника Кадат IX. Культурный слой содержал смешанный материал трех хронологических периодов, один из которых относится к андроновской эпохе [Бобров, Михайлов, 1989, с. 44]. С 1979 по 1981 гг. на поселении Песчаное Озеро I А. М. Кулемзиным проводились охранные раскопки. Так как памятник находился на территории пионерского лагеря, его большая часть оказалась разрушена. Исследованная площадь поселения составила 142,5 кв. м. Культурный слой памятника содержал в основном фрагменты керамики андроновской культуры, но также были зафиксированы находки эпохи Средневековья [Кулемзин, 1981, с. 38]. С 1983 по 1985 гг. проводились широкомасштабные раскопки поселения Тамбар III, на западном берегу Дудетского водохранилища, в 5 км западнее с. Тамбар. Общая площадь исследования составила

3000 кв. м. На памятнике обнаружена представительная серия андроновской керамики, однако преобладающее число находок относится к эпохе поздней бронзы [Бобров, Михайлов, 1989, с. 45]. В зоне строительства первоочередных объектов КАТЭКа С. Б. Гультов в 1983–1985 гг. исследовал поселение Ашпыл, которое находилось на первой надпойменной террасе правого берега р. Кадат. Поселение содержало материалы андроновского времени, а также эпохи поздней бронзы и раннего железа [Вадецкая, 1983, с. 49]. В 1983 г. В. В. Иванчуком было открыто поселение Косоголь 2. Позднее были произведены раскопки, которые позволили получить материалы андроновской культуры [Мартынов, 1980, с. 42].

Поселения с материалами андроновской культуры Берешское I, Берешское III, Соргинское II, Темра VI, Гляден XII и ряд других, обнаруженные в ходе разведок в 1990–2000-е гг., представлены подъемными сборами. Культурная атрибуция данных памятников основана на подъемном материале [Красниенко, Субботин, 1999].

Таким образом, в Ачинско-Мариинской лесостепи открыто и исследовано более 20 археологических памятников (поселений, могильников, местонахождений), содержащих материалы андроновской культуры. В разные годы на большей части памятников проводились раскопки. Часть памятников обнаружена в ходе разведочных работ, атрибутированных на основе подъемных сборов.

*Научный руководитель –
И. В. Ковтун, д-р ист. наук
главный научный сотрудник
Лаборатория археологии
Федеральный исследовательский центр
угля и углехимии СО РАН*

Список литературы

- Бобров В. В. Основные этапы освоения Обь-Чулымского междуречья // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 6–15
- Бобров В. В., Михайлов Ю. И. Памятники андроновской культуры Обь-Чулымского междуречья. – Кемерово, 1989. – 198 с.
- Бобров В. В., Попов Е. В. Раскопки в Шарыповском районе Красноярского края // АО 1980 г. – М.: Наука, 1981. – С. 166
- Вадецкая Э. Б. Первые итоги работ на КАТЭКе // Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на Новостройках). – Ленинград: «Наука», 1983. – С. 47–56
- Иванчук В. В., Михайлов Ю. И. Коллекция керамических сосудов андроновского могильника Косоголь III из фондов музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ // Музей и наука: материалы научно-практического семинара. – Кемерово, 2002. – С. 100–105
- Красниенко С. В., Субботин А. В. У Солгонского кряжа. Археологические памятники Ужурского района (Красноярский край): история изучения и современное состояние. – СПб: Изд-во ИИМК РАН, 2013. – 192 с.
- Красниенко С. В., Субботин А. В. Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). – СПб: Изд-во ИИМК РАН, 1999. – 112 с.

Кулемзин А. М. Отчет о раскопках поселения Шестаково XI, могильника Шестаково II и поселения Песчаное озеро I в Кемеровской области в 1980 г. // Научный архив КМАЭЭ, № 580. – Кемерово, 1981

Мартынов А. И. Косогольский археологический комплекс // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1980. – С. 11–18

Мартынов А. И. Андроновская эпоха в Обь-Чулымском меж-

дуречье // Из истории Кузбасса. – Кемерово, 1964. – С. 227–245

Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлургических культур минусинского края // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. 4. – Вып. 2. – С. 41–62

Членова Н. Л. Отчет о работе Урюпского отряда Красноярской археологической экспедиции 1957 г. // Архив ИА РАН. № 2197.

History of Opening and Studying of Sites of the Andronovo Culture in the Achinsk-Mariinsk Forest-Steppe

E. V. Trusova

The article considers information about history of studying sites belong to Andronovo culture of the Achinsk-Mariinsk forest-steppe. On the basis of analysis of archival materials and literature information about sites with materials from Andronovo culture was systematized.

Keywords: archaeology, the Achinsk-Mariinsk forest-steppe, Bronze Age, Andronovo culture, the settlements, the graves

Трусова Елена Викторовна

1-й курс аспирантуры

Федеральный исследовательский центр

угля и углехимии СО РАН

(Институт экологии человека СО РАН)

e-mail: trusova.lena@inbox.ru

Trusova Elena Victorovna

1st year postgraduate

The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry

of the Siberian Branch of the RAS

(Institute for Human Ecology)

e-mail: trusova.lena@inbox.ru

УДК 903.07.31

Об изображениях окуневских личин на Шалаболинской писанице

А. А. Ушакова

Красноярский государственный педагогический университет, Красноярск

Известная в наскальном искусстве Сибири Шалаболинская писаница имеет богатую, более чем полуторавековую историю научного исследования [Дроздов, Заика, 2005]. Вместе с тем каждый полевой сезон отличается новыми открытиями, вносит порой существенные коррективы в устоявшиеся взгляды на развитие наскального творчества в регионе. Предметом данного исследования являются изображения, выполненные охрой на западной оконечности скального массива (участок 1 Шалаболинской писаницы). Там представлена многофигурная композиция, выявленная на широком скальном фризе, который расчленен горизонтальными трещинами на три равнозначных блока (плоскости 7–9 на третьем уровне нижнего яруса участка 1а) [Заика, 2010, табл. 11, 14].

Впервые рисунки на данном фризе были выявлены и визуальнo скопированы в 1886 г. И. Т. Савенковым и затем им опубликованы в 1910 г. [Савенков, 1886, с. 45; 1910, с. 99]. Надо отметить, что данные прорисовки «на глазок» не отличаются высокой точностью, но дают первое представление о композиционном построении фигур (рис. 1, 1). В 1910 г. А. В. Адриановым они были зафиксированы более профессионально – методом эстампажа [Адрианов, 1910]. Выкопировки эстампов Александра Васильевича, их описания впоследствии были опубли-

кованы К. В. Вяткиной [Вяткина, 1949, с. 438–441] (рис. 1, 2).

Последующее их обнаружение связано с поисковыми работами местного краеведа В. К. Добрынина, который и сообщил о находке в Красноярский краеведческий музей [Сазонова, 2010]. В 1957 г. сотрудник ККМ Р. В. Николаев незамедлительно выезжает в Курагинский район. Вместе с В. К. Добрыниным они обследуют петроглифы Шалаболинской писаницы [Сазонова, 2008]. Во время работ Николаевым были сделаны копии и описание петроглифов на искомом фризе [Николаев, 1957] (рис. 1, 3).

Повторно данные рисунки были обнаружены в 2002 г. участниками археологического отряда КГПУ во время расчистки нижнего яруса скальных обнажений от растительности и скальных обвалов.

Рисунки на плоскостях 7–9 выполнены охрой различных расцветок, путем гравировки, выбивки, протирки. Представлены фигуры животных, людей, изображения личин. Часты случаи палимпсеста.

На обнаруженных плоскостях были выявлены факты преднамеренного уничтожения петроглифов в древности. По мнению исследователей, путем шлифовки нивелировался рельеф рисунков, выполненных в технике выбивки. На чистом «полотне» создавались новые ком-

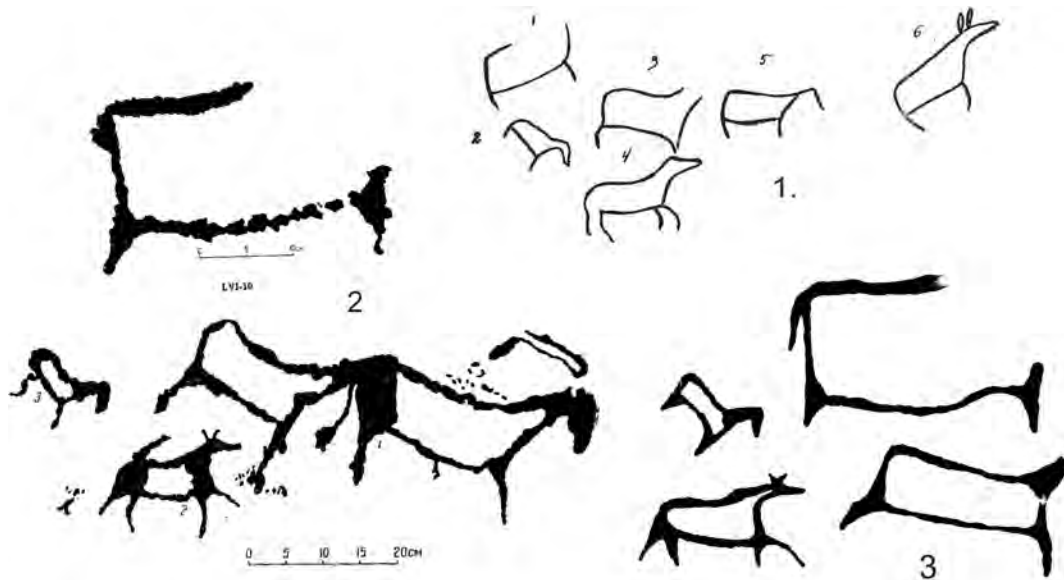

Рис. 1. Шалаболинская писаница. Копии рисунков. 1 – по: [Савенков, 1910], 2 – по А. В. Адрианову [Вяткина, 1949], 3 – по: [Николаев, 1957]

позиции, которые затем нередко «стирались» тем же способом или перекрывались другими изображениями. Примечательно, что уничтоженные и вновь нарисованные на их месте рисунки могли соответствовать одной культурной традиции, в данном случае – окуневской. Наиболее ранними, как правило, являются выбитые изображения животных (быки, лоси, лошади). Позднее были выполнены рисованные изображения личин. Приблизительно в это же время появились фигуры фантастических хищников в перьевых головных уборах (техника

исполнения комбинированная – гравировка и протирка). Наиболее поздние – гравированные изображения «солнцеголовых» антропоморфных фигур и личин с многолучевым «нимбом» [Заика, Дроздов, 2005, с. 112].

Как показывают результаты последующих исследований, на плоскостях 8, 7 представлены шесть красочных изображений личин, выполненных охрой различных расцветок (рис. 2).

Все выявленные красочные изображения личин характеризует отсутствие внешнего контура (если не брать во внимание фрагменты

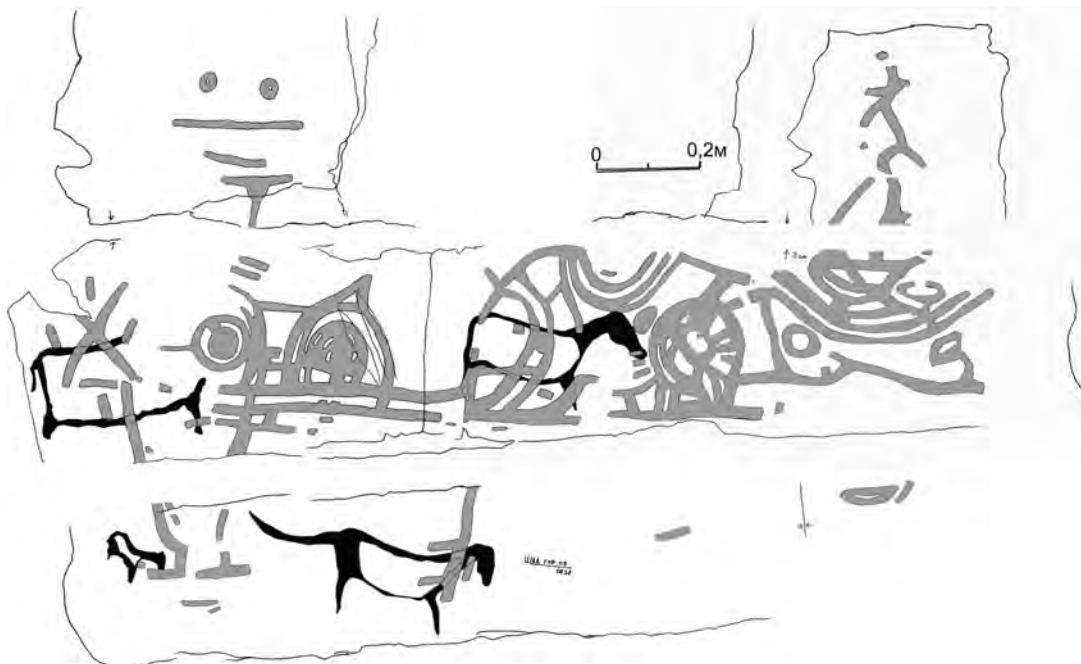

Рис. 2. Шалаболинская писаница. Копии рисунков 2005 г.

дугообразной «окантовки» одной из них). Обилие дугообразной «татуировки» у центральных личин в средней части блока позволяет соотносить их с выделенной Д. Г. Савиновым так называемой Кок-Хаинской группой окуневских антропоморфных изображений [Савинов, 2006, рис. 13]. Вместе с тем дугообразные вертикальные межглазные линии с развилками на концах встречаются и среди рисованных личин джойского типа [Леонтьев и др., 2006, рис. 6, б]. Надо отметить, что левая личина в искомой группе на Шалаболинской писанице находит близкие аналогии с выбитым и шлифованным антропоморфным образом со следами краски, венчающим оконтуренную личину на окуневской стеле из Усть-Абакана [Леонтьев и др., 2006, с. 100, 214, рис. 266]. Характерной особенностью данной шалаболинской личины также является обилие концентрических кругов на месте глаз и горизонтальных линий под ними. Подобное оформление глаз не характерно для красочных окуневских личин и в единичных случаях встречается у рельефных образов на стелах и изваяниях тазминской и черновской группы окуневских изображений [Савинов, 2006, рис. 9, Леонтьев и др., 2006, рис. 140].

Что касается крестовидных личин, то они, как правило, в известных композициях находятся на периферийных участках, часто перекрывают более ранние антропоморфные образы [Леонтьев и др., 2006, рис. 202, 203, 266 и др.], т. е. в планиграфическом и стратиграфическом плане иллюстрируют наиболее поздние, финальные явления в окуневском искусстве.

Таким образом, выявленный ряд красочных антропоморфных образов характеризует стилистические и иконографические черты различных групп окуневских личин, гармонично сочетает их на одном изобразительном полотне. Это может быть как следствием культурного межтерриториального взаимодействия, так и эволюционного развития.

В данной работе освещены предваритель-

ные результаты исследования красочных антропоморфных образов на Шалаболинской писанице, которые требуют дальнейшего более углубленного изучения.

*Научный руководитель – А. Л. Заика
канд. ист. наук, доцент*

*Кафедра отечественной истории
Красноярский государственный педагогический
университет им. В. П. Астафьева.*

Список литературы

- Адрианов А. В.* Отчет по исследованию писаниц Минусинского края // Изв. РКСИВА, 1910. – № 10. – С. 41–50
- Вяткина К. В.* Шалаболинские (Тесинские) наскальные изображения // Сб. МАЭ. Т. 12. М.–Л., 1949. – С. 417–484
- Дроздов Н. И., Заика А. Л.* История исследования Шалаболинской писаницы // Мир наскального искусства. Сб. док. междунар. конф. / Под ред. Е. Дэвлет. – М.: ИА РАН, 2005. – С. 72–74
- Заика А. Л., Дроздов Н. И.* Шалаболинская писаница (результаты исследования 2001–2004 годов) // Мир наскального искусства. Сб. док. междунар. конф. / Под ред. Е. Дэвлет. – М.: ИА РАН, 2005. – С. 111–115
- Заика А. Л.* Приложение № 1 к Учетной карте (п. VI) объекта культурного наследия федерального значения, представляющего собой историко-культурную ценность «Шалаболинская писаница». 2010 г. // Архив Музея археологии и этнографии Средней Сибири КГПУ им. В. П. Астафьева. Оп. 0057. Д. 0026. – 261 л.
- Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н.* Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан: Хакасское книж. изд-во, 2006. – 236 с.
- Николаев Р. В.* Отчет о полевой археологической работе в 1957 г в зоне строительства алюминийного комбината и на юге края, в том числе Курагинский район, Оглахты Богградского района Хакасии. 1957 г. // Архив КККМ, оп. 5, д. 71–1
- Савенков И. Т.* К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Изв. ВСОРГО. – Т. 17. – № 3–4. – Иркутск, 1886. – С. 26–105
- Савенков И. Т.* О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове в 1908 г. – М., 1910. – 552 с.
- Савинов Д. Г.* О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник. Культура и ее окружение: Сб. науч. Тр. – СПб.: Изд-во «Эликсис Принт», 2006. – С. 157–190
- Сазонова О. М.* Археологические изыскания краеведа В.К. Добрынина // Мартыновские краеведческие чтения. – Минусинск: МРКМ им. Н.М. Мартынова, 2010. – Вып. VI. – С. 221–223
- Сазонова О. М. Р. В. Николаев – исследователь Шалаболинской писаницы // VII Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. – Омск, 2008. – С. 71–72*

About Images Okunevsky Masks on Shalabolinskaya the Petroglyphs

A.A. Ushakova

This work is devoted to the study of images of Okunevskaya mask on shalabolinskaya petroglyphs, which has a rich history of scientific research. Each field season is characterized by new discoveries, sometimes making significant adjustments. This article discusses the preliminary results of the study of anthropomorphic colorful images on Shalabolinskaya petroglyphs, which require further, more in-depth study.

Keywords: Rock art, Shalabolinskaya the petroglyphs, anthropomorphic images, masks, petroglyphs, okunevskaya culture

Ушакова Алёна Александровна

студентка 2-го курса
Красноярский государственный педагогический
университет им. В. П. Астафьева
e-mail: usha.1999@yandex.ru

Ushakova Alyona Aleksandrovna

2nd year student
Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V. P. Astafiev
e-mail: usha.1999@yandex.ru

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

УДК 902

Особенности изобразительной традиции в петроглифах тагарского времени долины реки Ини (Минусинский район Красноярского края)

О. А. Голышев

Кемеровский государственный университет

В Минусинском районе Красноярского края на левом берегу реки Тубы, в окрестностях с. Тесь, расположено большое количество разновременных археологических памятников. Помимо могильников, датируемых от энеолита до Средневековья [Киселев, 1951, с. 4-9], известны петроглифы, выполненные на горе Георгиевской (Егорьевской), писаницах Ильинская I и Ильинская II, а также курганных камней тагарских могильников, расположенных поблизости.

Среди разновременных изображений вышеуказанных памятников особого внимания заслуживают рисунки тагарского времени. На горе Георгиевской к этому хронологическому периоду исследователи относят только одну плоскость [Леонтьев, Панкова, 2012, рис. на с. 8], на которой в технике выбивки выполнены антропоморфные фигуры и изображения копытных животных. На Ильинских писаницах рисунки тагарского времени составляют большую часть композиций с зооморфными изображениями. Несколько подобных фигур удалось зафиксировать на камнях тагарских курганов.

Одним из первых, кто осматривал эти сцены на Ильинских писаницах, был Я. А. Шер [1980, с. 139]. В 60-е гг. XX в. он изучал петроглифы, которые попадали в зону затопления Красноярского водохранилища. В связи с тем, что Ильинские писаницы в нее не входили, а также из-за отсутствия времени им была выполнена фотофиксация отдельных изображений тагарской эпохи, так и оставшихся на страницах отчета [Шер, 1969, с. 2, 3, фото 2, 3].

Наиболее полное документирование рисунков данного хронологического пласта было вы-

полнено Н. В. Леонтьевым в 1974, 1977, 1980 гг. Позднее некоторые из них были опубликованы им совместно с И. Д. Русаковой [Леонтьев, Русакова, 2003–2004].

В 2000-х гг. была опубликована единственная из композиций тагарского времени на горе Георгиевской [Леонтьев, Панкова, 2012]. Отдельные сцены эпохи фиксировались в ходе проведения мониторинга плоскостей с изображениями на основе материалов, полученных предшественниками [Миклашевич, Мухарева, Бове, 2017, с. 89; Мухарева, 2018, с. 34]. Однако, несмотря на значительный объем проделанной работы, многие изображения до настоящего времени не представлены в научной литературе и остаются известными лишь специалистам.

В 2018 г. одним из петроглифических отрядов Кемеровского государственного университета под руководством А. Н. Мухаревой при непосредственном участии автора статьи было проведено обследование изображений тагарского времени на горе Георгиевской и Ильинских писаницах, а также курганных камней, расположенных поблизости. Производились работы по расчистке изображений от лишайников и мхов с помощью капроновых щеток, деревянных палочек, раствора перекиси водорода. В ходе расчистки были зафиксированы новые петроглифы, пополнившие корпус рисунков тагарского времени. Выполнялось их копирование на микалентную бумагу, производилась фотосъемка, составлялись планы курганов, на камнях которых были обнаружены изображения.

В результате проделанной работы была собрана представительная серия изображений

тагарского времени. Эти петроглифы стилистически неоднородны и условно могут быть разделены на две группы. Первая представлена зооморфными фигурами, выполненными в «классической» для эпохи изобразительной традиции, получившей в это время широкое распространение в искусстве разных народов степного пояса Евразии. Она включает статичные контурные фигуры копытных с правильными пропорциями, в позе «внезапной остановки», нередко с завитками, окружностями и спиралями, заполняющими корпус, с большими древовидными рогами [Советова, 2005, с. 45-49]. Например, к этой группе зооморфных изображений относятся петроглифы на плоскости II Ильинской писаницы, имеющие характерные черты тагарского стиля [Леонтьев, Русакова, 2003–2004, с. 36, рис. 3].

Вторая группа представлена «нетипичными» изображениями, которые остаются оригинальными и самобытными, несмотря на присущие им черты скифо-сибирского звериного стиля. Та же контурность, поза внезапной остановки, заполнение туловища, древовидные, закинутаые на спину рога у оленей, роднят эти рисунки с изображениями первой группы. Вместе с тем иные пропорции фигур, выделенная линия рта и некоторые другие признаки отличают эту группу петроглифов от «классических» тагарских изображений. Судя по палимпсестам, на Ильинских писаницах эти рисунки появились несколько раньше классических [Леонтьев, Русакова, 2003–2004, с. 36]. Примечательно, что подобные изображения не выявлены среди серии тагарских рисунков на других памятниках долины реки Ини, а также сопредельных районов, и могут представлять собой локальную изобразительную традицию.

Таким образом, петроглифы тагарского времени в долине реки Ини по своим стили-

стическим особенностям распадаются на две группы, представляющие различные варианты изобразительной традиции тагарской эпохи. Выявленные палимпсесты не позволяют говорить о длительности их существования, но однозначно указывают на более раннее появление на плоскостях Ильинских писаниц рисунков второй группы. Количественное же преобладание «классических» изображений позволяет предположить, что население, оставившее рисунки второй группы, было немногочисленным, а отсутствие аналогичных рисунков на других памятниках указывает на его локальное проживание на данной территории.

*Научный руководитель – А. Н. Мухарева
канд. ист. наук, доцент
Кафедра археологии
Кемеровский государственный университет*

Список литературы

- Леонтьев Н. В., Панкова С. В. Петроглифы горы Георгиевской (таштыкские резные рисунки) // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Лынищенская. Улазы III. Сосниха. – Кемерово: Кузбассвузиздат. 2012. – С. 5–28. (Труды САИПИ. Вып. X)
- Леонтьев Н. В., Русакова И. Д. Петроглифы раннего железного века на горе Ильинской (средний Енисей) // Вестник Сибирской Ассоциации Исследователей Первобытного Искусства. – 2003–2004. – Вып. 6–7. – С. 34–41
- Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н., Бове Л. Л. Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская писаница» в 2016 г. // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». – 2017. – Вып. 5. – С. 86–101
- Мухарева А. Н. Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская писаница» в 2017 г. // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». – 2018. – Вып. 7. – С. 26–35
- Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 140 с.
- Шер Я. А. Отчет о полевых работах в 1969 г. в составе Красноярской археологической экспедиции ЛОАИ АН СССР // Научно-отраслевой архив ИА РАН. – Р-1. – № 4086. – 10 л.
- Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – Москва: «Наука», 1980. – 328 с.

Features of the Pictorial Tradition in the Tagar Time Petroglyphs of the Ini River Valley (Minusinsk District of the Krasnoyarsk Krai)

O. A. Golyshev

The article is devoted to the rock carvings from the period of Tagar culture on the Ilyinsky petroglyphs and the Mount George and on stones of mounds found nearby. These artifacts are located on the territory of the Minusinsk district of the Krasnoyarsk Krai, their drawings, correlated chronologically with the time of existence of the Tagar culture, are not stylistically homogeneous and are divided into two groups. The first one is represented by drawings showing the origin of the tradition of visual art, and the second one shows its further genesis.

Keywords: Ilyinsky petroglyphs, Mount George, petroglyphs, the fine tradition, the Tagar period, Minusinsk basin

Гольшев Олег Андреевич
студент 2 курса
Кемеровский государственный университет
E-mail: Pz_1910@mail.ru

Golyshev Oleg Andreevich
2nd year student
Kemerovo State University
E-mail: Pz_1910@mail.ru

Находки бус в погребениях таштыкского могильника Тесинский Залив-3*

Е. В. Губенко

Новосибирский государственный университет

*Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности
(проект № 33.5677.2017/8.9)

Грунтовый могильник Тесинский Залив-3 был открыт в 2012 г. отрядом Хакасского отделения ВОО «ВООПИК» под руководством А. И. Готлиба в ходе мониторинга состояния археологических объектов, расположенных в береговой линии Красноярского водохранилища на участке Богградского района Республики Хакасия. Памятник находится на краю террасы Тесинского залива, в 5,5 км к северу – северо-западу от с. Абакано-Перевоз. Расположенная на краю террасы восточная окраина могильника интенсивно разрушалась, что требовало проведение комплекса аварийно-спасательных работ. Однако до лета 2017 г. работы не проводились, и только через пять после обнаружения начались полевые исследования памятника. На его площади была проведена инструментальная съемка, определены границы, зафиксировано 80 погребальных объектов и одна вертикально установленная каменная стела с изображением тамгообразной фигуры. Также на площади 1300 м² была проведена магниторазведка, по данным которой составлена карта с локальными участками аномальных проявлений [Митько и др. 2017].

В 2018 г. совместно с сотрудниками ИАЭТ СО РАН и Новокузнецкого филиала КемГУ изучение таштыкского могильника Тесинский Залив-3 было продолжено Красноярским археологическим отрядом ЛГИ НИЧ НГУ. Опираясь на данные магниторазведки, полученные в прошлом году, были разбиты три раскопа: III, IV и VIII. В двух грунтовых могилах 2 и 2а (раскоп IV и прирезка к нему) были найдены типологически разнообразные бусины, как целые (28 экз.), так и фрагментированные.

Необходимо отметить, что к настоящему времени находки бус в погребениях таштыкских грунтовых могил составляют достаточно крупную группу погребального инвентаря, характеризующую торговые связи таштыкской культуры. По данным Э. Б. Вадецкой, особенно обширные коллекции были найдены в погребениях таких могильников, как Комаркова, Первомайское, Салбык [Вадецкая, 1999, с. 67]. К ним же следует добавить представительный набор из захоронений могильника Черноозерное II [Готлиб, 2007]. В литературе отмечалось, что обнаруженные в таштыкских погребениях

бусины изготовлялись за пределами Среднего Енисея, при этом их аналогии встречаются среди находок, помещенных в своды Е. М. Алексеевой [Алексеева, 1975].

Целью данной работы является классификация бус, обнаруженных в грунтовых погребениях таштыкского могильника Тесинский Залив-3. К изучению данной категории шейных украшений разработаны различные методические и аналитические подходы. Мы опираемся на методику анализа бус, предложенную и хорошо апробированную Е. М. Алексеевой [Алексеева, 1975]. Выделяется четыре основных показателя, учитывающихся при анализе данной категории украшений: материал изготовления, форма, цвет и орнамент.

Анализ материала позволил выделить три группы:

Группа I. Бусы из камней-самоцветов – 4 экз. (сердолик)

Группа II. Стекланные бусины – 8 экз. (и 4 фрагмента)

Группа III. Пастовые бусины – 16 экз., (и 1 фрагмент)

На основании сравнительно-морфологического анализа группы I (бусины из камней-самоцветов) выделяются два вида форм бус:

1. Граненые бусины шестигранной формы – 3 экз.

2. Кривогранные бочонковидные – 1 экз.

Можно отметить, что ведущей формой бус из камней-самоцветов (сердолика) является шестигранная, что составляет 75% группы I и 10,7% всех бусин. Вторая форма – бочонковидная – формирует оставшиеся 25% группы бус из камней-самоцветов и 3,6% всех экземпляров.

На основании сравнительно-морфологического анализа группы II (стекланные бусины) выделяются четыре вида форм бус:

1. Кривогранные бочонковидные – 3 экз.

2. Кривогранные зонные – 3 экз.

3. Кривогранные кольцевидные – 1 экз.

4. Кривогранные цилиндрические – 1 экз.

Таким образом, бочонковидная и зонная формы в этой группе имеют преобладание над другими формами, а их суммарное количество составляет 75% стекланных бусин и 21,4% всех анализируемых бус.

На основании сравнительно-морфологического анализа группы III (пастовые бусины) выделяются три вида форм бус:

1. Кривогранные кольцевидные – 11 экз.
2. Кривогранные зонные – 3 экз.
3. Кривогранные бочонковидные – 2 экз.

В группе III преобладает кольцевидная форма бусин – 68,75% пастовых бус и 39,3% всех экземпляров. Вторая форма – зонная, ее процент группы III и всех бусин составляет 18,75% и 10,7% соответственно.

Анализ бус по показателям цвета и орнамента позволяет выделить как орнаментированные изделия, так и бусины без орнамента. Так, в группе I (бусины из камней-самоцветов) выделяются два вида бус из сердолика:

1. Неорнаментированные бусины терракотового цвета – 1 экз.
2. Неорнаментированные бусины красно-коричневого цвета – 3 экз.

В группе II (стеклянные бусы) выделяются 3 вида бус и 2 подвида орнаментированных украшений:

1. Орнаментированные бусины – 4 экз.
1. Бусины со спиралевидным украшением – 2 экз.
2. Глазчатые бусины – 2 экз.
2. Неорнаментированные бусины синего цвета – 2 экз. (и 4 фрагмента)
3. Неорнаментированные бусины серо-синего цвета – 2 экз.

Для изучения художественно-эстетических предпочтений таштыкского населения особый интерес представляют находки орнаментированных бус. Их процент от стеклянных изделий составляет 50%, а от всех найденных бус – 14,3%. Одна глазчатая бусина имеет 6 синих глазков в белых и голубых обводках, другая – 4 целых синих глазка и 2 поврежденных в белых и синих обводках. Изделия со спиралевидным украшением не менее интересны. Ядро одной бусины полностью покрывают чередующиеся узкие и широкие полосы, лежащие в поперечном сечении. У другого экземпляра на ядро нанесены шесть одинаковых слегка волнистых полос, расположенных в продольном сечении и отстоящих друг от друга на одинаковом расстоянии. Для неорнаментированных стеклянных бус характерна синяя цветовая гамма.

В группе III (пастовые бусы) выделяются 3 вида бусин:

1. Неорнаментированные бусы белого перламутрового цвета – 11 экз.
2. Неорнаментированные бусы голубого перламутрового цвета – 5 экз.
3. Неорнаментированные бусы оранжевого цвета – 1 фрагмент

Первый вид этой группы, бусы бело-перламутрового цвета, составляют 68,75% изделий из пасты и 39,3% всех украшений.

Таким образом, проведенный анализ позволяет отметить, что на данном этапе исследования самой обширной по количеству экземпляров бус является группа III, в которой насчитывается 16 изделий из пасты (57,1% всех бус), из них 11 экземпляров имеют кольцевидную кривогранную форму. Среди группы III нет ни одной бусины с орнаментом и преобладают изделия бело-перламутрового цвета. Второй по количеству является группа бус из стекла – 8 экз., они составляют 28,6% от всех изделий. Самые распространенные формы в группе II являются бочонковидная и зонная. При этом надо заметить, что стеклянная группа единственная, где имеются орнаментированные изделия. И последней по количеству экземпляров бус является группа I. В ней насчитывается всего лишь 4 украшения, орнамент отсутствует, а распространенной формой является шестигранная.

Несомненно, что по мере продолжения исследований на площади могильника количественные показатели и процентные соотношения этих украшений, включая и появление дополнительных групп, будут меняться. На наш взгляд, перспективным является изучение способов изготовления и обработки бус каждой из отмеченных групп, на основании которых можно будет выделить ведущую технологическую традицию характерную для могильника Тесинский Залив-3. Не менее важным этапом работы является сравнительный анализ как с комплектами бус из других таштыкских грунтовых могильников, так и с коллекциями находок из памятников гунно-сарматского времени на соседних территориях Горного Алтая и Кузнецкой котловины.

*Научный руководитель – О. А. Митько
канд. ист. наук, доцент
Кафедра археологии и этнографии
Гуманитарный институт
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

- Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1975, 120 с.
- Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. – 440 с.
- Готлиб А. И.* Ярусные захоронения таштыкского могильника Черноозерное II в Хакасии // Таштыкские памятники Хакаско-Минусинского края: Сб. науч. тр. / Под ред. С. П. Нестерова; Хакас. гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова, Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2007. – С. 8–38.
- Митько О. А., Худяков Ю. С., Скобелев С. Г., Поселянин А. И., Половников И. С.* Начало изучения таштыкского грунтового могильника Тесинский залив-3 (Богградский район, Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XXIII. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии, 2017. – С. 354–357.

Beads Findings in the Tashtyk Burial Tesinsky Gulf-3

Y. V. Gubenko

This work introduces us to the research of beads in the burials of the Tashtyk burial ground Tesinsky Gulf-3. The last works with the monument were in 2018. There were 28 beads and some fragments there. This category of neck jewelry was classified and systematized. The classification was based on four main indicators: the material of manufacture, shape, color and ornament. By virtue of analysis of the found beads were calculated, the most common forms of products were identified, and the most extensive group of jewelry items were recorded.

Key words: Tashtyk beads, classification of neck jewelry, Hun-Sarmatian time

Губенко Екатерина Викторовна

2-й курс бакалавриата

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет

E-mail: e.gubenko@g.nsu.ru

Gubenko Yekaterina Viktorovna

2nd year student

Novosibirsk National Research
State University

E-mail: e.gubenko@g.nsu.ru

УДК 902 (571.151)

Образы животных на седельных покрывках и татуированных изображениях пазырыкской культуры: гендерные сходства и различия

Н. Р. Дьяков

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул

Тема гендерных сходств и отличий в художественных образах пазырыкской археологической культуры чрезвычайно многогранна. Некоторые аспекты данной проблемы уже были отражены в ряде публикаций [Азбелев, 2017, Телегин, Дьяков, 2018, Дьяков, 2018а, Дьяков, 2018б]. Целью данной работы является введение в научный оборот результатов исследования, посвященного выявлению гендерных признаков в изображениях на седельных покрывках.

Источниковую базу работы составили 32 изображения на 18 седельных покрывках из четырех мерзлотных погребений пазырыкской культуры:

1. Изображение хищной птицы, вцепившийся когтями лапами в спину лося. Курган 1 к.г. Пазырык [Руденко, 1953, с. 363];

2. Изображение орлиного грифона, напавшего на горного козла. Курган 1 к.г. Пазырык [Руденко, 1953, с. 363];

3. Изображение тигра, вцепившегося пастью в круп лося. Курган 1 к.г. Пазырык [Руденко, 1968, с. 100];

4. Изображение тигра, вцепившегося пастью в грудину оленя. Курган 1 к.г. Пазырык [Руденко, 1953, с. 363];

5. Изображение фантастического льва (с грифоном?). Курган 1 к.г. Пазырык [Руденко, 1953, с. 363];

6. Изображение головы льва (профиль). Курган 1 к.г. Пазырык [Руденко 1968, с. 98];

7. Изображение тигра, вцепившего пастью в горло горного барана. Курган 1 к.г. Пазырык [Руденко, 1968, с. 100];

8. Изображение сцены борьбы орлиного и львиного грифонов. Курган 1 к.г. Пазырык [Руденко, 1953, с. 363];

9. Изображение крылатого хищника, атакующего горного козла. Курган 1 к.г. Пазырык [Руденко, 1953, с. 363];

10. Изображение головы барана (профиль). Курган 1 к.г. Пазырык [Руденко, 1953, с. 363];

11. Изображение тигра, вцепившегося пастью в холку горного барана. Курган 2 к.г. Пазырык [Руденко 1953, с. 368];

12. Изображение тигра, вцепившегося пастью в шею лося. Курган 2 к.г. Пазырык [Руденко 1953, с. 368];

13. Изображение лося. Курган 2 к.г. Пазырык [Руденко 1953, с. 368];

14. Изображение крылатого хищника. Курган 2 к.г. Пазырык [Руденко 1953, с. 368];

15. Изображение тигра, вцепившегося пастью в горло оленя. Курган 1 к.г. Ак-Алаха 3 [Полосьмак, Баркова, 2005, с. 115];

16. Изображение крылатого хищника. Курган 1 к.г. Ак-Алаха 3 [Полосьмак, Баркова, 2005, 120];

17. Изображение крылатого хищника. Курган 1 к.г. Ак-Алаха [Полосьмак, Баркова, 2005, 121];

18. Изображение крестов и лосиных голов (анфас). Курган 5 к.г. Пазырык [Руденко 1953, с. 374]

В предыдущих работах мы сделали предположение о том, что персонажей, воплощенных на татуированных изображениях можно разделить на три условные категории: «мужские», «женские» и «общие» [Телегин, Дьяков, 2018, Дьяков, 2018a]. К первой из них относятся куланы (лошади), косули, козлы, рыбы и фантастические хищники, ко второй – кошачьи хищники, олени, хищные птицы, цветы, кресты и рога, а к третьей – фантастические олени, бараны и птицы (табл. 1).

Необходимо отметить, что «набор» персонажей на татуированных изображениях почти полностью повторяется и на седельных покрывках, исключения составляют: фантастические олени, куланы (лошади), косули, цветы, рога, рыбы и птицы. Не менее интересно и то, что персонажи «мужских» (8 шт.) и «женских» (9 шт.) категорий не пересекаются в одних композициях, исключение составляет баран, который фигурирует как с «мужскими», так и с «женскими» героями (табл. 1), что еще раз подтверждает факт его принадлежности к группе «общих» (1 шт.).

Представленный материал позволяет высказать осторожное предположение о том, что седельные покрывки вслед за изображенными на них образами можно разделить на «мужские», «женские» и «общие».

*Научный руководитель – А. Н. Телегин
старший преподаватель
Кафедра отечественной истории
Алтайский государственный педагогический
университет*

Список литературы

- Азбелев П. П.* Пазырыкские татуировки как художественное свидетельство древних войн и бракосочетаний // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Сб. науч. статей. Вып. 7. СПб: СПбГУ, 2017. – С. 51–60
- Дьяков Н. Р.* Татуировки на телах мумий пазырыкской культуры: к вопросу о гендерных отличиях // МНСК 2018 Археология: Материалы 56-й Междунар. науч. студ. конф. 22–27 апреля 2018 г. Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018а. – С. 37–38
- Дьяков Н. Р.* Татуировки на телах мумий пазырыкской культуры: гендерные сходства и отличия // Сборник научных статей международной конференции «Ломоносовские чтения на Алтае:

Таблица 1.
Изображения на седельных покрывках
и татуировках

Персонаж	Категория		
	«Мужской»	«Женский»	«Общий»
Козел	●		
Фантастический хищник	●		
Рыба	○		
Кулан или лошадь	○		
Косуля	○		
Олень или лось		●	
Хищник		●	
Хищная птица		●	
Крест		●	
Рога		●	
Цветок		○	
Баран			●
Фантастический олень			○
Птицы			○

Условные обозначения:
○ – персонаж встречается на татуированных изображениях
● – персонаж встречается на татуированных изображениях и седельных покрывках

фундаментальные проблемы науки и техники» – 2018 [Электронный ресурс] / АлтГУ; отв. ред. Е. Д. Родионов. – Электрон. текст. дан. – Барнаул: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2018б. – С. 1747–1748.

Полосьмак Н. В. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.) / Полосьмак Н. В., Баркова Л. Л. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. – 232 с.

Руденко С. И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. – М.: Искусство, 1968. – 136 с.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.–Л.: 1953. – 402 с.

Телегин А. Н., Дьяков Н. Р. К вопросу о гендерных сходствах и различиях в татуировках номадов Алтая сакского времени // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). 2017 год. Вып. 13: Материалы XIII международной научно-практической конференции. Горно-Алтайск, 24–27 апреля 2018 года. – Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2018. – С.80–83.

Images of Animals on Saddles and Tattoos of Pazyryk Culture: Gender Similarities and Differences

N. R. Dyakov

In the present article materials of mounds 1, 2 and 5 in Pazyryk burial, mound 1 in Ak-Alaha-3 burial ground are learned. Gender similarities and differences in artistic images on saddle.

Key words: mound, saddle, gender, artistic images, burial ground

Дьяков Никита Романович

студент 3-го курса
Алтайский государственный педагогический
университет, исторический факультет
e-mail: ndplrf@gmail.com

Dyakov Nikita Romanovich

3rd year student
Altai State Pedagogical University
Faculty of History
e-mail: ndplrf@gmail.com

Кроуновские жилища на памятниках юга Приморья

Е. И. Дюков

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

Кроуновская археологическая культура раннего железного века Приморья сформировалась к востоку от Восточно-Маньчжурских гор и на южном побережье оз. Ханка. Затем ее носители продвинулись на побережье Японского моря. Кроуновцы были соседями и современниками янковцев, польцевцев, когурёсцев, хунну, сяньбийцев. Кроуновцы жили в долинах рек, впадающих в Японское море и на его побережье. Поселения располагались группами [Бродянский, 1987, с. 180].

По мнению большинства исследователей, существование кроуновской культуры, представляющей в Приморье конечный этап раннего железного века, хронологически определяется второй половиной I тысячелетия до н. э. – рубежом нашей эры [Вострецов, 1985].

Памятник, давший название новой археологической культуре в Приморье, был открыт, обследован и частично раскопан А. П. Окладниковым в 1956–1957 гг. в 4 км от села Кроуновка, в районе г. Уссурийска [Окладников, Бродянский, 1984].

Всего в настоящее время известно более 30 поселений – от оз. Ханка до бухты Преображения, от г. Арсеньева до Уссурийского залива [Окладников, Бродянский, 1984].

Поселения расположены преимущественно в долинах небольших рек, для них избирались площадки на 4–6-метровой террасе или на невысоких мысах в речной пойме. Часть поселений находится у моря (мыс Черепаша, о-в Петрова) [Окладников, Бродянский, 1984].

Дома в кроуновском поселении не примыкали вплотную друг к другу, расстояние между ними 2–6 м. Между домами-полуземлянками находились наземные постройки, рабочие площадки, амбары [Окладников, Бродянский, 1984].

Размеры жилищ варьируют от 7 до 32 кв. м, но в Семипятной и Кроуновке площадь дома достигает 50 и даже 100 кв. м. Основные черты кроуновских домов восходят к конструкции, известной еще в неолитических памятниках Приморья. Это прямоугольные полуземлянки, крыша которых покоилась на деревянных столбах, впущенных основаниями в пол. Столбы располагались вдоль стен, наиболее мощные – по углам. Кроме того, ряд столбов находился в центре, вдоль длинной оси дома. Материалом для кровли могла служить береста. Новой чертой в домах кроуновской культуры являются четко оформлен-

ные столбами коридоры-выходы [Окладников, Бродянский, 1984].

Жилища на поселении Киевка располагались на уплощенной вершине мыса и северо-западном пологом склоне. Все они имели прямоугольный котлован глубиной от 10–40 см., вход коридорного типа шириной 1–1,2 м прорезали в одном из бортиков, со стороны удобного спуска к реке. В центральной части котлованов – 4 или 6 ям от столбов диаметром 15–20 см. Ямы в плане образовывали квадрат или прямоугольник со сторонами, параллельными бортикам котлована. В каждом жилище расположено по одному или чаще по два очага различного размера по обе стороны от входа. В хозяйстве использовались одновременно оба очага, но большие очаги предназначались еще и для обогрева, о чем свидетельствует наличие кановой отопительной системы. Стены жилищ, судя по карбонизированным остаткам, состояли из наклонно стоящих жердей толщиной 6–8 см [Вострецов, 1985].

Очаги представляют собой ящики с каменными стенками и перекрытием и с земляным полом. Основания плит-стенок на несколько сантиметров углублены в землю. Такие очаги обнаружены во всех раскопанных жилищах, но в остальном разнообразие их конструкции поразительно. Есть очаги квадратные, вытянутые, коленчатые (до трёх колен), одно- и двухкамерные. В Оленьем А такое разнообразие форм наблюдается в пределах одного небольшого поселения, в одновременных жилищах. Очевидно, шли поиски лучшей конструкции [Окладников, Бродянский, 1984].

Наиболее сложная и развитая конструкция из всех кроуновских одноканальных канов, известных в настоящее время, – это П-образная с двумя очагами. Она обнаружена в жилище 1 поселения Корсаковское-2 в континентальной части южного Приморья. Способ установки и оформления канов – скорее всего результат индивидуального творчества, обусловленного наличием строительного материала [Вострецов, Жущиховская, 1990].

Поселение Киевка, расположенное в 20 км от острова Петрова в долине реки Киевка, представлено серией жилищ с канами. В жилищах на Киевке прослеживается продолжение каменного канала, состоящее из деревянных плах, и остатки трубы, сооруженной из полого ольхового ствола [Вострецов, Жущиховская, 1990].

На сопке Булочка в 2000-х годах раскопаны несколько кроуновских жилищ площадью от 19

до 33 кв. м. Они имеют котлованы, впущенные в скальное основание с высокими нагорными стенами (подгорных нет). На полу жилища обнаружены обугленные деревянные детали из тонких дощечек и жердочек, образующих вместе нечто похожее на решетку, возможно, служившую в качестве обшивки стены. Выявлены также многочисленные столбовые ямы. Во всех жилищах отмечены остатки одноканального кана. [Отчёт о раскопках..., 2005]

В 2017 году были проведены раскопки памятника Солонцовая-2, при которых было исследовано несколько кроуновских жилищ. В связи с тем, что сооружения разрушились в результате пожара, сохранились конструктивные элементы, детали постройки и внутреннего убранства, а также домашняя утварь в неповрежденном состоянии. Жилища имеют все типичные признаки, по которым их можно отнести к кроуновской культуре [Дюков, 2018].

Данный памятник подтвердил и дополнил уже имеющиеся сведения о жилищах и хозяйстве кроуновцев. Кроме того, находки и хорошая сохранность позволили выдвинуть ряд новых предположений, которые помогут получить новые данные о культуре.

Несмотря на то, что археологами открыто достаточно памятников кроуновской культуры, на данный момент имеется только одно полностью раскопанное поселение – Олений А, что позволяет только в общих чертах делать предположения о характере поселений и сооружений кроу-

новцев на юге Приморского края. Исследования жилищ и артефактов этой культуры происходят обычно в контексте изучения многослойных памятников, в результате чего могут появляться не совсем верные гипотезы и теории интерпретации находок. Накопилось много фактологического материала нуждающегося в обработке и, следовательно, теорий нуждающихся в пересмотре в свете новейших исследований.

*Научный руководитель – А. Н. Попов
канд. ист. наук, доцент
Дальневосточный федеральный университет*

Список литературы

- Бродянский Д. Л.* Введение в Дальневосточную археологию. – Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1987. – 276 с.
- Вострецов Ю. Е.* Раскопки жилищ кроуновской культуры на поселении Киевка в Приморье // КСИА. Вып. 184. М.: Наука, 1985. С. 61–63
- Вострецов Ю. Е., Журиховская И. С.* К вопросу о канах на памятниках кроуновской культуры Приморья // КСИА. Вып. 199. М.: Наука, 1990. С. 74–79
- Отчет о раскопках на сопке Булочке в Партизанском районе Приморского края в 2004 г. / Деревяно А. П., Ким Бон Гон, Медведев В. Е., Шин Чан Су, Хон Хён У, Ю Ын Сик, Краминцев В. А., Медведева О. С., Филатова И. В. – 2005. – 367 с.
- Дюков Е. И.* Комплекс 13.2 на памятнике Солонцовая-2 // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты: Материалы LVIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Омск: Полиграфист, 2018. – С. 116–117.
- Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Кроуновская культура // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск: Наука, 1984. – С. 100–113.

Dwellings of Krounovskaya Culture on the Sites of Southern Primorye

E. I. Dyukov

Review of dwellings of krounovskaya culture and highlighting their identifying design features. Problems of studying of this theme nowadays.

Key words: krounovskaya archeological culture, dwellings, southern Primorye, site, settlement.

Дюков Евгений Игоревич

1-й год магистратуры

Дальневосточный федеральный университет

e-mail: diukov.ei@dvvfu.ru

Dyukov Evgeny Igorevich

Master's degree program, 1st year

Far-Eastern Federal University

e-mail: diukov.ei@dvvfu.ru

УДК 903.02(571.53)»638»

Керамическая коллекция первого культуросодержащего горизонта стоянки Ручей Акимов (Северное Приангарье)*

А. В. Еремеев

Иркутский государственный университет, Иркутск

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 074-02-2018-334 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Стоянка Ручей Акимов находилась в Усть-Илимском районе Иркутской области на правом приустьевом участке руч. Акимов в 91 км от нижнего бьефа Усть-Илимской ГЭС,

в 3,75 км на северо-восток от дер. Ёдарма. Раскоп был трассирован на 9–13-метровом террасовидном уступе правого берега р. Ангары при впадении в нее руч. Акимов. Стоянка была

открыта и предварительно исследована в 2007 г. во время рекогносцировочных работ археологическим отрядом ИГУ под руководством Е. О. Роговского. В 2011–2012 гг. по проекту спасательных работ в зоне затопления Богучанской ГЭС были выполнены первые масштабные исследования местонахождения [Людников, 2014; Толстова, Лохов, 2017].

В процессе раскопок были выделены три культуровмещающих горизонта: I горизонт содержал археологические материалы раннего железного века, материал II горизонта отнесен к периоду позднего неолита – бронзового века, III горизонта – к среднему-раннему неолиту. Основной целью данной работы является рассмотрение коллекции керамики первого горизонта, расположенного в черной гумусированной задернованной кровле супеси (субатлантический период голоцена).

В общей сложности в I горизонте зафиксировано 1568 ед. находок. Из них выделено 1017 фрагментов керамических сосудов, артефактов из камня – 515 ед., фрагментов кости – 27 ед., металл – 9 ед. Керамические фрагменты можно отнести предварительно к 68 сосудам и по мотивам орнаментации и технике нанесения декора, а также особенностям технологии изготовления разделить на 9 групп.

Группа 1 представлена 20 фрагментами сосудов с отпечатками сетки-плетенки. Фрагменты различаются по четкости проявления сетки – от ярко выраженных до слабо проявленных узелков сетчатой фактуры. Толщина фрагментов 0,4–0,8 см. Один сосуд простой открытой формы представлен тремя фрагментами венчика. Срез венчика прямой, также покрыт оттисками сетки. Толщина венчика 0,9 см. На двух фрагментах присутствуют округлые конические просверленные с внешней поверхности отверстия, вероятно, следы древней реставрации. Диаметр отверстий 0,7 см. Еще на одном фрагменте от тонкостенного сосуда оформлено налепное ушко подтреугольной формы.

К группе 2 относятся 73 фрагмента от 8 сосудов с разнообразными по форме и размеру налепными валиками – тонкими прямыми и волнистыми, треугольными и овальными, с пальцевыми защипами, со следами примазки и следами ногтей. Сосуды открытой и закрытой формы. На ряде фрагментов валики рассечены вдавлениями, композиция дополнена на некоторых фрагментах оттисками зубчатого штампа. Как правило, все венчики отогнуты наружу с разной степенью загиба, у большинства внешний край рассечен вдавлениями.

Группа 3 представлена 53 фрагментами сосудов от 4 сосудов со следами выбивания верхней поверхности ребром лопаточки («рубчатая лопатка»). Оттиски от выбивания расположены

как горизонтально, так и наклонно. Выделен фрагмент венчика со сложной композицией орнамента – по внешнему борту венчика оформлены 2 ряда слабовыпуклых жемчужин, расположенных одна над другой, под ними зонально нанесены 2 ряда округлого гладкого штампа. Между зонами штампа присутствуют прочерченные парные линии, нанесенные под углом к друг другу. Срез венчика трехзубчатым штампом оформлен зигзагообразными парными вдавлениями. Один из фрагментов венчика сверху рассечен пересекающимися гладкими вдавлениями.

Группа 4 насчитывает 6 фрагментов от двух сосудов усть-бельского типа. Венчики овальной симметричной формы, внутренний край которых рассечен небольшими наколами. По внешнему борту нанесены параллельные линии, выполненные оттисками отступающей лопаточкой с прямым рабочим краем, на одном фрагменте – с вогнутым. Снаружи поверх линий оформлен ряд небольших округлых вдавлений, образующих изнутри небольшие жемчужины. Один фрагмент имеет сетчатый технический декор.

Группа 5 представлена 5 фрагментами от трех сосудов посольского типа. Венчики имеют характерную приостренную, внешне асимметричную форму, со сквозными отверстиями, произведенными с верхней поверхности под углом. Срезы двух венчиков декорированы косонаклонным гребенчатым штампом, поверх которого нанесены 2 прочерченные линии, в верхней – оформлены сквозные отверстия. Срез третьего венчика орнаментирован практически прямо поставленным гребенчатым штампом. Тулово сосудов покрыты рядами оттисков отступающей лопаточки с треугольным рабочим краем. На всех фрагментах читается шнуровой технический декор.

К группе 6 относятся 458 фрагментов от 8 тонко- и толстостенных гладкостенных неорнаментированных керамических сосудов.

Группа 7 представлена 4 фрагментами сосудов с нанесенными вафельными отпечатками. На одном фрагменте присутствуют следы нагара.

В группе 8 насчитывается 357 фрагментов от 45 толсто- и тонкостенных сосудов с оттисками разнообразного по форме и размеру зубчато-гребенчатого штампа (3–8 зубьев). Венчики, как правило, прямой симметричной, иногда – грибовидной внешне асимметричной формы. У большинства венчиков внешний край рассечен вдавлениями штампа. Имеются фрагменты, орнамент которых усложнен налепными валиками, ямочными и пальцевыми вдавлениями.

Группа 9 представлена 3 фрагментами сосудов с оттисками личиночного штампа.

Керамическая коллекция первого культуросодержащего горизонта в основном представлена фрагментами керамических сосудов эпохи

раннего железного века, что подтверждается сопутствующим археологическим материалом и стратиграфическим положением. Но в то же время были отмечены фрагменты керамических сосудов, относящихся к более ранним эпохам голоцена. В небольшом количестве найдены фрагменты от посольской и усть-бельской керамики, с сетчатым техническим декором, рубчатой лопаткой, относящиеся исследователями в археологической периодизации к неолиту и бронзовому веку. Данное явление может объясняться тем, что они попали в первый культуросодержащий горизонт в процессе воздействия антропогенных факторов, по нормам землеройных млекопитающих или вывалов деревьев.

Вафельная керамика является одним из критериев выделения ымыяхтахской культуры позднего неолита Якутии, однако и в раннем железном веке Якутии керамика с подобными отпечатками была широко распространена, имея отличительные черты от ымыяхтахской посуды. Фрагменты емкостей с подобным орнаментом встречены исследователями на ряде объектов р. Витим, р. Енисей, оз. Байкал [Людников, 2008].

The Ceramic Collection of the Layer 1 of the Site Ruchei Akimov (Northern Angara Region)

A. V. Ereemeev

This article presents the results of the research of the ceramic complex from the layer 1 of the site Ruchei Akimov. Layer 1 dates back to the Early Iron Age. The ceramic collection is composed of 1017 ceramic fragments from 68 vessels. They were allocated to 9 groups according to the technique of ornamentation. The studied ceramic collection has wide analogies with archaeological materials of a number of objects of the Northern Angara region and Baikal Siberia.

Keywords: Ruchei Akimov site, Early Iron Age, Northern Angara region, ceramic complex, vessel, ornamentation, decor.

Еремеев Артем Витальевич

студент 2-го курса

Иркутский государственный университет

исторический факультет

e-mail: Ereemey2112@mail.ru

Таким образом, вопрос о ее датировке и времени бытования остается пока открытым.

В целом, керамическая коллекция первого культуросодержащего горизонта имеет широкие аналогии с археологическими материалами ряда объектов Северного Приангарья и Байкальской Сибири в целом.

Научные руководители:

*Е. А. Липнина, канд. ист. наук, доцент
Иркутский государственный университет*

*Д. Н. Лохов, научный сотрудник
НИИЦ «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет*

Список литературы

Толстова М. В., Лохов Д. Н. Керамические комплексы эпохи неолита стоянки Ручей Акимов (Северное Приангарье) // *Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры.* – Иркутск, 2017. – Вып. 6. – С. 240–247

Людников В. О. Проблема появления вафельной керамики на Верхнем Витиме // *Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций.* – Барнаул, 2008. – С. 103.

Людников В. О. «Клад» каменных изделий со стоянки Ручей Акимов (Северная Ангара) // *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири.* Улан-Батор, 2012. – Т. 1. – С. 61–67

Ermeev Artyom Vitalievich

2nd year student

Irkutsk State University

Faculty of History

e-mail: Ereemey2112@mail.ru

УДК 902

Сравнительный анализ орнаментации керамики калинкинской культуры Сургутского Приобья

Е. В. Калинин

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург

Калинкинская культура эпохи раннего железа таежной зоны Западной Сибири является малоизученной, актуально создание её внутренней периодизации. Один из путей этого – исследование орнамента на посуде с калинкинских поселений. В данной работе анализировались материалы городищ Барсов городок (далее Бг) I/10, I/13, I/18 и III/4, расположенных на Барсовой горе (правобережье р. Оби недалеко от г. Сургута). Анализ выполнялся по программе В. Ф. Генинга [1973].

В 1973 г. М. В. Елькина раскопала полуразрушенное городище Бг III/4, отнесенное к калинкинской культуре [Чемякин, Зыков, 2004, с. 49]. При раскопках Ю. П. Чемякиным (1974, 1995) многослойного городища Бг I/10 кроме построек алтымской и белоярской культур обнаружены объекты с калинкинской керамикой [Чемякин, Зыков, 2004, с. 20].

Раскопки городища Бг I/13 (Ю. П. Чемякин, 1974 г.) также дали калинкинские материалы. Знакомство с материалами раскопок М. В. Ель-

киной городища Бг I/18 показало, что памятник неоднократно заселялся в древности. Основной период его функционирования связан с белоярской культурой начала эпохи железа (сер. I тыс. до н.э.). Калинкинская коллекция на городище – вторая по численности [Чемякин, Зыков, 2004, с. 25].

В коллекциях преобладают сосуды чашевидной (со слабо отогнутой высокой шейкой и прямыми плечиками) и горшковидной формы (с короткой слабо профилированной шейкой). В орнаментации ярко выражена зональность: зона под венчиком (на шейке), зона на плечиках и верхней части тулова сосуда. Особенностью калинкинской керамики является преобладание гладкого штампа, неорнаментированные зоны на шейке и плечиках сосуда, «жемчужины» в разделительных поясках (в основании шейки или на перегибе профилированного плечика).

На городище Бг III/4 найдены фрагменты 16 сосудов, из них 14 – венчики (рис. 1). Половина венчиков орнаментирована оттисками гладкого штампа (50%), а половина – гребенчатым штампом (50%). Разделительный поясок сохранился на 14 емкостях. Он выражен жемчужинами (57,1%), ямками (7,2%) и чередованием жемчужин и ямок (35,7%). Узоры сохранились на 14 сосудах. Внешняя поверхность 12 экз. украшена гладким штампом, гребенчатый штамп встречен лишь на 2 сосудах. Композиции состоят в основном из горизонтальных поясков вертикальных, наклонных, горизонтальных или расположенных в шахматном порядке оттисков разных штампов, редко из наклонных поясков этих же оттисков. Всего на 14 сосудах насчитывается 37 поясков (100%), из них 32 выполнены гладким штампом (86,5%), а 5 – гребенчатым (13,5%). Преобладают пояски из вертикальных (45%) и расположенных в шахматном порядке (ок. 30%) оттисков.

На городище Бг I/18 найдено минимум 23 сосуда (17 венчиков). Венчики украшены наклонными влево отпечатками гребенчатого (52,9%) или гладкого (47%) штампов. Разделительный поясок сохранился на 20 сосудах и выражен жемчужинами (40%), круглыми ямками, горизонтальным рядом чередующихся ямок и жемчужин и пояском из расположенных в шахматном порядке жемчужин и ямок (по 20%). На стенках композиции образованы горизонтальными поясками разнонаклонных оттисков различных штампов (на 23 сосудах и их фрагментах насчитывается 81 поясок = 100%). Доминируют отпечатки разных вариантов гладкого штампа (14 сосудов = 60,9% емкостей, 45,7% орнаментов). Гребенчатым штампом украшено 8 сосудов (34,8%, и 43,2% орнаментов). Ямки в орнаментальных композициях присутствуют на 6 емкостях (26,1%, 8,6% орнаментов).

На одном фрагменте стенки отмечены оттиски штампа в виде крупной уточки (4,3%). Преобладают двух- и трехрядные горизонтальные пояски – 23,5% всех орнаментов (присутствуют на 6 сосудах, все выполнены гребенчатым штампом). Оригинальны пояски из горизонтальных оттисков преимущественно гладкого штампа, расположенных в шахматном порядке (19,8%, сохранились на 9 сосудах). Пояски вертикальных оттисков составляют 18,5%, правонаклонных оттисков – 17,3%, еще 6,2% узоров приходится на горизонтальные зигзаги. Фестоны и горизонтальные ряды из мелких ямок составляют 7,4%. Остальные узоры единичны.

На городище Бг I/10 найдены фрагменты 18 сосудов (13 венчиков). 9 венчиков украшены гладким штампом (75,0%), а 3 экземпляра – гребенчатым (25,0%). Разделительный поясок сохранился на 13 сосудах: на 10 (76,9%) это ряд жемчужин, и на 3 (23,1%) – ряд сквозных ямок. Узоры на боковой поверхности сохранились на 17 сосудах (50 поясков = 100%). Преобладают оттиски гладкого (88% орнаментов) штампа над гребенчатым (8% орнаментов). Гладкий штамп присутствует на 13 емкостях, в то время как гребенчатым штампом украшено лишь 3 сосуда, а уточковидным – один. Преобладают пояски вертикальных оттисков, которые составляют 44% орнаментов, доля правонаклонных отпечатков составляет 16%. Пояски из оттисков, расположенных в шахматном порядке, сохранились на 10 сосудах (34% орнаментов). Узор в виде горизонтального зигзага присутствует на одном сосуде (2%).

На городище Бг I/13 и рядом найдены фрагменты 13 сосудов, один из которых оригинальной формы. Из 11 венчиков 9 (81,8%) украшены гладким штампом, а 2 (18,2%) – гребенчатым. На 10 сосудах сохранился разделительный поясок, выраженный жемчужинами (60%) и чередованием ямок и жемчужин в шахматном порядке (40%). Композиции на боковой поверхности присутствуют на 12 сосудах (37 поясков = 100%). Гладким штампом украшено 8 экз. (54% орнаментов), гребенчатый присутствует на 5 экз. (37,8% орнаментов). Один сосуд украшен уточковидным штампом (5,4% орнаментов) и один украшен ямками (2,7% орнаментов). Пояски из оттисков, расположенных в шахматном порядке, есть на 5 сосудах (24% орнаментов). Доля вертикальных оттисков равна 18,9%, правонаклонных – 16%, левонаклонных – 5,4%. Двухрядные горизонтальные пояски и пояски в виде зигзага (выполнены преимущественно «гребенкой»), составляют соответственно 13,5% и 8%. Остальные узоры единичны.

Анализ орнаментации керамики выявил следующие тенденции, позволил наметить такие вероятные линии развития. Орнаментация

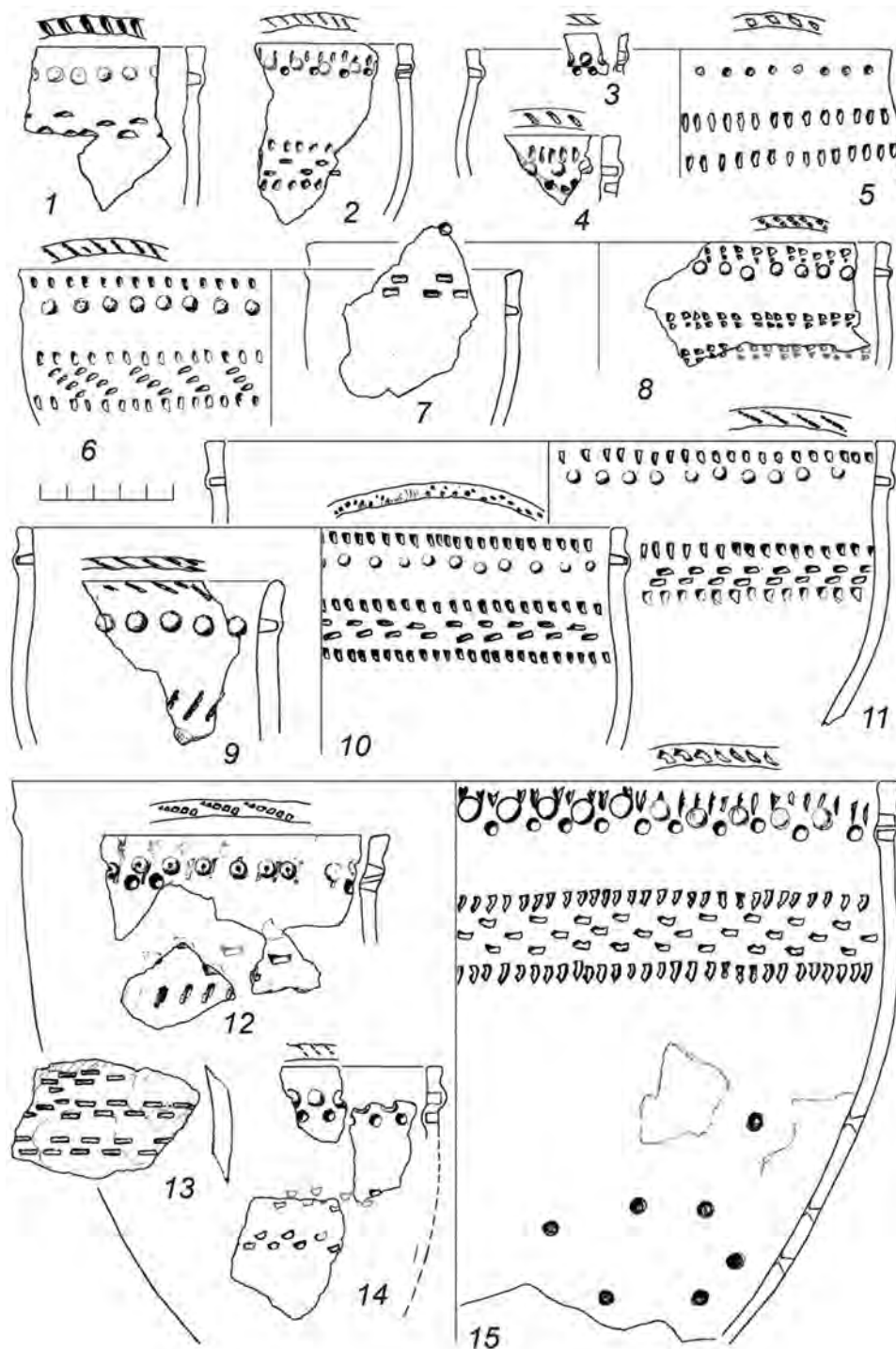

Рис. 1. Керамика калинкинской культуры с городища Барсов городок III/4

венчика (по соотношению гладкого и гребенчатого штампа): Бг I/13 = 81,8:18,2 → Бг I/10 = 69,2:30,8 → Бг III/4 = 50:50 → Бг I/18 = 47:52,9. Анализ разделительных поясков выявил такую же картину (жемчужины : ямки : чередование жемчужин и ямок): Бг I/13 = 81,8:18,2:0 → Бг I/10 = 76,9:23,1:0 → Бг III/4 = 57,1:7,2:35,7 → Бг I/18 = 40:20:40. Уменьшается доля поясков из одних жемчужин, возрастает доля поясков, где жемчужины сочетаются с ямками. Доля сосудов, украшенных гладким штампом, по от-

ношению к украшенным «гребенкой»: Бг III/4 = 85,6:14,4 → Бг I/10 = 72,2:16,7 → Бг I/13 = 61,5:38,7 → Бг I/18 = 60,9:34,8.

Соотношение узоров, выполненных гладким и гребенчатым штампами на стенках сосудов, таково: Бг I/10 = 88%:7%, Бг III/4 = 86,5%:13,5%, Бг I/18 = 60,9%:43,2%, Бг I/13 = 54%:37,8%. Высокий процент гребенчатых узоров на городище I/13 объясняется насыщенными композициями на двух (!) сосудах.

Сравнительный анализ керамики городищ Бг III/4 и Бг I/10 по ряду параметров показал 86,8% сходства. Сходство Бг I/13 и Бг I/18 по этим же параметрам 84%; Бг III/4 и Бг I/18 – 63,7%; Бг I/13 и Бг I/10 – 57%. Наименьшее сходство имеют Бг I/10 и Бг I/18 (48%), а также Бг III/4 и Бг I/13 (53%).

Исходя из анализа, можно предположить, что Барсов городок III/4 и I/10 являются ранними, а Барсов городок I/18 и I/13 – более поздними. На посуде более поздних памятников появляются черты, присущие керамике белоярской и кулайской археологических культур, что отражает постепенную ассимиляцию носителей

калинкинской культуры аборигенным населением [Чемякин, 2008, с. 78].

*Научный руководитель – Ю. П. Чемякин
канд. ист. наук, доцент
Кафедра всеобщей истории
Институт общественных наук
Уральский государственный педагогический
университет*

Список литературы

- Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – № 1. – С. 114-136.
Чемякин Ю. П., Зыков А. П. Барсова Гора: археологическая карта. – Сургут – Омск: ОАО «Омский дом печати», 2004. – 103 с.
Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут–Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. – 224 с.

Comparative Analysis the Ornamentation of Ceramics of the Kalinkinskaya Culture of Surgut Ob Region

E. V. Kalinin

A brief comparative analysis of the ornamentation of vessels of Kalinkinskaya culture is given in the article on the basis of ceramic complexes of the fortified sites Barsov Gorodok I/10, I/13, I/18 and III/4. Based on the results of the study, the author proposed the line of development of the ornament of vessels of Kalinkinskaya culture, with which was built the relative location of monuments in time.

Keywords: Kalinkinskaya culture, comparative analysis, ceramics, ornaments.

Калинин Евгений Викторович

студент 4-го курса

Уральский государственный

педагогический университет, Екатеринбург

e-mail: kalinin-po4ta@mail.ru

Kalinin Evgeny Viktorovich

4th year student

Ural State Pedagogical University

(Ekaterinburg)

e-mail: kalinin-po4ta@mail.ru

УДК 902/904

Поселения раннего железного века Северного Казахстана: топография, планировка, датировка

М. Кобланулы

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Астана (Казахстан)

Северный Казахстан в природном отношении является местом, где смыкаются две ландшафтные зоны: лесостепной западносибирской и степной полосы Сарыарки. Неоднородность ландшафта привела к взаимодействию на данной территории двух хозяйственно-культурных типов и двух культурных миров. Также Северный Казахстан является регионом взаимодействия нескольких археологических культур: саргатской с севера, тасмолинской с юга и сарматской с запада.

В Северном Казахстане открыто пять поселений раннего железного века. Четыре из них обнаружены на р. Ишим. Материалы, полученные в ходе исследований данных поселений, моделируют культурно-историческую ситуацию в VIII–VI и IV–II вв. до н. э. [Хабдулина, 1994, с. 29].

В 90-х гг. XX века в степях Северного Казахстана были начаты первые исследования поселений раннего железного века. В 40 км южнее г. Кокшетау на берегу р. Чаглинка проводились раскопки поселения Кеноткель X. Площадь памятника составляет 14000 кв. м. На современной поверхности видны развалы каменных строений, которые говорят о том, что XIX–XX вв. здесь находились казахские зимовки. На поселении было раскопано 800 кв. м. Раскоп был заложен на южной оконечности мыса. Был найден значительный вещевой инвентарь из каменных, бронзовых и костяных изделий. Наиболее массовой находкой является керамика. Культурный слой мощностью 0,6–0,8 м состоит из золотистого грунта. Датировка поселения ранне-сакским временем, что подтверждается яркими находками и керамикой.

На северной окраине г. Петропавловска на правом берегу р. Ишим находится еще одно поселение раннего железного века – Борки II. Памятник был разрушен карьером кирпичного завода. На территории заложеного раскопа было обнаружено два погребения. По вещевому инвентарю они отнесены к III–II вв. до н. э.

К югу от г. Петропавловска расположено поселение Карлуга I. В ходе исследования на территории раскопа были обнаружены ямы различных форм и содержания. Наиболее крупные из них имеют подпрямоугольную форму размерами 3,5–4,0 x 2,5–3,0. Находятся они по внутренней дуге на равном друг от друга расстоянии. А ямы маленьких размеров описывают внешнюю дугу. Так как в заполнении большинства ям были обнаружены зола и древесный уголь, можно сказать, что они являются остатками неких жилых и хозяйственных конструкций.

Поселение Борки I полностью разрушено при выборке глины для кирпичного завода. Несмотря на это, на наклонной площадке был заложен раскоп площадью 93 кв. м. Здесь были исследованы остатки жилища I и угол жилища II и две хозяйственные ямы за пределами помещений.

В 1979–1980 гг. экспедицией под руководством М. К. Хабдулиной было исследовано городище Актау. Расположено оно на мысу правого берега р. Ишим, образованном изгибом русла и балкой. На жилой площадке просматривались вал высотой 0,3–0,4 м и легкий прогиб рва. Общая площадь поселка вместе с системой укрепления составляет 1700 кв. м. Была раскопана территория площадью 1730 кв. м. За пределами укрепления были заложены траншеи, где культурного слоя ученые не обнаружили. На территории городища исследованы 10 жилищ наземного типа. Они представлены двумя типами построек – однокамерные и двухкамерные. Однокамерные прямоугольные сооружения имеют длину 6 и 7 м при ширине 4 и 5 м. Двухкамерные имеют более значительные размеры. На площадке городища зафиксировано шесть десятков столбовых ям, связанных с конструкциями жилых помещений и вала-стены.

Городище относится к типу мысовых. В плане оно имеет форму сектора с центром в юго-западной части мыса. С напольной стороны городище окружено оборонительными стенами. Раскопки и исследование данной местности и топоплан свидетельствуют, что в выборе будущей территории проживания древние мастера максимально использовали естественные условия защиты. Исследованные поселения охарактеризовали южную окраину оседлых культур раннего железного века Западно-Сибирской лесостепи: байтовскую и саргатскую.

В конце 90-х гг. XX века в Северном Казахстане были продолжены поиски и раскопки по-

селений. В 1998 году в ходе разведки отрядом Ишимской археологической экспедиции было обнаружено два поселения раннесакского времени – Таскора и Таскора I. Руины поселения Таскора находятся в 6 км от с. Селетинское на левом берегу р. Селеты [Хабдулина, Гаврилов, Свиридов, 2013, с. 55]. Всего на поселении зафиксировано 28 сооружений. Раскопки проводились в 1999–2000 гг. Была раскопана постройка 7 в северной части и сооружение 9–10 в центральной. На территории постройки 7 был заложен раскоп площадью 170 кв. м. В северной и западной части раскопа зафиксированы стенки котлована высотой 25 см. Внутри постройки не найдены изделия из керамики и другие артефакты. В 2000 году на постройке был заложен еще один раскоп (№ 2). Коллекция находок представлена 12 фрагментами, принадлежащими трем глиняным сосудам [Хабдулина, 2003, с. 191].

Поселение Таскора I находится на правом берегу р. Селеты, в 1,5 км от заброшенного поселка Таскора. В культурном слое найдены кости животных, фрагменты керамики, 14 каменных мотыг и 3 каменных орудия типа песта. С целью более масштабного изучения памятника в 2001 г. в центральной части был сделан раскоп № 2 площадью 162 кв. м. Здесь также были найдены кости животных, фрагменты керамики и различные орудия труда раннего железного века.

Эти два поселения можно считать синхронными в археологическом смысле. Датировались они по бронзовому однолезвийному ножу и бронзовому черешковому трехлопастному наконечнику стрелы. Такого рода находки характерны для раннесакского времени и позволяют отнести памятники к VIII–VI вв. до н. э. Признаком, объединяющим поселения, является керамика. Такая же керамика впервые была найдена на поселении Кеноткель X [Хабдулина, 1994, с. 61; Маргулан, 1979, с. 253–254].

Количество раннесакских поселений возрастает при обращении к ранее опубликованным материалам ученых Центрального Казахстана. Стоит отметить поселения, выделенные в свое время А. Х. Маргуланом. Это такие поселения, как Тагибай-Булак, Кулман. Список дополняют открытия А. З. Бейсенова в Каркаралинских горах [Бейсенов, 2002, с. 39–40].

Таким образом, на археологической карте степного Казахстана появился новый вид памятников – поселения раннего железного века, которые характеризуются рядом общих признаков. Располагались они на берегах рек и в мелкосопочных долинах, в местах, защищенных от степного ветра и приуроченных к горным ручьям и родникам. Для поселений раннего железного века прослеживается зависимость от окружающего ландшафта. В горных местностях они расположены далеко от водных источников.

В организации поселений выделяются две планировочные схемы: линейная, вдоль берега, и застройки, сгруппированные в отдельные массивы. Вторая схема наиболее ярко выражена в планировке казахских зимовок. Отсюда можно сделать вывод, что топография и планировка жилищ раннего железного века имеют сходство с жилищами поздней бронзы Центрального Казахстана и казахскими зимовками нового времени.

*Научный руководитель – М. К. Хабдулина
канд. ист. наук, доцент
Кафедра археологии и этнологии
Евразийский национальный университет
имени Л. Н. Гумилева*

Список литературы

- Бейсенов А. З.* Исследования Сарыаркинской экспедиции в Центральном Казахстане // Известия МОН РК – НАН РК. Серия общественных наук. – 2002. – № 1. – С. 31–41
- Маргулан А. Х.* Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1979
- Хабдулина М. К.* Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Ракурс, 1994. – 170 с.
- Хабдулина М. К.* Поселения раннесакского времени на реке Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. – Т. 1. Древние эпохи. – Научное издание: Астана, 2003. – С. 189–199.
- Хабдулина М. К., Гаврилов Д. А., Свиридов А. Н.* Археология Северного и Центрального Казахстана – Астана: Сарыарка, 2013. – 280 с.

The Early Iron Age Settlements in Northern Kazakhstan: Topography, Layout, Dating

M. Koblanuly

This article is devoted to the settlements of the early iron age of Northern Kazakhstan. The paper highlights the main characteristics of the settlements of the early iron age, as well as a detailed description of the architecture and layout of residential buildings, comparing them with the dwellings of the late bronze age of Central Kazakhstan and the Kazakh wintering of modern times.

Keywords: early iron age, Northern Kazakhstan, settlements.

Кобланулы Мендыхан

магистрант 1-го курса
Евразийский национальный университет
им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)
e-mail: Koblanuly_m@mail.ru

Koblanuly Mengdykhan

Master's degree program, 1st year
Eurasian national university named after L. N. Gumilev
(Astana, Kazakhstan)
e-mail: Koblanuly_m@mail.ru

УДК 903.02(571.53)»638»

Керамическая коллекция второго культуросодержащего горизонта многослойного местонахождения Усть-Ёдарма II (Северное Приангарье)*

В. П. Михалева

Иркутский государственный университет, Иркутск

* Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 074-02-2018-334 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Многослойное археологическое местонахождение Усть-Ёдарма II находилось на правом приустьевом участке р. Ёдармы при впадении ее в р. Ангару, в 88 км ниже по течению от г. Усть-Илимска (Усть-Илимский район Иркутской области). Объект входил в ансамбль местонахождений на Ёдарминской геоархеологической площади (Усть-Ёдарма I–III, Ёдарма I–II, Деревня Ёдарма) [Лохов, Липнина, Дударек, 2015, с. 64].

Местонахождение Усть-Ёдарма II было открыто в 1972 г. в ходе разведки Богучанским отрядом Комплексной археологической экспедиции ИГУ под руководством Н. И. Дроздова. Сборы экспонированного материала, шурфовочные работы были продолжены в 1998, 2007, 2008

гг., полученные данные дополнили сведения об археологическом материале, стратиграфии, топографии местности. Спасательные работы с 2009 г. до момента затопления территории Богучанской ГЭС в 2012 г. дали уникальную и детальную информацию о вещественных остатках палеокультур позднего плейстоцена – голоцена.

Общая вскрытая площадь в 2009–2012 гг. составила 5078 м². Было зафиксировано 12 уровней залегания археологического материала в делювиальных отложениях субаэрально-го генезиса от позднего плейстоцена до эпохи Средневековья и Нового времени. Коллекция находок содержит разнообразный материал: фрагменты керамических сосудов, изделия из камня, кости, металла и их фрагменты, костные

остатки млекопитающих, ихтиофауны, орнитофауны [Мамонтов, Лохов, 2013, с. 127].

В данной статье предметом рассмотрения определена керамическая коллекция 2 уровня отложения ископаемой культуры, заключенного в сильногумусированные образования субатлантического периода, предварительно датированного эпохой раннего железного века. Всего во 2 культуросодержащем слое (КС) было зафиксировано 2330 единиц находок, из них 1951 фрагмент керамики как минимум от 77 сосудов, часто со следами нагара. По мотивам орнамента и технике нанесения декора, а также по особенностям технологии изготовления, среди керамического материала выделено 14 групп.

К первой группе отнесены фрагменты в количестве 1252 ед. от тонко- и толстостенных гладкостенных неорнаментированных сосудов, толщина которых варьируется от 0,3 до 1,2 см. На некоторых фрагментах присутствуют следы от ногтей и примазки лопаточкой. В группе отмечено 13 венчиков. На одном фрагменте венчика прямой формы от тонкостенного сосуда по внешнему борту оформлено округлое сквозное отверстие. Еще один венчик имеет следы древней реставрации.

Во второй группе 547 фрагментов от 26 сосудов с различными по форме и размерам налипшими валиками – тонкими и толстыми, треугольными и овальными, прямыми и волнистыми, с пальцевыми защипами, со следами примазки и следами ногтей, многие из них рассечены вдавлениями, на некоторых фрагментах орнамент дополнен ямочными вдавлениями и оттисками палочки, образующей «елочку».

Третья классификационная группа представлена 28 фрагментами керамики с оттисками «сетки-плетенки», из них 25 фрагментов с оттисками затертой «сетки-плетенки». Четыре фрагмента являются венчиками сосудов. Внешний и внутренний края рассечены различными вдавлениями, внешний борт венчиков орнаментирован рядами сквозных и несквозных вдавлений, образующих «жемчужины» с внутренней стороны сосуда.

К четвертой группе относятся 48 фрагментов с зубчато-гребенчатым штампом. Сюда входят 17 фрагментов зубчатого штампа (от 3 до 7 зубцов), на двух фрагментах оттиски образуют «елочку». 31 фрагмент с оттисками разного по форме и размерам гребенчатого штампа. Имеются фрагменты, орнамент которых усложнен налипшими валиками, ямочными и пальцевыми вдавлениями. К этой группе относятся 14 венчиков от 13 сосудов преимущественно открытой формы.

В пятую группу входят 19 фрагментов со следами отступающей и шагающей лопаточки, с различным по форме и размерам рабочим

краем, а также со следами заглаживания лопаточкой. На некоторых фрагментах имеются гребенчатый штамп и округлые несквозные и пальцевые вдавления. В группе 3 венчика.

В шестую группу входят 4 фрагмента керамических сосудов с оттисками «шнура».

Седьмую группу составляют 28 фрагментов с оттисками гладкого штампа округлой, подквадратной и прямоугольной формы, которые на некоторых фрагментах образуют «ёлочки». Отмечено 13 фрагментов венчиков от 12 сосудов, среди которых два дополнительно орнаментированы слегка наклонным гребенчатым штампом и рядом ямочных вдавлений.

К восьмой группе относятся 7 фрагментов рубчатой керамики со следами выколачивания обеих поверхностей сосудов.

Девятая группа представлена 3 фрагментами венчиков трех сосудов, два из которых орнаментированы ямочными вдавлениями разной формы, образующими с внутренней стороны «жемчужины». Третий венчик орнаментирован ямочно-миндалевидными вдавлениями, характерными для сосудов европейской и западносибирской части страны.

В десятую группу входят 6 фрагментов с прочерченными параллельными друг другу линиями.

Одиннадцатую группу составляют 2 фрагмента венчика одного сосуда. Срез волнообразной формы из-за пальцевых округлых вдавлений с отпечатками ногтей на внутреннем крае. По внешнему борту проходит ряд оттисков, оформленных техникой отступающей лопаточки с прямоугольным концом. Ниже идет ряд пальцевых защипов, в углублении каждого из них произведено несквозное округлое вдавление, образующее изнутри сосуда небольшую «жемчужину». Ниже фрагмент от ряда оттисков отступающей лопаточки с прямоугольным концом.

В двенадцатой группе – два фрагмента разных сосудов, один из которых венчик, орнаментированные рядами наклонных ногтевых вдавлений.

Тринадцатую группу представляют 3 фрагмента венчиков сосудов сложной открытой формы, изготовленных на гончарном круге.

Два фрагмента плоского дна разных керамических сосудов составляют четырнадцатую группу.

Результаты спасательных работ 2009–2012 гг. показали, что материалы многослойного местонахождения Усть-Ёдарма II уникальны и представительны, часто не имеют аналогов в культуросодержащих уровнях как соседних объектов, так и региона в целом. На данный момент местонахождение находится под водами Богучанского водохранилища, материалы остаются актуальными для дальнейшего изучения голоценовых

культур Северного Приангарья и сопредельных территорий.

Керамическая коллекция 2 КС представлена в основном фрагментами сосудов эпохи раннего железного века, что подтверждается как сопутствующим археологическим материалом, так и четкой стратиграфической ситуацией. Однако были зафиксированы фрагменты керамических сосудов, относящихся к более ранним эпохам, например, сетчатая и рубчатая керамика, характеризующие неолит и бронзовый век соответственно. Данное явление можно объяснить несколькими факторами: во-первых, антропогенным, когда на протяжении нескольких веков человек участвовал в формировании культурного слоя, собирая экспонированный материал и используя его; во-вторых, это явление биотурбированности, связанное с деятельностью землеройных животных. В целом, керамическая коллекция второго КС имеет широкие аналогии с археологическими материалами ряда объектов Северного Приангарья и Байкальской Сибири.

The Ceramic Collection of the Layer 2 of the Multilayered Site Ust-Yodarma 2 (Northern Angara Region)

V. P. Mikhaleva

The article presents the analysis and systematization of ceramic materials of the second layer of the multilayered site Ust-Yodarma 2 which is based on the results of salvage excavations of 2009–2012. Layer 2 dates back to the Early Iron Age. About two thousand fragments of ceramic vessels was excavated in layer 2. It was allocated 15 groups based on the ornamentation and technique of applying decor as well as on the features of manufacturing technology. The studied ceramic collection has wide analogies with archaeological materials of a number of objects of the Northern Angara region and Baikal Siberia.

Keywords: multilayered site, Ust-Yodarma II, second layer, Early Iron Age, ceramic collection, ornamentation, decor.

Михалева Валентина Павловна

студентка 2-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: valyamikh719@gmail.com

Анализ и систематизация керамических материалов позволяют наметить новые и обозначить старые аспекты проблематики в изучении гончарства Северного Приангарья в эпоху палеометалла.

Научные руководители:

Е. А. Липнина

канд. ист. наук, доцент

Иркутский государственный университет

Д. Н. Лохов

научный сотрудник

НИЦ «Байкальский регион»

Иркутский государственный университет

Список литературы

Мамонтов А. М., Лохов Д. Н. Динамика видового состава рыб в голоценовых комплексах геоархеологического местонахождения Усть-Ёдарма II (в зоне затопления Богучанской ГЭС) // *Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры.* – Иркутск, 2013. – С. 126–133

Лохов Д. Н., Липнина Е. А., Дударёк С. П. Русское старожильческое поселение Деревня Ёдарма (по результатам спасательных работ в зоне затопления Богучанской ГЭС) // *Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология.* – 2015. – Т. 13. – С. 62–95

УДК 902

Историко-культурная динамика древнего поселения на озере Долгое

В. А. Мохарь

МАОУ «Гимназия № 1 г. Благовещенска»

Исследования археологических памятников Западного Приамурья имеют достаточно длинную историю, начиная с рубежа XIX–XX вв. Однако вплоть до настоящего времени на археологической карте Амурской области осталось немало «белых пятен», связанных с археологией. Одним из них является Архаринский район. Несмотря на то, что в данной местности известны такие памятники,

как поселение на о. Урильском, первое и второе Иннокентьевские поселения, Иннокентьевский могильник и другие, Архаринский район до сих пор остается практически неисследованным [Материалы и исследования..., 2009, с. 13–14].

Одним из ярких археологических объектов является Озеро Долгое. Памятник был выявлен в 2005 г. отрядом «Центра по сохранению

историко-культурного наследия Амурской области» [Нестеров и др., 2008, с. 229].

В 2008 г. Российско-Корейская археологическая экспедиция Института археологии и этнографии СО РАН и Государственного исследовательского Института культурного наследия Республики Корея начала стационарное исследование на поселении Озеро Долгое. Для раскопа были определены две западины № 31 и № 32. Археологические работы показали, что под западиной № 31 находилось жилище и хозяйственная конструкция (погреб). На территории западины № 32 – жилище [Материалы и исследования..., 2009, с. 122].

В погребенной почве и на полу жилищ найдены фрагменты керамического материала, относящегося к урильской и талаканской археологическим культурам раннего железного века, а также к раннесредневековой михайловской культуре [Материалы и исследования..., 2009, с. 124]. Каменный инвентарь представлен отбойниками, каменным ножом и скребками, а также продуктами первичного расщепления (отщепы, нуклеусы и др.) [Нестеров и др., 2008, с. 232]. Немногочисленное количество артефактов из найденного материала можно отнести к раннеолитической новопетровской культуре: обломки пластин, пилка по раковине, отщепы из вулканического туфа.

Особый интерес вызывает наличие керамического материала польцевской культуры, которая в основном была распространена на территории Восточного Приамурья. Польцевская керамика представлена фрагментами сосудов, имеющих «пальцевый» орнамент с четким отпечатком ногтя. Данная керамика, судя по всему, принадлежит, как минимум, двум сосудам, на это указывают различные размеры пальцевых отпечатков [Материалы и исследования..., 2009, с. 124].

В целом материалы исследования жилищ позволяют отнести памятник к поселению переходного периода – от раннего железа (талаканская культура) к Средневековью (михайловская культура).

В 2014 г. археологические работы на памятнике были возобновлены на площади 62 кв. м. Для раскопа были определены западины № 16 и № 17, которые находились в одном ряду с ранее раскопанными жилищами № 31 и № 32 соответственно.

Археологическое обследование ямы № 16 показало, что на её территории расположены различные находки: речные гальки, отщеп, керамические фрагменты. На дне ямы была установлена рама из вертикально стоящих плах или досок. Её высота реконструируется

приблизительно в 60 см. Верхние концы плах имели горизонтальную обвязку, также было обнаружено скопление речных галек средних размеров.

В яме № 17 было обнаружено большое количество обломков крицы, шлака. Керамический материал представлен фрагментами сосудов троицкой группы мохэской археологической культуры, а также небольшим скоплением михайловской керамики. Из железных изделий были обнаружены обломки панцирной пластины и, возможно, железного котла. В поддёрновом слое найдены обожженные кости косули. Так же, как и в яме № 16, на дне была установлена рама из наклонно стоящих плах или досок, которые располагались по направлению от края к середине сооружения. В переделах рамы и за её границей обнаружено скопление речных галек, фрагмент керамики неопределенного типа, кость животного, шесть костяных шиловидных наконечников стрел [Нестеров и др., 2014, с. 249].

Интересным является предположение С. П. Нестерова, что данные ямы являются по своей сути могилами-кенотафами. В качестве погребального инвентаря можно рассматривать костяные наконечники стрел, галечный комплекс, фрагменты керамики. Найденный керамический материал позволяет отнести могилы к мохэским [Нестеров, 2015, с. 69–70; Нестеров и др., 2014, с. 250].

Памятник Озеро Долгое не до конца изучен, многие вопросы остаются открытыми, в особенности проблема интерпретации данного археологического объекта. Действительно ли в результате стационарных работ были обнаружены могилы? Лишь дальнейшее изучение памятника может дать окончательные ответы на множество вопросов.

Ранее установлено, что урильская, талаканская, михайловская и мохэская (троицкий вариант) культуры последовательно сменяли друг друга в долине Буреи, сосуществуя при этом некоторое время. Таким образом, между ними предполагается определённая преемственность.

Ежегодные исследования дают новый материал, и в настоящий момент фрагменты талаканской керамики встречены на 28 местонахождениях (данные на 2018 г.) по всей территории Западного Приамурья, как в таёжных, так и в равнинных районах. Раскопки талаканского жилища 31 на Озере Долгом и обнаружение там, как и в жилище 1 таёжной стоянки Усть-Талакан, челюсти домашней свиньи свидетельствует о наличии у носителей данной культуры животноводства в виде свиноводства, а, следовательно, оседлости

[Нестеров С. П., Хон Хён У, Бён Ён Хван..., с. 230–232].

Обнаружение на памятниках талаканских промысловиков (например, на стоянке Безумка) тонкостенной керамики больших размеров, с диаметром венчика до 40 см, указывает на наличие высокоразвитого гончарного производства, что возможно только на стационарных поселениях. Поселения талаканской культуры на территории Западного Приамурья пока немногочисленны (поворот на Сухие Протоки у трассы Новобурейск – Талакан; Озеро Долгое; на правом берегу в устье Топкочи у р. Дим) и малоизучены [Шеломихин О. А., Нестеров С. П., Алкин С. В., с. 100–101].

Самые представительные археологические материалы Западного Приамурья, относящиеся к финалу раннего железного века и началу Средневековья, обнаружены в долине р. Буреи [Древности Буреи, 2000]. Поэтому на данный момент наиболее вероятным представляется, что этнокультурная динамика долины Буреи была характерной для всего Западного Приамурья, а носители михайловской культуры являются потомками талаканского населения. Если принять это положение, то этническая принадлежность населения талаканской культуры будет зависеть от определения таковой у носителей михайловской культуры.

Этническая принадлежность носителей михайловской культуры является дискуссионной. Если михайловское население в своей основе тунгусо-маньчжурское, то и носители талаканской культуры были тунгусо-маньчжурами. Если же михайловцы – это монголоязычные шивэй, то и талаканцы должны быть монголоязычными.

На родственные связи с талаканцами в генезисе материальной культуры михайловцев указывают археологически целые керамические сосуды, обнаруженные в июле – сентябре 2018 года на раскопках памятника Черниговка (селище-5), расположенного в Свободненском районе Амурской области [Волков Д. П., Коваленко С. В., Крючко Е. И...]. Большинство

из этих михайловских горшков были круглодонными, то есть унаследовавшими формы, характерные для керамики предшественников – носителей талаканской культуры.

*Научный руководитель – О. А. Шеломихин,
канд. ист. наук, заведующий кафедрой
истории России и специальных
исторических дисциплин
Благовещенский государственный
педагогический университет*

Список литературы

Волков Д. П., Коваленко С. В., Крючко Е. И., Мамуль Я. М., Марченко Е. А., Миронов М. А., Алкин С. В., Нестеров С. П., Шеломихин О. А., Болотин Д. П. Спасательные археологические раскопки памятника Черниговка, селище-5, в Амурской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – 520 с.

Древности Буреи / Нестеров С. П., Гребенщиков А. В., Алкин С. В., Болотин Д. П., Волков Д. П., Кононенко Н. А., Кузьмин Я. В., Мильникова Л. Н., Табарев А. В., Чернюк А. В. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. – 352 с.

Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье / А. П. Деревянко, Ким Бон Гон, С. П. Нестеров, Чой Мэн Сик, Хон Хён У, Бён Ён Хван, Пак Джон Сон, Я. Ю. Хабибуллина. – Тэджон: Изд-во гос. исследоват. Ин-та культурного наследия, 2009. – Вып. II: раскопки поселения Озеро Долгое в 2008 году. – 286 с.

Нестеров С. П. Бохайские могилы в Амурской области // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Выпуск 5. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2015. – С. 69–71

Нестеров С. П., Мильников В. П., Шеломихин О. А., Мамуль Я. М., Яковлев А. В. Исследование памятника Озеро Долгое в Амурской области в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 247–250

Нестеров С. П., Хон Хён У, Бён Ён Хван, Пак Джон Сэн, Зайцев Н. Н., Волков Д. П., Хабибуллина Я. Ю., Шеломихин О. А. Исследование поселения Озеро Долгое в Амурской области в 2008 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 229–233.

Шеломихин О. А., Нестеров С. П., Алкин С. В. Долина Буреи в эпоху палеометалла: материалы исследования памятников Букинский Ключ-1 и Безумка. – Благовещенск: Изд-во Благовещен. гос. пед. ун-та, 2017. – 194 с.

Historical and Cultural Dynamics of the Ancient Settlement on the Lake Dolgoe

V. A. Mokhar

The article presents generalizing results of researches of 2008 and 2014 years from Lake Dolgoe in Arkharinskiy district. The theory of accessories of pits 16 and 17 to the tombs-cenotaphs was examined.

Keywords: archaeological culture, Lake Dolgoe, The West Amur, tomb.

Мохарь Вероника Анатольевна

учитель истории и обществознания
МАОУ «Гимназия № 1 г. Благовещенска»
e-mail: bizarrev@mail.ru

Mokhar Veronika Anatolievna

teacher of history and social studies
Gymnasium № 1, Blagoveshchensk
e-mail: bizarrev@mail.ru

Пантеон хищников в наскальном искусстве Саяно-Алтая в скифскую эпоху

М. А. Муршидова,

Кемеровский государственный университет, Кемерово

Изучая памятники наскального искусства, нельзя не обратить внимание на один из любопытнейших образов в репертуаре этого искусства – на хищных существ. Они появляются на ранних этапах развития наскального искусства и особую популярность приобретают в окуневском искусстве и в творчестве скифского времени. В окуневском искусстве преобладали фантастические хищники, а в скифском – как фантастические, так и вполне реалистичные. В данном случае мы не будем характеризовать синкретические персонажи, а обратимся к реалистичным, чтобы понять, какие хищные животные стали прообразами наскальных изображений. Известно, что на территории Саяно-Алтая с древних времен обитало несколько видов хищных животных, среди которых можно выделить медведей, кабанов, волков, а также представителей семейства кошачьих, таких как снежный барс и тигр, который ныне не обитает на данной территории.

В скифское время основные композиции с участием хищников посвящены сценам преследования или условного «терзания» копытного, в которых хищники занимают доминирующее положение, как и в сценах «шествия» зверей. Иногда определить видовую принадлежность изображаемых хищников весьма затруднительно, в связи с чем необходимо выявить их основные иконографические особенности, а затем сопоставить с реальными животными.

В наскальном искусстве достаточно просто отличить изображения медведей и кабанов от изображений других представителей отряда хищных. Медведя легко узнать по крупному туловищу, мощными лапам с длинными когтями. В скифское время этот персонаж все реже появляется среди наскальных рисунков. Вероятнее всего, изображение медведя начало исчезать из наскального искусства в связи с тем, что его образ перестал связываться с космогоническими представлениями, а стал приобретать характер культового, тотемного животного [Заика, 2001, с. 466] (однако стоит отметить, что отдельные черты этого животного встречаются у фантастических хищников этого времени). Южная граница ареала медведя на территории России совпадает с государственной границей. На Алтае звери водятся повсеместно – от бассейна оз. Маркаколь и до Зайсанской котловины (в самой котлови-

не нет), в Нарымском хребте и в Калбибском Алтае (левобережье Иртыша). Далее граница ареала медведя идет по границе сплошных высокоствольных лесов, т. е. по северным предгорьям Алтая, обходит Кузнецкий Алатау с запада и с севера [Собанский, 1988, с. 83].

Отличительная черта кабанов – копытных хищников [Семенов, 2017, с. 62] – наличие копыт вместо когтей и подчеркнутый загривок. Наряду с этим часто кабаньи морды изображаются с торчащим, приподнятым носом. Как и у хищников, у них присутствуют клыки. Кабан мог изображаться как с опущенной головой (Минусинская котловина), так и с приподнятой (Алтай). Что касается территории распространения этого животного, то известно, что в Сибири проходит северная граница ареала кабана, причем по югу Западной Сибири (Горный Алтай). Палеонтологические данные свидетельствуют о том, что в древности были периоды, когда кабаны постоянно обитали во многих урочищах южной половины Алтайской горной страны [Собанский, 1988, с. 112].

Некоторые волчьи черты стали просматриваться у фантастических хищников еще с эпохи ранней бронзы. Главный признак волка – это голова удлиненной формы с длинной клыкастой пастью. Такие пасти – у большинства синкретических образов, характерных для скифо-сибирского звериного стиля (особенно в восточных районах). Однако из-за сложности определения видовой принадлежности хищников эти признаки не всегда являются показательными. Волки, как и прочие хищные представители местной фауны, чаще всего присутствовали в сценах с копытными. На территории Саяно-Алтая были распространены обыкновенный и красный виды волков. Современный ареал красного волка охватывает лесные и горные области Восточной Азии от Алтая и Приморья на севере до Индостана и Индокитая на юге [Аристов, Барышников, 2001]. В настоящее время нет данных, подтверждающих, что красные волки живут на территории России, однако они изредка появляются в горных районах Алтая, приходя из Монголии [Красная книга Хакасии, с. 136]. Волки постоянно сопровождали стада копытных, поэтому были хорошо знакомы местным художникам. В настоящее время практически невозможно определить какие-то отличитель-

ные особенности разных видов волков, но не исключено, что при накоплении существенной серии изображений такие особенности могут быть выявлены.

Сложнее обстоит вопрос характеристики изображений кошачьих хищников. Некоторые из них имеют ярко выраженную причастность к этому семейству, обусловленную наличием поджарого туловища, когтистыми лапами и характерной мордой с чертами, которые явно принадлежат представителю семейства кошачьих: выделен глаз и небольшие заостренные уши, маленькая округлая голова, длинный прямой опущенный вниз и завернутый на конце хвост. Нередко подобные изображения декорированы волнистыми или прямыми линиями, имитирующими шерсть животного. Известны как одиночные изображения, так и групповые (редко). Из представителей семейства кошачьих постоянными обитателями Саяно-Алтая являются ирбисы. Поскольку у многих кошачьих хищников, нанесенных на скалы, нет никакой раскраски, можно предположить, что это изображения ирбисов. Эти животные встречаются в Красноярском крае, в Хакасии, в Туве и в Республике Алтай [Строганов, 1962, с. 422]. На Алтае ирбис распространен на крайнем юге, где ареал захватывает Чуйскую степь, а также частично главные хребты южного, часть центрального, восточного и северо-восточного Алтая и связанные с ними массивы [Гептрен, 1972].

Что касается тигров, то можно отметить, что они изредка встречались на территории Средней Сибири (между Алтаем и Байкалом), но не обитали там постоянно. Возможно, тигры заходили на территорию Саяно-Алтая во время сезонных миграций, следуя за кабаном, на которых охотились. Эти животные не могли не впечатлять местных художников, поэтому на скалах запечатлено большое количество изображений животных, очень напоминающих тигров.

The Pantheon of Predators in the Rock art of the Sayan-Altai

M. A. Murshudova

This article is devoted to the establishment of the connection between the predators depicted in the rock art and the territory of their distribution. In the Sayano-Altai region is the habitat of several species of predatory animals: bears, wild boars, wolves and representatives of the cat family. All these animals were important characters in the rock art of the early iron age in the area. The article will also describe the iconographic features that allow to distinguish different types of predators depicted on the rock.

Keywords: Sayano-Altai, predators, rock art, area, Scythian-Siberian animal style.

Муршидова Марина Александровна

1-й курс магистратуры

Кемеровский государственный университет

e-mail: murshidova.marina@mail.ru

Все перечисленные выше хищники, населявшие территорию Саяно-Алтая на протяжении многих столетий, соседствовали с местным населением, оказывая влияние на мировоззрение людей. Отношение последних к этим животным нашло отражение в искусстве, которое в первом тысячелетии до н. э., помимо его важной роли в культуре определенного народа, являлось также средством межкультурного взаимодействия общностей скифского мира. Народы соседних регионов заимствовали образы животных, не характерных для местной фауны. Так, например, в искусстве пазырыкской культуры появились образы пантер, львов [Миклашевич, 2012, с. 160], которые не водятся на территории Алтая.

*Научный руководитель – О. С. Советова
д-р ист. наук, профессор
директор Института истории
и международных отношений
Кемеровский государственный университет*

Список литературы

Аристов А. А., Барышников Г. Ф. Млекопитающие фауны России и сопредельных территорий. Хищные и лаконогие. СПб: Изд-во Зоологического ин-та, 2001 – 560 с.

Гептнер В. Г., Наумов Н. П. Млекопитающие Советского Союза. Хищные (гиены и кошки). – М.: Высшая школа, 1972. – Т. 2. – С. 206–241

Заика А. Л. Образ медведя в наскальном искусстве Среднего Енисея и Ангары (в соавт. с Журавковым С.П.) // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. С. 466

*Красный волк – *Canis alpinus* Pallas, 1811* // Красная книга Республики Тыва: Животные. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002 – С. 136

Миклашевич Е. А. Техника гравировки в наскальном искусстве скифского времени // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 157–202

Семенов Вл. А. Кабан: «копытный хищник» в скифском искусстве и мифологии. // Краткие сообщения института археологии. Вып 247, 2017. – С. 61–73.

Собанский Г. Г. Промысловые звери Горного Алтая. «Наука». – Новосибирск: 1988. – 157 с.

Строганов С. У. Звери Сибири. Хищные. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. – С. 421–426. – 460 с.

Marina Aleksandrovna Murshudova

1st year of master's degree

Kemerovo State University

e-mail: murshidova.marina@mail.ru

Погребения в урнах как характерная черта эпохи палеометалла Филиппинского архипелага*

А. Е. Патрушева

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №18-09-00010 «Древние культуры островной части Юго-Восточной Азии: происхождение, особенности и региональное значение»

Период палеометалла на Филиппинах несет ряд характеристик, которые выделяют его на общем фоне культурного развития.

Сегодня имеется лишь несколько абсолютных дат соответствующего периода. На основе сравнительных анализов палеометалл на Филиппинах определяется в рамках с 500 л. до н.э. по 500 л. н.э.

Сам термин палеометалл (Metal Age) говорит об одновременном появлении различных металлов: бронза, золото, железо.

Количество металлических артефактов в регионе весьма ограничено, в большинстве случаев они являются частью погребального инвентаря, в бытовой жизни определенно не играют главенствующей роли. Раковины, камень и кость по-прежнему используются в качестве основного материала для орудий.

Металлические орудия появляются в готовом виде, следов местного металлопроизводства не фиксируется. Исключением будут глиняные литейные формы, найденные на островах Батанес и Палаване.

На большинстве памятников палеометалла будут фиксироваться захоронения в урнах. Это наиболее распространенный тип погребения на архипелаге. Схожее географическое расположение, погребальный инвентарь, формы и орнамент урны широко распространены в континентальной (Южный Вьетнам, Таиланд) и островной (Борнео) ЮВА.

Такая погребальная практика зародилась на Филиппинах еще в период неолита. В пещерном комплексе Табон (о. Палаван), в камере А было найдено захоронение в урне [Fox, 1970]. Этот сосуд знаменит своей крышкой, на которой расположена лодка с двумя фигурами. Для этого комплекса имеются даты 891±80 и 711±80 л. до н.э.

Первые сведения о находках погребений в урнах появляются в период археологических работ на архипелаге Бабуян (северная часть Филиппин) в 1920-х гг. Места погребений отмечены небольшими каменными насыпями. Размеры урн подходили для первичных и вторичных захоронений. В качестве их содержимого выступали красные сердоликовые бусины, керамические кольца, антропологический материал и несколько бледно-голубых стеклян-

ных бус. В дальнейшем на островах Бабуян и Батанес проводились археологические работы, в ходе которых найдены схожие погребальные комплексы с фрагментами железа и бронзы [Kasaysayan ..., 1998, p. 94-98].

Исследования продолжались в центральной части Филиппин – на островах Лусон, Самар, Масбате. На последних двух островах найдены погребения в урнах, некоторые из них с каменными крышками. Места захоронений располагаются вблизи моря. По размеру урны также разнообразны. Погребальный инвентарь состоит из стеклянных бусин разных цветов, фрагментов стеклянного браслета, каменных орудий, небольших сосудов, железных орудий. Схожие характеристики наблюдаются на Лусоне на территориях провинций Кесон (памятники Рекудо и Тамагудтуд), Ла-Унион (раковинная куча Нагсабаран) и Сорсогон (пещерные памятники) [Ibid.].

Более полную информацию и даты получаем из исследований южной части – на острове Минданао. Работы охватывали области современных провинций Султан Кударат, Дувао дель Сур, Восточный Давао и Сарангини. Основной тип памятника – пещеры. Сначала был открыт пещерный комплекс в Куламан Плато. В ходе исследования выявленного материала получена дата 585 +/- 85 л. н.э. Затем открыта пещера Аюб, где датированы антропоморфные сосуды возрастом 70 – 370 л. н.э. и 5 л до н.э. – 225 л. н.э. Памятники объединяет наличие антропоморфного сюжета [Dizon, 1996; Maceda, 1964].

Во время исследований пещер и карстовых навесов Куламан Плато найдены погребения в каменных урнах, часть из которых с огранкой тулова. На поверхности другой части присутствует фаллический орнамент. Антропоморфные фигуры зафиксированы как на крышках, так и вырезанными на поверхности самих изделий. Постоянные находки – кости человека и животных, каменные орудия, костяные, керамические, раковинные и железные украшения, керамические чаши и черепки, глиняные бусины, медные браслеты. [Maceda, 1964].

В пещере Аюб найдены 29 целых, 20 восстанавливаемых и около 100 фрагментов антропоморфных крышек в виде человеческой головы. Условно было получено около 200 кры-

шек различной сохранности [Cuevas, de Leon, 2008; Dizon, 1996].

На лицах отображены различные эмоции: улыбка, грусть. Детально проработаны приоткрытые рты, растянутые мочки ушей. Иногда на поверхности головы сделаны перфорации, имитирующие волосы. Часть крышек окрашена в красный или черный цвета. На сосудах и крышках изображено мужское, либо женское тело. Внутри некоторых урн находились мелкие керамические сосуды. В качестве их содержимого выступали зубы, фаланги, стеклянные бусы и браслеты, керамические бусы, раковинные подвески и украшения, железные лезвия [Dizon, 1996, p.192–193].

Настоящая работа представляет собой краткую сводку информации о погребениях в урнах на территории Филиппин. Накопленный материал требует систематизации и датировки, нужны новые исследования и памятники, чтобы отдельные комплексы можно было объединить в традиции или культуры. Несмотря на предварительный характер проведенных исследований, можно сделать ряд выводов.

Такая традиция широко распространена в ЮВА и на Филиппинах, в частности, берет свое начало еще в эпоху неолита и сохраняется у филиппинцев вплоть до XVI в. Имеет свои локальные особенности: на севере – каменные

насыпи, на юге – пещеры и яркая антропоморфная тематика. Погребальный инвентарь может дать информацию о статусе и источнике сырья, о степени развития морской торговой сети.

Погребения в урнах – яркий археологический, этнографический источник и культурный феномен, который в дальнейшем может дать ответы по вопросам духовного мировоззрения, экономической и социальной составляющей древних филиппинцев.

*Научный руководитель – А. В. Табарев
д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник
зав. сектором зарубежной археологии
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Cuevas N., de Leon A. Archaeological Investigation of Sagel Cave at Maitum, Sarangani Province, Southern Mindanao, Philippines // *Hukay*. – 2008 – V. 13. – P. 1–24

Dizon E. Z. The Anthropomorphic Pottery from Ayub Cave, Pinol, Maitum, South Cotabato, Mindanao, Philippines // *Indo-Pacific Prehistory Association*. – 1996 – Bulletin 14 – P. 186–196

Fox R. B. The Tabon Caves. — Manila: National Museum, 1970. — 197 p.

Kasaysayan: The Story of the Filipino People. V.2. The Earliest Filipinos / Fr. G. S. Casal, E. Z. Dizon, W. P. Ronquillo, C. G. Salcedo. – Asia Publishing Company Limited, 1998. – 303 p.

Maceda M. N. Preliminary Report on Ethnographic and Archaeological Field Work in the Kulaman Plateau (Cotabato), Island of Mindanao, Philippines // *Anthropos*. – 1964. – V. 59. – P. 75–82

Jar Burials as a Characteristic Feature of the Metall Age of the Philippines

A. E. Patrusheva

Article is short review of Metal Age (500 BC-500 AD) and existing data about jar burials on the Philippines: geographical location, funeral goods, dating. Here is explained the feature of this type of burial within the Philippine archipelago and Southeast Asia. Indicated the issues of the connection of this source with the sea trading networks, local differences and its place in spiritual, economic and social spheres.

Keywords: Southeast Asia, Philippines, Metal Age, jar burials

Патрушева Анна Евгеньевна

студентка 4-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: annaraft@yandex.ru

Patrusheva Anna Evgenievna

4th year student

Novosibirsk State University

e-mail: annaraft@yandex.ru

УДК 902

К вопросу о пространственном распределении поселенческих комплексов саргатской культуры Прииртышья

М. М. Проконова

Тюменский государственный университет, Тюмень

Лесостепное Прииртышье является территорией с наибольшей концентрацией памятников саргатской культуры раннего железного века – здесь сосредоточено около 40% всех известных комплексов, оставленных представителями данной общности. Поселения сар-

гатской культуры являются ярким отражением различных институтов социального и экономического взаимодействия древнего населения, природной среды и уровня развития технологий. Следовательно, анализ характера расселения носителей саргатской культуры бесспорно

важен для дальнейшего изучения древних поселений в целях реконструкции социально-экономических институтов оставившего их сообщества.

Несмотря на многочисленность, степень изученности поселений саргатской культуры в Прииртышье оставляет желать лучшего. По большей части поселенческие комплексы исследованы только разведочными работами. В 1950–60-е гг. В. Ф. Генингом, В. Е. Стояновым, В. Н. Чернецовым и В. А. Могильниковым была создана база для первичных классификаций поселений. Позднее Л. Н. Коряковой были описаны по выделенным ею признакам известные на тот период памятники саргатской культуры и сделан вывод об их объединении в археологические микрорайоны с интервалом расположения 30–40 км [Корякова, 1988]. Н. П. Матвеева интерпретировала такие микрорайоны как экономические зоны крупных коллективов, ядрами расселения которых были городища [Матвеева, Ларин, 2000]. В дальнейшем ею же были представлены остаточные схемы расселения саргатского населения на территории Прииртышья [Матвеева, 2001]. Исследование топографии древних поселений новыми методами позволит получить дополнительную информацию по уже введенному в научный оборот материалу. Поэтому целью данного исследования является анализ пространственного распределения поселенческих комплексов саргатской культуры на территории Прииртышья.

Нами была составлена база геоданных с атрибутивной информацией о 56 памятниках саргатской культуры Прииртышья, которая впоследствии была обработана с помощью программного пакета QGIS. Основными критериями для данной базы стали: тип памятника, координаты, гипсометрические позиции, площадь, приуроченность и датировка.

Поселенческие комплексы саргатской культуры делятся на городища и неукрепленные селища. Данные памятники являются многослойными и возникли на площадках более ранних поселений эпохи бронзы.

В ходе нашего исследования удалось установить зависимость системы укреплений городищ от топографической привязки памятника. Так, террасные и береговые городища имеют близкую к треугольной форму с пересекающей мыс одной-тремя линиями оборонительных сооружений. При сооружении таких поселений выгодно использовался рельеф местности с естественными предпосылками обороны и укрепления. Меньше распространены были городища округлой и прямоугольной форм с замкнутой оборонительной полосой, находящиеся в глубине террасы или в незатапливаемой пойме, приуроченной, как правило, к более низкому

левому берегу Иртыша. Площадь саргатских городищ составляет от 530 м² до 16000 м², в среднем – 6500 м². На городищах с селищем территория обитания значительно больше – 4200–110000 м².

Неукрепленные поселения располагаются вдоль обоих берегов Иртыша и представляют собой либо пойменные селища на левом берегу, либо террасные и береговые – на правом. Большинство левобережных селищ приурочены к берегам озер и стариц, что обуславливает их более низкое расположение. Площадь селищ варьируется от 300 м² до 8400 м², в среднем – около 3000 м².

В соответствии с частотой распределения объектов по абсолютной высоте, полученной из цифровой модели рельефа SRTM, прослеживаются определенные интервалы, связанные с топографической приуроченностью памятников. Так, для поселений, находящихся в высокой пойме, характерны высотные отметки в диапазоне 58–77 м, а для береговых и террасных – 75–96 м. При этом некоторые укрепленные городища, расположенные на высоких мысах коренной террасы правого берега Иртыша (Красноярка, Горная Бития-1, Фадеевское, Богдановское, Каргановское, Ильинское, Розановское, Саратовское), находятся на критически высоких отметках в диапазоне 85–96 м. Для левого берега такими критическими высотами являются отметки выше 75 м (Батаково-ХІХ и Инберень-IV). Все эти комплексы, помимо прекрасной естественной защиты, отличались от укрепленных поселений, расположенных на более низких отметках, довольно мощной линией обороны, состоящей из двух-четырех полос «вал – ров» и дополнительных деревянных сооружений в виде частоколов (Горная Бития-1, Инберень-IV) и сторожевых башен (Батаково-ХІХ). Высота валов варьируется от 0,3 до 2 м, ширина – от 4 до 6 м. Глубина рвов – от 1 до 2 м, их ширина – от 4 до 15 м. Расстояние между такими укрепленными поселениями на юге составляет 5–10 км, а к северу постепенно увеличивается и доходит до 15–20 км. Такие городища с высокими гипсометрическими отметками, судя по характеру укреплений, могли представлять собой опорные пункты обороны, откуда осуществлялся контроль над территорией.

В радиусе 1,5–3 км от укрепленных поселений располагаются могильники, отличительной особенностью которых является их распределение на высотных отметках от 80 до 140 м, т. е. выше городищ. При этом в распределении могильников по абсолютной высоте также выделяются два интервала: 80–105 м и 110–140 м. Курганные группы, приуроченные к высотам 110–140 м, характеризуются большим

объемом насыпей, количеством погребений и богатством погребального обряда, чем могильники, расположенные на отметках до 105 м. Данный факт может свидетельствовать о высоком социальном статусе погребенных в них индивидов, проявляющийся в господстве мест их захоронения на местности. Похожая ситуация наблюдается и на территории Тоболо-Ишимья [Матвеева, 2000, с. 22].

На основе полученных данных можно сделать предположение о связи пространственного распределения памятников саргатской культуры с иерархией общественного устройства. Социальная неоднородность общества находит отражение в иерархии поселений различных размеров с разными функциональными признаками и занимаемой высотой расположения: так, наиболее высокие укрепленные городища, выполняющие функции политических, торговых, хозяйственных центров и опорных пунктов обороны, скорее всего были связаны с обитанием в них военно-аристократической верхушки, а неукрепленные поселения, связанные с хозяйственной деятельностью и процессами освоения территории вокруг экономических центров, вероятно, заселялись рядовым населением. Данное предположение подчеркивается и системой расположения могильников. Так, высотное распределение вкуче с морфологическими особенностями курганных некропо-

лей может отражать более высокий или низкий социальный статус погребенных.

*Научный руководитель – Н. П. Матвеева
д-р ист. наук, профессор
Кафедра археологии, истории
Древнего мира и Средних веков
Институт социально-гуманитарных наук
Тюменский государственный университет*

Список литературы

- Корякова Л. Н.* Поселения саргатской культуры // ВАУ. – Свердловск, 1984. – Вып. 17. – С. 61–79
- Костомаров В. М., Третьяков Е. А.* Пространственные характеристики размещения памятников раннего и развитого средневековья на территории Среднего Приоболья // Человек и север: Антропология, археология, экология: Мат. Всероссийской научной конференции, г. Тюмень, 2–6 апреля 2018 г. – Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. – Вып. 4. – С. 122–125
- Матвеева Н. П.* Пространственный анализ памятников саргатской культуры западно-сибирской лесостепи // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Мат. XII Западносибирской арх.-этно. Конф. – Томск: ТГУ, 2001. – С. 56–57
- Матвеева Н. П.* Расселение саргатских племен в Прииртышье // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – Тюмень: ИПСО СО РАН, 2001. – С. 39–43.
- Матвеева Н. П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. – Новосибирск: Наука, 2000. – 399 с.
- Матвеева Н. П., Ларин С. И.* О характере расселения и хозяйства племен саргатской культуры // РА, 2000. – № 2. – С. 15–25
- Могильников В. А.* Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 292–311

The Question of the Spatial Distribution of the Sargat Culture's Settlement Complexes of the Irtysh Region

M. M. Prokonova

This study presents an attempt to analyze the spatial distribution of settlement complexes of the Sargat culture in the Irtysh region. We were able to identify features in the location of some fortified settlements and elite burial grounds. Based on the data, we made an assumption about the connection between the spatial distribution of the Sargat culture's complexes and the hierarchy of social structure.

Keywords: Western Siberia, Irtysh region, early Iron Age, the Sargat culture, spatial analysis, settlements

Проконова Мария Михайловна

студентка 4-го курса
Институт социально-гуманитарных наук
Тюменский государственный университет

Prokonova Maria Mikhailovna

4th year student
Institute of Social Sciences and Humanities
Tyumen State University

УДК 903.15

История изучения ареала распространения быстрианской культуры (По материалам погребальных комплексов)

С. С. Радовский

Алтайский государственный университет, Барнаул

История исследования археологических памятников скифо-сакского времени в северных предгорьях Алтая насчитывает уже около ста лет. Накопленные материалы позволили выделить в 1992 г. на данной территории быстриан-

скую культуру. Несмотря на столь долгое изучение памятников рассматриваемой общности, ещё остается ряд нерешенных задач. Не анализировался погребальный обряд, не определен круг памятников, относящихся к быстрианской

культуре, и как следствие не определен ареал ее распространения. Без решения поставленных задач невозможно дальнейшее изучение данной культурной группы и осмысление этнокультурных процессов на территории лесостепного Алтая в «скифскую эпоху».

Многие исследователи определяют ареал распространения быстрианской культуры в рамках северных предгорий Алтая, однако, данная географическая единица не позволяет сформировать достаточное представление о конкретной территории, занимаемой населением рассматриваемой общности. В связи с этим, учитывая накопление новых материалов и споры относительно принадлежности определенных памятников к рассматриваемой общности, необходимо обобщить данные относительно территории расселения «быстрианцев».

Об ареале распространения быстрианской культуры можно говорить со времени обсуждения вопроса о выделении памятников скифо-сакского времени (VI–II вв. до н.э.) северных предгорий Алтая в отдельную группу. Первыми мысль о выделении археологических объектов, локализованных в междуречье Бии и Катунь, Бии и Чумыша в своеобразную культуру, высказали В. А. Могильников и А. П. Уманский [1981, с. 80–86]. Развивая тезис М. П. Завитухиной [1961, с. 89–108] о том, что данные комплексы являются связующим звеном между оседлыми равнинными и кочевыми горными группами населения, исследователи выделили на территории «степных районов алтайских предгорий» синкретичную культуру, не детализируя территорию ее распространения.

Изучением комплексов скифо-сакского времени северных предгорий Алтая занимался А. С. Суразаков [1988, с. 131–135]. Обобщив и проанализировав все известные на тот момент материалы погребений данной территории, ученый выделил их в отдельную группу памятников и назвал «чумышско-ишинской». При этом он обозначил концентрацию рассматриваемых комплексов по р. Чумыш, в месте слияния рек Бии и Катунь и в междуречье Бии и Иши, ограничив их территорией Алтайского края. Другие исследователи в основном относили данные памятники к больше-реченской, реже пазырыкской культурам.

В дальнейшем всё больше исследователей склонялось к выделению на территории северных предгорий Алтая отдельной культуры скифо-сакского времени. Данное стремление было связано, в том числе, с тенденцией 1980-х–1990-х гг. к массовому выделению новых общностей (каменской, кара-кобинской, староалейской, шеломской и т.д.). Во многом это объяснялось накоплением материалов, которые не вписывались в существовавшие концепции. В итоге памятники северных предгорий Алтая

скифо-сакского времени, были выделены в 1992 г. С. М. Киреевым [1992, с. 55–56] в быстрианскую культуру. При этом исследователь использовал обобщенные материалы А. С. Суразакова для обозначения ареала распространения данной общности, расширив эти границы на юг до с. Майма Республики Алтай.

Впервые конкретизированная характеристика ареала исследуемой культурной группы была дана М. Т. Абдулганеевым и А. Л. Кунгуровым [1996, с. 143–155]. Исследователи установили границы распространения общности и определили контактные зоны с другими группами населения. Так, по мнению ученых, ареал распространения «быстрианцев» включает междуречье Бии и Катунь, Бии и Чумыша и левобережье Катунь в ее низовьях. На юге граница с пазырыкской культурой проходит в районе с. Майма и среднего течения р. Песчаной; на западе – со староалейской – в устье р. Чемровка и устье р. Ануй; на северо-востоке с каменской – в верховьях р. Чумыш. В силу слабой изученности Юго-Западного Алтая и Горной Шории, учеными не определены границы с археологическими культурами этих территорий и характер взаимных контактов [Там же].

Позднее ареал распространения быстрианской культуры конкретизировал С. М. Киреев [2005, с. 86]. Археолог установил, что граница быстрианской культуры с севера проходит по среднему течению р. Бия, захватывая отроги хребтов Иолго и Бийскую гриву, на северо-востоке ограничивается Салаирским кряжем. На юге распространение памятников культуры доходит до отрогов Семинского, Чергинского, Ануйского и Башчелакского хребтов и охватывает значительную часть Предалтайской равнины. Западная граница проходит по правобережью Верхней Оби. Исследователь, также отметил, что Нижняя Катунь и правобережье Верхней Оби являются центром скопления памятников быстрианской культуры. Следует отметить, что, согласно упомянутым взглядам, территория распространения быстрианской культуры ограничивается Алтайским краем и Республикой Алтай.

Новый этап в осмыслении границ расселения номадов северных предгорий Алтая наступил после раскопок могильников Кузнецк 1/4 и Кузнецк 1/5 [Ширина, 2004, с. 24–32] на территории г. Новокузнецка Кемеровской области. После анализа полученного материала автор исследований [Там же] предположил включение рассматриваемых комплексов в ареал быстрианской культуры, благодаря чему граница территории данной общности «сдвинулась» на северо-восток от «причумышских» некрополей примерно на 100 км. Тем не менее обозначенный тезис из-за малочисленности материалов скифо-сакского времени пока во многом гипотетичен и вызыва-

ет отрицательные отзывы многих исследователей [Ковалевский, Илюшин, 2006, с. 153–158; Шульга, 2015, с. 16–17 и др.]. Распространение быстрианской культуры спорно не только относительно продвижения на территорию Кемеровской области, но в вопросе расширения границ общности на юг в Горном Алтае. Так, отнесение А. П. Бородовским и Е. Л. Бородовской [2013, с. 35, 39–40] некрополя Чултуков Лог-I к рассматриваемой группе, из-за чего южная граница перемещается на 30 км южнее с. Майма, также не находит поддержки у других ученых.

Одним из последних мнение относительно ареала быстрианской культуры, высказал П. И. Шульга [2015, с. 16–17]. Археолог считает, что памятники выявлены на территории примерно 120 км с севера на юг на 160 км с востока на запад. На северо-востоке быстрианские курганы встречаются до Салаирского кряжа, в частности, в верховьях р. Чумыш. При этом археолог ошибочно определил месторасположение комплексов у с. Усть-Чумыш (Тальменский район), возможно, предполагая с. Степь-Чумыш. В среднем течении Чумыша, по мнению исследователя, представители данной культурной группы контактировали с «каменцами». «Быстрианцы» проникали и далее к северо-востоку за Салаирский кряж в Кузнецкую котловину. На западе ареал предположительно ограничивался р. Ануй и залесенной частью правобережья Оби, где выделена староалейская культура. Южная граница ареала быстрианской культуры проводится археологом по с. Майма, где быстрианские могильники соседствуют с самыми северными пазырыкскими памятниками.

После обобщения накопленного исследователями материала нами было определено конкретное расположение некрополей и выяснены особенности локализации памятников. Административно территория распространения быстрианской культуры охватывает восточную часть Алтайского края, включая Бийский, Целинный, Ельцовский, Солтонский, Красногорский и Советский районы, а также Майминский район Республики Алтай и Новокузнецкий район Кемеровской области. Некрополи располагались

вблизи крупных рек (чаще на правобережье – 21, против 7 – на левобережье). Наибольшая концентрация памятников отмечена в нижнем течении междуречья Бии и Катуня, что можно объяснить лучшей изученностью данной территории. Большинство рассмотренных памятников находятся в контактной зоне с культурами сопредельных территорий. Помимо этого, впервые была создана конкретизированная археологическая карта и свод погребальных комплексов быстрианской культуры.

*Научный руководитель – Н. Н. Серегин
канд. ист. наук, доцент
ведущий научный сотрудник
Лаборатория междисциплинарного изучения
археологии Западной Сибири и Алтая
Алтайский государственный университет*

Список литературы

- Абдулганеев М. Т., Владимиров В. Н. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н.э. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. – 147 с.
- Абдулганеев М. Т., Кунгуров А. Л. Курганы быстрианской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 143–155
- Бородовский А. П., Бородовская Е. Л. Археологические памятники горной долины нижней Катуня в эпоху палеометалла. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2013. – 220 с.
- Завитухина М. П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // АСГЭ. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. – Вып. №3. – С. 89–108
- Киреев С. М. Работы на Майминском комплексе в 1990–1991 гг. // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: Б.и., 1992. – С. 55–56
- Киреев С. М., Чевалков С. Ю. Курган позднего этапа быстрианской культуры // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ. – Вып. 2, 2005. – С. 86–91
- Ковалевский С. А., Илюшин А. М. Материалы переходного времени и раннего железного века из комплекса поселений Торопово-4 // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Изд-во Кузнецкая крепость. – Вып. 7, 2006. – С. 153–158
- Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во: Горно-Алт. отд-ние, 1988 (1989). – 214 с.
- Ширин Ю. В. Погребальные памятники раннего железа на юге Кузнецкой котловины // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Изд-во Кузнецкая крепость. – Вып. 6, 2004. – С. 5–40
- Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и верхнем Приобье Ч. II. – Новосибирск: Изд-во ИАИЭ СО РАН, 2015. – 322 с.

History of the Study of Areal of Distribution of Bystryanskaya Culture (Based on Materials of Funerary Complexes)

S. S. Radovskiy

The article deals with the history of the study of the spread of the Bystryanskaya culture on the basis of funerary monuments. Analyzed the results of this study.

Keywords: Bystryanskaya culture, Scythian-Saka time, the early Iron Age, the northern foothills of the Altai, the area of distribution.

Радовский Святослав Сергеевич
магистрант 1-го года обучения
Алтайский государственный университет
e-mail: radovskiy1996@mail.ru

Radovskiy Svyatoslav Sergeevich
Master's program, 1st year
Altai State University
e-mail: radovskiy1996@mail.ru

Знаковая символика на тагарских предметах и ее проявление в петроглифах Среднего Енисея

И. Г. Рогова

Кемеровский государственный университет, Кемерово

В статье рассматриваются тамги-петроглифы Среднего Енисея, априори относимые специалистами к эпохе раннего железного века. Такие знаки в наскальном искусстве региона являются наиболее ранними, однако аргументы исследователей в пользу данной атрибуции неубедительны. В поисках обоснования датировки тамг-петроглифов этого периода автор анализирует знаки на предметах из закрытых комплексов тагарцев, сопоставляя их с аналогичными знаками на скалах.

Знаки собственности – тамги – с древности применялись для клеймения скота, разграничения территорий, маркировки принадлежности предметов определенному роду или владельцу. Помимо вещей, их наносили на скалы, стелы и курганные камни, которые весьма широко распространены на Среднем Енисее. Наиболее древние тамги-петроглифы региона многие специалисты датируют ранним железным веком [Николаева, 1983, с. 74; Семенов, 2003, с. 64; Яценко, 2005, с. 212; и др.] и соотносят с тагарской эпохой (VIII–III вв. до н.э. по: [Красниенко, Субботин, 2002, с. 93]). Однако такая хронологическая и культурная атрибуция знаков остается неоднозначной и дискуссионной.

Некоторые исследователи относят тамги к данному периоду потому, что большое количество знаков выбито на курганных камнях могильников степного варианта тагарской культуры. Так, Т. В. Николаева в ходе анализа изображений на курганных камнях близ оз. Шира в Ширинском районе Республики Хакасия отмечала, что большинство знаков могли быть нанесены еще в процессе сооружения курганов и, соответственно, относятся к тагарской эпохе. При этом ею не выделены конкретные знаки, которые могли бы принадлежать тагарцам [Николаева, 1983, с. 74]. По мнению петербургских исследователей, анализировавших изображения на курганных камнях в Шарыповском районе Красноярского края, «большинство знаков на плитах оград тагарских курганов» также «были оставлены создателями этих памятников» [Семенов и др., 2003, с. 68–70]. Особое внимание среди прочих тамг уделяется орнитоморфным. Специалисты считают, что подобные тамги наносились в качестве оберегов начиная с тагарского времени, а в дальнейшем продолжали использоваться в таштыкскую эпоху [Там же, с. 64]. При этом поздние орнитоморфные «хакасские тамги уже

не сопоставимы со знаками на плитах тагарских курганов» [Там же, 2003, с. 68].

С. А. Яценко и Л. С. Марсадолов выделяют серию тагарских тамг на камнях ограды Большого Салбыкского кургана [2005, с. 212], указывая, что «...большинство знаков представляют собой древние образцы, синхронные сооружению тагарского кургана и поминальному обряду вокруг него...», так как «...их формы имеют близкие соответствия, прежде всего, в коллекциях знаков скифского времени из Монголии и Алтая».

Исходя из вышеизложенного, стоит отметить, что в настоящее время, несмотря на соотнесение серии тамг на курганных камнях Среднего Енисея с тагарской культурой, конкретные знаки тагарского населения в петроглифах не выявлены.

Известно, что для атрибуции петроглифов исследователи, наряду с другими методами, сопоставляют их с изображениями на предметах из закрытых комплексов. Используя данный метод, можно сопоставить различные знаковые символы в виде копыт, дугообразных и волнообразных линий, известных по бронзовым предметам тагарской культуры (ножам, серпам, бляхам и др.) с аналогичными знаками на скалах и курганных камнях Среднего Енисея.

Стоит отметить, что знаковые символы на тагарских вещах привлекали внимание специалистов начиная с XIX в. Так, при описании бронзовых предметов, найденных в ходе раскопок и хранящихся в Минусинском краеведческом музее, Д. Клеменц указывает, что на некоторых «древностях встречаются оттиски кружка, прямого угла, незамкнутого 4-х угольника, которые могли изображать собой клейма мастеров или владельцев предметов» [1886, с. 56]. По мнению исследователя, изображение копыта вряд ли могло соотноситься с тамгами, а служило украшением [1888, с. 23]. В. В. Радлов описывает целую серию ножей с одиночными или повторяющимися изображениями копыт и птичьих голов, найденных случайно или в ходе раскопок [1888, с. 22]. Он считает, что это «клейма – родовые знаки собственности». Анализируя изделие, найденное на пашне близ станции Саянской (ныне с. Саянск), где с одной стороны представлены изображения двух птичьих голов, а с другой, – трёх копыт, он делает вывод о том, что «сначала этот нож принадлежал члену одного рода, а затем пере-

шел к члену другого рода, который выставил на нем свой родовой знак» [Там же, с. 23].

В настоящее время подобного мнения также придерживается С. А. Яценко, который отмечает, что «к тамгам можно отнести знаки на бронзовых серпах тагарской культуры» [2001, с. 107]. Однако не все исследователи рассматривают подобные знаки в качестве тамг. Согласно Л. Ю. Китовой, анализирувавшей бронзовые предметы тагарцев из Минусинского и Кемеровского краеведческих музеев, знак конского копыта на предмете «служил дополнительным оберегом для человека от вредоносных сил» и усиливал «поражающие способности тех предметов, на которые был нанесен» [Китова, 2007, с. 28].

В фондах музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета, как и во многих других музеях Сибири (Красноярский краевой краеведческий музей, Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартянова, Хакасский национальный краеведческий музей имени Л. Р. Кызласова и др.), хранится серия тагарских предметов, найденных в ходе раскопок на севере Кемеровской области и в Хакасии. Среди них представляют интерес несколько миниатюрных бронзовых ножей со знаковыми символами. Так, на ноже из могильника Серебряково I Тисульского района Кемеровской области представлен знак копыта. Дугообразные и геометрические фигуры прослеживаются на других подобных изделиях из могильников Балалык I, Летник VI.

При сопоставлении вышеперечисленных символов с петроглифами среди последних встречаются только знаки копыт (на Лынищенской писанице, Усть-Тубе III, курганных камнях могильника под горой Бычиха [Миклашевич, 2012, с. 51–52] и др. памятниках). Ранее Е. А. Миклашевич, сравнивая их со знаками на скалах, отметила, что знаки копыт на скалах и курганных камнях, в отличие от знаков, нанесенных на предметы, не имеют четких хронологических границ и могли появиться сравнительно поздно. Так, в петроглифах на территории заповедника Казановка известно

26 подобных знаков нового и новейшего времени [Миклашевич, 2012, с. 52].

Таким образом, известный материал не позволяет говорить о конкретных тамгах тагарцев в петроглифах, несмотря на то, что знаковые символы в виде копыт, стилизованных изображений птиц, дугообразных и кругообразных линий нередко встречаются на предметах из закрытых комплексов тагарской культуры на Среднем Енисее. Не исключено, что знаковые символы на предметах, наносимые для декорирования или в качестве оберега, не рассматривались их создателями как тамги. Среди известных на предметах знаков в петроглифах выявлены только изображения копыт, которые датируются широким хронологическим периодом и зачастую наносились на скалы в более поздние эпохи.

*Научный руководитель – А. Н. Мухарева
канд. ист. наук, доцент
Кафедра археологии
Кемеровский государственный университет*

Список литературы

- Китова Л. Ю. Семантика знака копыта на тагарской бронзе // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии: сб. науч. тр. – Барнаул: Азбука, 2007. – С. 28–30
- Клеменц Д. Древности Минусинского музея. – Томск: Типография «Сибирской газеты», 1886. – 185 с.
- Красниенко С. В., Субботин А. В. Тагарская культура: анализ данных и новые открытия // Мирас. – № 1. – 2002. – С. 93–99
- Миклашевич Е. А. Лынищенская писаница // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Лынищенская. Улазы III. Сосниха. Труды САИПИ. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. Вып. X. – С. 28–56
- Николаева Т. В. Изображения на плитах оград курганов тагарской культуры: (Методика и хронология) // Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1983. – 241 с.
- Радова В. В. Сибирские древности. – Санкт-Петербург: Типография императорской академии наук, 1888. – Том 1. – Вып. 1. – 102 с.
- Семенов В. А., Килуновская М. Е., Красниенко С. В., Субботин А. В. Изображения на плитах тагарских курганов – СПб.: ИИМК РАН, 2003. – 121 с.
- Яценко С. А., Марсаидов Л. С. Знаки-тамги на камнях ограды Большого Салбыкского кургана // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Сборник докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.В. Киселева. – Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. – С. 212–215
- Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. – М.: Издательская фирма «Восточная литература РАН, 2001. – 189 с.

Symbolic Symbols on Tagar Items and its Manifestation in the Petroglyphs of the Middle Yenisei

I. G. Rogova

The article discusses tamgas in the petroglyphs of the Middle Yenisei, a priori attributed by experts to the era of the early Iron Age. Such signs in the rock art of the region are the earliest, but the arguments of researchers in favor of this attribution are not convincing. In search of substantiation of the dating of tamg-petroglyphs of this period, the author analyzes the signs on objects from the closed complexes of Tagarians, comparing them with similar signs on the rocks.

Keywords: tamgas, signs, petroglyphs, Tagarculture, Middle Yenisei

Рогова Ирина Геннадьевна

магистрант 1-го года обучения
Кемеровский государственный университет
e-mail: rogoва_irina96@mail.ru

Rogova Irina Gennadyevna

Master's program, 1st year
Kemerovo State University
e-mail: rogoва_irina96@mail.ru

Комплекс каменных орудий янковской археологической культуры (По материалам памятника Черепаха-7)

М. К. Руденко

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

Одним из ведущих компонентов материальной базы янковской археологической культуры раннего железного века Приморья (I тыс. до н.э. [Хронология культур..., 2005]), характеризующих её хозяйственно-производственную направленность, является комплекс каменных орудий – в связи с его массовой сохранностью в культурных горизонтах, представленных почвами с повышенной кислотностью.

Введение в научный оборот ранее не опубликованных данных по материалам последних раскопок, с комплексным подходом к их изучению, является актуальной и необходимой задачей. Это позволит как подтвердить и дополнить уже имеющиеся сведения об адаптационных стратегиях древнего населения региона, так и обратиться к недостаточно разработанным вопросам, требующим дополнительного изучения.

ОАН Черепаха-7 расположен на территории Приморского края, в северной части Уссурийского залива, на западном побережье бухты Муравьиной. В 2015 г. экспедицией Музея археологии и этнографии УНМ ДВФУ под руководством Е. Ю. Никитина на территории памятника были проведены спасательные раскопки. В результате работ выявлены и раскопаны остатки 18 жилищ янковской культуры, а также более 50 объектов хозяйственного назначения [Никитин, 2015].

Коллекция каменных артефактов, собранная в результате археологических работ, насчитывает 763 экз., среди которых, на основании технико-морфологических признаков, 533 экз. отнесены к комплексу орудий янковской культуры.

Орудия поделены на категории в соответствии с их предположительным (не подтверждённым трасологически) функциональным назначением, на основе аналогий среди каменных коллекций классических памятников рассматриваемой культуры [Янковская культура, 1986].

Ведущей категорией орудий (по количественному признаку) представлены грузила для рыболовных сетей – 356 экз. (67,9%: здесь и далее — % от рассматриваемого комплекса). Среди них выделены как простые, оббитые с двух сторон гальки, так и более сложные – с выдолбленными выемками на четырех противоположенных сторонах или с опоясывающим желобком по центру изделия. Размеры: мелкие от 4х2х1 до 8х3,5х3 см; средние от 8х3,5х3 до 15х 4,5х3,7 см; крупные от 15х 4,5х3,7 до 20х9х6,5 см.

Также к рыболовным орудиям отнесены изделия из пемзы различных форм со следами обработки, предположительно выполнявшие роль поплавков, – 6 экз.

Рубящие орудия представлены 73 экз. (13,7%), среди которых 25 целых (тесла – 15 экз., топоры – 8 экз., долота – 2 экз.), 5 заготовок и 43 обломка; изготовлены из темно-серых, черных и зеленовато-серых каменных пород.

Сохранившиеся следы, оставленные в процессе изготовления орудий, свидетельствуют о том, что обработка заготовок проводилась пилением и оббивкой с последующим шлифованием.

Все рубящие орудия имеют характерные прямоугольные или трапециевидные симметричные или ассиметричные лезвия, прямоугольное или близкое к нему поперечное сечение.

Следующей по количеству экземпляров представлена категория, объединяющая в себе немодифицированные орудия, форма которых, с одной стороны, представляет собой природную форму сырья и не является изделием как таковым, но с другой – несет на себе следы использования – 69 экз. (14,1%).

К ним отнесены следующие группы: орудия, предназначенные для изготовления и обработки инвентаря (отбойники и лощила) в виде округлых или удлинённо-вытянутых галек со следами использования из плотных каменных пород – 18 экз.; абразивы – плоские плитки песчаника различной зернистости, выполняющие функцию шлифовальных, терочных плит, курантов, – 51 экз.

Метательные орудия – 9 экз. (1,7%) – объединяют две группы артефактов:

1) Наконечники стрел: удлинённо-листовидные с многогранным или плоскоовальным сечением; удлинённо-треугольный с двумя формами сечения – ромбический у острия и многогранный у основания; листовидный с плоскоовальным сечением. Размеры от 3х0,8х0,1 см до 6,3х2,7х0,5 см;

2) Наконечник копья с удлинённо-листовидной формой пера и коротким, широким черешком с ромбическим у острия и многогранным у пера сечением. Размеры – 12,9х2х0,6 см.

Орудия изготовлены из шлифованных сланцевых плиток серых и коричневых тонов.

Режущие орудия – 8 экз. (1,5%) – из каменных пород светлых и темно-серых тонов, обработанных и оформленных оббивкой с последующим шлифованием.

Внутри категории выделены:

1) Жатвенные ножи (6 экз.) полулунной или близкой к прямоугольной формы с двусторонне заточенным лезвием. На 4 экз. зафиксированы просверленные отверстия для привязывания веревки. Размеры целых экземпляров – от 12,3x5,4x0,7 до 13,5x5x0,2 см.

2) Разделочные ножи (2 экз.): черешковый нож с ассиметрично-треугольным клинком, линзовидным поперечным сечением и двусторонне заточенным лезвием – 15,2x5x1 см; нож с коротким, слегка скругленным двусторонне заточенным лезвием, расположенным под резким углом к короткой рукоятке отделённой плечиком уступом – 5,7x4,5x 0,4 см.

Колошце-режущие орудия представлены 4 обломками кинжалов (0,7%) из светло- и темно-серых каменных пород изготовленными с помощью оббивки и шлифования. Среди них:

1) Двусторонне заточенные обломки лезвия (2 экз.) с ромбическим сечением;

2) Обломки рукоятей кинжалов (2 экз.) с многогранным сечением, одна из рукоятей имеет Т-образное навершие.

Землеройные орудия – две (0,4%) мотыги лопатообразной формы, с односторонне выпуклым сечением и с оббитой, скругленной рабочей частью, из светло-коричневой и темно-серой каменной породы. Размеры – 16,2x9,3x2,2 см и 10,5x6x1,6 см.

При характеристике хозяйственно-производственной направленности поселения, помимо функционального назначения орудий, учитывалась их пространственная локализация в культурном слое, условно разделенном на 3 горизонта:

1) Дерново-пахотный горизонт;

2) Верхний горизонт заполнения котлованов жилищ – насыщенный разновременными мусорными включениями и переотложенным материалом;

3) Нижний горизонт заполнения котлованов жилищ – предположительно сохранивший интактность находок после того, как жилища были заброшены.

Зоны наибольшей концентрации орудий – северо-западная и северная части поселения, ограниченные крутым склоном мысовидного отрога сопки, где предположительно велась основная хозяйственная деятельность.

Зоны, расположенные ближе к морю и рядом с заболоченной местностью, отмечены незначительной концентрацией находок.

Количественные, качественные и технико-морфологические характеристики каменных орудий памятника Черепеха-7, позволяют сделать вывод о том, что рассматриваемые изделия занимали одну из ведущих позиций в системе жизнеобеспечения поселения, что также подтверждает довольно развитая система обработки и оформления каменных орудий. Наличие характерных черт янковской культуры в рассматриваемом комплексе позволяет отнести его к классическим памятникам культуры – Славянка-1, Песчаный, Чапаево, Малая Подушечка и другим.

Предположительное функциональное назначение орудий свидетельствует о том, что добытие пищи на поселении носило комплексный характер. Оно включало в себя рыболовство – судя по многочисленным грузилам и прибрежному расположению памятника, – а также наземную охоту и, возможно, земледелие, о чем свидетельствует наличие каменных орудий, характерных для указанных отраслей хозяйства.

*Научный руководитель — А. Н. Попов
канд. ист. наук, доцент*

*Департамент истории и археологии
Школа искусств и гуманитарных наук
Дальневосточный федеральный университет*

Список литературы

Кузьмин Я. В., Болдин В. И., Никитин Ю. Г. Хронология культур раннего железного века и средневекового Приморья // Россия и АТР. – 2005. – № 4. – С. 44–55

Никитин Е. Ю. Предварительные результаты исследования поселения Черепеха-7 в Приморье в 2015 году // Новые материалы и методы археологического исследования: от археологических данных к историческим реконструкциям. – М.: ИА РАН, 2017. – С. 77–80

Янковская культура / Ж. В. Андреева, И. С. Жущиховская, Н. А. Коненко. – М: Изд-во Наука, 1986. – 216 с.

Complex of Stone Tools of Yankovsky Archaeological Culture (Based on Materials of the Cherepaha-7 Site)

М. К. Rudenko

The complex of stone tools is one of the main components that characterize the life support system of the ancient population. The results of studies of the stone tools complex of the fully excavated Cherepaha-7 site (yankovsky archaeological culture) confirms and supplements the already existing information about adaptation strategies of the yankovsky population of Primorsky region.

Keywords: Complex of stone tools, yankovsky culture, Cherepaha-7 site, technical and morphological characteristics, spatial localization, adaptation strategies.

Руденко Максим Константинович

1-й год магистратуры

Дальневосточный федеральный университет

e-mail: rudenkomax-2012@mail.ru

Rudenko Maksim Konstantinovich

Master's degree program, 1st year

Far-Eastern Federal University

e-mail: rudenkomax-2012@mail.ru

Погребальная традиция майминской культуры Северного Алтая

Г. В. Скоробогатова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

В современной и отечественной археологии погребальный обряд традиционно считается первостепенной характеристикой изучаемых культур, без которой невозможно выделить археологическую культуру и ее ритуальность. Способность обрядов захоронения передавать информацию о половозрастных, социальных, идеологических, этнических различиях изучаемого древнего населения повышает интерес к погребальным памятникам как к сложным, многоплановым источникам для разного рода исследований [Данченко, 2009, с. 15].

Увеличение числа исследованных захоронений какой-либо культуры повышает репрезентативность используемых данных, вместе с этим растет шанс идентификации погребального обряда. Это может проявляться в самых разных деталях: расположении и площади некрополей, расположении тел погребенных, форме и размерах могильных ям, позах и ориентировке по сторонам света, наборе и количестве инвентаря и т. п. [Каменецкий, 1999, с. 137–146].

Майминская культура до недавнего времени являлась одной из наименее изученных на территории Горного Алтая археологических культур, поскольку погребальные памятники были не выделены или являлись слишком малочисленными, из-за чего было сложно идентифицировать их особенности. К настоящему времени изучены неразграбленные захоронения этой культуры. Следует подчеркнуть, что территория горной долины Нижней Катуня является одной из немногочисленных на юге Западной Сибири, где достаточно отчетливо на археологическом уровне представлен этот исторический период.

В рамках изучаемого хунно-сяньбийского времени актуален вопрос о соотношении майминской и булан-кобинской культур Алтая, так как даты некоторых пазырыкских курганов Чултукова Лога-1 близки к рубежу эр: с последней трети I тыс. до н. э. до начала I тыс. н. э., которое принято считать хунно-сяньбийским [Borodovskiy, Oleszczak, 2012, с. 97–112]. Майминские погребальные конструкции находились на юго-западном краю могильного поля скифской эпохи (Чултуков Лог-1), это могло быть связано с завершающим периодом ее жизнедеятельности. Данный вопрос имеет принципиальную

значимость для территории Горного Алтая. Так как несколько погребальных майминских комплексов, таких как Майма VII, Усть-Муны I, Чултуков Лог-1, Северного Алтая, на наш взгляд, не обоснованно идентифицируется как булан-кобинские [Серегин, Матренин, 2014, с. 135–145].

В рамках кросскультурного подхода, это имеет особое значение при обсуждении атрибуции принадлежности погребений хунно-сяньбийской эпохи на Северном Алтае (майминской или булан-кобинской культур) [Серегин, Матренин, 2014, с. 119–245]. Существует определяющее различие между этими культурами – захоронения в каменных ящиках на этой территории не представлены, в отличие от Центрального Алтая. Во второй половине I тыс. до н. э. захоронения горной долины Нижней Катуня являются одним из северных фронтиров распространения традиции захоронений в каменных ящиках. На могильнике Степушка-2 зафиксированы только каменные внутримогильные конструкции [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 30]. В составе некрополя эпохи раннего железа Чултуков Лог-1 выявлено несколько десятков непо потревоженных погребений в каменных ящиках. Материаловедческие характеристики позволяют установить, что сырье для сооружения каменных ящиков кара-кобинской культурной традиции некрополя Чултукова Лога-1 имело различное происхождение. Это предполагает использование различных каменоломен для доставки на некрополь каменных плит [Бородовский, Деев, 2018]. Отсутствие в изучаемых майминских захоронениях (Чултуков Лог-1, Манжерок-12) каменных ящиков можно обосновать худшим освоением минеральных ресурсов (камня) территории горной долины Нижней Катуня в отличие от скифского времени (кара-кобинская культура).

Погребальные комплексы майминской культуры представлены на трех курганных группах: это Майма VII (к Майминской культуре относится только курган 87); на южном краю некрополя Чултуков Лог-1 – 9 непо потревоженных, компактно расположенных захоронений; и курганный группа Усть-Муны-1, которая расположена на южной окраине с. Муны. Их исследования позволяют уточнить южную границу распространения и основные

черты погребальной обрядности майминской культуры хунно-сяньбийского времени.

Курганы майминской культуры не имеют ярко выраженных рельефных признаков. На памятнике Степушка-2 (могильника булан-кобинской культуры) надмогильные сооружения представлены каменными и каменно-земляными насыпями овальной или округлой формы. По краю насыпей курганов прослеживается крепида из более крупных камней, чем остальные камни насыпи. В других объектах функции крепиды выполняло кольцо из камней, очевидно, окружавших земляную насыпь без камней [Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 29]. Но строительный материал насыпи курганов майминской культуры представлен грубо-обломочным материалом меньших размеров, чем у надмогильных конструкций скифского времени (северо-пазырыкских, быстрянских и кара-кобинских). Кольцевая крепида майминских погребений имеет эллипсоидные очертания. Каменные конструкции соединены между собой. В могильном заполнении находились многочисленные угольки и следы прокалов почвы. Погребенные покоились вытянуто на спине, головой на северо-запад, запад, юго-восток, восток, юго-запад-северо-восток и северо-восток, руки – слегка согнуты в локтях. Из сопроводительного инвентаря – бронзовые нашивные бляшки с выпуклостями. В одном случае сохранился фрагмент налобной повязки, расшитой полусферическими выпуклыми бляшками, располагавшимися в два ряда одна над другой, со смещением в сторону [Бородовский, Бородовская, 2013, с. 6–10].

В 2018 году А. П. Бородовским был выявлен курган 10 из некрополя Манжерок-12 майминской археологической культуры. Этот курган в целом повторяет выделенные черты майминской археологической культуры.

Таким образом, исследования майминской археологической культуры дают все больше нового материала, который необходимо обобщать, проводя различные параллели. Интересные параллели дает рассмотрение соотношений этой культуры с булан-кобинской и культурами скифского времени – кара-кобинской, позднепазырыкской. В то же время таким способом выявляются отличительные черты изучаемой культуры хунно-сяньбийского времени.

*Научный руководитель – А. П. Бородовский
д-р ист. наук, профессор
Новосибирский государственный
педагогический университет
ведущий научный сотрудник
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

- Borodovskiy A. P., Oleszczak L.* Intermountain valley of the lower Katun at the hunno-sarmation time // *Rechercher Archeologiques Nouvelle Serie*, vol 4.: Krakow, 2012. P. 97–112
- Бородовский А. П., Бородовская Е. Л.* Исследования памятников майминской культуры на территории горной долины Нижней Катунь // *Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае 2011 – 2012 гг.* Археология, этнография, устная история. – Вып. 8. Барнаул, 2013. – С. 6–10
- Бородовский А. П., Деев Е. В.* Происхождение сырья каменных ящиков носителей кара-кобинской культурной традиции в горной долине Нижней Катунь. // *Universum Humanitarium* № (2), 2018
- Данченко Е. М.* Погребальный обряд как культурный и этнический маркер в археологии // *Погребальный обряд: Археологическая ретроспектива.* – СПб, 2009. С. 112
- Каменецкий И. С.* Один из факторов искажения погребального обряда // *Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений.* – М., 1999. С. 137–146
- Серегин Н. Н., Матренин С. С.* Археологические комплексы Алтая II в. до н.э. – XI в. н.э.: история исследований и основные аспекты интерпретации. – Барнаул, 2014. – 245 с.
- Соенов В. И., Константинов Н. А., Трифанова С. В.* Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае. – Горно-Алтайск, 2018. – С. 30.

Funeral Tradition of the Maymin Culture of Northern Altai

G.V. Skorobogatova

The article is devoted to the funeral tradition of the Mayma culture of the Hun-Xianbei time in the territory of Northern Altai. The issue of the differences between the Maima culture and the Bulan-Koba culture of northern Altai is briefly considered. It tells about the burial mound 10 of Manzherok-12 necropolis of Maymin archaeological culture, discovered by A.P. Borodovsky in 2018.

The article concluded that it is necessary to further research this culture, highlighting the specific features of its funeral rite. Would to clearly identify her and explore the funeral tradition.

Keywords: funeral tradition, Mayma culture, Hun-Xianbei time.

Скоробогатова Галина Владимировна

студентка 3-го курса

Новосибирский государственный педагогический университет

e-mail: garina.skorobogatova.kfuthm@mail.ru

Skorobogatova Galina Vladimirovna

3rd year student

Novosibirsk State Pedagogical University

e-mail: garina.skorobogatova.kfuthm@mail.ru

Таштыкские рисунки на писанице Учум

А. А. Трофимов, И. Г. Рогова

Кемеровский государственный университет, Кемерово

Писаница Учум расположена на северо-западе Минусинской котловины, на северном берегу оз. Учум, на южных склонах горы Плетнева (Ужурский район Красноярского края).

В последние годы археологический отряд Красноярского государственного педагогического университета (КГПУ) им. В. П. Астафьева последовательно проводит мероприятия по сплошному исследованию скального массива на оз. Учум [Трофимов, 2017, с. 180]. В ходе работ с 2015 по 2017 гг. на различных ярусах массива было выявлено семь участков скопления петроглифов. Из большого количества рисунков, накопленных за годы изучения писаницы, можно выделить два участка, где есть плоскости с петроглифами, которые можно датировать таштыкской эпохой, – участки № 1 и № 5.

На плоскости № 1 первого участка представлен рисунок копытного животного с ветвистыми рогами (олень?). Поверх изображения животного нанесен тамбовидный знак. В правой части плоскости присутствуют фрагментарно сохранившиеся изображения воинов, у которых прослеживаются навершия головных уборов в виде дугообразных линий. У одного из воинов на ноге есть своеобразное украшение, на поясе изображен вытянутый прямоугольный предмет (колчан?). Верхняя часть туловища воина не сохранилась (рис. 1).

На плоскости № 1 пятого участка писаницы выявлена фигура всадника, выполненные гравировкой. Передняя часть рисунка повреждена. Голова и большая часть шеи животного не сохранились. На основании шеи присутствует горизонтальный ряд из четырёх дуг (лопасти?). Плавными симметричными линиями обозначен контур туловища. Одна рука его поднята вверх и согнута в локте (натягивает тетиву лука?). Линии другой руки, шеи и головы не сохранились (рис. 2, 1).

На плоскости № 2 пятого участка в левой ее части контурно изображен лучник в боевой позе. Голова и конечности показаны в профиль, туловище в фас. Нижние конечности широко расставлены в стороны. В одной вытянутой руке воин держит натянутый сложносоставной лук за нижнюю его дугу, другая рука отведена назад, согнута в локте (натягивает тетиву?). Голова воина округлая. За спиной показан прямоугольный щит во весь его рост, на бедре изображен под наклоном прямоугольный колчан (рис. 2, 2).

Хронологическая атрибуция изображений.

Фигуры воинов в раскидистых головных уборах, запечатленные на плоскости № 1 первого участка писаницы, – явление нередкое в наскальном искусстве региона. Аналогии известны на писанице Хызыл-Хая на р. Уйбат (Хакасия), где всадники в подобных развесистых головных уборах изображены среди котлов, которые, по мнению ряда исследователей, характерны для культуры сунну/хунну Ордоса Внутренней Монголии (Китай) [Эрди, 1991, с. 195]. Похожие головные уборы у фронтальных антропоморфных фигур зафиксированы на писаницах Абакано-Перевоз III и Абакано-Перевоз I, а также среди петроглифов на горе Куны [Советова, 2005, табл. 28,13]. Аналогичное изображение имеется на курганной плите тагарской культуры могильник Есино X, где в верхней части композиции схематично изображен всадник с луком и с расходящимися в стороны от головы изогнутыми линиями [Савинов, 2009, рис. 13], и на других памятниках региона. Данные образы датируются тесинским этапом существования тагарской культуры [Русакова, 2016, с. 180]. Следует обратить внимание на нижнюю часть головы воина, чье изображение располагается в правой части плоскости. В таштыкскую эпоху художники изображали воинов в профиль, и практически всегда у выгравированных воинов той эпохи выделялся подбородок (нос?), как, например, у воинов Ошкольской писаницы. Это же видим и в данном случае.

Изображение лошади на плоскости № 1 пятого участка аналогично рисункам трех коней с «лопастями», которые вырезаны на деревянных планках из могильника Тепсей III (склеп 1). Резной рисунок коня с подобным изображением на шее животного представлен и в одной из таштыкских композиций Шалаболинской писаницы [Панкова, 2008, рис. 1–4 а, б, с. 107]. Лопасты (возможно, элемент конской сбруи?) являются одной из специфических опознавательных черт таштыкского времени.

Лучник со щитом на плоскости № 2а пятого участка имеет сходство с изображениями воинов на деревянных планках из таштыкского склепа 1, могильника Тепсей III [Вадецкая, 1999, с. 113, рис. 60]. На трех тепсейских миниатюрах показаны крупные, почти в рост человека, щиты прямоугольной формы [Грязнов, 1979, рис. 59-1; 61-1]. Стоит отметить, что

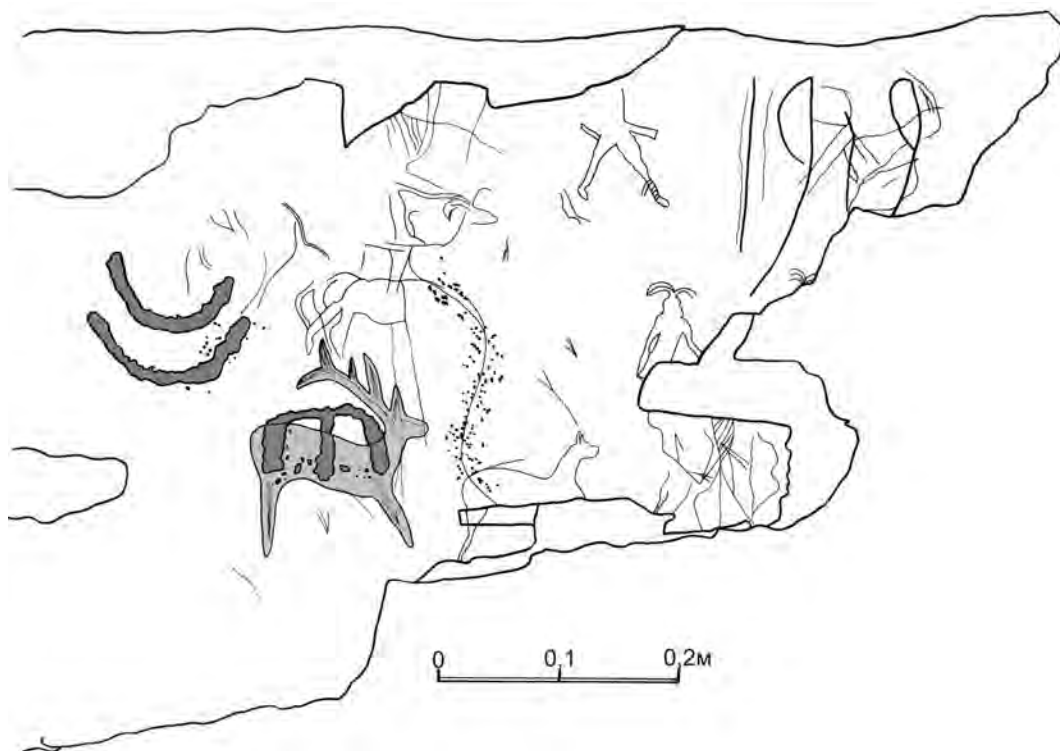

Рис. 1. Изображения воинов с отростками на голове

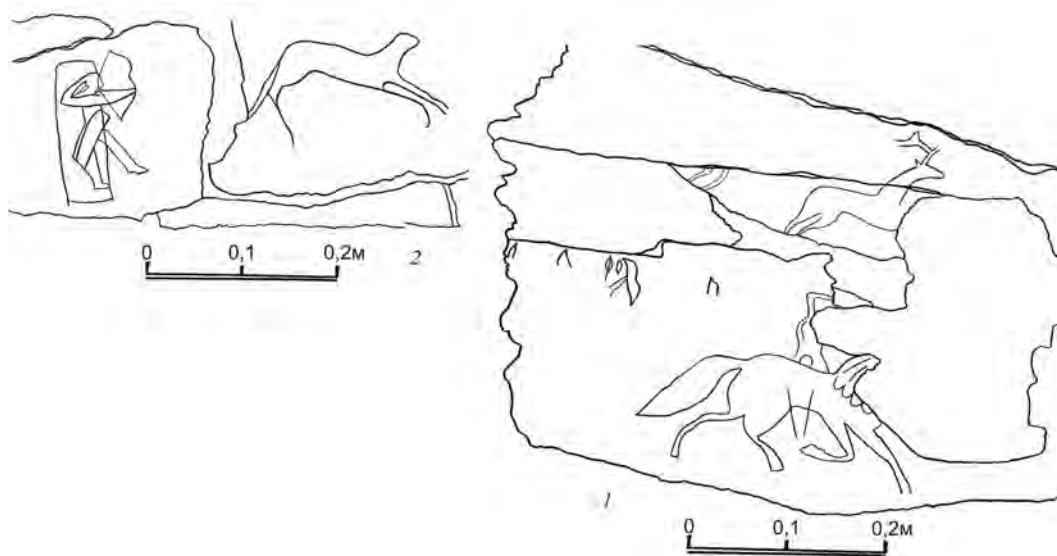

Рис. 2. Изображение лошади с лопастями – 1; рисунок лучника со щитом – 2

изображения щитов на планках связаны только с пешими воинами [Панкова, 2008, с. 124]. На писанице Суханиха I есть многофигурная композиция, где помимо обычного вооружения – луков, наконечников стрел, – также есть выбитые силуэтные изображения прямоугольных, во весь рост человека, щитов. Эту сцену исследователи предположительно относят к хунно-сяньбийскому времени [Панкова, 2011,

с. 124–125; Миклашевич и др., 2012, с. 98]. Необходимо отметить, что в наскальном искусстве территории Среднего Енисея подобный гравированный воин, изображенный в полном боевом снаряжении, аналогий пока не находит.

Несмотря на вышесказанное, установление точной датировки указанных петроглифов на данный момент является затруднительным. По сюжетным и стилистическим признакам мож-

но предварительно датировать эти рисунки финальной стадией тесинского времени и самым началом таштыкской эпохи, когда только формировались черты нового – таштыкского – стиля.

*Научный руководитель – О. С. Советова
д-р ист. наук, профессор
директор Института истории
и международных отношений
Кемеровский государственный университет*

Список литературы

Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. // СПб: «Петербургское востоковедение». – 1999. – 440 с.

Грязнов М. П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979.

Миклашевич Е. А., Панкова С. В., Мухарева А. Н. Петроглифы горы Сосниха // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Лынищенская. Улазы III. Сосниха. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. X. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 72–111

Панкова С. В. «Фигуры-лопасти» на таштыкских изображениях лошадей. Тропой тысячелетий. К юбилею М. А. Дэвлет. – Кемерово, 2008. – С. 106–107

Русакова И. Д. К вопросу о датировке петроглифов раннего железного века (на примере петроглифов Боярского хребта в Хакасии) // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. – С. 173–181

Савинов Д. Г. Минусинская провинция Хунну. (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). – СПб.: 2009. – 226 с.

Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 140 с.

Трофимов А. А. Писаница Учум (результаты исследования 2016 года) // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур народов Евразии: мат-лы LVII Рос. (с международным участием) археол.-этногр. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых / отв. ред. А. В. Кениг. – Сургут; Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – С. 180–183

Эрди Миклош. Анализ петроглифов сюнну/хунну бассейна среднего Енисея // Труды международной конференции по первобытному искусству. – Кемерово: Изд-во «Никалс», 2000. – Т. I. – С. 195–203

Tashtytskaya Drawings on the Petroglyphs Uchum

A. A. Trofimov, I. G. Rogova

Conducting research in 2015–2017 in the North-West of the Minusinsk basin, the archaeological detachment of the KSPU V. p. Astafieva on Pisanitsa Uchum was allocated seven sites with rock paintings, located on different tiers of rock outcrops. Tashtytskoe interesting composition with the participation of soldiers in a spreading head-dresses, the image of an Archer with a shield in all his height, the horse with the image on the neck of the blades. Most of the rock surface is covered with modern inscriptions and cracks, so that petroglyphs are destroyed and require measures for their preservation and museumification.

Keywords: Tashtytskoe time, Pisanitsa, warriors, shield, blade

Трофимов Александр Александрович
магистрант 1-го года обучения
Кемеровский государственный университет
e-mail: sanya.trofim1996@mail.ru

Trofimov Alexandr Alexandrovich
Master's program, 1st year
Kemerovo State University
e-mail: sanya.trofim1996@mail.ru

Рогова Ирина Геннадьевна
магистрант 1-го года обучения
Кемеровский государственный университет
e-mail: rogoва_irina96@mail.ru

Rogova Irina Gennadyevna
Master's program, 1st year
Kemerovo State University
e-mail: rogoва_irina96@mail.ru

УДК 902

Формирование кашинской гончарной традиции в Среднем Приоболье (По материалам кашинской культуры)

В. С. Юдакова

Тюменский государственный университет, Тюмень

По результатам анализа керамического материала эпохи раннего железного века В. Д. Викторовой в 1969 г. были выделены кашинский и прыговский типы памятников [Викторова, 1969]. Вследствие пополнения источников по кашинскому типу исследованиями Н. П. Матвеевой в 1994 г. данные комплексы были переведены в ранг культуры: кроме устойчивой керамической традиции, отмечено своеобразие погребального обряда (на материалах могильника Абатский-3) [Матвеева, 1994, с. 129–142].

Изучение керамики, её типологизация и классификация проводились в основном рамках поселенческих памятников. [И. Ю. Чикунова, 2005, 2008; С. В. Шарапова, 2000]. Результаты данных исследований теперь позволяют изучить погребальную керамику и соотнести её с керамическими комплексами, полученными на поселениях.

На основе архивных источников и опубликованных материалов в данной работе мы предпринимаем попытку определения особен-

ностей гончарной традиции кашинской культуры, с возможностью выявления признаков взаимодействия носителей саргатской и кашинской культур сравнением погребальной и поселенческой керамики.

Объектом исследования выбраны хорошо стратифицированные и узкодатированные могильники Гаевский 1, Прыговский 2, Сопининский, Старо-Лыбаевский-4, Чепкуль 9 и курган на территории Рафайловского селища, находящиеся в Среднем Притоболье, а также расположенные рядом с ними Рафайловское городище и селище, Прыговское I, Павлиново городища, Старо-Лыбаевское-1б селище и поселение Муллашинские Юрты 7.

Рафайловский курган, датируемый IV–III вв. до н.э. захватывает нижнюю границу бытования кашинской культуры. В сопроводительном захоронении лошади обнаружен сосуд, сочетающий кашинские орнаментальные традиции («бордюрный» орнамент) и саргатскую резную технику нанесения орнамента. Синкретичные сосуды встречаются на Рафайловском селище, на территории которого расположен перерезающий постройки курган [Матвеева, 1993, с. 161–162].

В погребении 2 Прыговского 2 могильника, датируемого IV–II вв. до н.э., среди инвентаря следует выделить два сосуда. Один из сосудов имеет сильно выпуклое тулово со слегка отогнутой шейкой, декорированной гребенчатым бордюрным орнаментом с заключенным зигзагом, и прямой венчик. Как и В. Д. Викторова, подчеркиваем, что орнаментация плечика является характерной особенностью кашинских сосудов. Второй сосуд шаровидной формы с треугольными фестонами в резной технике принадлежит саргатской традиции [Корякова и др., 2010, с.69–71]. Помещение сосудов в одно погребение указывает на существование данных керамических типов в рамках одного периода. Этот вывод подтверждается результатами анализа по залеганию на Прыговском I городище саргатской и кашинской посуды, относящиеся ко второму культурно-хронологическому горизонту [Шарапова, 2000, с. 122–123].

В погребении 5 кургана 7 могильника Чепкуль 9, датируемом концом III в. до н.э. – I в. н.э., обнаружены два сосуда кашинского типа. Оба сосуда являются шаровидными с прямой шейкой и украшены в гребенчатой технике. Первый декорирован в зоне шейки – «бордюрным» орнаментом с заключенными наклонными линиями, по плечу – наклонными оттисками. Второй – четырехрядным зигзагом по шейке. Однако состав теста – без примеси талька или слюды, что также наблюдается на поселении Муллашинские Юрты

7 [Чикунова, 2008, с. 76–77]. Вероятно, это указывает на влияние саргатской традиции. Представляется, что различие в погребальном инвентаре саргатских и кашинских захоронений иллюстрирует этнокультурный характер и брачные связи двух экзогамных групп [Зах, 2008, с. 20–21].

В погребении 7 кургана 1 Сопининского могильника, относимого ко II – середине I вв. до н.э., найдены 2 сосуда. Первый из них имеет сильно выпуклое тулово с декорированными гребенчатым зигзагом шейкой и прямым венчиком. Что касается второго сосуда, то он имеет слабовыпуклое тулово и прямую с заостренным венчиком шейку, орнаментированную в гребенчатой технике, образующей зигзаги. По морфологии сосуд является ярким примером симбиоза кашинской и саргатской керамических традиций [Среда ..., 2009, с. 211, 231]. О связи носителей кашинской и саргатской культур также говорит обнаружение первых на укрепленной площадке Павлинова городища на полу жилищ. При рассмотрении этих данных возможно предположить брачно-родственный характер взаимодействия данных групп населения [Пантелеева, 2006, с. 167].

Под перекрытием в заполнении погребения 3 кургана 3 могильника Гаевский 1, датируемого I–III вв. н.э., обнаружен сосуд с шаровидным туловом, орнаментированный горизонтальными оттисками шнура [Культура ..., 1997, с. 17, 64–65]. Данный тип орнамента является определяющим при выделении прыговского типа по В. Д. Викторовой [Викторова, Кернер, 1988, с. 135]. Следует отметить, что схожие по всем остальным признакам данные типы керамики не во всех случаях разделяются стратиграфически, например, в ситуации на Рафайловском селище.

Погребение 2 кургана № 31 Старо-Лыбаевского-4 могильника, I–IV вв. н.э., содержало в себе сосуд яйцевидной формы с отогнутой наружу шейкой, украшенной зигзагом в резной технике, что говорит о смешении традиций [Матвеева, 2001, с.102,112]. На основе анализа домостроительных традиций и залегания керамики на Старо-Лыбаевском-1б селище авторы также говорят о тесной связи этих групп населения [Матвеева, Зеленков, 2016, с. 84].

В итоге можно отметить, что особенность использования такой орнаментальной зоны, как плечо, отмечена на памятниках, датирующихся в пределах IV в. до н.э. – I в. н.э., что может являться хронологическим маркером кашинской керамической традиции.

Таким образом, на керамическом материале погребальных памятников удалось как отметить характерные черты кашинской гончарной традиции («бордюрный» орнамент и

орнаментированный венчик), так и выявить синкретику традиций носителей саргатской и кашинской культур, что может указывать на сосуществование и взаимодействие этих групп населения.

*Научный руководитель – Н.П. Матвеева
д-р ист. наук, профессор
Тюменский государственный университет*

Список литературы

Зах В. А. Комплексы кургана 7 могильника Чепкуль 9 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень. 2008. – № 9. – С. 4–21

Корякова Л. Н., Шарапова С. В., Ковригин А. А. Прыговский 2 могильник: Кочевники и лесостепь // УИВ. 2010. – № 2 (27). – С. 62–71

Культура зауральских скотоводов на рубеже эр: (Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование) / Булдашев В. А., Ковригин А. А., Косинцев П. А., Курто П., Махонина П. И., Ражев Д. И., Потро Ж. П., Шарапова С. В. – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. – 180 с.

Матвеева Н. П. Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 152 с.

Матвеева Н. П. Старо-Лыбаевский-4 курганный могильник (по раскопкам 1999 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. – Вып. 3. – С. 98–113

Матвеева Н. П., Зеленков А. С. Селище Старо-Лыбаевское-16 // АВ ORIGINE: Археол.-этногр. сб. ТюмГУ. – Тюмень, 2016. – Вып. 8. – С. 66–86

Пантелеева С. Е. Хроно-стратиграфия Павлинова городища: По результатам анализа керамики : Диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.06. – Екатеринбург, 2006. – 354 с. : ил. – РГБ ОД, 61 06-7/727

Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса) / Корякова Л. Н., Дэйер М. И., Ковригин А. А., Шарапова С. В., Берсенева Н. А., Пантелеева С. Е., Ражев Д. И., Курто П., Хэнкс Б., Ефимова Е. Г., Каздым А. А., Микрюкова О. В., Сахарова А. О. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2009. – 298 с.

Чикунова И. Ю. Керамические комплексы кашинской культуры на памятниках раннего железного века Притоболья // ВИАЭ. – 2008. – Вып. 9. С. 58–65

Шарапова С. В. Керамика раннего железного века лесостепного Зауралья : Опыт статистического анализа : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.06. – Екатеринбург, 2000. – 180 с. + Прил. (с. 181–350 : ил.)

Formation of Kashino Pottery Tradition in the Middle Tobol River Region (By Materials of the Kashino Culture)

V.S. Yudakova

The article deals with the results of research the pottery of the Kashino culture from burials and settlements situated in the forest-steppe zone of the Tobol River region. The analysis consisted of three parts: ornamental, morphological and technological. It is devoted to the questions of formation of the Kashino pottery traditions, as well as mixing its with the Sargat tradition.

Keywords: pottery research, Kashino culture, West Siberia, Early Iron Ages.

Юдакова Владислава Станиславовна
студентка 3-го курса
Тюменский государственный университет
e-mail: slava.yudakova@gmail.com

Yudakova Vladislava Stanislavovna
3rd year student
Tyumen State University
e-mail: slava.yudakova@gmail.com

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ

УДК 903.222/531.58

Баллистические особенности трехлопастных наконечников стрел в конечной точке: результаты эксперимента*

В. О. Антипина

Новосибирский государственный университет

*Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 1.4539.2017/8.9)

Начиная с гунно-сарматского (II в. до н.э.) и вплоть до начала монгольского времени (XIII в. н.э.) в военном деле народов Южной Сибири и Центральной Азии наибольшее распространение получили железные трехлопастные наконечники стрел. Типологическое разнообразие, основанное на разнице размеров и формы пера, предполагает, что оно может отражать их узкоспециализированное назначение. Однако сохранность человеческих останков, обнаруженных при археологических раскопках, не позволяет дать характеристику наносимых наконечниками стрел различных типов ранений в мягкие ткани. Утверждение о возможности нанесения трёхлопастными наконечниками крупных рваных ран, сравнимых с действием современных разрывных пуль, без проведения экспериментов остается необоснованным. Не доказанным является и утверждение о вращении стрел с трехлопастными наконечниками в полете [Левашова, 1939]. Очевидно, что общие закономерности влияния конструкции трехлопастных наконечников стрел на особенности телесных повреждений можно установить лишь в ходе баллистических экспериментов.

Баллистика, как научная дисциплина, позволяет изучать поведение стрелы на всех стадиях полета, что расширяет арсенал исследовательских методик, применяемых в археологии к изучению функциональных свойств ручного метательного оружия, в том числе и наконечников стрел. Одним из разделов этой дисциплины является баллистика в конечной точке. В её рамках проводятся теоретические и экспериментальные исследования конечного воздействия тела/проникателя на поражаемые цели. В свою очередь, в качестве одной из частей последней выделя-

ется раневая баллистика, которая, опираясь на медицинские и физико-технические закономерности, исследует движение снарядов (прежде всего огнестрельных) в тканях и органах живых организмов и в биологических имитаторах.

Одной из первых работ, посвященных экспериментальному определению пробивной способности стрел, стала книга американского стрелка Сакстона Поупа «A Study of Bows and Arrows». Автор тщательно фиксировал результаты от попаданий стрел с разными типами наконечников в парафиновые блоки, сосновые доски, хлопковую материю, кольчугу, диких животных (олени, медведи) и пр., а степень наносимого урона поставил в зависимость от особенностей наконечников стрел (вес, форма пера, острие).

Интенсивность кровопотери зависит от размера раны, количества и размера поврежденных кровеносных сосудов и общего, доступного для потери объема крови. В случае огнестрельного ранения разрыв и повреждение тканей значительней, но кровоточащая рана, наносимая стрелой, травмирует достаточно смертельно [Pore, 1923].

В последующие годы ряд его наблюдений и выводов был использован, однако в экспериментальной археологии физико-технический подход к изучению наконечников стрел, основанный на раневой баллистике, остается по-прежнему актуальным [Wood, Fitzhugh, 2018].

Летом 2018 г. была проведена серия экспериментов, связанная со стрельбой стрелами с трехлопастными наконечниками по свиной туше, имеющей разную степень защиты: войлок, кольчуга и панцирные пластины. Одной из решаемых задач являлось сравнение убийной

силы разных типов средневековых наконечников. Использование мишенью именно свиной туши в данном случае обусловлено хорошо известным фактом близости органов этого домашнего животного к человеческим, толщины и массы отдельных костей скелета, наружного покрова тела и подкожно-жирового слоя [Экспериментальное моделирование ..., 2018].

Стрельба производилась с расстояния 20 м из луков (модели «венгр» и «турок») с силой натяжения 28 и 32 кг опытными и хорошо подготовленными стрелками, участниками исторических реконструкций и соревнований по стрельбе из луков. При определении дальности расстояния мы руководствовались тем, что эффективность стрелы, как поражающего элемента, в большей степени определяется не дальностью полета, а действием по цели [Иноземцев, Коробейников, 2008]. В ходе эксперимента было проведено четыре серии стрельбы (по части туши свиньи без защиты; с войлочной защитой; с войлочной защитой и кольчугой и защитой из панцирной брони). Каждая серия включала до семи выстрелов стрелами с трехлопастными наконечниками различных типов и «контрольных» стрел с плоскими и бронебойными наконечниками. Стоит отметить, что отличающиеся по силе натяжения луки обоих типов показали примерно одинаковую эффективность.

Средняя ширина лопастей у использованных в эксперименте наконечников стрел – 16 мм. Широкие лопасти эффективно увеличивают площадь пораженной поверхности, повышая вероятность прорезать кровеносные сосуды и тем самым усиливая кровопотерю. Диаметр раны, зафиксированный на кожаном покрове, по размеру равен кругу, в который вписываются три лопасти наконечника.

В ходе экспериментов было установлено, что на баллистические особенности трехлопастных наконечников стрел в конечной точке существенное влияние оказывают разные углы попадания. Как и следовало ожидать, наконечник, отдавший энергию на пробивание дополнительной преграды в виде кольчуги или панцирных пластин, вызывает относительно меньшие повреждения тканям, меньше травмирует внутренние органы. Однако при стрельбе по незащищенной части туши животного все типы наконечников пробивали ее практически до середины и, следовательно, легко могли поражать любой внутренний орган.

При стрельбе по покрытой войлоком (толщиной до 1,0 см) части туши животного результат был аналогичен тому, что отмечен для незащищенной цели. Более того, при анализе результатов с точки зрения раневой баллистики отмечается высокая степень загрязнения ран

частицами войлока, что влечет за собой неизбежное гнойное воспаление тканей даже при неглубоком проникновении наконечника или поверхностном повреждении.

Серия экспериментальных выстрелов по части туши животного, защищенной войлоком и кольчугой, позволила сделать вывод о более высокой эффективности ярусных наконечников, характерных для первой половины I тыс. н. э., по сравнению с трехлопастными наконечниками, имеющими широкие перья. Однако если бронебойные наконечники пробивали кольчугу, то в конечной точке ярусные наконечники, попадая между колец, их «раздвигали».

Последняя серия экспериментальной стрельбы по части туши животного, защищенной войлоком и пластинчатым панцирем, показала, что ни один из типов трехлопастных наконечников не привел к сколько-нибудь заметным повреждениям его поверхности. Лишь одно попадание стрелы со средневековым бронебойным наконечником с выделенной боеголовкой привело к незначительному углублению на поверхности пластины. В условиях реального боя это могло привести к болевому шоку и гематоме.

В связи с вышесказанным можно заключить, что при попадании стрел с трёхлопастными наконечниками в не защищенное броней тело человека или в животное процент возникновения ран, приводящих к летальному исходу, гораздо выше, чем при аналогичном использовании стрел с наконечниками бронебойных типов. В ходе экспериментов удалось установить, что данный эффект достигается за счёт того, что широкие режущие кромки трёх лопастей способствуют образованию не рваной, а достаточно глубокой (до 20 см) колото-резаной раны с ровными краями, которая могла привести к активной кровопотере и повреждению внутренних органов.

Следует подчеркнуть, что с увеличением ширины лопастей уменьшается их проникающая способность, однако этот «недостаток» компенсируется повреждениями костей. Причем переломы сопровождаются образованием мелких обломков и смещением костей. Особенно следует отметить высокую эффективность узких ярусных наконечников гунно-сарматского времени, с развитием которых связано типологическое разнообразие средневековых трехлопастных наконечников.

*Научный руководитель – О. А. Митько
канд. ист. наук, доцент
Кафедра археологии и этнографии
Гуманитарный институт
Новосибирский государственный университет*

Список источников и литературы

Pope Saxton T. A study of bows and arrows. – Berkeley: University of California press, 1923. – 103 p.

Wood J., Fitzhugh B. Wound ballistics: The prey specific implications of penetrating trauma injuries from osseous, flaked stone, and composite inset microblade projectiles during the Pleistocene/Holocene transition // Journal of archaeological science. – Alaska, 2018. – Vol. 91. – P. 104–117

Иноземцев А. Ю., Коробейников А. В. «Перечень увечий и травм» в деятельности историка вооружений // Иднакар:

методы историко-культурной реконструкции. № 4. – 2008. – С. 93–106.

Левашиова В. П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. – Красноярск: Красноярское краевое государственное издательство, 1939. – 67 с.

Экспериментальное моделирование в современной раневой баллистике / Денисов А. В., Анисин А. В., Логаткин С. М., Демченко К. Н., Озерцовский Л. Б. // Вестник российской военно-медицинской академии: Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова. № 2. – СПб., 2018. – С. 144–149

Ballistic Features of Three-Bladed Arrowheads at the End Point: Results of the Experiment

V. O. Antipina

The preservation of human remains found during archaeological excavations does not allow to characterize the wounds inflicted by arrowheads on the soft tissues. Any assumptions about the functionality of the three-bladed arrowheads remain unsubstantiated guesses without experimentation. With the help of ballistics, it is possible to understand how the design of the arrowheads affects the types of injuries the tip inflicts on the tissues. The results of the study of ballistic characteristics of three-bladed arrowheads are presented and special attention is directed to the determination of the mechanism of damage formation and their identification. *Keywords:* weapons, iron arrowheads, experiment, ballistics, archeology, the penetration of the target

Антипина Виктория Олеговна

студентка 3-го курса

Новосибирский государственный университет

E-mail: astrid37viktoria@gmail.com

Antipina Viktoria Olegovna

3rd year student

Novosibirsk State University

E-mail: astrid37viktoria@gmail.com

УДК 903.02(571.53)»638»

Керамическая коллекция первого культуросодержащего горизонта местонахождения Адорма (Северное Приангарье)*

М. Д. Биткина

Иркутский государственный университет

* Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 074-02-2018-334 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Местонахождение Адорма расположено на правом берегу Усть-Илимского водохранилища, на участке протяженностью около 300 м, между безымянной падью и долиной ручья Адорма, расположенной в 30 км ниже по течению от плотины Братской ГЭС (Иркутская область).

Объект археологического наследия Адорма был открыт в 1990 г. археологическим отрядом Иркутского университета. На местонахождении в 2006 и 2010 гг. проводились охранно-спасательные работы по проекту строительства трассы нефтепроводной системы ВСТО. Общая вскрытая площадь составила 3571 м², в трех культуросодержащих горизонтах (КГ), содержащих каменный, костяной, металлический и керамический материал, зафиксировано более 13 000 находок [Швецов, 2007; Шохирева, 2008].

Целью работы является систематизация, анализ и обобщение данных о керамической коллекции первого КГ, который предваритель-но датируется эпохой раннего железного века – Средневековья. Рассматриваемый материал при-

вязан к слою темно-серой супеси, насыщенной корнями растений, мощностью от 0,08 до 0,15 м.

Материал первого КГ представлен изделиями из железа – нож, наконечники стрел, щипцы, – а также развалами гладкостенных тонкостенных сосудов, редкими каменными артефактами. Также в первом горизонте было обнаружено одиночное погребение, представленное захоронением ребенка 10–14 лет и содержащее богатый сопроводительный инвентарь – ножницы, бронзовый колокольчик, серебряные орнаментированные пластинки, костяной игольник и др. [Ходосевич, 2007].

В общей сложности в первом горизонте зафиксировано 3536 ед. находок, из них 3045 фрагментов керамики, 210 ед. каменных артефактов, 275 ед. фрагментов костей палеофауны и 6 фрагментов металлических изделий.

Обнаруженные 3045 фрагментов керамики принадлежали к 61 сосуду. По техническому декору выделяется гладкостенная керамика, в меньшем количестве – с оттисками рубчатой

лопаточки, шнура и сетки-плетенки. По технике нанесения орнамента в культуросодержащем горизонте можно выделить пять групп керамики.

Первую группу составляют сосуды, орнаментированные техникой штампования. Всего в группе 109 фрагментов от 10 сосудов. Сосуды преимущественно закрытой сложной формы. Орнамент занимает верхнюю часть сосуда и представлен гребенчатым и гладким штампом либо насечками. В основном найденные фрагменты принадлежат к гладкостенной керамике, но также встречены два сосуда, техническим декором которых является тонкий шнур. Венчики обоих сосудов орнаментированы косыми прямоугольными насечками, причем некоторые из насечек продолжают и по стенке сосуда.

Вторая группа объединяет сосуды, декорированные техникой отступания. Всего выделено 12 фрагментов от 3 сосудов. Сосуды имеют закрытую форму, орнамент выделен в области тулова и представлен рядами отступающего гребенчатого штампа.

В третьей группе присутствуют 8 сосудов, орнаментированные примазочными валиками по всему тулову. Орнамент представлен волнистыми и горизонтальными примазочными валиками треугольного и подтреугольного сечения. Сосуды данной группы имеют закрытую форму. Также в группе отмечены фрагменты венчиков с налипными валиками, имеющие ногтевые вдавления. В ходе анализа был выделен сосуд с тремя горизонтальными налипными валиками, дважды пересеченными вертикальными налестками и ямочками, расположенными по три в виде треугольников, отстоящих друг от друга, ниже по всему тулову нанесены волнистые примазочные валики в сечении подтреугольной формы. Подобное оформление можно соотнести с сосудами усть-мильской культуры, выделенной на территории Якутии, которая резко отличается от керамики предшествующих неолитических культур и культур более позднего времени [Лохов, 2009, с. 265]

Четвертая группа объединяет гладкостенные сосуды, декор которых сочетает в себе несколько техник нанесения орнамента в различных комбинациях (оттиски гребенчатого штампа, ногтевые и пальцевые вдавления, налипные валики, ямочные вдавления, жемчужины). Всего в группе выделено 546 фрагментов от 35 сосудов. Большинство сосудов имеют закрытую форму. Чаще других орнаментов встречается налипной валик на венчике и в области тулова, украшенный рядом пальцевых вдавлений.

К пятой группе отнесены фрагменты сосудов без орнамента, всего выделено 1618 ед. предположительно от 5 сосудов. Фрагменты принадлежат как тонкостенным, так и толстостенным сосудам закрытой формы. Сосуды по техническому декору в основном гладкостенные, одна-

ко встречаются оттиски сетки-плетенки, шнура и рубчатой лопаточки. Один из гладкостенных сосудов был найден с обломком металлической скобы прямоугольного сечения. Ремонтная скоба вставлена в отверстие с внешней и загнута с внутренней стороны сосуда.

Кроме фрагментов сосудов, в первом КГ найдены два парных «ушка» от сосуда. Они имеют четырехугольную форму, которая напоминает параллелограмм. На «ушках» расположены два круглых сквозных отверстия и мелкие насечки.

Таким образом, материалы, полученные в результате раскопок 2006 и 2010 гг., нуждаются в дальнейшем изучении для понимания культурных процессов, протекающих в Северном Приангарье в эпоху раннего железного века и Средневековья. Полученные радиоуглеродные даты по погребению – 1100±90 лет (СОАН-6805), 1089±80 лет (СОАН-6804), а также древесному углю из слоя – 1300±65 лет (СОАН-6794) [Псарев, 2008, с. 87], подтвердили датировку I КГ, предварительно отнесенного к эпохе железа – Средневековью.

Типологическое группирование по декору, форме венчиков и форме сосудов, общий анализ керамического материала местонахождения Адорма дают возможность сопоставить находки с материалами соседних регионов.

Сосуд, по всему тулову орнаментированный волнистыми примазочными валиками и тремя горизонтальными налипными валиками по венчику, соотносится с емкостями усть-мильской культуры Якутии. По мнению В. И. Эртюкова, керамика с налипными валиками проникла в Прибайкалье из Приамурья через Забайкалье, минуя территорию Якутии. Здесь же «она впитала местные традиции (ямки, жемчужины и т. д.), а потом, возможно, вследствие контактов древнего населения Прибайкалья и Якутии, частично попала на территорию Якутии» [Эртюков, 1990, с. 104]

Наличие фрагментов керамики с оттисками рубчатой лопаточки и сетки-плетенки, а также их немногочисленность дают основания предполагать, что данная керамика попала в первый КГ в процессе антропогенных факторов, биотурбации (норы землеройных млекопитающих) и вывалов деревьев.

Керамика, зафиксированная в первом КГ местонахождения Адорма, имеет широкие аналоги и встречается на большом количестве местонахождений как Северного Приангарья, так и Байкальской Сибири в целом.

Научные руководители –

Е. А. Липнина, канд. ист. наук, доцент

*Д. Н. Лохов, научный сотрудник
НИЦ «Байкальский регион»*

Иркутский государственный университет

Список литературы

Лохов Д. Н. Керамика усть-мильского облика из долины р. Илим // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. – Иркутск, 2009. – С. 265–268

Псарёв Р. А. Новые данные по объекту археологического наследия Адорма // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций – Барнаул, 2008. – С. 87–88

Ходосевич С. С. Погребение железного века на местонахождении Адорма // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2007. – С. 186–187

Швецов Д. Л. Спасательные археологические работы в Северном Приангарье // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2007. – С. 89–90

Шохирева А. В. Керамическая коллекция многослойного местонахождения Адорма в Северном Приангарье // VII Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязного. – Омск, 2008. – С. 206–208

Эртоков В. И. Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии. – М.: Наука, 1990. – 150 с.

The ceramic collection of the layer 1 of the site Adorma (Northern Angara region)

M. D. Bitkina

This article presents the results of the research of the ceramics complex from the layer 1 of the site Adorma. Layer 1 dates from the Early Iron Age to the Middle Ages. The ceramic collection is composed of 3045 ceramic fragments from 61 vessels. They were allocated to 5 groups according to the technique of ornamentation. A fragment of a ceramic vessel of Ust-Milsky archaeological culture was found in the layer. Such vessels are found in the territory of Yakutia. Ceramics of layer 1 has wide analogies and is recorded on a large number of sites in the Northern Angara and Baikal Siberia.

Keywords: Early Iron Age – the Middle Ages, Northern Angara region, site Adorma, ceramic complex, vessel, ornamentation, decor.

Биткина Марина Дмитриевна

студентка 2-го курса

Иркутский государственный университет

E-mail: Bitkina.m@yandex.ru

Bitkina Marina Dmitrievna

1st year student

Irkutsk State University

E-mail: Bitkina.m@yandex.ru

УДК 902 (571.55)

Ямаровский тракт как историко-археологический памятник

В. М. Бураков

Забайкальский государственный университет

В настоящее время, согласно специальным постановлениям, полномочия археологии как науки распространяются на всё историческое время, включая начало XX века, а точнее до 1919 г., оставляя «про запас» только последнее столетие.

В этой связи вполне возможно обратить внимание на такое инженерно-дорожное сооружение, как Ямаровский тракт. Он находится в Забайкальском крае. Начинается тракт от станции Хилок, от одноимённой реки, и завершается в Ямаровке, известной своим целебным минеральным источником. Северный участок тракта по долине реки Блудной – левому притоку Хилка – выводит к селу Энгорок. Южный участок через Малханский хребет с максимальной абсолютной отметкой 1649 м на Черемховском перевале выходит в бассейн реки Чикой. Общая протяжённость тракта 134 км.

Согласно архивным данным [ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (с). Д. 321, 660; Ф. 13. ОП. 1. Д. 6; НАРБ. Ф. 337. ОП. 1. Д. 6037], по распоряжению военного губернатора Забайкальской области проектные изыскания с целью строительства тракта проводились в 1909–1910 гг. Строительство тракта началось в 1913 г. С началом Первой мировой

войны на строительстве стал использоваться труд военнопленных австро-венгров.

К концу 1916 г. строительство тракта в указанных параметрах в основном завершилось. Вместе с тем возникли идеи о продлении тракта в верховья Чикоя до Семиозёрья, с дальнейшим перевалом на реку Онон, к станции Букукунской. Тракт предназначался для освоения богатств забайкальской тайги, расширения пашенных земель и разработки недр с целью добычи золота и других полезных ископаемых. Революционные события 1917 г. не позволили осуществить вторую часть проекта.

Построенная часть тракта успешно эксплуатировалась в полном объёме до 1963 г. В том числе по этому тракту перемещались в обе стороны те, кто лечился и отдыхал на курорте Ямаровка, ставшем в советское время всесоюзным. Тракт использовался заготовителями леса, геологическими партиями, горнодобывающими предприятиями, торговыми и почтовыми службами, местными жителями. В дальнейшем стали активно использоваться другие дороги, прежде всего идущие от г. Петровска-Забайкальского до с. Красный Чикой и далее, вверх по долине Чикоя, к Ямаровке.

В итоге самая сложная часть тракта, проходящая через Малханский хребет, пришла в упадок. Ныне проезд по ней возможен только на машинах повышенной проходимости и в благоприятное время. Эта часть тракта остается интересной для туристов, привлеченных пейзажами южной горной тайги со скальными вершинами и россыпями и дальними, на десятки километров, видами на гольцы и долины. Конечно, её продолжают использовать местные жители для выезда к охотничьим угодьям и при добыче кедрового ореха [Петров, 2006, с. 423; Петров, 2013].

Потомки старожилов этих мест сохраняют память о том, как строился тракт, в том числе об участии в строительстве пленных австро-венгров. Опираясь на архивные данные и помощь местных знатоков, летом 2018 г. разведывательный отряд Чикойской археологической экспедиции (М. В. Константинов, А. П. Кривецкий, С. В. Маслодудо и др) провёл обследование участка Ямаровского тракта в районе с. Энгорок.

Благодаря точным ориентировкам фермера Юрия Горбунова группа исследователей подтвердила наличие остатков барачных, в которых содержали пленных австро-венгров. Барачки располагались в двух местах, в 11 км друг от друга, рядом с ключами – Черепанов и Попов. В обоих случаях – вблизи полотна строящегося тракта, на пологих склонах южной экспозиции, в таёжной местности. Остатки барачных выглядят как земляные прямоугольные насыпи размерами примерно 10 на 14 м и высотой по основной площади до 1,0 м и бортами высотой до 2,0 м.

Поверхность холмов заросла травянистой растительностью, а по краям отмечена крупными деревьями. Некоторые края и поверхности холмов размыты, в результате чего обнажились каменные конструкции. Они выполнены из тщательно вытесанных каменных блоков, плотно подогнанных друг к другу. Из таких блоков сооружены системы обогрева. В средней части боковых длинных стен выявлены разрывы, отмеченные следами огня. Здесь устраивались

печи, от которых тепло и дым распространялись по «каменным трубам» под полом барачных, скорее всего, высланных деревянными плахами.

От стен барачных, вероятно, сооруженных из брёвен, следов пока не установлено, но можно предположить, что высота строений была незначительной, всего в несколько венцов (например, до 1,5 м), что позволяло удерживать внутри возможный максимум тепла. Это было совершенно необходимо в длительных, предельно холодных условиях, которые приходилось не только на зиму, но и на значительные части осени и весны.

Предстоит установить, использовались ли обе группы барачных одновременно или пленных перемещали вдоль тракта по мере его строительства. Есть сведения о том, что ещё две группы барачных находятся ближе к перевалу, причём одна из них сохранилась в том же виде, как вышеописанные, а вторая потревожена техникой при дорожных ремонтных работах.

Представляется, что осмотренные остатки строений являются редким историко-археологическим объектом, существовавшим на стыке нового и новейшего времени. Его изучение интересно как с позиций восстановления истории строительства конкретного тракта, так и с точки зрения понимания условий труда и содержания австро-венгерских военнопленных. Данный объект может стать интересен туристам, в том числе зарубежным. Не исключено, что этим объектом могут заинтересоваться учёные и общественность Австрии и Венгрии.

*Научный руководитель – М. В. Константинов
д-р ист. наук, профессор
Кафедра отечественной истории
Забайкальский государственный университет*

Список литературы

Петров В. Ф. Ямаровский тракт // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область. В 4 т. Т. IV: С-Я – Новосибирск: Наука, 2006. – С. 423

Петров В. Ф. Ямаровскому тракту 100 лет // Рабочая трибуна / Хилокский район. – 2013, 27 декабря

Yamarovskiy Tract as a Historical-Archaeological Monument

V. M. Byrakov

Chita archaeologists have begun studying the Yamarovskiy tract built in 1913-1916 in the Transbaikalia region. It connects station Khilok and resort Yamarovka. Its length is 134 km. The remains of the buildings in the form of barracks intended for the tract builders have been found. The barracks were about 14 by 10 m. The barracks were heated by a system of furnaces and oil ships built from hewn stone blocks. According to archival data, it was established that the builders were Austro-Hungarian prisoners of war.

Keywords: Transbaikalia, Yamarovskiy tract, construction, barracks, Austro-Hungarian prisoners of war, historical and archaeological monument.

Бураков Владислав Михайлович

студент 3-го курса
Забайкальский государственный университет
E-mail: vladim162vu050217@mail.ru

Burakov Vladislav Mikhaylovich

3rd year student
Trans-Baikal State University
E-mail: vladim162vu050217@mail.ru

Шилкинская керамическая коллекция Дальневосточной археологической экспедиции 1954 года: анализ и интерпретация

В. Е. Вальченко,

Новосибирский государственный университет

Дальневосточная археологическая экспедиция ИИМК АН СССР под руководством А. П. Окладникова начала свою деятельность в 1953 г. Летом следующего года экспедиционный отряд прошёл по маршруту от г. Сретенска на р. Шилка в Забайкалье до г. Благовещенска на р. Амур. Это было первое планомерное археологическое изучение региона. Результаты были зафиксированы в отчёте для Полевого комитета, который почти через полвека опубликован В. Е. Ларичевым [Окладников, Ларичев, 1999]. Это были единственные оглашенные сведения о работе экспедиции, за исключением публикации Е. И. Деревянко [1972]. Таким образом, полноценного введения в научный оборот новых материалов из слабоизученного района не произошло. Коллекция находок 1954 г. обнаружена С. В. Алкиным в фондах ИАЭТ СО РАН в начале 2010-х гг.

В настоящей работе нами рассматриваются результаты изучения керамического материала, собранного в 1954 г. на памятниках по берегам р. Шилка между дер. Лужанки и с. Аникино. Выявленные археологические памятники принадлежат к разным периодам времени: неолит, ранний железный век и раннее Средневековье. Было обнаружено большое количество артефактов из металла, камня, кости и керамика. Основные методы изучения керамической коллекции – визуальный, технологический и морфологический анализ.

В коллекции хранятся 62 фрагмента керамики, собранные при раскопках западин на правом берегу р. Половинка (правый приток Шилки) напротив дер. Лужанки [Деревянко, 1972, с. 85–86; Окладников, Ларичев, 1999, с. 9]. В коллекции 4 венчика и 2 фрагмента доньшка. Фрагменты принадлежат разным сосудам. Толщина черепка 5–7 мм, цвет светло-коричневый. Встречаются шнуровой и затертый вафельный орнамент, но основная масса фрагментов – без какого-либо декора. Один венчик имеет налепной орнаментированный валик. В качестве отощителя в формовочную массу добавлен мелкозернистый песок.

Небольшая коллекция керамики была собрана в обрете берегового обнажения Шилки выше с. Верхние Куларки [Окладников, Ларичев, 1999, с. 11]. Она состоит из 8 фрагментов, 3 из которых – венчики от разных сосудов. Судя по ним, верхняя часть сосуда (шейка) украшалась

налепными выглаженными валиками. Орнамент на тулове представлен горизонтальными рядами вдавлений. Толщина фрагментов 7–8 мм, цвет светло-коричневый. Керамическое тесто содержит примесь толченого мелкозернистого песка и шамот. На фрагменте доньшка сохранился слой нагара.

Керамика городища в пади Проезжая (в отчёте 1954 г. – Кантога) на правом берегу р. Шилка ниже с. Усть-Чёрная представлена семью фрагментами толстостенных сосудов (толщина 8–10 мм) и одного тонкостенного (5 мм), все они светло-коричневого цвета. В составе формовочной массы отчетливо прослеживаются крупнозернистый песок и шамот. На внутренней стороне фрагментов присутствует нагар. Орнамент – с мелкими вафельными отпечатками, которые перед обжигом затирались, что придавало плотность стенкам сосудов.

При изучении западины полуземлянки в двух км от устья р. Аникино (левый приток Шилки) обнаружено 27 крупных фрагментов керамики светло-коричневого цвета, толщиной черепка 7–9 мм. Следы нагара отсутствуют. Орнамент представлен прочерченными парными линиями, венчик прямой, сверху оформлен ромбическим орнаментом, образованным перекрещивающимися линиями. В некоторых случаях под неорнаментированным венчиком располагаются небольшие отверстия. Несколько фрагментов керамики имеют необычный орнамент с крупноячеистой выбивкой, размеры ячеек 7x7 мм или 5x5 мм.

В нашей работе представлена только часть материалов из многочисленной керамической коллекции ДВАЭ 1954 г. По анализу коллекции можно подвести некоторые итоги. Керамика в основном представлена фрагментами стенок тулова сосудов, реже венчиками и доньшками. Из имеющихся фрагментов не удалось реконструировать ни одного сосуда.

За основу характеристики керамического комплекса были взяты: форма, особенности декора и техника изготовления. Фрагменты керамики отличаются орнаментом, размером, цветом. Глина, предназначенная для изготовления сосудов, отощалась преимущественно крупнозернистым песком. Форму сосудов можно лишь предположить по доньшку или типу венчика. Вероятно, это были сосуды баночной формы.

Но керамические комплексы характеризуют не только технологию изготовления посуды, они также являются носителями этнографической информации, показателями традиций. Некоторые приемы нанесения орнамента в составе шилкинской керамики имеют аналогии в археологических культурах Верхнего и Среднего Амура эпохи раннего Средневековья.

Особый интерес вызывает керамика с памятника у р. Аникино. Она представлена несколькими вариантами орнамента. Например, выбитыми ячейками разных размеров. Этот приём декорирования был характерен для гончарства средневековых культур Забайкалья и Дальнего Востока [Ковычев, Пискарева, 2015, с. 98]. Подобная орнаментация встречается не только на укрепленных поселениях Шилки (Усть-Чёрнинское городище, Проезжая-1 и др.), но и на памятниках раннего Средневековья Западного Приамурья.

Я. Е. Пискарева, указывая на мнение С. В. Алкина и его коллег, основанных на результатах их многолетних исследований Шилкинской системы городищ [Алкин, 2012, с. 502], не отрицает сходство полученного ими керамического материала с керамикой троичской группы мохэской археологической культуры. Но полагает, что подобная керамика является широко распространенной в раннем Средневековье Забайкалья и Дальнего Востока и рассматривать данный орнамент целесообразно в совокупности с другими характерными признаками [Ковычев, Пискарева, 2015, с. 103].

Вероятно, схожесть керамических изделий свидетельствует о взаимодействии местного населения с носителями михайловской культуры или троичской группой мохэ на ранних этапах формирования. Несмотря на отличие форм сосудов Проезжай-1 от сосудов троичских мохэ, аналогичный орнамент выступает как доказательство синтеза традиций керамического производства.

Е. В. Ковычев на основе керамического комплекса Проезжая-1 полагает, что эту местность населяли племена шивэй, представлявшие собой «огромный этнический массив» [Ковычев, Харинский, Крадин, 2018, с. 98].

В то же время, выводы читинских исследователей выполнены на основе анализа небольшой выборки керамической коллекции с памятника Проезжая-1, без учета изделий мохэского облика, которые там также присутствуют. Коллекция ДВАЭ 1954 г., результаты исследований памятников Шилкинской системы городищ новосибирскими и читинскими археологами указывают на безусловную связь населения Забайкалья с Дальним Востоком в конце I – нач. II тыс. н.э. Подтверждением этому служат результаты комплексного анализа археологических материалов, полученных при обследовании и раскопках памятников в составе Шилкинской системы раннесредневековых городищ (городища Усть-Чёрнинское, Чудейский утёс, Витчиха, Сивачи и др.), позволившие определить хозяйственно-культурный тип населения, включая занятия земледелием, особенности домостроительства и фортификационных технологий, проникновение которых на данную территорию фиксируется в конце I тыс. н.э.

*Научный руководитель — С. В. Алкин
канд. ист. наук, доцент
Кафедра археологии и этнографии
Кафедра востоковедения
Гуманитарный институт
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

- Алкин С. В. Миграция мохэ на р. Шилка в Забайкалье: к проблеме ранних контактов прототунгусов и протомонголов // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы III Междунар. науч. конф. (Улан-Батор, 5–9 сентября 2012 г.). – Вып. 3. В 2-т. – Т. 2. – Улан-Батор: Изд-во Монгольского государственного университета, 2012. С. 499–504
- Деревянко Е. И. Племена Приамурья и Забайкалья // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов. – Чита: ЧГПИ, 1972. – С. 81–89
- Ковычев Е. В., Пискарева Я. Е. Керамика городища Проезжая-1 (нижнее течение реки Шилка) // Мультидисциплинарные исследования в археологии. – Вып. 2. Городища и поселения. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. – 197 с.
- Ковычев Е. В., Харинский А. В., Крадин Н. Н. Шивэйское городище Проезжая-1 на реке Шилке. Известия Лаборатории древних технологий. 2018. – С. 78–102
- Окладников А. П., Ларичев В. Е. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 г. // Традиционная культура востока Азии. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 1999. С. 4–29

Pottery Collection of the Far Eastern Archaeological Expedition 1954: Analysis and Interpretation

V. E. Valchenko

The studied ceramic collection was discovered in 1954 by a detachment of the Far Eastern archaeological expedition during exploration in the Amur basin. This collection is of scientific value because it is introduced into scientific circulation for the first time and is likely to be able to fill the gaps in the history of South-Eastern Transbaikalia. The article is an analysis of the collection. On this basis, the aim of this work is to identify the continuity of cultural traditions of ancient potters of The Upper and Middle Amur. *Keywords:* pottery, mohe, Amur, Far Eastern Archaeological Expedition, Shilka River.

Вальченко Виктория Евгеньевна

магистрант 2-го года обучения
Новосибирский государственный университет
E-mail: valchenkotori@mail.ru

Valchenko Viktoriya Evgenievna

2nd year undergraduate
Novosibirsk State University
E-mail: valchenkotori@mail.ru

Косторезное дело бохайцев Приморья России

Е. С. Галютин

Дальневосточный федеральный университет

Костяные изделия бохайцев, являясь частью домашнего ремесла, в разное время рассматривались в литературе, но последняя обобщающая публикация вышла почти тридцать лет назад [Лещенко, Болдин, 1990]. За эти годы накоплены новые данные, требующие изучения. Целью настоящей работы является систематизация материалов по косторезному делу у бохайцев. Основные задачи работы: охарактеризовать костяные изделия, процесс производства рудий и сырьевую базу в государстве Бохай (698–926). Для исследования использовались опубликованные материалы из бохайских памятников Российского Приморья.

Сырьевая база костяных изделий представлена промысловыми (пятнистый олень, косуля, кабарга и кабан) и домашними животными (свинья, собака и лошадь) [Панасенко, Гельман, 2009, с. 193–203].

У бохайцев Приморья этапы производства включали в себя: а) отбор сырья; б) термическую обработку (обезжиривание путем вываривания кости, обжиг); в) размягчение, полировку и шлифовку (для увеличения прочности материала); г) пиление, сверление и стесывание.

В основу классификации положены имеющиеся разработки для средневековых костяных изделий [Лещенко, Болдин, 1990; Государство Бохай, 1994, с. 102, рис. 13,15], адаптированные к новому материалу.

Группа I. Предметы боевого и охотничьего снаряжения

1-я категория – наконечники стрел, 20 экз., из городищ Горбатка, Николаевское-1,2 и поселений Чернятинское-2, Новогордеевское [Сун Юйбинь и др., 2013; Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2008]. Большинство представлено килевидными и листовидными наконечниками (один пулевидный). Общая длина всех наконечников 10,5–5,2, ширина 1,9–0,9 см. Наконечники, как правило, черешковые с упором [Лещенко, Болдин, 1990, с. 60–69].

2-я категория – свистунки, 4 экз., и ихготовки, 3 экз., из городищ Горбатка, Николаевское-2 и поселений Новогордеевское, Константиновское-1. Имеют шаровидную форму с поперечным отверстием внутри и двумя боковыми. Длинной 4,3–4,1 см, диаметром 2,2–1,1 см [Лещенко, Болдин, 1990, с. 60–69].

3-я категория – детали сложносоставного лука, 30 экз., из городищ Николаевское-1, Гор-

батка, Краскинское [Государство Бохай, 1994, с. 101, 181; с. 101, рис. 15; Сун Юйбинь и др., 2013]. Пластины разных размеров, в зависимости от расположения в разных местах лука: 3,5–12 см.

4-я категория – псалии, 5 экз., из городищ Николаевское-2, Марьяновское и поселений Константиновское-1, Новогордеевское [Лещенко, Болдин, 1990; Сун Юйбинь и др., 2013] Имеют дугообразную форму или овал в сечении с двумя сквозными отверстиями на концах. Длина 5–10,3 см.

5-я категория – обкладки колчана, 1 экз., из городища Николаевское-2. Пластина дугообразной формы с орнаментом длиной 9,9, шириной 0,7–1,2, толщиной 0,2 см.

Группа II. Орудия труда и предметы домашнего обихода

1-я категория – шилья, проколки и иглы, 3 экз., из поселений Чернятинское-2 и Константиновское-1. Швейные иглы изготовлены из тонкой кости [Лещенко, Болдин 1990; Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2008].

2-я категория – рукояти из рога, 12 экз., из городищ Горбатка, Николаевское-2 и поселений Константиновское-1, Новогордеевское. Длина 13–8,5, ширина 1,5–2,5, толщина 0,4–1,8 см [Лещенко, Болдин, 1990, с. 60; Сун Юйбинь и др., 2013, с. 237].

3-я категория – копалки для женьшеня, 5 экз., из городищ Николаевское-1 и поселения Новогордеевское. Это суженная и слегка загнутая к концу ребровая кость, иногда с отверстием на головке.

4-я категория – пендели, 3 экз., из городищ Горбатка, Николаевское-2 и поселения Новогордеевское. Инструменты для развязывания узлов на конской упряжи и др. из рогов косули с отверстием для шнура.

5-я категория – ложки, 1 экз., из Константиновского поселения. Форма овальная, черенок отломан. Длина 9,5, ширина 4,4, толщина 0,3 см.

6-я категория – игольники для хранения игл, 2 экз., из поселения Черятино-2 и Николаевского-2 городища [Лещенко, Болдин, 1990; Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2008, с. 100]. Это трубчатая кость диаметром около 1 см и длиной 8 см.

Группа III. Предметы туалета и украшения

1-я категория – декоративные пластины-накладки, 10 экз., из городищ Николаевское-2, Марьяновское, Горбатка, Кокшаровка-1 и посе-

ления Константиновское-1 [Государство Бохай, 1994; Сун Юйбинь и др., 2013; Археологические памятники, 2015, с. 99]. Тонкие пластины прямоугольной формы. Находки в большинстве фрагментированы. Длина 10,2–4,7, ширина 1,4–0,7, толщина 0,3–0,1 см.

2-я категория – шпильки для волос, 3 экз., из поселения Константиновское-1 [Сун Юйбинь и др., 2013].

3-я категория – пуговицы, 3 экз., из городищ Николаевское-2 и поселения бохайского времени Синие Скалы [Сун Юйбинь и др., 2013]. Веретеновидные костяные палочки с углублениями посередине длиной 9,3–7, диаметром 0,9–0,3 см.

4-я категория – гребни, 1 экз., из Николаевского-2 городища. Фрагмент одностороннего гребня с зубьями длиной 3,7 см [Лещенко, Болдин, 1990].

5-я категория – предметы поясного набора, 2 экз., из Николаевского-2 городища. Это половинка костяной пряжки, длиной 4,8 см, и оконечник пояса прямоугольной формы с заостренным концом и двумя отверстиями для крепления, длиной 8,9 см [Лещенко, Болдин, 1990].

Группа IV. Предметы для игр

1-я категория – игральные альчики, 11 экз., из городищ Кокшаровка-1, Николаевское-2 и поселений Чернятинское-2, Константиновское-1 [Лещенко, Болдин, 1990; Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2008; Городище Кокшаровка-1, 2012, с. 124; Археологические памятники, 2015, с. 99].

2-я категория – игральные кубики, 1 экз. из поселения Абрикосовское [Сун Юйбинь и др., 2013]. Кубик с углублениями по граням от одного до шести.

Группа V. Амулеты.

1-я категория – подвески, 7 экз., из городищ Горбатка, Николаевское-2 и поселения Константиновское-1 [Сун Юйбинь и др. 2013]. Изделия разной формы, орнаментированы. Могут иметь форму животного. Помимо прикладной

функции (по типу пенделя) имели и сакральное значение [Шавкунов, 1994, с. 52].

Таким образом, можно сделать вывод, что кость использовалась во всех сферах быта бохайского населения, являясь легко доступным и достаточно прочным материалом для ремесла.

*Научный руководитель – Е. И. Гельман
канд. ист. наук, доцент
зав. сектором раннесредневековой археологии
Института истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН*

Список литературы

Археологические памятники Кокшаровка-1 и Кокшаровка-8 в Приморье: итоги исследований Российской-корейской экспедиции в 2012–2014 гг. / Колл. авторов (Клюев Н. А., Чи Бёнмок, Бессонова Е. А., Гельман Е. И., Гридасова И. В., Ивлиев А. Л. и др.) Сеул: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Гос. иссл. ин-т культурного наследия, 2015. – Т. 1. 219 с. Русс. яз. – Т. 2. 335 с. Кор. яз.

Городище Кокшаровка-1 в Приморье: итоги раскопок российской-корейской экспедиции в 2008–2010 года. Колл. авторов (Клюев Н. А., Чой М. С., Юн К. Д., Хон Х. У., Ким Д. Х., Артёмов А. В., Бессонова Е. А., Бондаренко О. В., Гельман Е. И., Гладченков А. А., Гридасова И. В. и др.) – Тэджон: Гос. иссл. ин-т культурного наследия, 2012. – Ч. 1. 320 с. – Ч. 2. 224 с. – Рус. яз., кор. яз.

Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России / Отв. ред. Э. В. Шавкунов. – М.: Наука, 1994. – 219 с.

Лещенко Н. В., Болдин В. И. Изделия из кости и рога бохайских памятников Приморья // Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР. – Владивосток, 1990. – С. 60–69.

Никитин Ю. Г., Чжун Сук-Бэ. Археологические исследования на поселении Чернятино 2 в 2007 году. – ИИАЭ ДВО РАН, ДВГТУ, Корейский гос. университет культурного наследия. – Сеул, 2008. – 350 с.

Панасенко Е. В., Гельман Е. И. Роль млекопитающих (Mammalia) в системе жизнеобеспечения бохайского населения городища Горбатка // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. – Том 8, вып. 3: Археология и этнография. – С. 193–203

Сун Юйбинь, А. Л. Ивлиев, Е. И. Гельман. Бохайские древности из Приморского края России. – Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Институт археологии провинции Цзилинь. – Пекин: Вэньу, 2013. – 278 с.

Шавкунов Э. В. О шаманстве бохайцев // Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России. – Владивосток: Дальнаука, 1994. – С. 48–57

Bone Carving of Bohai State in Russian Primorye

E. S. Galiutin

The article is dedicated to bone carving of people of Bohai state (698–926 AD) in Russian Primorye territory as home craft. Author characterizes bone artifacts, determines the source of raw materials and examines the process of manufacturing products. The author comes to the conclusion that the bone plays an important role in everyday life of the Bohai people.

Keywords: home craft bone carving, bone products, Bohai State (698–926 AD).

Галютин Евгений Сергеевич

студент 3-го курса
Дальневосточный федеральный университет
лаборант
Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН
E-mail: jony1998@mail.ru

Galiutin Evgeniy Sergeevich

3rd year student
Far-Eastern Federal University
laboratory assistant
Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East, FEB RAS
E-mail: jony1998@mail.ru

Основные признаки погребальных памятников одинцовской культуры

М. А. Гриб

Алтайский государственный университет, Барнаул

Погребальные комплексы представляют собой наиболее информативную группу археологических памятников Лесостепного Алтая, относящихся к одинцовской культуре 2-й половины IV – 1-й половины VIII вв. н.э. Их детальный анализ безусловно будет полезен для понимания как отличительных особенностей одинцовской общности, так и для изучения ее этнокультурных контактов. Источниковой базой нашей работы послужили результаты раскопок 14 могильников: Ближние Елбаны-III, XII, XIV, XVI (41 могила) [Грязнов, 1956; Абдулганеев, Горбунов, Казаков, 1995], Горный-10 (74 могилы) [Абдулганеев, Степанова, 2002], Ераска (1 могила) [Егоров, 1993], Малый Гоньбинский Кордон-1/2 (1 могила) [Горбунов, Кунгуров, 2018], Нечунаевский Елбан-2 (5 могил) [Уманский, 1985], Осинки (36 могил) [Савинов, Новиков, Росляков, 2008], Страшный Яр-1 (1 могила) [Горбунов, Тишкин, Фролов, 2017], Татарские Могилки (7 могил) [Уманский, 1985], Троицкий Елбан-I (8 могил) [Горбунов, 1993], Тугозвонovo (4 могилы) [Уманский, 1985], Чекановский Лог-9 (1 могила) [Горбунов, Демин, Ситников, 2004]. Все захоронения одинцовской культуры обнаружены в южных районах Западно-Сибирской равнины, в таких провинциях, как Бийско-Чумышская возвышенность, Предсалаирская равнина, Приобское плато и Предалтайская равнина. Памятники расположены либо на останцах коренного берега – елбанах в пойме реки, либо на береговых террасах, часто на их мысовидных выступах.

Одинцовские могильники являются грунтовыми. Погребения на них расположены, не считая единичных объектов, либо в один ряд, либо группами. Могильные пятна по форме делятся на прямоугольные (44 могилы), трапециевидные (21 могила) и овальные (40 могил), но встречается и более сложная форма, видимо, образовавшаяся в результате позднейшего антропогенного и природного воздействия. Вариабельна и глубина могильных ям. По этому признаку их можно разделить на мелкие, до 0,5 м (126 могил), средние, до 0,9 м (31 могила) и глубокие, до 3,0 м (16 могил). Большинство могил представляют собой простые ямы, но есть и объекты, содержащие внутренние конструкции. Среди них выделяются: 1. Деревянное перекрытие: 15 могил из 6 памятников; 2. Берестяное покрытие с бере-

стяной подкладкой: 9 могил из 4 памятников; 3. Комбинация из перекрытия и конверта: 9 могил из 5 памятников.

В могильниках одинцовской культуры представлены два способа погребения: ингумация и кремация. Господствующим является труположение. Абсолютно преобладает одиночная ингумация в положении вытянуто на спине. Парные могилы отмечены в 6 памятниках. Есть могилы, где ингумация человека дополняется сопроводительными захоронениями животных: лошади (4 могилы) и собаки (2 могилы). Анализ ориентировки умерших людей по сторонам горизонта позволил выделить несколько отдельных групп: 1. На северо-восток, с отклонениями больше к северу или востоку – 56 могил из 10 памятников; 2. На северо-запад, с отклонениями больше к северу – 84 могилы из 4 памятников; 3. На юго-запад – 7 могил из 2 памятников; 4. На запад – 1 могила на 1 памятнике; 5. На юго-восток – 3 могилы на 2 памятниках. Сопроводительные захоронения лошадей ориентированы либо в одну сторону с человеком, либо в противоположную от него сторону; ориентировка собак совпадает или перпендикулярна положению человека.

Захоронения, совершенные по обряду кремации, – трупосожжения на стороне. Преобладает скопление кальцинированных костей человека по центру могильной ямы (5 могил), единичны скопления костей человека в северо-восточной и северной части ямы, а также четыре скопления в одной могиле.

Анализ массовых и единичных элементов погребального обряда одинцовской культуры позволяет выделить комплекс основных признаков, которые составляют от 50 до 100% на памятниках. К ним относятся: рядное и групповое расположение могил с юга-запада на северо-восток; отсутствие насыпей; могильные пятна прямоугольной формы, мелкие простые ямы; одиночная ингумация с ориентацией людей головой в северо-восточный и северо-западный сектор горизонта. Сочетание именно этих признаков позволяет отличать одинцовские памятники от других ранних, синхронных и поздних культурных образований. Часть более редких признаков, таких как глубокие ямы и внутримогильные конструкции, скорее всего, обусловлены социальной стратификацией одинцовского общества. Наличие погребений с кремацией может указывать на связи с пред-

шествующей кулайской культурой, а появление сопроводительных захоронений лошадей – на контакты с кочевниками Горного Алтая.

*Научный руководитель — В. В. Горбунов
д-р ист. наук, профессор
Кафедра археологии, этнографии и музеологии
Алтайский государственный университет*

Список литературы

Абдулганеев М. Т., Горбунов В. В., Казаков А. А. Новые могильники второй половины I тысячелетия н.э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: Из-во Кузбассвузиздат, 1995. – С. 243–252

Абдулганеев М. Т., Степанова Н. Ф. Раскопки у пос. Горный на Северном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – Том VIII. – С. 220–223

Горбунов В. В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-1 // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – С. 80–90.

Горбунов В. В., Демин М. А., Ситников С. М. Погребение воинов эпохи великого переселения народов на Верхнем Алее //

Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Труды гуманитарного факультета НГУ. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2004. – Серия II, выпуск 1. – С. 18–36

Горбунов В. В., Кунгуров А. Л. Памятники первой половины I тыс. н.э. археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 в Барнаульском Приобье // Известия Алтайского государственного университета. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. – № 2 (100). – С. 150–157

Горбунов В. В., Тишкин А. А., Фролов Я. В. Редкое погребение одиночской культуры на памятнике Страшный Яр-1 в Барнаульском Приобье // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время: Материалы международной конференции, посвященной 80-летию юбилею Л. А. Чиндиной. – Томск: Из-во ИД «Д'Принт», 2017. – С. 106–110

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 163 с.

Егоров Я. В. Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – С. 77–80

Савинов Д. Г., Новиков А. В., Росляков С. Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 424 с.

Уманский А. П. Памятники эпохи «Великого переселения народов» на Алтае // Урало-Алтаистика. Археология, этнография, язык. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1985. – С. 55–63

The Main Signs of the Funerary Monuments of Odintsovo Archaeological Culture

M.A. Grib

The article is devoted to main burial characteristics of the Odintsovo archaeological culture. Monuments of this culture are settled in Forest-Steppe Altai. On the basis of these monuments, the main characteristics of the burial rite of the Odintsovo culture were made.

Keywords: Funerary monuments; Burial rite; Odintsovo archaeological culture; Forest-Steppe Altai

Гриб Максим Александрович

студент 3-го курса

Алтайский государственный университет

E-mail: 42209@mail.ru

Grib Maxim Aleksandrovich

3rd year student

Altai State University

E-mail: 42209@mail.ru

УДК 903.2

Трасологический анализ изделий из металла: возможности, ограничения, перспективы *

Р. В. Давыдов

Новосибирский государственный университет

*Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9)

Трасологический анализ – направление исследований в археологии, в рамках которого изучаются следы, фиксируемые на древних артефактах. Следы могут выступать в качестве отдельного вида археологических источников и определяются как «специфический (узнаваемый) вид изменения формы рельефа известной исходной (естественной или искусственной) поверхности» [Гирия, 2015, с. 247]. Неотъемлемой частью трасологического анализа является эксперимент [Семенов, 1957, с. 6].

В археологии трасологический анализ стал применяться в 1950-е гг. благодаря работам С. А. Семенова. В настоящее время данный метод активно используется для изучения изделий из различных материалов, в первую очередь из камня [К истокам..., 2010, с. 234–235]. Также с 1990-х гг. ведутся трасологические исследования металлических предметов. Однако на данный момент в отечественной археологии существуют только единичные работы по этому вопросу.

Целью настоящей работы является характеристика возможностей и особенностей применения трасологического метода при исследовании изделий из металлов.

Первый анализ следов производства на металлических предметах был выполнен С. А. Семеновым на образцах украшений скифского времени с территории Казахстана. При этом автор не проводил экспериментов, используя описания технологии современного на тот момент ювелирного дела [Семенов, 1965].

Систематическое изучение следов на металлических артефактах с использованием экспериментов началось в 1990-е гг. европейскими исследователями, которыми был разработан подробный алгоритм исследований [Dolfini, Crellin, 2016; Horn, Holshtein, 2017]. Полученные ими результаты демонстрируют возможности трасологического метода. Несмотря на то, что основное внимание исследователей было сосредоточено на артефактах бронзового века, их опыт применим и для предметов из черных металлов. В частности, удалось существенно расширить представления об использовании оружия бронзового века. Многие артефакты, традиционно считавшиеся ритуальными, были определены как функциональное оружие. Детально реконструированы жизненные циклы орудий. На основе анализа бронзовых топоров М. Куиперсом проведено сравнительное изучение уровня мастерства ремесленников [Dolfini, Crellin, 2016, p. 79–81; Kuijpers, 2017].

В России трасологическое изучение технологии изготовления изделий из металлов ведется Р. С. Минасяном, автором энциклопедии ювелирного дела Восточной Европы и Средиземноморья, и Е. А. Шаблавиной, реконструировавшей технологию изготовления украшений раннесредневекового Боспора [Минасян, 2014; Шаблавина, 2007]. Коллективом исследователей под руководством С. А. Агапова осуществляется разработка экспериментальной трасологической и микроструктурной базы данных литых бронз [Агапов и др., 2013].

В прочих работах отечественных авторов, где рассматриваются следы на металлических предметах, не используется экспериментальное моделирование, а применяется метод аналогий с современной практикой. Группой авторов обследованы следы на изделиях в кладе ювелира из Западного Приамурья [Нестеров, Савин, Холмогоров, 2016, с. 85–86]. Следы на украшениях с территории Горного Алтая гунно-сарматского времени рассмотрены В. И. Соеновым и Е. А. Константиновой [Соенов, Константинова, 2015]. Обзор следов износа на древнерусском оружии выполнен А. Н. Каменским [Каменский, 2015].

Алгоритм трасологического исследования металлических изделий существенно не отличается от анализа артефактов из других материалов: обследование предмета и фиксация следов, проведение эксперимента с получением следов в известных условиях, сравнение следов на экспериментальных образцах со следами на археологических предметах [Шаблавина, 2007, с. 12].

В качестве инструментов фиксации следов применяются макрофотография, фотограмметрия, создание гипсовых слепков поверхности [Dolfini, Crellin, 2016, p. 79]. Изучение следов на металлических артефактах, как правило, не требует увеличения более 30× [Sáez, Lerma, 2015, p. 176]. Для фотофиксации достаточно использовать макрообъектив с фокусным расстоянием 60 мм, что существенно облегчает работу.

Основной проблемой при обследовании изделий из металлов выступает коррозия. Она уничтожает первоначальную поверхность предметов, вызывает трещины и микроразрушения [Horn, Holshtein, 2017, p. 97; Sáez, Lerma, 2015, p. 177].

Также поверхность изделий меняется при реставрации. Вследствие очистки предметов с использованием стекловолокна, скальпелей, токарных станков появляются новые следы, перекрывающие древние [Sáez, Lerma, 2015, p. 177]. Многие следы исчезают после нанесения защитного покрытия.

Наконец, для проведения экспериментов в рамках исследований металлических артефактов требуется привлечение существенных ресурсов. При изучении следов износа требуется создать готовый к использованию предмет. Кроме того, металл более устойчив к износу, и требуется больше времени и сил, чтобы оставить на нем характерные следы. Этим можно объяснить внимание исследователей к бронзовым изделиям – их производство проще, чемковка железных предметов, они менее прочные.

Таким образом, трасологические исследования металлических артефактов позволяют реконструировать технологические схемы изготовления предметов, выяснить их назначение, получить сведения о характере работы ремесленников. В России полноценные трасологические исследования металлических изделий ведутся только отдельными авторами. Далеко не всегда проводятся необходимые для трасологического анализа эксперименты. Факторами, тормозящими развитие данного направления в отечественной археологии, являются: затратность экспериментов, сложность выявления следов вследствие коррозии и реставрации.

*Научный руководитель – О. А. Митько
канд. ист. наук, доцент
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

Гиря Е. Ю. Следы как вид археологического источника (конспект неопубликованных лекций) // Следы в истории. К 75-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского. – СПб.: ИИМК РАН, 2015. – С. 232–268

Каменский А. Н. О применении методов трасологического анализа при изучении средневековых предметов вооружения // Горный мир музеев. – 2015. – № 1 (1). – С. 126–131

Минасян Р. С. Металлообработка в древности и Средневековье. – Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. – 472 с.

Нестеров С. П., Савин А. Н., Колмогоров Ю. П. Раннесредневековый предметный комплекс ювелира-литейщика из Западного Приамурья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 2 – С. 81–90

Семёнов С. А. Первобытная техника. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 239 с.

Соенов В. И., Константинова Е. А. Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2015. – 248 с.

К истокам трасологии: «Первобытная техника» 40 лет спустя: функциональные исследования и русское наследие / Скакун

Н. Н., Васильев С. А., Плиссон Г., Клод Э. // Археологические вести. – 2010. – Вып. 16. – С. 234–243

Шаблавина Е. А. Техника изготовления художественных металлических изделий раннесредневекового Боспора: Автореферат дис. канд. ... ист. наук. – СПб, 2007. – 25 с.

Dolfini A., Crellin R. J. Metalwork wear analysis: The loss of innocence // Journal of Archaeological Science. – 2016. – Vol. 66. – P. 78–87

Horn Chr., Holstein von I. Dents in our confidence: The interaction of damage and material properties in interpreting use-wear on copper-alloy weaponry // Journal of Archaeological Science. – 2017. – Vol. 81 – P. 90–100

Kuijpers M. H. G. An Archaeology of Skill: Metalworking Skill and Material Specialization in Early Bronze Age Central Europe (Routledge Studies in Archaeology). – London: Routledge, 2017. – 334 p.

Sáez G.C., Lerma I. M. Traceology on Metal. Use-Wear Marks on Copper-Based Tools and Weapons // Use-Wear and Residue. Analysis in Archaeology. Manuals in Archaeological Method, Theory and Technique. – Switzerland, Scham: Springer International Publishing, 2015. – P. 171–188

Trasological Analysis of Metal Products: Opportunities, Limitations, Prospect

R.V. Davydov

In this paper author presents the possibilities of a trasological analysis of metal products using the example of European historiography: reconstruction of technological schemes for the making of items, determining of the purpose of the subject, getting information about master. In Russian archeology only separate authors conduct a trasological analysis of metal objects. Factors hindering the development of this exploration trend are: the need for large resources for conducting experiments, the difficulty of detecting traces due to corrosion and restoration.

Keywords: historiography, metalworking, methodology, use-wear analysis, trasological analysis.

Давыдов Роман Вячеславович

1-й курс магистратуры

Новосибирский государственный университет

E-mail: puer-viro@mail.ru

Davydov Roman Vyacheslavovich

Master's program, 1st year

Novosibirsk State University

E-mail: puer-viro@mail.ru

УДК 902

Особенности погребального обряда троцкого типа мохэской археологической культуры

М. Е. Жуков

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

История мохэской общности вызывает множество вопросов как у отечественных археологов, так и у специалистов из Китая, Кореи и других стран. Среди них наиболее актуальными являются: расселение отдельных групп мохэ, соотнесение мохэских племен китайских летописей и конкретных археологических культур эпохи раннего Средневековья, хронология и взаимовлияние культур. Во многом решению стоящих перед исследователями проблем помогает изучение погребального обряда мохэ, выделение его основных характеристик и особенных черт в рамках изучения локальных групп носителей мохэской культуры.

Ареал распространения памятников мохэской культуры на российской территории охватывает Приморье, Приамурье и Юго-Восточное

Забайкалье. Время существования определяется второй половиной VII – XI вв. [Алкин, 2011]. В составе культуры выделены два типа: найфельдский (первоначальный ареал – Восточное Приамурье и Приморье, а затем, в VIII в., распространившийся и на западную часть Приамурья) и троцкий (почти вся Амурская область, а также частично Восточное Забайкалье) [Нестеров, 1998, с. 53–54, 71]. Данная работа посвящена изучению погребального обряда троцкого типа мохэской археологической культуры.

Погребальный обряд мохэ троцкого типа на территории России изучался на основе материалов, полученных в ходе работ на таких могильниках, как Липовый Бугор, Падь Прибрежная, Красный Бугор, Усть-Ивановский, Чернятино-5 и др. Однако опорным памятни-

ком, на основе которого и был выделен этот тип культуры, является Троицкий могильник. Именно на его базе исследователями была предложена хронология этой культуры, а также основные признаки, по которым тот или иной объект может быть к ней отнесен.

В настоящей работе сравнительному анализу подвергнуты материалы раскопок данного археологического объекта за 2005 и 2007 гг. Эти периоды археологических работ на памятнике были выбраны не случайно. Основным содержанием работ Благовещенского археологического отряда в 2005 г. стало проведение раскопок в центральной части некрополя, а в 2007 г. работы велись на прилегающем юго-западном участке могильного поля.

Для анализа погребального обряда были выделены следующие его составляющие: способ захоронения, положение и ориентировка погребенного, наличие или отсутствие погребальной конструкции и ее особенности, погребальный инвентарь, а также использование огня в ритуальных целях.

Для погребального обряда троицкой группы мохэ характерно преобладание вторичных погребений, которым предшествовало довольно длительное воздушное захоронение. Действительно, преобладание вторичного способа захоронения прослеживается в материалах раскопок 2005 и 2007 гг. Из 12 погребений, исследованных в 2005 г., 10 оказались вторичными, а 2 выполнены по обряду первичного труположения [Алкин, 2005]. Похожие результаты были получены в 2007 г.: из 18 захоронений лишь одно погребение оказалось первичным [Деревянко, Ким Бон Гон, Нестеров и др., 2008, с. 139].

Первичные и вторичные погребения имеют ряд существенных отличий. В первую очередь это связано с ориентацией погребенного. В первичных захоронениях в большинстве случаев фиксируется ориентация головой на юг, вторичные же практически всегда ориентированы на север. Мы также можем говорить о более богатом погребальном инвентаре погребений, выполненных по обряду ингумации. Например, в погребении № 255 были найдены: серебряный браслет, черешковый железный нож, десятки разнообразных по форме и материалу изготовления (бронза, железо, халцедон, яшма) бусин, шейное украшение в виде ожерелья из железных бусин-пронизок, и др. Во вторичных погребениях чаще всего инвентарь ограничивается фрагментами керамических и железных изделий [Алкин, 2005].

К чертам, характеризующим погребальный обряд троицких мохэ, можно отнести ритуальное использование огня. В большинстве случаев огонь разводился после того, как могильную яму засыпали небольшим количеством земли.

В 9 из 12 случаях отчетливо фиксируются следы горения погребальной конструкции, следовательно, можно сделать вывод о наличии определенного ритуала погребения [Алкин, 2005]. В 2007 г. следы ритуального использования огня фиксируются реже, они представлены на 9 из 18 погребений [Деревянко, Ким Бон Гон, Нестеров и др., 2008, с. 57–153].

Важную часть в погребальном обряде троицкого типа мохэской археологической культуры занимает использование погребальных конструкций. Наиболее распространенной внутримогильной конструкцией на Троицком могильнике является деревянная обкладка по периметру ямы, сохранность которой во многих случаях фрагментарна. По результатам работ 2005 г. лишь в 2 погребениях из 12 не зафиксирована погребальная конструкция, в остальных случаях она представлена различными остатками погребальной рамы [Алкин, 2005]. В 2007 г. погребальная конструкция была отмечена в 9 погребениях из 18 [Деревянко, Ким Бон Гон, Нестеров и др., 2008, с. 57–153].

Немаловажным аспектом погребального обряда мохэ троицкого типа является преднамеренная порча погребального инвентаря, которая прослеживается во всех исследованных могильниках [Деревянко Е. И., 1977, с. 156–157].

Наибольшую часть в составе погребального инвентаря занимают такие предметы, как: панцирные пластины, железные наконечники стрел и копий, удила, пряжки, различные фрагменты одежды и обуви, бляшки, бусины, серьги, предметы обихода и др. Помимо всего этого в захоронениях зачастую встречаются и кости животных, среди которых преобладают лошадиные [Васильев, Деревянко Е. И., Алкин, 2007]. В целом, составляющие погребального инвентаря сходятся по раскопкам как 2005 г., так и 2007 г.

Исследование погребального обряда и погребальных традиций является неотъемлемой частью изучения любой археологической культуры, в том числе и мохэской. Подводя итог вышесказанному, можно сделать несколько предположений: для представителей мохэской культуры троицкого типа характерно наличие сложившейся погребальной практики; по погребальному инвентарю отдельных захоронений можно судить о социальной дифференциации общества; основываясь на порче керамических сосудов, железных изделий и сжигании погребальных конструкций, можно говорить о существовавшем ритуале умерщвления предметов.

*Научный руководитель — С. В. Алкин
канд. ист. наук, доцент
старший научный сотрудник
Институт археологии и этнографии
СО РАН*

Список литературы

- Алкин С. В. Отчет о раскопках Троицкого могильника в 2005 году // Архив ИАЭТ СО РАН
- Алкин С. В. Мохэ // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 212-216
- Васильев С. К., Деревяшко Е. И., Алкин С. В. Предварительные результаты изучения фаунистических остатков из Троицкого могильника в Амурской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2007 г. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 199–201

- Деревяшко А. П., Ким Бон Гон, Нестеров С. П., Чой Мэн Сик, Хон Хен У, Алкин С. В., Субботина А. Л., Ю Ын Сик. Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. – Тэджон: Изд-во Института культурного наследия, 2008. – Вып. I, часть 1: раскопки раннесредневекового Троицкого могильника в 2007 г. – 218 с.
- Деревяшко Е. И. Троицкий могильник. – Новосибирск: Наука, 1977. – 244 с.
- Нестеров С. П. Народы Приамурья в эпоху раннего Средневековья. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. – 184 с.

Features of Burial Practice of the Troitsky Type of Archaeological Culture Mohe

M. E. Zhukov

The history of the Mohe raises many questions, both from local archaeologists and from specialists from China, Korea and other countries. One of these questions is the burial practice of the Troitsky type of archaeological culture Mohe. Here is a short description of the features of burial practice of this type of culture.

Keywords: burial practice, East Asia, Mohe, medieval period.

Жуков Матвей Евгеньевич

студент 4-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: Matvey1097@mail.ru

Zhukov Matvey Evgenievich

4th year student

Novosibirsk State University

e-mail: Matvey1097@mail.ru

УДК 904

Особенности погребальной практики качинцев и аринцев в позднем Средневековье – начале нового времени в Красноярском лесостепном районе (По материалам работ археологического отряда НГУ)

Е. В. Зеленина,

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

В начале XVII – 20-е гг. XVIII в. тюркоязычные качинцы и кетоязычные (но сильно тюркизированные) аринцы проживали только в Красноярском лесостепном районе. Аринские стоянки располагались по обе стороны Енисея от устья р. Качи до устья р. Сплошной. Качинцы занимали бассейн р. Качи, земли по Бирюсе и низовьям Маны [Барахович, 2016, с. 7]. Лишь позднее часть качинцев и аринцев переселились в степи Минусинской котловины, освободившиеся после угона в 1703 г. енисейских кыргызов джунгарами. В последующем они стали крупной составной частью современных хакасов.

Особенности погребальной практики могут многое рассказать о духовной и культурной жизни этих этносов в местах их первоначального расселения. Поэтому целью данной работы является введение в научный оборот части материалов по результатам открытия и изучения в 1982–1988 гг. археологическим отрядом Новосибирского госуниверситета (НГУ) таких качинско-аринских погребальных памятников региона, как могильники Монашка (8 погребений по обряду трупоположения), Высокое (12 погребений по обряду трупоположения с трупобожже-

нием) и Бадалык (3 погребения по обряду трупоположения), и материалов раскопок одиночных погребений – Березка и Солонцы (последнее выполнено по обряду трупобожжения). Для этого с согласия автора работ использовались полевые отчеты С. Г. Скобелева за 1982–1988 гг. Привлекались также материалы Иннокентьевского одиночного погребения, выполненного по обряду трупоположения (раскопан в 1957 г. военнослужащим В. П. Киселевым и описан И. Б. Николаевой). Актуальность исследования состоит в том, что оно позволяет логически завершить осуществленное ранее С. М. Фокиным археологическое изучение Красноярской лесостепи раннего и развитого Средневековья [Фокин, 2007].

Все исследованные памятники располагались на левом берегу р. Качи, как правило на возвышенностях. Погребения по обряду трупоположения (а также с трупобожжением и обжигом поверхности перед захоронением), находились под невысокими насыпями из грунта с применением иногда небольшого количества камней. В некоторых случаях на внешней поверхности погребения вообще ничем не выделялись. В неглубоких ямах под насыпями обычно

находились погребальные сооружения из дерева. Это могли быть целые гробы, гробовища со стенками из тонких, вырубленных топором плах, дном и крышкой (или покрытием), клетки или их отдельные детали. Часто гробовище сверху покрывалось берестой. Иногда костяки располагались на берестяных подстилках или плахах на дне ям. Размеры гробовищ не превышали 2x0,9 м. Костяки в большинстве погребений лежали вытянуто на спине, головами на З или Ю/С-З. Лишь в погребении № 5 могильника Монашка костяк лежал лицом вниз. Положение рук варьировалось – они либо вытянуты вдоль туловища, либо лежали на тазовых костях. В значительной части погребений, выполненных по обряду труположения, были обнаружены кости баранов.

Погребального инвентаря немного, но он довольно разнообразен. У некоторых погребенных встречаются остатки головных уборов. В могиле № 2 Монашка эта деталь одеяния имела, видимо, цилиндрическую форму (закругленный каркас из бересты с остатками кожи черного цвета); в кургане № 2 Высокое обнаружены остатки головного убора из кожи темно-коричневого цвета с фрагментами бересты и шелка. На ногах встречались остатки кожаной обуви типа сапог с короткими голенищами (курган № 2 Высокое, Солонцы). Мужчинам клали луки со стрелами. Так, в могилах № 2 и 8 Монашка, № 1–3 Высокое и в одиночном погребении Солонцы были обнаружены остатки сложносоставных луков. Они имели деревянные, роговые или костяные детали. Иногда такой лук находился в берестяной обмотке-обклейке. В погребении № 2 могильника Монашка был найден уникальный образец позднего лука – в виде вытянутой буквы «S» [Скобелев, 1999, с. 175–180]. В остальных случаях это оружие имело обычную М-образную форму. В погребении № 5 Монашка обнаружены железные накладки – предметы конской амуниции, разнотипные распределители ремней и два стремени. В могиле № 8 того же могильника на ногах погребенного зачищен еще один уникальный предмет – довольно хорошо сохранившаяся деревянная основа седла красного цвета. Слева у нижней челюсти подростка из погребения Солонцы найден кожаный мешочек в виде сердечка, в котором лежал небольшой кусочек свинца сердцевидной формы (вероятно, амулет). В погребении № 3 могильника Бадалык рядом с костяком найден расшитый шелком кожаный предмет, который можно считать двойным футляром для хранения пуповин. Найдены и фрагменты керамики. Лепные сосуды местного производства небольшого размера, с сильно отогнутым венчиком и простой орнаментикой. Помимо керамики встречалась посуда из дерева – деревянные миски и ложки (могилы № 1 и 3 Монашка).

В составе погребального инвентаря имелись предметы русского происхождения. Самыми массовыми были украшения. Это бронзовый перстень с геральдической вставкой, серьги из серебра и бронзы, подвески из цветного стекла, бронзовый бубенчик, многочисленные бусы и бисер, пуговицы разных видов, остатки различных тканей и хорошо выделанной кожи. В погребении № 2 Высокое найдена русская серебряная монета-«чешуйка» XVII в. Все это свидетельствует о тесных связях коренного населения с русскими жителями региона в XVII–XVIII вв.

Подводя итоги, следует отметить, что, исходя из мест расселения, этнически эти могильники и отдельные погребения принадлежали качинцам и аринцам. Разделить их точнее в данном отношении невозможно из-за высокой степени смешанности населения. Лишь могильник Бадалык (как самый южный из числа изученных объектов и, кроме того, содержащий в составе погребального инвентаря характерный для тюрок Южной Сибири футляр для хранения пуповины «кин»), можно условно отнести к качинцам, занимавшим южную часть данного лесостепного района. Кроме того, наличие обряда труположения в определенной мере роднит часть населения севера региона с жителями Томского Приобья, где данное действие в кетоязычной и селькупской среде было распространено широко. Возможно, в Красноярском лесостепном районе это было характерно для аринцев. Часть памятников датируются как дорусским временем (условно те, где отсутствуют вещи русского происхождения), так и уверенно – XVII–XVIII вв. (на основе находок предметов русского завола, включая монету XVII в.). Отсутствие в числе находок предметов христианского культа, бытование своеобразных погребальных обрядов и обычаев помогают установить верхнюю хронологическую границу создания данных памятников, определяемую началом XIX в., когда христианизация местного населения уже завершилась и прекратилась практика сооружения таких погребальных объектов.

*Научный руководитель – С. Г. Скобелев,
канд. ист. наук, доцент*

*Кафедра археологии и этнографии
Гуманитарный институт*

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

Список литературы

Барахович П. Н. Службы красноярских «татар» в XVII столетии // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – 2016. – Т. 17. – С. 6–11

Скобелев С. Г. Позднесредневековый лук редкой формы с Енисея // Российская археология. – 1999. – № 3. – С. 175–180

Фокин С. М. Культурно-исторические процессы в раннем и развитии средневековых Красноярской лесостепи): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2007. – 23 с.

Features of the Burial Practice of the Kachins and Arins of the Late Middle Ages – New Time in the Krasnoyarsk Forest-Steppe Region (Based on the Work Results of the Archaeological Team from the NSU)

E. V. Zelenina

The article introduces materials from the works of the 1982–1988 conducted by the archaeological team from the Novosibirsk State University of the burials of the Kachins and Arins in the area of their initial settlement – in the Krasnoyarsk forest-steppe region. Since features of burial practice can tell a lot about the spiritual and cultural life of the peoples, the materials allow to complete the archaeological study of cultural and historical processes in this region in the early and developed Middle Ages, carried out earlier by S.M. Fokin.

Keywords: Krasnoyarsk forest-steppe region, Middle Ages – New Time, Kachins, Arins, burial practice, archaeology.

Зеленина Елизавета Витальевна

студентка 3-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: zeleninaliza@gmail.com

Zelenina Elizaveta Vitalievna

3rd year student

Novosibirsk State University

e-mail: zeleninaliza@gmail.com

УДК 903.22

«Комбинированная» сабля из «оружейной палаты» ханского дворца*

Д. Исмаилов

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

*Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект №33.5677.2017/8.9)

Актуальным направлением современных археологических, военно-исторических и этнографических исследований является изучение длинноклинкового оружия кочевников Казахстана из старых оружейных собраний, arsenалов и частных коллекций. Расширение базы вещественных источников позволяет уточнить многие вопросы, связанные с особенностями эволюции вооружения и военного искусства nomadov региона эпохи позднего Средневековья и Нового времени [Бобров, Исмаилов, 2016, с. 203–210; Бобров, Пронин, 2012а, с. 572–581; Бобров, Шереметьев, 2013, с. 223–245].

В фондах Букейординского историко-музейного комплекса хранится сабля (БОИМК-757) представляющая значительный интерес для отечественных и зарубежных военных историков, археологов и оружейников. Ранее данный образец длинноклинкового оружия еще не становился объектом специального научного исследования.

Цель статьи – ввести информацию о сабле в научный оборот, а также уточнить ее датировку и атрибуцию¹.

¹ Пользуясь случаем, автор выражает благодарность директору БОИМК Гайсе Темирболатовичу Махимову, а также архивисту БОИМК Галие Абдразаковне Кутманбаевой и методисту БОИМК Мереке Сериковичу Рушанову за возможность ознакомления с рассматриваемыми образцами длинноклинкового оружия.

По форме сабельной полосы рассматриваемый экземпляр относится к слабоизогнутым клинкам с остроугольным острием (рис. 1). Общая длина – 750 мм. Клинок стальной, цельнокованный, патинированный, без елмани, орнамента, клейм, рисунков или надписей. На клинке фиксируются мелкие сколы и выбоины. Его длина – 600 мм. Ширина клинка у основания рукояти, в центральной части и у острия – 38 мм, 32 мм, 31 мм. Толщина обуха у рукояти – 7 мм, в центральной части и у острия – 5 мм и 4 мм соответственно. Почти прямой у рукояти, клинок начинает незначительно изгибаться в центральной части и приобретает максимальный изгиб в нижней трети полосы. На клинке фиксируются два дола – широкий (ближе к лезвию) и узкий (между широким долом и обухом клинка). Длина широкого дола с правой стороны клинка – 600 мм, с левой – 550 мм. Изгиб клинка – 606/34 мм².

Эфес состоит из рукояти и гарды. Рукоять простая, без декора и инкрустации. «Щечки» рукояти выполнены из гладких роговых пластин темного цвета. Они крепятся к черену

² Изгиб клинка дан по методу А. Н. Кулинского, согласно которому изгиб измеряется по линии, проходящей от основания клинка (у рукояти) со стороны лезвия до кончика острия.

с помощью трех металлических заклепок, одна из которых расположена на навершии рукояти, а две другие – у верхнего уса перекрестья и у основания навершия. Между роговыми «щечками» на месте их стыка размещена тонкая пластина из медного сплава (латуни?), шириной 10 мм. Массивное округлое навершие (составляющее единое целое с щечками рукояти) отогнуто в сторону лезвия, что придает всей рукояти характерную «пистолетную» форму.

Крестообразная гарда изготовлена из медного сплава, имеет гладкую поверхность. Длина перекрестья – 76 мм. По центру гарды пропущены слабовыраженное вертикальное и горизонтальное ребра жесткости, пересекающиеся по центру гарды под прямым углом. Горизонтальные стержни крестовины постепенно сужаются к концу и венчаются уплощенными «луковицами». Шейки крестовины украшены выпуклыми ободками. Ширина рукояти варьируется от 25 мм до 30 мм.

Ножны состоят из двух деревянных пластин (плашек), средняя часть ножен обтянута кожей темно-коричневого цвета, стык которой выведен на тыльную сторону. Общая длина – 635 мм. Ширина ножен у устья, в центральной части и у наконечника – 44 мм, 44 мм, 4 мм. Прибор ножен состоит из устья, двух «ушек» с кольцами и наконечника. Все указанные элементы выполнены из медного сплава (латуни). Поле ножен без орнамента, рисунка, надписей. С тыльной стороны поле ножен проходит цепь металлических звеньев, которая скрепляет кожу с обратной стороны. Длина устья – 179 мм. «Ушки» припаяны к металлическому устью, к которому крепятся кольца для ремней подвеса. Причем на устье кольца расположены на обеих кромках. Такое расположение позволяло подвешивать саблю в вертикальном и наклонном положении, в том числе и шашечным способом – вертикально, лезвием назад. Диаметр колец – 23 мм. Диаметр отверстия «ушка» – 8 мм. Общая длина сабли в ножнах – 784 мм.

Форма рукояти сабли БОИМК-757 традиционна для турецких «кылыч», которые были распространены во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. [Аствацатурян, 2002, с. 105, 107, 117, 119; Холодное оружие..., 2006, с. 61], однако форма клинка резко отличает саблю БОИМК-757 от классических османских «кылыч» указанного исторического периода. Широкий одинарный дол, малый изгиб не характерны для «кылыч»

Рис 1. Общий вид (слева), без масштаба

XVIII–XIX вв. [Аствацатурян, 2002, с. 105, 107, 117, 119; Холодное оружие..., 2006, с. 61], однако схожие по размерам и оформлению клинки применялись на европейском и русском кавалерийском и пехотном оружии второй половины XVIII – середины XIX в. [Кулинский, 1994, с. 67, рис. 57; Кулинский, 2001, с. 157; Федурин, 2007, с. 132].

Таким образом, на основании типологического анализа установлено, что рассматриваемый образец длинноклинкового оружия представляет собой «комбинированную» саблю, состоящую из эфеса османского образца и клинка европейского или российского производства. Дальнейшее изучение данного предмета позволит уточнить его датировку. Не исключено, что сабля была изготовлена казахскими мастерами, соединивших османский эфес с купленным или трофейным клинком. Практика использования казахскими кочевниками второй половины XVIII–XIX вв. оружия западноазиатского и европейского образца подтверждается как письменными, так и вещественными источниками [Бобров, Пронин, 2012а, с. 572–581; Бобров, Пронин, 2012б, с. 221–235].

*Научный руководитель – Л. А. Бобров
д-р ист. наук, доцент
Кафедра археологии и этнографии
ведущий научный сотрудник
Лаборатория гуманитарных исследований
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

- Аствацатурян Э. Г. Турецкое оружие. – Санкт-Петербург: «Атлант», 2002. – 336 с.
- Бобров Л. А., Исмаилов Д. М. Сабли тюркских кочевников XVIII–XIX веков из фондов национального музея Республики Казахстан и Историко-краеведческого музея Атырауской области // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15. – Вып. 5. – С. 203–210
- Бобров Л. А., Пронин А. О. Типология казахских сабель XVI – середины XIX вв. // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – Санкт-Петербург: «Периферия», 2012а. – Кн. 2. – С. 572–581
- Бобров Л. А., Пронин А. О. Российские сабли казахских батыров // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012б. – Т. 11. – Вып. 7. – С. 221–235

Бобров Л. А., Шереметьев Д. А. Сабли казахов воинов из фондов РЭМ // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 7. – С. 223–245

Кулинский А. Н. Русское холодное оружие военных, морских и гражданских чинов 1800–1917 годов. – Санкт-Петербург: «Матрикс-Пресс», 1994. – 184 с.

Кулинский А. Н. Русское холодное оружие XVIII–XX вв. Том I. – Санкт-Петербург: «Атлант», 2001. – 384 с.

Федулин Д. А. Морские клинки. – Санкт-Петербург: «Атлант», 2007. – 520 с.

Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея. – Санкт-Петербург: «Академический проспект», 2006. – 248 с.

Combined Saber from the “Armed Chamber” of Khan Palace

D. Ismailov

The article discusses the combined saber (BOIMK-757) stored in the funds of the Bokeyorda Historical and Museum Complex (BOIMK, Orda, Republic of Kazakhstan). Combined saber consists of Ottoman hilt with European or Russian blade. Most likely, the saber was made by Kazakh or Russian gunsmiths in the second half of the XVIII – first half of the XIX centuries.

Keywords: Kazakhstan, XIX century, candle, blade weapon, saber.

Исмаилов Данияр

аспирант 2-го курса

Новосибирский государственный университет

младший научный сотрудник

Лаборатория гуманитарных исследований НГУ

e-mail: ismailov_dm@mail.ru

Ismailov Daniyar

2nd year graduate student

Novosibirsk State University

Junior Researcher

Laboratory of Humanitarian Studies, NSU

e-mail: ismailov_dm@mail.ru

УДК 902/903 (571.63)

Материалы покровской культуры из коллекции археологических разведок в Дальнереченском и Красноармейском районах Приморского края

Н. Е. Кушнарев

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока

Дальневосточного отделения Российской академии наук

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

В октябре 2005 года археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН проведена археологическая разведка в Дальнереченском и Красноармейском районах Приморского края. Был частично изъят археологический материал (бронзовые монеты и изделия) у черных копателей для будущей музейной экспозиции г. Дальнереченска, собран подъемный материал на памятниках. Коллекция представлена в основном керамикой, которая позволила уточнить культурную принадлежность некоторых памятников [Гельман, 2006, с. 4].

В результате разведочных работ обследовано пять археологических памятников, местоположение которых нанесено на карты [Гельман, 2005, с. 4].

Выполнена глазомерная съемка одного укрепленного поселения и группы курганов, на одном памятнике заложены небольшие раскопы на месте грабительских ям, с одного памятника был получен дополнительный подъемный материал.

Материал, отнесенный к покровской археологической культуре, обнаружен на трех памятниках – Лобановка-5, Лобановка-6 (Дальнерече-

ченский район) и Маревка-1 (Красноармейский район).

Поселение Лобановка-5 было найдено местными жителями во время пахоты на поле благодаря оказавшимся на поверхности бронзовым монетам сунского времени. Поселение подверглось разграблению черными копателями, которые нашли бронзовые монеты, железный кованый котелок, нож и гвоздь. Нумизматический материал был впоследствии изъят, а железные предметы разрушителями были брошены вблизи памятника, где их и обнаружили члены археологического отряда [Гельман, 2005, с. 11]. Железный котелок имеет диаметр венчика 25–26 см, диаметр дна – 20 см. В нем присутствует одно целое и следы еще двух отверстий для подвешивания. Толщина металла – 3–4 мм. Подобные трехпетлевые котелки, как отмечают некоторые исследователи, начинают появляться в покровской культуре с XI в. и встречаются вплоть до начала XIII в. на территории Хабаровского края. Принято считать данный вид металлической посуды походным: конструкция котелка, в которой для подвешивания служили две витые ручки, вероятно, была удобна для перевозки в тороках

седла. Котелки нередко подвергались ремонту, причем в походных условиях [Васильев, 2006, с. 112]. Длина ножа составила 14,3 см, длина лезвия – 11 см. Длина железного гвоздя – 7 см. Гвоздь имеет расплюснутую загнутую Г-образную шляпку. Такой тип гвоздей широко распространен как в материалах покровской культуры [Васильев, 2006, с. 148], так и в мохэской культуре троической группы [Деревянко, 1977, с. 117]. Однако стоит отметить, что некоторые исследователи отвергают подобную интерпретацию данных металлических изделий и не причисляют их к предметам крепежного предназначения [Медведев, 1998, с. 29].

От местных жителей г. Дальнереченска стало известно еще об одном поселении (Лобановка-6), расположенном в 400 м к югу от Лобановки-5. Ими были обнаружены бронзовые монеты сунского времени, несколько бронзовых и одно железное изделие, которые были в дальнейшем переданы в ИИАЭ ДВО РАН [Гельман, 2005, с. 12]. Бронзовые изделия, найденные на поселении, представлены двумя фигурками духов предков, двумя накладками типа лунниц, одной целой подвеской и фрагментом еще одной подвески со сквозными отверстиями, а также миниатюрной пряжкой с неподвижной рамкой и круглым щитком-петелькой. Отмечено, что щитки-петельки данного типа пряжек могут иметь различную форму [Васильев, 2006, с. 120]. Схожие антропоморфные бронзовые фигурки с вертикальным ушком присутствуют в покровской культуре. Ю. М. Васильев относит их к амулетам, обозначает как фигурку «идола» и предполагает, что подобные предметы предназначались для крепления на головном уборе [Васильев, 2006, с. 141]. Железное изделие представлено перовым сверлом, тип которого характерен для памятников VIII–XIII вв. в Приморье. В покровской культуре подобные перовые сверла применялись в лучковых приспособлениях и являлись низкоточным и низкоскоростным инструментом, работа которым ведется движением назад – вперед. Именно такое движение совершает «лучок» [Васильев, 2006, с. 145].

Городище Маревка-1, расположенное в Красноармейском районе, находится в устье р. Маревки, в месте впадения ее в р. Большая Уссурка, примерно в 3 км к северу от с. Гоголевка. Площадь городища составляет около 4 гектаров, окружено валом и имеет по крайней мере одни ворота. На территории городища на отдельных участках наблюдаются западины жилищ. На памятнике был собран подъемный материал – керамика, которую можно отнести к трем хронологическим периодам: позднему неолиту, раннему железному веку и Средневековью [Гельман, 2005, с. 14].

К средневековому периоду была отнесена керамика двух групп – лепной и круговой керамики.

Обнаруженные фрагменты керамики указывают на их принадлежность к покровской культуре, где сочетаются обе технологические группы [Васильев, 2006, с. 106]. Часть круговой керамики имеет признаки использования медленного круга и наклепные валики под венчиком и у основания горловины. Три фрагмента венчиков позволили реконструировать верхние части сосудов, которым они принадлежали. Один сосуд с наклепным валиком под венчиком и двумя узкими наклепными валиками у основания горловины имеет диаметр венчика 13 см. Второй сосуд с вертикально срезанным краем венчика имеет диаметр устья 13,2 см, у третьего сосуда диаметр венчика с выдавленным на круге валиком составил 8,8 см, наибольший диаметр тулова – 8,8 см.

Лепная керамика и керамика со следами использования медленного круга имеют темно-коричневый и черный цвет, на многих фрагментах венчиков и стенок – обильный нагар и сажа. Обжиг окислительный, присутствуют фрагменты восстановительного обжига с последующим окислением. Керамика быстрого круга представлена несколькими фрагментами стенок, в том числе со штампованным орнаментом, также характерным для покровской культуры IX–XIII вв. [Васильев, 2006, с. 109]. Несколько фрагментов стенок и венчиков носят следы небрежного горизонтально-полосчатого лощения. Лощенные полосы имеют от 2 до 4 борозд, борозды неглубокие, характеризуются небольшим количеством однонаправленного лощевого хода и слабым использованием физической силы в процессе лощения. Фрагменты со штампованным орнаментом – серого цвета, остальные фрагменты – коричневого. Кроме того, в изломах фрагментов со штампованным орнаментом наблюдаются неравномерно распределенные непластичные частицы белого цвета, с непрозрачными кристаллами, имеющими блеск. При химическом взаимодействии с кислотой частицы распадаются с выделением большого количества углекислого газа, что указывает на принадлежность частиц к известковой породе.

Таким образом, в результате разведочных работ обследовано пять новых археологических памятников и собраны предварительные данные еще об одном. Три из них имеют археологический материал, отнесенный к покровской археологической культуре. Один из них (городище Маревка-1) является не полностью обследованным и весьма перспективным для изучения, его подъемный материал указывает на многослойность памятника и свидетельствует о присутствии материалов покровской археологической культуры в бассейне реки Большая Уссурка, где ранее они были неизвестны.

Наличие на полях в долине р. Малиновки двух поселений и группы курганов является

важным для установления границы государства Дун Ся, так как найденные памятники содержат материал, который появляется в Приморье в начале XIII в. Необходимо продолжать изыскания на памятниках в следующих полевых сезонах.

*Научный руководитель: Е. И. Гельман
канд. ист. наук, доцент
ведущий научный сотрудник
зав. сектором раннесредневековой археологии
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН*

Список литературы

- Васильев Ю. М.* Погребальный обряд покровской культуры (IX – XIII вв.). – Владивосток: Дальнаука, 2006. – 372 с.
Гельман Е. И. Археологические исследования в Дальнереченском и Красноармейском районах Приморского края в 2005 году. Архив ИИАЭ ДВО РАН. – 117 л.
Деревянко Е. И. Троицкий могильник. – Новосибирск: Наука, 1977. – 224 с.
Медведев В. Е. Курганы Приамурья. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 1998. – 144 с.

Materials of Pokrovskaya Culture from the Collections of Archaeological Survey in the Dalnerechensky and Krasnoarmeysky Districts of Primorsky Krai

N.E. Kushnarev

The article discusses the results of archaeological survey in the Dalnerechensky and Krasnoarmeysky districts of the Primorsky Krai, analyzes the material found at first time, which is characteristic of the materials of the pokrovskaya archaeological culture.
Keywords: archaeological survey, pokrovskaya archaeological culture, pottery, auger, nail, kettle.

Кушнарев Никита Евгеньевич
магистрант 1-го курса
Дальневосточный федеральный университет
лаборант
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
e-mail: nekitkushnarev@mail.ru

Kushnarev Nikita Evgenjevich
Master's program, 1st year
Far Eastern Federal University
laboratory assistant
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the
Peoples of the Far East, FEB RAS
e-mail: nekitkushnarev@mail.ru

УДК 903.22 (571.63)

Наконечники стрел Краскинского городища

А. С. Малышев,
*Дальневосточный федеральный университет,
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

Раскопки на памятнике ведутся уже около 30 лет археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии народов ДВ ДВО РАН: с 1980 по 2007 гг. В. И. Болдиным, затем ежегодно, по настоящее время – Е. И. Гельман [Гельман, 2018, с. 63]. За эти годы собрана многочисленная коллекция наконечников стрел. Последняя публикация, посвященная им, вышла в 2000 г., а за прошедшее время было собрано значительное количество археологического материала. Целью данного исследования является систематизация найденных за все годы раскопок на Краскинском городище наконечников стрел. Для исследования использовались полевые отчёты и публикации, посвященные изучению этого памятника.

Краскинское городище находится на юге Приморского края, на берегу бухты Экспе-

диции залива Посыета, в приустьевой правобережной части долины реки Цукановки (Яньчихэ). Городище принадлежит к числу памятников государства Бохай (698–926 гг.) – первого государственного образования, созданного преимущественно тунгусо-маньчжурами. Бохайские владения охватывали северную часть Корейского п-ова, Юго-Восточную Маньчжурию и юго-западную часть современного Российского Приморья. Краскинское городище являлось центром Яньчжоу и входило в столичную область Луньюаньфу.

За всё время работ на памятнике было найдено 93 наконечника стрел, из них 91 – черешковые [Болдин, Шавкунов, 2000; Археологические исследования, 2012; 2015]. Трудности их изучения вызвала сильная корродированность некоторых находок, обуслов-

ленная высокой кислотностью почв в регионе. Из-за этого некоторые предметы не удалось атрибутировать. При систематизации использовались уже устоявшиеся в литературе классификации наконечников стрел [Медведев, 1966, с. 36; Шавкунов, 2009, с. 181]. Все наконечники Краскинского городища относятся к группе железных, делятся на разряды по типу насада на древко стрелы: черешковые и вкладышевые. По характеру поперечного сечения пера или острия все предметы делятся на виды: плоские, гранёные и трехлопастные. Внутри видов по форме пера выделяются типы, а по различиям в сечении пера и наличию каких-либо элементов (шейка, упор) внутри типов выделяются варианты.

Вид I – плоские наконечники. Они подразделяются на несколько типов: килевидные, ромбовидные, срезни, листовидные и треугольные

Килевидные наконечники представлены двумя вариантами: 1) с упором, 2) уплощенные без упора, 3) с пером линзовидной формы. Наконечники такой формы типичны для бохайской культуры, что подтверждается подобными находками на других памятниках.

Ромбовидные наконечники представлены тремя вариантами: 1) уплощенные без упора, 2) с упором, 3) с пером линзовидной формы. Всего найдено 11 экземпляров. Они также встречаются и на других бохайских памятниках Российского Приморья.

Срезни представлены четырьмя вариантами: 1) прямой срезень, 2) двурогий срезень, срезень–лопаточка, 3) фигурный срезень с удлиненной шейкой и упором. Всего найдено 9 экземпляров. Последний вариант является редким для бохайских памятников Приморья.

Листовидные разделены на 3 варианта: 1) лавролистный, 2) листовидный с покатыми плечиками, линзовидный в сечении, 3) листовидный с линзой в сечении. Всего 15 находок. Данный тип наконечников часто встречается на бохайских памятниках.

Треугольные наконечники представлены 2 вариантами: 1) с шейкой и упором, 2) с короткой шейкой. Найдено 5 экземпляров. Часто встречаемый тип для бохайских наконечников.

Вид II – гранёные (бронбойные). Представлены килевидными, ромбовидными, треугольными, долотовидными, листовидными наконечниками.

Килевидные наконечники разделены на 5 вариантов: 1) с ромбовидным в сечении пером, 2) с шейкой и упором, 3) с ромбовидным в сечении пером и упором, 4) с пером, имеющим в сечении уплощенный ромб, 5) с шестигранной шейкой и упором. Найдено 13 экз. Типичные для памятников средневеково-

го Приморья наконечники [Болдин, Шавкунов, 2000, с. 26].

Ромбовидные наконечники представлены одним экземпляром – уплощенным и ромбическим в сечении. Он является типичным для бохайских памятников Приморья [Археологические исследования, 2015, с. 315; Чжун Сук-Бэ, 2018, с. 130].

Треугольные – выделены в 3 варианта: 1) с шейкой и Z-образным в сечении пером, 2) с ромбовидным в сечении пером и наличием упора, 3) ромбовидный в сечении с покатыми плечиками. Они найдены в количестве трёх штук, встречаются и на других бохайских памятниках.

Долотовидные наконечники делятся на 2 варианта: 1) с прямоугольным в сечении пером, 2) с ромбовидным в сечении пером. Найдено 3 экземпляра, и они типичны для бохайских памятников.

Листовидные наконечники представлены 2 вариантами: 1) с квадратным в сечении пером, 2) с Z-образным в сечении пером. Найдены в количестве 2 экземпляров.

Вид III – трехлопастные наконечники стрел. Имеется всего один подобный наконечник, найденный в 2011 г. [Археологические исследования, 2012, с. 108]. Узкие лопасти у него плавно расширяются от острия к упору, который имеет треугольную форму. Ранее два таких наконечника найдены при исследовании могильника Чернятино-5 [Чжун Сук-Бэ, 2018, с. 131], а также на Константиновском-1 селище в бохайском слое [Болдин, Шавкунов, 1997, с. 74,75]. Авторы публикации сообщают о находках таких наконечников в Верхней столице Бохая, в памятниках мохэ на Среднем Амуре, в Северо-Восточном Китае, на памятниках VI–XI вв. в Приморье.

Вкладышевые наконечники. Они вставлялись в распиленный или расщепленный торец древка стрелы, и крепились, вероятно, при помощи клея. В 2006 г. были найдены 2 вкладышевых наконечника – в целом они редки для Бохая. Вкладышевые наконечники использовались в различных культурах Приморья на протяжении I тысячелетия н.э. [Шавкунов, 2009, с. 184].

Подводя итоги, следует сказать, что за время раскопок на Краскинском городище было собрано большое количество наконечников стрел – около сотни. По сравнению с другими бохайскими памятниками это самая многочисленная и наиболее разнообразная коллекция. Но на нём отсутствуют костяные наконечники, в отличие от периферийных памятников [Государство Бохай, 1994, с. 101]. Эти факторы обусловлены, вероятно, статусом города и его близостью к столице, а значит, и доступом к сырью, новым технологиям и тенденциям в развитии вооружения. В основном наконечники являются типичными для бохайских па-

мятников, да и в целом для приморского средневековья. Но некоторые образцы остаются пока очень редкими для Бохая, а на памятнике найдены в единственном экземпляре. Дальнейшие исследования, возможно, внесут какие-то изменения в представленную в статье предварительную классификацию наконечников стрел.

*Научный руководитель: Е. И. Гельман
канд. ист. наук, доцент
ведущий научный сотрудник
зав. сектором раннесредневековой археологии
Института истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН*

Список литературы

Болдин В. И., Шавкунов В. Э. Наконечники стрел Краскинского городища // Россия и АТР №2, 2000. – С. 22-27

Болдин В.И., Шавкунов В.Э., Предметы вооружения с селища Константиновское – 1 // Вестник ДВО РАН. 1997. №1. С. 74–75

Гельман Е. И. Бохайский город в российской истории: от архимандрита Палладия до наших дней // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. – С. 60–72

Государство Бохай (698 – 926 гг.) и племена Дальнего Востока России / Отв. ред. Э. В. Шавкунов. – Москва: Наука, 1994. – 219 с.

Археологические исследования Российско-корейской археологической экспедиции на Краскинском городище Российском Приморье в 2011 году / Гельман Е. И., Асташенкова Е. В., Болдин В. И., Ивлиев А. Л., Пискарева Я. Е., Ким Ын Гук, Чжун Сук Бэ. – Сеул: Фонд изучения истории Северо-восточной Азии, ИИАЭ ДВО РАН, 2012. – 396 с.

Археологические исследования Российско-корейской археологической экспедиции на Краскинском городище Российском Приморье в 2014 году / Гельман Е. И., Ким Ын Гук, Чжун Сук Бэ, Ким Ын Ок, Асташенкова Е. В., Пискарева Я. Е. – Сеул: Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии, ИИАЭ ДВО РАН, 2015. – Т. 1. 364 с. – Т. 2. 359 с.

Медведев А. Ф. Луки и стрелы, самострелы. – Москва: Наука, 1966. – 128 с.

Чжун Сук Бэ. Об оружии из могильника Чернятино-5 // Междисциплинарные исследования в археологии. 2018. № 2. С. 126–136

Шавкунов В. Э. Наконечники стрел Смольнинского городища // Россия и АТР № 3, 2009. – С. 181–186

Arrowheads of Kraskino Walled Town

A. S. Malyshev

The article is dedicated to arrowheads found in Kraskino walled town of Russian Primorye. It belongs to Bohai state (698-926 AD). The classification of finds with a brief description of each species is given. The author comes to the conclusion that a large variety of iron arrowheads and the absence of bone arrowheads is due to the status of the town. Also, most of the finds are typical of Bohai, and some are very rare.

Keywords: arrowheads, Kraskino, classification, Bohai

Малышев Александр Сергеевич

студент 3-го курса

Дальневосточный федеральный университет

лаборант

Институт истории, археологии и этнографии народов

Дальнего Востока ДВО РАН

e-mail: alexandrm463@gmail.com

Malyshev Alexander Sergeyevich

3rd year student

Far-Eastern Federal University

laboratory assistant

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the

Peoples of the Far-East, FEB RAS

e-mail: alexandrm463@gmail.com

УДК 902

Образ птицы с личиной на груди: выделение иконографических признаков

А. Д. Муратбакиева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

В культовой металлопластике средневекового населения Урала и Западной Сибири часто встречается образ птицы, ассоциируемый с человеческой душой. На некоторых изображениях впоследствии появляются человеческие личины. Иконография образа почти одинакова: покатые или изогнутые под углом крылья и изображение человеческого лица на груди. Среди нарымских селькупов бытовало поверье, что человек имеет четыре души, главная из которых выглядит как птица с человеческим лицом

на груди [Чернецов, 1959]. А по представлениям коми, у человека существует две души: лов и орт. Лов представляет собой душу-дыхание, которая покидает тело человека в момент смерти. Орт же имеет птицевидный облик и покидает человека через сорок дней.

Первое изображение птицы с личиной на груди встречается среди рисунков Писаного камня на реке Вишере и представляет собой контур птичьей фигуры, на груди которой расположена личина [Генинг, 1954, с.274]. Воз-

можно, данный рисунок стал отправной точкой развития данного образа в Прикамье и на Урале.

Существует множество версий происхождения образа птицы с личиной на груди. Д. Н. Анучин видел эволюцию образа индийской птицы Гаруды, сжимающей в лапах женскую фигуру злого духа Нага [Анучин, 1899]. О. Х. Аппельгрэн-Кивало – иллюстрацию греческого мифа о юноше Ганимеде, уносимого орлом [Аппельгрэн-Кивало, 1914]. В. Д. Викторова связывала образ с взаимоассимиляцией металлургов иткульской культуры (VII–III вв. до н.э.) и носителей кулайской культуры (IV в. до н.э. – IV в. н.э.) [Викторова, 2002, с. 82]. Попытки типологизации изображения птицы с личиной на груди немногочисленны, поэтому видится актуальным выделить его характерные признаки для дальнейшей работы.

Вероятно, ранние изображения появляются в Нижнем Приобье, в Усть-Полуе, о чем свидетельствуют найденные бронзовые фигуры птиц с небольшими углублениями на груди, интерпретируемые как глаза и рот личины. Крылья птицы, орнаментированные продольными бороздками, сужены к краям и развернуты под углом $90^\circ (+ - 10^\circ)$ [Усть-Полуй, с. 16, рис. 15]. Подобную форму крыльев можно увидеть также у фигур Уньинского клада (Троицко-Печорский р-н, респ. Коми) [Люди, Звери, Боги, с. 32–33]. Подвески Уньинского клада выполнены грубее, чем усть-полуйские, однако на них уже появляются четко обозначенные личины: глаза и рот овальной формы. Кроме того, в клада встречаются фигуры с головами медведей и лосей. В иконографии этих фигур видятся сходства с подвесками, найденными на Гляденовском костыше в Верхнем Прикамье.

Среди многочисленных орнитоморфных идолов Гляденовского костыща имеется 5 экземпляров с личиной на груди. Как и фигуры Уньинского клада, гляденовские фигурки выглядят «суженными» из-за плавно опущенных крыльев; два экземпляра имеют почти расправленные крылья, которые, однако, сильно сужаются к краям [Коренюк, 2016, с. 239]. Крылья фигур украшены бороздками, одна же из них почти полностью орнаментирована короткими насечками. Гляденовские птицы иногда сочетают в себе несколько профильных птичьих голов, хотя в последующее время головы птиц будут изображаться в основном анфас. Личина на груди птицы в двух случаях представлена небольшими овалами, в остальных же – появляется четко выделенное человеческое лицо. Глаза изображаются кругами или овалами, брови соединяются, образуя нос, рот обозначен короткой чертой; лица даже передают эмоции – улыбку.

В последующей ломоватовской культуре птицы с личинами на груди становятся наиболее искусно выполненными: на крыльях и хвосте появляются многочисленные изображения животных в качестве оперения. Количество голов птицы в некоторых случаях увеличивается до трех. Размах крыльев достигает 180° , крылья украшаются бороздками и «жемчужинами». Хвост преимущественно трехчастный, в то время как на всех предыдущих изображениях он был цельным, деление показывалось только бороздками. В самой технике изготовления заметны явные изменения: фигуры выполнены гладко, видна обработка шлифовкой. Иконография личин не меняется по сравнению с гляденовским периодом, но личины становятся еще более выразительными и «эмоциональными» [Кулябина, 2013, с. 80–82]. Наиболее частым изображением на крыльях становится лось, образ которого почти не встречается в Прикамье в качестве самостоятельного изображения. Аналогии подобному орнаменту можно найти в уже упоминавшемся Уньинском клада, где встречаются фигурки лосей с выразительной вытянутой мордой. Согласно мифологии манси, птица с человеческой личиной на груди и лосиными головами на крыльях является божественной птицей Калмом, сотворенной Нуми-Торумом для донесения до людей воли богов. Таким образом, в ломоватовских изделиях прослеживается взаимовлияние манси и коми-пермяков.

В ванвиздинской культуре Северного Приуралья, синхронной ломоватовской, птица с личиной на груди не становится столь выразительной. Крылья идолов либо распахнуты на 180° , либо согнуты под углом 90° , либо вообще плотно прижаты к телу. Сужение крыла к краю видно только на более ранней подвеске, в остальном же ширина крыльев одинакова. Орнаментация выполнена насечками, близко схожими с оперением. Голова птицы представлена в анфас, но почти не выделяется. Хвост изображается цельным, с едва видимыми бороздками. Личина выполнена по известному образцу, однако выделяются на ней только нос и надбровные дуги; глаза и рот неразличимы. На крыльях появляются отверстия для нашивки [Люди, Звери, Боги, 2017, с. 72–73].

Средневековая родановская культура Прикамья характеризуется упрощением и стилизацией образа птицы. Размах крыльев также достигает 180° , но лоси исчезают, им на смену приходят прямые борозды и небольшие насечки по краю изделия. Ближе к краю крыло сужается, на некоторых экземплярах также сильно, как на усть-полуйских. Голова птицы изображается анфас, но видовая принадлежность почти не определима. Хвост един, орна-

ментирован насечками. Личина на груди птицы превращается в антропоморфную фигуру, часто отображаемую в полный рост. Кроме антропоморфной фигуры присутствуют изображения лошадей и водоплавающих птиц. Лица представляют собой овал с рельефно выделенным носом и небольшим углублением на месте рта. В родановской культуре птицы с личинами на груди используются как нашивные украшения, о чем свидетельствуют отверстия на крыльях.

Нам удалось выделить такие признаки, как размах крыльев птицы, положение головы (фас/профиль), ширину крыльев, которая, вероятно, отражает биологические особенности; форма хвоста, форма личины на груди, орнаментация тела птицы. Планируется работа над выделением более мелких признаков и составление типологии.

*Научный руководитель: В. Н. Седых
канд. ист. наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный
университет*

Список литературы

Анучин Д. Н. К истории искусства и верований у Приуральской Чуди. (Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ)//Материалы по археологии восточных губерний России. М., 1899. С. 87–160

Апельзрен-Кивало Я. Основные черты скифо-пермского орнаментального стиля // Труды XV Археологического съезда. Т. 1. – М., 1914. – С. 481–492

Викторова В. Д. Почему на птицевидных идолах появились личины? // Уральский исторический вестник. № 8. 2002. – С. 74–93

Генинг В. Ф. Наскальные изображения Писаного Камня на реке Вишере // СА. № 21. М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. XXI. С. 259–280

Коренюк М. С. Металлические полиморфные изображения раннего железного века Приуралья // Седьмые Берсовские чтения. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Тезисы докладов. – Екатеринбург, 2–4 декабря 2014. – Екатеринбург, 2016. – С. 238–245

Кулябина Н. В. Наследие Камской чуди: Пермский звериный стиль: Из собрания Пермского краеведческого музея: Каталог / Под ред. Г. Н. Чагина. – Пермь, 2013

Люди. Звери. Боги. Предметы первобытного искусства Северного Приуралья. Каталог выставки. – Сыктывкар: Национальный музей Республики Коми, 2017

Усть-Полуй: 1 век до н.э. Каталог выставки. – Салехард – Санкт-Петербург, 2003

Чернецов В. Н. Представления о душе у обских угров / Исследования и материалы по вопросам первобытных и религиозных верований. М., 1959. с. 114–156

The Image of a Bird with Face on its Breast: Highlighting of Iconographic Features

A. D. Muratbakieva

This article is dedicated to mysterious image of Ural-Siberian animal style – the image of a bird with face on its breast and its evolution from Early iron age to Middle Ages. The image from mythology spreads in Upper Kama region, North Urals and Western Siberia. Features such as wing shape, head position, wing width, tail shape, form of face on breast and figuration will be highlighted.

Keywords: Upper Kama region, North Urals, Ust-Poluy, Glyadenov culture, animal style, Glyadenovsky Bone Bed, bird-shaped idol, Komi, Mansi

Муратбакиева Анастасия Дмитриевна
студентка 3-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет
e-mail: NMuratbakieva@gmail.com

Muratbakieva Anastasia Dmitrievna
3rd year student
Saint-Petersburg State University
e-mail: NMuratbakieva@gmail.com

УДК 904

Ангайский могильник – новый памятник Верхнего Амура

А. Е. Попов

Амурский государственный университет, Благовещенск

Для более полного описания погребальных традиций народов Верхнего Амура был взят новый памятник – Ангайский могильник. Новейшие способы изучения археологических памятников могут дать более полную информацию об истории, материальной и духовной культуре населения Верхнего Амура эпохи Средневековья, создать антропологический образ живших здесь людей. И при должном уровне работы на этом памятнике, скорее всего, можно будет в дальнейшем найти совершенно новые данные и факты, связанные с этнокуль-

турной и исторической стороной жизни населения столь обширного региона.

Летом 2014 г. сотрудники лаборатории археологии и антропологии Амурского государственного университета, основываясь на некоторых письменных наводках и особенностях географического расположения, провели возле памятника «Албазинский острог» археологическую разведку. В результате были обнаружены западины, разработка которых привела к открытию памятника, получившего название «Ангайский могильник», так как находится он в пойме реки

Амур, в районе Ангайского залива. В этих западинах во время шурфовки был найден археологический материал.

Памятник расположен на расстоянии около 2,5 км от южной окраины села Албазино в юго-восточном направлении к руслу Амура. До берега реки от местонахождения – около 2 км. Ангайский могильник находится на небольшой возвышенности-релке высотой около 6 м от уровня ближайшего озера, расстояние до которого – около 50 м [Забияко, 2016, с. 40–41].

За время полевого сезона 2015 г. было обнаружено 5 погребений. Osteологический материал в погребениях был в неудовлетворительном состоянии, только кости черепа, рук и ног, а также часть таза хорошо сохранились. В погребениях было найдено большое количество артефактов, которые представлены различными металлическими изделиями, бусами разных размеров. Достаточно много было в погребении бронзовых шаровидных пуговиц с петелькой для крепления. Кроме того, среди находок присутствовали фрагменты железных пластинчатых накладок, цепочек и крючков, а также небольшие колечки и парные поясные кольца.

Монета, найденная в 5 погребении, является важным элементом в определении датировки захоронения, а возможно, и всего памятника. Согласно определению А. Л. Ивлиева, монета относится к китайской династии Северная Сун. Иероглифический текст (天圣元宝) «Тянь-шэн юаньбао» означает «Основная ценность (т.е. монета) годов правления Тянь-шэн». Годы Тянь-шэн: 1023–1031. Достоинство монеты – один вэнь. Надпись сделана почерком чжуаньшу [Ивлиев, 1990, с. 17–21]. Очевидно, что монета из Ангайского могильника, по всей вероятности, указывает на время, раньше которого памятник не может быть датирован, но захоронения могли быть осуществлены позднее.

Площадь раскопа в 2016 г. была увеличена. По предположениям, в восточной части раскопа, которую увеличили, должно было находиться ещё одно погребение. В ходе работ предположения подтвердились.

В могильной яме было обнаружена деревянная обкладка, в которой находились кости плохой сохранности. Деревянное сооружение представляло собой конструкцию гроба прямоугольной формы, имело верхнюю крышку. Под этим сооружением прослеживается темное продолговатое пятно с мелкими частицами угольков и разложившихся от огня и последующего воздействия влаги фрагментов керамики оранжевого цвета. Очевидно, что в ходе погребения здесь был разведен костер с ритуальной или сугубо утилитарной целью, – например, чтобы отогреть землю, если она была мёрзлой. Среди сохранившихся костей – берцовые кости, лопат-

ка, фрагменты черепа и т.д. Там же были найдены наконечник стрелы с остатками древка, пряжки, другие металлические предметы, фрагмент изделия из шерсти, а также металлический элемент поясного набора с изображением личности, – возможно, стилизованной морды льва.

Во время работ на Ангайском могильнике в 2015 и 2016 гг. было выделено два типа захоронений. Четыре захоронения выполнены по обряду первичного погребения, в ходе которого в могилу укладывалось тело умершего, а два захоронения – по обряду вторичного погребения. При вторичном погребении труп умершего не предавали земле, его оставляли на воздухе, прикрепив к дереву или положив на специально сооруженный помост до тех пор, пока мягкие ткани покойника не подвергнутся почти полному разложению. Далее останки собирали и клали в могильную яму вместе с инвентарем. Это был наиболее популярный способ захоронения. При вторичных захоронениях имелись случаи коллективных погребений.

Другой археологический материал, скорее всего, носил неутилитарный характер, его можно отнести к погребальному ритуальному инвентарю. Часто в захоронениях можно найти погребальный инвентарь – различные украшения, предметы быта и вооружения. Инвентарь перед этим подвергался «искусственной смерти»: вещи погребального инвентаря преднамеренно повреждались (пробиты днища сосудов, сломаны или изогнуты палаши, наконечники стрел). Но данное действие не носило повсеместного характера: в могилу могли класть различного рода предметы без предварительного разрушения – чтобы душа человека могла пользоваться «душами» предметов.

Оба способа погребения, обнаруженные на Ангайском могильнике, применялись в погребальных практиках разных групп средневекового населения Верхнего и Среднего Амура. Их рядоположенность на общем погребальном пространстве тоже не уникальна. Такие случаи были отмечены при изучении, например, могильников владимировской культуры. Однако отсутствие керамики является примечательной особенностью Ангайского могильника [Забияко, 2017, с. 209–210].

Работы на Ангайском могильнике ещё не завершились, данные, которые были собраны за промежуток 2014–2016 гг., позволяют предварительно отнести открытые захоронения к периоду развитого и позднего Средневековья. Исследована только одна западина из нескольких обнаруженных, поэтому нет оснований для широких и окончательных утверждений относительно как всего археологического комплекса, так и его конкретных составляющих. Однако уже сейчас ясно, что Ангайский могильник являет-

ся археологическим памятником, содержащим важный материал для реконструкции истории, материальной и духовной культуры населения Верхнего Амура эпохи Средневековья. Большое значение имеют скелетные останки Ангайского могильника, изучение которых вносит вклад в антропологию народов Восточной Азии.

*Научный руководитель – А. П. Забияко
д-р филос. наук, профессор
зав. кафедрой религиоведения и истории
Амурский государственный университет*

Список литературы

Забияко А. П., Беляков А. О., Воронина А. С., Завадская Е. А., Зиненко Я. В., Конталёва Е. А., Матющенко В. С., Пелевина О. В., Родионова К. И., Чирков Н. В. Народы и религии Приамурья / Под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во Амурского государственного университета, 2017. – 424 с.

Забияко А. П., Беляков А. О., Гаврилов С. С., Конталёва Е. А., Родионова К. И. Этнокультурный атлас Приамурья / Под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во Амурского государственного университета, 2016. – 166 с.

Ивлиев А. Л. Клад монет у с. Николаевка // Проблемы краеведения Дальнего Востока и сопредельных территорий. – Благовещенск, 1990. – С. 17–21

Angayan Burial Ground – New Monument of Upper Amur

A. E. Popov

This article talks about the discovery of a new archeological monument on the territory of the Upper Amur, its findings and future prospects. The monument is located at a distance of about 2.5 km from the southern outskirts of the village of Albazino in the south-east direction to the channel of the Amur, is a burial ground.

Keywords: Amur region, archeology, monument, burial ground, osteological material, finds.

Попов Алексей Евгеньевич

2-й год магистратуры

Амурский государственный университет

e-mail: kindpopov@gmail.com

Popov Alexey Evgenievich

2nd year of Master course

Amur State University

e-mail: kindpopov@gmail.com

УДК 902/904

Погребение № 2 могильника Зуун Хярын Дэнж I: к вопросу об этнокультурной ситуации в Северном Прихубсугулье в XII–XIV вв.

М. А. Портнягин

*Научно-исследовательская лаборатория археологии, палеоэкологии
и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, Иркутск*

Летом 2018 г. совместной археологической экспедицией Научно-исследовательской лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии (ИРНТУ) и Улан-Баторского государственного университета проводились работы на северо-восточном побережье оз. Хубсугул.

Могильник Зуун Хярын Дэнж I располагается в северо-восточной части поселка Ханх, на ступенчатом уступе, с северо-востока подступающем к озеру Хубсугул. Пространство между подножием уступа и кромкой воды озера в районе могильника составляет 280 м. Основание уступа находится на высоте около 30 м над уровнем Хубсугула. Уступ состоит из двух ступеней, имеющих ширину около 40 м в районе могильника, который расположен на второй ступени и возвышается над уровнем озера на 95–99 м. На второй ступени находятся два листовенничных перелеска. Один из них локализуется в северо-западной части уступа,

а другой в центральной. Практически вся северо-западная и центральная часть уступа занята отдельными усадьбами, включающими жилой дом, надворные постройки и участок необработанной земли. Могильник включает 7 каменных конструкций (комплексов).

Комплекс № 2 представлен на поверхности земли каменной курганообразной конструкцией округлой формы диаметром 3,5 м. В процессе зачистки каменной конструкции фиксировались в большом количестве осколки стекла, угольки и зола. В связи с этим был сделан вывод, что данная конструкция в XX – начале XXI в. использовалась как ритуальный объект. Зафиксированный ниже ещё один уровень камней, целостность которого была нарушена, подтвердил версию о более позднем перекрытии.

На дне могильной ямы был обнаружен скелет мужчины, ориентированный черепом на северо-запад, лежащий в вытянутом положении.

В состав сопроводительного инвентаря входили стремяна арочной формы, лежащие в ногах погребенного, колчаный крюк, берестяной туесок, стоявший справа от черепа, а также берестяное изделие, напоминающее колчан для стрел, лежащее вдоль костяка справа. Интересной особенностью данного погребения являются наличие позвонков барана, подложенных под таз погребенного, а также кость ноги барана, которая была перекрыта берестяным изделием, напоминающим колчан. На дне и стенках могильной ямы фиксировались остатки деревянной конструкции, предположительно гроба.

Погребальный обряд, а также сопроводительный инвентарь позволяют сравнить погребение № 2 могильника Зуун Хярын Дэнж I с погребениями № 4 и № 5 могильника Ногоон-Гозгор I, расположенного в нескольких километрах к северо-западу.

Отметим, что на территориях, затронутых процессом образования Монгольской империи, фиксируется во многом схожий погребальный обряд, а также однотипный сопроводительный инвентарь. Погребальный обряд могильника Ногоон-Гозгор I по ряду черт схож с обрядом, практиковавшимся в Монгольской империи. Но вместе с тем он имеет свои особенности: кладки подчетырехугольной (№№ 3, 4, 6) и подовальной (№ 5) формы; погребенные уложены выпрямленно на спине, ориентированы черепами на север (№ 3), север-северо-восток (№ 4), северо-запад (№№ 5, 6); фиксируются остатки деревянных внутримогильных конструкций (№ 4); под спины погребенных подложены бараньи позвонки (№№ 4, 5); другие кости барана присутствуют в могильной яме (№№ 4, 6) [Харинский, Эрдэнэбаатар, 2011, с. 121-122], [Женские погребения..., 2018].

Северо-западная ориентировка может говорить о тюркской культурной традиции [Традиционное..., 1988, с. 44-45]. Наличие в погребении № 5 могильника Ногоон-Гозгор I остатков берестяной основы головного убора бокки (богтаг, бугтак, бокто, гу-гу) [Портнягин, 2018, с. 173] явно свидетельствует о контактах местного населения с пришлым «монгольским», так как этот головной убор был одним из атрибутов замужних женщин высокого социального положения в Монгольской империи. Также отметим, что в комплексе № 6 могильника Ногоон-Гозгор I были обнаружены изделия из шелка, сочетающие в себе стилистические особенности китайской и персидской традиций, что опять же говорит о вовлечении Северного Прихубсугуля в культурно-политическое пространство Монгольской империи [Женские погребения..., 2018].

Безусловно, на данный момент мы располагаем относительно небольшим массивом дан-

ных по погребальной обрядности населения Северного Прихубсугуля XII–XIV вв. Но даже если со временем будут обнаружены погребения, совершенные по типично «саянтуйскому» обряду [Харинский, 2001, с. 79–86], в любом случае будет наблюдаться неоднородность в погребальной обрядности. Данную конъюнктуру можно объяснить двумя причинами: природно-экономической и политической.

Если говорить о первой причине, стоит отметить, что природно-климатические условия Северного Прихубсугуля отличаются высокогорьем и, соответственно, более суровым климатом, а также обилием лесов. Это отражалось на экономической привлекательности данного района для новых кочевых элит [Харинский, Эрдэнэбаатар, 2011, с. 122].

Второй причиной неоднородности в погребальной обрядности являлась политическая нестабильность в данном регионе. Предположительно, на этих территориях в то время проживало племя туматов, которые неоднократно поднимали антимонгольские восстания, что нашло отражение в таких письменных источниках, как «Джами ат-таварих» и «Сокровенное сказание монголов» [Харинский, 2001, с. 36–42]. Соответственно, если была проблема на политическом уровне, то и культурные традиции не могли быть полностью и адекватно восприняты.

*Научный руководитель – А. А. Харинский
д-р ист. наук, профессор
зав. научно-исследовательской
лабораторией археологии, палеоэкологии
и систем жизнедеятельности
народов Северной Азии*

Список литературы

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. – Новосибирск: Наука, 1988. – 225 с.

Портнягин М. А. Бокка из комплекса № 5 могильника Ногоон-Гозгор I: к вопросу о монгольском влиянии / М. А. Портнягин // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты: материалы LVIII Рос. (с международным участием) археол.-этногр. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Омск, 25–27 апреля 2018 г.) / Отв. ред. М. Л. Бережнова, И. В. Толпеко. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. – С. 172–174

Харинский А. В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н. э. – сер. II тыс. н. э.: генезис культур и их периодизация / А. В. Харинский. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. тех. ун-та, 2001. – 198 с.

Харинский А. В., Эрдэнэбаатар Д. Северное Прихубсугулье в начале II тыс. н. э. // Теория и практика археологических исследований: сб. науч. тр. / Отв. ред. А. А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2011. – Вып. 6. – С. 107–124

Харинский А. В., Эрдэнэбаатар Д., Портнягин М. А., Оргилбаяр С., Кичигин Д. Е. Женские погребения XIII–XIV вв. могильника Ногоон Гозгор I в Северном Прихубсугулье // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. – Т. 14. No2. – С. 93–120

Grave no. 2 of Burial Ground Zuun Hyarin Denj I: to the Question about the Ethnocultural Situation in the Northern Hovsgol Region in XII-XIV cc.

M. A. Portnyagin

The article describes the burial found in the Zuun Hyarin Denj I burial ground in 2017. Based on the morpho-typological analysis of accompanying inventory, this burial can be dated to the Mongolian time (XII-XIV cc). The archaeologically fixed burial rite of this burial is close to the burials previously investigated in the same area from the burial ground Nогон Gозгор I. Generalizing the available data, it can be preliminarily stated that the population of the Northern Hovsgol region was influenced by the Mongol imperial ideology, but did not perceive it completely.

Keywords: the North-Eastern shore of lake Hovsgol, mongolian empire, funeral rite, nomads.

Портнягин Матвей Александрович

магистрант 1-го года обучения

Иркутский государственный университет

лаборант-исследователь

Научно-исследовательская лаборатория археологии,

палеоэкологии и систем жизнедеятельности

народов Северной Азии, Иркутск

e-mail: matirk@yandex.ru

Portnyagin Matvei Alexandrovich

Master's program, 1st year

Irkutsk State University

laboratory researcher

Research laboratory of Archaeology, Paleoecology

and Life Systems of North Asia peoples

Irkutsk

e-mail: matirk@yandex.ru

УДК 902/904

Артиллерия Умревинского, Чаусского и Уртамского острогов (По материалам письменных и археологических источников)*

П. И. Романов

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-09-00150 «Комплексные археологические, исторические и этнографические исследования Умревинского острога»

В активной фазе освоения части Приобья, подчиненной в дальнейшем Томскому уезду, в конце XVII – начале XVIII вв. были основаны и поочередно построены три острога: Уртамский (1684 г.), Умревинский (1703 г.) и Чаусский (1713 г.). Если Уртамский и Чаусский остроги, согласно архивным документам, обладали явными оборонительными функциями, то вопрос относительно стратегического потенциала Умревинского острога является дискуссионным.

Обнаруженные в ходе археологических исследований острога башни, тын и земляные укрепления свидетельствуют о потенциальной готовности возведенных сооружений к обороне. Но был ли Умревинский острог реально готов к возможному приходу противника в разные годы своего существования – не совсем ясно [Бородовский, Горохов, 2009].

Археологических свидетельств по вопросу вооружения острога крайне мало, а письменных источников ещё меньше. Относительно Уртамского и Чаусского острога ситуация несколько отличается – присутствует внушительное количество письменных источников, но не проводились археологические исследования данных памятников.

В настоящей статье основное внимание будет уделено обсуждению артиллерийского вооружения острогов Приобья, а также высказана гипотеза относительно времени содержа-

ния в боевой готовности Умревинского острога и его артиллерийского вооружения.

Первым из обсуждаемых административно-оборонительных пунктов был основан в 1684 г. Уртамский острог.

Острог был вооружен артиллерией уже в 1706 г. о чём мы знаем из отчета томских воевод [Из истории земли Томской 1604–1917, 1978, с. 30–32]. В то же время в отчёте не упомянут Умревинский острог, который, согласно Дозорной книге 1703 г., уже тремя годами ранее назван «новопоселенным» [РГАДА, Ф. 214, Оп. 1, Ч. 5, Кн. 1371].

Артиллерия Уртамского острога в 1706 г. включала в себя три пушки: одну чугунную полтретифунтовую, одну однофунтовую и одну затинную медную полуфунтовую (пищаль). В запасе острога при этом имелось лишь 20 железных ядер. На вооружении острога состояло также 32 мушкета «старых с замками» [Там же].

Основанный в 1713 г. Чаусский острог являлся важнейшим в округе. Он выделялся и по количеству башен (у него, в отличие от двухбашенных Умревинского и Уртамского острогов, их было шесть), и по статусу – Чаусский острог населяли казаки, и он всё время находился в полной боевой готовности. Росписной список Чаусского острога от 1735 г. сообщает нам, что на вооружении острога находилось (без указа-

ния калибра) пять пушек – одна медная, четыре чугунных – и 41 пищаль с 83 ядрами к ним [ГАТО, Ф. 521, Оп. 1, Д. 1, л. 2].

Обращает на себя внимание сразу несколько фактов.

Во-первых, разделение крупнокалиберного арсенала на артиллерию и пищали (в отличие от отчета 1706 г., когда пищали и пушки писались совместно) говорит о дифференциации артиллерии. Во-вторых, Чаусский острог был, по всей видимости, неким складом пищалей, которые в случае военной угрозы могли распространиться по подведомственным единицам – барабинским форпостам, острогам и укрепленным слободам.

К 1735 г. артиллерия Уртамского острога насчитывала (без указания калибра) на одной из двух башен чугунную пушку, на другой медную пушку, также над проезжими воротами стояла чугунная пушка. В амбаре находилась медная пушка и запас ядер – 33 свинцовых и 25 чугунных. К 1740 г. несколько изменилось количество ядер. Теперь в запасе Уртамского острога имелись 31 свинцовое и 20 медных ядер [Там же, л. 34].

Кардинально ситуация изменилась в 1750 г. В течение десяти предыдущих лет остроги Приобья были значительно перевооружены. Над одной из башен Уртамского острога возвышалась чугунная двухфунтовая с лафетом пушка, имевшая стрелковый запас в 150 ядер, а в амбаре находилась в полной боевой готовности 21 картечь. Упомянутые же в отчете 1706 г. пушки Уртамского острога «пришли в негодность». Пушка медная полторафунтовая, пушка железная кованная полуфунтовая и пищаль затинная медная, при которых так и осталось с 1735 г. 31 свинцовое ядро, не были готовы оказать противнику сопротивление [Там же, л. 215].

Чаусский острог к 1754 г. располагал одной медной (два с половиной фунта), одной чугунной (два с половиной фунта), одной двухфунтовой и двумя по осьмой доле фунта пушками. Запас ядер включал в себя к первым двум пушкам – 150 ядер, к двухфунтовой – 197 ядер и к двум по осьмой доле фунта – 320 ядер. К 1757 г. изменилось лишь количество ядер для двух с половиной фунтовых пушек: их стало 153 [Там же, л. 224–240]. Последний росписной список Чаусского острога от 1786 г. свидетельствует о том, что конструкция острога находилась к этому периоду в очень ветхом состоянии. Дом управляющего острогом сгорел, а пушки не были готовы стрелять. Скорее всего, аналогичным образом ситуация обстояла и на Умревинском и Чаусском остроге [Там же, л. 260–261].

Активные археологические исследования Умревинского острога, проводимые под руководством д.и.н. А. П. Бородовского, поставили

новые вопросы, связанные с функционированием артиллерии в Верхнем Приобье и с наличием её непосредственно на Умревинском остроге.

Несмотря на то, что в пределах тыновой ограды острога предметов, связанных с артиллерией, обнаружено не было, в пределах Умревинского археологического микрорайона были найдены артиллерийские ядра. На расстоянии около 300 м был обнаружен клад железных ядер диаметром 4,2 см в количестве 15 штук. Также местным жителем было передано ядро 6,4 см, найденное им возле одной из стен Умревинского острога [Бородовский, Горохов, 2009, с. 86–89].

Существуют некоторые сложности перевода калибра найденных археологически ядер во введенную генералом-фельдцейхмейстером Брюсом при Петре I систему артиллерийских фунтов. Один артиллерийский фунт равнялся эталону ядра диаметром 2 дюйма (50,8 см) и массе 115 золотников (около 490 граммов). Существует таблица перевода веса ядра в его диаметр и наоборот. Так, двухфунтовые ядра имеют диаметр в 6,4 см. Такие ядра были найдены в окрестностях Умревинского острога и на правом берегу р. Обь. Артиллерийский клад, в котором находились ядра диаметром 4,2 см, относились к пищальным орудиям.

Таким образом, артиллерия Чаусского и Уртамского острога находилась в них на всём протяжении XVIII в. и состояла из самых разных пушек. Анализируя данные росписных списков, документацию судных контор и Томской воеводской канцелярии, можно заметить, что остроги перевооружались, артиллерия была под постоянным контролем.

Ранее мы убедительно доказывали, что башни Умревинского острога были сооружены до 1734 г. В это время острог теряет своё оборонительное значение и начинается процесс деконструкции башен острога [Романов, 2018].

Следовательно, вызывает сомнение предположение С. В. Горохова и А. П. Бородовского о том, что артиллерия на Умревинском остроге появилась после 1734 г. [Горохов, Бородовский, 2016, с. 267].

Утверждение о том, что случайно найденные на значительном расстоянии от Умревинского острога ядра свидетельствуют о ведении боевых действий в его окрестностях, также теряет актуальность после обнаружения в фонде Томской воеводской канцелярии приказа о проведении салютов в острогах Томского уезда и городе Томске в честь различных праздников.

Так, в марте 1741 г. по случаю тезоименитства отца российского императора Ивана VI – Антона Ульриха – было приказано при скоп-

лении людей провести в острогах по одному пушечному выстрелу. Таким образом, ядра могли попадать на значительное расстояние от острога в результате салюта, а не в ходе боевых действий. В том же году стрельба производилась и в честь дня его рождения ¹.

Подтверждает отсутствие артиллерии после 1740 г. в Умревинском остроге и приказ «о крепкой предосторожности», направленный из Томской воеводской канцелярии в «остроги Чаусский в Сосновский в Мелесский и Ачинский в Уртамский в Верхотомский и Каинский и Убинский форпосты» [РГАДА, Ф. 633, Оп. 1, Д. 5].

Можно с уверенностью сказать, что если на Умревинском остроге присутствовала пушечная артиллерия, то она могла находиться в нем в период с 1710 по 1734 гг. В дальнейшем в остроге могли быть пищали, подотчетные Чаусскому острогу. К пищалям, вероятно, относится и найденный в 300 м от Умревинского острога клад ядер диаметром 4,2 см. К такому

же выводу приходят в своей монографии и археологи-исследователи Умревинского острога [Бородовский, Горохов, 2009, с. 86–89].

*Научный руководитель – А. П. Бородовский
д-р ист. наук, доцент
ведущий научный сотрудник
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Бородовский А. П., Горохов С. В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. – Новосибирск: НГПУ, 2009. – 244 с.

Горохов С. В., Бородовский А. П. Артиллерийское вооружение Умревинского острога // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. – С. 265–268

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 521 Уртамский острог.

Романов П. И. Башни Умревинского острога по материалам письменных источников // Баландинские чтения. Т. XIII, 2018. – С. 598–601

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 633. Томская воеводская канцелярия

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Сибирский приказ

Artillery of Umrevinsky, Chaussky and Urtamsky Ostrogs (on Materials of Written and Archaeological Sources)

P.I. Romanov

The article presents issues about the presence and composition of artillery in the Chaussky, Umrevinsky and Urtamsky ostrogs throughout the 18th century. By comparing written and archaeological sources, we made a conclusion on the re-equipment of the Chaussky and Urtamsky ostrogs and on the presence pishchals in the armament of Umrevinsky ostrog in the first half of the 18th century. In addition, an example of the use of cannonballs of ostrogs during salute is given.

Keywords: Artillery of ostrogs, written and archaeological sources, salute in ostrogs, Tomskiy uyezd

Романов Павел Игоревич

магистрант 1-го года обучения
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
e-mail: p.romanov@g.nsu.ru

Romanov Pavel Igorevich

1st year of Master program
Novosibirsk National Research State
University
e-mail: p.romanov@g.nsu.ru

УДК 903.22

Планиграфия захоронений могильника Абрамово-10

И. В. Рюмин

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

Абрамово-10 – это эталонный памятник эпохи позднего Средневековья Сибири, расположенный в Центральной Барабе, в Куйбышевском районе Новосибирской области. Раскопки велись с 1980 по 1983 гг. под руководством В. И. Молодина и В. И. Соболева. В 1984–1991 работами руководил В. И. Соболев. Инвентарь могильника датируется XVI–XVIII

¹ Стоит отметить, что приказ «о пушечной пальбе» не был направлен в Умревинский острог, в отличие от Уртамского и Чаусского острога, что подтверждает отсутствие в нём артиллерии в 1741.

вв. Материалы раскопок частично введены в научный оборот [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990], но значительный массив источников опубликован не был.

Абрамово-10 представляет собой многослойный памятник, включающий: могильник ранней бронзы (одиновская культура), поселение эпохи развитой бронзы (кротовская культура) и средневековый грунтовый могильник. Всего раскопаны 126 погребений, из них к позднему Средневековью относятся 118. Средневековые могилы расположены семью рядами, ориенти-

рованными по линии СЗ – ЮВ. Концентрация могил в северо-восточной части некрополя выше, чем в юго-западной. Так, самые южные ряды насчитывают 6–8 погребений, а самые северные – 13–15. Существует мнение [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 164], что могильник был курганный, но насыпи снесены в процессе заправки и строительных работ. Однако небольшое расстояние между могилами и их расположение правильными рядами исключают вероятность возведения над ними традиционных для барабинских татар больших круглых или овальных курганов. Полы таких курганов в значительной степени отодвинули бы могилы друг от друга. Кроме этого при заборе земли для возведения насыпей был бы разрушен слой подстилающего могильник раннебронзового поселения, а этого не произошло. С другой стороны, поскольку, несмотря на значительную концентрацию, не прослежено случаев наложения могил друг на друга, можно предполагать, что на поверхности они были чем-то отмечены (небольшие насыпи, столбы, вешки).

В подавляющем большинстве могил умершие лежали в вытянутом положении на спине, за исключением погребения № 67, где покойник уложен на правый бок со слегка подогнутыми ногами. 70,6% ориентированы головой на юго-запад, 27,7% – на запад или с небольшим отклонением на юг, в 1,7% потревоженных могил ориентация не определяется.

В 58,5% погребений на памятнике обряд совершен в могильных ямах, а в 41,5% – на материке. Характерной особенностью погребального обряда в данном могильнике является использование деревянных сооружений в виде обкладок и берестяных чехлов.

Руки в большинстве случаев вытянуты вдоль туловища, кисти у 71,1% покойников покоятся на бедрах. У двух погребенных руки прямые, ноги слегка согнуты и повернуты коленями вправо; у одного руки согнуты в локтях, кисти под тазом, ноги прямые; еще у одного руки прямые, правая нога вытянута, левая слегка согнута; у пяти руки согнуты в локтях, кисти над тазом; у двух руки согнуты в локтях, кисть правой руки над тазом, левой — под ним; у четырех левая рука прямая, правая согнута и локте, кисть над тазом; у трех руки согнуты в локтях и разведены в стороны, кости предплечий параллельны корпусу; у одного руки согнуты в локтях и разведены в стороны, ноги слегка согнуты в коленях и разведены; у одного руки прямые, ноги согнуты и повернуты коленями влево; тело одного скорчено на правом боку.

В 22% погребений сопроводительный инвентарь представлен конской упряжью. Данные могилы локализуются в юго-восточной части памятника, преимущественно в первых

четырех рядах. 54% из них имеют деревянные сооружения.

В погребениях № 20 и № 112 железные стремена располагались у ступней погребенного, по их внешнюю часть. Исходя из этого, мы делаем предположение, что при погребении конская упряжь была надета на покойника.

Отдельно стоит отметить могильные ямы № 48, № 64 и № 114, своей формой напоминающие лодку. Данная форма является устойчивой средневековой традицией, этнографически прослеживаемой у ханты-мансийских племен. Наиболее ранние аналогии относятся к сроскинской культуре, датируемой периодом развития Средневековья [Адамов, 2000, с. 23].

Детские погребения составляют 26% погребений памятника, 60% из них не имеют инвентаря. Все они расположены компактными группами в западной и центральной частях могильника. Костяки покоятся на уровне погребальной почвы или на материке, положение костяка идентично взрослым погребениям. В 5 случаях взрослые похоронены вместе с детьми. Определение пола погребенных не производилось.

Таким образом, основной формой погребального обряда могильника Абрамово-10 является ингумация в вытянутом положении на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками, в могильной яме или на материке.

Имеется корреляция между нахождением в могиле конской упряжи и погребальных сооружений в форме деревянных обкладок и берестяных чехлов. Такой богатый инвентарь могил, к тому же расположенных локализованными группами, свидетельствует о наличии имущественной дифференциации населения, оставившего могильник. Помимо имущественной, существовала и возрастная дифференциация. В большей части расположенных компактными группами детских погребений отмечается полное отсутствие погребального инвентаря.

Судя по погребальному обряду могильника, в культуре барабинских татар прослеживалось значительное финно-угорское влияние. Во-первых, это выразилось в появлении погребений в форме лодок. Погребальный обряд, прослеженный на большей части могильников барабинских татар (Малый Чуланкуль-1, Абрамово-4, Преображенка-3, Сопка-2/1), предполагает наличие курганных насыпей с хаотичным расположением могил на ограниченной площади. Абрамово-10 является грунтовым могильником, без курганных насыпей, могилы структурированы рядами.

*Научный руководитель – И. А. Дураков
канд. ист. наук, доцент
Новосибирский государственный
педагогический университет*

Список литературы

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. – Тольск-Омск: ОмГПУ, 2000. – 256 с.

Бараба в эпоху позднего Средневековья / Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. – Новосибирск: Наука, 1990. – 262 с.

Planigraphy of Necropolis's Burials Abramovo-10

I. V. Riumin

The article aims to examine the planigraphy of the late medieval necropolis Abramovo-10. For this, the author analysis the burial observance of the site and conducts a correlation with the position of the graves on the plan. As a result, property and age differentiation of the peoples which left the necropolis is traced. Special attention is paid to the issue of external influence on the burial observance of the barabians tatar by the Finno-Ugric tribes, expressed in the appearance of burials in the shape of a boat and the absence of large mound at the location of the graves in rows.

Keywords: Archeology of the Siberia, late medieval, barabians tatar, planigraphy

Рюмин Иван Вячеславович

студент 3-го курса бакалавриата
Новосибирский государственный педагогический
университет
e-mail: irv12345@mail.ru

Riumin Ivan Vyacheslavovich

3rd year student
Novosibirsk State Pedagogical
University
e-mail: irv12345@mail.ru

УДК 902

Классификация венчиков сосудов михайловской культуры (По материалам памятника Черниговка, селище-5)

М. С. Сидорук

Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск

«Керамика это первый искусственный материал, созданный человеком» [Кудрич, 2008, с. 4]. Он имеет ряд преимуществ: качества керамики в сочетании с почти с повсеместным распространением глин обуславливали ее широкое использование. Керамика несёт в себе значительный объем информации, благодаря которому можно определить социально-экономические условия, культуру и т.д.

В данной статье рассматриваются формы венчиков сосудов михайловской археологической культуры Западного Приамурья, выявленные на памятнике «Черниговка, селище-5» в 2018 г. Формы венчиков с Черниговки отличаются от тех, что мы имеем на сегодняшний день, и поэтому можно говорить о новом типе и форме керамических сосудов, которые человек мог на данном этапе, в данное время использовать.

На сегодняшний день в Амурской области насчитываются десятки памятников михайловской культуры. Это памятники Сухие Протоки-1, -2, Букинский Ключ-1, -2, Безумка; Большие Симичи, Михайловское городище, Озеро Долгое и многие другие. [История Амурской области..., 2008, с. 78]. Памятник археологии «Черниговка, селище-5», расположенный в Свободненском районе Амурской области является новым объектом с михай-

ловским материалом [Волков Д.П..., 2018, с. 465–469].

Археологическая керамическая коллекция, полученная в ходе раскопок 2018 года составила 4722 фрагментов, из них венчиков сосудов - 422. Полученные новые данные позволяют составить более подробную классификацию типов венчиков михайловской археологической культуры.

На сегодняшний день выделяется 2 основных типа венчиков сосудов михайловской керамики, разделенные на подтипы. К первому типу относится наиболее распространенная форма венчиков - плавно отогнутый наружу венчик, являющийся продолжением оттянутой наружу шейки, с рассеченным наклепным валиком [Древности Буреи, 2000, с. 138]. Данный тип венчиков подразделяется на 3 подтипа:

1) Венчик с нависающим валиком. Верхняя поверхность венчика симметричная. Край горловины не имеет дополнительных подлепов, а лишь отгибается и декорируется нависающим валиком. Декор - вертикальные и наклонные овальные насечки. [Раннесредневековая керамика..., 1984, с. 76-85]. Данный подтип встречается на памятниках Озеро Долгое, Букинский Ключ-1, Букинский Ключ-2, Михайловское городище, Большие Симичи [Материалы...,

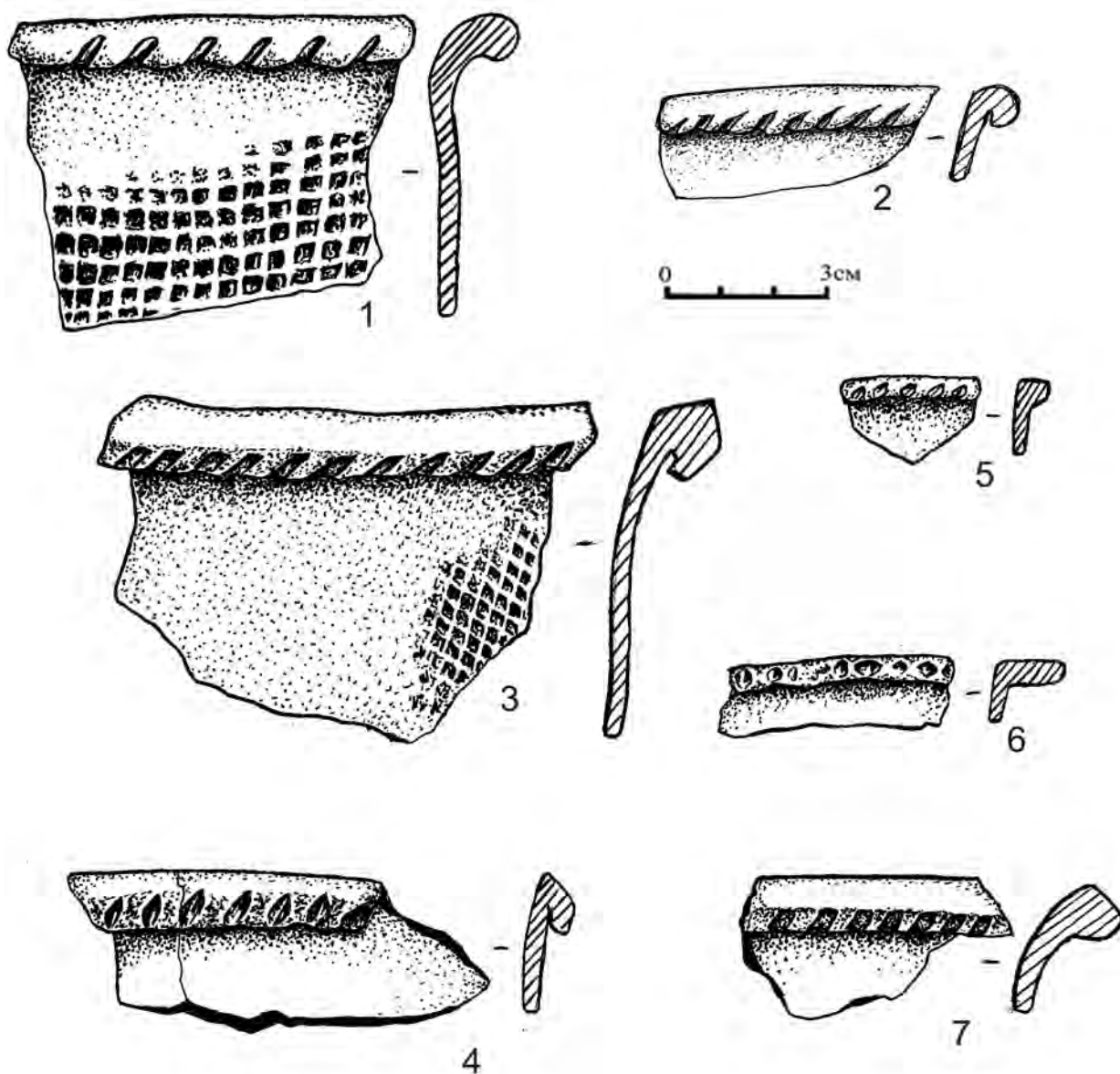

Рис. 1. Венчики. (1, 2) – 3 тип 1 подтип, (3) – 3 тип 2 подтип, (4) – 3 тип 3 подтип; (5) – 4 тип 1 подтип, (6) – 4 тип 2 подтип, (7) – 4 тип 3 подтип

2009, с. 61, рис. 20; Древности Бурей..., 2000, с. 317, рис. 91 (1,6-8), с. 333, рис. 107; Дьякова О.В..., 1984, с. 184 (таб. 38); Шеломихин О.А..., 2017, с. 28, рис. 7].

2) Овальный внешне симметричный венчик, имеющий плавный наклон книзу, с нависающим налепным декором, и плавно отогнутой назад кромкой. Валик имеет волнистую форму с острыми краями на гребне, на самом валике часто встречаются вертикальные ромбовидные насечки. Этот подтип венчика относится к некоторым венчикам, найденных на памятнике Большие Симичи [Древности Бурей, 2000, с. 332, рис. 106 (4,3)].

3) Ромбовидный венчик. Валик крепится на краю наружного борта, в результате кото-

рого контур венчика и валика сливаются и образуется нависающий рельефный валик. Декор - треугольные насечки с наклоном вправо, вертикальные овальные или треугольные насечки. К такому подтипу относятся венчики из памятников Букинский Ключ-2, Большие Симичи [Древности Бурей, 2000, с. 331, рис. 91 (5), 93 (6)].

Второй тип – вытянутый венчик без валика. Наклоненный или прямой венчик, без декора. К данному типу относятся фрагменты венчиков сосудов Михайловского городища [Раннесредневековая керамика..., 1984, с. 187, таб. 41 (3,4,9,12)].

Анализ коллекции полученной на памятнике «Черниговка, селище-5» в 2018 году позволяет

сказать, что малая часть венчиков относятся к 1 и 2 типам. Помимо этого в ходе исследования были обнаружены новые формы, позволяющие выделить дополнительные типы формы венчиков михайловской посуды.

Завёрнутый венчик (рис. 1, 1-4) Подтип 1. Округлый завёрнутый венчик, имеющий округлый валик, закругленный книзу, в большей части случаев примыкающий к телу сосуда. Имеет декор в виде косых прямоугольных насечек (95 фрагментов).

2) Прямой, сложно завёрнутый венчик. Массивный венчик, загнутый несколько раз под прямым углом к низу, примыкающий к телу сосуда. По кромке нанесены косые насечки (5 фрагментов).

3) Прямой, сложно завёрнутый венчик, загнутый несколько раз под острым углом в верхней кромке. Венчик подгибается под себя и образует в верхней кромке острый угол и нависающий прямоугольный валик с декором в виде ромбических косых насечек (41 фрагментов).

Еще один тип, составляющий большую часть керамической «Черниговской» коллекции – прямой, Г-образный венчик, согнутый под прямым углом по отношению к телу сосуда (рис. 1, 5-7). Имеет декор в виде квадратных, иногда подтреугольных вдавлений по кромке валика.

Данный тип подразделяется на подтипы:

1) Венчик с короткой выступающей г-образной частью (56 фрагментов).

2) Венчик с длинной выступающей Г-образной частью (15 фрагментов).

3) Венчик с выступающей короткой частью, слегка свисающей книзу, образуя в профиле трапецию (40 фрагментов).

Таким образом, благодаря новым раскопкам на памятнике «Черниговка, селище-5»,

можно говорить о появлении новых типов венчиков сосудов, носителей михайловской археологической культуры. Дальнейшее детальное исследование керамической коллекции с Черниговки, позволит получить новые сведения и данные о раннесредневековом населении Западного Приамурья.

*Научный руководитель – Д. П. Волков
директор Центра по сохранению
историко-культурного наследия
Амурской области*

Список литературы

Волков Д. П., Коваленко С. В., Крючко Е. И., Мамуль Я. М., Марченко Е. А., Миронов М. А., Алкин С. В., Нестеров С. П., Шеломихин О. А., Болотин Д. П. Спасательные археологические раскопки памятника Черниговка, селище-5 в Амурской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 465–469

Деревянко А. П., Ким Бон Гон, Нестеров С. П., Чой Мэн Сик, Хон Хён У, Бён Ён Хван, Пак Джон Сон, Хабибуллина Я. Ю. Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. – Тэджон: Издательство Государственного исследовательского Института культурного наследия, 2009. – Вып. II: раскопки поселения Озеро Долгое в 2008 году. – 286 с.

Древности Бурей / С. П. Нестеров, А. В. Гребенщиков, С. В. Алкин и др. – Новосибирск: Издательство ИАЭТ СО РАН, 2000. – 352 с.

Дьякова О. В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV-X вв. / О. В. Дьякова. – М.: Наука, 1984. – 206 с.

История Амурской области с древнейших времен до начала XX века / Под ред. А. П. Деревянко, А. П. Забияко. – Благовещенск, 2008. – 424 с.

Кудрич О. С. Керамические традиции населения Приамурья в древности и Средневековье. Сравнительный анализ: дис. ... канд. ист. наук / О. С. Кудрич. – Новосибирск, 2008. – 233 с.

Шеломихин О. А., Нестеров С. П., Алкин С. В. Долина Бурей в эпоху палеометалла: материалы и исследования памятников Букинский Ключ-1 и Безумка / О. А. Шеломихин, С. П. Нестеров, С. В. Алкин. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. – 193 с.

Classification Venchiki Vessels of the Mikhailovsky Culture (Based on the Materials of the Monuments Chernigovka, Settlement-5)

M. S. Sidoruk

This article discusses the shape venchiki of the Mikhailovsky archaeological culture of the Western Amur region. The obtained data on new forms of corolla identified on the monument «Chernigovka, selische-5» in 2018, allow us to make a more detailed classification of types venchiki of the Mikhailovsky archaeological culture.

Keywords: shape, venchiki, classification, archeology, Amur region

Сидорук Мария Сергеевна

студентка 3-го курса

Благовещенский государственный

педагогический университет

e-mail: many27.1998@mail.ru

Sidoruk Mariya Sergeevna

3rd year student

Blagoveshchensk State Pedagogical

University

e-mail: many27.1998@mail.ru

Изучение археологических памятников эпохи Средневековья в урочище Гришкин Лог в 1958–1961 гг.*

К. В. Танцура

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск

*Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9)

С 1958 г. Красноярской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством М. П. Грязнова в зоне затопления водохранилища Красноярской ГЭС регулярно проводились масштабные раскопки памятников различных культур, относящихся к разным периодам эпохи Средневековья.

К сожалению, большая часть материалов, полученных в 1960–1980-е гг., так и не была обработана и опубликована полностью [Азбелев, 1989, с. 131]. В данной статье представлена характеристика средневековых памятников в урочище Гришкин Лог, составленная по сведениям полевых отчетов 1958–1961 гг., хранящихся в архивах ИИМК РАН и ИА РАН. Среди них отчеты, чертежи и фотографии из раскопок М. П. Грязнова и Ю. Д. Баруздина 1958 г., а также Л. П. Зяблина 1960–1961 г. в Гришкином Логу около с. Сарагаш (Батени) Богградского района Хакасской АО.

Урочище Гришкин Лог находилось на левом берегу Енисея у р. Карасук, в настоящее время это место затоплено водами Красноярского водохранилища. Археологическое изучение памятников на этой территории было начато ещё в 1920–1929 гг. С.А. Теплоуховым, который раскопал два кургана чаатаса Гришкин Лог (могильник Гришкин Лог-2). Всего в урочище, согласно отчетам, было зафиксировано 8 разновременных памятников: Гришкин Лог-1 – могильник баиновского (по другой версии – подгорновского) этапа тагарской культуры [Амзараков, Лазаретов, Поляков, 2015, с. 78]; Гришкин Лог-2 – чаатас VI–X вв.; Гришкин Лог-3 – одиночный курган кыргызского времени; Гришкин Лог-4 – могильник баиновского или карасукского времени; Гришкин Лог-5 – средневековый могильник; Гришкин Лог-6 и 7 – поселения тагарской культуры; Гришкин Лог-8 – одиночный курган кыргызской эпохи.

Чаатас Гришкин Лог-2 занимал территорию около 13 тыс. м². Как отмечалось выше, начало изучению этого памятника положил С. А. Теплоухов. В 1960–1961 гг. Копёвским отрядом под руководством Л. П. Зяблина было изучено 6 объектов, краткие данные о которых, включая сведения о реконструкции надмогильного устройства одного из курганов, были представлены в отдельной публикации [Зяблин, 1965,

с. 282]. В то же время в полевом отчете Л. П. Зяблин отметил, что «большая часть не раскопанной территории могильника представляет почти сплошной развал задернованного камня» [ИИМК РАН Ф. 35, Оп. 1, 1961 г., Д. 279].

Кроме курганов, на площади памятника за время раскопок было обнаружено 67 могил, находящихся между оградами чаатасов [ИА РАН, Ф. 1. Оп. Р-1. Д. 2358]. Погребальный обряд, связанный с ними, разнообразен. Встречаются как труположения, так и трупосожжения, погребения в грунтовых ямах или в каменных ящиках, с сопроводительным инвентарем и безынвентарные [ИА РАН, Ф. 1. Оп. Р-1. Д. 2201]. Подобное разнообразие в пределах одного могильника может свидетельствовать как о полиэтничности, так и о социальной дифференциации населения, оставившего памятник.

Могильник Гришкин Лог-5 находился в 150 м южнее чаатаса. Предположительно, этот памятник хронологически относился к периоду VI–X в. н.э., однако датировка нуждается в уточнении. В 1958 г. под руководством Ю. Д. Баруздина было изучено 8 могил, располагающихся полосой по линии ЮЗ – СВ. Надмогильные сооружения представляли собой кладки массивных каменных плит, уложенных друг на друга. Под кладкой обнаруживалась могильная яма с одиночным труположением, ориентированным на ЮЗ. Захоронения сопровождалась бараньими костями, реже – лепными горшками и немногочисленными железными предметами. В некоторых могилах инвентарь отсутствовал. Своеобразие погребального обряда и надмогильных сооружений этого памятника, а также его обособленность ставят вопрос о наличии в кыргызском обществе отдельной группы, имеющей иную социальную или этническую принадлежность.

Курганы Гришкин Лог-3 и Гришкин Лог-8 также были исследованы Ю. Д. Баруздиным в 1958 году. Гришкин Лог-3 находился в самом внизу конуса выноса, на котором располагался могильник Гришкин Лог-1, и представлял собой круглую площадку, покрытую плитняком. Его изучение показало, что памятник первоначально имел вид сложенной из плитняка ограды. Он был отнесен к культуре енисейских кыргызов по находке в центральной части насыпи

серебряных бляшек с изображением коней и интерпретирован как погребальное сооружение, несмотря на то, что ни в насыпи, ни под ней погребения обнаружены не были.

Курган Гришкин Лог-8 находился напротив средневекового могильника. В результате раскопок было выяснено, что курган разграблен и не содержит находок, кроме разрозненных костей человека. Однако благодаря реконструкции ограды была отработана методика определения первоначального вида каменных сооружений [ИИМК РАН, Ф. 35, Оп.1, 1958 г., Д. 109А. Л. 82].

К сожалению, обработка коллекций данных памятников до сих пор не производилась, а между тем это дало бы дополнительную информацию о культуре енисейских кыргызов. Стоит также отметить ситуацию, когда порой производятся масштабные раскопки памятников, но материалы (прежде всего инвентарь), оседают в хранилищах и не вводятся в научный оборот. Так произошло с материалами из урочища Гришкин Лог. Говоря непосредственно о чаатасе Гришкин Лог-2 необходимо подчеркнуть, что изучение его материалов осложнено, поскольку часть утеряна или недоступна, а имеющиеся документы не могут дать полной информации в силу специфики ведения отчетной документации, а также несовершенства технического оборудования, характерных для середины прошлого века. К тому же некоторые памятники в зоне затопления водохранилища в виду необходимости их быстрого исследования, недостатка ресурсов и трудоемкости раскопок (особенно это заметно в случае раскопок чаатасов) могли изучаться не полностью. В лучшем случае раскопки закладывались на площади самых крупных объектов, межкурганное пространство чаще всего не исследовалось.

В настоящее время принято выделять в культуре чаатас два периода – утинский (VI–VII вв.) и копёнский (VIII – первая половина IX вв.) [Кызласов, 1981, с. 48], однако, опираясь

на имеющиеся данные по раскопкам комплекса средневековых памятников Гришкин Лог, трудно однозначно отнести их к какому-либо хронологическому периоду. На данном этапе изучения первостепенной задачей является введение в научный оборот имеющихся материалов, без чего остается нереализованным их потенциал как важного источника по средневековой истории Южной Сибири. В первую очередь это касается сопроводительного инвентаря (прежде всего изделий из железа), поскольку за прошедшие более чем полвека происходит (и уже частично произошел) необратимый процесс его разрушения.

*Научный руководитель – О. А. Митько
канд. ист. наук, доцент
Кафедра археологии и этнографии
Гуманитарный институт
Новосибирский государственный университет.*

Список литературы

Азбелев П. П. Значение архивных материалов для изучения культуры енисейских кыргызов // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. – Красноярск, 1989. – С. 131–133

Амзараков П. Б., Лазаретов И. П., Поляков А. В. Погребение финальной стадии эпохи поздней бронзы в истоках реки Иджим (Ермаковский район Красноярского края) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – Новосибирск, 2015. – Т. 14, вып. 7: Археология и этнография. – С. 72–83

Зяблин Л. П. Архитектура курганов чаатаса Гришкин Лог // Новое в советской археологии: материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1965. – № 130. – С. 282–286

ИА РАН, Ф. 1. Оп. Р-1. Д. 2201. Отчет о раскопках чаатаса Гришкин Лог в 1960 г.

ИА РАН, Ф. 1. Оп. Р-1. Д. 2358. Отчет о раскопках в Гришкином Логу и Волчьем Логу около с. Сарагаш (Батени) Боградского р-на Хакасской АО летом 1961 г.

ИИМК РАН, Ф. 35, Оп. 1, 1961 г., Д. 279. Краткий отчет о результатах полевых исследований отряда Красноярской археологической экспедиции.

ИИМК РАН, Ф. 35, Оп.1, 1958 г., Д. 109А. Отчет о раскопках Красноярской экспедиции 1958 г.

Кызласов Л. П. Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Серия: Археология СССР. – М., 1981. – С. 46–52

Investigation of the Medieval Archaeological Sites in the Grishkin Log in 1958-1961

K. V. Tantsura

The archaeological sites in the Grishkin Log have been studied by the Krasnoyarsk archeological expedition since 1958, but materials related to medieval burial mounds of Yenisei Kyrgyz have not been fully published yet. In this article, we give a characteristic of these sites based on the archival documents stored in the archives of Institute of the History of Material Culture and Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: Yenisei Kyrgyz, chaatas, Minusinsk basin, the Middle Ages

Тансура Кристина Викторовна

магистрант 2-го года обучения

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

e-mail: k.tantsura@g.nsu.ru

Tantsura Kristina Viktorovna

2nd year of Master program

Novosibirsk National Research State University

e-mail: k.tantsura@g.nsu.ru

Об освоении Охотского побережья в XVII-XIX вв. (На примере уклада жизни гижигинских казаков)

Т. С. Угожаева

Северо-Восточный государственный университет, Магадан

Освоение территорий в Сибири и на Дальнем Востоке России в XVII–XIX вв. – важная эпоха в истории Российского государства. Выйдя на эти территории в середине XVII в., русские столкнулись с серьезным сопротивлением местных народов [Зуев, 2009]. Для защиты и освоения присоединенных территорий были образованы форпосты в виде поселений, острогов, городов. Одним из них был город Гижигинск, чья история началась с основания М. Стадухиным зимовья в устье р. Гижиги в 1651 г. [Бурыкин, 2015, с. 31] и закончилась его сожжением в связи с эпидемией в 1927 г. [ЦГА РСФСР ДВ. Ф. Р-2348. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–25].

В 1752 г. была построена Гижигинская крепость, где располагался значительный по тем временам казачий гарнизон численностью 77 чел. После переселения части жителей уничтоженного Анадырского острога население крепости увеличилось: в 1773 г. здесь проживало 672 чел., из них 474 казаков [Вдовин, 1995, с. 78]. До 1812 г. одна рота Камчатского батальона числом более 200 солдат и казаков постоянно находилась в Гижигинске. В 1812 г. «для уменьшения казенных издержек» было оставлено не более 100 казаков при пяти урядниках [Шаховской, 1822, с. 290].

Казаки гижигинской команды состояли из сибиряков – выходцев из Томска, Тобольска, Енисейска, Красноярска, Иркутска и Якутска [Козлов, 2002, с. 4]. Позже казачье сословие формировалось от браков казаков с женщинами местных народностей. Последующие поколения смешанных потомков говорили на русском языке с добавлениями слов из других языков местного населения. В XVIII–XIX вв. все они были в родстве с местными жителями, поэтому в дальнейшем отношения казаков с местными аборигенами носили характер взаимной доброжелательности, товарищества и взаимопомощи. Оторванные от основной массы русских, гижигинцы не признавали себя русскими; они считали русскими только прибывших из России; про себя же говорили, что «мы не русские, а гижигинцы». В то же время гижигинцы никогда не отождествляли себя с коренным населением [Гурвич, 1966, с. 191].

Первоначально в крепости находились командирский дом и казармы, все остальные жилые дома и постройки находились за пределами крепости. Солдаты регулярной армии

и вновь прибывшие казаки жили в казармах, которые отапливались с помощью печей. Из опасения пожаров категорически запрещалось топить печи летом; пища готовилась в специальных домах – поварнях, расположенных на берегу реки. Дома казаков, постоянно проживающих в Гижигинске, находились за пределами крепости. Эти казаки не входили в состав регулярного войска, не проходили специальной военной подготовки; проживали со своими семьями [Вдовин, 1995, с. 82].

Обязанностями казаков были: охрана территорий Российской империи, сбор ясака с местных аборигенов, торговля, налаживание взаимоотношений с местным населением [Вдовин, 1995, с. 78–80]. В свободное от службы время казаки, имевшие упряжки ездовых собак, перевозили товары, принадлежащие купцам, а также пассажиров, почтовый груз, дрова.

Жалованье и продовольственный паек хлебом, крупой и солью не обеспечивали необходимых потребностей семьи [Сафронов, 1978, с. 81], и большую часть времени казаки занимались хозяйством. Земля здесь была практически не пригодна для земледелия; в исключительных случаях у казаков был небольшой огород, где выращивали неприхотливые к условиям местности овощи – картофель, редис, капусту [Дитмар, 1901, с. 423; Вдовин, 1995, с. 79]. Морские животные играли большую роль в жизни и быту населения: мясо нерпы, кита употребляли в пищу, шкуры шли на пошив одежды, обувь, ремней, а жир – на освещение домов. Охотились совместно с оседлыми коряками с помощью ружей, копий, сетей [ГАМО. Ф. Д–24. Оп. 1. Д. 1. Л. 10]. Главным продуктом была рыба, которую добывали неводами, сетями, запорами и заготавливали – складывали в амбары, специальные ямы; осенняя рыба замораживалась [ГАМО. Ф. Д–24. Оп. 1. Д. 1. Л. 9]. В голодные годы кочующие коряки и эвены помогали казакам мясом, шкурами для одежды, часто за малую плату. В свою очередь гижигинцы снабжали оленеводов металлическими изделиями своего производства. Носили казаки купленную у местного населения одежду (кухлянки, торбаса) [Вдовин, 1995, с. 79].

Период с 1775 по 1800 гг. был успешным для города. Торговля и обмен пушниной с местным населением привлекали сюда из центральной России торговых людей. Около крепости нахо-

дились кочевавшие коряки с бесчисленными табунами оленей, которые «доставляли оной изобилие во вкусном оленьем мясе и мехах... довольство вещей и самого золота везде было приметно... от изобилия во всем большая часть жителей носили шелковые рубашки... перчатки, комнатные олени сапоги украшали золотым и серебряным шитьем. Казаки имели на кухлянках стоячие собольи воротники, на их подолах бобровую опушку. Все без исключения привыкли к чаю» [Шаховской, 1822, с. 288, 293]. Ж. Лессепс в 1788 г. отмечал, что меха были обработаны на высоком уровне; мастера привозили специальные инструменты из Европы и шили перчатки, чулки и другие предметы одежды, которые отличались от европейских только более высоким качеством [Лессепс, 1801–1802, с. 150].

Особое внимание в Гижигинске уделялось обучению казачьих детей: в 1780 г. функционировала навигационная школа, в 1785 г. – казачья школа с числом учащихся около 40. Через десять лет она была переименована в казачье училище. В 1809 г. обучающихся российской грамоте казачьих детей от 6 до 17 лет насчитывалось 47 [Козлов, 2002, с. 5].

В конце XIX в. население г. Гижигинска и его окрестностей терпели лишения и голод, часто из-за «недохода» или малого количества рыбы [Слюнин, 1900, с. 82]. Голод 1880 г. истребил почти все местное население южной части Гижигинского округа [Слюнин, 1900, с. 84].

В целом же уклад гижигинских казаков, как и других казаков на Северо-Востоке Сибири [Зуев, 2009, с. 333], был адаптирован к суровым условиям места проживания и не всегда достаточному снабжению региона правительством. Основу их жизнеобеспечения составляли охота, рыболовство, собирательство; предпринимались попытки занятий земледелием и разведением скота. В пищевом рационе присутствовали рыба, мясо оленя, морских животных, выращиваемые овощи. Основной тип жи-

лица – русская бревенчатая изба (в том числе и без традиционных русских печей); по русскому образцу была построена церковь; о наличии традиционных русских бань данных нет.

*Научный руководитель – И. Ю. Понкратова
канд. ист. наук, профессор РАЕ
доцент кафедры всеобщей истории
и истории России*

Северо-Восточный государственный университет

Список литературы

- Бурыкин А. А.* Михаил Стадухин – первооткрыватель Охотского побережья: судьба землепроходца и история его открытий // Магаданский краевед. – Вып. 1. – Магадан: Охотник, 2015. – С. 18–36
- Вдовин И. С.* Гижига – город-крепость на Северо-Востоке России // Памятники, памятные места истории и культуры Северо-Востока России. – Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1995. – С. 78–82
- ГАМО. Ф. Д–24. Оп. 1. Д. 1
- Гурвич И. С.* Этническая история Северо-Востока Сибири. – М.: Наука, 1966. – 275 с.
- Дитмар К.* Поездки и пребывание на Камчатке в 1851–1855 гг. – СПб., 1901. – 758 с.
- Зуев А. С.* Русские на Крайнем Северо-Востоке Сибири в XVII – начале XX в.: от адаптации к изоляции и архаизации культуры // Проблемы истории, филологии, культуры, 2009. – № 03 (25). – С. 332–337
- Козлов А. Г.* Все начиналось с крепости // Магаданская правда, 2002. – 3 апр. – С. 4–5.
- Козлов А. Г.* Город Гижигинск: 143 года истории // Магаданская правда, 2002. – 16 апр. – С. 5
- Лессепс Ж.-Б.* Лессепсово путешествие по Камчатке и по Южной Сибири, в 3-х ч. – М.: Губернская типография А. Решетникова, 1801–1802. – 254 с.
- Митрополит Нестор.* Моя Камчатка: записки православного миссионера. – Петропавловск-Камчатский: Камч. печ. двор: кн. изд-во, 2003. – 198 с.
- Сафронов Ф. Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в.: Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. – М., 1978. – 258 с.
- Сильницкий А. П.* Поездка в северные округа Приморской области. – Хабаровск: тип. Канцелярии Приамур. ген.-губернатора, 1902. – 187 с.
- Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание (1 том). – СПб., 1900. – 694 с.
- ЦГА РСФСР ДВ. Ф. Р–2348. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–25
- Шаховской А.* Известия о Гижигинской крепости // Северный архив. – СПб., 1822. – Ч. IV. – С. 283–312 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://starielnigi.info/Zhurnaly/SA/SA_1822_04_nom_22.pdf. (дата обращения – 01.06.2018)

About the Development of the Okhotsk Coast in the XVII-XIX centuries (the Way of Life of Gizhiginsk´ Cossacks)

T. S. Ugozhaeva

The way of the life of the Gizhiginsk´ Cossacks in the XVII – XIX centuries, as well as other Cossacks in the North-East of Siberia, was adapted to the hard conditions of the place of residence and not always sufficient supply of the region by the government. The basis of their life support was hunting, fishing, gathering. The food ration consisted of fish, deer meat, marine animals and vegetables. The main type of dwelling was Russian log huts.

Keywords: Gizhiginsk, Cossacks, way of life, hunting, fishing, gathering

Угожаева Татьяна Сергеевна

студентка 4-го курса

Северо-Восточный государственный университет,
Магадан

e-mail: ponkratova1@yandex.ru

Ugozhaeva Tatyana Sergeevna

4th year student

North-Eastern State University,
Magadan

e-mail: ponkratova1@yandex.ru

Петроглифы Сары-Кобы (Юго-Восточный Алтай)*

А. У. Урбушев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

*Работа подготовлена в рамках проекта госзадания Минобрнауки РФ «Хозяйственная и социальная адаптация человека к природно-климатическим условиям Алтайских гор во второй половине голоцена» (№ 33.1971.2017/ПЧ)

Наскальное искусство – одно из первых проявлений чувства прекрасного в мировой истории человечества, через которое можно не только понять чувства и эмоции художника в древности и Средневековье, но и реконструировать различные багальные, охотничьи сцены, а также мировоззренческую сторону жизнедеятельности населения той или иной области его обитания.

На протяжении двух полевых сезонов 2017 и 2018 гг. совместной экспедицией Горно-Алтайского государственного университета и Государственного Эрмитажа в Улаганском районе Республики Алтай, в 1,5 км к юго-востоку от окраины с. Балыктуюль, проводились археологические раскопки – в небезызвестном для российской и мировой археологической науки урочище Пазырык, на Пятом Пазырыкском кургане одноименной пазырыкской культуры [Полевое исследование..., 2018]. Помимо раскопок на протяжении того же времени велись разведывательные работы по обнаружению и фиксации памятников наскального искусства в урочище Сары-Кобы, располагающемся на правом берегу реки Большой Улаган неподалеку (в 0,7 км южнее) от Пазырыка.

В самом Улаганском районе исследования памятников наскального искусства, по сравнению с некоторыми другими районами республики, проводились крайне редко, не говоря уже и про памятники Сары-Кобы. В 1968 г. местный краевед и лектор В. Ф. Чумакаев стал первым, кто начал здесь заниматься изучением петроглифов с научным подходом. Он подробно фиксировал рисунки с точным их местонахождением, после чего весь собранный материал отправлял в Ленинград к С. С. Сорокину для публикации [Сорокин, Чумакаев, 1971]. К сожалению, сейчас, исходя из опубликованных материалов того времени, сложно сказать, какие из зафиксированных нами петроглифов были задокументированы В. Ф. Чумакаевым.

В 1980 г. в рамках археологических разведок в Улаганском районе на этом же памятнике проводит работы по изучению петроглифов археолог из Эрмитажа Л. С. Марсадолов. Здесь он обнаруживает два местонахождения петроглифов (Балыктуюль III и IV) и относит их по стилистическим особенностям к эпохе поздней бронзы [Марсадолов, 2003, с. 99–101]. Странно, что изображение горного козла Л. С. Марсадолов

опубликовал отдельно от других зооморфных изображений, которые располагались в группе.

В последующие годы в Улаганском районе фиксацией наскальных изображений занимались такие исследователи, как А. С. Васюгин, Ю. Т. Мамадаков, В. А. Кочеев, А. М. Илюшин, В. Н. Елин, В. Д. Кубарев и др. [Кубарев, Маточкин, 1991].

В результате наших разведок последних двух лет было выявлено в общем 41 местонахождение (8 пунктов в первый год, 33 – во второй) наскальных изображений, располагающихся на разных участках склона разрозненно. На каждом местоположении петроглифов проведена фотофиксация и получены GPS-координаты. Сами плоскости с рисунками (прочерченные и выбитые) в большинстве своем имеют патину, обильно поросли лишайниками, разрушены.

Большую часть рисунков сложно отнести к какому-либо периоду или хотя бы датировать в более или менее узких временных рамках, так как техника и стиль выполнения этих рисунков, так называемый «сквозной» стиль [Шер, 1980, с. 238], существовали на протяжении многих десятков веков. Например, то же выбитое схематичное изображение горного козла могло наноситься с эпохи раннего железного века и до этнографического периода. Но все же стилистические особенности некоторых петроглифических изображений прослеживаются, вследствие чего появляется возможность не только датирования в рамках определенного отрезка времени, но и их культурной привязки.

К самым древнейшим рисункам с большой долей вероятности можно отнести изображения быков со специфическими рогами, в некоторых случаях со смыкающимися концами, образующие некоторое подобие кольца; горных козлов, выполненных в «сетчатой» («скелетной») манере. Подобные изображения животных встречаются на других памятниках на территории и Горного Алтая и соседних регионов – Тувы, Кемерово, Монголии и др. [Кубарев, 2010, с. 61–62]. Следующим периодом, которым датируются по стилистическим особенностям звериного стиля небольшая часть петроглифов, является скифский. На Сары-Кобы имеется зооморфное изображение оленя(?), которое «застыло» в динамичном полете во время скачки. Круп

животного передан особенно выразительно. Рисунок, к сожалению, частично покрыт лишайниками, а плоскость имеет значительную деградацию поверхности (рис. 1). На одном местонахождении на нескольких вертикальных плоскостях выгравированы лошади с торчащими над шеей зубцами (подстриженная грива?), у одной прослеживается узда. Такие особенности изображения характерны для петроглифов тюркской эпохи [Окладникова, 1988, с. 152], но из-за небольшого количества особенностей и немного схематичного стиля фигуры их скорее можно отнести к предтюркскому времени [Кубарев, 2011, с. 56]

Рис. 1. Зооморфные фигуры в скифском зверином стиле

Во всем многообразии наскальных рисунков большое их количество приходится на этнографические: шаман с бубном, совершающий ритуальный обряд, зооморфные и антропоморфные изображения, различные геометрические фигуры. Немало также современных надписей, инициалов и рисунков, из которых иные нанесены прямо поверх древних петроглифов.

Таким образом, обширный и разновременный памятник наскального искусства Сары-Кобы представляет значительный интерес: ведь рядом находятся Балыктуюльское могильное поле и Пазырыкский могильник – памятники, где располагаются огромные курганы пазырыкской, гунно-сарматской и тюркской культур. Планиграфия расположения между этими памятниками, а также между разновременными петроглифами, и выявление определенных связей могут пролить свет на мировоззренческие и социокультурные аспекты отношения последующих культур к предшествующим, проследить некую культурную преемственность.

*Научный руководитель – Н. А. Константинов
канд. ист. наук
старший научный сотрудник
Музейный комплекс
Горно-Алтайский государственный университет*

Petroglyphs of Sary-Koby (South-Eastern Altai)

A. U. Urbushev

This paper presents the results of field survey at the Sary-Koby site in the Ulagan District of the Altai Republic, conducted by Gorno-Altai State University in 2017 and 2018 years. In the course of the research were studied rock carvings situated in 41 different points. Petroglyphs are made in various ways (picking and engraving) and dating from bronze age to ethnographic time. Most of figures there are animals (mountain goats, deers, bulls, etc.).

Keywords: petroglyphs, Altai, bronze age, Scythian style, Turkic time, ethnographic time, picking, engraving.

Урбушев Айдын Урматович
магистрант 1-го года обучения
Казанский (Приволжский) федеральный университет
e-mail: aidurbushev@yandex.ru

Список литературы

- Кубарев В. Д.* Петроглифы Калбак-Таша I. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 444 с.
- Кубарев В. Д., Маточкин Е. П.* Петроглифы Алтая. – Горно-Алтайск, 1992. – 123 с.
- Кубарев Г. В.* Гравировки на плитах из раннетюркских оградок в урочище Ак-Кообы на Алтае // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Материалы международной научной конференции. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – Т. 2. – Вып. VIII. – С. 54–59
- Марсадалов Л. С.* Наскальные изображения периода поздней бронзы из Улаганского района (Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы регион. науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2003. – Вып. 13. – С. 99–102
- Окладникова Е. А.* Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронологии) // Материальная и духовная культура народов Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 140–158
- Полевое исследование внутримогильных конструкций Пятого Пазырыкского кургана на Алтае (предварительное сообщение) / Н. А. Константинов, В. П. Мыльников, Е. В. Степанова, Н. А. Васильева // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 275–279*
- Сорокин С. С., Чумакаев В. Ф.* Наскальные изображения в районе Пазырыка // Ученые записки ГАНИИЯЛ. – 1971. – Вып. X. – С. 140–146
- Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Urbushev Aidyn Urmatovich
1st year Master course
Kazan (Volga Region) Federal University
e-mail: aidurbushev@yandex.ru

Металлические зеркала из погребений XII–XIV вв. Пононья

З. Ч. Ухинов

*Иркутский государственный университет, НИЦ «Байкальский регион»
Музей истории города Иркутска, филиал «Дом ремёсел и фольклора», Иркутск*

В настоящей работе представлены металлические зеркала из погребений XII–XIV вв. бассейна р. Онон, на территории России. Во 2 пол. XX века разными исследователями было обнаружено 13 металлических зеркал.

Могильник **Чиндант**, 1965 г., исследователь И. В. Асеев.

1) погребение № 6. Зеркало (ø 97 мм) с остатком отломанной ручки, находилось в центре деревянной колоды. Рельефно выполненный сюжет, с участием двух фигур людей под деревом, по центру птица, слева олень, окруженные растительностью [Кочевники Забайкалья..., 1984, с. 53]. Название сюжета и аналогия: «Зеркало с изображением Бессмертного, оленя и других персонажей» [Китайские бронзовые зеркала..., 2017, с. 121, 422].

2) погребение № 11. Зеркало (ø 90 мм) с остатком сломанной ручки, находилось у правого виска погребенного, ближе к стенке деревянной рамы [Кочевники Забайкалья..., 1984, с. 55]. С рельефным изображением двух человеческих фигур, птицы и черепахи. Данный сюжет на зеркале называется «Изображение божества Большой Медведицы» [Лубо-Лесниченко, 1975, № 232, рис. 86]. Также имеется другое название: «Изображение Бессмертного, журавля и других персонажей» [Китайские бронзовые зеркала..., 2017, с. 258–259, 418–421].

Могильник **Уламы**, 1966 г., исследователь Р. Н. Ступников.

3) погребение № 4. Зеркало (ø 52 мм) находилось под правым локтем погребенного. Зеркало с узкой петлей и с рельефным изображением в виде цветка (астра?). Бортик выпуклый узкий [Ступников, 1966, с. 19]. Аналогия: «Зеркала с изображением цветка хризантемы» [Китайские бронзовые зеркала..., 2017, с. 141–142].

4) погребение № 5. Выше левого локтя у груди погребенного находилось зеркало (ø 107 мм), под ним сохранились остатки шелковой ткани с вышитым узором, возможно от сумки. Зеркало имеет основание от обломанной ручки шириной 23 мм. Тыльная сторона имеет 6-мм ободок, внутренняя сторона которого представляет восьмилепестковый цветок, внутри ободка изображена сцена с двумя фигурами под деревом [Ступников, 1966, с. 20]. Рельефное изображение нечёткое, поэтому трудно определить сюжетную сцену. Возможна аналогия с зеркалами с изображением двух мудрецов.

5) Одинокое погребение **возле с. Кулинда**, 1968 г., исследователь Р. Н. Ступников. Зеркало (ø ~110 мм) с шишкой-петлей в центре, находилось у правого предплечья погребенного. На зеркале изображены две рыбы, устремленные друг за другом. Зеркало разломано пополам [Ступников, 1968, с. 7]. Аналогия: «Зеркала с изображением двух карпов на фоне волн» [Китайские бронзовые зеркала..., 2017, с. 235–242, 405–407].

Могильник **Малая Кулинда**:

6) погребение № 1, 1968 г., исследователь Р. Н. Ступников. Зеркало (ø 94 мм) с узкой петлей и с растительным орнаментом, находилось выше левого плеча погребенного [Ступников, 1968, с. 3]. Качество литья плохое, рельефное изображение нечёткое, от зеркала отломан кусок, отсутствовавший в погребении.

7) погребение № 1, 1980 г., исследователь Е. В. Ковычев. Зеркало (ø 98 мм) находилось возле черепа погребенного, с правой стороны. Зеркало с шишкой-петлей, с широким бортиком, было сломано на неравные части [Ковычев, 1980, с. 22]. Орнаментальное поле: на переднем плане мальчик с ослом, стоящий на берегу; за ним мужская фигура; слева две женщины, выходящие на берег; справа – изгородь; сзади – дерево. Данное зеркало относится к типу «Зеркало с изображением мальчика и осла» [Лубо-Лесниченко, 1975, №219, рис. 85]. Также известны другие названия сюжета: «Лю И и дочь дракона, владыки озера Дунтинху» [Китайские бронзовые зеркала..., 2017, с. 255, 414–417]; «Сцена из легенды о Лю И» [Металлические зеркала..., 2011, с. 108].

8) погребение №15, 1980 г., исследователь Е.В. Ковычев [Ковычев, 1980, с. 38]. Зеркало (ø ~90 мм) находилось слева от бедренной кости погребенного. Зеркало сломано на три части, самый маленький кусок отсутствовал в погребении. Зеркало имеет широкий бортик, затем идет поясок прямых линий, далее надпись из китайских иероглифов, сильно потертая, что затрудняет их прочтение. На бортике имеется нацарапанная надпись из двух рун. Вокруг шишки-петли изображены различные завитки, козел, птица, тигр и дракон. Данное зеркало относится к типу «Зеркало с изображением противостояния тигра и дракона» [Китайские бронзовые зеркала..., 2017, с. 172].

9) погребение № 27, 1980 г., исследователь Е. В. Ковычев [Ковычев, 1980, с. 48]. Зеркало (ø

100 мм) находилось у правой плечевой кости, прислонённое к стенке деревянной рамы. Зеркало с шишкой-петлей, широким бортиком и орнаментом, составленным из четырех китайских иероглифов «Цзя-чан-гуй-фу», четырех пар птиц, разделенных шишечками с основаниями. Перевод иероглифов: «Пусть в доме всегда будет богатство и знатность» [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 109]; «Пусть вашей семье всегда сопутствует долголетие, благородство и богатство» [Николаев, 2008, с. 187].

10) погребение без номера, 1995 г., исследователь О. И. Кириллов. Зеркало (ø 80 мм) имеет тонкий невысокий бортик, затем две тонкие линии, в центре шишка-петля, вокруг которой расплывчатый орнамент из фигур и растений. В целом рельефное изображение нечеткое, и трудно определить сюжетное составляющее зеркала.

11) погребение без номера, год неизвестен. Зеркало имеет тонкий невысокий бортик, затем по кругу идут иероглифы, сильно стёртые. В центре шишка-петля, вокруг которой рельефный орнамент, не чёткий. Плохое состояние и качество литья не позволяют определить сюжет изображения. Зеркало было сломано пополам, ø ~100 мм.

12) Одиночное погребение оз. Ножий, 1987 г., исследователь Е.В. Ковычев. Зеркало (ø 63 мм) находилось возле левого плеча погребенного в тканевой сумочке. Зеркало с шишкой-петлей, широким бортиком и орнаментом в виде цветка (астра?). Данный орнамент зеркала аналогичен зеркалу с цветком из погребения № 4 могильника Уламы, но по размеру больше и по качеству литья лучше.

13) Могильник Ранет-I, погребение № 1, 1990-е гг, исследователь А. Лоскутников. Зеркало (ø 98 мм) находилось возле левого плеча в кожаной сумочке, обшитой войлоком [Ухинов, 2014, с. 220]. Зеркало типа «Цзя-чан-гуй-фу», аналогично зеркалу из погребения № 27 Малой Кулинды.

Все данные зеркала круглой формы, у трех имелись ручки, но были сломаны и в погребениях не обнаружены. Пять зеркал найдены сломанными, в двух случаях отсутствовали куски. Это свидетельства проведения обряда уничтожения зеркала. Отсутствие ручек и частей зеркала, возможно, объясняется тем, что их могли забрать родственники умершего. Монголы применяли «бронзовые» зеркала в повседневной жизни и в погребальной практике. Зеркала носили в сумочках или подвешивали на веревочке за пояс. В погребении зеркала устанавливали возле головы (3 шт.) или рядом с торсом (8 шт.). Зеркала являлись статусной вещью. Судя по сопроводительному инвентарю все погребения были женские. Можно предположить, что у средневековых монголов Поононья «бронзовые» зеркала были женской атрибутикой.

Список литературы

Китайские бронзовые зеркала. Корпус случайных находок / Оборин Ю. В., Савосин С. Л. – Электронное издание. Красноярск – Москва, 2017. – 527 с.

Ковычев Е. В. Научный отчет о полевых исследованиях в зоне строительства и затопления Харанорской ГРЭС в 1979 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН – Ф-1, Р-1, 7823. 112 л.

Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья / Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. – Новосибирск: Изд-во «Наука» Сибирское отделение, 1984. – 201 с.

Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. – М., 1975. – 170 с.

Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета) / Тишкин А. А., Серёгин Н. Н. – Барнаул: Азбука, 2011. – 144 с.

Николаев В. С., Масумото Т., Кустов М. С. Бронзовые зеркала из Ангарской долины // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2008. – Вып. 6. – С. 184–193

Ступников Р. Н. Научный отчет об археологических изысканиях в бассейне р. Онон в 1966 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН – Ф-1, Р-1, 3257. 38 л.

Ступников Р. Н. Отчет об археологических разведках по р. Онон Читинской области в 1968 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН – Ф-1, Р-1, 3724. 36 л.

Ухинов З. Ч. Погребальные комплексы монголов первой половины II тыс. в Поононье // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайский гос. ун-т, 2014. – С. 216–223

Metallic Mirrors from Burials XII-XIV c.c. in the Onon River Basin

Z. Ch. Ukhinov

Presents metal mirrors from the burials of the XII-XIV centuries Onon river basin, on the territory of Russia. In the second half of the twentieth century, 13 metal mirrors were excavated by various archaeologists. Mongols used bronze mirrors in a usual life and burial rite.

Keywords: Metal mirror, bronze, burial, river Onon, mongols.

Ухинов Зорикто Чимитдоржиевич

стажер-исследователь

ФГБОУ ВО «ИГУ», НИЦ «Байкальский регион»

младший научный сотрудник

МБУК «МИГИ им. А.М. Сибирякова»

филиал «Дом ремёсел и фольклора»

e-mail: ukhinov@yandex.ru

Ukhinov Zorikto Chimtdorzhievich

research intern

Research Center «Baikal region»

junior researcher

Sibiryakov Museum of City History of Irkutsk

Branch «House of Crafts and Folklore»

e-mail: ukhinov@yandex.ru

Русская керамика XVIII–XIX вв. из сборов лесостепной зоны Новосибирской области

В. В. Цвелев

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

В последнее время возрастает интерес к археологии Нового времени, к культуре и быту первых русских в Сибири, включая керамику [Мельников 1996; Колонцов, Воробьев 2001; Бородовский, Горохов 2009; Балюнов 2018]. В рамках этой проблематики определен интерес представляют случайные сборы русской керамики. Целью работы является интерпретация результатов работы с керамическими комплексами русских деревень трактовой и нетрактовой полосы и выявление основных признаков и различий данной керамики.

В Новосибирской области собран подъемный материал в виде фрагментов венчиков керамики и целых сосудов. Подъемный материал представляет собой археологическую коллекцию, описание и анализ которой является основой данной работы. Всего насчитывается 125 фрагментов венчиков керамических сосудов с десяти старинных деревень Новосибирской области, пять из которых – трактовые, пять – нетрактовые.

Московский тракт в XVIII–XIX вв. представлял собой основную транспортную коммуникацию Сибири [Катионов 2008], на которой были сосредоточены наиболее крупные населенные пункты, имеющие выгодное стратегическое положение. Фрагменты керамики были собраны с таких поселений, как Кондусла, Карган, Форпост-Каргат, Каргатская Дуброва и Секты. Данные населенные пункты, расположенные в Барабе, упоминаются в письменных источниках с первой половины XVIII в. Другая территория, откуда происходят фрагменты керамики, – бассейн реки Иня в Новосибирском Приобье. Здесь, на расстоянии ста километров от тракта, в XVIII – XIX вв. было сосредоточено большое количество малодворных русских деревень. Материал собран с таких населенных пунктов, как Мотково, Изылы, Сухострелово, Ново-Изылинка и Завьялово. Данные населенные пункты фигурируют в письменных источниках с первой и второй половины XVIII в.

По морфологическим признакам на тракте можно выделить следующие типы: горшки, банки, миски, корчаги, жбаны, сковороды, солонки. На нетрактовых населенных пунктах можно выделить схожие типы. В общем в морфологических признаках данных керамических комплексов значительных различий не

наблюдается. Это говорит о доминировании традиционности в керамическом производстве, как в трактовых, так и в нетрактовых деревнях. На горшках присутствует нагар. Это говорит о том, что данные сосуды служили для приготовления пищи. Банки же использовались для хранения продуктов, на них нагар отсутствует. Крупных сосудов, таких, как жбан, прослеживается меньше всего. Можно предположить, что данные сосуды использовались для хранения муки и зерна.

Всю собранную керамику можно разделить на гончарную и лепную, большинство составляет гончарная. Можно сделать вывод о значительной части лепной керамики преимущественно в трактовых населенных пунктах. Изготовлена она как из цельных комков глины, так и методом спирально-кольцевого налёпа. При данном методе швы могли заглаживаться на примитивном гончарном круге или затираться вручную.

Стоит сделать предположения насчет значительной части лепной керамики на трактовых селениях. Крестьяне трактовой зоны Барабы могли производить керамику в домашних условиях, поскольку не имели средств на покупку качественной ремесленной. Гончарное ремесло могло приобрести более примитивный и второстепенный характер.

Керамика трактовых селений в значительной степени изготовлена из местных белых глин. Данный факт подтвержден экспериментально. Это позволяет говорить о местном керамическом производстве. В трех селениях по тракту, отстоящих друг от друга на 25 километров, найдены типовые гончарные фрагменты с одинаковым орнаментом в виде волнистых треугольников разных размеров. Фрагменты могут происходить из одной мастерской, изготовлены качественно, что позволяет говорить о присутствии некоторого местного ремесла.

В целом при сравнении техники производства керамики в селениях трактовой и не трактовой зоны можно сделать вывод о том, что значительная часть трактовой керамики – более грубая и толстостенная. Регресс гончарного производства наблюдается в значительной степени. Гончарная керамика из нетрактовой зоны – более тонкостенная и совершенная по технике. Данная керамика изготавливалась на хорошем гончарном круге из цельных комков

глины. На ней присутствуют более архаичные орнаментальные мотивы, что представлено ниже. Возможно, что тонкая керамика правильных форм является изначальной и традиционной в отличие от грубой и толстостенной керамики с тракта. Сосуды с архаичной орнаментацией и более совершенной техникой найдены в двух поселениях по реке Малые Изылы. Вполне возможно, что гончарная мастерская располагалась в одной из деревень по этой реке в XVIII – начале XIX в. Продукция, изготавливаемая крестьянином-ремесленником, могла быть предназначена для продажи в малодворных селениях по округе. Можно предположить, что точность и совершенствование гончарного ремесла являлись традицией крестьян той местности.

Орнаментированные фрагменты собраны как в трактовых, так и в нетрактовых селениях. На Московском тракте наибольшее количество орнаментированных фрагментов прослеживается в деревне Кондусла и убывает с запада на восток. Там же обнаружен целый грубый лепной горшок с прочерчиванием в виде перечеркнутых полос. Данный знак могли наносить по поверью от порчи продуктов. Также в деревне Карган найден фрагмент керамики в форме лотка. Венчик с двух сторон украшен чередованием штампа точки/насечки. Орнаментальные мотивы керамики с Московского тракта: волнистая линия, штамп точкой, штамп насечкой, треугольная волнистая линия, прочерченные треугольники. Данные типы орнамента могут происходить от местных деревенских мастеров, так как керамика достаточно грубая.

В бассейне реки Иня в нетрактовых деревнях количество орнаментированных фрагментов керамики убывает по селениям с востока на запад. На значительном расстоянии от тракта прослеживаются местные типы орнамента. Тем не менее классический славянский орнамент – волнистая линия – присутствует во многих населенных пунктах, как и на тракте. Больше всего орнаментированных фрагментов найдено в деревне Завьялово.

Интересны орнаментальные мотивы: косой гребенчатый штамп, S-образный горизонтальный гребенчатый штамп, солярный штамп, прямоугольный штамп точками. Остается вопросом происхождение орудий для нанесения данных типов орнаментов. Солярный штамп мог быть нанесен бронзовым украшением от конской упряжи. Данное украшение имеет восемь лучей, выполненных путем пропила. Тем не менее орудие для данного штампа могло быть вырезано из дерева. Также можно предположить, что данный штамп некое символическое значение. S-образный горизонтальный

штамп нанесен инструментом и, по-видимому, происходит от классической прочерченной волнистой линии.

Можно констатировать, что в XVIII–XIX вв. русские гончары на исследуемой территории придерживались традиционного уклада в производстве керамических сосудов. Также трактовая и нетрактовая керамика различаются по технике изготовления. Нетрактовая более совершенна и технологична по форме, что позволяет предположить, что совершенствование гончарного ремесла в отдаленных районах являлось традиционным явлением. Более грубая трактовая керамика свидетельствует о некоторых элементах регресса гончарного ремесла в связи с обилием товаров потребления и иным укладом жизни на Московском тракте, близким к урбанистическому. Это является весьма интересным и, с другой стороны, противоречивым наблюдением, из которого можно выдвинуть тезис о развитии гончарного ремесла в отдаленных от широких экономических связей малодворных сибирских деревнях. Вопрос о причинах этого явления требует дальнейших исследований.

Типы орнамента в значительном количестве могут иметь местное происхождение. Частично они происходят из деревень Московского тракта. Другие типы происходят из бассейна реки Малые Изылы в Приобье.

Дальнейшие сборы и исследования в этой области внесут существенный вклад в развитие археологии Нового времени.

*Научный руководитель – А. П. Бородовский
д-р ист. наук*

*ведущий научный сотрудник
Институт археологии и этнографии СО РАН
профессор
Институт истории, гуманитарного
и социального образования
Новосибирский государственный
педагогический университет*

Список литературы

Балюнов И. В. Тобольская керамическая посуда конца 16–17 века: опыт классификации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Том 17, номер 5: Археология и этнография. Новосибирск, 2018. С. 120 – 127

Бородовский А. П., Горохов С. В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН; НГПУ, 2009. – 244 с.

Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири в XVIII–XIX в. Новосибирск: «Немо Пресс»; 2008. – 371 с.

Колонцов С. В., Воробьев А. А. Материалы Усть-Тартасского форпоста // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып 3. С. 154–158

Мельников Б. В. Гончарная керамика археологических памятников Сибири 17 – 18 вв. // Керамика как исторический источник. Тобольск, 1996. С. 43–45

Russian Ceramics of the XVIII-XIX centuries from Collections in the Forest-Steppe Zone of the Novosibirsk Region

V. V. Tsveliov

The article deals with ceramic material originating from the forest-steppe zone of the Novosibirsk region, which belongs to the first Russians in this territory. The article focuses on a comparative analysis of individual characteristics of ceramics trakt villages with ceramics from not trakt. There is an attempt to reconstruct the processes and phenomena affecting the ceramic production in two different areas of the Novosibirsk region.

Keywords: ceramic material, Novosibirsk region, first Russians

Цвелев Владислав Викторович

студент 3-го курса

Новосибирский государственный педагогический университет

e-mail: Tsvelv@mail.ru

Tsveliov Vladislav Viktorovich

3rd year student

Novosibirsk State Pedagogical University

e-mail: Tsvelv@mail.ru

УДК 902/904

Антропоморфные фантастические персонажи этнографического времени в наскальном искусстве Минусинской котловины*

О. О. Шишкина, А. А. Орехова

Кемеровский государственный университет, Кемерово

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ
№ 33.2597.2017/ПЧ

Петроглифы – наскальные изображения, являющиеся особым видом археологических источников, – за последние десятилетия заняли прочное место в археологической науке. Одним из подходов в исследовании наскальных изображений является мифологический, так как за их художественной природой стоит глубокое содержание, отражающее мировоззрение тех эпох, в которые они были созданы [Шер, 1980, с. 257; Дэвлет М. А., Е. Г., 2005, с. 87]. Петроглифы могут представлять неизвестные или сильно отклоняющиеся от засвидетельствованных в письменных источниках версии мифа, стадияльно более ранние, более архаичские [Дэвлет М. А., Е. Г., 2005, с. 89].

На территории Минусинской котловины известно колоссальное количество наскальных изображений, среди которых нередко встречаются своеобразные антропоморфные персонажи с различными фантастическими признаками. К примеру, в эпоху ранней бронзы (окуневская культура) преобладают антропоморфные личины нереалистичного типа и фантастические антропозооморфные персонажи [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 45]. В период раннего железного века (тагарская культура) встречаются многочисленные образы мифических великанов [Советова, 2005, с. 89; Дэвлет М. А., Е. Г., 2005, с. 172] и др.

Фантастические антропоморфные образы встречаются и среди наскальных изображений более позднего времени – среди «народных»

(этнографических) рисунков (XVII–XX вв.) [Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 8–11]. Так, на плоскостях Сулекской писаницы изображения шаманов зачастую имеют весьма нереалистичный вид. Иногда их изображали в виде антропоморфной фигуры с головой хищной птицы, например, орла [Там же, с. 72]. На плоскости горы Хызыл-хая изображена сцена с животными и небольшой антропоморфной фигуры, у которой голова имеет двойное разветвление. По мнению исследователей, данный антропоморфный персонаж является олицетворением духа [Там же, с. 67].

Особый интерес представляют изображения с несколькими головами. Один такой персонаж был обнаружен на отдельной плите со склона горы Оглахты. На плите было выбито изображение антропоморфного шагающего существа, у которого обозначены кисти рук и ступни ног, а также отходят от единого туловища семь «голов» (рис. 1–1). На конце длинной шеи была помещена «главная», центральная голова в виде точки. Еще шесть точек-голов завершают отростки, отходящие от единой шеи. По мнению Л. Р. Кызласова и Н. В. Леонтьева, это изображение олицетворяет одного из персонажей сказок хакасов – «Кашея-бессмертного Чельбигена» [Там же, с. 73–74], что в целом перекликается с фольклором тюрко-монгольских народов Южной Сибири, в котором имеется семиглавый великан Делбеген, выступающий в свите

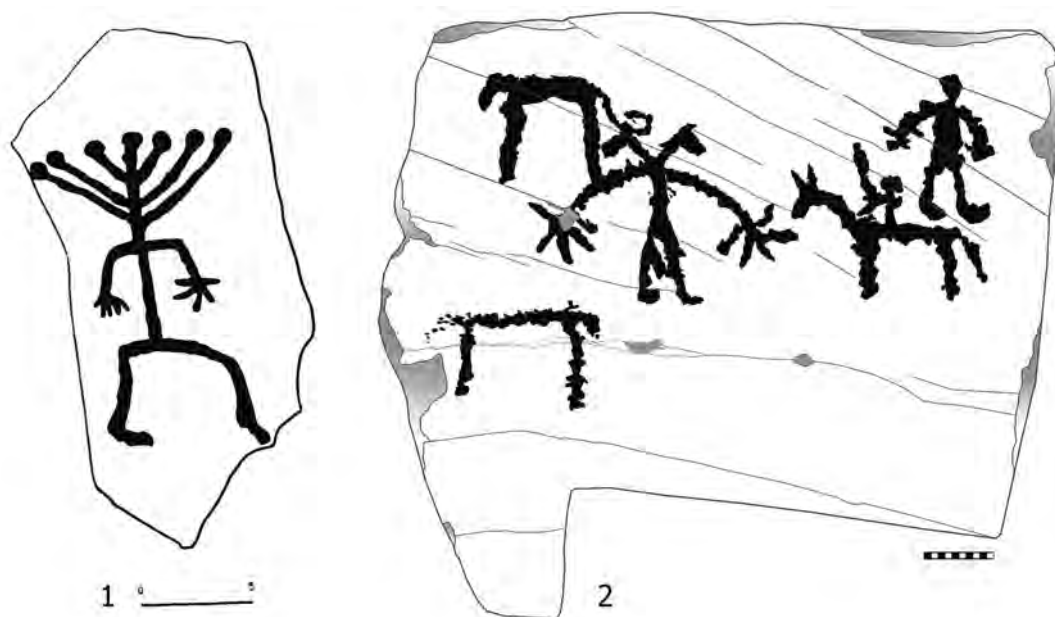

Рис. 1. Фантастические антропоморфные персонажи. 1 – Оглахты [по: Леонтьев, Кызласов, 1980]; 2 – Усть-Туба V (прорисовка авторов)

владельца подземного царства Эрлика [Дэ-влет М. А., Е. Г, 2005, с. 177].

Антропоморфный персонаж с двумя головами был зафиксирован участниками Тепсейского отряда КемГУ летом 2018 г. на горе Тепсей в пункте Усть-Туба V (по индексации Я. А. Шера). Центральное место на плоскости занимает двухголовое антропоморфное существо с гипертрофированными кистями рук с пятью пальцами на каждой, со ступнями, обращенными вправо (рис. 1–2). Головы у существа смотрят в разные стороны, – интересно то, что они «нечеловечьи», больше напоминают морды собак или коней (?). Центральную двухголовую фигуру окружают и другие персонажи: два зооморфных существа (скорее всего, собаки, так как у верхней фигуры обозначен закрученный хвост), антропоморфная фигура и всадник на коне с оружием в руках, который будто противостоит двухголовому существу. В той же манере выполнены изображения на соседней плоскости, на которой имеются семь антропоморфных персонажей с одной общей чертой – у всех на кистях рук выделено по пять пальцев.

В фольклорных произведениях тюрко-монгольских народов Южной Сибири и Центральной Азии нередко фигурируют многоголовые антропоморфные персонажи. В единоборство с семидесятипятиголовым Дарда-шара-мангатаем вступает Алтан-Шагай-мэргэн – богатырь из байкальской сказки. Множество великанов в преданиях и легендах разных народов наделены несколькими головами: двенадцатиглавый

мангыс, у которого вместо ногтей на пальцах ножи; девятиглавый кровожадный Андалва. Девять голов было у демона – персонажа тибетского эпоса, которого победил могучий охотник, прародитель людей страны Лиг. Мангус Айтигар Хан – персонаж монгольского сказания о Гесере был двенадцатиглавым.

Нередки именно двухголовые персонажи. Известно, что двухговыми селькупы изображали на коре деревьев персонажей, олицетворяющих духов и их двухглавость, а точнее, двуличность, позволяет видеть в них хозяина и хозяйку местности [Там же, с. 277]. Тувинские шаманы при камлании обращались к двухголовой покровительнице тайги [Вайштейн, 1961, с. 190]. В мифологии кетов известен злой мужской персонаж Доотэт. В сказках встречаются доотэты с двумя и более головами [Алексеенко, 2001, с. 95]. У алтайцев седьмого сына Ульгения изображали в виде двухголовой антропоморфной фигуры [Дьяконова, 1984, с. 49]. Двухговым, по мнению И. К. Феоктистовой, у автохтонных народов Сибири мог быть и образ духа-хозяина горы (горного батюшки) [Феоктистова, 2014, с. 128]. Что же касается «нечеловечьих» голов существа, то известно, что в хакасских преданиях присутствуют демонические создания «мохсагалы» – человекообразные существа, но с собачьими головами.

Таким образом, скорее всего на Тепсейской плоскости, как и на Оглахтинской плитке, изображен некий отрицательный, демонический персонаж, так как многоголовость чаще всего

связана именно с такими образами. Двухголовому чудовищу противостоит герой-всадник – сюжет нередкий в эпосе народов Южной Сибири. В отличие от оглахтинского, в котором удалось узнать великана Делбегена, тепсейское существо – скорее, некий собирательный образ, и может являться одним из демонов подземного мира. Очевидно, что образы «многоголовых» персонажей Тепсея и Оглахты были заимствованы из фольклорных произведений. Поэтому привлечение в качестве аналогий наскальным изображениям (особенно поздних эпох) материалов фольклора является весьма перспективным.

*Научный руководитель – О. С. Советова
д-р ист. наук,
профессор кафедры археологии,
директор Института истории
и международных отношений
Кемеровский государственный университет*

Список литературы

- Алексеев Е. А.* Мифы, предания, сказки кетов. – М.: Восточная литература РАН, 2001. – 344 с.
- Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы // Историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1961. – 218 с.
- Дьяконова В. П.* Этнические и историко-культурные связи народов Южного Алтая и Тувы // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1984. – С. 21–25
- Дэвлет М. А., Дэвлет Е. Г.* Миф в камне: Мир наскального искусства России. – М.: Алетейя, 2005. – 472 с.
- Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В.* Народные рисунки хакасов. – М.: Наука, 1980. – 147 с.
- Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н.* Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан: Хакаское книжное издательство, 2006. – 236 с.
- Советова О. С.* Петроглифы тагарской эпохи на Енисее. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. – 140 с.
- Феоктистова И. К.* Мотивы фольклора и мифологии автохтонных народов Сибири в образе горного батюшки (по материалам А. Мисюрёва) // Омский научный вестник. – Омск: ОмГТУ, 2014. – Вып. 1. – С. 127–129.
- Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Anthropomorphic Fantastic Characters of Ethnographic Time in the Rock Art of Minusinsk Basin

O. O. Shishkina, A. A. Orehova

This article is devoted to the study of the ethnographic petroglyphs of the Minusinsk Basin. Images of the Tepsey and Oglakhty mountains are of particular interest. On these monuments were found drawings of anthropomorphic creatures with several heads. The result has been traced the connection between the petroglyphs and the mythology of the peoples of South Siberia. It is determined that many-headed creatures personify the spirits of the lower underworld.

Keywords: Minusinsk Basin, petroglyphs, anthropomorphic characters, ethnographic time, fantastic creatures.

Орехова Анастасия Анатольевна

студентка 3-го курса

Шишкина Ольга Олеговна

Аспирант 1-го года обучения

Кемеровский государственный университет

e-mail orehova1998@bk.ru

e-mail: haruki.yoko@yandex.ru

Orehova Anastasia Anatolyevna

3rd year student

Shishkina Olga Olegovna

1st year postgraduate

Kemerovo State University

e-mail: orehova1998@bk.ru

e-mail: haruki.yoko@yandex.ru

АНТРОПОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ

УДК 393

Надмогильные сооружения якутов в советский период: традиции, трансформации, модификации

Е. Н. Дивдевилова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск

К концу XIX – началу XX вв. надмогильные сооружения подверглись значительной трансформации. Так, если раньше они могли достигать внушительных объемов, то с данного периода якуты стали сооружать надмогильные памятники в уменьшенных размерах. Меняются не только размеры, но и форма сооружений, а также методика изготовления, орудия, материал. Начинают использовать межгвоздевое соединение, металлические элементы. На многих надмогильных сооружениях под влиянием русского архитектурного стиля появляются отверстия, обрамления, двери, а сам памятник принимает вид небольшого домика с крышей, оградкой, надмогильным камнем.

В XX в., после установления советской власти, происходит дальнейшая трансформация надмогильных сооружений.

Судя по уже изученным памятникам, якуты поначалу старались не использовать большое количество железа. Данный материал как бы утяжелял душу покойника, да и железо в XVII–XVIII вв. не являлось ресурсом, доступным в огромных количествах. Только со второй половины XIX в. начинается повсеместное использование железа при постройке надмогильного сооружения и в изготовлении православного креста. А в XX в. железо становится одним из самых распространенных материалов изготовления.

Еще одним фактором трансформации надмогильных памятников стали официальные установки партийного руководства. После образования СССР государство стало превращать традиционные формы в символ идеологической политики. Так, вместо креста на надмогильные сооружения начинают устанавливать «коммунистические» символы — серп и молот. Также

в данный период наблюдается тенденция установления надгробий с фотографией умершего, без установки сооружения. Многие воздушные погребения были уничтожены намеренно. Так, в 1920–1930-х гг. надмогильное сооружение погребения Кыыс Унуога («Могила девушки») было сожжено с целью искоренения пережитков прошлого [Алексеев, Крюбези, 2012, с.19].

Позднее начинают действовать регламентированные санитарные нормы погребения, по которым, устанавливались нормы организации, способа погребения и т.д. Запрещалось устраивать кладбища близ водоемов; каждый гроб предписывалось зарывать в землю, причем на глубину не ниже 1,5 м от земной поверхности; искоренялись воздушные и наземные способы погребения.

В ходе полевых исследований 2016–2017 гг. было выявлено, что, несмотря на регламентированные правила погребения и отход от традиционных обычаев и устоев, погребальная практика якутов частично сохранилась. Это касается установки не надгробного памятника, как было распространено по всей территории СССР, а надмогильного домика, а также сохранения культурной памяти о том, что после годовщины смерти вход на кладбище был нежелателен. В некоторых районах, в частности в Верхоянском улусе, вплоть до сегодняшнего дня надмогильные сооружения имеют вид четырехугольных построек.

Для полного раскрытия темы мы приведем случай воздушного захоронения на территории Верхоянского улуса, которое датируется 1990 г. Так, традиция хоронить в арангасах сохраняется и по сегодняшний день: по материалам В. Е. Васильева, в 1990 г. в Верхоянском районе Якутии таким воздушным способом был захоронен

уроженец 1-го Энгинского наслега И. И. Потапов (1937–1990 гг.), который перед смертью завещал, чтобы его тело сожгли. Но администрация Верхоянска не дала согласие на кремацию, и тогда было решено захоронить усопшего на могильном лабазе. Родственники положили тело в обычный гроб и подняли на помост. Арангас теперь стоит на откосе террасы с ориентировкой с юга на север, а на противоположном берегу видно старинное якутское стойбище – ётёх. Помост установлен на нескольких срубленных лиственницах и столбах. На крепких перекладинах, вдетых в эти столбы, поставлен ящик из плах, который также имеет крепы в виде верхних перекладин. Под крышей из фанерных столбов лежат мешки с вещами. Дочь усопшего переживает, что арангас поставлен в неудобном месте, и в будущем планирует его перенести. С вершины горы видно, что основным ориентиром могилы служил г. Верхоянск [Васильев, 2011, с.128–129].

Подчеркнем, что на сельском кладбище над всеми погребениями поставлены надмогильные сооружения, которые можно датировать XX–XXI вв. Определенный интерес вызывает территория самого кладбища. В лесном массиве находится большое количество костей и шкур купного рогатого скота. Это свидетельствует о сохранении традиции забивания поминальной скотины, которая помогала покойнику перейти в загробный мир [Бравина, Попов, 2008, с. 177]. Но нельзя утверждать, что на каждой похоронной процессии забивали скот, можно предположить, что на кладбище, возможно, приносили уже умерших животных.

Еще один пример, иллюстрирующий сохранение традиционных обрядов захоронения у якутов. Так, в ходе сбора полевых материалов в 2017 г. информант сообщил о случае соблюдения правил погребения человека, умершего «плохой» смертью. В 1980-х г. в Таттинском улусе молодой человек совершил самоубийство через самоповешение, и его семья решила захоронить его ничком, т.е. животом вниз [Полевые материалы автора]. Именно таким положением тела, по данным исследователей, отличался похоронный обряд над людьми, умершими неестественной смертью. Данный обычай также был характерен и для захоронения шаманов, чтобы они не смогли встать со

своей могилы и беспокоить живых [Бравина, 2005, с.223]. На вопрос, где расположена могила этого человека, информант не стал отвечать.

Уже в конце XX в. появляется особый интерес к традиционной культуре. Так, в Центральной Якутии в Усть-Алданском районе в с. Соттинцы (70 км от г. Якутска) в 1980-х гг. был открыт Ленский историко-архитектурный музей-заповедник «Дружба», созданный по инициативе народного писателя и общественного деятеля Якутии Д. К. Сивцева – Суорун Омолона. В нем представлен ряд копий надмогильных построек и воздушных погребений XVIII в. Данный заказ выполнил народный мастер, зодчий Эрнст Александрович Алексеев, который на протяжении 40 лет занимается сборкой и установкой надмогильных сооружений, – в частности, типа чардаат. Этот музейный комплекс работает и по сей день. Уникальность его заключается в том, что именно он отражает традиционную модель мира якутов. В нем находятся не только разные типы надмогильных сооружений, но и жилищные постройки, и в целом представлена история и культура Якутского края на протяжении нескольких столетий.

XX век является наиболее ярким в отношении трансформации надмогильных сооружений. Именно в период советской власти мы наблюдаем резкий поворот в модификации погребально-поминальной практике якутов.

*Научный руководитель – Е. Н. Романова
д-р ист. наук, профессор
зав. сектором этнографии
народов Севера-Востока России
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН*

Список литературы

Бравина Р. И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса: На материале традиций саха / Р. И. Бравина. – Новосибирск: Наука, 2005. – 307 с.

Бравина Р. И., Попов В. В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). – Новосибирск: Наука, 2008. – 296 с.

Васильев В. Е. Этнографические этюды Верхоянья // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2011. – № 2 (3). – С. 125–130

Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологической экспедиции) [под ред. Э. Крюбези, А. Алексеева]. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012. – 226 с.

Полевые материалы автора. – Якутск, сентябрь 2017

The Tomb Structures of Yakutia in the Soviet Period: Tradition, Transformation and Modification

E. N. Divdevilova

In this paper, we consider the process of transformation of the «Yakut gravestones» in the Soviet period: how to change the appearance of the structures and the attitude of the people to the funeral rite.

Key words: Yakuts, gravestones, funeral rite, traditions, transformation, modification, cultural memory.

Дивдевилова Екатерина Николаевна

1-й год магистратуры

Северо-Восточный федеральный университет

им. М. К. Аммосова, Якутск

E-mail: alkatepivn@mail.ru

Divdevilova Ekaterina Nikolaevna

1st year of Master's degree

North-Eastern Federal University named after

M. K. Ammosov, Yakutsk

E-mail: alkatepivn@mail.ru

Типология оседлых памятников кочевников казахских степей*

А. Т. Дукомбайев

*Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
НИИ археологии им. К. А. Акишева
(Астана, Казахстан)*

*Работа выполнена в рамках реализации проекта «№ АР05133813 «Сакральный ландшафт Сарыарки в археологическом контексте: генезис, типология, семантика»

Постоянное взаимодействие двух групп населения на территории Сарыарки, общность их этногенетических процессов способствовали формированию близости культуры кочевого и оседлого населения, что устанавливают, как археологические, так и этнографические материалы по жилищу.

В кочевнической среде были распространены следующие типы жилищ.

Там уй – жилище из саманного или сырцового кирпича, наземное сооружение хозяйственно-бытового назначения, получившее наибольшее распространение в кочевой строительной практике [Казахи, 1995, с. 134]. Толщина кирпича от 10 до 20 см. Там уй имеет фундамент (из камня, щебня), окна (со стеклами в рамках или затянутые бычьим пузырем), иногда отверстие в потолке. Стены снаружи и изнутри оштукатурены и побелены. Кровля перекрывалась деревянными балками, которые сверху накрывались камышом, уплотнялись глиной и дерном. Жилище по длинной стене ориентировано по направлению ветра.

В планировке дома выделяются части: центральная, хозяйственная и жилая. В центральной устраивался вход с подветренной стороны. Центральная часть делилась на коридор и кладовую. В передней части жилища устанавливали печь, в которую вставляли котел-казан. Дым выходил из отверстия, проделанного в крыше. Слева от центральной, находилась хозяйственная часть. Проникновение в хозяйственную часть осуществлялось со стороны главного входа, был также черный выход на хозяйственное подворье, расположенное во внутреннем дворе – позади жилого строения. Оно предназначалось специально для того, чтобы выгонять скот.

Для центра и севера Казахстана характерно соединение хозяйственной и жилой частей под одной крышей. Описанный вариант домостроения объясняется резкоконтинентальным климатом регионов. Зимой, во время зимней вьюги и буранов, когда видимость становится практически нулевой, люди старались не покидать кров. В такое время человек мог спокойно позаботиться о домашних животных, находясь в стойле, примыкавшем к жилищу.

Жилая часть состояла из гостиной, кухни и двух спален. Между комнатами – гостиной и

спальной – стояла вторая печь, расположенная в стене [Дукомбайев, 2013, с. 465].

Строения типа там уй были распространены на территории Акмолинской и Павлодарской областей, где другие подручные материалы, кроме глины, отсутствовали. В ходе полевых обследований зимовок именно этот тип жилища хорошо фиксируется на поверхности (рис. 1, 2).

Деревянные дома (агаши уй) появляются в конце XVIII – нач. XIX вв., когда казахи стали перенимать технику и приемы домостроительства у переселенцев. В лесных местностях Северного, Центрального и Восточного Казахстана строили срубные дома: четырехугольные бревенчатые избы; пятиугольные жилища (*дукен*) (рис. 3)).

Жилище сооружали по большей части без фундамента, с маленькими окнами, расположенными высоко над полами. Кровлю такого дома чаще всего делали плоской, она поддерживалась одной или двумя балками, поперек укладывали жерди, которые застилали хворостом, камышом и сеном. Сверху крышу засыпали землей или укрывали дерновыми пластами. С течением времени широкое распространение получила полого-двускатная кровля, она сооружалась следующим образом: от центральной балки с легким наклоном на длинные стены укладывали бревна; высота ската зависела от диаметра срубной конструкции. Напольное покрытие было земляным, только в богатых домах настилали деревянные полы, причём нередко прямо на землю. В некоторых местностях Акмолинской области в жилищах половину комнаты занимал деревянный помост, на котором протекала вся жизнь обитателей дома [Казахи, 1995, с. 131].

Появление стационарного дома заложило основу для развития жилищно-хозяйственного комплекса, называемого исследователями терминами «двор» и «усадеб» [Турганбаева, 2009, с. 10]. Общеизвестно, что в конце XIX – нач. XX вв. у казахов бытовали 3 основных типа «усадеб»: 1) слитная; 2) с несомкнутыми, несвязанными постройками; 3) с открытым двором, по периметру которого размещались хозяйственные помещения [Турганбаева, 2009, с. 20].

Рис. 1. Там уй начала XIX в. (Архив НИИ археологии им. К. А. Акишева)

Рис. 2. Там уй в настоящее время (ПМА)

Преобладающей была слитная «усадьба». Исследователи называли ее также «закрытая» и «дом-усадьба», поскольку хоз. постройки (хлев, сарай, кладовая) примыкали к дому так, что боковая стена одного строения служила стеной для следующего (рис. 4). То есть жилой дом и скотные сараи, объединяли под одной крышей [Турганбаева, 2009, с. 10]. Подобные дома-усадьбы могли содержать под одной крышей до 10–12 помещений и сооружались в местах с суровыми климатическими условиями (в центральных, северных, северо-западных и восточных районах Казахстана).

Выход во внутренний двор был очень удобен; предохраняя от зимних ветров, он позволял ухаживать за скотом без лишней потери тепла, защищал от воров и волков [Казахи, 1995, с. 129]. Для сохранения тепла вход в помещение делали с подветренной стороны. Жилище своими длинными стенами ориентировано по направлению ветра, господствующего зимой. Развалины таких усадеб до сих пор хорошо фиксируются по берегам р. Ишим и ее притоков – группа зимовок Коянды [Научный отчет, 2009, с. 14–18].

Наметились два основных решения планировки усадеб: открытая просторная усадьба в южных районах – и закрытая, встречающаяся в центральных районах. Распространенным типом усадеб в степном крае Казахстана раньше были комплексы хозяйственных и жилых помещений под одной крышей с отдельным входом через закрытый обширный двор. Основная часть зимовок региона представлена подчетырехугольными либо продолговатыми четырехугольными конструкциями, ориентированными длинными сторонами, в большинстве случаев, по линии восток-запад, с небольшими меридиональными отклонениями.

Часто зимовки-усадьбы окружались валами и мелкими рвами – традиция, известная со времен Средневековья и распространенная в Северном и Центральном Казахстане: поселения Кабанбай батыр, Коянды II, Кировское II,

Рис. 3. Пятиугольные бреченчатые дома – дукен (фото из <http://www.vkoem.kz>)

Рис. 4. «Дом-усадьба» (фото из <http://www.vkoem.kz>)

Балталы II (Целиноградский р-он Акмолинской обл.); зимовка Ащису II (Акжарский р-он Северо-Казахстанской обл.) [Научный отчет, 2009, с. 14–18].

Исследование типологии оседлых жилищ требует дальнейших научных изысканий.

*Научный руководитель – М. К. Хабдулина
канд. ист. наук, доцент
директор НИИ археологии
им. К. А. Акишева*

Список литературы

Дукombaiev А. Т. К вопросу о типологии казахских зимовок // Актуальные вопросы истории развития Казахстана и становления казахстанской государственности. – Астана, 2013. – С. 465–469

Казахи. Историко-этнографическое исследование / Козыбаев М. К., Аргынбаев Х. А., Муқанов М. С. – Алматы: Казахстан, 1995. – 352 с.

Научный отчет комплексной этнографической экспедиции по Акмолинской обл. с 30 июня по 9 июля 2009 г. / Хабдулина М. К., Свиридов А. Н., Ярыгин С. А., Бектасов М. С., Бурханов Б. Б. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 43. – С. 14–18.

Турганбаева Л. Р. Архитектурно-пространственная организация системы традиционного казахского поселения: автореф. дис. ... доктора архитектуры. – Алматы, 2009. – 20 с.

Typology of Sedentary Monuments of Nomads of the Kazakh Steppes

A. T. Dukombaiev

The article is devoted to the typology of settled monuments of the Kazakhs. Some types of dwellings that were most common in the nomadic environment are highlighted. Tam uy – dwelling of adobe or brick, a ground structure for household purposes, the most widespread in the nomadic construction practice. Wooden house (agash uy) appear in the late XVIII–early XIX centuries when Kazakhs began to adopt techniques and techniques of homebuilding Russian immigrants. The emergence of a stationary house laid the Foundation for the development of housing and economic complex, called the researchers Russian terms «yard» and «manor».

Keywords: typology, dwelling of adobe or mud brick (tam uy), wooden house (agash uy), pentagonal dwellings (duken), house-estate.

Дукombaiev Азамат Талгатович

преподаватель кафедры евразийских исследований
Исторический факультет
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева

научный сотрудник

НИИ археологии им. К. А. Акишева

e-mail: dukombaiev_1992@mail.ru

Dukombaiev Azamat Talgatovich

lecturer at the Department of Eurasian Studies
Faculty of History

L. N. Gumilyov Eurasian National University

researcher

K. A. Akishev Institute of Archaeology

e-mail: dukombaiev_1992@mail.ru

УДК 397

Собака в религиозных обрядах и праздниках коряков в XIX – начале XXI вв.

Г. Д. Икевев

Северо-Восточный государственный университет, Магадан

Собаководство – неотъемлемая часть материальной и духовной культуры северных народов, в том числе и коряков. Собака была и остается незаменимым помощником коряку, она служит ему в упряжке для езды и перевозки грузов, в охоте на животных, в охране жилья [Икевев, 2017, 2018].

Анализ этнографических описаний XIX–XX вв. [Горбачева, 2004; Иохельсон, 1997; Кенан, 1896; Слюнин, 1900; Стебницкий, 2000 и др.], а также данных опросов современных коряков Северо-Эвенского района Магаданской области и собственных наблюдений (автор – пареньский коряк, 1987 г. р.) позволили выявить некоторые особенности использования собак в религиозных обрядах и праздниках коряков в XIX – начале XXI вв.

Во-первых, собака занимала особое место в представлениях коряков о загробном мире. Коряки верили, что на пути человека в «потусторонний мир» есть «собачий поселок», и когда человек идет в обитель мертвых, он обязательно должен пройти мимо него. Человека, который при жизни хорошо обращался с соба-

ками, собаки встречали там радостным воем, а на того, кто плохо с ними обращался, когда они ходили в упряжке, собаки бросались, начинали рвать, и для него стоило большого труда, чтобы пройти через «собачий поселок» в обители предков [Стебницкий, 2000, с. 218]. Перед кремацией всем умершим – мужчинам, женщинам и даже детям – специально для собак привязывали к рукаву покойного кусок юколы, чтобы они спокойно миновали «поселок». Для этого же поверх одежды на грудь клали и привязывали к поясу покойника «орудие, отгоняющее собаку», сделанное из двух тонких палочек длиной около 10 см, сложенных крестообразно и перевязанных в месте соединения ремешком, травой или красной нитью. Человека, который при жизни плохо обращался с собаками, они могли не пропустить дальше. Бросив юколу или деревянный крестик собакам, умерший получал возможность благополучно миновать преграду [Горбачева, 2004, с. 95]. От укусов собака должна была защищать и татуировка, наносимая на лицо еще при жизни [Горбачева, 2004, с. 97].

Во-вторых, собака считалась жертвенным животным, которого приносили в жертву, чтобы излечиться от болезней, избавиться от эпидемий или для охраны от вредоносных духов.

В конце XIX в. в большом количестве, особенно во время эпидемий и голодовок, убивали собак береговые коряки. Так, только в одном месте Дж. Кеннан был свидетелем принесения в жертву около 30 животных [Кеннан, 1896, с. 192]. Во время голодовки в с. Куэль «жители перебили всех своих собак..., покупали у казаков и тунгусов собак, отдавая последние свои пожитки или запасы нерпичьего жира, чтобы сделать новые жертвоприношения» [Слюнин, 1900, с. 388–389].

Жертвенную собаку убивали копьём, вешали на шест, верхний конец которого протыкал нижнюю челюсть животного. В селении Каменское на шестах вешались только головы жертв, в то время как их тушки (после того как снималась шкура собаки) отбрасывались в сторону. На шею жертвенных собак наматывали пучки морской травы, игравшей важную роль в обрядовом действии коряков. Рядом с трупом собаки привязывали копьё или стрелы [Горбачева, 2004, с. 64].

Даже крещеные коряки во время болезней родственников приносили в жертву собак. Во время эпидемий паланцы устанавливали около жилища деревянные копыя по направлению к дороге, откуда, по их мнению, шла эпидемия. На копьё надевали голову собаки. Иногда убитую жертвенную собаку коряки оставляли на земле, направляя мордой на запад, где, как они считали, обитали духи болезней [Горбачева, 2004, с. 64].

Корякские шаманы переселяли в собаку «душу» заболевшего человека. Собака после действий шамана умирала, а больной выздоравливал [Горбачева, 2004, с. 64].

Во время праздника, связанного с оленьим стадом, возвращающимся с районов летнего выпаса, коряки тоже приносили в жертву собак. Полагали, что олени могли везти с собой вредоносных духов, невидимо сопровождающих стадо, способных принести болезни и несчастья и нанести вред как людям, так и самим оленям. И во время этого праздника некоторые хозяева убивали свою собаку. Голову ее, отделив от туловища, надевали на воткнутую в землю палку или клали палку с головой собаки на землю, направляя на север или на восток [Горбачева, 2004, с. 37].

Жертвенные собаки своим воем должны были разбудить Верховное божество, которое убило бы нинвитов – виновников болезней [Jochelson, 1905, p.96]. Чтобы не вызвать гнев верховного существа, в жертву приносили лучших собак. Если видели во сне свою собаку, то считали, что она просится к Верховному боже-

ству, и собаку закалывали вместе с оленем тем же копьём. На спине собаки делали разрезы до ребер. Если видели во сне собаку соседа, то ему обязательно сообщали, и он таким же способом приносил свою собаку в жертву [Горбачева, 2004, с. 64].

В-третьих, собак использовали в похоронных обрядах. Например, для «очищения» жилища после выноса тела умершего. Так, гижинские коряки на место, где лежал труп, клали заколотую собаку, «чтобы оставшим смерть и поветрие не пришло, а чтоб оно на собаку обратилось». После возвращения с похорон убитую собаку убирала, а «место землей засыпали», так как «от свежей земли поветрия не опасаются» [Косвен, 1964, с. 291]. Иногда собаку привязывали на том месте, где покойник обычно спал ранее. Таким образом умершего человека как бы выселяли из жилища. При этом говорили: «Твое место занято, все духи ушли с тобой» [Горбачева, 2004, с. 103].

В середине XX в. собак забивали в нескольких случаях: а) умерщвляли жокака упряжки, т.к. он должен был «уйти» вместе с умершим хозяином; б) если собака являлась во сне воющей, то чаще всего ее забивали, так как считалось, что она отвечает на зов верховного божества; в) если собака не выполняла своих обязанностей при выпасе стада и неоднократно «разгоняла» оленей.

Коряки хоронили (сжигали) своих умерших в строго определенных местах и только там, где уже похоронен хоть один дальний родственник. Это объясняется тем, что после смерти люди селятся, так же как и при жизни, семьями, на исконно родных местах. Случалось так, что человек погибал, и нет возможности его похоронить рядом с «семьей». В таких случаях забивали его личную собаку. Этим собакам надлежало сопроводить душу умершего в края, где обитают его родные.

Что касается случаев поедания собак коряками, то, согласно В. И. Иохельсону «...коряки отрицают, что когда-либо ели собак, кроме случаев исключительных голодовок. Их мифы тоже с презрением говорят об обычае поедания собачьего мяса. Герои некоторых мифов смеются над Человеком-Вороном за то, что он ест собачье мясо и испражнения, что одинаково презренно. У коряков В. И. Иохельсон видел ободранных жертвенных собак, брошенных в тундре. Возможно, собаки жертвовались как ездовые животные или ради шкур, так как многие сибирские народы вешали на деревья шкуры пушных животных в жертву злым духам, а трупы выбрасывали [Иохельсон, 1997, с. 81].

Сегодня коряки не используют собак в обрядовой и праздничной деятельности – жертвоприношения практически полностью исчезли

из их жизни. Молодое поколение, выросшее в интернатах, воспитанное в школах районных центров, отдалено от традиций своих старших братьев, родителей и дедов. Но, согласно современным опросам, собака остается для коряков другом «по обе стороны жизни».

*Научный руководитель – И. Ю. Понкратова
канд. ист. наук,
профессор РАЕ, доцент,
Северо-Восточный государственный
университет*

Список литературы

Горбачева В. В. Обряды и праздники коряков. – СПб.: Наука, 2004. – 152 с.

Икевев Г. Д. Собаководство у коряков в XIX–XX вв. // Материалы IX Международной студенческой электронной научной

конференции «Студенческий научный форум–2017». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2017/2216/34156>

Икевев Г. Д. Содержание собак у коряков в XIX – начале XXI века // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. – С. 238–239

Иохельсон В. И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. – СПб.: Наука, 1997. – 238 с.

Косвен М. О. Из истории этнографии коряков в XVIII веке // Сибирский этнографический сборник. – IV, М., 1962. – С. 291–320

Кеннан Дж. Кочевая жизнь в Сибири (1864–1867): приключения среди коряков и других инородцев. – СПб.: Издание книгопродавца И. И. Иванова, 1896. – 384 с.

Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. – СПб., 1900. – 694 с

Стебницкий С. Н. Очерки этнографии коряков. – СПб.: Наука, 2000. – 236 с.

Jochelson W. The Koryak. Religion and Myths. Publication of the Jesup North Pacific Expedition // Memoirs of the American Museum of Natural History. – Leiden; New York, 1905. – P. I. – 384 p.

The Dog in the Religious Ceremonies and Events of Koryaks in the XIX – Early XXI Centuries

G. D. Ikevev

The Koryaks' beliefs in the other world were also associated with dogs. It is possible that faith in dogs guarding the world of the ancestors, left a mark on the attitude to the dog in everyday life. They tried to treat kindly with them. Sacrificial dogs «helped» to get rid of people from disease, to protect them from malicious spirits. Today Koryaks do not use dogs in ritual and events activities – sacrifices have almost completely disappeared from their lives.

Keywords: Koryak, dog, religious ceremonies, events, protect.

Икевев Геннадий Дмитриевич

студент 3-го курса

Северо-Восточный государственный университет, Магадан

mail: ponkratova1@yandex.ru

Ikevev Gennady Dmitrievich

3rd year student

North-Eastern State University
Magadan

mail: ponkratova1@yandex.ru

УДК 397

Куриательные трубки коряков (по данным этнографических источников)

И. В. Казимиров

Северо-Восточный государственный университет, Магадан

Куриательная трубка – изделие из дерева или другого материала, состоящее из головки с полостью для размещения табака, соединительной трубки и мундштука и предназначенное для курения трубочного табака [Куриательная...]. Считается, что табак являлся для коренных народов наркотическим веществом – обострял ум, давал заряд энергии, в больших дозах мог вызывать галлюцинации и видения [Tushingham et al., 2018].

Куриательные трубки – это часть материальной культуры северных народов, в том числе и коряков, являющихся коренным населением Севера Дальнего Востока России. Знание об использовании, традициях изготовления и украшения куриательных трубок помогает вы-

явить особенности культуры коряков, определить степень влияния на них других народов.

Об использовании коряками специальных трубок для курения известно из работ В. И. Иохельсона [1905, 1997], В. Г. Богораза [1991], Н. В. Слюнина [1990], И. С. Вдовина [1973] и др. Кроме того, в 2018 г. проводился опрос коряков, проживающих в Северо-Эвенском районе Магаданской области.

Неизвестно, когда коряки впервые начали использовать специальные приспособления для курения – в археологических источниках данных о куриательных принадлежностях коряков нами не обнаружено. Курение табака и использование куриательных трубок у коряков связывают с приходом в XVII в. на территорию их расселения

русских [Иохельсон, 1997, с. 113]. Не исключено, что коряки использовали трубки для курения и до этого, получая их в результате торговых связей с Китаем [Утагава, 1996, с. 71]. В. И. Иохельсон наблюдал у коряков китайские медные трубки, которые попали к корякам через купцов из Владивостока [Иохельсон, 1997, с. 113]. Могли попадать трубки к корякам и из Америки, где наиболее древние доказательства использования курительных трубок и употребления табака свидетельствуют о начале их использования около 1685 л. до н.э. [Tushingham et al., 2018].

Для изготовления курительных трубок коряки использовали рог горного барана, клык моржа, режу древесину и медь [Слюнин, 1990, с. 656–658; Вдовин, 1973, с. 88–89]. Рог барана и клык моржа отлично подходили для изготовления курительных трубок, так как имели схожую с ними форму, а также для прокалывания прямого отверстия, которое служило каналом для прохождения дыма. Трубки были различны по размерам – встречались экземпляры, которые достигали 60 см в длину и в силу своих размеров могли служить оружием. Привозные китайские трубки были комбинированными – изготавливались из металла и древесины. Мундштук таких трубок состоял из древесины, соединялся напрямую с чубуком и табачной чашей, которая была сделана из олова или меди [Богораз, 1991, с. 137].

Курительные трубки коряков состояли из мундштука, чубука и табачной камеры. На трубки из кости коряки наносили орнамент. Это могли быть изображения человека, например, рыбака или пастуха, или изображения животных, например, ездовой собаки, оленя, медведя и т.д. Иногда корякские косторезы наносили на свои курительные трубки по несколько изображений животных сразу. Чашечка трубки нередко оформлялась в виде человеческой головы со срезанной верхней частью черепа. Черенок украшался миниатюрными фигурками животных, птиц, пресмыкающихся. Иногда на черенке располагаются миниатюрные фигурки людей и сопровождающих их оленей и собак [Каплан, 1980, с. 84]. Мундштук также украшался костяными фигурками людей и животных – и также резьбой рельефного типа. Нанесение подобного орнамента являлось тонкой работой по кости и у коряков встречалось чаще, чем у чукчей, юкагиров, эвенов и т.д. [Богораз, 1991, с. 137].

Возможно, коряки изготавливали свои курительные трубки по образу завезенных извне, но из своих материалов, так как материал импортных трубок был мало пригоден в условиях мороза и сырости климатической зоны проживания коряков.

В начале XX в. В.И. Иохельсон отмечал, что «среди коряков встречалось мало куриль-

щиков, они употребляли табак они по-разному, в основном жевали и нюхали. Но были среди них и те, кто предпочитал курить табак». Курили табак в основном мужчины, очень редко можно было встретить курящую женщину или ребенка [Иохельсон, 1997, с. 113].

Сравнительный анализ корякских трубок с соседними с ними народами показал, что корякские трубки уступали в плане разнообразия форм и типов чукотским. Возможно, это объясняется тем, что курильщиков среди коряков было значительно меньше – коряки предпочитали жевать табак, нежели его курить [Иохельсон, 1997, с. 113; История..., 1993, с. 39–40]. Чукотские трубки были сложнее по строению, имели разные формы и размеры. Курительные трубки эскимосов Аляски имели более высокие головки и широкие края [Богораз, 1991, с. 137]. Общей особенностью для курительных трубок коряков, чукчей и эскимосов являлось наличие орнамента. При этом орнамент на корякских трубках был более сложным и разнообразным [Каплан, 1980, с. 84; Иохельсон, 1997, с. 113].

С начала 1960-х гг. трубки стали выходить из употребления, ими пользовались в основном старики [История..., 1993, с. 40]. По данным нашего опроса, сегодня с появлением привозных сигарет надобность в трубках у коряков отпала.

*Научный руководитель –
И. Ю. Понкратова,
канд. ист.наук, профессор РАЕ
доцент кафедры ВИИИР
Северо-Восточный государственный
университет*

Список литературы

- Богораз В. Г. Материальная культура чукчей – М.: Наука, 1993. – 224 с.
- Вдовин И. С. Очерки этнографической истории коряков. – Л.: Наука, 1973. – 304 с.
- Иохельсон В. И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. – СПб.: Наука, 1997. – 238 с.
- История и культура коряков. – СПб.: Наука, 1993. – 235 с.
- Каплан Н. И. Народное декоративно-прикладное искусство Крайнего Севера и Дальнего Востока. М.: Просвещение, 1980. – 125 с.
- Курительная трубка. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rus-official-terms.slovaronline.com/10785-Курительная%20трубка> (дата обращения – 27.10.2018)
- Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. – СПб, 1900. – 694 с.
- Jochelson W. The Koryak. Religion and Myths. Publication of the Jesup North Pacific Expedition // Memoirs of the American Museum of Natural History. – Leiden; New York, 1905. – P. II. – 842 p.
- Утагава Х. Курительные трубки и ритуал курения у северных народов // Бюллетень лаборатории археологии факультета литературы университета. – Токио, 1996. – № 10. – Ч. 1. – С. 71. Пер. с яп. яз. А. В. Фетисова
- Tushingham Sh., Snyder Ch. M., Brownstein K. J., Damitio W.J., Gang D. R. Biomolecular archaeology reveals ancient origins of indigenous tobacco smoking in North American Plateau // PNAS, 2018. – №115 (46). – P.11742–11747

Koryak's Smoking Pipes (According to Ethnographic Sources)

I. V. Kazimirov

According to ethnographic sources, the Koryak used smoking pipes from the XVII century. The smoking pipes were made of wood, horn, bone. Koryak smoking pipes had ornamented and decorated with figures of people, animals, birds, etc. Koryak had imported pipe from China. Today, the smoking pipes are almost out of use.

Keywords: Koryak, smoking pipes, tobacco, handmade, ornament.

Казимиров Игорь Владимирович

студент 2-го курса

Северо-Восточный государственный университет

e-mail: ponkratoval@yandex.ru

Kazimirov Igor Vladimirovich

2nd year student

North-Eastern State University

e-mail: ponkratoval@yandex.ru

УКД 902

Традиции татуажа народов Севера Дальнего Востока России

Т. В. Костырева

Северо-Восточный государственный университет, Магадан

Татуировка – один из ранних видов искусства. Древнейшую (около 6 тыс. л.н.) татуировку в виде тонких усов на верхней губе мужчины связывают с культурой чинчорро Тихоокеанского побережья Южной Америки. Слово «татуировка» произошло от полинезийского «татау» и переводится как «рисовать» [Полосьмак, 2000, с. 95–102].

Татуаж – нанесение на кожу несмываемого цветного рисунка путем накалывания его одной иглой или пучками из нескольких соединенных игл с применением специальных пигментов, вводимых на глубину 0,5-1,5 мм, что позволяет сохранить интенсивность цвета в течение многих лет. В России термин «татуаж» нормативно закреплен Министерством здравоохранения РФ за процедурой нанесения татуировки, выполняемой с косметической и эстетической целями для маскировки швов, рубцов, следов ожогов и др. [Дрибноход, 2013, с. 27]. Татуаж сегодня приобретает все большую популярность в России и в мире. Сюжет татуировок – от простых черно-белых геометрических фигур до сложных, выполненных в цвете картин.

Искусством татуировки владели практически все народы мира, в том числе и народы Севера Дальнего Востока России. Для проведения сравнительного анализа традиций татуажа этих народов использовались этнографические и исторические описания Я. И. Линденау [1983], В. И. Иохельсона [1997], В. Г. Богораза [1939, 1991], С.И. Руденко [1949], И. В. Нельсона [1900] и др. Современные исследования проводились на базе Центра народов Севера Северо-Восточного государственного университета с привлечением данных мастеров-татуировщиков (г. Магадан).

Анализ этнографических описаний показал, что традиции татуажа уже имели место у коряков и эвенов в первой половине XVIII в.

[Линденау, 1983, с. 56, 107]; у чукчей и эскимосов – в конце XIX в. [Богораз, 1991, с. 187–189; Nelson, 1990, p. 50–52]. Исследование традиций татуажа у этих народов позволило выделить общие и особенные черты.

К общим чертам относятся техника и технология, места нанесения, назначение татуировок, пол мастера. Для татуажа использовались нитка, игла, уголь или сажа. Рисунок наносился путем продергивания под кожу иглой нитки, смазанной сажой или угольным порошком [Богораз, 1991, с. 187; Иохельсон, 1997, с. 126; Линденау, 1983, с. 56; Руденко, 1949, с. 149]. Коряки и чукчи дополнительно смешивали сажу с жиром [Иохельсон, 1997, с. 126]. К.Г. Мерк отмечал, что чукчи татуировку наносили трехгранными железными иглами; в качестве краски использовалась сажа с жиром, смешанные с мочой, в которой был размешан протертый графит [Мерк, 1978, с. 124].

Местом нанесения татуировки у всех народов было лицо (лоб, виски, щеки, подбородок). На нос рисунки наносили чукчи и эскимосы; эскимосские женщины татуировали еще и губы. Другими частями тела, куда наносили тату, были плечи (у чукчей, эвенов, эскимосов), лобок, лопатки, ноги (чукчи), кисти рук (у коряков), грудь, колени (чукчи, эскимосы).

У всех исследуемых народов татуировки были предназначены для защиты от болезней, злых духов, врагов, бесплодия. Для привлекательности татуировали свое тело корячки [Иохельсон, 1997, с. 126]. После победы над врагом информацию в виде определенных знаков на предплечье и ноги наносили чукчи [Нефедкин, 2017, с. 318].

В числе различных особенностей традиций татуажа у северных народов – орнаментальные элементы. Наиболее сложными они были у чук-

чей и эскимосов. У чукчей – короткие и длинные одинарные, двойные, тройные линии, круги с точками, дуги, фигурки людей [Богораз, 1991, с. 187]. У эскимосов – круги, концентрические окружности и эллипсы, короткие одинарные, двойные, тройные линии, фигурки человека, «сетка», квадраты, «зубцы», «китовые хвосты», дуги, «лопатки», «трезубцы», «скребки» [Руденко, 1949, с. 149–150; Nelson, 1990, р. 50–52].

Татуировка корячек состояла из двух или трех горизонтальных линий поперек носа или двух-трех равно относящихся друг от друга изогнутых линий на щеках и подбородке. Русские называли корякскую татуировку «вышивкой лица» [Иохельсон, 1997, с. 126].

В роли мастера татуажа обычно была женщина; только у эвенов татуировать разрешалось как женщине, так и мужчине, но с одним условием, чтоб это были вдова или вдовец [Линденау, 1984, с. 186].

По данным современных исследований в г. Магадане, представители коренных народов Севера сегодня делают татуировки на теле очень редко. Сюжеты их татуировок – растительный и геометрический орнаменты. Место нанесения татуировки – руки (чуть выше запястья) и верхняя часть спины. При нанесении рисунков на тело используется техника Мехен-

ди – роспись тела временным орнаментом натуральной хной (обычно растительный мотив) или специальные машины с набором игл и красящим химическим пигментом.

*Научный руководитель – И. Ю. Понкратова
канд. ист. наук, профессор РАЕ
доцент кафедры ВИиИР
Северо-Восточный государственный университет*

Список литературы

- Богораз В. Г. Материальная культура чукчей – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 224 с.
- Дрибноход Ю. Ю. Косметология. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2013. – 538 с.
- Иохельсон В. И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. – С.П.: Наука, 1997. – 238 с.
- Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. – Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1983. – 176 с.
- Мерк К. Г. Описание обычаев и образа жизни чукчей / Пер. с нем. З. Д. Титовой // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции, 1785–1795 гг. – Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1978. – С. 98–155
- Нефедкин А. К. Военная культура чукчей (середина XVII – середина XX в.). – СПб.: Лема, 2017. – 456 с.
- Полосьмак Н. В. Татуировка у пазырыкцев // Археология, этнография и антропология Евразии, 2000. – №4. – С. 95–102
- Руденко С. И. Татуировка азиатских эскимосов // Советская этнография, 1949. – №1. – С. 149–154
- Nelson E. W. The Eskimo about Bering Strait. – Washington: Government Printing Office, 1900. – 518 p.

The Traditions of Tattooing of Peoples of the North of the Russian Far East

T. V. Kostyрева

From the ethnographic descriptions is known about the traditions of tattooing among the people of the North of the Far East of Russia (Koryak, Chukchi, Evens, Eskimos). Basically, the tattoo was applied by under the skin by pulling the needle threads oiled with soot. Their purpose was to protect from diseases, evil spirits, etc. The face, shoulders, hands were the place of tattooing basically. The drawings of tattoos among the Chukchi and Eskimos were the most difficult. Today, the traditions of tattooing of people of the North are similar to Russian.

Keywords: Tattooing, traditions, Koryak, Chukchi, Evens, Eskimos.

Костырева Татьяна Витальевна

студентка 2-го курса

Северо-Восточный государственный университет

e-mail: tytu1899@mail.ru

Kostyрева Tatyana Vitalievna

2nd year student

North-Eastern State University

e-mail: tytu1899@mail.ru

УДК 784.671

Материнская поэзия в среде украинского населения села Родино Родинского района Алтайского края во второй половине XX века*

Н. В. Люля

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-09-00487 А «Деревня традиционная и модернистская: этнографическое изучение стратегий освоения пространства сельских территорий юга Западной Сибири»

Этнокультурная специфика украинского сельского населения Алтайского края особенно ярко проявляется в музыкально-песенном творчестве. Его песенный репертуар богат и разнообразен. При этом большинство собран-

ных местными исследователями материалов представлены обрядовым фольклором (колядками, «щедровками», свадебными песнями и прибаутками и т.д.) и необрядовой лирикой (балладные, воинские и рекрутские песни) ха-

рактизирующимися локальной особенностью бытования.

Интереснейшим элементом устного народного творчества является детский фольклор, особенности которого в среде украинского населения Алтайского края не подвергались отдельному изучению. В ходе этнографической экспедиции автора в 2017 г. в один из районов компактного размещения украинцев – Родинский (с. Родино) особое внимание было уделено изучению этнографии детства. В связи с чем, был собран материал одного из жанров детского фольклора украинского населения с. Родино Родинского района Алтайского края – материнской поэзии (или колыбельные песни), бытовавшей во второй половине XX века.

Материнская поэзия – колыбельные песни (укр. колыски) предназначены для укачивания и убаюкивания маленьких детей. Опрошенные отмечали, «что перед сном маленькому ребенку обязательно пели песни» [ПМА, 2017]. А.Н. Ломака, 1928 г. р. рассказывала: «Як сядешь качать, як гудэж – ууу...уууу! А як знаешь, як песню спиваешь» [ПМА, 2017]. Записанные колыбельные песни по своему содержанию разнообразны. Основным действующим лицом колыбельных песен украинского населения рассматриваемого населенного пункта являются животные, такие как «котыну» (рус. кот), «волчок» (волк), «гули» (голуби) [ПМА, 2017].

Наиболее распространенным и устойчивым является традиционный образ кота – «коты»/ «котыну», которого приглашают «малых диток колыхать» [ПМА, 2017].

Коту, коту, котыну,
Засны моя дытыну.
Засны, задрэмай,
Да ни чего нэ думай.
Тилько думай, тай гадай,
Як устанэшь – спать лягай!

Коту, коту, коту два
Белысенкие обы два.
Иди до нас ночувать,
Моих диток колыхать.
Оны у нас малэньки,
Тай спаточки радоньки.

Коту, коту, котына,
Ты нэ лезь в куточек,
А то забьешь лобочек.
А вин будэ болить,
Нэ чем будэ завэртить.
Одна була хустына [тряпочка],
И ту украла дывчина!
На клатки [клочки] порвала
И диток забавляла!

О. С. Щербакова отмечает, что через магический образ кота-баюна в традиционной славянской культуре передается уважение взрослого мира к детству, к спящему ребенку [Щербакова, 2013, с. 19]. В отличие от русских колыбельных с зачином «Котя-котенька, коток», в украинских колысках отсутствует завершающий колыбельную мотив благодарности: «дам кусочек пирога» и т.д. [Щербакова, 2013, с. 19]. Следует отметить, что в числе опубликованных колыбельных песен украинцев Алтай данная колыска не зафиксирована.

Отличительной чертой украинского населения с. Родино Родинского района является особенность произношения слова кот. Информанты отмечают, что «коты»/«котына» – это по-хохляцки [ПМА, 2017]. Например, в селах Бочкари и Верх-Марушка Целинного района Алтайского края в колыбельных песнях кота называют иначе: «коточка», «кыци», «коточок», «котык» [Щербакова, 2013, с. 19, 36]. Возможно, фонетическая специфика зависит от степени сохранности украинского языка рассматриваемых районов.

Среди животных образов, распространенных в колыбельных песнях украинского населения с. Родино Родинского района, также часто встречаются «волчок» (волк) и «гули» (голуби). По мнению исследователей, с первых колыбельных песен ребенок усваивал на всю жизнь, что он живет в мире природы, среди природы, в гармонии с природой [Подчередниченко, 2013, с. 107]. При этом природа может выступать как в роли защитника (таких колысок не было зафиксировано), так и несущей опасность:

Ой, баю, баю,
Не лягай [имя] на краю,
Придэ серенький волчок,
Схватэ [имя] за бочок».

«Люли, люли, люли,
Прылэталы гули,
Сталы гули ворковать.
Чи [имя] гудэвать [кормить],
Чи кашкою с молочком,
Чи по жопке батухом [ПМА, 2017].

Сопоставляя колыбельную украинского населения с. Родино Родинского района Алтайского края с традиционной украинской, следует отметить общность в образно-тематическом содержании и отчасти поэтическом тексте с колыской «Ой, люли»:

Ой люлі, люлі,
Налетіли гулі, налетіли гулі,
Та й сіли на люлі.

Стали думать і гадать,
Чим дитячко годувать:
Чи бублечком, чи медком,
Чи солодким молочком...
Ми бублечек вхопим,
А й медочок влупим,
А й кашки наварим,
А й молочка спарим.
Колисочка рип-рип,
А дитинка спить, спить.
Колисочка перестала,
А дитиночка й устала.

Однако, вероятно, в памяти украинского населения рассматриваемого населенного пункта сохранились лишь отдельные фрагменты текста, и со временем произошло его искажение.

В меньшей степени в колыбельных песнях украинского населения с. Родино Родинского района, обращенных к ребенку, представлены образы старших членов семьи, например, матери. В детской музыкальной традиции с образом матери ассоциируются такие духовно-нравственные качества, как материнская любовь к детям, чуткое и заботливое отношение к ним, сердечность и душевность, сострадание и сочувствие, мудрость и строгость, терпимость, готовность на самопожертвование во имя детей [Подчередниченко, 2013, с. 107]:

Баю, баюшки, баю,
Не ложись на краю.
Придэ волчок
И утащит за бочок,
Зароет во песок.
Як мамочка придет
И тебя заберет
[ПМА, 2017].

В ходе полевых исследований зафиксировано упоминание в колыбельной песни украин-

ского населения рассматриваемого населенного пункта не только матери, но и отца:

Ле, ле, леко
Дэ твий батько?
Далэко!
За густыми лозама,
Пасе вин козама [ПМА, 2017].

Посредством короткого и легко запоминающегося поэтического текста в сознании ребенка формировалось представление о выполнении мужских обязанностей в семье, как например, в данном случае – роль пидпасача [пастуха].

Таким образом, материнская поэзия украинского населения с. Родино, Родинского района, является устойчивым элементом детского фольклора и направлена на формирование и воспитание у ребенка гуманистических ценностей. Сравнительный анализ фольклорно-этнографического материала, записанного на Украине, показывает, что сохранившиеся колыбельные песни в рассматриваемом населенном пункте не являются идентичными ему, но неоспоримо относятся к аутентичным. Степень сохранности позволяет говорить о важной роли семьи и устойчивых межпоколенных связях. Информанты отмечали, что пели колыбельные песни своим детям, которые знали от своих мам и бабушек. При этом материнская поэзия украинского населения Алтая на сегодняшний день имеет локальное бытование и требует более комплексного изучения.

Список литературы

- ПМА. 2017 г. Алтайский край, Родинский район, с. Родино.
Подчередниченко Н. А. Этнокультурные смыслы детских музыкальных традиций (на примере колыбельных) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2013. – № 4 – С. 105–109
Щербакова О. С. Песенный фольклор украинских переселенцев: репертуарно-методическое пособие для народно-певческих коллективов / О. С. Щербакова. – Барнаул: ОАО «ИПИ «Алтай», 2013. – 128 с.

Maternal Poetry among the Ukrainian Population of v. Rodino of Rodinsky District of Altai Krai in the Second Half of the XX century

N.V. Lyulya

Based on the field materials collected by the author during the ethnographic expedition in 2017 in Rodino village of Rodino district of Altai Krai, the article considers one of the genres of children's folklore – mother poetry (lullaby songs). The preserved lullaby songs in the considered settlement are not identical Ukrainian, but indisputably belong to the authentic and are aimed at the formation and education of the child's humanistic values.

Keywords: Ukrainian population, maternal poetry, lullabies songs.

Люля Наталья Викторовна

4-й курс аспирантуры

Алтайский государственный педагогический университет

e-mail: natalyalyilya@mail.ru

Lyulya Natalya Victorovna

4th year postgraduate

Altai State Pedagogical University

e-mail: natalyalyilya@mail.ru

Проволочные серьги якутов

С. М. Михайлова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск

На современном этапе развития общества актуализируются тенденции к осмыслению традиционной культуры, материальной и духовной, а также потребность ее сохранения. В данной статье рассмотрены проволочные серьги в виде знака вопроса как один из первых видов традиционных украшений якутской культуры.

Исследования в области этнографии и материальной культуры народов в эпоху глобализации как никогда актуальны, так как именно они отображает эволюцию этнической особенности. В частности, актуальность предлагаемой работы в том, что стало очень популярно возвращение к истокам своей культуры, а проволочные серьги, по мнениям многих исследователей якутской культуры, считаются наиболее ранним видом серег у якутов. Кроме того, очень мало отдельных работ по серьгам – в основном они описываются в контексте с другими украшениями.

Цель: Изучить проволочные серьги якутов.

Задачи:

- Определить происхождение проволочных серег;
- Выявить аналогии с другими народами.

В погребениях, найденных на территории Якутии, часто находят украшения, и самыми распространенными являются серьги. В нашей статье мы рассмотрим проволочные серьги в виде знака вопроса, которые использовались якутами вплоть до начала XIX в.

Этот вид серег у якутов считается наиболее ранним. Одним из первых упоминаний, относящихся к первой половине XVIII в., является описание Я. И. Линдендау: «Женщины и девушки носят большие серьги Наҕа чаще в виде колец из серебра или желтой меди со стеклянными бусами» [Линдендау, 1983, с.26].

А. И. Саввинов в своей работе распределяет традиционные серьги на 8 типов, и по его классификации бусинные серьги – это 1 тип якутских традиционных серег. По его описанию бусинный тип серег имеет вид формы вопросительного знака, у которых диаметр проволочного кольца составляет 3–4,5 см. и отходит вниз стержнем. На конце стержня нанизаны различных форм и размеров бусины, исключительно синего, черного и белого цветов. Общая длина серег составляет в основном 6–11 см. Также это

тип, имеет свой подвид – тип 1А. Это все те же серьги, только на конце стержня у них металлические подвески, которые были в виде либо штампованных пластинок, либо литых серебряных бляшек [Саввинов, 2001, с.156].

Одной из таких серег является уганинская серьга из бронзы, на стержне которой нанизаны 16 перламутровых плоских бусин. Но она имеет отличие от позднеякутских проволочных серег, обнаруженных в погребениях XVIII в. Вместо плоских бусин использовались крупные китайские фарфоровые круглые бусины [Гоголев, 2018, с. 156].

В Сымалыыре, в Вилюйском улусе, в местности Тенургэстээх, была найдена проволочная серьга в виде знака вопроса из меди, на стержне нанизаны две белые бусины круглой формы. А в погребении, обнаруженном в 2,5 км от местности Манчарылах, на безымянном аласе, в с. Булгуняхтаах, Орджоникидзевского района, у погребенной женщины в левое ухо были вдеты две бусинные серьги с девятью крупными фарфоровыми бусинами черного и белого цветов. Такие же аналогичные серьги были и на правом ухе погребенной. [Гоголев, 1990, с. 88]

Считается, что наиболее древние аналоги проволочных серег были распространены на Алтае в период скифского времени, т.е. на протяжении VIII–IV вв. до н.э. [Киселев, 1951, с. 89]. Похожие серьги, сделанные путем сгиба проволоки, были обнаружены в памятниках Европы, Средней Азии и Казахстана средневекового времени. Все они датируются XIII–XV вв. и в основном были сделаны из меди, но встречались и золотые, а на стержне были нанизаны бусины или жемчуга [Вактурская, 1968, с. 249-251]. С. А. Плетнева утверждает, что проволочные серьги в виде вопросительного знака получили свое распространение в русско-южных степях от половцев. А согласно данным некоторых исследователей, у кыпчаков такие серьги были традиционными [Плетнева, 1958, с. 176].

Различные типы проволочных серег получили очень большое распространение в Сибири. Так, например, они были обнаружены в Западной Сибири в археологических артефактах могильника Иштан, период которого параллелен с кулун-атахскими памятниками

[Хамзина, 1970, Табл. XI, 5]. А в XIII в. проволочные серьги широко распространяются у народов и племен Приамурья через посредство монголов. [Дьякова, 1998, с. 288]

Также серьги в виде знака вопроса встречаются в медиовизитской Северной Болгарии, где среди серег в виде знака вопроса доминируют образцы, сделанные из серебра, а по стилю серьги там делятся на 2 категории. К первой категории относят серьги с простым стилизованным рисунком, с длинным вертикальным стержнем с обмоткой. Вторая категория является наиболее массовой – серьги имеют сложный рисунок, с обмоткой, металлическим шариком или бусиной, что стало результатом влияния моды, которая была характерна для Золотой Орды [Владимиров, 2014].

Таким образом, можно сделать вывод, что проволочные серьги, по данным археологических материалов, по описаниям многих исследователей, а также по классификации А. И. Саввинова, являются наиболее ранним и древним видом серег у якутов. Проволочные серьги имеют вид вопросительного знака, т.е. изогнутое кольцо, который отходит вниз стержнем, а на стержне нанизываются бусины, исключительно белого, черного и синего цветов, – а спустя время вместе с бусинами на конце стержня появляются металлические подвески или бляшки. И такой тип серег встречается на всей территории Якутии. А также была древняя традиция носить на одной мочке уха сразу по нескольку серег, и для каждой серьги имелись свои отдельные отверстия. Стоит отметить, что такой обычай был распространен не только в Якутии, но и у других народов, которые носили проволочные серьги. Аналоги проволочных серег в ос-

новном широко получили распространение у народов Сибири, на территории Поволжья и Приамурья, а также Северной Болгарии. Но только на территории Якутии они сохранили свой первоначальный вид вплоть до начала XIX в.

*Научный руководитель – К. М. Яковлева
канд. ист. наук, доцент rfatlts
Кафедра всемирной, отечественной истории,
этнологии и археологии
Исторический факультет
Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова*

Список литературы

- Вактурская Н. Н. О серьгах средневекового города Шерлик // История, археология и этнография Средней Азии. – М., 1968. – 357 с.
- Владимиров Г. В. Серьги в виде знака вопроса из Дунайской Болгарии (XIII–XIV вв.): происхождение и ареал распространения. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sergi-v-vide-znaka-voprosa-iz-dunayskoj-bolgarii-xiii-xiv-vv-proishozhdenie-i-areal-rasprostraneniya> (дата обращения: 16.12.2018)
- Гоголев А. И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья XIV–XVIII вв. – Иркутск, 1990. – 192 с.
- Гоголев А. И. Происхождение народа Саха и его традиционной культуры: монография. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2018.
- Дьякова О. В. Материальная культура населения Приамурья в XIII–XVII вв. – 451 с.
- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. – М.; Л., 1951. – 213 с.
- Линдендау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). – Магадан, 1983. – 176 с.
- Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1958. – 201 с.
- Саввинов А. И. Традиционные металлические украшения якутов XIX – начала XX вв. Историко-этнографическое исследование. – Новосибирск, 2001. – 171 с.
- Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья (Поздние кочевники). – Улан-Удэ, 1970. – 215 с.

Yakut Wire Earrings

S.M. Mikhailova

At the present stage of the development of society, the tendencies towards understanding traditional culture, material and spiritual, as well as the need to preserve it, are becoming more actual. The article discusses wire earrings in the form of a question mark, as one of the first types of traditional jewelry of the Yakut culture.

Keywords: earrings, Yakuts, jewelry.

Михайлова Саргылана Михайловна

студентка 2-го курса.

Северо-Восточный федеральный университет

им. М.К. Аммосова

e-mail: s.mhlva@gmail/com

Mikhailova Sargylana Mikhailovna

2nd year student

Ammosov North-Eastern Federal

University

e-mail: s.mhlva@gmail/com

Особенности государственного устройства у средневековых номадов Северо-Восточной Азии (На примере государства Бохай)

А. В. Мусиенко

Амурский государственный университет, Благовещенск

В кочевых империях Северо-Восточной Азии основу всего государства составляла власть, основанная на авторитете правителя. Примерами таких государств могут служить империя Хунну, империя Сяньби, Жужаньский и Тюркский каганаты. Данная специфика отразилась на жизнедеятельности этих империй, которые сразу же после смерти их основателей начинали приходить в упадок. Проблема в данном случае заключалась в том, что это были по сути «протогосударства» (конфедерации различных племенных союзов), в которых не было сильной централизованной власти, а также единого аппарата государственного управления.

Другим примером кочевых империй, существовавших достаточно долгое время и при этом игравших огромную роль в своем макрорегионе, можно назвать государства, которые постепенно стали перенимать традиции своих соседей, в частности цивилизованного Китая.

Одним из таких небольших государств является королевство Бохай. По своим характеристикам можно отнести его к данническому кочевому государству, развивавшемуся по «гуннскому» варианту степной державы [Крадин, 2006, с. 492, 495].

Государство Чжэнь было образовано в 698 г. лидером мохэских племен Да Цзожуном, который провозгласил себя ваном новообразованного государства [Государство Бохай..., 1994, с. 31]. Однако уже в 713 г., благодаря налаживанию дипломатических отношений с империей Тан, государство Чжэнь получает новое название – Бохай, а Да Цзожун со стороны императора Тан Жун-цзуна получает титул «Бохай го цзюнь» (удельный князь Бохай) [Шавкунов, 1968, с. 47].

Признание Да Цзожуна суверенным мохэским государем способствовало установлению между Танским Китаем и государством Бохай добрососедских отношений, с обязательством регулярно обмениваться посольствами. Именно политические связи Поднебесной и Бохайского королевства станут основополагающими при формировании структуры государственного управления мохэского государства.

При Да Цзожуне и его первых преемниках Бохай оставался государством с характерны-

ми чертами «кочевой конфедерации». Во главе различных поселений стояли старейшины («дуду»), следующими в бохайской иерархии стояли управлявшие («цыши»). Мелкие поселения возглавляли «шоулины». Таким образом, социальная структура бохайского общества строилась по принципу «управляемые – управители» [Государство Бохай..., 1994, с. 47].

После прихода к власти Да Циньмао в 738 г. Бохай все больше начинает приобретать черты «раннего государства». Новый правитель проводит административно-территориальную реформу, в результате которой сложилась система «пяти столиц» (Верхняя столица – Лунцюаньфу, Южная столица – Наньхайфу, Восточная столица – Луньюаньфу, Западная столица – Ялуфу, Средняя столица – Сяньдэфу) [Ивлиев, 2005, с. 459], по аналогии с философской системой У-син. Из этого следует, что в государстве Бохай начинают происходить процессы урбанизации, активное развитие культуры, в т.ч. высокий уровень развития письма.

Еще одним достижением Да Циньмао является становление и развитие государственного аппарата. Фундаментом внутривластного устройства Бохайского королевства стала система уголовного и гражданского права империи Тан, а также ее аппарата государственного управления.

Однако это было не слепое копирование танских политических институтов. Например, в государстве Бохай существовали такие должности, как «нэйши» (королевский писец) и «чжаогао шэжэнь» (дворцовый служитель при высочайших указах), которые не имели аналогов в бюрократическом аппарате империи Тан [Полутов, 2014, с. 17].

В Бохайском королевстве, как и в Танском Китае, существовала министерская система. Весь государственный аппарат состоял из Правого и Левого министерств, каждое из которых подразделялось на три отдела и три ведомства [Государство Бохай..., 1994, с. 49].

Органы местной администрации имели ту же структуру, что и при первых бохайских правителях («шоулины» – «цыши» – «дуду»). Их основной задачей был сбор дани с подконтрольных территорий.

Во главе всего государственного аппарата оставался правитель Бохая – ван, который имел

право передавать свою власть по наследству. Однако традиционная система передачи власти «от отца к сыну» не всегда была характерна для королевства Бохай. Были случаи, когда верховная власть в государстве переходила от брата к брату или от дяди к племяннику. Однако в любом случае государством Бохай управляла одна династия, на что указывает Е Лун-ли: «Правители государства издавна носят фамилию Да» [Е Лун-ли, 1979, с. 335].

После преобразований Да Циньмао в стране кардинально меняется общественное и государственное устройство. На смену социальной структуре «управляемые – управители» приходит новая система с более сложной иерархией. Отныне бохайское общество строилось по структуре: «ван и его семья – чиновники – рядовые общинники («буцзой») и различные зависимые категории («нубэй»)».

Таким образом, аппарат государственного управления королевства Бохай практически полностью заимствовался у империи Тан, однако частично сохранял самобытную структуру кочевого общества. Часть нововведений государства Бохай, в частности систему «пяти столиц», заимствовали будущие властители Северо-Восточного Китая – кидани и чжурчжэни. Однако даже эти племена в будущем бу-

дут привносить свои самобытные новшества в систему государственного управления кочевой империи, которые позволят им умело и удачно управлять государством и составлять конкуренцию цивилизованному Китаю с его огромным, но при этом четко структурированным бюрократическим аппаратом.

*Научный руководитель – О. А. Шеломихин
канд. ист. наук
зав. кафедрой истории России
и специальных исторических дисциплин
Благовещенский государственный
педагогический университет*

Список литературы

- Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России / отв. ред. Э. В. Шавкунов. – М.: Наука, 1994. – 219 с.*
Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / пер. с кит., введ., коммент. и прил. В.С. Таскина. – М.: Наука, 1979. – 609 с.
Ивлиев А. Л. Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и Средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 449–475
Крадин Н. Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. – Волгоград: Учитель, 2006. – Гл. 19. – С. 490–511
Полутов А. В. Государственный аппарат королевства Бохай // Известия Восточного института. – Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2014. – № 2 (24). – С. 16–27
Шавкунов Э. В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье / Э. В. Шавкунов. – Л.: Наука, 1968. – 161 с.

Peculiarities of State System of the Medieval Nomads of Northeast Asia (on the Example of the State of Bohai)

A. V. Musienko

An article on the history of the state of Balhae discusses the peculiarities of the condition and development of the state apparatus of medieval nomads of Northeast Asia.

Keywords: Nomads, state apparatus, Bohai, nomadic society, political institution.

Мусиенко Алексей Валентинович
преподаватель
Амурский государственный университет
e-mail: alex-carr1995@yandex.ru

Musienko Alexey Valentinovich
Lecturer
Amur State University
e-mail: alex-carr1995@yandex.ru

УДК 39 (571.15=161.1)

Щелок и другие моющие средства санитарии и личной гигиены русской семьи Алтая

А. Д. Подольская

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул

Санитарно-бытовая культура является одной из важнейших составляющих жизнеобеспечения крестьянского населения Алтая. В связи с отсутствием в сельской местности бытовых средств санитарии и личной гигиены промышленного изготовления, для поддержа-

ния чистоты, ухода за телом и волосами использовались самодельные средства натурального происхождения.

В последние десятилетия данная проблема нашла отражение в работах доктора ист. наук проф. Т. К. Щегловой. Источниками

настоящей статьи являются фонды устного архива, создаваемые профессором с 1990-х гг. Данные фонды ежегодно пополняются за счет историко-этнографических экспедиций педагогического университета в сельскую местность края.

В 1920–1930-е гг. все усилия советского руководства и ресурсы страны были направлены на восстановление и развитие тяжелой промышленности и военно-промышленного комплекса. Отрасли легкой промышленности находились на начальном этапе развития. Отстранившись от обеспечения населения мощными средствами санитарии и личной гигиены, руководство страны тем самым оставило этот вопрос на самостоятельное решение граждан.

Сельские жители знали множество способов самостоятельной варки средств. Самым распространенным способом на юге Западной Сибири оставалась домашняя варка мыла из животных жиров, отходов, кишок с добавлением каустической соды: «Животных, свиной колешь, кишки выпускаешь, промывают, заливают, парят в печке, запах неприятный» [Аношкина, 2015]. В годы войны, в условиях ограниченности семейного скотоводства и обременительности государственных военных налогов, фиксировалось массовое использование для варки мыла «падалины» – падших животных. Падаль помещали в каустическую соду и варили до однородной массы. Затем, когда масса застывала, резали на бруски [Щеглова, 2017, с. 266]. Из-за неприятного запаха данное мыло использовали в основном для стирки белья.

В большинстве русских семей для личной гигиены и стирки мыло заменял щелок, который изготавливали из золы: «...и вот этим стирались или голову мыли, а мыла-то не было» [Устная история, 2017, с. 61, Вознюк]. Интервьюирование показало большое разнообразие растений, из которых получалась зола. Это было обусловлено местной флорой и местными традициями изготовления мыльного раствора. В степной зоне, в частности на территории Кулундинской степи, щелок делали из «...ботвы подсолнухов, хорошая была зола. Ее выгортали, в ящичках сохраняли, а потом мама льет кипяток, и получался щелок. Вот возьмешь эту водичку, а она на ощупь как шелк» [Молчанова, 2015]. Наиболее распространенным компонентом золы степных районов являлась полынь. Екатерина Дмитриевна Лемза из с. Каяушка Романовского района описывает следующий процесс изготовления щелока: «Сухой полынь брали, жгли. Берут полотно льняное, завязывают над кадушкой вместе с золой. Завязывают или над кадуш-

кой, или над кастрюлей, а потом проливают горячей водой через ту золу и вот это щелок называли» [Лемза, 2016]. В предгорной зоне юга Западной Сибири «...золу делали из собачника [череда трехраздельная], его рубили, натопишь, золу прибираешь. Она мыльная-мыльная, эта зола» [Устная история, 2017, с. 136, Коротких]. Жители северных, приграничных районов современного Алтайского края – Панкрушихинского, Крутихинский – изготавливали щелок из золы березы: «зола была березовая, только березовая» [Супрун, 2016]. Сам процесс изготовления щелока был аналогичным по всему югу Западной Сибири, изменялся лишь компонент изготовления золы. Многие респонденты отмечают благотворное влияние золы на красоту волос: «прямо волосы росли хорошо!» [Устная история, 2015, с. 116, Коровина].

После Великой Отечественной войны щелок еще долгое время оставался основным моющим средством. Также после появления промышленного мыла население не переставало варить домашнее мыло: «потом и мыло появилось, но мыло мы долго почему-то варили» [Устная история, 2017, с. 135, Коротких]. Чуть позже тот же информант пояснит: «Было мыло, но трудно его было покупать, его никогда не захватишь в магазинах». Покупное мыло, или, как в некоторых интервью встречается, «духовое мыло» [Устная история, 2017, с. 136, Коротких] использовали «по праздникам, по большим, положим на умывальник. Мыло лежит, а его никто не трогает, берегут» [Устная история, 2017, с. 146, Лысенкова].

Еще более простым и доступным средством личной гигиены была трава. Так, Лысенкова Прасковья Егоровна, в детстве проживавшая в п. Тулай Шарчинского (ныне Ребрихинского) района, вспоминает: «Мылись – вот у нас трава такая была, ее называли цыганка. Цветы такие, прямо такие пушистые. Вот эту цыганку вот так вот трешь, на зиму заготавливаешь. И вот в бане стояла посуда такая, и там цветы. Оторвешь – помылишь, а голову щелоком мыли».

Для стирки белья и одежды основным средством оставался щелок и самодельное мыло: «щелок добавляли и мыло хозяйственное, а также самодельное мыло» [Устная история, 2017, с. 115, Коровина].

В условиях дефицита каустической соды и субпродуктов скотоводства сельчане искали другие подручные средства для изготовления мыльного раствора. На языке крестьян данные растворы получили название «подмылья». Информант из с. Луговское Зонального района описывает следующий рецепт изготовления «подмылья»: «Летом из творо-

га делали подмылье – творог заквашивали, он скиснет. Там червей! Стираешь – они ползут» [Щеглова, 2017, с. 266].

Также для стирки белья сельские жители использовали обычную глину: «Белой глиной стирали, такие брусочки делали» [Молчанова, 2015] (Благовещенский район, с. Благовещенка). Использование глины, объясняется отсутствием других моющих средств: «Ни соды, ниче не было, а потом стали мыло варить» [Устная история, 2017, с. 220, Штанько].

Промышленные средства гигиены полости рта также отсутствовали. Информанты подмечали: «Вот что интересно, зубы не чистили, щеток вообще не было, это уже потом, потом стали, а зубы у всех были такие хорошие, белые». В качестве зубной пасты могли выступать соль или сода: «соли возьмешь на палец и почистишь, или содой» [Устная история, 2017, с. 116, Коровина].

Таким образом, санитарно-бытовая составляющая жизни русской семьи практически полностью опиралась на традиции, знания и опыт предшествующих поколений. Самодельные средства личной гигиены и стирки практически полностью заменили

промышленную продукцию и обеспечили более или менее достойное существование населения Алтая.

*Научный руководитель – Т. К. Щеглова
д-р ист. наук, профессор
зав. кафедрой отечественной истории
Алтайский государственный
педагогический университет*

Список литературы

Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Благовещенский район, с. Благовещенка. Аношкина Прасковья Кирилловна, 1926 г. р.

Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Благовещенский район, с. Благовещенка. Молчанова Федосья Федотовна, 1936 г. р.

Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2016 г.: Крутихинский район, с. Буян. Сапрун Раиса Ивановна, 1930 г. р.

Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2016 г.: Родинский район, с. Каяушка. Лемза Екатерина Дмитриевна, 1934 г. р.

Устная история: жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: сборник научных статей и источников / А. С. Кузнецов, А. А. Мазырина, А. В. Рыков и др. ; отв. ред. Т. К. Щеглова. – Барнаул: АлтГПУ, 2017. – 230 с.

Щеглова Т. К. Моющие средства в системе жизнеобеспечения сельского населения сибирской тыловой деревни в условиях войны 1941-1945 гг. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: региональный аспект. – Санкт-Петербург: Культурно-просветительское товарищество, 2017. – С. 263–269

Lye and Other Washing Means of Sanitation and Personal Hygiene of the Russian Family of Altai

A.D. Podolskaya

This article describes the ovids and traditions of making personal hygiene products and sanitation of the Russian family of the Altai Territory.

Keywords: detergents, lye, personal hygiene, Altai, Russian family

Подольская Алена Дмитриевна

1-й курс магистратуры

Алтайский государственный педагогический университет

e-mail: podolskaja.alena2016@yandex.ru

Podolskaya Alena Dmitrievna

1st course of Magistracy

Altai State Pedagogical University

e-mail: podolskaja.alena2016@yandex.ru

УДК 39

Истоки захоронения с конем в Якутии

А. А. Семенов

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск

У якутов широко распространены предания о погребении лошадей с умершим человеком. Про этот обычай писали такие авторы, как Бравина Р. И., Константинов И. В., Попов В. В., Алексеев А. Н. и т. д. Поэтому научных трудов по этой тематике немало. Целью данной работы является обобщение истоков погребального обряда с конем в Якутии.

Работниками Якутского республиканского музея было зафиксировано погребение

оседланного коня недалеко от покойника [Константинов И. В., 1971, с. 125]. Но в большинстве случаев в сопроводительном материале погребений встречаются принадлежности конской сбруи. Возможно, что существовавший ранее обряд погребения самого животного трансформировался в захоронение вместе с человеком только элементов сбруи. Следует отметить, что эти предметы встречаются только в погребении

взрослых, пожилых людей и что в погребениях встречается не весь комплекс снаряжения коня, а иногда только пара стремян, одно седло.

Более подробно обряд захоронения с конем был описан в работе участника Второй Камчатской экспедиции Я. Линденау. По его словам, покойного, уложенного в гроб, везли на санях, запряженных быком. За санями шли родственники со всеми вещами покойного и вели двух или более лошадей, одну из них – в самой лучшей сбруе. По прибытии на место захоронения, покойника опускали в могилу со всеми его вещами. На восточной стороне могилы, в ногах покойника, делали отдельную яму, куда сбрасывали «засеченную до смерти лошадь вместе со сбруей». Других приведённых лошадей тоже убивали и закапывали, но немного подальше. Затем закапывали несколько кобыл и съедали [Константинов И. В., 1970, с. 183].

Следует отметить, что якуты хоронили лошадей не только как священных животных, которые должны были сопроводить покойного в иной мир, но и как животных, заслуживающих особого почитания. В одной работе приводится такой пример: «Когда у князца якутов состарится любимая лошадь, то он отпускает ее на волю; но если она проживет столько, что зубы начнут выпадать, то князец убивает коня, собирает родных и съедают ту лошадь. Иногда бывает, для пиршества князец заколет другую скотину, а свою любимую лошадь похоронит, положив в вырытую близ своего места яму, положив всю принадлежавшую к ней сбрую: седло, узду, переметную суму и т.д.» [И. Якуты...].

Характерным в обряде погребения с конем у якутов следует признать закапывание лошадей в отдельных ямах. В этом убеждают данные археологических раскопок

Как известно, аналогичного погребального обряда придерживались многие кочевые скотоводческие народы Сибири с древних времен до XX в. Уже в VII–VI вв. до н.э. особенностью алтайских курганов было погребение человека вместе с конем (Майэмирская культура) [Киселев С.В., 1951 С. 288]. Не исключено, что с Алтая этот обряд постепенно распространился по огромной территории Сибири.

В ближайших от Якутии районах обнаружены погребения с конем в Сэгенутском могильнике из Прибайкалья, датированном XI–XII вв., и в Усть-Талькинском могильнике на берегу реки Ангары, в 6 км от пос. Балаганск, датированном XII–XIX вв. [Окладников А.П., 1958, с. 202]. Древнетюркский обряд захоронения с конем в сбруе и различными вещами быта на Алтае сохранился до начала XX в.

Таким образом, можно считать обряд погребения с конем в Сибири как этническим признаком тюркских народов.

Чтобы понять происхождение этого обряда у якутов, следует обратиться и к погребальным обрядам монголоязычных народов, которые, как это убедительно доказал А. П. Окладников, сыграли важную роль в этногенезе якутов [Окладников А.П., 1955.].

Монголы своих ханов хоронили на высоких горах, в труднодоступных местах, а в случае погребения в земле не оставляли на поверхности никаких следов погребения [Константинов И. В. 1970.] Ханские кладбища были запретным местом, охранявшимся военными отрядами. К месту погребения перед гробом ехала шаманка верхом на коне и вела за собой оседланную лошадь. По прибытии гроб глубоко зарывали в землю. После этого прогоняли по могильной насыпи сотни и даже тысячи лошадей или уносили лишнюю землю в другое место. Когда всходила трава, получалось ровное место. Но по данным А. В. Потаниной, до начала XIX века монголы покойников не зарывали в землю, а отвозили подальше от дома и оставляли в сидящем положении. Почетных лиц иногда сжигали [Потанина А. В., 1895, с. 79].

Некоторые путешественники, например, Марко Поло, упоминают об убийстве многочисленных коней и даже слуг, но не уточняют подробности обряда погребения.

Рассмотрев обряд погребения с конем у якутов на фоне археолого-этнографических материалов по народам Сибири, можно сделать вывод, что этот обряд – это общий этнический признак тюрков в Сибири. А погребальный обряд монголоязычных народов схож с якутским обрядом проводов покойного на место захоронения. И в итоге можно считать, что обряд погребения человека с конем – это синтез между тюркским обрядом погребения с конем и с монгольским обрядом погребения.

*Научный руководитель – А. Н. Прокопьева
старший преподаватель
Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова*

Список литературы

И. Якуты в их домашней обстановке: этнографический очерк. П. Из якутской старины: старые писатели о якутах / В. Ф. Трошанский и Э. К. Пекарский. – С.-Петербург: Тип. М-ва пут. сообщ. (т-ва И.Н. Кушнерев и К^о), 1909. –32 с.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., Изд-во АН СССР, 1951. 639 с.

Константинов И. В. Захоронения с конем в Якутии (новые данные по этногенезу якутов) 1970. – 183 с.

Константинов И. В. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). Якутск: Якуткнигоиздат (Якутский филиал СО АН СССР), 1971. 212 с.

Окладников А. П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье // Филология и история монгольских народов. – М., 1958. – 362 с.

Окладников А. П. История Якутской АССР // Якутия до присоединения к русскому государству. – Т. 1. – М., Л., 1955.

По следам древних культур Якутии (Труды Приленской археологической экспедиции) / А. П. Окладников, Ю. А. Мочанов, С.

А. Федосеева, Е. А. Романова, А. А. Семенцов, А. И. Томская, Г. М. Саввинова, П. П. Хороших, И. В. Константинов, В. А. Кашин, И. В. Потапов. – Якутск: 1970. – 212 с.

Потанина А. В. Из путешествия по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М., 1895. – 252 с.

Тугутов И. Е. Материальная культура бурят. Улан-Удэ, АН СССР, 1958. – 214 с.

Sources of Burial with a Horse in Yakutia

A. A. Semenov

This article is written about the rite of burial with a horse and its origins.

But despite the various scientific works, the problem of identifying the sources of the funeral rite with a horse in Yakutia remains relevant.

Keywords: horse, horse, burial

Семенов Анатолий Артемович

студент 3-го курса

Северо-Восточный федеральный университет, Якутск

e-mail: Semenovt9898@mail.ru

Semenov Anatoly Artemovich

3rd year student

North-Eastern Federal University, Yakutsk

e-mail: Semenovt9898@mail.ru

УДК 398.224

Фольклор народов Алтая как источник этнической истории

А. В. Шайдуров

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск

Мифы и героический эпос народов Алтая являются неким видом интерпретации исторических событий. Одним из первых, кто ещё в 1920-х рассуждал о мифе как о способе трактовки исторических событий, был Эрнст Кассирер: «Всякое историческое понимание пропитано подлинными элементами мифологии и необходимо связано с ним» [Кассирер, 2001, с. 11]. Таким образом, мы можем полагать, что есть исторические мифы, которые по-своему трактуют исторические события в этногенезе. Как предполагал Э. Кассирер, «наука... сохраняет древнее мифологическое наследие, которому она лишь придаёт иную форму» [Кассирер, 2001, с. 11]. Героический эпос и космогонические мифы автохтонных народов Горного Алтая дают нам некоторые интерпретации исторических событий в их этногенезе. Подтверждения описания исторических событий в мифах находят своё отражение в этноархеологии [Кызласов, 1992, с. 49-51], письменных источниках китайских династийных летописей [Потапов, 2006, с. 2], а также в лингвистических данных. В нашем понимании мифом является систематизированное и по возможности не противоречивое, хотя эмоционально насыщенное и упрощённое изложение исторического сюжета.

Современное влияние на традиционные культуры автохтонных народов Алтая ока-

зывает процесс унификации культуры. Явления, наблюдаемые при этом процессе, выражаются в утрате традиционных способов ведения хозяйства, социальной организации, обрядов и обычаев, а также других форм духовной культуры. В сложившейся ситуации в полной мере можно утверждать, что основное, на чём держится этническое самосознание народов Алтая, – это легенды, мифы и героический эпос. Сохранение этнического самосознания через фольклор позволяет не только «конструктивно» выходить из сложившейся ситуации унификации культуры, но и предоставляет доступ к некоторым видам ресурсов (политических, природных, финансовых, территориальных) [Шнирельман, 2018, с. 6]. Таким образом, мы можем увидеть использование мифов не только для поддержки этнического самосознания и источника этнической истории, но и как политического инструмента.

Активно изучал мифы и легенды автохтонных народов Алтая Л. П. Потапов. Критерием отбора мифов служил тщательный анализ и соотнесение чисто мифологической фантастики с описанием событий окружающего мира. Чисто мифологической фантастикой можно назвать некоторые космогонические мифы (миф о Чельбегене, борьба героев с различными чудовищами). В свою очередь,

мифологическая фантастика служит как доказательством близкого родства народов Алтая, так и подтверждением культурных связей с народами Центральной Азии. Описанием событий окружающего мира выступают легенды и предания, а также некоторые социально-бытовые сказки, зачастую лишённые мифологической фантастики.

Для систематизации фольклора была использована следующая классификация мифов народов Алтая [Чудояков, 1989, с. 5-9]:

– Туйуг сӧз (социально-бытовые сказки). Жанр фольклора, который носит иносказательный смысл, намёк. Социально-бытовая сказка – это, в сущности, сказание, повествование, но не о богатырях (о богатырях – «алыпты ныба»), а о простых людях или животных;

– Алгыз сӧз (благопожелания). Жанр фольклора благопожелания, исполняемый кайчи, или божественное обращение в героическом эпосе;

– Пурунгу сӧз (легенды и предания). Важный жанр фольклора в вопросе изучения этнической истории. Повествование ведётся о прошлом, описываемые сюжеты находят своё подтверждение в китайских династических летописях или археологических источниках;

– Космогонические мифы. Являются самыми древними. Это легенды, повествующие о создании мира и его устройстве, отличительной чертой которых является отсутствие героев, в том числе «алыпов». В этих мифах мы можем наблюдать описание триединства мира (Верхний, Средний и Нижний), разделение Верхнего мира на 7, а у некоторых сеоков на 13 ярусов. Притом ярусы Верхнего мира выше 4-го являются дворцами для богов, а ярусы ниже 4-го занимают выдающие зайсаны, камы. Этот жанр фольклора позволяет увидеть связи культурного взаимодействия народов Алтая с другими народами и религиями. Примером могут послужить заимствования мотивов легенд у христиан (легенда о потопе встречается у большинства народов Алтая, кроме хакасов), буддистов (так в героическом эпосе появился алып Майдере, заимствованный из образа буддийского персонажа – грядущий будда Майтрея).

Подчёркивая важность фольклора в изучении этнической истории, стоит остановиться на легендах о происхождении сеоков. Примером может послужить легенда о происхождении сеока Мундуса, которая уходит корнями к древнетюркским племенам теле. Легенда гласит, что прародительница рода была девушка, родившая сына оттого, что съела три градинки. Новорождённый полу-

чил имя Мустанг чыккан Мундус. Этот миф был зафиксирован в начале XVII в. русскими историческими документами. Интересно, что этот миф созвучен с версией о рождении сяньбийского вождя Таншихая, правившего в середине II в. [Потапов, 1969, с. 136]. Доказательством тесной культурной связи народов Алтая с древнетюркскими племенами теле служит легенда об их происхождении, которая была инкорпорирована в героический эпос об алып Ак-Боко, где также фигурировало происхождение от волка.

Следующая легенда, которая носит описание событий окружающего мира, называется «Пүгрү качай». Сюжетом выступает описание тесной торговли с древнетюркскими племенами теле и сяньбийцами. Шорская легенда «Кара-таш-таг» рассказывает нам о давнем конфликте сеоков сагайев и шорцев. Причиной конфликта послужили родовые земли. Итогом стало последующее переселение шорцев из места Шодрово в д. Тооз. Эта легенда рассказывает об историческом факте, который был окрашен божественным вмешательством.

Глубокому анализу мифов и героического эпоса народов Алтая не было уделено должного внимания с точки зрения изучения их как источника этнической истории. Поэтому эти жанры фольклора требуют активного участия этнологии. В заключение хочется акцентировать внимание на важности использовании мифов народов Алтая не только для описания традиционной картины шаманского мировоззрения, но и как инструмента для описания этнической истории. Мифы служат средством для выявления культурных связей путём анализа мотивов и поиска схожих мотивов у близкородственных или соседских народов.

*Научный руководитель – И. А. Селезнёва
доцент кафедры этнологии,
антропологии, археологии и музеологии
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского.*

Список литературы

Кассирер Э. Философия символических форм Т. 2. Мифологическое мышление. – Санкт-Петербург: Университетская книга, 2001. – 147 с.

Кызласов Л. Р. Письменные известия о древних городах Сибири. – Москва: Московский государственный университет, 1992. – 134 с.

Потапов Л. П. Мифы алтае-саянских народов как исторический источник // Сибирский педагогический журнал. 2006. №3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mify-altae-sayanskih-narodov-kak-istoricheskiy-istochnik-1> (дата обращения: 18.12.2018)

Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. - Ленинград: Наука, 1969. – 136 с.

Чудояков А. И. Девять бубнов шамана (шорские легенды и предания). – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1989. — 142 с.

Шнирельман В. А. Миф о далеких предках и этническая идентичность // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Выпуск 6(70) [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840002252-6-1> (дата обращения: 05.12.2018).

The Altai Peoples' Folklore as the Source of Ethnic History

A. V. Shaidurov

The source for the ethnic history of the indigenous peoples of Altai can be legends, myths and heroic epics. The article reveals the concept of myth and its place in science. In the article one can see the current state of the ethnic identity of the peoples of Altai in terms of cultural unification. The author deals with the classification of myths, legends and heroic tales followed by the analysis of individual cosmogonic myths and legends.

Keywords: Altai peoples, myths, legends, heroic epic, ethnic history, folklore.

Шайдуров Александр Валерьевич

магистрант 1-го года обучения
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского
e-mail: Avalon126@mail.ru

Shaidurov Alexander Valerievich

Master's program, 1st year
Dostoevsky Omsk State
University
e-mail: Avalon126@mail.ru

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 069+39

Проблема комплектования русской коллекции в этноэкологическом музее-заповеднике «Тюльберский городок» Кемеровского муниципального района

М. Е. Голубев, О. А. Голубева

Кемеровский государственный институт культуры

Проблема сохранения материального наследия русских старожилов приобретает особую актуальность, поскольку в современной социокультурной среде снижается уровень усвоения и использования традиций культуры и быта. Одним из действенных способов сохранения и презентации материального наследия русских является включение его в музейные собрания.

Комплектование фондов государственных и муниципальных музеев, как правило, осуществляется на основании разработанной научной концепции и обеспечивается такими способами поступления, как закупки коллекций за счет специальных ассигнований, безвозмездная передача (дар) в собственность музея коллекций организациями или частными лицами, а также экспедиции по выявлению историко-бытовых предметов. Появление русской коллекции в фондах этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок» Кемеровского муниципального района требует особого внимания и связано это, прежде всего, с историей основания музея-заповедника и принципов формирования коллекций.

Этноэкологический музей-заповедник «Тюльберский городок» был открыт в 2003 г. распоряжением главы администрации Кемеровского района А. К. Глебова на месте бывшей туристической базы ОАО «Кузбассэнерго».

Основой музея стал памятник археологии федерального значения – средневековое ритуальное городище X–XII вв. предков тюркоязычных притомских тюльберов, сохранившийся на окраине дачного поселка Городок благодаря включению в территорию бывшей базы [Кимеев, 2008, с. 194; Экомuseum-заповедник..., 2017, с. 51].

Согласно научной концепции и разработанному генеральному плану, кроме реконструированного городища и заповедной территории в состав музейно-экспозиционного комплекса музея-заповедника вошла реконструкция в натуральную величину собирательного образа сибирского острога XVII–XVIII в. Данная концепция позволила отразить исторические события, связанные с русской колонизацией Сибири и этнокультурным взаимодействием русских с автохтонным населением Притомья.

Формирование Основного фонда началось еще до официального открытия музея-заповедника. В 2002 г. первыми поступлениями в музейное собрание стали материалы археологических раскопок средневекового городища, проведенных новокузнецким археологом Ю. В. Шириным в 1997–2002 гг. Кроме того, фонды пополнились предметами быта коренных тюркоязычных народов Притомья – шорцев и телеутов, составившими первую этнографическую коллекцию, в которую впоследствии включали и предметы быта русских.

Комплектование Основного фонда предметами русского быта можно условно разделить на три этапа.

Первый этап относится к 2005–2006 гг., когда на основе безвозмездной передачи от В. М. Кимеева поступило четыре предмета: два платка красного (ЭМЗТГ-105) и черного (ЭМЗТГ-116) цвета и два самовара цилиндрической формы (ЭМЗТГ-110, ЭМЗТГ-145). В 2007 г. на средства, выделенные из бюджета Кемеровского райо-

на, было приобретено 39 предметов у коллекционера А. В. Казанцева, среди которых сечка (ЭМЗТГ-252), удила (ЭМЗТГ-258), лапа сапожная (ЭМЗТГ-265), ботало (ЭМЗТГ-271), подсвечник (ЭМЗТГ-273), ступа с пестом (ЭМЗТГ-274) и т.д. Кроме того, в этот период на основе безвозмездной передачи было принято 7 предметов от В. М. Кимеева, Ю. В. Ширина и Л. Ю. Бобровой.

Начало второго этапа формирования русской коллекции относится к 2007 г., когда, в связи с недостаточным количеством музейных предметов Основного фонда, при поддержке администрации Кемеровского района было принято решение взять под контроль этнографические, нумизматические, археологические и палеонтологические предметы, находящиеся в музеях при общеобразовательных школах Кемеровского района. Так, в 2007–2008 гг. из 11 школьных музеев были переданы на постоянное хранение с включением в Основной фонд музея-заповедника около 700 единиц хранения, большая часть из которых составляли предметы быта русских. Со школами Кемеровского района были заключены договоры об оказании услуг музейного обслуживания, и по акту передачи поступившие предметы выданы на временное хранение школам, где ответственными за их сохранность оставались учителя, принятые на вновь введённые должности научных сотрудников музея-заповедника. Фактически музеи образовательных учреждений стали филиалами музея-заповедника «Тюльберский городок».

Отсутствие в школах помещений, соответствующих нормам Инструкции 1985 г. по учету и хранению музейных предметов, а также профессионального образования у ответственных за их хранение, – все это приводило к порче или утрате культурных ценностей, находящихся в музеях при образовательных учреждениях Кемеровского района.

Начиная с 2010 г. часть филиалов музея-заповедника перестали финансироваться, сотрудники многих школьных музеев были уволены и больше не отвечали за сохранность предметов, переданных им по актам временного хранения.

В 2012 г. была проведена инвентаризация предметов Основного фонда, хранящиеся в школьных музеях, в результате которой было установлено, что часть музейных предметов утрачены, другие хранятся в необорудованном и неохраняемом помещении (спортзалы, подвалы школ). На требования директора музея-заповедника В. М. Кимеева передать музейные предметы Основного фонда по акту возврата из временного хранения в музей со стороны директоров школ неоднократно поступали отказы, аргументированные тем, что данные предметы находятся в оперативном управлении школ Кемеровского района.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 03.07.2016 г. № 367-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон о Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» музейные предметы, зарегистрированные в книгах поступления Основного фонда музеев, признаются включенными в состав Музейного Фонда Российской Федерации и находятся под охраной государства.

В 2017 г. для завершения процедуры государственного учета музейных предметов Основного фонда музея-заповедника, в том числе хранящихся в школьных музеях Кемеровского района, возникла необходимость занести предметы в Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации (далее – Госкаталог), не нарушая предоставленного плана-графика регистрации музейных предметов и музейных коллекций.

В связи с этим новым директором музея-заповедника М. Е. Голубевым и главным хранителем фондов О. А. Пестеревой в 2018 г. была вновь инициирована инвентаризация предметов Основного фонда, экспонируемых в музеях образовательных учреждений Кемеровского района. В результате инвентаризации было выявлено повреждение шести единиц хранения и утрата девяноста трех музейных предметов. При этом комиссией было отмечено, что на момент проведения инвентаризации часть школьных музеев частично соответствовали нормам хранения музейных предметов, – например, в МБОУ «Ягуновская СОШ» и МБОУ «Мазуровская СОШ», где для музейной экспозиции отведены специальные помещения, оборудованные витринами и стеллажами.

При поддержке департамента культуры и национальной политики Кемеровской области началась работа по возвращению в музей-заповедник 219 единиц хранения – в том числе поврежденных предметов на ремонтно-реставрационные работы – по акту возврата из временного хранения школьных музеев Кемеровского муниципального района.

Формирование русской коллекции этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок» продолжается в данный момент за счет безвозмездной передачи от частных лиц. В 2018 г. фонды пополнились плетеной корзиной, русской мужской рубахой, двумя сарафанами, тремя платками, двумя веретенами, четырьмя вышитыми полотенцами.

Таким образом, в истории формирования русской коллекции в этноэкологическом музее-заповеднике «Тюльберский городок» можно выделить три этапа. Первый – 2005–2006 гг. – формирование коллекции на основе безвозмездной передачи и закупки музейных предметов. Второй – 2007 г. – пополнение её за счет включения в Основной фонд предметов из школьных музеев Кемеровского района. Тре-

тий – с 2016 г. по настоящее время – формирования русской коллекции – за счет безвозмездной передачи от частных лиц.

*Научный руководитель — П. В. Глушкова
канд. культурологии, доцент
Кафедра музейного дела
Кемеровский государственный институт культуры*

Список литературы

Экомuseum-заповедник «Тюльберский городок» как учебно-научный центр этноэкологических исследований Притомья / М. Е. Голубев, В. М. Кимеев, Б. П. Невзоров // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2017. – №4. – С. 51–55

Кимеев В. М. Экомuseum Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектоника, функции [Текст] / В. М. Кимеев. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. – 452 с.

The Problem of Acquisition of the Russian Collection in the Ecomuseum Reserve «Tyulbersky Gorodok» of the Kemerovo Municipal District

M. E. Golubev, O. A. Golubeva

The article discusses the specifics of the formation of the collection of ethno-ecological museum-reserve «Tyulbersky gorodok» of the Kemerovo municipal district for the traditional culture of Russian old-timers. In the process of research on the basis of the chronological method, the main stages of the formation of the Russian collection of the museum-reserve and the ways of its acquisition are revealed.

Keywords: collection, traditional culture, museum, the Russian collection, the stages of formation

Голубев Максим Евгеньевич

1-й год аспирантуры
Кемеровский государственный институт культуры
E-mail: golubev.kemer@mail.ru

Golubev Maksim Evgen'evich

Postgraduate study, 1st year
Kemerovo State University of Culture
E-mail: golubev.kemer@mail.ru

Голубева Ольга Александровна

2-й год магистратуры
Кемеровский государственный институт культуры
E-mail: pesterevaolya@yandex.ru

Golubeva Ol'ga Aleksandrovna

Master's program, 2nd year
Kemerovo State University of Culture, undergraduate
E-mail: pesterevaolya@yandex.ru

УДК 069.5

Предметы китайского «импорта» в собрании Музея археологии и этнографии АлтГУ

В. А. Докучаев

Алтайский государственный университет, Барнаул

Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (МАЭА АлтГУ) основан в 1985 г. Инициатива открытия музея принадлежала заведующему лабораторией археологии Алтая Ю. Ф. Кирюшину. Ее поддержал первый ректор АлтГУ В. И. Неверов. Появлению учреждения предшествовала десятилетняя экспедиционная работа преподавателей, сотрудников и студентов исторического факультета. В результате были получены археологические коллекции по истории Алтая от каменного века до Средневековья. Музей действует вплоть до нашего времени и не прекращает свою просветительскую и научную деятельность [Горбунов В. В., 2009, с. 28–30].

За все время существования Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета в собраниях аккумулировались различные виды предметов из Поднебесной империи, речь о которых пойдет ниже.

В фондах и экспозициях музея насчитывается три целых экземпляра и десять фрагментов «импортных»* зеркал. Информацию об издели-

ях представим в обобщающей таблице (табл. 1).

В целом привозные металлические зеркала доминируют по количеству над другими видами «импорта» и представлены на Алтае ограниченными хронологическими рамками: IV в. до н.э. – 1-я четверть XI в. н.э.

Шелковые ткани представлены в собрании музея четырьмя экземплярами из трех памятников, а именно:

● Поповская дача (Алтайский край, Алейский район): крупный лоскут шелковой ткани (21×12 см), покрыт видимым растительным узором, выполненным путем аппликаций, опубликован, имеет удовлетворительное состояние и находится с 2017 г. в действующей экспозиции МАЭА АлтГУ (колл. №167/75) [Горбунов В. В., Тишкин А. А., 2001, с. 285–286, рис. 1].

* Данные предметы не являются импортом в классическом понимании этого слова. Зачастую китайские предметы являлись продуктом не товарно-денежных отношений, а завоевывались в ходе военных походов, приносились в дар, попадали из «третьих рук» [Тишкин А. А., Серегин Н. Н., 2013, с. 67].

Китайские зеркала в собрании МАЭА АлтГУ

Тип зеркала	Памятник	№ колл.	Датировка	Источник
Фрагмент	Яломан-II к.51	№181/663	II-I вв. до н.э.	Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011, с. 43
Фрагмент	Яломан-II к.52	№181/680	III в. до н.э.	Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011, с. 44
Фрагмент	Яломан-II к.56	№181/916	II-I вв. до н.э.	Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011, с. 45
Целое (копия)	Яломан-II, к.57	№181/918	II-I вв. до н.э.	Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011, табл. XXI
Фрагмент	Яломан-II к.61	№181/1312	конец IV – III в. до н.э.	Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011, с. 47, табл. XXII
Фрагмент	Яровское-III, к.1	№164/5	IX – начало X вв. н.э.	Тишкин А.А. Серегин Н.Н., 2011, с. 19
Фрагмент	Фирсово-XIV	№74/369	IV – III в. до н.э.	Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011, с. 42, табл. XVII
Фрагмент	Случайная находка	№173/16	VIII-IX вв. н.э.	Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011, с. 21
Фрагмент	Гора Тараскина-V, к.6	Нет учетной документации	2-я половина IX – 1-я половина X вв.	Грушин С.П., 2014, с. 14, рис. 48, 51.-1, 54
Целое	Шибе-II, к.3	№120/4	VII-VIII вв. н.э.	Тишкин А.А. Серегин Н.Н., 2011, с. 48, табл. XXIII.-3
Целое	Шибе-II, к.18	№120/5	VII-VIII вв. н.э.	Тишкин А.А. Серегин Н.Н., 2011, с. 49, табл. XXIII.-4
Фрагмент	Поповская дача, м.1	№167/70	4-я четверть X – 1-я четверть XI вв. н.э.	Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2001, с. 285-286, рис.1.-25
Фрагмент	Екатериновка-3 к.5	№144/151	2-3-я четверть X в.	Тишкин А.А. Серегин Н.Н., 2011, с. 20

● Яровское-III, к.1 (Алтайский Край, Алейский район): зафиксирован кусок шелковой ткани небольшого размера, который имеет удовлетворительное состояние и располагается в фондах МАЭА АлтГУ (колл. №164/3) (Тишкин А. А., Горбунов В. В., 1998, с. 195).

● Телеутский взвоз-I, к.10, м.1 (Алтайский край, Павловский район): в ходе раскопок зафиксировано множество обрывков тканей, среди которых обнаружен фрагмент шелка с вышивкой и шелковая тесемка в могиле. Данные изделия находятся в фондах МАЭА АлтГУ (колл. №163/1217,1219) (Тишкин А. А., Горбунов В. В., Казаков А. А., 2002, с. 97; рис. 38.-14)

Нужно отметить, что в коллекциях МАЭА АлтГУ имеются и другие изделия из шелковой ткани, кроме вышеперечисленных, но они нуждаются в проведении атрибуции.

Отдельно стоит сказать о китайской монете из фондов МАЭА АлтГУ (колл. №145/2341), зафиксированной в Шелаболихинском районе Алтайского края на могильнике Иня-1 [Горбунов В. В., 2000]. Данная монета находится в хорошем состоянии и относится к типу поздних «кайюань тунбао» (732–907 гг.), который был широко распространен в средневековом Китае и существовал в эпоху династии Тан (618–906 гг.) [Hartill D., 2003, p. 103, 105; fig. 14.8]. Памятник датируется 2-й половиной VIII – 1-й половиной IX вв. и относится к раннему этапу

сросткинской культуры [Неверов С. В., Горбунов В. В., 2001, с. 176].

Китайский «импорт», находящийся в коллекциях Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, является важной частью собрания и имеет высокую научную ценность. Большинство материалов находится в фондохранилище музея, лишь малая часть представлена в открытой экспозиции. Данная проблема требует решения, так как выставка «импортированных» предметов актуальна в современной действительности и может продемонстрировать развитие отношений Китая с территориями, в настоящее время являющимися Российской Федерацией. Нельзя не обойти стороной вопрос создания полного свода всех китайских привозных изделий, происходящих из такого региона как Алтай. Работа в данной области уже ведется и позволит в будущем облегчить изыскания всем исследователям, интересующимся взаимоотношениями кочевников и оседлого китайского населения.

*Научный руководитель – Н. Н. Серегин
канд. ист. наук, доцент
Кафедра археологии, этнографии и музеологии
ведущий научный сотрудник
Лаборатория междисциплинарного изучения
археологии Западной Сибири и Алтая
Алтайский государственный университет*

Список источников и литературы

- Hartill D. Cast Chinese Coins. – Lexington, 2003. – 450 p.
- Горбунов В. В. 25 лет со времени основания Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета // Алтайский край, 2010 г.: календарь знаменательных и памятных дат. – Барнаул: Принт-Экспресс, 2009. – С. 28–30
- Горбунов В. В. Исследование курганного могильника Иня-1 в Лесостепном Алтае // Археологические открытия 1998 года. – М.: Наука, 2000. – С. 285–286
- Горбунов В. В., Тишкин А. А. Продолжение исследований курганов сrostкинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. сессии / Ин-т археологии и этнографии СО РАН. – 2001. – Т. VII. – С. 281–287
- Грушин С. П. Археология Рудного Алтая: исследование древних и средневековых памятников у горы Тараскина: монография. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. – 118 с.
- Неверов С. В., Горбунов В. В. Сrostкинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в

археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 176–178

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Курган сrostкинской культуры у оз. Яровское // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат. науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. – Вып. IX. – С. 194–198

Тишкин А. А., Горбунов В. В., Казаков А. А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время // Монография. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2002. – 276 с.

Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Китайские изделия из археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. – Вып. 1 (7). – С. 49–72

Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). – Барнаул: Азбука, 2011. – 144 с.

Chinese «Import» in the Collections of the Museum of Archeology and Ethnography of the Altai State University

V. A. Dokuchaev

The article presents the results of systematization of the Chinese «import» items, found during excavations on diverse monuments of Altai and presented in the collection of the Museum of Archeology and Ethnography of the Altai State University (MAEA ASU). A brief description of the most prominent items is included. The prospects for such work are summarized.

Keywords: imported products, silk, coins, mirrors, museum, MAEA ASU, late antiquity, Middle Ages, China, Altai.

Докучаев Владислав Александрович

магистрант 1-го года обучения

исторический факультет

Алтайский государственный университет (АлтГУ)

e-mail: dok_vlad@bk.ru

Dokuchaev Vladislav Aleksandrovich

Master's Degree student, 2nd year

Department of History

Altai State University (ASU)

e-mail: dok_vlad@bk.ru

УДК 902/904

Петроглифы на горе Георгиевской: проблемы и перспективы музеефикации

Л. В. Долгополова, А. В. Суптелова

Кемеровский государственный университет, Кемерово

В настоящее время большое внимание уделяется музеефикации археологических памятников, в частности петроглифов, которыми богат юг Красноярского края. Несмотря на их культурно-историческую ценность, до сих пор ни один из них не взят под охрану, а многие остаются даже не включёнными в списки в качестве историко-культурных объектов. Между тем стремительный рост интереса со стороны туристов и возрастающее количество посещений приводят к ухудшению их состояния.

Так, более десяти лет специалистами активно обсуждается вопрос музеефикации Шалаболинской писаницы, находящейся на правом берегу р. Туба. Памятник известен большим количеством древнейших рисунков, которые были затоплены на других енисейских писаницах при сооружении Красноярского водохрани-

лища. Её изучением исследователи занимались начиная с XIX в. В 1976 г. писаница была взята под охрану как памятник федерального значения [Заика, Дорохина, 2004, с. 186]. Для его дальнейшего сохранения А. Л. Заика предлагает создать археолого-этнографический музей «Шалаболинская писаница».

Между тем напротив Шалаболинской писаницы, на противоположном берегу р. Туба, в окрестностях с. Тесь, находится не менее интересный комплекс разновременных археологических объектов: петроглифы горы Георгиевской и Ильинских писаниц; разновременные могильники, на камнях оград, многих из которых встречаются рисунки; поселения. Все эти объекты сконцентрированы на сравнительно небольшой территории, что позволяет ставить вопрос о выделении здесь археологического микрорайона.

Одними из наиболее привлекательных объектов этого микрорайона остаются петроглифы, среди которых наиболее известны рисунки на горе Георгиевская, расположенной на левом берегу р. Туба, в 1 км от с. Тесь. Это место является наивысшей точкой в долине р. Ини, впадающей в Тубу, и с давних пор почиталось местным населением. О популярности горы в древности свидетельствуют разновременные изображения. В более позднее время на ее вершине была возведена часовня в честь святого Георгия. В настоящее время от нее уцелели лишь остатки фундамента, но интерес местных жителей сохранился [Леонтьев, Панкова, 2012, с. 5].

История изучения писаницы насчитывает не одно столетие. Начиная с XIX в. петроглифы горы Георгиевской (Егорьевской) были известны Н. М. Мартьянову, Д. А. Клеменцу, А. В. Адрианову, Г. К. Мергарту, Г. П. Сосновскому [Леонтьев, Панкова, 2012, с. 5].

В 1972 г. участниками отряда под руководством Э. Б. Вадецкой рисунки на горе Георгиевская вновь были осмотрены [Леонтьев, Панкова, 2012, с. 5], а позднее включены в свод енисейских писаниц [Вадецкая, 1986, с. 160]. В 70–80-е гг. XX в. исследованием петроглифов на горе Георгиевская занимался Н. В. Леонтьев, осуществивший наиболее полное их копирование [Леонтьев, Панкова, 2012].

В 2003, 2004 гг. С. В. Панковой и В. Н. Архиповым (экспедиция Государственного Эрмитажа) на памятнике исследовались таштыкские резные рисунки. Они отметили, что рисунки этого периода отличаются значительным количеством изображений, высоким уровнем мастерства и разнообразием сюжетов [Панкова, Архипов, 2003, с. 47].

Таким образом, несмотря на активный интерес к памятнику со стороны специалистов, значительная часть рисунков на горе Георгиевской до сих пор остается неизученными и неопубликованными. Сама писаница не включена в список объектов культурного значения Красноярского края.

На сегодняшний день к памятнику не утрачен интерес со стороны местного населения. На вершине горы возведен крест, к которому поднимаются, чтобы посмотреть на живописные окрестности. На гору водят гостей, приезжающих в село с официальными визитами. В связи с этим, помимо научного потенциала, памятник весьма значим в туристическом плане.

Георгиевская писаница привлекательна тем, что на ней представлены разновременные рисунки. Наиболее ранние петроглифы выполнены в минусинском стиле, а самые позд-

ние датируются XV–XVIII вв. Всего Н. В. Леонтьев и С. В. Панкова зафиксировали около 40 плоскостей с изображениями [2012], но в настоящее время их выявлено гораздо больше.

В 2017 и 2018 гг. памятник был обследован петроглифическим отрядом экспедиции кафедры археологии КемГУ при участии авторов. Кроме работ по документированию, осуществлялся мониторинг изображений на плоскостях, опубликованных предшественниками [Миклашевич, Мухарева, Бове, 2017, с. 89; Мухарева, 2018, с. 34]; было установлено неудовлетворительное состояние рисунков, разрушающихся под воздействием природных и антропогенных факторов. Вследствие неконтролируемого туризма на плоскостях с изображениями периодически появляются современные надписи. В связи с данными обстоятельствами необходимо бороться за сохранение памятника, и наиболее эффективной мерой может стать его музеефикация, включающая следующие мероприятия:

1) Внесение памятника в Единый государственный реестр объектов культурного наследия и размещение у подножия горы соответствующей информации.

2) Создание на памятнике музея под открытым небом, который может стать филиалом уже функционирующего Тесинского художественного музея в с. Тесь.

3) Размещение стенда на территории музея в с. Тесь с информацией об экскурсиях на памятник. Изготовление нескольких факсимильных копий петроглифов и размещение их у подножия горы или в беседке во дворе музея для проведения мастер-классов по копированию рисунков на пленку и микалентную бумагу.

4) Проведение сотрудниками музея просветительской работы среди местного населения. Привлечение школьников и волонтеров из числа местных жителей.

5) Подготовка информационных брошюр о памятнике.

6) Модернизация сайта Тесинского художественного музея, создание самостоятельного раздела о «Тесинском археологическом микрорайоне» и его основных объектах. Наполнение раздела «О туристических ресурсах села Тесь» маршрутами туров, описаниями экскурсий, характеристикой туристических ресурсов села.

7) Включение в создаваемый туристический маршрут Шалаболинской и Ильинских писаниц, а также других памятников в окрестностях с. Тесь.

Таким образом, данные мероприятия не только будут способствовать популяризации памятника, включению его в туристический маршрут и созданию информационно-ре-

сурсного комплекса района, но позволят сохранить петроглифы, сформировать интерес к маленькой родине и воспитать чувство патриотизма.

Научные руководители:

*В. Г. Дорохов, канд. ист. наук, доцент
Кафедра всеобщей истории
и социально-политических наук*

*А. Н. Мухарева, канд. ист. наук, доцент
Кафедра археологии*

Кемеровский государственный университет

Список литературы

Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.

Заика А. Л. Шалаболинская писаница (вопросы музейфикации) / А. Л. Заика, А. А. Дорохина, Е. И. Кочкина, Т. А. Пахомова, Е. И. Ануфриева // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Аста-

фьева / Гл. ред. О. А. Карлова. – Красноярск. – 2014. – № 1 [27]. – С. 184 – 188

Леонтьев Н. В., Панкова С. В. Петроглифы горы Георгиевской (таштыкские резные рисунки) // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Лышценская. Улазы III. Сосниха. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 5–27. (Тр. САИПИ. Вып. X)

Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н., Бове Л. Л. Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская писаница» в 2016 г. // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». – 2017. – Вып. 5. – С. 86–101

Мухарева А. Н. Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская писаница» в 2017 г. // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». – 2018. – Вып. 7. – С. 26–35

Панкова С. В. Изображения посттагарского и таштыкского времени на скалах Минусинского края // Археологические экспедиции за 2004 год. Сборник докладов. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. – 2005. – С. 74–84

Панкова С. В., Архипов В. Н. Новые памятники наскального искусства из Южной Сибири // Археологические экспедиции за 2003 год. Сборник докладов. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. – 2004. – С. 36–47

Petroglyphs on the Mountain Georgievsky: The problems and Prospects of Museumification

L.V. Dolgoplova, A.V. Suptelova

The article is devoted to one of the least studied archaeological monuments of Krasnoyarsk Krai – the petroglyphs on the mountain Georgievsky. The authors present a brief history of the study of the monument, the drawings of which are different and differ in a significant number of images, a high level of skill, a variety of subjects. For the preservation and promotion of the inscription proposes measures for its preservation and inclusion in tourist routes.

Keyword: petroglyphs, the museumification of the, historical and cultural objects, Krasnoyarsk Krai, Georgievsky pisanitsa.

Долгополова Любовь Владимировна

магистрант 1-го года обучения

Исторический факультет (направление: туризм)

Кемеровский государственный университет

e-mail: dolgoplova.lybanya@yandex.ru

Суптелова Анна Владимировна

магистрант 1-го года обучения

Исторический факультет (направление: туризм)

Кемеровский государственный университет

e-mail: suptelovaa@mail.ru

Dolgoplova Lyubov Vladimirovna

1st year graduate student

Faculty of History (focus: Tourism)

Kemerovo State University

e-mail: dolgoplova.lybanya@yandex.ru

Suptelova Anna Vladimirovna

1st year graduate student

Faculty of History (focus: Tourism)

Kemerovo State University

e-mail: suptelovaa@mail.ru

УДК902/904+72

Использование результатов археологических исследований при реконструкции оборонительных сооружений острогов*

А. И. Зуева

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

*Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 18-09-00150 «Комплексные археологические, исторические и этнографические исследования Умревинского острога»

Реконструкция русских острогов стала своеобразным трендом в музееведении и туризме [Гусева, 2018]. Происходит как полное воссоздание оборонительных сооружений острогов (Илимский, Братский, Казымский, Зашиверский), так и отельных элементов (башня Умревинского острога). Первым этапом при выполнении реставрационных ра-

бот является сбор источников, содержащих информацию о подлинном облике острога. Письменные и графические источники, обладающие исчерпывающей информацией касательно архитектурного облика того или иного острога, являются большой редкостью. В таком случае получить дополнительное, а в ряде случаев и единственное, представление

об устройстве острога можно из археологических источников.

Целью данной работы является выявление информационного потенциала результатов археологических исследований при натурной или графической реконструкции оборонительных сооружений сибирских острогов. Для достижения данной цели нами поставлены следующие задачи:

1) выявить оборонительные сооружения острогов, которые реконструировались на основе результатов археологических исследований;

2) определить информационный потенциал результатов археологических исследований для применения их при реконструкции оборонительных сооружений острогов;

3) выявить проблемы и перспективы использования результатов археологических исследований при восстановлении оборонительных сооружений острогов.

После проведения археологических исследований одним из его итогов становится графическая реконструкция (Саянский, Умревинский, Зашиверский, Албазинский остроги), а в ряде случаев происходит и натурная (оборонительные сооружения Казымского острога; частичная реконструкция южного, западного тына и юго-западной башни Умревинского острога).

После проведения археологических раскопок исследователь переходит к интерпретации материала для последующей реконструкции оборонительных сооружений. В силу специфики строительного материала сохранность их оборонительных сооружений оставляет желать лучшего. В большинстве случаев судить о конструкции какого-либо сооружения удастся по остаткам бревен крайне плохой сохранности (нижние венцы, истлевшие или обугленные остатки бревен). В связи с этим (если памятник изучен полностью) удастся установить площадь памятника, его планиграфию, а также тип острожных стен. Остатки стен Казымского острога – небольшие углубления-канавки; Саянского острога – лежащие горизонтально фрагменты дерева, сопутствующие валам и примыкающие к башням; Албазинского острога – остатки вертикально вкопанных брёвен; Зашиверского острога – нижние венцы; Умревинского острога – вертикальные остатки бревен в виде тлена, стоящие впритык друг к другу [Молодин, 1980, с. 136; Скобелев, 2012, с. 190; Артемьев 1999, с. 110; Окладников, и др., 1977, с. 121; Бородовский, Горохов, 2016, с. 18].

Удаётся установить месторасположение башен: угловая юго-восточная башня Илимского острога – 3-4 венца; угловая юго-западная башня Саянского острога – остатки нижних венцов; угловая северо-восточная башня Албазинского острога – частичная сохранность нижнего вен-

ца сруба; угловая северо-западная башня Зашиверского острога – два венца бревен; угловая юго-западная башня Умревинского острога – остатки установленных вертикально в один ряд полубревен (тлен и труха) [Васильевский, Молодин, Седякина, 1978, с. 224; Скобелев, 2013, с. 227; Артемьев 1999, с. 111; Окладников, и др., 1977, с. 124; Бородовский, Горохов, 2009, с. 45].

В ряде случаев исследователям удается определить конструктивные особенности башен. На основании данных остатков можно установить их размеры: Умревинского – 3,2×3,5 м, Саянского – 6×6 м, Зашиверского – 5,8×1,35 м, Албазинского – 6,4×6,4 м [Бородовский, Горохов, 2009, с. 45; Скобелев, 2013, с. 227; Окладников, и др., 1977, с. 121; Артемьев 1999, с. 111].

По расположению остатков дерева можно установить устройство полов башен: Умревинский – над слоем желтого суглинка сверху располагался фрагмент половицы, ориентированный по течению реки; Зашиверский – настил, вымощенный из массивных бревен лиственницы вперемежку с половинками бревен. Под этим настилом раскопаны обугленные и заиленные два венца бревен, лежащие на слое мха. Они расположены в сторону, противоположную настилу угловой башни; Саянский – внутри башен сохранились остатки досок (плах), уложенных на поперечные лаги (переводины); Албазинский – частично сохранились нижний венец сруба и плахи пола [Бородовский, Горохов, 2009, с. 50; Окладников, и др., 1977, с. 124; Скобелев, 2013, с. 228; Артемьев 1999, с. 111].

При хорошей сохранности остатков можно определить и некоторые другие особенности. Так, у Саянского острога по сохранившимся остаткам нижних венцов было установлено, что башни были рублены «в обло» из бревен диаметром около 30–40 см, уложенных непосредственно на грунт [Скобелев, 2013, с. 227].

Таким образом, на основе археологических данных исследователям удастся реконструировать такие параметры башен и стен, как: размер (ширину, длину), форму башни, тип тыновой стены (тарасы, тын, заплот), способ рубки (при хорошей сохранности венцов), установить особенности конструкции пола башни.

Одним из существенных недостатков археологических источников является то, что составить представление о высоте оборонительных сооружений, количестве этажей башен и иных архитектурных элементов не представляется возможным. Данные параметры могут быть реконструированы только по письменным и графическим источникам, а также определены аналитическим путем.

Реконструкция острога – скрупулезный процесс, требующий сбора полноценной информации для воссоздания объективного образа того

или иного памятника, в противном случае его историческая ценность, как объекта историко-культурного наследия будет утеряна. Археологические источники в этот процесс вносят свой вклад: определение точной планировки острога, его площади, размеры конструкций, дополнение и уточнение или опровержение других источников. Но, учитывая степень сохранности таких памятников, полученный вследствие археологических исследований материал не может являться единственным источником, на котором основывается реконструкция.

*Научный руководитель – А. П. Бородовский
д-р ист. наук, профессор
Новосибирский государственный
педагогический университет
ведущий научный сотрудник
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Артемов А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. – Владивосток: Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Институт

истории, археологии и этнографии народов Дальнего, 1999. – 336 с.

Бородовский А. П., Горохов С. В. Археологические исследования тына, ворот и некрополя Умревинского острога. // Баландинские чтения. – Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2016. – Т. 11. – №1. – С. 18–23

Бородовский А. П., Горохов С. В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, НГПУ, 2009. – 244 с.

Васильевский Р. С., Молодин В. И., Седакина Е. Ф. Исследования Илимского острога // Древние культуры Приангарья. Новосибирск: Издательство «Наука». Сибирское отделение, 1978. – С. 215–232

Гусева А. И. Реализация тренда «сибирский острог» в современном музееведении (на примере Умревинского острога) // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты. Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. – С. 194–195

Молодин В. И. Археологическая разведка по реке Казым // Историко-архитектурный музей под открытым небом. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 127–140

Окладников А. П., Гоголев З. В., Ащепков Е. А. Древний Зашиверск. – М.: Наука, 1977. – 210 с.

Скобелев С. Г. Башни Саянского острога (по данным археологии) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 13. – Вып. 3. – С. 224–233

Скобелев С. Г. Стены Саянского острога // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. – Т. 11. – Вып. 7. – С. 187–193.

Results of Archaeological Research and the Reconstruction of the Siberian Ostrogs

A. I. Zueva

One of the results of archaeological research is a graphic, and sometimes an authentic prototype reproduction of the Siberian Ostrogs. Obtained during its study results can be used for reconstruction of planning and development, size (width, length) of towers and walls, shape of towers, type of wall, and establish. One of the drawbacks of archaeological sources is that we cannot reconstruct the height of fortifications, the number of floors of towers, and other architectural elements.

Keywords: Russian Siberian ostrogs, reconstruction of the ostrogs.

Зуева Анастасия Игоревна
магистрант 2-го года обучения
Новосибирский государственный педагогический
университет
e-mail: n.igorewna@yandex.ru

Zuyeva Anastasiya Igorevna
Master's program, 2nd year
Novosibirsk State Pedagogical
University
e-mail: n.igorewna@yandex.ru

УДК 902

Народные рисунки хакасов на каменных плитах из фондов музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета

А. С. Кинёва

Кемеровский государственный университет, Кемерово

В статье анализируются каменные плитки с хакасскими народными рисунками, хранящиеся в фондах музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Плитки поступали в фонды музея в разное время и в настоящий момент составляют большую часть коллекции каменных плит с петроглифами. Среди этих петроглифов, датируемых специалистами Новым и Новейшим временем, преобладают антропоморфные

фигуры и различные животные, представленные как единичными изображениями, так и многофигурными композициями.

В археологии Минусинского края, богатой разновременными памятниками, особое место занимает наскальное искусство. В хронологической шкале петроглифов региона наиболее поздними считаются изображения этнографического времени, представленные на скалах Минусинской котловины так называемыми народными

рисунками хакасов. Впервые подобные рисунки были зафиксированы участниками экспедиции Д. Г. Мессершмидта в 1722 г. [Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 6; Мухарева, 2016, с. 144; и др.]. Дальнейшее их выявление и изучение позволило исследователям выделить народные рисунки хакасов среди изображений других эпох в особый пласт и датировать Новым и Новейшим временем [Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 12].

Помимо наскальных поверхностей, петроглифы этого хронологического периода встречаются на курганных камнях, а также на отдельно лежащих на склонах гор каменных плитках. Еще в начале XX в. процесс нанесения на такие плитки изображений хакасами-пастухами описывали некоторые специалисты, работавшие на памятниках региона. Так, например, А. В. Адриановым был замечен подросток-качинец, выбивавший рисунок на лежащей рядом плитке [Адрианов, 1908, с. 46]. Особенно много таких плиток с хакасскими рисунками было выявлено в горном массиве Оглахты (Богградский район Республики Хакасия), откуда во второй половине XX в. их вывозили в различные музеи Сибири, в том числе в музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета (КемГУ) [Миклашевич, 2015, с. 65]. В настоящее время в фондах музея КемГУ они входят в состав представительной коллекции каменных плит с петроглифами, насчитывающей 126 единиц хранения (коллекция № 43/1–109).

Согласно документам учета музея КемГУ, плитки с хакасскими рисунками поступали в музей несколькими партиями [Каталог..., 2008, с. 78]. Первая партия каменных плиток с народными рисунками хакасов была передана в музей Б. Н. Пяткиным в 1980-х гг. Приехав в Кемерово из Ленинграда, он активно занимался изучением петроглифов Среднего Енисея, в том числе комплекса Оглахты [Советова, Миклашевич, 1999: 50, 51]. В ходе этих работ большое внимание уделялось поиску и копированию хакасских рисунков на отдельных плитках. Несколько крупных обломков девонского песчаника с выбитыми на них изображениями лошадей, верблюдов, других животных, антропоморфных фигур, элементов хакасского орнамента были привезены в музей КемГУ [Миклашевич, Мухарева, 2011, с. 64]. Кроме того, в те же годы было собрано несколько десятков мелких обломков плит, на которых прослеживались тончайшие едва заметные резные линии и остатки выбивки. Б. Н. Пяткиным планировалась специальная работа по документированию изображений на этих миниатюрных плитках, которая не была осуществлена. Эти плитки поступили в фонды музея в 2008 г. [Там же]. В 2010 г. Е. А. Миклашевич передала в музей

плиту девонского песчаника с выбитыми изображениями шести антропоморфных фигур, найденную на склоне горы Суханиха (Минусинский район Красноярского края) среди обломков камнепада [Миклашевич, 2009, рис. 1: 3].

Таким образом, к настоящему времени в коллекции каменных плит с петроглифами насчитывается 85 плиток девонского песчаника с народными рисунками хакасов: изображениями антропоморфных фигур (от крупных до миниатюрных), различных животных (лошадей, верблюда), элементов хакасского орнамента и гравированных линий, не складывающихся в фигуры. На некоторых плитках представлены единичные изображения, но также встречаются многофигурные композиции. К сожалению, только несколько из них выставлено в экспозиции музея, остальные же находятся в фондохранилище и не представлены в научной литературе. Между тем их тщательное документирование и интерпретация значимы для изучения мировоззрения и материальной культуры хакасского населения, жившего на территории Минусинской котловины в XVIII–XIX вв.

*Научный руководитель – А. Н. Мухарева
канд. ист. наук, доцент
Кафедра археологии
Кемеровский государственный университет*

Список литературы

- Адрианов А. В. Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. – СПб., 1908. – Вып. 8. – С. 37–46
- Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – Вып. 3. – 124 с.
- Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки Хакасов. – М.: Наука, 1980. – 447 с.
- Миклашевич Е. А. Документирование и мониторинг памятников наскального искусства в Хакасии и на юге Красноярского края в 2009 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Мат-лы Итоговой сессии института археологии и этнографии СО РАН 2009 г. – Новосибирск: Наука, 2009. – Т. XV. – С. 323–328
- Миклашевич Е. А. Комплекс памятников наскального искусства Оглахты: информационный потенциал и перспективы исследования // Научное обозрение Саяно-Алтая. – Абакан: ХаКНИИЯЛИ, 2015. – С. 54–77
- Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н. Коллекция каменных плит с петроглифами в фондах музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета // Музей и наука: к 35-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 64–66
- Мухарева А. Н. Писаница на утесе Городовая Стена: история изучения и современное состояние // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): материалы международной конференции. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. – С. 144–148
- Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово, КемГУ, 1999. – С. 47–74

Khakass National Drawings on Stone Plates from Funds of the Museum «Archeology, Ethnography and Ecology of Siberia» of Kemerovo State University

A. S. Kinyova

The article analyzes stone slabs with Khakass national drawings, which are stored in the funds of the Museum «Archeology, ethnography and ecology of Siberia» of Kemerovo State University. Tiles appear in funds of the museum at different times and at present compose the main part of a collection of stone plates with petroglyphs. Among these petroglyphs which are dated Modern and Contemporary Ages, the anthropomorphous figures and various animals presented by both single images, and multifigured compositions prevail.

Keywords: Museum «Archaeology, ethnography and ecology of Siberia» of Kemerovo State University, collection of stone plates, petroglyphs, ethnographic drawings, Modern period.

Кинёва Алина Сергеевна

студентка 3-го курса

Кемеровский государственный университет

e-mail: linakoatan@gmail.com

Kinyova Alina Sergeevna

3rd year student

Kemerovo State University

e-mail: linakoatan@gmail.com

УДК 902.2

История города Гижигинска (1650-е – 1920-е гг.)

У. С. Конь, И. Ю. Понкратова

Северо-Восточный государственный университет, Магадан

Освоение Севера Дальнего Востока России началось в середине XVII в. Первопроходцы не только закрепили отдаленные труднопроходимые территории за Российской державой, но и оставили свидетельства материальной культуры, которая тесно переплелась здесь с культурами коряков, эвенов, чукчей и пр.

Археологические раскопки первых поселений русских в Сибири и на Амуре дополнили историю Нового времени России на ее отдаленных территориях. На территории СДВР такие исследования не проводились, хотя памятники этого периода известны. Одним из них является «забытый город» Гижигинск.

Описание Гижигинска было оставлено учеными, путешественниками, административными деятелями. Анализ этих данных, а также материалов из архивов, сборников законов и пр. позволил выделить этапы его истории.

Первый этап связан с походами М. Стадухина, который в 1651 г. с отрядом казаков в устье р. Гижиги поставил зимовье, и И. Баранова, после похода которого летом 1652 г. якутская таможня выдала «проезжие грамоты» на Чондон (Гижигу) [Бурыкин, 2006, с. 231].

На втором этапе, в середине XVIII в., был основан Гижигинский острог и построена крепость – крупнейший военный пункт на Северо-Востоке России. В его задачи входили торговля и установление отношений между аборигенами и русскими, охрана российских территорий на Дальнем Востоке. Этот этап связан с именем А. Игнатьева, чье донесение от 14 апреля 1752 г. в Охотскую канцелярию принято считать за дату основания Гижигинской крепо-

сти. С 1757 г. к Гижигинску морским путем на судах стали приходить грузы. В 1776–1780 гг. комендантом крепости являлся Т. И. Шмалев – известный исследователь Северо-Восточной Сибири, этнограф, историк, географ. Благодаря ему в 1779 г. в Гижигинске был заключен мир с чукотскими тойонами, результатом которого стало объявление чукчей подданными России.

Основное население Гижигинска – военные регулярной армии и казаки, переведенные на постоянное пребывание в городе. Образ жизни города был полувоенным – служивое население несло постоянную военную службу и в тоже время занималось рыболовством, охотой, огородничеством. Это было связано с тем, что Гижигинск находился далеко от центра, военное довольствие было скудным, земля не была плодородна. В этот период в Гижигинске функционировали навигационная и казачья школы, где дети казаков и обывателей обучались азбуке, чтению, Закону Божьему, письму; началось крещение местного населения.

На третьем этапе (вторая половина XVIII в.) Гижигинск становится городом. Екатерина II Именным Указом от 2 марта 1783 г. переименовала Гижигинский острог в город [Полное собрание..., 1843, с. 873], а в 1790 г. утвердила его герб [Книга чертежей..., 1843, с. 27]. Присоединение северных территорий было выгодно для казны государства – дорого ценилась собираемая с местного населения пушнина. Кроме того, в XVIII в. морские суда часто терпели крушения у берегов Охотского моря, а сухопутные сообщения были затруднены столкновениями с аборигенами.

Гижигинск стал вторым после Охотска официально учрежденным городом на всем Северо-Востоке России. Он являлся важным звеном в развитии сухопутных сообщений, связавший Охотск с северо-восточным побережьем Охотского моря и Камчаткой [Казарян, 2012, с. 38]. Наладилась торговля – город превратился в крупный торгово-обменный пункт на Охотском побережье. Гижигинская Спасская церковь развернула активную миссионерскую деятельность среди коренного населения. Миссионеры проповедовали православную веру, обращали инородцев в христиан, укрепляя союз взаимоотношений между национальностями, меняя их мировоззрение и тем самым подталкивая их на добровольное вхождение в состав Российской империи [Хаховская, 2004, с. 5–25].

На четвертом этапе (XIX в.) происходит заметный упадок города, связанный с откопечкой коряков в 1800 г. от Гижигинской крепости в северные места – к р. Анадырь, а также на Камчатку, к Тигильской крепости. Следствием этого стали сокращение торговых сделок, спекуляция. Частыми явлениями были голод, заболевания, принесенные русскими. На этот период приходится служение Митрополита Нестора, который не только крестил и отпевал население, но и обучал детей на корякском языке, переводил на корякский язык тексты. При нем церковь становится своеобразным центром города [Митрополит Нестор., 2003]. В конце XIX в. Гижигинск перестает быть военным опорным пунктом.

На рубеже XIX–XX вв. в Гижигинске случилась эпидемия. Болезнь, завезенная с Камчатки купцом Ф. Косыгиным, была в то время не страшна в городах, где были и врачи, и аптеки, где была возможность соблюдать предписания врачей относительно диеты и гигиены вообще. В далеком Гижигинске она приняла угрожающие размеры – от вспышки кори из 600 жителей умерло 160 чел. [Сильницкий, 1902, с. 148].

Пятый этап связан с установлением советской власти в Гижигинске и дальнейшим упадком города. Комиссаром Временного правительства по Гижигинскому уезду (1917 г.), а затем первым председателем Гижигинского уездного Совета (1918 г.) становится А. А. Курилов. Настроенный демократично, не особо разбирающийся в сущности различных политических партий, Курилов защищал интересы трудового народа Гижигинска [Мухачев, 1975, с. 74, 108, 126].

1920–1923 гг. – время, когда власть в Гижигинске переходила «из рук в руки»: город находился то под властью военно-революционного комитета, то колчаковцев, то есаула В. И. Бочкарева. Население города находилось в тяжелых условиях; в 1920–1922 гг. разразился

голод. 13 апреля 1923 г. отряд В. И. Бочкарева был разбит в пос. Наяхан [Пустовит, 2008, с. 150–266]. После установления советской власти жизнь в городе продолжалась: проводились сельские собрания и встречи, на которых обсуждались важные вопросы и решения, образовались комсомольская и партийная организации. Комсомольцы создали клуб, в котором ставили спектакли. Продолжала функционировать школа (в здании церкви), в которой учились дети со всего Гижигинского уезда [ГАМО. Ф. Д–64. Оп. 1]. Город превратился в обычный поселок, который еще сохранял статус города.

Решением Камчатского окрревокома № 29 от 1 апреля 1926 г. в Камчатском округе были ликвидированы уезды и волости. Гижигинский уезд переименован в Пенжинский район с временным центром в с. Гижига. Восточная часть его с Гижигой вошла в состав Пенжинского р-на Камчатской области, а западная образовала Северо-Эвенский район с новым районным центром Наяханом [ЦГА РСФСР ДВ. Ф. Р–2348. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–25]. В 1927 г. в связи с эпидемией часть населения была отправлена в ближайшее с. Кушка, остальных оставили умирать в своих домах, оцепив город кордоном. Остатки города были сожжены. От Гижигинска сохранилось лишь кладбище.

В целом город Гижигинск сыграл важную роль в истории Российской империи и в дальнейшем – Советского государства. Находясь среди огромной пустынной территории, он выполнил важнейшую функцию налаживания отношений с аборигенами с целью расширения и охраны территории России. Его значимость была высока тогда, когда на его территории происходили восстания народов Севера против Российской империи и Советской России. После того как были налажены взаимоотношения между местным населением и русскими, значение Гижигинска как уездного центра уменьшилось. Отдаленное местоположение от моря и центра страны, отсутствие инфраструктуры – в числе причин его упадка.

Сегодня Гижигинск не внесен в Перечень объектов культурно-исторического наследия РФ; на его территории ведутся незаконные раскопки. Необходимо привлечение внимания к «забытому городу» для его научного изучения и сохранения как объекта культурно-исторического значения.

Список литературы

Бурькин А. А. Михаил Стадучин и его роль в географических открытиях и исследованиях береговой черты Северного Ледовитого и Тихого океанов в 40-е – 50-е годы XVII века // Новый часовой. – 2006. – № 17/18. – С. 230–248.

ГАМО. Ф. Д–64. Оп. 1

Казарян П. Л. Сухопутные сообщения Северо-Восточной России (XVII в. – 1920 г.). – Якутск: Изд. дом СВФУ, 2012. – 147 с.

Митрополит Нестор. Моя Камчатка: записки православно-го миссионера. – Петропавловск-Камчатский: Камч. печ. двор: кн. изд-во, 2003. – 198 с.

Мухачев Б. И. Становление Советской власти и борьба с иностранной экспансией на Северо-Востоке СССР (1917–1920 гг.). – Новосибирск: Наука, 1975. – 201 с.

ПСЗРИ. Собрание Первое. – Т. XXI. – С. 873 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.runivers.ru/lib/book3130/9829/#BookContents> (дата обращения – 01.06.2018)

ПСЗРИ. Собрание Первое. Книга чертежей и рисунков (Рисунки гербов городов). – СПб., 1843. – 114 с.

Пустовит В. П. Противостояние. Очерки истории гражданской войны в Охотско-Камчатском крае // Вопросы истории Камчатки. – Вып. 1. – Петропавловск-Камчатский: Холд. комп. «Новая книга», 2008. – С. 150–266

Сильницкий А. П. Поездка в северные округа Приморской области. – Хабаровск: тип. Канцелярии Приамур. ген.-губернатора, 1902. – 187 с.

Хаховская Л. Н. Охотские церкви в XIX — начале XX в. (Гижигинская, Тауйская, Ямская и Ольская) // Материалы по истории Севера Дальнего Востока. – Магадан, 2004. – С. 5–25

ЦГА РСФСР ДВ. Ф. Р–2348. Оп. 1. Д. 1

The History of Gizhiginsk (1651–1927)

U. S. Kon, I. Y. Ponkratova

Gizhiginsk occupied an important place in the history of the Russian Empire and the Soviet State. It was situated on the outskirts of the country and performed an important function – to establish relations with the natives, the expansion and protection of the territory of Russia. We emphasized some periods in history of city from middle of the XVIII century to 1927.

Keywords: Gizhiginsk, North of the Russian Far East, history, stages, Cossacks, church, cultural heritage site.

Конь Улита Сергеевна

магистрант

Северо-Восточный государственный университет

Понкратова Ирина Юрьевна

канд. ист. наук, профессор РАЕ, доцент,

Северо-Восточный государственный университет

Магадан

e-mail: ponkratova1@yandex.ru

Kon Ulita Sergeevna

Undergraduate

North-Eastern State University

Ponkratova Irina Yuryevna

Candidate of Historical Sciences, Professor of RAE,

North-Eastern State University

Magadan

e-mail: ponkratova1@yandex.ru

УДК 308

Традиционная культура в государственных программах сохранения культурного наследия Республики Корея

К. В. Лазарева

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

В условиях глобализации одним из приоритетных направлений государственной политики Республики Корея является сохранение и развитие культурного наследия. Оно является важным фактором актуализации национального самосознания.

Начало охраны историко-культурного наследия Кореи было положено законом «О храмах и кумирнях» (1911 г.), принятым японской администрацией в годы оккупации; в законодательстве регламентировались обязанности настоятелей монастырей по сохранению каждого элемента буддийского наследия.

После освобождения от японской оккупации начинают формироваться специальные правительственные организации, которые занимались вопросами охраны культурного наследия; в ноябре 1945 г. было учреждено Управление по делам бывшего королевского дома. Оно было создано с целью сохранения имущества и урегулирования вопросов по делам культурного наследия, при этом большая

часть законов об охране культурного наследия осталась без изменений со времен японской оккупации.

Республика Корея присоединилась к ЮНЕСКО в 1954 г., а в 1961 г. Указом Президента Республики Корея было создано Управление по делам культурного достояния. Его главной целью стало создание законодательной базы, регистрация памятников культурного наследия Республики Корея, установление и развитие сотрудничества с партнерами ЮНЕСКО в других странах в интересах интеграции программ изучения, сохранения и популяризации культурного (в том числе нематериального) наследия Республики Корея. Позже при Управлении были созданы Институт культурного наследия и Национальный этнографический музей [Нап, 2007, 118–121 p.].

В 1962 г. утверждается закон «Об охране культурного наследия» («Мунхваджэ похобоп») и составляется новый список объектов культурного наследия. Согласно этому за-

кону, под концептом «культурное наследие» понималось «...искусственно или естественно созданное национальное, этническое или всемирное наследие, имеющее выдающуюся историческую, художественную или научную ценность» [Kim Chang Gyoo..., 2012].

Целью Закона Республики Корея «Об охране культурного наследия» является сохранение материальных или нематериальных культурных ценностей Кореи. Закон определяет четыре категории культурных ценностей: материальные культурные объекты, представляющие особую ценность; объекты нематериального культурного наследия, представляющие особую ценность; объекты народной культуры; памятники. Закон «Об охране культурного наследия» запрещал вывоз за пределы страны «национальных сокровищ», исключением являлся только вывоз экспонатов в рамках обменных программ, например, для выставки за границей, сроком не более чем на два года.

Проработка законов о сохранении культурного наследия стала предметом межгосударственного диалога Республики Кореи с другими странами – членами ЮНЕСКО. Для координации государственных программ в этой области с 1998 по 2001 гг. при участии Корейского национального комитета по делам ЮНЕСКО были проведены значимые для сохранения культурного наследия акции и семинары, в том числе семинар по созданию Программы «Живых гуманитарных сокровищ». Республика Корея приняла четыре из семи международных семинаров.

Начиная с закона «Об охране культурного наследия» (1962 г.), государственные программы сохранения культурного наследия Республики Корея постоянно дораба-

тывались, вбирая все новые и новые аспекты. Были приняты: закон «О сохранении культурных ценностей Республики Корея» (1982 г.); закон «Об охране традиционных буддийских храмов» (1987 г.); закон «О защите древних городов» (2004 г.); закон «О защите культурного наследия и природных ресурсов» (2006 г.); закон «О восстановлении культурных ценностей» (2010 г.); закон «О защите захороненных культурных ценностей» (2010 г.); закон «О защите и продвижении нематериальных культурных ценностей» (2015 г.).

Культурная политика в области изучения, сохранения и популяризации традиционного наследия Республики Кореи изначально была направлена на то, чтобы, эффективно сохраняя традиции, способствовать становлению республики в качестве одного из центров межкультурного диалога в Азиатско-Тихоокеанском регионе; формирующаяся программа призвана противостоять глобализации и «массовой культуре», несущей опасность для национальной культуры.

Научные руководители:

*И. В. Октябрьская, д-р ист. наук, профессор
С. В. Алкин, канд. ист. наук, доцент
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Han, M. The Year of Jeju Folklore – Reviving the Cultural Heritage of Nature's Paradise [Text] / M. Han // International Journal of Intangible Heritage. – 2, 2007. – 118–121 p.

Kim Chang Gyoo; Choe Jong Ho; Jeong Yu Gyeong. A Safeguarding System for Cultural Heritage in Korea: Focused on the Activities of Restoration, Transmission and Protection of Designated Cultural Properties. – 2011 Modularization of Korea's Development Experience. – 2012. – 162 p.

Traditional Culture in Government Programs to Preserve the Cultural Heritage of the Republic of Korea

K. V. Lazareva

The formation and development of the state policy of the Republic of Korea in the field of cultural heritage preservation is considered in the article. The problem of preservation of objects of cultural heritage in the republic of Korea was clearly marked in 1960ies and was directed at distribution of knowledge about Korean traditional culture and revival of Korean identity. By the beginning of the XXI century the policy on the cultural heritage preservation received a legislative basis which has been currently developing dynamically.

Keywords: cultural heritage, UNESCO, the Republic of Korea, immaterial cultural heritage.

Лазарева Ксения Вячеславовна

Аспирант, 3-й курс
Новосибирский государственный университет
e-mail: k.lazareva@g.nsu.ru

Lazareva Ksenia Vyacheslavovna

Phd student
Novosibirsk State University
e-mail: k.lazareva@g.nsu.ru

К вопросу о сохранении археологических памятников на острове Завьялова (Магаданская область)

Л. С. Лебедева

Северо-Восточный государственный университет, Магадан

На территории Магаданской области расположены археологические памятники, большая часть которых не поставлена на учет и не охраняется [Охрана объектов...]. К таковым относятся археологические памятники на о. Завьялова. В 2012 г. Магаданская компания ООО «Экспедиция Тур», занимающаяся организацией охотничьего и рыболовного туризма, арендовала о. Завьялова для организации на нем элитного туристического комплекса. В 2018 г. на остров были завезены овцебыки; в 2019 г. планируется завоз северного оленя, в 2020 г. – снежных баранов. Кроме того в ближайших планах компании – постройка причала, вертолетной площадки, зоны отдыха, комплекса для проживания гостей острова; прокладка пешеходных троп, оборудование смотровых площадок и зоны для приготовления еды в самых живописных местах острова [Овцебыки..., 2018...].

О. Завьялова – один из крупнейших островов северной части Охотского моря; расположен в Тауйской губе, в 45 км от областного центра – г. Магадана; вытянут в северо-восточном направлении, его длина 21,5 км, ширина от 4 до 7,5 км. Береговая линия острова изрезана слабо; в северо-восточной части расположены две небольшие бухты – Рассвет и Корабельная. В бухту Рассвет впадает единственная река, истоки – которой в южной части острова [Остров Завьялова..., 2012, с. 5, 8].

Постоянного населения на острове нет, хотя в летний период его посещают рыбаки и туристы. Возможно, исторически первыми в XVIII в. побывали на острове русские промышленники и купцы; в начале XX в. на нем находилась японская рыбная фактория по заготовке морских продуктов; в 1930-х гг. здесь пытались создать питомник голубых песцов – была построена база зверохозяйства (руководители – В. П. Сторчак и К. О. Озолин) [Остров Завьялова..., 2012, с. 44]. В 1944–1959 гг. на острове действовал маяк и жили обслуживающие его моряки. С 1947 по 1995 гг. на м. Южном работала метеостанция; в 1950-х гг. метеопост был в бухте Рассвет. До 1988 г. здесь действовал рыбозавод. Но после закрытия рыбозавода люди покинули остров [Остров Завьялова..., 2012, с. 6].

В разные годы на о. Завьялова были открыты и частично исследованы археологические объекты. Впервые древняя стоянка была обна-

ружена в 1927 г. В. П. Сторчаком в бух. Рассвет у руч. Малая Речка. В 1928 г. стоянка была раскопана при участии биолога-охотоведа Г. Д. Дулькейта (вскрыто около 10 м²). Затем небольшие раскопки проводил работник Акционерного камчатского общества К. О. Озолин [Остров Завьялова..., 2012, с. 59].

В последующие годы исследованиями М. Г. Левина и В. И. Левина (1930–1931 гг.) [Левин, 1958, с. 226], В. А. Цареградского (1930 г.) [Цареградский, 1980, с. 106–107], А. П. Окладникова с участием директора Охотско-Колымского краеведческого музея А. П. Хмелинина (1946 г.) [ГАМО, Д. 88; Окладников, 1947, с. 176–182], Р. С. Васильевского (1959 г.) [Васильевский, 1971, с. 69–81], А. И. Лебединцева (1982–1983 гг.) [Лебединцев, 1990, с. 64–66; 2006, с. 160–163] были получены дополнительные данные об археологических памятниках о. Завьялова. Последнее обследование береговой части острова осуществлялось в 2009 г. А. А. Прутом и И. Т. Мухаметовым [Остров Завьялова..., 2012, с. 59–60].

По мнению А. И. Лебединцева, самое древнее поселение в бух. Рассвет – Верхняя стоянка о. Завьялова (токаревская культура, конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.). Оно находится на 60-метровой террасе правого берега бухты в отдалении от берега [Васильевский, 1971, с. 70; Остров Завьялова..., 2012, с. 60]. Остатки поселений древнекорякской культуры расположены на террасовидных склонах сопки. Это стоянки на террасах слева и справа бух. Рассвет: Рассвет I (10 жилищ, V–VIII вв.), Рассвет II (3 жилища, X–XIII вв.), Рассвет III (2 жилища, IX–XII вв.). При выходе из бухты Рассвет расположена древнекорякская стоянка Маячная (2 жилища, VII–X вв.). Еще две древнекорякские стоянки находятся у оз. Пресное (2 жилища, VII–X вв.) и у м. Северный (5 жилищ, I тыс. н.э. – начало II тыс. н.э.). В соседней бухте, в месте впадения руч. Первая Речка, находится стоянка Находка (2 жилища, 2-я половина II тыс. н.э.). Всего на территории острова было обнаружено 8 стоянок. Кроме того, со слов биолога М. Г. Хоревой, небольшая стоянка древних зверобоев, вероятно, находится на террасе левого берега в устье руч. Горбатый [Остров Завьялова..., 2012, с. 59–80].

Археологические исследования на о. Завьялова важны для продолжения изучения матери-

альной культуры первых поселенцев региона. Также крайне необходимо внести уже выявленные памятники в Список объектов культурного Магаданской области для постановки на учет с целью их охраны. В противном случае искусственное увеличение количества животных, посещаемость туристами острова, строительство туристических объектов, свободный доступ к местам расположения древних стоянок приведет к уничтожению этих памятников.

В последние годы в России и в Магаданской области в частности активизировалась работа по развитию экотуризма. С привлечением инвестиций о. Завьялова мог бы стать образцовым туристическим объектом, на базе которого была бы возможна организация археологических экспедиций и , полевых школ с участием школьников, студентов, туристов-волонтеров.

*Научный руководитель:
И. Ю. Понкратова
канд. ист. наук, профессор РАЕ, доцент
Северо-Восточный государственный университет*

To the Question about the Preservation of Archaeological Sites on the Zavyalova Island (Magadan Region)

L.S. Lebedeva

Zavyalova Island (Magadan region) is the territory where there are eight archaeological sites. These sites are not included in the special List of Protected Monuments of Historical and Cultural Heritage of the Magadan Region. On the island it is planned to build tourist facilities and archaeological sites can be destruction. Therefore, it is necessary to attraction attention to this problem.
Keywords: Island, Zavyalova, Magadan region, archaeological sites, Historical and Cultural Heritage.

Лебедева Любовь Сергеевна
специалист по УМР, молодой ученый
Северо-Восточный государственный университет
e-mail: lebedeva.lubov.magadan@yandex.ru

- Список литературы**
- Васильевский Р. С.* Происхождение и древняя культура коряков. – Новосибирск: Наука, 1971. – 251 с.
ГАМО. Ф. Р-50. Оп. 1. Д. 88
Лебединцев А. И. Древнекорякская стоянка Маячная на о. Завьялова // Неолит и палеометалл Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2006. – С.160–163
Лебединцев А. И. Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. – Л.: Наука. 1990. – 260 с.
Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 359 с.
Овцебыки на острове Завьялова, 2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://овцебык.рф/i-chelovek/ovcebyki-na-ostrove-zavyalova-2018> (дата обращения – 10.12.2018)
Окладников А. П. Древние культуры Северо-Востока Азии по данным археологических исследований 1946 года в Колымском крае // Вестник древней истории, 1947. – № 1. – С. 176–182
Остров Завьялова (геология, геоморфология, история, археология, флора и фауна). – М.: ГЕОС, 2012. – 212 с.
Охрана объектов культурного наследия. Правительство Магаданской области. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.49gov.ru/activities/control/protection/> (дата обращения – 28.05.2018)
Цареградский В. А. По экрану памяти: воспоминания о Второй Колымской экспедиции, 1930–1931 гг. – Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1980. – 186 с.

Lebedeva Lubov Sergeevna
specialist in educational and methodical work, young scientist
North-Eastern State University
e-mail: lebedeva.lubov.magadan@yandex.ru

УДК 902

«Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области» в деле популяризации и развития археологии в регионе (2003–2018 гг.)

Я. М. Мамуль

Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, Благовещенск

Устав Амурской области гарантирует сохранность историко-культурного наследия, а также поддержку и развитие науки и культуры в регионе [Устав Амурской области, 1995, ст. 92–93]. В Уставе города Благовещенска также прописано право муниципалитета на сохранение, использование и популяризацию культурных объектов [О принятии Устава..., 2005, ст. 18]. В законе Амурской области «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и

культуры) народов Российской Федерации в Амурской области» от 11 сентября 2013 г. особое внимание уделяется выявлению и сохранению объектов культурного наследия, объектов, представляющих собой историко-культурную ценность, объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, а также земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению, а также разработке и реализации государственных программ, финансируемых

за счет средств областного бюджета, в области сохранения, использования, популяризации объектов культурного наследия, находящихся в собственности области, и государственной охраны объектов культурного наследия регионального значения [Об объектах..., 2013, ст. 5-6]. Таким образом, мы можем убедиться, что вышеназванная нормативно-правовая база Амурской области позволяет активно изучать, использовать и популяризировать объекты культурного наследия, в том числе и памятники археологии.

Принятый федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. [Об объектах..., 2002] послужил толчком для создания на территории Амурской области учреждения, специализирующегося на сохранении и изучении объектов историко-культурного наследия Амурской области. «Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области» (ЦСН) официально начал существование 1 марта 2003 г. приказом № 8 комитета по культуре от 25 февраля 2003 года [О создании..., 2003]. По своему уставу Центр является государственным автономным учреждением культуры, выполняющим деятельность по выявлению, использованию, реставрации, консервации, популяризации памятников истории и культуры. В структуре Центра функционирует отдел археологии. Отделом осуществляются три основных направления деятельности: 1) выявление, сохранение и исследование объектов археологии, включая их мониторинг, паспортизацию и раскопки; 2) исследование территорий, предназначенных для хозяйственного освоения (археологические разведки); 3) активная популяризация археологии в медиасфере, привлечение увлеченных школьников и студентов для развития археологической науки и возвращению будущих кадров.

По результатам мониторинга составляются паспорта памятников археологии. В паспорте указываются наименование памятника, датировка, местонахождение, характер современного использования, время открытия и автор раскопок, характер культурного слоя и важные находки, общая культурно-историческая значимость, архивные источники и библиография, техническое состояние, категория охраны и конкретное использование. В схемах указываются административные границы муниципального образования, населенные пункты, памятники истории и культуры, объекты инфраструктуры. За 15 лет деятельности учреждения выявлено и поставлено на учет более 1000 объектов археологического наследия.

Археологические раскопки, приводящиеся каждый год, несут новые научные сведения о памятниках археологии. В последние годы в регионе проводятся преимущественно спасательные раскопки тех объектов, которые занимают площади, предназначенные для нового строительства, и территории, пострадавшие в результате наводнения 2013 года. К таким проектам относятся раскопки средневековых памятников: Октябрьское, грунтовый могильник-1 (2014 г.); Усть-Ивановка, грунтовый могильник-1 (2016 г.); Черниговка, селище-5 (2018 г.). С 2013 по 2015 гг. ЦСН организует раскопки вблизи Осинного озера Константиновского района. Под руководством С. В. Коваленко было исследовано древнее жилище троичкой группы мохэ. В 2018 г., благодаря будущей застройке территории Амурского газохимического комплекса (АГХК), произведены самые масштабные раскопки в истории археологического изучения Западного Приамурья. Полностью исследован памятник Черниговка, селище-5, относящийся к михайловской археологической культуре. Большой объем работ, и крупные финансовые вложения позволили привлечь к работе большое количество студентов и школьников, организовать лекционные и практические курсы. Найденный уникальный материал широко освещался в СМИ и социальных сетях.

Первые два направления работ занимают по совокупности большую часть всей деятельности Центра. Но популяризация археологии среди населения области и поиск молодых кадров не отходят на второй план. Можно утверждать, что в Благовещенске, благодаря экспедициям Окладникова в 50-60 гг. прошлого столетия, а также деятельности исторического факультета Благовещенского государственного педагогического университета, его выпускников, сложилась особая преемственность в археологической науке. Появилась кузница молодых талантливых ученых, которая на протяжении более полувека «чеканит» специалистов, виртуозов своего дела. В первую очередь это академик А. П. Деревянко, доктора наук Е. И. Деревянко, А. И. Мазин, братья В. Н. и А. Н. Зенины, кандидаты наук Б. С. Сапунов, В. В. Сухих, Д. П. Болотин, О. В. Кудрич, О. А. Шеломихин, А. А. Цыбанков, археологи Н. Н. Зайцев, Д. П. Волков, С. В. Коваленко, М. А. Миронов и многие другие, магистранты-археологи Е. И. Крючко, В. Е. Вальченко, Н. Е. Кушнарев.

Центр по сохранению историко-культурного наследия является активным приверженцем этой политики и продолжает вести работу не только со студентами-историками, но и всеми заинтересованными и причастными людьми. Так, в 2009 г. на базе археологической экспедиции Центра был организован молодежный про-

фильный археологический лагерь «Копатыч», который привлекал подрастающее поколение своими культурно-досуговыми программами, в том числе и занятиям по лепке сосудов, разведению огня доступным для древнего человека способом. «Копатыч» организовывался в последующие годы в различных археологических экспедициях области. В 2016 г. на базе Благовещенского государственного педагогического университета сотрудниками Центра совместно со студентами организован археологический клуб «Артефакт». Работа в нем ведется по системе дополнительной педагогической профессии. Проводятся лекции, практические занятия, экскурсионные выезды [Лавриненко, Завгородний, 2018, с. 207].

Таким образом, в комплексе мероприятий Центра по популяризации археологии выделяются два этапа. Первый этап – работа непосредственно с объектами археологического наследия: выявление, мониторинг, паспортизация, раскопки, передача артефактов в музей, подведение итогов работы на пресс-конференциях и написание научных трудов. Второй – привлечение людей, опираясь на средства массовой информации и социальные сети. Помощь

в поиске информации осуществляется через социальные сети Instagram (@bac.artefact, @csnamur) и группы Вконтакте СПО БГПУ «Артефакт». Кроме того, Центром проводятся лекции, практикумы и тематические вечера, организация и поддержка научных конференций.

Список литературы

Лавриненко Э. В., Завгородний Т. А. Инновационные формы и методы популяризации археологии как науки на примере археологического клуба Благовещенска // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты. – Омск: Изд-во Издатель-Полиграфист, 2018. – С. 206–208

О принятии Устава муниципального образования города Благовещенска // Электрон. дан. Режим доступа URL: <http://base.garant.ru/24185868> (Дата обращения: 26.12.2018)

О создании ОГУК «Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области»: // Архив Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области

Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации // Электрон. дан. Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318 (Дата обращения: 26.12.2018)

Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации в Амурской области // Электрон. дан. Режим доступа URL: <http://base.garant.ru/24121439> (Дата обращения: 26.12.2018)

Устав Амурской области // Электрон. дан. Режим доступа URL: http://constitution.garant.ru/region/ustav_amur (Дата обращения: 26.12.2018)

The Centre for Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Amur Region» in the Promotion and Development of Archaeology in the Region (2003–2018)

I. M. Mamul

This paper outlines the main legislative acts relevant for the conservation and popularization of objects of history and culture on the territory of the Amur region. The main aspects of the work of the «Center for the preservation of historical and cultural heritage of the Amur region» in the field of protection, use and promotion of archaeological sites are briefly described. The main stages of this work are highlighted.

Keywords: cultural heritage, archaeological sites, Amur region.

Мамуль Ян Михайлович

археолог

Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области
mamul.93@mail.ru

Mamul Jan Mikhailovich

Archeologist

Center for Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Amur Region
mamul.93@mail.ru

УДК 904/902

Енисейская писаница (вопросы изучения, сохранения и музеефикации)

А. В. Образцова

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск

А. Ю. Халтаева

ООО «Красноярская геoarхеология», Красноярск

Хакасско-Минусинская котловина чрезвычайно насыщена объектами археологического наследия, в том числе памятниками древнего наскального искусства. Но проблемы сохранения историко-культурного наследия Красноярского края остаются нерешенными на сегодняшний

день. Огромное количество археологических памятников открытого типа находятся в аварийном состоянии, и в ближайшее время многие плоскости с наскальными рисунками могут разрушиться полностью. Также туристический потенциал памятников археологии Краснояр-

ского края фактически не раскрыт, несмотря на то, что комплексы историко-культурного наследия могут являться важным социально-экономическим ресурсом для развития экономики в сельской местности.

Енисейская писаница находится в Минусинском районе Красноярского края, в долине р. Иня, в 1,5 км к северо-востоку от с. Прихолмье и в 7 км к юго-западу от с. Тесь. Петроглифы находятся на южном склоне горы (абсолютная высота 450 м), сложенной девонскими песчаниками, на верхнем ярусе скальных обнажений, на высоте 50 м от подножия. Основная часть рисунков выполнена в технике выбивки, реже – гравировки. Изображения в основном обращены на юг и юго-восток.

Несмотря на длительную историю изучения памятников наскального искусства, ряд объектов стали известны для науки сравнительно недавно. Исследования, например, Енисейской писаницы начинаются только с 70-х гг. XX в. Первым, кто обследовал данные петроглифы, был Н. В. Леонтьев (1974, 1977, 1980 гг.) [Вадецкая, 1986, с. 164]. В июле 2017 г. археологическим отрядом КГПУ им. Астафьева проведены мероприятия, характерные для первичных полевых исследований наскальных рисунков: поиск петроглифов, выявление, фиксация и копирование рисунков, их полевое описание [Енисейская писаница..., 2018].

Писаницы Тесинского археологического района, в том числе и Енисейская писаница, как объект историко-культурного наследия представляют интерес своими культурно-хронологическими параметрами и охватывают довольно широкий диапазон от эпохи камня до этнографической современности и Нового времени. Наскальное искусство поражает разнообразием сюжетов и образов: контурные изображения быков и маралух; чашевидные лунки и изображения голов быков; зооморфные фигуры, выполненные в линейном стиле; сцены охоты и батальных действий; скотоводческие сюжеты железного века; многообразие резных рисунков со сценами охоты таштыкской эпохи; средневековые изображения тамг, решетки; большое количество этнографических рисунков.

Петроглифы левобережья р. Тубы также заслуживают огромного внимания, по причине того, что данная территория в представлении наших далеких предшественников, по всей видимости, являлась культовым священным местом. Изображения чашевидных углублений, сконцентрированные в гроте на восточной окраине Енисейской писаницы I, могли нести культовую функцию во время проведения ритуалов, связанных с жертвоприношениями, а сам грот мог служить святилищем. Не случайны также

на писанице изображения шаманов с бубнами. Культовая значимость объекта подтверждается обширными древними могильными комплексами в подножии скального массива.

Каждый памятник наскального искусства своеобразен и подвержен влиянию ряда сочетаний природных воздействий. При разработке программ по сохранению памятников наскального искусства следует учитывать широкий спектр особенностей – определить состояние скального массива, его гидрологический режим, локальные особенности местонахождения памятника, изменения условий окружающей среды, уровень воздействия антропогенного фактора и пр. [Дэвлет Е.Г. 2002, с. 99]. Серьезную угрозу для петроглифов Енисейской писаницы представляет размывание поверхности камня осадками, а также во время таяния снегов. Большое количество плоскостей покрыто белым налетом от стекающих вод. Возможно, во избежание данного разрушающего фактора уместно установить специальные козырьки над плоскостями с рисунками, что даст отвод воды и уменьшит попадание влаги на петроглифы.

В связи с тем, что многие наскальные изображения разрушаются и находятся в аварийном состоянии, следует принять неотложные меры по сохранению и музеефикации петроглифов, а именно: создать музей-заповедник под названием «Тесинский». В предполагаемый музей-заповедник должны быть включены такие археологические объекты как Енисейская, Ильинская, Георгиевская писаницы. Территория музея-заповедника «Тесинский» должна будет включать в себя не только прилегающую территорию к писаницам, но и охватывать другие объекты древнего историко-культурного наследия (могильники, стоянки, поселения). Только при комплексном исследовании местности можно сформировать объективную картину развития как духовной, так и хозяйственной деятельности наших далеких предшественников.

На территории предполагаемого музея заповедника «Тесинский» находятся три населенных пункта: с. Тесь, п. Прихолмье, п. Прирубинский, что, несомненно, может явиться важной определяющей в формировании плана предполагаемой деятельности. Административным центром данного проекта, по всей видимости, должно стать село Тесь. Немаловажным доводом в пользу размещения административного центра музея под открытым небом «Тесинский» именно в с. Тесь является непосредственная близость села от археологического памятника Шалаболинская писаница, на котором в данный период времени ведутся работы по возведению его в статус музея-заповедника. В перспективе возможно создание сети музеев заповедников в Красноярском крае.

Также нужно понимать, что при реализации деятельности музея-заповедника «Шалаболинская писаница» часть туристов могут неконтролируемо посещать археологические объекты историко-культурного наследия, в отношении к которым не приняты меры по охране и контролю посещаемости. Неконтролируемый поток туристов может представлять угрозу разрушения наскальных изображений на писаницах Тесинского археологического района, и особенно это относится к Георгиевской писанице. Данное опасение также может послужить одной из актуальных рекомендаций по созданию музея-заповедника «Тесинский».

Таким образом, объекты историко-культурного наследия Тесинского археологического района, а впоследствии музей-заповедник «Тесинский», могут стать отличным средством реализации программы образовательного стандарта, концепции развития музеев и поднятия туристического престижа края.

Сама Енисейская писаница требует дальнейших исследований с целью уточнения полученной информации, конкретизации культурно-хронологической атрибуции наскальных рисунков, определения характера и

степени их разрушений, разработки конкретных мер по сохранению петроглифов и их музеефикации.

*Научный руководитель – А. Л. Заика
канд. ист. наук, доцент
Кафедра отечественной истории
Красноярский государственный педагогический
университет им. В. П. Астафьева*

Список литературы

- Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 179 с.
- Дэвлет Е. Г.* Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. – М.: Научный мир, 2002. – 262 с.
- Енисейская писаница* (результаты исследований 2017 года) / Заика А. Л., Образцова А. В., Халтаева А. Ю., Ермаков Т. К., Вдовин А. С., Журавков С. П., Трофимов А. А., Артамонова В. А., Муршидова М. А., Ключников Т. А., Конохов В. А. // Сборник докладов и сообщений «Мартыановские краеведческие чтения» (2016-2017 гг.). Вып. XI. – Минусинск: МРКМ им. Н. М. Мартыанова, 2018. – С. 101–104
- Ковалева О. В.* Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – 158 с.
- Леонтьев Н. В., Русакова И. Д.* Петроглифы раннего железного века на горе Ильинской. – Вестник САИПИ. – 2003-2004. – Вып. 6-7. – С. 34-41.
- Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М. Наука, 1980. – 328 с.

Yenisei Pisanitsa (Questions of Research, Conservation and Museumification)

A. V. Obraztsova, A. Yu. Haltaeva

The Yenisei Pisanitsa was an ancient sanctuary, starting from the Neolithic era and ending with ethnographic modernity. Due to the fact that many rock paintings are destroyed and are in disrepair, it is necessary to take urgent measures for the preservation and museumification of petroglyphs, namely: the creation of the Museum-reserve «Tesinsky». The proposed Museum reserve should include such archaeological sites as the Yenisei Pisanitsa, Ilyinskaya Pisanitsa, Georgievskaya Pisanitsa, and other adjacent archaeological sites of historical and cultural heritage.

Keywords: petroglyphs, Yenisei pisanitsa, early iron age, the preservation of historical and cultural heritage, the Museum-reserve «Tesinsky»

Образцова Анна Владимировна
студентка магистратуры, 3-й курс
Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева
e-mail: obraztsova-a@mail.ru

Халтаева Анна Юрьевна
младший научный сотрудник
ООО «Красноярская георхеология»
e-mail: njura.230992@gmail.com

Obraztsova Anna Vladimirovna
3rd year Master's student
Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V. P. Astafiev.
e-mail: obraztsova-a@mail.ru

Khaltayeva Anna Yuryevna
junior researcher
LLC «Krasnoyarsk Geo-Archeology»
e-mail: njura.230992@gmail.com

УДК 902/904

Этнографические изображения на скалах Тепсея

И. В. Сирюкин

Кемеровский государственный университет

Тепсейский археологический комплекс занимает важную нишу в археологии Южной Сибири. Он включает в себя разнообразные археологические объекты, в том числе памятники наскального искусства. Впервые сведения о Тепсейской писанице сообщил Л. Ф. Титов в

1850 г. [Советова, 1995, с. 33], но научное исследование рисунков горы Тепсей было начато А. В. Адриановым. Именно он заложил основы научного документирования памятников наскального искусства, впервые предприняв попытку копирования рисунков при помощи

эстампажей, фотографирования и сплошного документирования, а не выборочных, наиболее выразительных рисунков. Результатом деятельности Адрианова стали его отчеты и публикация трудов, в том числе «Очерков Минусинского края» [Советова, Аболонкова, 2013, с. 114].

После Адрианова столь масштабных работ на Тепсее не проводилось до 1960-х гг., когда началось строительство Красноярского водохранилища. Долгие годы с Тепсеем связывали имя Я. А. Шера, сотрудника ЛОИА СССР, возглавлявшего в 1960-е гг. Каменский отряд Красноярской АЭ. Следует сказать, что им было проведено сплошное обследование горного массива Тепсей как с западной, так и с юго-восточной стороны на предмет выявления рисунков. Также проводилось описание петроглифов и их фотографирование. Я. А. Шер сделал и предварительную хронологическую оценку задокументированных материалов. Долгое время на памятнике работали кемеровские и красноярские археологи [Советова, 2005; и др.]. Начатые в 2012 г. Тепсейским отрядом кафедры археологии КемГУ целенаправленные исследования петроглифов Тепсея [Советова, Аболонкова, 2013; и др.] включали изучение рисунков на курганных камнях и на скалах всего горного массива на берегу как Енисея, так и Тубы, а также в его внутренней части.

Исследовательский интерес, к сожалению, долгое время распространялся почти исключительно на ранние петроглифы, а тот пласт рисунков, который в литературе называется «этнографическим» или «народным», т.е. Нового и Новейшего времени, практически полностью игнорировался. Это тем более странно, что этнографические рисунки, найденные во всех известных пунктах горы, составляют огромный процент от всех выявленных изображений, они вполне разнообразны и многие чрезвычайно выразительны и информативны. Уже Каменским отрядом Красноярской АЭ 1960-х гг. отмечалось, что на Тепсее сосредоточено множество этнографических (народных) изображений – рунических надписей, тамг и рисунков [[Blednova, Francfort, Sher, 1995, p. 111, pl. 25, и др.]. Тематически это изображения животных – главным образом коней, козлов, собак, оленей и др., людей, предметов – построек, транспортных средств и др., а также знаков и т.д.

Проведенные кемеровскими археологами исследования позволили выявить много уникальных плоскостей с этнографическими рисунками. Среди них большое количество тамг. Это, например, одна из плоскостей в пункте Усть-Туба III, где на крыше, выходящим к реке, была выявлена целая каменная «стена», испещренная тамгами, надписями и солярными зна-

ками этнографического времени (рис. 1). Есть среди них и выбитые надписи, которые можно отнести к началу XX в. Эти изображения выполнены грубой выбивкой, среди них выделяются три крупных солярных знака и две тамги, которые выбиты, скорее всего, рукой одного человека. Много выбитых антропоморфных тамг обнаружено в пункте У-Т IV, представляющих схематичное антропоморфное изображение с широко расставленными ногами и поднятыми вверх руками, выполненные мелкой выбивкой, в области головы видны попытки шлифовки, а ноги изображены полукруглой плавной линией (рис. 2). Схожие антропоморфные тамги известны и на соседнем памятнике Оглахты, где Л. Р. Кызласовым и Н. В. Леонтьевым было выявлено огромное количество этнографических рисунков. Среди них и антропоморфные тамги, у которых передача ног выполнена аналогично дугообразной плавной линией (8 случаев). Другой разновидностью антропоморфных тамг являются такие, у которых ноги показаны обыкновенной галочкой, обращенной углом вверх. Аналогичные же тамги были найдены и на Оглахтах (их примерно 38) [Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 32]. Эти параллели еще раз подтверждают слова А. В. Адрианова о схожести петроглифов этих памятников как по технике, набору образов, так и по их семантике. Александр Васильевич полагал, что многие «современные» рисунки создавались пастухами, пасущими скот и для лучшего обзора выбиравшими небольшие возвышенности, где и создавались их «шедевры» [Адрианов, 1904, с. 45].

Ближайший к горе населенный пункт – это село Листвягово, созданное в XVIII в. В Листвягово вплоть до середины XX в. жил род Марьясовых, происходивший от пашенных татар (т. е. оседлых хонгорцев) из княжеского рода кыргызы [Бутанаев, 1996, с. 6]. Заимка Марьясовых располагалась в Широком логу (именно здесь зафиксировано большое количество поздних рисунков). Возможно, некоторые тамги принадлежат именно этому роду. Также было вновь обнаружено множество тамгообразных рисунков, уже введенных в научный оборот [Blednova, Francfort, Sher, 1995, p. 111, pl. 21.1 - 24.15].

Среди этнографических рисунков Тепсея особо выделяются – и численно, и стилистически – выбитые изображения коней, которые отличаются от изображений коней других эпох целым набором характерных черт: небольшой относительно тела головой, массивным туловищем, широким хвостом, крепкой спиной и стройными ногами. Такие черты отличают целый ряд изображений, найденных в пунктах Усть-Туба III и IV. Этнографические ри-

Рис. 1. У-Т III. Стена с тамгами и солярными знаками

сунки были найдены не только на скалах, но, например, на небольшой отдельной плитке, обнаруженной на вершине горы, с выбитым изображением коня (рис. 3), похожим на те, что массово находили исследователи при осмотре склонов г. Оглахты [Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 69, рис. 26].

Помимо выбитых изображений было обнаружено множество изображений животных, в основном коней, выполненных техникой гравировки. Эти рисунки довольно схематичны, в настоящее время часто еле заметны (хотя встречаются и резные фигуры). Нередко рядом с ними встречаются разнообразные хаотичные линии, не складывающиеся в какое-либо изображение, – скорее всего, это своеобразная «проба» пера или заточка инструмента, которым пользовался художник.

Много других интересных этнографических рисунков встречено на скалах реки Тубы: это изображение повозки с верблюдом, сцены со всадниками и др. Вызвало большое любопытство выполненное крупной выбивкой изображение парохода (рис. 3). (единичное, если не единственное подобное изображение, встреченное на памятниках Минусинской котловины). Скорее всего, это изображение можно датировать второй пол. XIX или началом XX века, т.к. по некоторым данным, первый пароход на Енисее появился в 60-х гг. XIX в., но можно смело говорить, что несмотря на такой молодой возраст, данный рисунок не уступает в своих эстетических качествах более древним изображениям.

Таким образом, исследование горы Тепсей на наличие уникальных, неизвестных ранее науке рисунков этнографического времени вполне перспективно. Именно этнографические петроглифы горы Тепсей помогают получить

Рис. 2. У-Т IV. Антропоморфная тамга с дугообразными ногами

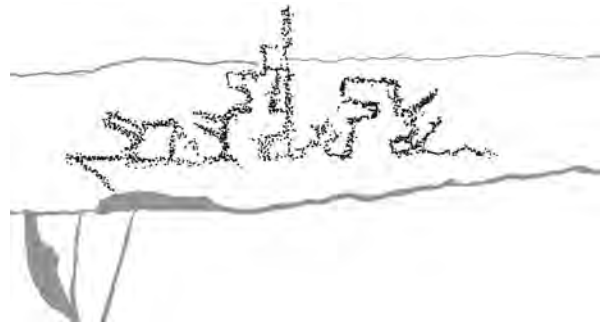

Рис. 3. У-Т IV, «Теплоход»

данные о жизни населения нескольких последних столетий. Они широко представлены на берегу реки Тубы, чуть в меньшем количестве на скалах правого берега Енисея. В целом уже сейчас можно констатировать, что эти рисунки являются важным историческим источником о жизни населения, оставившего эти рисунки. Изображения дополняют сведения об их быте и мировоззрении последних двух-трех веков. Преобладание в композициях изображений коней свидетельствует о том, что они имели ведущую роль в хозяйственной жизни общества.

Научный руководитель – О. С. Советова
д-р ист. наук, профессор
Кемеровский государственный университет

Список литературы

- Blednova N., Francfort H., Legchilo N. Repertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule No. 2: Sibérie du sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). – Paris, 1995
- Бутаная В. Я. Традиционная культура и быт хакасов. – Абакан, 1996
- Кызласов Л. П., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. – М., 1980
- Советова О. С., Аболонкова И. В. Загадки Тепсейского фризора (Тепсей II) // Археология Южной Сибири. К 80-летию А.И. Мартьянова. Кемерово: РИО КемГУ, 2013. Вып. 26. С. 113–114
- Советова О. С. Петроглифы горы Тепсей // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово, 1995. С. 33–54.
- Шер Я. А. Петроглифы средней и Центральной Азии. – М., 1980.

Ethnographic Images on the Rocks of Tepsey

I. V. Siryukin

The article discusses the new petroglyphs found during the expeditions of 2017-2018, attempts to classify the signs of the pictorial tradition of time and to determine what era are found images, to find a match for the images on nearby monuments.

Keywords: petroglyphs, ethnographic image, Middle Yenisei

Сирюкин Иван Витальевич

студент 3-го курса

Кемеровский государственный университет

e-mail: ivansiryukin@mail.ru

Siryukin Ivan Vitalyevich

3rd year student

Kemerovo State University

e-mail: ivansiryukin@mail.ru

УДК 902.01

Спасательные археологические раскопки памятника Хитровка-2 на территории Амурской области, 2018 г.

А. С. Чабан

Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск

В полевой сезон 2018 г. отрядом ГАУ «ЦСН Амурской области» под руководством С. В. Коваленко при участии студентов БГПУ проведены охранно-спасательные раскопки на памятнике Хитровка, стоянка-2, на территории Амурской области. Целью исследования стало полное изучение объекта археологии для возможного хозяйственного освоения земельного участка и предоставления научной общественности всех выявленных археологических материалов. В результате проведенных работ культурный слой памятника был полностью извлечен и изучен.

Археологический объект открыт в 1 км северо-восточнее с. Хитровка Серышевского района Амурской области в ходе натурально-обследования территории нового освоения сотрудниками ЦСН Амурской области весной 2018 г. В результате проведения шурфовочных работ для определения границ памятника было обнаружено 11 однотипных фрагментов керамических сосудов. Плохое качество керамики, отсутствие визуальных признаков, орнаментации и других опознавательных отличий позволили исследователям предварительно датировать объект периодом неолита, по типологии отнести к стоянкам.

Памятник располагается на вершине сопочного массива, являющегося надпойменной террасой реки Томь. Поверхность археологического объекта представляла собой прямоугольную, относительно ровную, с небольшим уклоном площадку у края сопки, которая была задернована и покрыта плотным широколиственным лесом.

Летом 2018 г. на памятнике был заложен раскоп площадью 375 кв. м. В результате

полного изучения объекта было получено 11 разрезов, позволивших реконструировать стратиграфическую ситуацию по всей изученной площади, а также определить мощность и границы распространения культурного слоя. Механический состав почвы на территории расположения археологического объекта имеет разнообразный характер, формированию которого способствовало изменение рельефной составляющей сопочного массива. От ровной поверхности до пологих спусков, а также от функционирования морозобойных трещин состав варьируется от супесей и песка до суглинков и тяжелой глины. При исследовании было выявлено отсутствие ярко выраженного культурного слоя, которым являлся поддерновой слой серо-коричневой супеси, имеющий более мощную толщину в пределах распространения археологического материала. Основная концентрация артефактов приходится на 54 кв. м. в юго-западной части раскопа. В результате планиграфического анализа удалось определить, что большая часть керамики была сосредоточена в двух основных скоплениях. Это позволяет сделать вывод о нахождении на данной территории развалов минимум двух раннесредневековых сосудов. Общее количество полученного материала характеризует культурный слой как слабонасыщенный.

Весь археологический материал располагался в слое серо-коричневой супеси на глубине от 6 до 20 см от современной дневной поверхности. Каких-либо конструктивных особенностей на объекте выявить не удалось. Артефакты представлены исключи-

тельно фрагментами венчиков, тулова и донышек плоскодонных керамических сосудов. По ранее выявленным аналогиям, составу теста, характерному вафельному орнаменту, а также орнаменту позитивного рельефа, представленного валиком под венчиком, имеющему насечки и углубления, и орнаменту негативного рельефа насечками лопаточки, имеющими вид коротких наклонных линий, данная керамика была отнесена к раннесредневековой михайловской археологической культуре, носители которой проживали на данной территории в III–X вв. н.э. [Нестеров, 1998, с. 42; История Амурской области..., 2008, с. 81].

Данная культура была выделена в 1980–1990 гг. С. П. Нестеровым. Впервые памятник данной общности был исследован в 1967 г. Е. И. Деревянко, которая отнесла его к мохэской археологической культуре [Деревянко, 1975, с. 21–22]. Позднее О. В. Дьякова при исследовании раннесредневековой керамики Приамурья выделила михайловскую посуду в особую группу [Дьякова, 1984, с. 76–78]. В конце 1980 г. под руководством С. П. Нестерова велись работы по берегам р. Буреи, в ходе их были раскопаны новые памятники, материал из которых аналогичен михайловскому. Это позволило С. П. Нестерову высказать гипотезу об определении михайловского материала как шивэйского, после чего выделить михайловскую культуру в самостоятельную. Единого мнения на счет предков михайловцев у специалистов нет. Считается, что они потомки носителей польцевской и талаканской культур [Болотин, 1999 с. 118; Нестеров, 1999, с. 472].

Основное распространение михайловская культура получила на территории Западного Приамурья в ее равнинном и таежном кластере. В настоящее время выделены три основных типа поселения носителей михайловской культуры. Памятники представлены укрепленными городищами, неукрепленными поселениями и сезонными промысловыми стоянками. Погребальные комплексы на данный момент обнаружены не были [Нестеров, 2008, с. 470; История Амурской области..., 2008, с. 77]. Укрепленные городища располагались на возвышенных местах, укреплялись валами и рвами. Неукрепленные поселения представляли собой комплекс жилищ, имевших форму усеченных пирамид, с заглубленным котлованом [Деревянко А. П., Ким Бон Гон, Нестеров С. П. и др., 2009, с. 140]. Сезонная стоянка могла представлять собой жилище, используемое в теплое время года в качестве лесной заимки, или зимнее поселение, где обязательным было наличие котлована.

Памятник Хитровка-2 имеет ряд особенностей, отличающих его от остальных найденных памятников михайловской культуры. Во-первых, отсутствие на памятнике следов сооружений, даже легких навесов, которые бы защищали человека от негативного природного воздействия. Во-вторых, географическое расположение памятника: удаленность от воды, сама площадка, представленная узким краем сопочного массива, размеры которой не позволяют одновременно находится на ней большому количеству людей. Ввиду этих факторов и исходя из небольшого количества найденного материала (найдено всего 304 фрагмента керамики), а также отсутствия мощного культурного слоя, можно сделать вывод о том, что Хитровка-2 является новым видом памятника для данной культуры. Археологический объект по своему типу не относится к городищам и селищам, которыми представлена михайловская культура. Памятник не имеет следов конструкций, встречающихся на временных сезонных стоянках носителей михайловской культуры. Можно предположить, что на этом месте был наблюдательный пункт во время межплеменных конфликтов, так как с данного местоположения имеется хороший обзор в северо-западном направлении по долине реки Томь. Население михайловской культуры предположительно вытеснялось противником с плодородных земель Зейско-Буреинской равнины [Нестеров, 2008, с. 470]. Не исключен и вариант того, что площадка могла служить местом отдыха охотников во время длительного перехода или местом разделки туш животных.

*Научный руководитель – С. В. Коваленко
начальник археологического отдела
ГАОУ «Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области»*

Список литературы

- Болотин Д. П. Проблемы генезиса михайловской культуры Приамурья // Традиционная культура востока Азии. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 1999 – Вып. 2. – С. 109–120
- Деревянко Е. И. Мохэские памятники Среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1975. – 250 с.
- Дьякова О. В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV–X вв. – М.: Наука, 1984. – 206 с.
- История Амурской области с древнейших времен до начала XX века / Под ред. А. П. Деревянко, А. П. Забияко. – Благовещенск: Изд. компания «Рио», 2008. – 424 с.
- Деревянко А. П., Ким Бон Гон, Нестеров С. П., Чой Мэн Сик, Хон Хён У, Бён Ён Хван, Пак Джон Сэн, Хабибуллина Я. Ю. Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. – Тэджон: Изд-во Государственного исследовательского Института культурного наследия, 2009. – Вып. II: раскопки поселения Озеро Долгое в 2008 году. – 286 с.
- Нестеров С. П. Проблема происхождения михайловской культуры северных шивэй Западного Приамурья // Проблемы

археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1999. – с. 472- 477.

Нестеров С. П. Этнокультурные связи населения Приамурья в раннем средневековье // Культурный обмен между странами Северо-Восточной Азии и Российским Дальним Востоком. - Владивосток, 2008. – с. 470-478.

Нестеров С. П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. – 182 с.

Себин В. И. Физико-географическое районирование и ландшафты Амурской области: Учебное пособие. – Благовещенск: Издательство Благовещенского государственного педагогического университета, 2004. – С. 56–60.

Rescue Archaeological Excavations of the site Khitrovka-2 on the Territory of Amur region in 2018

A. S. Chaban

At this article there is a description of rescue archaeological excavations of the site called «Khitrovka-2» which is located in the Amur region. The results of the fieldwork are briefly described, the main aspects of the study are highlighted. The monument is compared by typology and a preliminary conclusion is made about a new type of archaeological object of this culture.

Keywords: archaeological site, protect and save excavations, Khitrovka, Mikhailovskaya culture.

Чабан Алексей Степанович

студент 4-го курса

Благовещенский государственный педагогический университет

e-mail: panda31213112@gmail.com

Chaban Aleksei Stepanovich

4th year student

Blagoveshchensk State Pedagogical University

e-mail: panda31213112@gmail.com

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 902

Фотограмметрические методы при рекогносцировке, обследовании и картировании объектов археологического наследия

О. Е. Кравченко

Благовещенский политехнический колледж, Благовещенск,

Е. Д. Москвичева

Лицей Благовещенского государственного педагогического университета, Благовещенск

В статье представлены результаты работ по геодезическому сопровождению археологических работ с помощью ГНСС-технологий и аэрофото съемки с беспилотного летательного аппарата.

Археологические исследования – это одна из областей, в которых аэросъемка с БПЛА и методы стереофотограмметрии находят широкое применение.

Применение цифровых методов фотограмметрии (ЦФС) в практике топографических и других съемок, как и картографического обеспечения геоинформационных систем, стало реальностью. И нет никаких сомнений в том, что вытеснение классических аналоговых методов съемок – задача уже сегодняшнего дня [Заверткин, с. 88–91].

Общие требования к ЦФС включают такие условия, как строгость алгоритма, максимальная автоматизация процессов обработки, гарантированное решение задачи при наличии теоретической возможности, использование всей геометриче-

ской точности исходных изображений, насыщенность алгоритмов логическими операциями контроля полноты и корректности данных.

Технологический прогресс сделал доступными для широкого круга пользователей современные беспилотные летательные аппараты (БПЛА) и в техническом союзе с современными геодезическими методами получения пространственных данных с использованием навигационных систем GNSS открывает новые горизонты в археологических полевых исследованиях.

Основанная на применении БПЛА фотограмметрия оказалась надёжным и эффективным методом, обеспечивающим высококачествен-

Рис. 1.

Рис. 2.

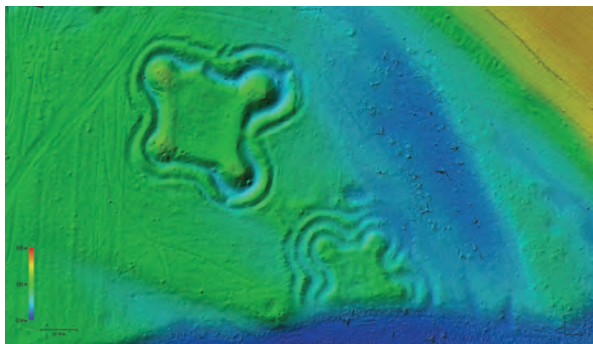

Рис. 3.

ную фиксацию объектов, облегчающую их документирование и интерпретацию.

Авторским коллективом в сезоне 2018 г. были выполнены работы по апробации технологии геодезического сопровождения археологических исследований на объектах археологического наследия в Амурской области.

Методами спутникового позиционирования были определены координаты базовой станции. Для привязки аэроснимков в районе работ была выполнена маркировка и привязка опознавательных знаков. Знаки маркировались контрастным материалом. Координаты опознавательных знаков определялись GNSS приемниками геодезического класса.

Для построения ландшафтной модели была выполнена аэрофотосъемка местности в районе расположения памятника. Аэрофотосъемка выполнялась с помощью беспилотного летательного аппарата DJI FANTOM 3 PROF. Фотографирование выполнялось на высотах 15 и 50 метров от поверхности земли. Полет БПЛА осуществлял в автоматическом режиме. Маршрутное задание задавалось непосредственно на объекте, в программном комплексе Pix4D, были указаны границы съемки, высота полета, необходимое продольное и поперечное перекрытие снимков [Геодезическое..., с. 41-46].

Камеральная обработка аэроснимков выполнялась в программном комплексе «Agisoft

Рис. 4.

PhotoScan». Фотограмметрические работы были выполнены с точностью, отвечающей требованиям создания топографических планов масштаба 1:500, создан ортофотоплан (рис. 1, 2) топографических план объекта, карта высот объекта (рис 3), цифровая модель местности (ЦММ).

В результате работ были созданы различные планы, уточнена и детализирована ландшафтная модель местности, построена трехмерная визуальная модель объекта, получены новые материалы в виде панорам и перспективных снимков с высоты (рис. 4), необходимых для последующей обследования и реконструкции памятника.

*Научный руководитель – Д. А. Москвичев
генеральный директор
ООО «Амургеосервис», Благовещенск*

Список литературы

Геодезическое обеспечение археологических работ с применением БПЛА и методов стереофотограмметрии / Л. В. Быков [и др.] // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2014. X Междунар. науч. конгр. : Междунар. науч. конф. «Геодезия, геоинформатика, картография, маркшейдерия» : сб. материалов в 2 т. (Новосибирск, 8–18 апреля 2014 г.). – Новосибирск: СГГА, 2014. Т. 1. – С. 41–46

Заверткин С. А. Маркшейдерское обеспечение с высоты птичьего полета // Уголь. – 2017. – №5 – С. 88–91

Photogrammetric Methods in Reconnaissance, Survey and Mapping of Archaeological Heritage Sites

O. E. Kravchenko, E. D. Moskvicheva

The article presents the results of work on geodetic support of archaeological work using GNSS technology and aerial photography with unmanned aerial vehicle

Keywords: GNSS, aerial photography, unmanned aerial vehicles, photogrammetry, orthophoto, archaeology

Кравченко Ольга Евгеньевна

студентка 4-го курса

Благовещенский политехнический колледж

e-mail: 79143823713n@gmail.ru

Москвичева Елизавета Дмитриевна

ученица 9-го класса

лицей БГПУ г. Благовещенск

e-mail: ellininlinli@gmail.com

Kravchenko Olga Evgenyevna

4th year student

Blagoveshchensk Polytechnic College

e-mail: 79143823713n@gmail.ru

Moskvicheva Elizaveta Dmitrievna

schoolgirl of the 9th class

Lyceum of Blagoveshchensk State Pedagogical University

e-mail: ellininlinli@gmail.com

К вопросу о формировании и перспективах бренда РАЭСК

Э. В. Лавриненко

МАОУ «Школа № 22», Благовещенск

Рассматривая данный вопрос, для начала стоит понять, что же представляет собой конференция в данный момент времени (на период января 2018 года). Конечно, большинство проблем и так всем известны и много раз были обговорены, а именно: отсутствие единого организационного комитета конференции, отсутствие дополнительных форм материальной поддержки организаторов, а также банальной эмблемы (логотипа), устаревший и плохо функционирующий сайт. В результате резолюции, принятой по окончании РАЭСК-58, некоторые из представленных проблем должны быть решены [РАЭСК-58: проект резолюции].

С чего же начинается любой бренд и как понять степень его узнаваемости? Обычно ключом к успеху любого бренда являются его уникальность, узнаваемые эмблема и девиз, легко узнаваемый и отвечающий современным требованиям сайт, простота и легкость при поиске ближайших мероприятий на данной площадке и, конечно, общественное мнение, которое складывается о данном бренде.

С брендом РАЭСК произошла интересная и в какой-то степени парадоксальная ситуация: при отсутствии большинства слагаемых успеха именно большая поддержка со стороны представителей разных университетов помогает существовать конференции на общественных началах уже практически 60 лет!

Однако время идет, и всё в этой жизни требует обновления. И говоря о сайте, как о полноценной площадке конференции, речь скорее нужно вести не о плавном переходе, так как его время ушло ещё 5 лет назад, а о кардинальном смене вектора развития.

Занимаясь реконструкцией сайта, стоит отметить факт технического устаревания как внешней оболочки сайта, так и самого движка сайта, который с момента создания в 2004 году не претерпел каких-то особенных и кардинальных изменений. Ввиду сложности работы с ним было решено, что проще подготовить новый сайт на принципиально иной площадке.

Другой проблемой было местоположение и ограниченность серверов существующего сайта, в то время, когда большинство платформ не без основания перешли

на облачные технологии. Это, во-первых, в конечном итоге стоит дешевле, чем содержание физических серверов. Во-вторых, позволяет не беспокоиться за техническую часть, ввиду того что данная обязанность полностью ложится на хостинг. Ну и, в-третьих, позволяет оперативно вносить изменения, проводить оптимизацию, обновлять информацию, давая равные возможности всем администраторам, которые будут появляться в рамках следующих конференций, что в реалиях РАЭСК является вдвойне актуальным.

Как следующий немаловажный факт при работе над обновлением сайта стоит отметить то, какую роль данная страница займет сама по себе. За последние несколько лет мы стали свидетелями изменения роли сайтов как таковых, ввиду общей распространенности социальных сетей. Сайт РАЭСК перестаёт быть удобной площадкой для общения, обмена фотографиями и тому подобного, он лишь должен сохранить за собой чисто научную и официальную роли, то есть возможность быстрого размещения информации, объявлений, публикацию итоговых сборников. Это дает возможность ссылаться на сайт как на источник для будущих научных работ, более респектабельный, нежели ссылка на отдельную группу в социальной сети. Сайт должен иметь презентабельный и современный вид, привлекательный для людей, которые впервые узнали о конференции и захотели получить дополнительную информацию.

Затрагивая тему социальных сетей, важно сказать, что данная платформа и правда подкупает более широким охватом аудитории, возможностью быстро и без особых затрат оповещать о новостях. Однако если мы позиционируем РАЭСК как серьезную межкультурную научную и общественную площадку, то отсутствие презентабельной официальной странички является серьезным промахом в плане общественного понимания и другой информационной поддержки. На этом фоне особенно смешно выглядит мнение о перемещении конференции на площадку социальной сети Вконтакте.

Подводя итоги, стоит сказать, что работа по продвижению бренда РАЭСК сложна

и кропотлива. Также важно, чтобы она продолжалась комплексно. И в этом плане РАЭСК-59 можно назвать одним из знаковых мероприятий, так как именно на данной площадке, наконец, был создан общий организационный комитет и заработал обновленный сайт.

Однако эта работа не должна останавливаться, ведь остался вопрос с эмблемой конференции. Не снимается с повестки и вопрос о дальнейшем поддержании сайта и социаль-

ной группы Вконтакте в надлежащем и актуальном виде.

*Научный руководитель – Д. П. Волков
директор Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области,
научный сотрудник Амурской лаборатории
археологии и этнографии ИАЭТ СО РАН*

Список литературы

РАЭСК-58: проект резолюции конференции. – О., 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://raesc.ru/index.php/raeski/40-raesk-58/187-raesk-58-proekt-rezolyutsii-konferentsii> (Дата обращения: 10.01.2019)

On the Formation and Prospects of the Brand of RAESK

E. V. Lavrinenko

The article discusses the history, problems and prospects of development of the RAESK brand, as well as describes the main problems identified during the creation of the site.

Keywords: brand, website, upgrade

Лавриненко Эдуард Владимирович
учитель истории и обществознания
МОАУ СОШ № 22, Благовещенск
e-mail: iavrinenko@mail.ru

Lavrinenko Eduard Vladimirovich
History and social studies teacher
Secondary School № 22, Blagoveshchensk
e-mail: iavrinenko@mail.ru

УДК 902.4

Кыпчакские каменные изваяния Казахстана: опыт 3d-реконструкции

А. К. Ярощук

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

Древние каменные изваяния встречаются в казахстанских степях в большом количестве. Они различаются по формам, стилю, степени детализации, собственно деталям (их наличию или отсутствию) и ряду других признаков. На основе совокупности этих признаков принято выделять изваяния кыпчакской традиции (или кыпчакского облика) [Ермоленко, 2004, с. 3 – 4]. Эти каменные изваяния привлекали к себе внимание во все времена своего существования [Плетнева, 1974, с. 5]. И в наши дни они остаются не только предметом научных исследований для ученых, но также вызывают определенный интерес и у людей, далеких от науки. Все перечисленное, таким образом, ставит задачу обеспечения доступности данного материала как для исследователей, так и для более широкого круга людей.

Одним из способов решения данной задачи могут служить используемые в современной археологической науке технологии 3D-моделирования. 3D-моделирование является удобным и эффективным инструментом оформления и

представления результатов археологических работ, а также ввода памятников культурного наследия в научный оборот [Черненко, 2015]. Использование методов создания виртуальных моделей позволяет сохранять такую информацию об археологическом памятнике, которая неизбежно подвергается разрушению или необратимым изменениям в процессе археологических работ [3D-моделирование..., 2016, с. 359]. Данные технологии находят свое применение и в музейном деле, где служат для оцифровки и архивации. Моделирование памятников истории и архитектуры, музейных коллекций и отдельных предметов становится глобальным проектом, реализуемым под эгидой ЮНЕСКО и других международных организаций [Опыт реализации проекта..., 2015].

В данной области отечественной науки исследователи отмечают отставание от мировой археологии. В ряде стран мира 3D-технологии используются и развиваются уже на протяжении десятилетия, созданы центры или самостоятельные компании (связанные с научными

институтами, университетами, музеями или ИТ-компаниями), на базе которых создаются исследовательские, образовательные и научно-популярные проекты. Одновременно с этим в России данное направление практически не развито и находится в лучшем случае на начальном этапе своего существования и развития [Лбова, Женест, 2017, с. 10–11]. Причиной этого называют скептицизм, с которым часть российского археологического сообщества изначально относилась к технологиям 3D-моделирования. Существует мнение о 3D-технологиях как о требующих использования дорогостоящего оборудования и сложного в освоении программного обеспечения и, как следствие, неоправданно затратных. Данное мнение верно лишь отчасти, поскольку все перечисленное присуще лишь одной из этих технологий – сканированию. Альтернативой ей является технология фотограмметрии. Для ее использования не требуется специального оборудования, основным рабочим инструментом служат обычная цифровая фотокамера и довольно простые в освоении компьютерные программы. Наиболее популярной из таких программ считается Agisoft PhotoScan [Зайцева, 2014, с. 13 – 14].

Возможности технологий сканирования и фотограмметрии, разумеется, не безграничны. Данные технологии пригодны для работы только в тех случаях, где возможно личное присутствие исследователя на месте археологических работ или его работа непосредственно с находками. Программы для фотограмметрии и сканирования позволяют настраивать качество текстур и детализации поверхности модели, однако с их помощью невозможно изменять другие характеристики готовых моделей. Между тем такие функции являются необходимыми для многих видов археологических реконструкций: к примеру, в тех случаях, когда необходимо воссоздать объект частично (поврежденные или отсутствующие части) или полностью на основе его письменного и графического описания. В этом случае необходимы программы, позволяющие создавать 3D-модели «с нуля».

Одной из таких программ является Blender (также Blender 3D). Данное программное обеспечение является свободным и открытым, его полная версия находится в открытом доступе. Существенный плюс данной программы – простота ее освоения (в сравнении с аналогичными программами, включая Autodesk 3ds Max). Данная программа поддерживает работу с множеством различных форматов файлов, включая и самый распространенный в 3D-моделировании формат .obj, с которым также может работать и упомянутый ранее Agisoft PhotoScan. Таким образом, эти про-

граммы могут использоваться как автономно, так и вместе, функционально дополняя друг друга там, где это необходимо. Все это создает широкие возможности для применения Blender в археологическом 3D-моделировании и в особенности – в области виртуальной археологической реконструкции. С помощью данной программы представляется возможным выполнять 3D-реконструкции различного масштаба и размаха: от оцифровки и воссоздания одиночных находок и коллекций до оцифровки и воссоздания целых памятников и групп памятников. Область применения таких реконструкций также обширна: они могут использоваться в научно-исследовательской деятельности, в образовательном процессе, в музейном деле, а также для популяризации археологической и исторической наук.

Выполняются подобные реконструкции и для кыпчакских каменных изваяний. На основе данных научной литературы, содержащих схематические изображения отдельных изваяний, планы и профили кыпчакских комплексов («святых мест»), а также их детальные описания, представляется возможным воссоздавать изваяния, их группы и целые памятники путем 3D-реконструкции в программе Blender. Главными достоинствами такого подхода являются его доступность для специалистов по всему миру, поскольку отсутствует необходимость личного присутствия специалиста непосредственно в местах расположения памятников, а также возможность работы с теми памятниками, которые могут быть повреждены или утрачены, но для которых сохранились их описания. Недостатком этого подхода является элемент субъективности: метод не позволяет воссоздать объекты в виртуальности с такой же точностью, как фотограмметрия. Заметим, впрочем, что такой элемент характерен для всех реконструкций и напрямую зависит от навыков и умений специалиста, проводящего реконструкцию. Особенно ярко он проявляется при воссоздании утраченных памятников и артефактов по чертежам, схемам и рисункам, где элемент субъективности (авторский взгляд на памятник, возможные ошибки и неточности в его изображении) несет в себе и сам источник реконструкции. В целом при соблюдении аккуратности и внимании к деталям 3D-реконструкции с использованием Blender будут достаточно точны и достоверны для их использования.

*Научный руководитель – Ю. С. Худяков
д-р ист. наук, профессор
главный научный сотрудник
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

3D-моделирование археологических раскопов. Андреева И. И., Грицкевич М. В., Белоусов А. В., Хоперсков А. В. // Научный альманах, технические науки. – 2016. – № 1-1 (15). – С. 358–365

Ермоленко Л. Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. – 132 с.

Зайцева О. В. «3D революция» в археологической фиксации в российской перспективе // Сибирские исторические исследования. – 2014. – № 4. – С. 10–20

Лбова Л. В., Женест Ж.-М. Трехмерная визуализация в археологии как научно-образовательный ресурс в Новосибирском

государственном университете: возможности и ограничения // Вестник НГУ. – 2017. – Т. 16, № 5. – С. 9–21

Опыт реализации проекта по оцифровке музейных фондов с помощью технологий лазерного сканирования и фотограмметрии для проекта «Портал “Культура РФ”». Жеребятъев Д. И., Королева С. В., Демидов М. Ю., Дрыга Д. О., Морозова В. И., Пашковский Д. В. // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей. – М.: Этерна, 2015. – 752 с.

Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. – М.: Наука, 1974. – 200 с.

Черненко Е. А. 3D графическая реконструкция и визуализация памятника археологии // Информационное общество. – 2015. – Вып. 2-3. – С. 80–85

Курчак Stone Obelisks of Kazakhstan: the Experience of 3d Reconstruction

A. K. Yaroshchuk

The article describes the current state of 3D-modeling usage in Russian archaeological science. A brief overview of the main ways of using 3D-modeling in archeology is given. There is also a short review on Blender program, some of its key features and advantages. The possibilities of this program's usage in archaeological 3D-reconstruction are described on the example of Курчак stone obelisks from the steppes of Kazakhstan.

Keywords: Курчак stone obelisks, 3D-modeling, 3D-reconstruction, photogrammetry, Blender

Ярошук Арсений Константинович

2-й курс магистратуры

Новосибирский государственный университет

e-mail: arseny_ya@mail.ru

a.iaroshchuk@g.nsu.ru

Yaroshchuk Arseny Konstantinovich

2nd year of Master's degree

Novosibirsk State University

e-mail: arseny_ya@mail.ru

a.iaroshchuk@g.nsu.ru

МАТЕРИАЛЫ ИНОСТРАННЫХ УЧАСТНИКОВ НА ЯЗЫКЕ ОРИГИНАЛА

УДК 902

Возможности использования ГИС-приложения в казахстанской археологии

М. Н. Абдрахманов

Евразийский Национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Қазақстанның археологиясында ГАЗ қосымшаларын қолдану мүмкіндіктері

Мейіржан Нұржанұлы Әбдрахманов

Соңғы онжылдықта техникалық прогрестің жетістіктерін сіңіре отырып, археология өткенді зерттеуге жаңа перспективалар ашты. Сарапшылар қазіргі уақытта магниттік және электрлік зерттеулермен қатар, спутниктік бейнелермен және геоақпараттық жүйелермен, әртүрлі әдістермен танысты. ГАЗ-ді пайдалану ғалымдарға аналитика саласында бұрын-соңды болмаған биіктіктерге жетуге мүмкіндік береді.

Географиялық ақпараттық жүйелер - бұл географиялық ақпараттың барлық түрлерін енгізу, сақтау, жанарту, манипуляциялау, талдауға және көрсетуге қабілетті бағдарламалық-аппараттық кешен. [Бугаевский, Цветков, 2008]. ГАЗ қасиеттері; кеңістік; құрылымдық деректер; Проблемалық-практикалық бағдарлау; геожүйелерді зерттеу; бейімделу және геожүйелерді сипаттайтын параметрлердің елеулі санын бірлесе талдау мүмкіндігімен бірнеше өзгермелі мәселені шешу. [Шипулин, 2010].

Бұл, өз кезегінде, ғалымдар мен мемлекеттік органдардың тарихи және мәдени мұраны қорғау үшін өз көмегін береді [Vampton, Mosher, 2001].

ГАЗ термині 1980 жылдардағы археологиялық зерттеулерде кездеседі. Бірінші рет Солтүстік Америкада жасалды. Археологиядағы ГАЗ қосымшалары Еуропада тек 1990 жылдан кейін ғана, он жыл өткен соң, негізінен мәдениет ресурстарына қатысты болды. ГАЗ

мәдени мұра объектілерін (Мәдени қорларды басқару, CRM) есепке алу және басқару және олардың компьютерлік картасын жасау бойынша деректер қорын құрудың жеке бөлімі ретінде шығарылады. Қазіргі уақытта, негізінен еуропалық ауқымда орналасқан CRM, негізгі қолдану секторы болып табылады [Conolly, Lake, 2006]. Археологиялық деректердің көпшілігін ескере отырып, ГАЗ технологиясы, тарихи және тарихи деректердің кеңістіктік контекстін талдайтын ең икемді және толық жүйе болып табылады [Scianna, Villa, 2011].

Қазақстанда алғаш рет 1960 жылы «Қазақстанның археологиялық картасы» басылып шыққан болатын. Ол еліміздің барлық өңірлерінен сол кезде ашылған археологиялық жерлерді қарастырды. Кейінірек, Қазақстан аймақтарының археологиялық және тарихи ескерткіштері мен тізімдері жасалды және жарияланды, онда салыстырмалы түрде зерттеулер жүргізілді, Оңтүстік Қазақстан, Ақмола, Қарағанды және т.б. ескерткіштері сақталды [Геоинформационные системы..., 2014].

2013 жылдан бастап Ә.Х. Марғұлан атындағы археология Институты «ҚР археологиялық ескерткіштерінің ГАЗ дерекқорын қалыптастыру» жобасын бастады. Байпаков, Д.А. Войякин, Е.Ш. Амиров, М.К. Сейтқалиев жобамен жұмыс істейді. Бұл жоба объектілердің кеңістік орналасуын визуализа-

циялауға мүмкіндік береді, сондай-ақ, 2014 жылы шамамен 13 мың ескерткіш туралы ақпарат енгізілді. Бүгін жұмыс жалғасуда, бірақ, өкінішке орай, деректерге ашық қол жетімділік жоқ.

Осылайша, археологиялық объектілер туралы ақпараттар жүйелері археологиялық мұраны есепке алу және сақтау саласындағы әртүрлі мәселелерді шешуге мүмкіндік береді, әрі қарай егжей-тегжейлі зерделеу үшін қажетті ақпаратты береді, сондай-ақ жаңа далалық зерттеулер жүргізудің қажетті шарты болып табылатын ескерткіштерді кеңістік бөлудің болжамдық модельдеуіне негіз болады. қазіргі деңгейде процестің күрделілігіне қарамастан техникалық қиындықтар туындайды.

*Научный руководитель – М. Р. Дусбаева
магистр естеств. наук, преподаватель
Кафедра археологии и этнологии
Евразийский национальный университет
имени Л. Н. Гумилева*

Список источников и литературы:

Шитулин В. Д. Основные принципы геоинформационных систем. – Харьков: ХНАГХ, 2010. – 337 с.

Бугаевский Л. М., Цветков В. Я. Геоинформационные системы: учебное пособие для вузов. – М.: Златоуст, 2008. – 222 с.

Геоинформационные системы как инструмент защиты и анализа археологического наследия Казахстана / Байпаков К. М., Воякин Д. А., Амиров Е. Ш., Сейткалиев М. К. // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. – 2014. С. 195–206

Conolly J., Lake M. Geographical Information Systems in Archaeology. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 368 p.

Bampton, M. and R. Mosher, 2001. A GIS Driven Regional Database of Archaeological Resources for Research and CRM in Casco Bay, Maine, in: Stančić, Z. and T. Veljanovski (eds.), Computing Archaeology for Understanding the Past. CAA 2000. Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology. Proceedings of the 28th Conference, Ljubljana, April 2000 (BAR International Series 931). Archaeopress, Oxford. Pp. 139–142

Scianna A., Villa B. GIS applications in archaeology // Archeologia e Calcolatori. – 2011. – № 22. – Pp. 337–363

Список сокращений:

ГЖО – Географиялық ақпараттық жүйелер
CRM – Cultural Resource Management.

Возможности использования ГИС-приложения в казахстанской археологии

М. Н. Абдрахманов

Мониторинг, статистическая обработка данных о памятниках археологии являются традиционными направлениями в изучении и сохранении археологического наследия. Современный уровень развития науки и техники позволяет повысить их эффективность. Лучшим инструментом для достижения этой цели являются географические информационные системы (ГИС). ГИС – это быстро развивающийся археологический метод, который перемещается из области компьютерных специалистов в область более широкого археологического сообщества. При рассмотрении таких вопросов, как пространственные базы данных, сбор данных, пространственный анализ и методы визуализации, статья может стать важным подспорьем для обучения студентов.

Ключевые слова: археология, геоинформационные системы, ГИС-приложения, база данных, карты.

The Possibilities of Using GIS-Applications in Kazakhstan's Archeology

M. N. Abdrakhmanov

Monitoring, statistical processing of data on monuments of archeology are traditional areas in the study and preservation of the archaeological heritage. Modern level of development of science and technology allows to increase the efficiency. The best tool to achieve this goal are geographical Information Systems (GIS). GIS is a rapidly developing archaeological method which is moving from the domain of the computer specialist into that of the wider archaeological community. Examining issues such as spatial databases, data acquisition, spatial analysis, and techniques of visualization, the article could be an essential tool for teaching students.

Key words: archeology, geoinformation systems, GIS applications, database, maps.

Абдрахманов Мейіржан Нуржанұлы
студент 2-го курса
Евразийский национальный университет
имени Л. Н. Гумилева
(Астана, Казахстан)
e-mail: 99meirzhan@gmail.com

Abdrakhmanov Meyirjan Nurjanuly
2nd year student
Eurasian national university
named after L. N. Gumilev
(Astana, Kazakhstan)
e-mail: 99meirzhan@gmail.com

Применение технологии визуализации в археологии местонахождения у нефтебазы Лянцзы в г. Фуюань

Ван Юйфу, Бао Шугуан, Ши Янь

可视化技术在抚远亮子油库遗址考古中的应用

王禹夫, 包曙光, 石岩

摘要: 可视化技术作为考古研究中的新兴技术, 在当前备受瞩目。在2017年亮子油库遗址的实地考古研究中, 将可视化技术作为研究手段, 做到了将旋翼无人机、手持照相机、全站仪等所采集到的信息通过计算机处理进行融合, 构建“空地一体化”, 通过制作遗物、遗迹、探方和整个发掘区的三维重建影像, 极大的保留田野考古发掘信息, 为教学与研究提供了有价值的操作经验和参考资料。

关键词: 可视化技术; 三维影像; 考古实践

可视化技术是指利用计算机进行图像分析和处理的技术, 将采集到的数据以视觉形式(图形或图像)在屏幕上显示出来, 并进行交互处理的相关理论、方法和技术¹。具体来说, 可以将采集所得到的实体数据通过计算机处理, 使物体以二维或三维的形式展现在计算机上, 并可以被观察、测量和进行其它处理的一种技术。在亮子油库遗址的考古研究中, 我们成功将可视化技术应用于田野考古发掘的实际操作当中。

一、遗址概述

亮子油库遗址位于黑龙江省抚远市浓江乡亮子村西北约1.5公里处的蛇山西坡的二阶台地上, 紧邻浓江河, 北距黑龙江约4公里(图1)。遗址中心地理坐标为北纬 $48^{\circ} 19' 38.41''$, 东经 $134^{\circ} 15' 06.78''$, 海拔44米。该遗址1982年第二次全国文物普查时发现, 并初步确认为一处年代横跨新石器、汉魏时期、隋唐以及辽金时期等时期的遗址²。2016年-2017年, 黑龙江省文物考古研究所、黑龙江大学考古学系与抚远市文物管理所组成的联合考古队对亮子油库遗址进行共同发掘。我们使用象限法布方, 本次仅发掘第I发掘区。发掘区为长方形, 共布方18个, 发掘面积将近500平方米。

遗址内出土了大量的遗迹和遗物, 其中遗迹以房址和灰坑为主; 而遗物以陶器、石器和骨器为主, 也有少量铁器和玉器。根据陶片纹

饰以及可复原陶器的特点大致可以分为新石器时代的马雷舍沃文化、孔东文化和沃兹涅谢诺夫卡文化, 汉魏时期的蜿蜒河类型, 辽金时期等考古遗存。通过这两年的发掘研究对该遗址的文化特征和年代等问题有了新的认识。这标志着对抚远市乃至三江平原的历史探索揭开了新的一幕。

二、数据采集

在可视化技术的实施过程中, 主要使用的是Agisoft photoscan三维软件。目前, 应用较多且技术较为成熟的三维建模方法是进行激光扫描。但是三维激光扫描的设备非常昂贵, 操作起来难度也很大。如果请相关工作人员开展三维扫描工作, 有时效果不是很理想, 制作成本也很高。³ 因此, 该技术不适用于亮子油库遗址考古研究, 在综合考量之下, 我们最终选择使用Agisoft Photoscan这款三维软件。

近些年来, 可视化技术在考古研究中得到更多地应用和推广。它是以数码相机、无人机航拍作为影像获取工具, 以多角度围绕被拍摄物体以最佳成像焦距拍摄多幅数字影像, 然后导入计算机中, 使用三维建模软件对获取的全部数字影像进行匹配衔接, 生成被拍摄物体的密集点云, 加载影像信息后实现被拍摄物体三维模型的重建。在对三维影像进行后期处理使用的三维影像重建软件是Agisoft Photoscan。张蕾先生首次以动物骨骼三维建模为例, 阐述了多视角三维影像重建技术在考古应用中的探索。“该软件可以生成高质量的三维点云模型、三维真实模型、正射影像图等。不仅不需要设置初始值, 而且也不用相机校验和控制点, 就可以对任何照片进行处理; 也可以通过全站仪或RTK测量的控制点坐标生成真实坐标的三维模型。”⁴ 然后运用Adobe Photoshop等软件进行遗迹、遗物绘图的方法。刘晨霞则通过实践操作, 综合分析和比较了目前利用数字技术绘制考古器物图不同方法, 并详细介绍了应用Agisoft Photoscan

¹ 林雪川. 浅谈可视化技术在文物考古领域中的运用. 上下探方五千年, 2017年2月23日.

² 李英奎. 抚远县油库遗址调查报告. 合江文物, 1982年第12期.

³ 刘建国. 我为遗迹做三维建模成本很低. 2014年11月4日, <http://www.kaogu.cn/cn/kaogu-ren-wu/renewzhuangfang/2014/1111/48146.html>.

⁴ 张蕾. 动物骨骼三维重建的探索. 四川文物, 2014年第6期.

和Adobe Photoshop软件绘制考古器物图的方法和步骤⁵。

1. 全站仪测绘

在抚远亮子油库遗址的发掘过程中我们全面应用了全站仪测量数据，在第一发掘区西南部设定坐标基点，建立第一发掘坐标象限，将清理出的遗迹现象用全站仪测量的方式记录在坐标象限中。最后将全站仪点的坐标导入到CAD软件中，绘制CAD图像(图2)，使测量到的数据更加精确，最大程度的减小误差。并且，我们用不同的线条颜色表示种类不同的遗迹单位更直观的将发掘区呈现在眼前，方便了抚远后期的发掘和教学工作。

对各种典型遗迹现象我们采用三维建模的方式，最大程度保留发掘过程的记录。具体操作采用单反相机和全站仪测量相结合。

2. 拍摄工作

在亮子油库遗址的拍摄工作中我们采用了尼康D810这款全画幅相机，由于全画幅相机感光原件尺寸大，有良好的感光性能，拍摄的照片品质更高，方便日后的图形处理工作。镜头选用的是24-70mm-F2.8变焦镜头。在田野考古发掘过程中，焦距适中的变焦镜头更加适合我们的田野考古拍摄工作。具体方法如下：

①建议选用相机的M档（可根据不同情况设定参数）以亮子油库遗址的拍摄工作为例，选用M档，采用小光圈突出更多的细节，ISO视天气状况而定，必要时采用三脚架拍摄。

②围绕被拍摄物体，采用环绕的方式，从不同的角度进行拍摄。

③对能突出体现遗迹的形状的位置，设立控制点坐标（至少三个），采用全站仪测量其具体数值。既能确定其在整个坐标系的位置，又可测量的其具体大小比例。

3. 图像处理工作

将拍摄照片导入到photoscan软件中，打开工作流程，依次点击添加照片、对齐照片、建立密集点云、生成网格、生成纹理。软件将不同拍摄角度的照片衔接拼合起来生成稀疏的点云的图像，然后将稀疏的点云的图像紧密的排列起来生成密集点云的图像，之后生成最终的三维模型。模型精度选择适计算机配置所决定。建议制作的三维模型应在配置较高的图形工作站中处理。

在抚远亮子油库工作流程具体步骤、参数如下（可视具体情况而定）：

①从相机中导出照片，检查照片，删除模糊以及高曝光的照片；②打开Photoscan，工作流程→添加照片→选中建模照片；③工作流程→对齐照片→中→禁用；④工作流程→

建立密集点云→中；⑤工作流程→对齐网格→高；⑥工作流程→生成纹理→通用→平均→4096*5(6000*2)

此流程为一般基础流程，其中参数设置应根据做图的需求来进行设置，其中“对齐照片”“生成密集点云”两步的参数设置不同，取决于工作进度及工作需求。生成三维模型后，通过裁切工具修正所得到三维模型轮廓，并在三维模型上标记好已知的三维模型的控制点，将全站仪测量的数据输入到控制点坐标信息中(图3)。

4. 针对发掘区大范围的三维模型建立工作

在对亮子油库遗址第一发掘的三维模型建立过程中，仅仅依靠手持单反相机已经无法满足拍摄的需要。这时我们采用无人机航拍与地面拍摄相结合的方式，来构建“空地一体化”。在天空，我们依靠旋翼无人机以高角度俯拍工地，在无人机拍摄过程中应选在天气多云或阴天的情况下。避免出现大范围阴影情况，影响照片的质量。在地面，我们采用多台单反相机进行拍摄工作，对发掘区主体进行细节拍摄。将无人机航拍与地面摄影结合起来达到构建大范围三维模型的目的(如图4所示)。

旋翼无人机、手持照相机所采集到的信息通过计算机处理进行融合，构建“空地一体化”，通过制作出发掘区三维全景、探方三维全景重建模型和单个遗迹或遗物的三维重建模型，可以模拟出发掘区全景、探方正投影及四壁景象图。且这些图像的精度更高，突出的细节更加完善。我们可以清晰看到该遗迹的分层现象，同时其身后的四壁图像也较为清晰。这对我们在日后的平面图形绘制工作提供了极大的便利。

三、结语

田野考古发掘的过程具有不可逆性。地层作为考古学研究的重要基础，在发掘的过程中每向下发掘一层，其上一层的遗迹现象就不得已清理掉，在发掘结束后也要进行回填工作。最终留下的仅有传统拍照、绘图等手段记录的少量信息，严重影响了后续的研究和展示效果。而Agisoft Photoscan通过拍摄和测量仪器就可以迅速准确的采集数据信息，快速的建立模型。并且能全方位复原因发掘工作需要不得不清理掉的遗迹、地层等原始形貌特征。重建的三维数字模型不仅满足了考古工作者对精度的要求，而且大大增加了数据采集的灵活性和快捷性，提高了工作效率。⁶在图片中(图5)我们可以清晰看到遗迹模型建立、绘图的完整过程。我们也可以根据整理出的图形数据来推演出遗址的形成及周边地区古代的环境演变

⁵ 刘晨霞. 数字技术在考古器物绘图中的应用. 硕士学位论文. 中央民族大学, 2015年.

⁶ 马欢欢, 赵清坡. Agisoft Photoscan照片建模技术在考古中的应用. 文物保护与考古科学, 2016年11月第28卷, 第4期.

过程。并且在恶劣天气因素、田野发掘工作的不可逆性等不利条件的克服上具有其他相关技术不可比拟的优越性。

在我们的推进可视化工作的过程中，我们存在着一定的不足：例如在模型内部结构的探知、数据采集的误差校对以及恶劣天气因素影响等方面，这需要我们在日后的工作中继续完善。

可视化技术在抚远亮子油库遗址考古中的应用中全体同学在老师的指导下参与了全部或部分的工作。可视化技术为黑龙江大学的田野考古实践教学提供了极大的便利，学生的实践动手能力也得到了大大的提升。

作者简介：

1. 王禹夫，（1997.02-），黑龙江大学考古学系，研究方向：欧亚草原考古。
2. 包曙光，（1985.02-），黑龙江大学考古学系，研究方向：欧亚草原考古、渤海考古。
3. 石岩，（1963.07-），黑龙江大学考古学系，研究方向：夏商周考古、东北考古。

参考文献：

- [1] 冯恩学. 田野考古学[M]. 吉林大学出版社, 2003.
- [2] 阐暖珂. 考古地层的三维可视化及应用研究[D]. 成都理工大学, 2006.
- [3] 阐暖珂, 朱利东, 罗丽萍等. 考古地层的三维重建方法[J]. 计算机应用研究. 2007
- [4] 刘建国. 辽宁建吕县东大杖子M40的三维建模与探索[J]. 考古, 2014年第12期.
- [5] 刘建国. 可移动文物的多视角影像三维重建[J]. 考古, 2016年第12期.
- [6] 张蕾. 邳城佛教造型的三维重建探索[J]. 南方文物, 2015年第4期.
- [7] 马欢欢, 赵清坡. Agisoft Photoscan照片建模技术在考古中的应用[J]. 文物保护与考古科学, 2016年11月第28卷, 第4期.
- [8] 刘建国. 考古遗址的超低空拍摄于数据处理[J]. 考古, 2015. 11.
- [9] 李英奎, 抚远县油库遗址调查报告. 合江文物, 1982年第12期.

图1. 亮子油库遗址的位置图

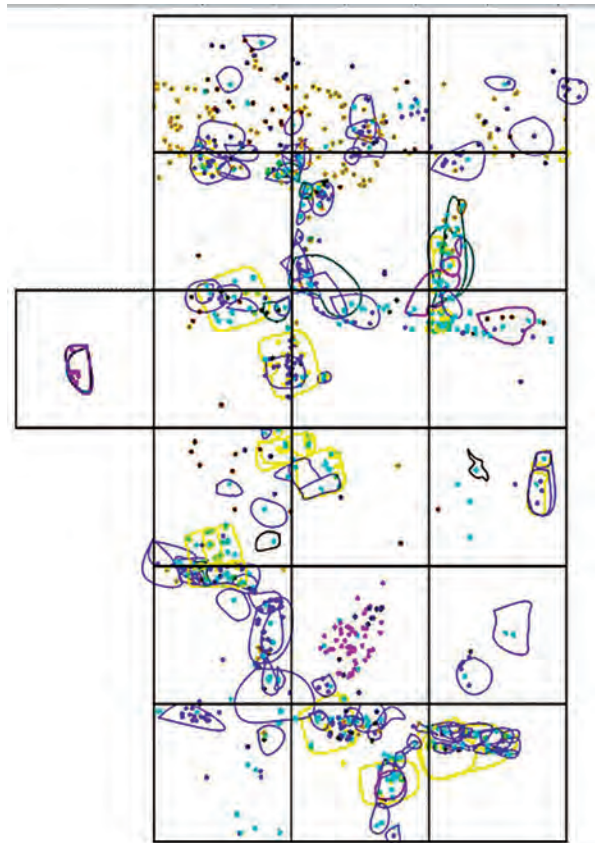

图2. 发掘区CAD图像

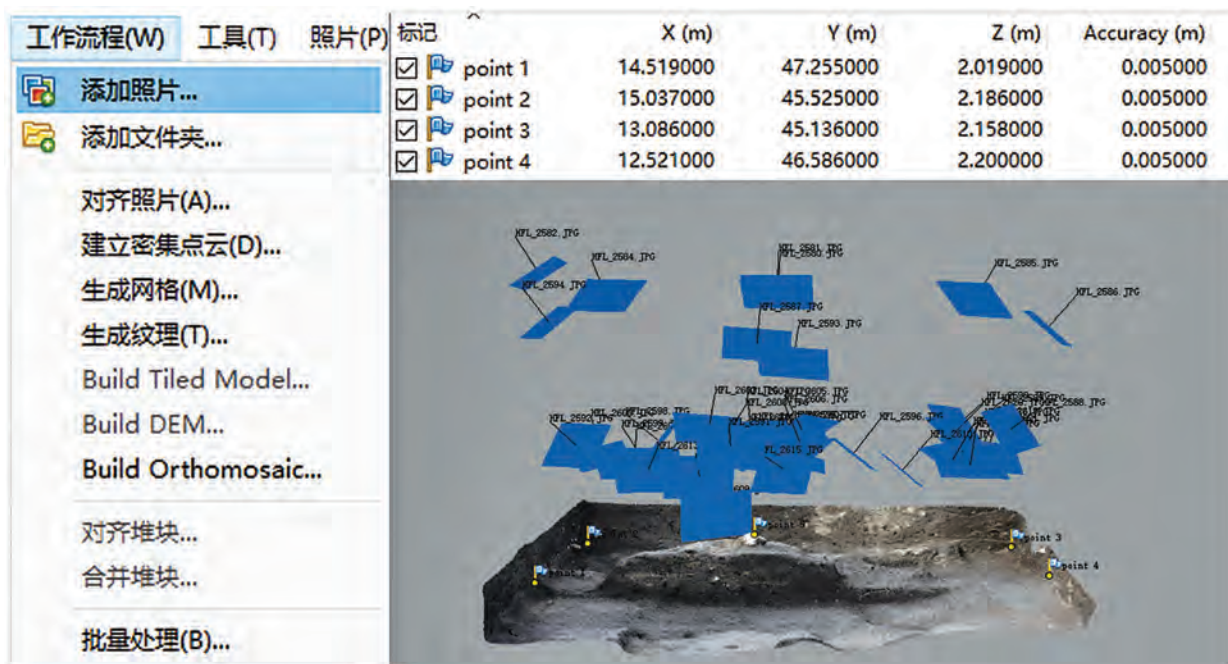

图3. Agisoft photoscan工作流程

图4. 发掘区3D图像

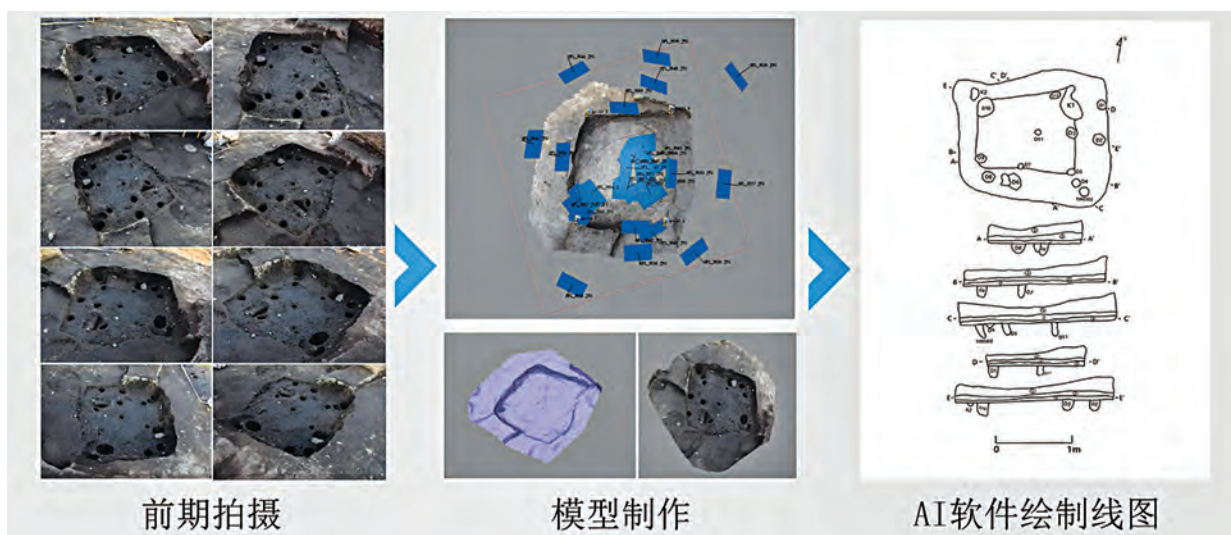

图5. 亮子油库遗址F8三维模型制作流程

Применение технологии визуализации в археологии местонахождения у нефтебазы Лянцзы г. Фуюань

Ван Юйфу, Бао Шугуан, Ши Янь

Технология визуализации относится к теории, способу и технике использования компьютера для анализа и обработки изображений, отображения собранных данных на экране в визуальной форме (графика или изображения) и выполнения интерактивной обработки. В частности, полученные данные об объекте могут обрабатываться компьютером в двумерной или трехмерной форме, их можно наблюдать, измерять и подвергать другой обработке. В ходе археологических исследований на территории нефтебазы в Лянцзи мы успешно применили технологию визуализации для наглядной демонстрации полевых археологических раскопок.

Ключевые слова: визуализация, технология, 3D-проекция, археологическая практика

Application of Visualization Technology in Archaeology of Fuyuan Liangzi Oil Depot Site

Wang Yufu, Bao Shuguang, Shi Yan

Visualization technology, as an emerging technology in archaeological research, is currently attracting attention. In the field archaeological research of the Leizi Oil Depot Site in 2017, the visualization technology was used as a research method, and the information collected by the rotorcraft UAV, the handheld camera, the total station, etc. was integrated by computer processing to construct the «air-ground integration». By making relics, relics, probes and three-dimensional reconstruction images of the entire excavation area, the field archaeological excavation information is greatly preserved, providing valuable operational experience and reference materials for teaching and research work.

Keywords: visualization technology; three-dimensional image; archaeological practice

Ван Юйфу

студент 4-го курса
Археологический факультет
Хэйлунцзянский университет
e-mail: 979236360@qq

Бао Шугуан

декан
Археологический факультет
Хэйлунцзянский университет
e-mail: 417252440@qq

Ши Янь

профессор
Археологический факультет
Хэйлунцзянский университет

Wang Yufu

4th year student
Department of Archaeology
Heilongjiang University
e-mail: 979236360@qq

Bao Shuguang

dean
Department of Archaeology
Heilongjiang University
e-mail: 417252440@qq

Shi Yan

professor
Department of Archaeology
Heilongjiang University

УДК 902

Очерк культуры Сяонаньшань

До Имэн

Хэйлунцзянский университет, Харбин, провинция Хэйлунцзян, Китай

小南山文化综述

多奕蒙

摘要

饶河县小南山文化在黑龙江地区甚至北方地区占有重要比重, 根据碳十四测年发现小南山文化的玉器是中国出土年代最早的玉器, 早于兴隆洼文化的玉器, 具有重要的历史价值。本文对饶河县小南山文化做了基本的介绍, 包括旧石器时代和新石器时代。根据发掘出土的石器和玉器判断它们的特点, 从而阐述与其他文化区域的联系。小南山文化发掘的时间不长, 也没有太多的发掘资料, 但发掘出土的器物具有重要意义。

关键词 小南山; 旧石器时代; 玉器;

一. 概况

小南山文化位于黑龙江省双鸭山市饶河县, 小南山地处饶河县南端。小南山是座孤立山丘, 南端陡峻, 北端低缓, 故一般称南端为大南山, 北端为小南山。此山东邻乌苏里江, 西, 南, 北三面为平原。1999年, 小南山遗址被列为省级文物保护单位。小南山遗址的考古发现最早可以追溯到20世纪50年代, 1971年进行首次发掘。1980年5月末至6月初, 此次为发掘旧石器遗址, 工作人员在小南山工地长29宽17米的四条大沟中找到了一些古生物化石和旧

石器以及骨器，发掘表明这是我国最东的一处旧石器地点。遗址的底层，层次分明，由上至下，可分为五层，黑色腐植土层，含大量草根、浅棕色土夹砾岩层，角砾岩有不同径级、黑灰色粘土层，夹不同径级的小砾石、灰黄色粘土夹砾石层，含不同径级的角砾岩、淡灰棕黄色粘土层，在其下有一层化石层，含有石器、最底部为少量粘土夹砾石层，砾石多数为火山凝灰岩，非原地产物，呈次棱角状。1999年7月，饶河县文物管理所进行了发掘，发掘时墓葬已被破坏，出土文物也已散失。从现场看，墓圪已无法辨认，墓底距地表2.5米，由上至下可分为五层：黑土层，黑、黄土夹碎石层，黑炭灰层，黄土夹碎石层及墓葬所打破的文化层。墓葬开口不清，墓底铺一层厚5厘米的红土，红土下为黄色原生土。该墓葬为二人合葬墓，无棺槨，头向西，仰身直肢，左侧尸骨比右侧尸骨长30厘米左右，尸骨上下有一次层厚约5厘米的红土。墓中随葬品有玉器，石器和牙坠物。玉器大部分置于尸骨左侧，只有玉斧放在左边尸骨胸部，玉簪放在右侧尸骨头下；石镰置于两尸骨脚下，堆放整齐，镰头向东，箭步均被折断，其他石器放在左侧尸骨头部附近。2015年7月至11月，黑龙江省文物考古研究所和饶河县文物管理所对小南山遗址进行正式考古发掘。此次发掘位于小南山东坡的中部，发掘面积300平方米。本年度获得的文化遗存可分为早晚两期。早期遗存以第3层及开口该层下的墓葬为代表，其中3座墓葬的碳14年龄分别是8020±30、8150±30和7880±30年，经树轮校正后为距今9135~8595年之间。早期遗存出土了大量的玉器、石器和陶器。玉器有匕形玉佩、觚形玉佩（弯条形器）、玉管、玉珠、玉璧、玉环、玉铍和玉斧等。石器有筒形器、双面尖状器（矛）、端刮器、石叶及其制成的长镞、磨制的镞等。陶器主要为罐和小杯类，夹砂黄褐色，内芯多为黑色，质地非常疏松，外表面上部饰由斜向压印梳齿纹构成的条带，个别唇部也饰压印梳齿纹。墓葬为竖穴墓，在山体基岩上开凿墓坑，有燎尸习俗。晚期遗存出自第2层，包括陶器和石器。陶器仅见罐类，纹饰以篦点之字纹为基底，再饰曲线、圆圈等划纹和压纹，部分表面涂有红彩。石器主要为压制的短三角形石镞。在小南山遗址发现的早晚两期遗存与周边地区以往发现的考古学文化相比具有鲜明的特征和联系。早期遗存陶器中的梳齿纹和在器物口沿及上部饰纹的风格在新开流-鲁德纳亚文化以及孔东文化中也体现，但小南山早期遗存陶器上的纹饰和构图更加简单，早期遗存中的双面尖状器是黑龙江下游旧石器时代过渡时期的奥西波夫卡文化中最流行的器物，因此小南山遗址的早期遗存填补了奥西波夫卡文化和新开流-鲁德纳亚文化（孔东文

化）之间的空白，代表了一支以往未被识别出的新的考古学文化。小南山遗址的晚期遗存与黑龙江下游的沃兹涅谢诺夫卡文化有接近之处，是该文化遗存在我国首次发现，其年代为新石器时代末期，距今约4000年左右。

二. 小南山遗址器物特征及文化特点

1980年发掘的旧石器遗址，文化遗物有旧石器和骨器。石器分为单刃刮削器、石斧形石核石器（火山凝灰岩）。骨器为猛犸象肩胛骨制成，两端有打击的痕迹，在外侧较薄的一面有加工痕迹，正面下端有四处人工痕迹，上端有两处人工痕迹，全长3.4宽9厚4厘米。出土的石器和骨器不多，但在这一层为中找到了大量不同年龄的猛犸象碎骨，没有找到完整的骨架，因此推断这里可能是古人吃肉后的碎骨堆。从发掘出土的石器来看，小南山旧石器长度在6-10公分范围内，属中小型石器类型；石器原料为火山凝灰岩；出土两件石器具具有两种打制方法：一种是用石锤先把石料打成片，然后对石片进行加工而成石器，即石片石器，另一种是用石锤直接把石料打成石器的石核石器。1991年发掘的小南山墓葬共追回了随葬品126件。其中玉器67件。器型有珠、斧、矛、匕、簪和斜刃器。玉色以淡绿、浅黄、灰白或三色相间者占大宗，个别为鸡骨白色。发掘出土的环共45件。平面呈不规则圆形，横剖面近椭圆形或扁菱形。孔有对钻和单面钻两种。可分七式。发掘出土的（jué）共11件。平面扁圆形，近缺口处肉较窄，内缘圆钝，外援较薄。发掘出土的珠共有五件。中间有上下贯通的穿孔，器底较大，至顶部渐小。可分二式。发掘出土的斧只有一件。呈淡绿间白色。顶部略残。平面仅梯形，顶端圆弧状，双面刃，器身一侧较直，另一侧略有弧度，顶部较薄，至刃部较厚。正面微鼓且磨制光滑，背面板平，磨制不精。发掘出土匕两件，一个为鸡骨白色窄弧形刃，另一个为淡绿色白斑双面圆弧刃。发掘出土的簪仅有一件。为淡绿色，通体精磨，器表有光泽。平顶，至尖部渐尖锐，横剖面呈扁菱形。斜刃器出土一件。淡绿色间白斑。平面近长条形，上部略宽，一面中间略鼓，另一面平整。两侧边缘有凸棱，斜刃，刃及边缘留有加工痕迹。出土矛一件，同样为淡绿色间白斑。仅存下半部。尖部略残，中部微鼓，边缘略薄，横剖面近椭圆形。2015年发掘的地区，位于小南山东坡的中部，发掘面积300平方米。可分为早晚两期。早期遗存以第3层及开口该层下的墓葬为代表，。其中3座墓葬的碳14年龄8020、8150、7880年，经数轮校正后为距今9135~8595年之间。黑龙江省文物考古研究所于2015年对该遗址进行发掘，其中第一区和三区出土较多玉器。第一区出土玉器主要在石堆遗迹附近和第三层中，类型有匕形

器, 弯条形器, 坠饰, 玉珠, 玉璧, 玉簪等。第三区的玉器主要在第二号墓葬中, 墓葬凿基岩为穴, 随葬有玉珠, 玉管, 玉环, 玉璧等, 还有少量石器。经碳十四测年表明, 小南山文化玉器所处的年代为距今8600–9200年左右(校正后), 这与共存的陶器和石器类型学显示的年代完全吻合。

三. 总结

小南山遗址在东北亚新石器时代考古学文化系统中占有独特、重要的地位。这是毋庸置疑的。早期遗存集中发现的大量玉器显示出与红山文化系统既有联系又具区别, 反映了东北亚考古学文化系统特色的重要特征。小南山遗址的发掘为乌苏里江及黑龙江下游新石器时代

考古学文化的编年和谱系研究提供了重要的资料。

参考文献

1. 王禹浪, 闫举香, 寇博文. 乌苏里江流域的历史与文化——以饶河县为中心[J]. 哈尔滨学院学报, 2015, 36(06): 1–16.
2. 李英魁, 高波. 黑龙江饶河县小南山新石器时代墓葬[J]. 考古, 1996(02): 1–8+97–98.
3. 李有骞. 黑龙江饶河小南山遗址发掘获新收获. 中国文物信息网. 2015–12–25.
4. 李有骞. 黑龙江小南山遗址出土大量新石器时代的文物. 新华网. 2015–10–27.
5. 吴丽丹. 论东北地区新石器时代玉器的四个发展阶段[D]. 吉林大学, 2007.

Очерк культуры Сяонаньшань

До Имэн

С июля по ноябрь 2015 г. Археологический институт провинции Хэйлунцзян и Управление культуры в округе Жаохэ провели официальные археологические раскопки на памятнике культуры Сяонаньшань. Раскопки проходили в центре юго-восточного склона Сяонаньшань, на площади 300 м².

Обнаруженные артефакты можно разделить на два типа. Более ранние из них представлены третьим слоем памятника и останками в грунтовых погребениях. Радиоуглеродные даты в трёх гробницах составляют 8020±30, 8150±30 и 7880±30 лет соответственно. После коррекции по дендрохронологии средний возраст составил 9135–8595.

Большое количество изделий из нефрита, камня и керамики было раскопано впервые. Нефритовые изделия представлены украшениями (браслетами, кольцами, бусами, подвесками) и орудиями (тесло и топор). Каменные орудия имеют цилиндрическую форму, двухсторонние остроконечные пики (копья), концевые скребки, каменные пластины и сделанные из них длинные наконечники стрел, абразивное орудие и другие. Формы керамической посуды в основном – банки и маленькие чашки. В тесто входил желтовато-коричневый песок, внутри посуда была в основном чёрная (нагар?), её текстура – очень рыхлая, наlepные рассеченные венчики нанесены гребенкой, а в отдельных местах украшены тиснением.

Таким образом, ранние артефакты Сяонаньшань представляют собой открытие новой культуры, заполняющей хронологический пробел между осиповской культурой и руднинской и кондонской культурами. Поздние остатки местонахождения Сяонаньшань близки к вознесеновской культуре Нижнего Амура. Находки данного культурного слоя в Китае обнаружены впервые. Их возраст относится к концу эпохи неолита и датируется около 4000 лет назад.

Ключевые слова: Сяонаньшань, неолит, энеолит

Xiaonanshan Culture Review

Duo Yimeng

The Xiaonanshan culture in Raohe County occupies an important proportion in Heilongjiang and even in the northern regions. According to the Carbon-14 survey, the jadeware of Xiaonanshan culture was the earliest jade in China, and the jade that was earlier than Xinglongyu culture has important historical value. This article gives a basic introduction to the Xiaonanshan culture in Raohe County, including the Paleolithic Age and the Neolithic Age. According to the unearthed stoneware and jade, their characteristics are judged to illustrate the connection with other cultural areas. The Xiaonanshan culture has not been explored for a long time, and there is not much excavation information. However, it is of great significance to unearth the unearthed objects.

Keywords: Xiao Nanshan; Paleolithic Age; jade articles

До Имэн

студентка 2-го курса
Археологический факультет
Хэйлунцзянский университет
e-mail: 18845121146@163.com

Duo Yimeng

Sophomore student
Department of Archaeology
Heilongjiang University
e-mail: 18845121146@163.com

卡约文化动物纹饰再研究

刘月鸣

摘要

卡约文化出土的器物中，有着丰富的动物纹饰，每一个纹饰都与当时的经济形态、社会制度、习俗方式、宗教文化及不同文化间交流等因素有联系。在本文中，将探讨这些动物纹饰背后的文化渊源。器物上的动物纹饰，首先与卡约文化的经济形态相关，卡约文化作为一个农业与畜牧业并重的文化，其畜牧业还是占了较大比重，这些动物纹饰也反映出人们的生产生活与动物有着密切联系；其次，动物纹饰在一定程度上与萨满教也有关系，鹿、鹰、羊等动物在萨满教中扮演着动物神的角色；再者，卡约文化又与羌人文化有族属关系，故也包含了羌文化的因素，尤其体现于羊纹；最后，个别动物纹饰与欧亚北部也有着交流关系，展现了斯基泰三要素特征，故认为卡约文化与周围不同文化间存在着交流关系。

关键词：卡约文化；鹿纹；鹰纹；羊纹；鸟纹

1923年瑞典学者安特生在中国西北地区发现了一支青铜时代文化，由于发现地点在青海省湟中县李家山卡约村而得名“卡约文化”。卡约文化晚于齐家文化，与辛店文化年代相若，相当于中原地区的早商到东周时期。卡约文化分布范围以青海东部为中心，密集分布于河湟谷地和青海湖周边，河流水系纵横交错，水源丰富，以及处于宽广平坦的河谷地区，土壤肥沃，有利于其发展农业，但这支文化是以农业和畜牧业为主要经济形式，但畜牧业的比重较大。卡约文化盛行动物纹饰，其动物纹主要见于斧、戈、铜镜、铜铃、铜镯、铜牌饰、杖首、兽面饰、动物形饰等器物之上¹，同时动物纹饰种类极其丰富，共计有鹿、羊、鹰、鸟、马、鱼、蛙、虎、犬、牛、蛇等纹样²，本文主要论述较为多出土的动物纹饰。对于这些北方少数民族文化有动物纹饰青铜器物，习惯上称之为“鄂尔多斯式青铜器”³，后来改称为“北方系青铜器”⁴。这些“北方系青铜器”的纹饰反映了当时畜牧业发达，同时人类

与动物的关系较为密切，人们的生产生活离不开动物，而动物纹饰又或许与萨满教有所关联，由此可探究当时人们的原始宗教信仰和社会思想意识。卡约文化出土器物中动物纹饰种类丰富，这些动物纹饰精美的背后又有着多种的文化联系。

一、鹿纹

卡约文化出土器物中，鹿纹纹饰占了较大比重。在循化阿哈特拉曾出土一件鹿纹彩陶罐⁵，腹部绘有七只大角鹿的图案，鹿角坚挺，雄健有力，形似树杈，迸发生命力，角距相等。在循化地区出土的鹿纹彩陶罐中有四幅鹿纹形象过渡图⁶，最开始的鹿纹鹿身刻划填充饱满，并且有着粗壮强大的鹿角，目光坚定，神态炯炯；其次的鹿纹鹿身线条较为简洁，但鹿角依旧坚挺有力；第三只鹿刻划较为简单，鹿角也成直立状，鹿腿成三角状；最后的鹿纹省去了鹿身，仅为鹿角，形似枝杈。

在青海化隆县雄先乡西北村卡约文化墓地中出土了许多穿孔鹿牙饰、鹿牙饰等随葬品⁷，用鹿骨制成装饰品进行随葬。在大通县黄家寨出土了大小粗细不等的骨管近300件，有的

图一-1卡约文化鹿纹饰彩陶器

¹ 张文立. 卡约文化铜器动物纹初探 [N] 草原文物 2016(2): 84-92

² 同上

³ 乌恩. 我国北方动物纹饰 [N] 考古学报 1981(1): 45-61

⁴ 林沅. 商文化青铜器与北方地区青铜器关系之再研究. 考古学文化论集

⁵ 乔虹. 浅析青海地区卡约文化的动物造型艺术 [N] 青海师范大学学报(哲学社会科学版) 2005(1): 75-78

⁶ 赵晓明. 青海彩陶动物纹饰及图腾的研究 [N] 青海社会科学 1994(5): 75-73

⁷ 刘宝山 窦旭耀. 青海化隆县下半主洼卡约文化墓地第二次发掘简报 [N] 考古与文物 1998(4): 3-11

表面刻有精美纹饰，其中有一件鹿纹骨管，管身上用阴线刻划出了四只鹿的造型，用简洁线条勾勒出轮廓，鹿角均为倒C型，强健有力，鹿神情昂扬，雕刻手法写实感强，形象逼真⁸。在大通上孙家寨也出土了一件鹿纹骨管，管身上用阴线雕刻出三只鹿的形象，最上端的鹿纹依然突出了鹿角，鹿身线条简洁；位于中间的鹿鹿角较小，神情呈惊恐状；最底部的鹿同最上一样，有较大的鹿角，三只鹿纹刻划逼真，形象各异，写实感强，雕刻手法娴熟⁹。这些鹿骨管上的鹿纹，让人联想到在欧亚北部出土的鹿石纹案，日本学者三宅俊彦认为卡约文化的鹿纹饰均为欧亚北部传入。笔者认为，卡约文化经济形态中畜牧业占据较大比重，故此在游牧、狩猎生活中或多或少会产生不同文化间的交集，这种纹饰交流也有存在的可能性。

图一-3卡约文化鹿骨纹饰器物

图一-2今循化地区出土卡约文化彩陶器上鹿纹¹⁰

我国北方民族有着久远的信仰萨满教的历史，卡约文化中出土的鹿纹饰的器物大多与萨满文化有所关联；同时青海地区是个多鹿的地方，鹿与人们的生产生活有着密切联系，鹿也有着丰富的利用价值：鹿肉、鹿血可食，鹿皮可以制衣穿，鹿角、鹿骨可以作法器、装饰品等¹¹。在所有出土的带有鹿纹饰的器物中，鹿角形象最为突出。从鹿纹与萨满教关系的角度来说，鹿角在萨满教中是举行仪式时使用的重要法器，鹿角形似树杈，而在北方萨满文化中，树木为天人相接的象征，萨满神帽上有“神树”装饰，传达着“神树枝杈与天相通”的含义，鹿角之于鹿，为其升天的凭借，鹿因其角而腾空，人们有了鹿角，也可为自身灵魂开路，由此可推断当时人们用鹿角纹饰来表达着通天的愿望，为自己灵魂升空而寻找依据¹²。卡约文化中出土的带有鹿纹饰的器物中，鹿

角都是雄健有力的形象，充满生命力，在极早的历史阶段中，人们相信角及其有角动物与繁衍生息息息相关，而鹿及鹿角则恰好是最佳之选，故此可推论卡约文化中强有力的鹿角纹饰，表达着当时人们对繁衍生息的美好愿。

二、鹰纹

在卡约文化中出土带有鹰纹饰最多的器物是鹰骨管，均出自大通县上孙家寨，该地区还出土了鹰纹牌饰；同时在化隆县下半主洼出土了鹰纹彩陶罐。卡约文化的鹰纹特点大多是圆眼、尖嘴、张翅、尾部三角形或长方形，同时双翅和尾部会有大量的线条装饰。

在众多带有鹰纹的器物中，鹰骨管较为特殊。在卡约文化中，骨管纹饰大体包含鹿纹和鹰纹。骨管为随葬器物，而卡约文化的葬式奇特且复杂，共有仰身直肢葬、侧身直肢葬、屈肢葬、俯身葬、二次扰乱葬及少量火葬等形式，其中二次扰乱葬最为普遍，而骨管则基本出土于二次扰乱葬中，可以认为两者是“相伴相生”。萨满教中，认为人的灵魂和生命藏于骨骼之中，通过神灵祈祷、骨骼连结，可以使生命再生，而二次扰乱葬，可以使骨骼尽快暴露于空气中，便于灵魂升空，获得重生的机会¹³。同时骨管也是萨满教举行仪式时巫师手握的重要法器，骨管上雕刻着鹰纹，仿佛被赋予神奇魔力，助巫师完成某种神秘的使命。

鹰纹比鹿纹更充满神秘色彩，在萨满教中，鹰有着极其重要的地位：传说鹰魂化为了女萨满，同时鹰在萨满教中居住的地方，正是萨满巫师做法的地方¹⁴。在萨满教中，被奉为

⁸ 见于乔虹. 浅析青海地区卡约文化的动物造型艺术 [N] 青海师范大学学报（哲学社会科学版）2005（1）：75-78

⁹ 同上

¹⁰ 摘自赵晓明. 青海彩陶动物纹饰及图腾的研究 [N] 青海社会科学 1994（5）：75-73

¹¹ 赵晓明. 青海彩陶动物纹饰及图腾的研究 [N] 青海社会科学 1994（5）：75-73

¹² 见于乔虹. 浅析青海地区卡约文化的动物造型艺术 [N] 青海师范大学学报（哲学社会科学版）2005（1）：75-78

¹³ 乔虹. 卡约文化的丧葬礼仪 [N] 青海民族研究 2002,13(1)：60-63

¹⁴ 乔虹. 浅析青海地区卡约文化的动物造型艺术 [N] 青海师范大学学报（哲学社会科学版）2005（1）：75-78

图二-4 卡约文化鹰骨管

神的动物分为两种，一种是灵兽，例如刺猬；一种是猛兽，例如虎，猛兽是狩猎民族的重要衣食来源，同时它们有着人类无法企及的非凡性能和本领¹⁵。而在众多动物神中，鹰是萨满动物神的首神，被认为是太阳的象征。

鹰与萨满教有如此千丝万缕的联系，故可将卡约文化出土器物的鹰纹饰与萨满文化相联系。人们将鹰的形象雕刻于器物上，表达着渴求鹰带着自己灵魂的升天、祈求天上的神灵保护的美好愿望。

三、羊纹

论卡约文化的族属关系，与羌文化息息相关。在《说文解字》中，认为羌是“西戎牧羊人”¹⁶。在青海东部的黄河沿岸，是历史上羌人居住的地方。在无确切文字记载的情况下，根据考古成果推断，青海彩陶器的主人为炎帝之后，戎羌的先民，古羌人与羊有着密切且友好的关系。卡约文化出土的羊纹饰多于青铜器柄部位置，采用圆雕手法。

在循化阿哈特拉山墓地出土了一件羊纹饰的彩陶罐，腹部饰羊纹；在大通良教发现了饰羊铜戈；在大通上孙家寨出土了一件羊纹青铜牌饰。三者共同点在于羊纹均为简洁线条勾勒，但都突出了羊角，羊角均为长角，健硕有力，且大。

探索卡约文化羊纹的渊源，要与羌人文化相联系。在羌民的冠礼和除秽仪式中，要悬挂羊毛线，表示人与羊为一体；在其丧葬仪式中，要宰杀一只羊来为死者引导亡灵，并称之为“引路羊”，将羊血撒在死者手上，祝福死者“骑羊西归”¹⁷。可见羌人与羊的关系如此密切，羊在羌人文化中的地位不容小觑。卡约文化墓地中也有随葬羊的现象，在大通孙家寨墓地、湟中下西河墓地、大华中庄墓地、平安县沙卡村墓地、花鼻梁墓地以及阿哈特拉山墓地都有羊的殉葬¹⁸，最突出的表现在循化阿哈

特拉山墓地，第12号墓中殉葬了108对羊角¹⁹，另外在大华中庄M24随葬了69个羊跗骨，是大华中庄殉牲墓中最多的一座墓葬²⁰。故此可认为，卡约文化中的羊纹饰，体现出人们与羊的密切关系，同时羊是温善、乖良的代表。同时羊纹与萨满教也有着联系，萨满教中用来请神的鼓，鼓面要用羊皮；用于念经诵咒的各种法器也要系羊角，来提升法器威力。笔者认为，羊在羌人、萨满文化中，都扮演着“灵魂引路人”的角色。

四、鸟纹

在卡约文化中鸟纹最多出现于铜铃之上。卡约文化的地域范围可分为湟水流域和黄河流域两大水系地域，在湟源县栏隆乡上寺村出土了一件鸟形纹饰铜铃，时间约为卡约文化晚期第五期²¹。该器物鸟的眼睛为同心圆雕刻，尖喙，鸟颈部有环饰，鸟身羽毛的部分则分为

图四-5 卡约文化鸟形箭头饰，大通黄家寨 (M16:5)

图四-6 卡约文化鸟形箭头饰实物图

¹⁵ 包桂英. 北方系青铜器动物纹与萨满文化 [N]中国艺术 2010 (4): 198-199

¹⁶ 赵晓明. 青海彩陶动物纹饰及图腾的研究 [N] 青海社会科学 1994(5): 75-73

¹⁷ 李鸿鸽. 从“云云鞋”——羊纹——看羌人的精神诉求 [N]2011 (10):111-112

¹⁸ 刘杏改. 卡约文化的殉葬[N]2000 (1): 25-27

¹⁹ 周庆明. 卡约文化和寺洼文化的族属问题——兼论我国古羌人的起源[N]中国国家博物馆馆刊 1984: 15-19

²⁰ 包曙光. 中国北方地区夏至战国时期的殉牲研究[D] 吉林大学

²¹ 三宅俊彦. 卡约文化青铜器初步研究[N]考古2005 (5): 73-88

三镂空，空腹内有铜球，这种雕刻手法写实感强，同时彰显出雕刻者的技艺高超。

在湟水流域第六期还出土了鸟形竿头饰，长喙、圆眼、有冠、昂首。同样鸟形竿头饰还在湟源县沸海乡巴燕峡普查时征集到了，该鸟形长颈大嘴，似水鸟，中部有镂空，腹内有石球，下方还有不规则长方形镂空，镂空均为羽毛状。这些鸟形器物均为写实性风格，有较强的写实感，技艺手法基本上为圆雕和镂空。同时这种鸟形的竿头饰，被认为是仪器²²。

鸟在萨满教中是人们往来世间和天国的重要凭借，巫师在痴迷状态下进入天国，要借助鸟的飞翔能力，鸟可以赋予人们升天的本领，鸟饰铜铃则是萨满巫师完成空中之旅的重要法器²³。铜铃是原始社会中人们生产生活的常用的青铜器，出土于人骨周围，一般有穿孔，便于悬挂于人体某一部分（胸或腰部）。在日常的祈求丰收、狩猎活动、消灾祛病的仪式中，铜铃则作为乐器或仪器等。

五、结语

卡约文化中，因文化遗存所处地域差异，动物纹分布有所不同，在已发表的材料中，发现卡约文化铜器动物纹主要集中在湟水流域，而不见于黄河流域。²⁴卡约文化中纷繁复杂的动物纹饰，恍若奔跃于世间的精灵进入了人们的视野，为人们研究卡约文化敞开了一扇大门。个人看来，这些动物纹饰生动鲜活且可爱，单纯的外表下却有着深厚错综的文化背景，更加充满着独特的魅力。卡约文化中的动物纹饰神态多昂扬，充满生机感，动物纹饰的艺术造型反映了人们的某种思想、观念、信仰及情感，笔者认为这些动物纹饰表达了当时人们向上天祈福的愿望，同时也体现出人们乐观的生活心态，以及宗教的原始崇拜。卡约文化铜器的动物纹题材风格与我国北方地带及欧亚草原地带铜器的动物纹题材风格有着许多相似共通之处，并且都具备写实主义，由此可推论出卡约文化时期青海地区与我国北方地带及欧亚草原有着文化上动态的交流与联系。²⁵同时在众多动物纹饰中，鹿纹、鹰纹呈现出斯基泰三要素特点，也印证出卡约文化与欧亚草原地带文明之间的交流联系，但具体有无源流传承的关系，则尚待研究。

参考文献

- [1] 乌恩. 我国北方动物纹饰 [N] 考古学报 1981 (1) :45-61
- [2] 三宅俊彦. 卡约文化青铜器初步研究 [N] 考古 2005 (5) :73-88
- [3] 赵晓明. 青海彩陶动物纹饰及图腾的研究 [N] 青海社会科学 1994 (5) :75-73
- [4] 乔虹. 浅析青海地区卡约文化的动物造型艺术 [N] 青海师范大学学报 (哲学社会科学版) 2005 (1) :75-78
- [5] 高东陆. 略论卡约文化 [N] 青海社会科学 1993 (1) :78-85
- [6] 周庆明. 卡约文化和寺洼文化的族属问题——兼论我国古羌人的起源 [N] 中国国家博物馆馆刊 1984: 15-19
- [7] 崔兆年. 青海史前文化中骨器分析研究 [N] 青海师范大学学报: 哲学社会科学版 2007 (5) :67-70
- [8] 许红梅. 青海原始“鹿纹”分析 [N] 青海民族研究 2000 (2) :89-92
- [9] 包桂英. 北方系青铜器动物纹与萨满文化 [N] 中国艺术 2010 (4) :198-199
- [10] 许新国. 循化阿哈特拉山卡约文化墓地初探 [N] 青海社会科学 1983 (5) :92-95
- [11] 包曙光. 中国北方地区夏至战国时期的殉牲研究 [D] 吉林大学
- [12] 李鸿鸽. 从“云云鞋”——羊纹——看羌人的精神诉求 [N] 2011 (10) :111-112
- [13] 乔虹. 卡约文化的丧葬礼仪 [N] 青海民族研究 2002, 13 (1) :60-63
- [14] 张文立. 卡约文化铜器动物纹初探 [N] 草原文物 2016 (2) :84-92
- [15] 刘杏改. 卡约文化的殉葬 [N] 青海民族研究 2000 (1) :25-27
- [16] 林沅. 商文化青铜器与北方地区青铜器关系之再研究. 考古学文化论集
- [17] 许淑珍. 青海化隆县半主洼卡约文化墓葬发掘简报 [N] 考古 1996 (8) :27-44
- [18] 孙鸣生, 王国道. 青海化隆、循化两县考古调查简报 [R] 考古 1991 (4) :313-331
- [19] 刘宝山, 窦旭耀. 青海化隆县下半主洼卡约文化墓地第二次发掘简报 [R] 考古与文物 1998 (4) :3-11
- [20] 贾鸿健. 青海大通县文物普查简报 [R] 考古 1994

²² 包桂英. 北方系青铜器动物纹与萨满文化 [N] 中国艺术 2010 (4) :198-199

²³ 乔虹. 浅析青海地区卡约文化的动物造型艺术 [N] 青海师范大学学报 (哲学社会科学版) 2005 (1) : 75-78

²⁴ 张文立. 卡约文化铜器动物纹初探 [N] 草原文物 2016 (2) : 84-92

²⁵ 同上

Изучение изображений животных в культуре кайо

Лю Юэмин

Артефакты культуры кайо содержат множество изображений животных. В статье рассматриваются культурные истоки зооморфного орнамента. Он в первую очередь обусловлен экономической культурой кайо, основу которой составляло сельское хозяйство, преимущественно животноводство. Изображения животных, во-первых, характеризуют повседневную производственную деятельность носителей культуры. Во-вторых, они связаны с их религиозными представлениями – шаманизмом, в котором различные животные (олени, орлы, овцы) являются тотемными символами. Кроме того, культура кайо испытала влияние других культур, в частности, кочевых народов Северной Евразии, занимавшихся овцеводством. Таким образом, в культуре кайо преобладают три вида изображений, связанных с оленем, птицей (орлом) и овцами.

Ключевые слова: культура кайо; изображение оленя; изображение орла; овечий орнамент

Study of Animal Ornaments in the Kayo Culture

Liu Yueming

The artifacts of the Kayo culture are rich in animal prints. In this article, we explore the cultural origin of this animal ornamentation. It is firstly related to the economic activity of the Kayo culture. The basis of it was agriculture, mainly animal husbandry. Images of animals characterize the daily production activities of the culture carriers. Secondly, animal ornamentation is also related to shamanism to a certain extent. Animals such as deer, eagle, and sheep play the role of animal god in shamanism. Moreover, the Cayo culture was influenced by other cultures, in particular, the nomadic peoples of Northern Eurasia, who were engaged in sheep breeding. Therefore, three types of images related to deer, bird (eagle) and sheep prevail in Cayo culture.

Keywords: Cayo culture; deer pattern; eagle pattern; sheep pattern; bird pattern

Лю Юэмин

студентка 2-го курса
Археологический факультет
Хэйлунцзянский университет
e-mail: 18845121146@163.com

Liu Yueming

Sophomore student
Department of Archaeology
Heilongjiang University
e-mail: 18845121146@163.com

УДК 902

О перемещении столицы Чжу Ди

Лю Ян

浅谈朱棣迁都

刘杨

黑龙江大学考古学系
中国 哈尔滨

摘要

公元1399年，朱棣作为驻守北平的燕王因为建文帝的削藩政策展开了声势浩大的“靖难之役”。经过四年的时间，他终于以明朝皇帝的身份坐上了大明江上的宝座之上。经过了近20年的辛苦经营，特别是在郑和七下西洋后，大明王朝在当时的世界上已经成为名扬四海的帝国。就在明成祖安享太平盛世的时候，他却做出了一个令所有人出乎意料的决定。公元1421年，他决定将明朝的都城从应天府（现南京）迁到北京。究竟是什么原因使得永乐皇帝决定把都城从南京迁到北京呢？他在迁都的过程中又遇到了哪些困难呢？朱棣迁都与彼得大帝迁都都有什么相似点和不同点呢？朱棣迁都北京又将会给后世带来哪些影响呢？笔者将会一一道来。

关键字 明成祖朱棣、迁都、原因、困难、意义

元1401年，在经过四年的靖难之役后，朱

棣背负着谋权篡位的罪名终于登上了大明王朝的宝座。尽管这个皇位取得的过程极不光彩，但是他跟同样以非正常手段夺取江山的唐太宗李世民一样，开创了一代盛世——“永乐之治”。他亲自率领军队五出塞北，打击了蒙古骑兵器张的气焰，稳固了明帝国的疆土；他主持编纂了《永乐大典》这样一本史无前例的史学巨著；他任命郑和建立当时规模最为宏大的舰队，并七下西洋，缔造了一个名扬四海的大明帝国。然而，就在他可以安享太平盛世之福的时候，他却做出了一个出人意料的决定。公元1421年，他决定将明朝的都城从南京迁到北京。首都是一个国家的根本，建都或是迁都都是关于国计民生的大事，通常情况下，一个国家在迫不得已的情况下才选择迁都，而永乐皇帝为什们要在自己政权刚刚稳定的时候迁都

呢？朱棣的这个反常的举动究竟是为了什么呢？这就笔者进行从多个角度进行分析。

一、朱棣迁都的原因

（一）迁都是为了加强皇权

无论朱棣起兵造反的最初目的是什么，现在大局已定，他就永远摆脱不了那些衷心与建文帝的人扣给他的那顶乱臣贼子的帽子。所以，在南京这座皇宫里，虽然他现在是说一不二的帝王，但是那些忠于建文帝的旧臣的不认同，也使得这位继承了朱元璋杀戮遗传基因的皇帝大开杀戒。当然，对于一个朱棣这样一个封建帝王来说，血腥和杀戮已经成为家常便饭，但是，那么多忠臣良士必竟是无辜的。朱棣在南京即位后，最先处理的问题就是清查宫禁。他先后捕杀“奸臣”50余名，其中包括齐秦，黄子澄，方孝孺，这里面最悲惨的要数方孝孺了。我们知道，他是建文帝最亲近的大臣，他也认为建文帝是他的知遇之君，他们两个明面上是君臣的关系，私下里确是忘年交。所以，铲除方孝孺是朱棣势在必得的。但由于姚广孝的恳求，朱棣才决定放他一马。谁知方孝孺并不买账，断然拒绝了朱棣的恻隐之心。他的所作所为使得朱棣龙颜大怒，最后不但把他凌迟处死，还祸及十族，牵连蔓延被杀人数有数万之多，成为我国历史上最残酷的一次大清洗案。杀戮过后内心的恐惧感加上人心向背的局势使得他最终觉得南京不会是他皇权安然存之的最佳地点。相比之下，北京是他的“龙兴之地”，朱棣作为藩王在这个地方度过了他人生中最灿烂的年华岁月。他在北京这个地方做了十三年监国，经过二十多年的经营，加上靖难之役的考验，所以，北京聚集着效忠于朱棣的羽翼，是他的集团实力所在，换句话说，就是在北京朱棣有着不错的群众基础。因此，朱棣在南京的龙椅上稳坐了19年之后，他终于觉得迁都的时机到了，所以昭告天下，要把都城从南京迁到北京。

（二）迁都是为了加强北方边防

永乐元年，残余的蒙古军队进攻辽东，大肆掠夺，正因为整个北方的防御体系都是脆弱的不堪一击，才使得蒙古军队如入无人之地。朱棣即位前，曾长期主持大明王朝对蒙古各部的作战，对其残余势力不断南下的危害性了如指掌。纵观我国历史朝代的发展脉络，我们可以清晰的看到少数民族政权的存在及发展对中原政权的危害性。从汉代匈奴扰边，一直到宋朝被元所灭，中原皇帝最担心的并不是内部权力的争夺，而是机动灵活、百战不殆的少数民族政权的侵袭。所以，蒙古军队的残余势力是朱棣稳固大明江山道路上最棘手的问题。此外，朱棣夺权后的削藩造成了北部军事实力的减弱。继建文帝削藩之举后，朱棣在夺取政权后，深知藩王的存在对自己政权所带来的威胁。他更担心的是类似的某朝篡位的事件发生

在自己子孙的头上，所以他决定削藩。但是与建文帝削藩措施不同的是，朱棣决定将藩王内迁，军事实力最强的宁王首当其冲，其次则谷王、辽王。这样一来，因为藩王的内迁造成了国家正北防线的空虚。所以，藩王内迁后，中央政府迁都北京成为加强整个北方地区防御体系的一个明智之举，这就是我们常说的“天子戍边”[1]。将都城自南京北移，不仅加强了北方的边防，还密切了同北方少数民族上层人物的联系，有效地实施了对周边少数民族的统治。并且更能有效的组织力量，抵抗元朝的残余势力。

（三）北京有优越的战略地位

在冷兵器时代，优越的战略位置在一定程度上保证了统治者政权的安全和稳固。明朝时期的北京城跟南京城相比当然是逊色许多，原因有以下几点。

1、北京与南京经济条件的对比

自唐朝安史之乱以来，我国的经济重心就开始不断的向南迁移，到明朝这一代经济中心定格在南方的局面已经基本形成。在明朝，商品经济活跃，特别是在江南地区出现资本主义萌芽的局面。朱元璋对南方经济的重视，尤其是对京城南京的开发，使得南京在当时已经成为国际上数一数二的大都市[2]。相比之下，北京城作为元大都，在明朝攻克以后就变得破破烂烂，再加上游牧民族的不断骚扰，农耕文明的衰落，使得北京地区的经济发展缓慢，百姓的安全也是得不到可靠的保证。

2、北京与南京自然气候的对比

从地理学上看，南京处于长江下游，有充足的水资源，并且其处在亚热带季风气候区，气候宜人。然而北京却地处北方温带季风气候区，水资源较少。此外，由于农业、畜牧业发展的需求，北方大部分地区土地沙漠化的局面不断恶化，因此，一遇到恶劣的大风天气，北京城内就会出现严重的沙尘暴。相比南京城四季宜人的气候，北京当然要逊色的多。

3、北京优越的战略地位

无论从经济上还是地理位置上来看，北京与南京实在不可相提并论。但是，大家要看到这样一点，北京在地理位置上确实具有较大的优越性。北京地区的形势非常险要，东、北、西三面的奇峰峻岭，是北京的天然屏障。北京作为都城的存在已经有八百多年的历史，这要从辽、金时代算起。直至元朝才发展到一定的规模。北京无论是作为辽、金还是元朝的都城，都是作为少数民族建立的政权的都城存在的[3]。他们都是以北京为都城，控制了长城以北的广大地区。由此看来，北京的战略位置尤其重要。

（四）朱棣的个人喜好及建国理想

1、个人喜好

前面已经说过，朱棣作为藩王，在北京度

过了自己人生中最美好的时光。他早已经习惯了北方的食物和气候。据史料记载，朱棣特别喜欢吃朝鲜的食物，当时朝鲜的国王特地派厨师来侍奉他。北方虽然比不上南京一年四季温和如春的气候，虽然风沙漫漫，可是，朱棣却在这里度过了二十载的酷暑与寒冬。这样的气候条件给了他坚毅的性格和刚强的毅力。这也是他能够承受住苦难最终成为一代君王的一个必不可少的条件，尤其是北京那里有他很多年轻时艰苦奋斗的回忆。因此，朱棣决定迁都北京也有他回归故里的个人感情因素。

2、建国理想

朱棣生于元末明初，大元帝国的盛世必然耳闻熟知，恰巧他的府邸又是元之大都，忽必烈及其子孙正是在这里君临天下的，雄心勃勃的永乐皇帝正是要追随他们的足迹，建立一个举世无匹的庞大帝国。[4] “必欲远方万国无不臣服” [5] 中国人民大学教授毛佩琦曾分析到：“朱棣作为藩王，他很年轻就来到北平，他每天所看到的就是忽必烈这些人在这经营的天下。这一点深深影响着朱棣。朱棣要做皇帝，要做一个千古名王，忽必烈就是他的榜样。所以，朱棣迁都北京是为了继承元朝这些雄主，要建立一个庞大的帝国。是把中华民族多元一体的统一国家向前继续推动一步。因此朱棣迁都北京也蕴含着像元朝一样，以北京为中心，继承了元朝的版图，成就元一样霸业的美好愿望这方面的因素。

二、迁都遇到的困难

普通人搬家尚且不易，更何况是一个政治中心的迁移，所以，当朱棣下令迁都旨意的时候，确确实实的遇到了很多阻碍和困难。具体体现在群臣的反对和漕运两大方面。

（一）群臣反对

从朱棣建立皇权的时候开始，经过20多年的大清洗，所以现在的朱棣身边的大臣大部分都是“靖难功臣”，虽然说在利益上跟朱棣保持高度的一致，但是在对待迁都问题上还是有相当大一部分人持反对意见的。这里面主要包括以下三个方面的原因。

1、祖陵在南京

朱元璋打下天下后，就在现在的安徽凤阳为自己的父母建设陵墓，并且，他还在江苏的南京营建孝陵，作为自己死后的归宿。在我国古代，由于受儒家思想的长期影响，所以人们把祖宗的陵墓位置选择看的十分重要，也就是我们常说的看风水。对于帝王来说更显得尤为重要。从我国第一个封建王朝秦朝开始，我国历代君主的陵墓都会选择建设在京都附近。所以，朱棣要迁都，在儒家思想看来就是一种不孝的做法，就是抛弃了自己的祖宗，在当时看来是大逆不道的行为。

2、迁都是一件劳民伤财的事

据史料记载，1417年，朱棣任命泰宁侯营

建北京城，前后从全国各地找来二十多万工匠，上百万的百姓，还有数以万计的军队。从全国各地招集材料，从湖广、四川、贵州地区采伐上百年的珍贵木材，经过万水千山送到北京。在山东日夜烧制城砖与墙砖。在苏州烧制宫内铺地的“金砖”。更是在全国地区各大金银矿区进行大肆开采，以满足皇宫建设的需要。[6] 对于一个刚刚得到江山的皇帝来说，最主要的工作就是休养生息，促进经济发展，在百姓的幸福指数上判断自己的工作业绩。所以，朱棣在自己的天下刚刚平静的时候选择迁都，毕竟会动用大量的人力物力，使得徭役赋役等各项指标都集聚飙升，所有的一切都会变本加厉的落实在百姓的头上，这样一来，更加不利于政权的稳固。所以因为迁都成本过高，遭到很多大臣的极力反对。

3、安土重迁的观念根深蒂固

众大臣的实力都已牢固的形成并扎根在南方，在加上他们在南京生活了多年，无论父母妻小都定居在南京，他们不习惯北方的气候和饮食，这都是大臣们不愿迁都的原因。所以，众大臣借鉴了历朝皇帝大兴土木导致政权不稳定的教训，极力反对朱棣迁都。

（二）漕运困难

在交通运输及各种建筑手段都不发达的明朝，迁都过程中最大的问题就是漕运。我们应该注意这样一个问题，迁都后，会有大量人口涌入京城，并且军队的屯守也会使京城地区的人口出现饱和的状态。这么多人口当然需要消耗大量的粮食。我们也知道，北京附近不是主要产粮区，无法保障正常的粮食供给。所以，要迁都就得先迁粮，但是问题的难点就在这里。我们知道，就现在的交通条件来说，从南京到北京也是一段不算近的路程，当时的明王朝没有火车、飞机等现代高效的工具，只能靠最简单的人力运输。但是，相当数量的粮食可能没等到运到北京就已经腐烂了。所以，考虑到南京所处的地理位置，朱棣选择了漕运。但是在当时从南方的粮区到北方的河道是不通的，运河堵塞，河道改道给漕运带来极大的不便。修整河道也是一项不小的工程，有隋炀帝的前车之鉴在，永乐皇帝在解决漕运的问题上要费心费力了。

（三）皇宫失火

在朱棣正式下令迁都之前，他就命令礼部尚书宋礼疏通河道，解决了粮食的运输问题。终于与1421年正式诏告天下：迁都北京。永乐十九年八月初四，一场大火烧毁了北京新城中的奉天、谨身、华盖三座宫殿。加上全国各地出现的自然灾害，使得迁都后人们对朱棣的这个决定产生了怀疑。我们都知道古代的人是很信奉“天人感应”这一迷信的，认为这场大火就是对朱棣这个迁都的举动的警告，所以这就使得本来就反对迁都的人更加有理由批

判朱棣的迁都之举。朱棣本身作为一位封建帝国的皇帝，他也对因果报应这一说法深信不疑，所以，他在慌乱之时像群臣征求弥补过失的意见，但是没有想到的是却遭受了大臣们的语言上强烈的攻击，其中以萧仪最为激烈。众所周知，伴君如伴虎，也不知道萧仪的那句话没说在点上触怒了龙颜，朱棣从来就是个耐心有限的皇帝，竟然干脆把他杀掉，起到杀鸡给猴看的作用。通过这一事件，使得群臣看透了朱棣的心思，也就缄口不谈迁都一事了。至此，迁都之争到此结束。朱棣通过他的屠刀，消灭了反对迁都的声音。

三、朱棣迁都与彼得大帝迁都的比较

纵观国际舞台，历史上有许多皇帝都曾做出过迁都的举措，但是最著名的还数沙皇彼得一世。那么我就朱棣迁都于彼得一世迁都做一个简要的比较。两者之间的相似点在于迁都是为了巩固政权的需要。对于朱棣来说，他所夺取江山的手段确实不是很光彩，所以，迁都一事不是可有可无的，而是势在必行的。但是对于彼得大帝来说，他决定迁都是他改革过程中必不可少的一个环节，他作为莫斯科历代君主中第一个走出国门的君王，深知自己国家相对西方国家来说的落后情况，所以，他知道只有改革才是稳住自己政权的唯一途径。而迁都，则是这个改革过程中的必不可少的环节。再有，两者迁都都是为了进行更好的军事防御。朱棣迁都，前面我们已经说过，为了防止蒙元残余势力南下对北京周边地区进行侵扰，朱棣采取了天子戍边的策略，这样不仅加大了北京周边地区的防卫力度，更加促进了大明王朝与蒙古贵族的交流个沟通，这对进一步的民族融合也起到了一定的作用。彼得大帝认为，俄国需要的是水域，没有出海口就不能生存，要突破俄国被封闭在大陆一角的不利处境，就必须从莫斯科迁到靠近海域的地区。两者的迁都各方面都极为相似，历史也证明迁都都促进了两个帝国的发展，是值得肯定的。

四、朱棣迁都对后世的影响

1421年北京作为明帝国的都城最终被确定下来，在经历了几百年历史的沉淀，到现在仍然保留着它那份独有的魅力。北京也作为清朝的都城并一直延续了二百多年。当我们漫步在高楼大厦鳞次栉比的北京城时、当我们行走在汇聚了全国各地的人才的北京城时、当我们徜徉在物质文化水平都相当发达的北京城时，看着一座座国际性的地标建筑，看着车水马龙人来人往的繁华，不应该忘记这个叫做朱棣的“乱臣贼子”。我们应该看到朱棣当初在建设北京城时有着相当的现代建筑才华，“明

初永乐年间选定紫禁城宫殿的位置时，之所以比元大都的宫城旧址南移四、五百米，其原因就在于要在元大都主要宫殿之一的延春阁旧址上堆建的土山实体成为北京内城的中心点和制高点。这种布局手法突出了这一皇家御园的重要地位，也说明了它是与紫禁城这一明清俩朝统治中心密切相关的一个场所。”[7]他注重城市的整体规划，把整个北京城规划的整整齐齐。他所铺设的完整的水道系统经过几百年的使用仍然恩泽至今。此外，我们现在参观的故宫、天坛、十三陵不仅是北京著名的历史建筑物，而且还被列入了世界文化遗产的行列。这些气势恢宏的建筑都是在朱棣时代建立起来的，经过几百年的风霜洗礼，仍然散发着他们恢弘而神秘的气息。它们已经成为中华民族的瑰宝，他们值得每个中国人为之骄傲！这些都是朱棣的功绩，任谁都无法抹杀！

五、结论

无论人们对朱棣这个人的其他方面如何评价，但是他在经营大明江上所取得的成绩是不能因他个人权力的取得方式的不光彩而被抹杀。如果当初朱棣不下令迁都北京，就没有现在的北京，当然我们也就不能看见当下北京城的繁荣景象以及朱棣所给后人留下的那些宝贵的历史文化古迹。因此，当我们回过头来看朱棣当初的决定的时候，我们应该感谢他当初的高瞻远瞩，感谢他的深谋远虑。

[参考文献]

- [1] 李英来. 试论明成祖迁都北京的原因[J]. 黑龙江教育学院学报, 2006, 04: 1-10
- [2] 李志娟. 谈明成祖迁都的原因[J]. 读与写(教育教学刊), 2011, 01: 1-12
- [3] 熊召政. 去明朝看风景[M]. 上海: 中华书局, 2008: 156-337
- [4] 朱子彦. 论永乐帝迁都北京[J]. 上海大学学报(社会科学版), 1989, 01: :1-5
- [5] 明史[M]. 上海: 中华书局, 1974: 224-324
- [6] 明成祖迁都北京[J]. 百度文库, 2010, [2011-05-18]. <http://wenku.baidu.com/view/d412d55177232f60ddccal79.html>
- [7] 万依. 论朱棣营建北京宫殿、迁都的主要动机及后果[J]. 故宫博物院院刊. 1990, 10: 35-37
- [8] 吴晗. 明史简述[M]. 北京: 中华书局, 1980: 230-310
- [9] 孙文良. 明清人物[M]. 上海: 上海人民出版社, 1991: 254-389
- [10] 傅衣凌. 明史新编[M]. 北京: 人民出版社, 1993: 233-466

О перемещении столицы Чжу Ди

Лю Ян

В 1399 году Чжу Ди (будущий третий император династии Мин) из-за политики сокращения военных губернаторов Цзяньвэнь начал «мирную борьбу» за трон. Через четыре года он наконец восседает на троне династии Мин. Спустя 20 лет, особенно после семи походов Чжэнхэ, династия Мин стала одной из самых известных империй. В конце своего правления Чжу Ди принял удивительное решение, которое поразило всех людей. В 1421 году он решил перенести столицу из Ин Тяньфу (ныне Нанкин) в Пекин. В статье автор отвечает на ряд вопросов. Что заставило императора Юнлэ перенести столицу из Нанкина в Пекин? Какие трудности возникли при этом перемещении? В чем разница между Чжу Ди и императором Петром I из царской России? Как повлиял перенос столицы на судьбу будущих поколений?

Ключевые слова: Чжу Ди, перемещение столицы, трудности и значение процесса перемещения

On Zhu Di's Moving Capital

Liu Yang

In 1399, Zhu Di, the future third Emperor of the Ming dynasty, because of the cutting military governors of Jianwen's policy launched a «peaceful struggle» for the throne. After four years, he finally sits upon the throne of the Ming dynasty. About 20 years later, especially after Zhenghe's seven trips, the Ming dynasty had become the one of the most famous empires at the time. At the end of his reign Zhu Di made a surprising decision that amazed all the people. In 1421, he decided to move the capital from Ying Tianfu, now called Nanjing, to Beijing. What forced Emperor Yongle to move the capital from Nanjing to Beijing? What difficulties had been encountered in the process of moving it? What is the difference between Zhu Di and the Peter the First of Tsarist Russia? How did the transfer of the capital affect the fate of future generations?.

Key words: Zhu Di, moving the capital, causes, difficulties, significances

Лю Ян

1-й курс магистратуры
Археологический факультет
Хэйлунцзянский университет
e-mail: 383019809@qq.com

Liu Yang

1st year postgraduate
Department of Archaeology
Heilongjiang University
e-mail: 383019809@qq.com

УДК 902

Исследование миграций скотоводческих культур в степях Евразии на основе анализа распространения в орнаментации звериного стиля

Сунь Сяо

从立兽纹饰的角度来探究欧亚草原文化传播的方向

孙熙尧

摘要

公元前一千纪初期的欧亚草原上，人们的社会、经济结构和意识形态发生了大的改变。这时以发达的马具、武器和动物纹饰（斯基泰三要素）而著名的斯基泰文化崛起于黑海北岸并逐步的向东转移，因其三要素的影响过于巨大（基本辐射了整个欧亚草原），所以有学者称这一时期为斯基泰时期。但笔者认为这一时期的文化传播路线并不只有由西向东这一条线路应该还有由东向西这一条路径，本文将着重探讨这个问题。

关键词

欧亚草原；立兽纹饰；斯基泰；公元前一千纪

在公元前一千纪初期，欧亚大草原上活跃着许多文化，其中西部以斯基泰文化为代表，

中部以乌尤克等文化为代表，东部以夏家店上层文化为代表。他们之间联系非常密切，而这种密切则体现在所谓的斯基泰三要素，许多学者认为欧亚草原文化都是受斯基泰文化影响的。甚至有些人提出了斯基泰—西伯利亚“野兽纹”这一说法，他们认为其源自欧亚南部地区，即从乌拉尔到中亚和南西伯利亚草原地带，且近东艺术没起很大作用。¹但以现在的考古资料来看的话，这一观点存在着一些问题，本文将立兽纹饰的研究来探讨欧亚草原文化传播的问题。

¹ А.И. Мелюкова. Скифское искусство звериного стиля (斯基泰野兽纹艺术). Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Москва.1989. С.100

一、公元前一千纪初期的欧亚草原格局

欧亚草原（如图1所示）西起欧洲多瑙河下游，经东欧平原、黑海北岸、南乌拉尔、西西伯利亚平原、哈萨克丘陵、图瓦—阿尔泰地区、米努辛斯克盆地及蒙古高原，东迄中国东北松辽平原的欧亚大陆草原地带。这一时期西部草原主要分布着前斯基泰和早期斯基泰文化，中部草原是以图瓦的阿尔然王冢为代表，东部草原则包括蒙古高原的石板墓文化和中国北方的夏家店上层文化。²这些文化联系非常紧密，而这种紧密正是体现在斯基泰三要素上。这三要素中最能体现各民族特点的就是动物纹饰，所以我们就以其中的动物纹饰着手来探究他们之间文化传播的关系。

二、欧亚草原上的立兽纹饰

在器物上以一只或多只完整的动物作为装饰的被称为立兽纹饰，其器物载体为短剑、竿头饰、车马饰、头饰（如簪）等，但也有单独的存在。公元前一千纪初期，草原上动物纹饰的制作方法大体上分三种：○，1. 圆雕○，2. 透雕○，3. 浮雕。从目前出土的立兽纹饰来看，立兽纹饰大多是由圆雕制成的，少数是以透雕制成的。⁴

我们分三个区域（东部，中部，西部）来探讨一下立兽纹饰。

西部：黑海北岸以斯基泰文化而著称于世。关于斯基泰文化的年代上限，一般认为是公元前7世纪，而早于这一时期的文化遗存通常称之为“前斯基泰文化”或“金麦里文化”，年代约为公元前9—公元前7世纪。⁵在这一阶段，斯基泰文化形成后，开始向东部发展。其装饰品有青铜和金耳环或垂饰、青铜或金丝螺旋饰，以及装饰腰带的金牌饰等。可以看出

其文化中的动物纹饰还是比较原始的，怪诞风格的动物纹饰较多，立兽纹饰基本没有。

中部：这一地区以阿尔泰地区的巴泽雷克文化（BC5~BC3）和图瓦地区的乌尤克文化（BC9~BC6）为主。阿尔泰是早期游牧人活动的又一重要地区，这里分布有著名的巴泽雷克文化。该文化繁荣期的年代为公元前5—前3世纪，早于这一时期的文化遗存称之为库尔图—麦耶米尔期（公元前8~前6世纪）。⁶从阿尔泰早期游牧人文化初期的遗存来看，其文化内涵不甚丰富，且基本不见立兽纹饰，可以先将其排除在外。

乌尤克文化以阿尔然一号（BC9~BC8）和阿尔然二号（BC8~BC6）王冢为代表。在这两个地区分布着比较丰富的动物纹饰，尤其是阿尔然一号和二号王冢出土了大量精美的动物纹饰品。一号冢中出土有附在短剑上的圆雕野猪立兽纹饰（如图二，1），圆雕山羊竿头饰（如图二，2）等，其中圆雕山羊竿头饰为发现最早的竿头饰，一号冢出土的圆雕立兽纹饰技艺比较朴素。二号王冢出土的有圆雕的纯金大角鹿（如图二，3），由多个单体纯金圆雕猫科动物（如图二，4）组成的金项圈等，可以说用料十分的奢华，技艺很是纯熟。可以看出这一地区立兽纹饰在BC8世纪以后达到了一个巅峰，其中的立兽纹饰以普通的动物为主，主要有猪，马，羊，鹿等，是写实风格的。

东部：东部这一时期以夏家店上层文化（BC11~BC7）为代表。夏家店上层文化是分布

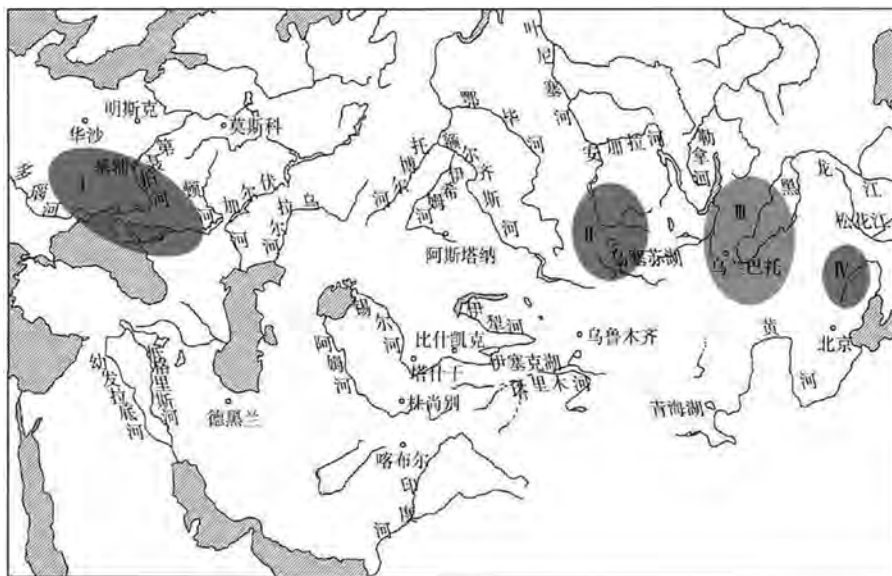

图1 BC9—BC7世纪欧亚草原主要遗存的分布区³
I. 黑海北岸和库班河早期游牧遗存 II. 南西伯利亚早期游牧遗存 III. 石板墓文化 IV. 夏家店上层文化

² 邵会秋, 杨建华. 《从夏家店上层文化青铜器看草原金属之路》[J]. 考古, 2015年第10期

³ 同②

⁴ 杨建华, 邵会秋. 《欧亚草原东部金属之路的形成》[J]. 文物, 2017第6期

⁵ А. И. Мелюкова. Предскифский период в степях Северного Причерноморья (黑海北岸草原的前斯基泰时期) — Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Москва. 1989. С.10—16. Табл. 1—3

⁶ М. И. Грязнов. Алтай и приалтайская степь (阿尔泰和阿尔泰附近草原). Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Москва, 1992

于西拉木伦河和老哈河流域的青铜时代晚期文化。关于该文化的研究,近年来取得了重要的进展,有人将其划分为龙头山类型和南山根类型,年代断为西周早期至春秋早期,下限可延续到春秋中期。⁷可将其划分为三个时期:形成期(西周早、中期)、繁荣期(集中在西周晚期到春秋早期)和衰落期(春秋中期以后),其中最发达时期为公元前9世纪到公元前8世纪。⁸在其繁荣期出现了青铜兵器、容器和装饰品上铸有圆雕动物形象(如图三),多数表现完整的动物。动物种类有马、虎、兔、鼠及人骑马图形⁹。可以看出,这一时期夏家店上层的立兽纹饰十分的发达,涉及的器物多,涉及的动物也很多,但也都是写实风格的动物纹饰。

俄罗斯著名考古学家契列诺娃提出卡拉苏克文化的发源地在米奴辛斯克盆地的西南,接近于帕米尔和额尔齐斯河上游的地区,认为“卡拉苏克文化的祖先由此一方面渗入蒙古、图瓦和米奴辛斯克盆地,同当地居民融合,形成了卡拉苏克文化和鲁加夫文化;另一方面渗入内蒙古、鄂尔多斯和东北南部,同当地居民融合而形成了石棺墓文化或夏家店文化及其他文化。¹⁰但从现在得到的考古材料来看,这一说法明显存在着一定的问题。

以上便是欧亚草原上公元前一千纪初期立兽纹饰的分布情况。我们不难看出,从纹饰的精美程度上来说,夏家店文化的立兽纹饰要强于中部与西部草原地区。从出现的时间上来说,夏家店文化的立兽纹饰出现的时间要早于同一时段上的其他草原文化。

三、小结

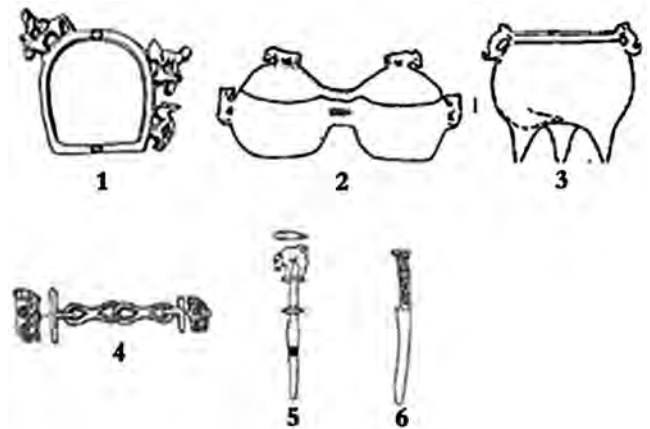
通过以上的分析,我们可以总结出一些立兽纹饰分布的特点:

1. 立兽纹饰大多是写实风格的动物纹饰。
2. 在同一时间点上,由西向东,其纹饰越来越丰富。尤其是夏家店繁荣期的纹饰最为精美。
3. 其纹饰出现时间以东部最早(夏家店上层文化BC9~BC8),然后是中部(乌尤克文化BC8),最后为西部(斯基泰文化BC7以后)。

以上的特点十分清晰明了的表明了立兽纹饰是由东部最先出现的,在其发展后,先是向

图二

图三

西传播到了中部地区后间接的传播到了西部地区。

由此我们可以得出一些结论:

首先,这说明了欧亚草原上夏家店上层文化的动物纹饰艺术并非来源于斯基泰文化,而是有着自身的文化传统。因此,那种认为欧亚大陆草原早期游牧人文化来源于一个共同中心的见解是缺乏根据的。¹¹

其次,可从立兽纹饰的传播途径来看,公元前一千纪时,欧亚草原上的文化传播途径并非只有由西到东,起码在纹饰的传播途径上有一条从东到西的这么一条线路。

最后,我们得抛弃所谓的只有一个文化中心的观念,肯定各个地区在这以时期所作出的文化贡献。这样我们才能离历史的真相更近一步。

各式各样的动物纹饰奔腾在公元前一千纪的欧亚大草原上,立兽纹饰只是其中的一部分,并不能代表当年动物纹饰的全貌,但我们仍然可以从中得到一些启示,使得历史的迷雾更加淡一些。

⁷朱永刚:《东北青铜文化的发展阶段与文化区系》[J].《考古学报》1998年2期

⁸乌恩.《欧亚大陆草原早期游牧文化的几点思考》[J].《考古学报》,2002第4期

⁹乌恩.《我国北方古代动物纹饰》[J].《考古学报》,1981第1期

¹⁰М. Л. Членова. Хронология памятников карасукской эпохи (卡拉苏克时期遗迹的年代学). Москва. 1972. С. 6

¹¹ 乌恩.《论夏家店上层文化在欧亚大陆草原古代文化中的重要地位》[J].《边疆考古研究》(第1辑),2002

Исследование миграций скотоводческих культур в степях Евразии на основе анализа распространения в орнаментации звериного стиля

Сунь Сяо

В евразийских степях вначале I тысячелетия до нашей эры социально-экономическая структура и идеология претерпели серьезные изменения. В это время скифская культура, характерным признаком которой являлся «звериный стиль» (жгуты-плетения, оружие и артефакты с животным орнаментом), распространилась в Северном Причерноморье и постепенно продвинулась на восток. Она оказала влияние на степную полосу Европы, поэтому некоторые ученые называют этот период её истории – скифским периодом. Однако автор статьи считает, что маршруты культурных миграций этого периода были разнонаправлены – как с запада на восток, так и с востока на запад.

Ключевые слова: Евразийская степь; украшения; изображения животных; скифы; I тысячелетие до нашей эры

Exploring the Direction of Eurasian Grassland Culture Communication from the Perspective of Animal Ornamentation

Sun Xi Yao

On the Eurasian steppe in the early 1000s of the BC, people's social, economic structure and ideology have undergone major changes. At this time, the Scythian culture, a characteristic feature of which was the «animal style» (plaits, weapons and artifacts with animal ornaments), spread in the Northern Black Sea region and gradually moved to the East. It had an impact on the steppe zone of Europe, so some scientists call this period of its history – the Scythian period. However, the author believes that the cultural communication route of this period is not only the route from west to east, but also the path from east to west. This article will focus on this issue.

Keywords: Eurasian steppe; standing animal ornamentation; Scyth; 1800 BC

Сунь Сяо

студент 2-го курса
Археологический факультет
Хэйлунцзянский университет
e-mail: 3039487620@qq.com

Sun Xi Yao

Sophomore student
Department of Archaeology
Heilongjiang University
e-mail: 3039487620@qq.com

УДК 902

Исторический взгляд на археологию Китая

Тянь Пянь

Археологический факультет, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай

论中国考古学的历史观

田攀

黑龙江大学考古系
中国哈尔滨

摘要

考古学作为一门研究人类历史的学科，在其形成和发展的过程中一定会形成本学科的历史观念。不同于历史学所体现的纵线史观，考古学将时间和空间意义结合，形成了本学科独特的历史观念。研究者将从考古学研究的材料——遗存、考古学理论和考古学报告材料的角度来分析考古学的星点史观。

关键词: 纵线史观、星点史观、遗存、考古学理论、考古学报告材料

历史学的历史研究法亦称纵向研究，是比较研究法的一种重要形式。它是运用历史资料，按照历史发展的顺序对过去的事物进行考察的研究方法。[1]其所体现的历史观就是纵线史观。区别于纵线史观，将时间作为核定人类历史的一个元素，并且将空间意义作为核定

人类历史的另一个元素，对人类历史做定点研究，人类历史如同一个可以确定的星点，其所体现的历史观就是星点史观。

考古学作为一门研究人类历史的学科，在其形成和发展的过程中一定会形成本学科的历史观念。不同于历史学所体现的纵线史观，考古学将时间和空间意义结合，形成了本学科独特的历史观念。研究者将从以下三个方面来说明这个问题。

一、考古学重要的研究材料——遗存所体现的星点史观

遗存是考古学最重要的研究材料之一，考古学者对遗存所进行的考古研究就体现了星点史观。下面将从以下两个方面进行探讨。

(一) 考古学遗存的命名

在中国考古学的文献中，有一类使用“上层”、“下层”概念来指代考古遗存的称

谓。[2]最著名者可举“二里冈上层文化”、“二里冈下层文化”；“夏家店上层文化”、“夏家店下层文化”；“新乐上层文化”、“新乐下层文化”；“北首岭下层类型”、“半坡上层类型”、“张家园上层文化”等。[3][4][5][6]根据考古地层学，这些遗存的称谓中，“二里冈”、“夏家店”、“新乐”、“北首岭”、“半坡”、“张家园”等体现的是地理空间意义，而“上层”、“下层”则体现的是时间意义。

同样的，历史时期的遗址称谓也体现了这两点，列如“满城汉墓”、“马王堆汉墓”、“隋唐洛阳城”等称谓中，“满城”、“马王堆”“洛阳”等体现的也是地理空间意义，而“汉”、“隋唐”等时代称谓，则体现的是时间上的意义。考古学者对于遗存材料的认识能充分体现考古学者对历史的观念，即考古学者对于遗存的命名体现了星点史观。

（二）考古遗存的局限性体现了星点史观的内涵

考古遗存所反映的信息是静态的和不完整的，这些局限性必定影响考古学者对历史的研究和认识。

考古遗存真正留下的信息仅仅是它被遗弃或废弃的那一刻的一部分信息，遗存所能反映的时间信息也就只在那一刻，而这些信息在被考古学者看到的那一刻仍是静态的。考古学者只能知道这些遗存有哪些情况，而无法得知“遗存经历过什么”、“怎么经历的”这些信息。所以，对于遗存进行连续性的动态研究（即纵线研究）是不可能的。

考古遗存在流传的过程中必然会遭到恶意的或者无意的破坏，导致考古遗存一些信息的遗失。即使考古遗存没有经过流传，而是埋于地下，它的一些信息也会因为自然变迁（如地质变化）遗失。所以，考古遗存所反映的信息是不完整的，其反映的时间信息也是模糊不清的，这样就愈加无法对遗存进行纵线研究了。

无法进行纵线研究会导导致很多问题，最基础的一个就是对遗存所反映的历史事实的定位和描述。星点研究注意到的遗存的地理意义就极大丰富了遗存的历史意义。考虑到历史事件发生的地理位置，能更好地记录、理解和解释历史事件本身。所以，星点史观是考古遗存体现的内涵，成为考古学者理解历史的内在观念。

二、考古学研究理论体现了星点史观

考古学的两个理论——考古地层学和考古类型学作为考古学研究的两大支柱，也同样体现了星点史观。

考古地层学是通过文化层堆积和各种遗迹的层位及相互关系的分析研究，以确定它们之间的先后或共时关系，是指导田野考古工作

的理论基础和方法论。[7]由此可知，考古地层学可以确定遗存之间的相对年代关系，体现的是遗址在时间上的定位。但考古地层学还能在地理空间上得到体现。由于自然环境的差异，距离不近的两个地方土质土色会有很大的区别，比如中国东北的黑色土壤、黄土高原的黄色土壤以及南方地区的红色土壤。即使相隔很近的两个遗址，也有可能因为人类活动的关系，拥有或者缺少另一个遗址没有的文化层。所以，考古学者在运用考古地层学的理论解释考古遗存时，必然会考虑到遗址的地理位置。

考古类型学研究主要在于能够找出物品形态变化的逻辑过程，找到蕴藏在这些差异中的文化意义。[8]上世纪六七十年代考古类型学在苏秉琦先生的发展下，形成了“考古学的区系类型”理论。区系类型理论体现的星点史观更加明显。根据“区、系、类型”理论，苏秉琦先生将我国群星璀璨的考古学文化归纳为六大区。[9]所以，“区”体现的是“区系类型理论”里面的空间意义，而“系”体现了遗存之间在时间上的演变。

考古地层学和考古类型学体现了星点史观的内涵，考古学者在运用两个理论研究和解释考古遗存时，必然会改变他们对历史的观念。

三、考古学报告材料体现的星点史观

考古学报告材料是考古学研究的重要成果，重点体现在考古学发掘简报和发掘报告上。考古学者对报告材料的书写和汇报就体现了星点史观。

田野考古学普遍所使用的探方发掘方法有利于对发掘出的遗迹位置空间的记录；即使对于同一遗址所出土的不同遗物，也要对其出土位置做出详细标识，而最终这些信息都会被书写进考古学的报告材料中。这体现了考古学研究对地理空间因素的重视，将地理因素作为研究人类历史的重要材料。

考古学的报告材料首先会报告遗址的位置，例如《云南武定长田遗址》报告中，起文第一句是“长田遗址，位于楚雄州武定县己衣乡长田村西南约300米。[10]”再如，《湖南永兴县平田冶铁遗址调查》中，“该遗址位于永兴县悦来镇平田村澄水组（11组）南侧，直线距镇政府5.9千米，临县道054线。[11]”对于遗址位置的详细报告，说明考古学者研究历史时对地理空间的需要。

考古学者对于报告材料的书写和汇报是考古学者对人类历史的研究成果的重要体现，报告中对于遗存的地理空间的关注体现了地理位置对于考古学者研究历史的重要性，所以星点史观在报告材料的书写和汇报方面得以体现。

总而言之，星点史观是考古学真实存在的并且特有的史观，蕴涵在考古学研究的很多方面。仔细研究星点史观与考古学遗址、考古学

理论和考古学报告材料之间的关系，必定能总结出更清晰更客观的考古学史观。对它的研究，必将加深考古学者对考古学的理解，也能警醒考古学者在考古研究时需要重视的问题。

参考文献

- [1] 吴敬华. 国际法研究的历史话语——评〈国际法输入与晚清中国〉【J】山东：济南出版社，山东警察学院学报 2009年06期。
[2] 许永杰. 中国考古学理论十讲【M】北京：科学出版社，2018年8月。
[3] 中国社会科学院考古研究所. 中国大百科全书·考古学【M】北京：中国大百科全书出版社，1986年。
[4] 中国社会科学院考古研究所. 新中国考古五十年【M】北京：文物出版社，1999年。

- [5] 许永杰：中国考古学理论十讲【M】北京：科学出版社，2018年8月。
[6] 中国社会科学院考古研究所. 新中国的考古发现和研究【M】北京：文物出版社，1984年。
[7] 杨立强. 对考古地层学的认识【J】山西：山西省长治市博物馆，见《文物世界》2013年01期。
[8] 关玉文. 对考古类型学的一点认识【J】内蒙古：兴安盟博物馆，见《中国民族博览》2016年11期。
[9] 张敏. 简论考古学的“区系类型”与“文化系统”【J】南京：南京博物院，见《南方文物》2012年02期。
[10] 云南文物考古研究所. 云南武定长田遗址【J】云南：云南人民出版社，见《云南考古》2018年09月19日。
[11] 湖南文物考古研究所. 湖南永兴县平田冶铁遗址调查【R】湖南：湖南文物考古研究所，2018年07月30日。

Исторический взгляд на археологию Китая

Тянь Пань

Как предмет изучения истории человечества, археология обязана формировать свои исследовательские методы в процессе собственного становления и развития. В отличие от линейного взгляда на историю, воплощенного в хронологическом подходе, археология сочетает в себе категории времени (стратиграфию) и пространства (географию), образуя специальное поле исследования. Авторы анализируют исторические взгляды на археологию с точки зрения материалов исследований – артефактов, археологических теорий и публикаций отчетов о раскопках.

Ключевые слова: линейная история, культурный слой, артефакты, археологическая теория, материалы археологического исследования.

On the Historical View of Chinese Archaeology

Tian Pan

Archaeology, as a discipline that studies human history, will certainly form the historical concept of the discipline in the process of its formation and development. Different from the vertical history view embodied in history, archaeology combines time and space to form a unique historical concept of the discipline. Researchers will analyze the archaeological starpoint history from the perspective of archaeological research materials – remains, archaeological theory, and archaeological reporting materials.

Keywords: vertical line history, star point history, remains, archaeological theory, archaeological report materials

Тянь Пань

студент 2-го курса
Археологический факультет
Хэйлунцзянский университет
e-mail: tp3066259896@163.com

Tian Pan

Sophomore student
Department of Archaeology
Heilongjiang University
e-mail: tp3066259896@163.com

УДК 902

Исследование золотых изделий доцинского периода в Северном Китае

Тянь Пань, Ши Ханьда

中国先秦时期北方地区金器的研究

田攀，施汉达

黑龙江大学考古学系
中国·哈尔滨

摘要

金器在历史中占有重要地位，是中国传统文化的重要载体。金器的物理性质和化学性质表现为，硬度适中、具有延展性、易于锤打成形、不易氧化变色，且常以自然形态呈现，是制作工艺品的良好材料。中国境内发现的早期金器，主要集中在甘青地

区的四坝文化、内蒙古鄂尔多斯地区的朱开沟文化、西辽河流域的夏家店下层文化、燕山以南的大坨头文化等北方系青铜文化，时代相当于夏代，主要为鼻环、耳环、手镯等人身饰物。本文主要从类型分类、典型器物、文化渊源等三个方面展开论述。

关键词

类型分类；典型器物；文化渊源

一、引言

先秦时期的金器分类主要是装饰器，既包括人身装饰的首饰也包括器物装饰的车马器和兵器等。根据考古发掘资料，按出土金器的作用，将这一时期的金器分为人身饰品和器物饰品两大类。

二、人身饰品

1. 耳饰

除1件包金铜质和3件银质外，皆为金耳环和金耳坠。出土于相当于夏代甘肃火烧沟遗址的金耳环是目前考古发现最早的人为制成的金器之一（图1）。

2. 手饰

按大小和作用分为臂钏和戒指。臂钏，即手镯，也可称之为“钏”；戒指则是戴在手指上的饰物。北京平谷刘家河墓地（图3）、辽宁喀左和尚沟墓地、河北卢龙东闲各庄M1、河北丰润县高丽铺遗址以及河北迁安县小山东庄QXM1共出土10件；另外内蒙古宁城南山根M101各出土1件金环，其形制与北京平谷刘家河商墓所出土的金臂钏一致，都是由圆条形金条制成，有缺口，两端扁平作扇形面形，相对成环的单环。

3. 头饰

指戴在头上的饰物，其装饰性较其他部位的饰物装饰性更强。主要包括发笄、金冠两类。金冠的出现或许蕴含着特殊的社会地位。

4. 项饰

包括金串珠的和金项圈，迄今为止北方地区墓葬中金项饰发现较少。

三、器物装饰

北方地区在自然环境上属于温带季风类型，降水少；地形以平原为主兼具高原和山地。这一自然环境表现在经济形态上为游牧经济为主，农牧混交为辅。因此金器在器物装饰上多为兵器和马具。

1. 兵器

陕西宝鸡益门村出土的104件金器组中有金柄铁刀、金环首刀、金方首刀片、金环首料背铁刃刀、金环首铜刀。甘肃宁县焦村M1出土的1件西周晚期铜戈上也发现有鎏金的存在。

2. 车马器

1982年陕西凤翔县马家庄春秋时期秦宗庙遗址中发掘出土的3件金兽，长3.7厘米、高2.4厘米，重25.9克。皆为车辕上的饰件，兽背面各有两根长约1.3厘米的铆钉，以便与车辕相连。1978年河北平山县战国时期的中山王墓中发掘出土了2件马车上的金衡饰。

在已发现的先秦时期北方地区金器中人体饰物占大多数，且仅在少数墓中有发现，据此可推测，先秦时期金矿的开采量及其有限，使用权可能只在一部分有身份地位的人手中。

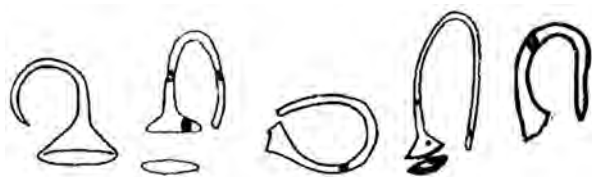

图1 金耳环 火烧沟遗址

图2 镶松石金耳坠 内蒙古伊克昭盟杭锦阿鲁柴登

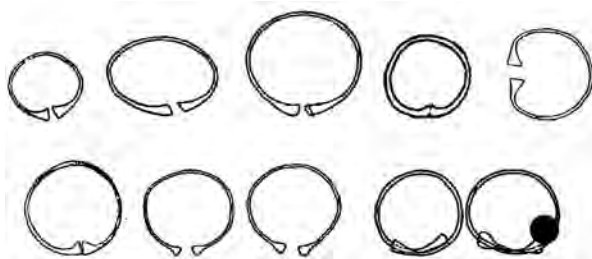

图3 金臂钏 北京平谷刘家河墓地

图4金指套 内蒙古伊克昭盟准格尔旗西沟墓

四、文化意义。

器物的纹饰体现了民族信仰和社会风貌，与人民的生产和生活方式有关。我国北方地区自有记载就是少数民族聚居地，先秦时期有关北方少数民族族称时代最早的记载是《史记》“流共工于幽陵以变北狄……迁三苗于三危以变西戎”等。北方少数民族游牧经济为主，逐水草而居，相对中原地区对自然依赖性更大。为了争夺放牧区时常出现部落间的战争，因此金器多出现有动物纹饰的首饰、带饰，以动物斗咬类牌饰最有特色。在文化上北方也相对落后于中原地带，这在金器上也有所体现，北方金器在工艺上主要借鉴于青铜器，但又有别于中原地区。中原地区青铜工艺追求庄重、严肃和对

图5 金冠 内蒙古阿鲁柴登墓地

图6 金项链 新疆乌鲁木齐阿拉沟墓

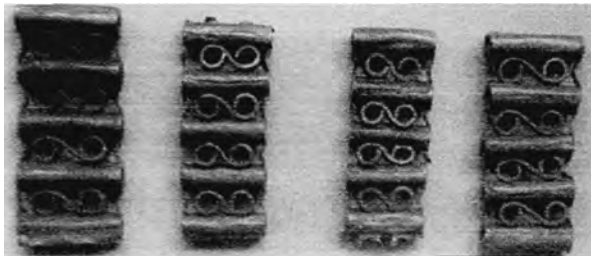

图7 金项饰 甘肃马家塬墓地

称；而北方地区展现出来的则是朴实、随性与自由。

马克思在《政治经济学批判》一书中推断“黄金实际上是人类发现的第一种金属”，这说明黄金在各国都是有悠久历史的。从春秋

战国开始，中亚直至地中海地区、中国的西北和北方地区、朝鲜半岛及中原地区的文化都有着密切的联系。我国北方地区出土的动物纹饰、怪兽纹饰都与中亚其他地区文化如阿尔泰文明、斯基泰文明或多或少有着渊源，但在我看来这并不代表北方地区金器文化属于外来文化，只是在发展过程中与其他文化相互交流借鉴。

参考文献

- 【1】马健 黄金制品所见中亚草原与中国早期文化交流【J】2009. 03. 015
- 【2】江楠 中国早期金银器的研究【D】2015. 06
- 【3】刘耐冬 先秦秦汉时期金银工艺及金银器研究【D】2006. 5
- 【4】甘肃省文物考古研究所 永昌西岗柴湾岗（沙井文化墓葬发掘报告）【M】甘肃人民出版社2001. 12
- 【5】洪猛 双湾墓葬及沙井文化相关问题研究【D】2008. 4
- 【6】王明哲 张玉忠 乌鲁木齐乌拉泊古墓葬发掘研究【M】新疆社会科学1986（1）
- 【7】张柏忠 内蒙古科左中旗六家子鲜卑墓群【M】考古1989（5）第435页
- 【8】赵爱军 试论匈奴民族的金银器【J】北方文物2002（4）
- 【9】齐东方 中国早期金器研究【J】华夏考古1999（4）
- 【10】冉万里 从考古发现看中国春秋时期的金银制造业【J】西北大学学报1997（2）
- 【11】田广金、郭素新 内蒙古阿鲁柴登发现的遗物【J】文物1980（4）
- 【12】庆阳地区博物馆 甘肃宁县焦村西沟出土的一座西周汉墓【J】考古与文物1989（6）
- 【13】王国道、崔兆年 青海卡约文化出土的金器【J】故宫博物院院刊2003（5）
- 【14】李逸林 中国早期金器的分类研究及其文化来源【D】2016. 5. 30
- 【15】贺旭辉 商、西周金器赏析【M】
- 【16】林沅 夏代的中国北方系青铜器【J】边疆考古研究所 第一辑
- 【17】内蒙古自治区文物考古研究所、鄂尔多斯博物馆 朱开沟【M】科学出版社

Исследование золотых изделий доцинского периода в Северном Китае

Тянь Пань, Ши Ханьда

Ювелиры играли заметную роль в истории Китая, являясь важными носителями традиционной культуры. Физические и химические свойства золотого сплава характеризуются умеренной твердостью, пластичностью, ковкостью. Он не окисляется и не теряет цвет в естественных условиях и является хорошим материалом для изготовления различных вещей. Древнее золотое оружие в Китае было распространено в культуре Сыба (район Ганьсу), в культуре Чжужайгоу (плато Ордос во Внутренней Монголии), в нижнем слое культуры Сяцзядянь (бассейн реки Силяохэ) и в культуре Датоту (южные отроги Яншаньских гор). В культурах эпохи Западной династии в основном обнаружены личные украшения: носовые кольца, серьги, браслеты и др.. В этой статье рассматриваются три аспекта: классификация типов, типичные артефакты и культурное происхождение.

Ключевые слова: Классификация типов; типичный артефакт; культурное происхождение

Research on the Goldware in Northern China during the Pre-Qin Period of China

Tian Pan, Shi Handa

Goldsmiths play an important role in history and are important carriers of Chinese traditional culture. The physical and chemical properties of the gold alloy are characterized by moderate hardness, ductility, easy hammering, oxidative discoloration, and often in natural form, and are good materials for making crafts. The early gold weapons discovered in China are mainly concentrated in the Siba culture in the Ganqing area, the Zhukaigou culture in the Erdos area of Inner Mongolia, the lower culture of the Xiajiadian in the Xiliao River Basin, and the Datongtou culture in the south of Yanshan. Culture, the era is equivalent to the Xia Dynasty, mainly for nose rings, earrings, bracelets and other personal ornaments. This paper mainly discusses three aspects: type classification, typical artifacts, and cultural origins.

Keywords: type classification; typical artifact; cultural origin

Тянь Пань
Ши Ханьда

студенты 2-го курса
Археологический факультет
Хэйлунцзянский университет
e-mail: Piccolo008@outlook.com

Tian Pan
Shi Handa

Sophomore students
Department of Archaeology
Heilongjiang University
e-mail: Piccolo008@outlook.com

УДК 902

Древняя расписная керамика в долине реки Или и её связь с гончарными традициями соседних регионов

Чэнь Доудоу

以纹饰为重心的伊犁河谷史前彩陶研究——兼论与境内外周邻地区彩陶的关系

陈豆豆

黑龙江大学考古学系
中国·哈尔滨

摘要

索墩布拉克文化是伊犁河谷早期铁器时代的代表性文化，其在境内外各种文化因素互动下催生的彩陶，是东西方彩陶文化不断融合的结果，具有自身鲜明的特征。本文以伊犁河谷史前墓地出土彩陶为研究的基本材料，以考古类型学为研究方法，基于索墩布拉克文化的两种地方类型，分别对两种文化类型的彩陶进行研究，并对其他相关问题进行了讨论。

以彩陶为着眼点，反观伊犁河谷彩陶文化，不难发现索墩布拉克文化中既有西方文化的因素，也有东方文化的传统，而其中的彩陶则与中原彩陶文化一脉相承。对伊犁河谷史前彩陶的研究不仅有助于复原新疆史前文化面貌，在中国西北地区彩陶文化格局演进的研究中，同样有非常重要的意义。

关键词：纹饰；伊犁河谷；索墩布拉克文化；彩陶；察吾乎文化；萨卡文化

1. 绪论

1.1 伊犁河谷自然地理概况

伊犁河是亚洲中部的内陆河，又是中国和哈萨克斯坦的国际河流，位于天山北支婆罗科努山与南支哈尔克山之间，流向为东南至西

北，全长1236公里，流域面积15.1万平方公里。新疆境内的伊犁河主要有北岸的喀什河以及南岸的特克斯河和巩乃斯河三大支流，其中特克斯河为伊犁河正源，亦为最大支流。伊犁河在新疆境内长442公里，流域面积达5.6万平方公里，是新疆境内径流量最大的河流。

伊犁河谷位于天山北支婆罗科努山、依连哈比尔尕山与天山南支哈尔克山、那拉提山之间，中部横亘乌孙山、阿吾拉勒山，三条山脉相交于伊犁州东部，形成开口向西的喇叭口地形。

1.2 伊犁河谷史前文化

1.2.1 石器时代

伊犁河谷至今未发现任何石器时代的遗址或墓葬，石器时代的文化面貌存在相当大的缺环。

1.2.2 青铜时代至早期铁器时代

(1) 安德罗诺沃文化

安德罗诺沃文化是欧亚草原青铜时代最重要的考古学文化之一，最早因米努辛斯克盆地阿钦斯克附近安德罗诺沃村旁的墓地而得名。

后来类似的遗存在中亚、南西伯利亚和中国新疆等地都有发现，分布范围十分广泛，因此许多学者将这些相似的遗存称之为安德罗诺沃文化联合体，而将其下属的区域类型又单独命名为文化[1]。目前在新疆境内发现的与安德罗诺沃文化相关的遗存主要包括遗址、墓葬和窖穴等，这些遗存主要分布于新疆西北部的伊犁、塔城地区 [2]。

(2) 索墩布拉克文化

索墩布拉克文化是新疆境内早期铁器时代的考古学文化之一，因察布查尔锡伯自治县琼博拉乡索墩布拉克村的墓地而得名，主要分布在伊犁河流域。索墩布拉克文化的命名首先由羊毅勇提出[3]，目前学界普遍采用这一命名。而陈戈将这一文化的分布范围扩展至乌苏-石河子地区以及塔什库尔干附近，并提出了“伊犁河流域文化”的命名 [4]。2010年，刘学堂又提出“穷科克上层文化”的命名 [5]。虽然命名方法不同，但其代表的文化内涵是基本一致的。

关于文化类型的划分，陈戈将伊犁河流域文化遗存划分为黑山头、铁木里克、夏特和香宝宝四种类型[6]，韩建业在采纳陈戈命名方法的基础上，将这一文化分为西部的索墩布拉克类型和东部的南山类型[7]。丁杰将索墩布拉克文化分为穷科克、索墩布拉克、南山和哈拉图拜四种类型[8]，目前学界普遍认同这一分法。

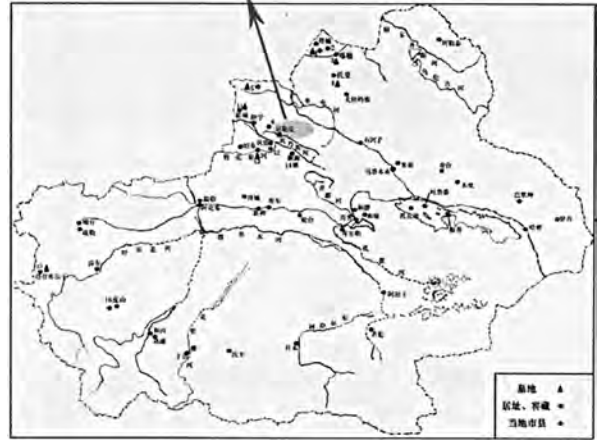

图1.2-1 新疆境内安德罗诺沃文化遗存分布图

1.3 伊犁河谷史前墓葬和遗址的发现

伊犁河谷的考古工作起步于20世纪50年代末期，自八十年代后期至今调查和发掘工作大量开展，调查发现墓葬6万余座，累计发掘1300余座，已公布资料的约有数百座，遗址数

图1.2-2 索墩布拉克文化遗存分布图

处。伊犁河谷的文化遗存非常丰富，尤其墓葬数量众多且分布集中，年代主要集中在公元前9世纪至公元1世纪[9]。

2. 穷科克彩陶研究

2.1 代表性墓地举例

穷科克类型主要遗存包括尼勒克县的穷科克1号墓地、乌图兰墓地、加勒克斯卡音特墓地以及新源县黑山头墓地[10]。

2.2 彩陶类型分析

穷科克类型的24件彩陶中，穷科克1号墓地出土的达17件。除穷科克1号墓地外，彩陶均不发达，基本以素面陶为主。彩陶均为手制夹砂红陶，均为完整器，个别有口沿缺损或纹饰脱落的现象。

2.2.1 罐

罐在穷科克1号墓地中出土数量最多，属穷科克类型彩陶的代表性器类，其形态特征可大体概括为侈口、深腹、圆底。

2.2.2 壶

壶为穷科克类型陶器代表性器类之一，但出土彩陶数量极少。

2.2.3 钵

钵是穷科克类型诸墓地中出土数量最多的器类，但彩陶数量相对较少，且基本集中于穷科克1号墓地。

2.2.4 杯

出土陶杯基本集中于穷科克1号墓地，其基本特征可概括为方唇、深腹、单耳、圆底。

2.3 彩陶纹饰分析

母体纹饰以三角纹为主，共16件彩陶母体纹饰为三角纹或带有三角纹，涵盖了各类器物。由三角纹衍生出的纹饰，有斜线三角纹、棋盘格三角纹、网格三角纹、实体三角纹、虚实三角纹、折线三角纹等，其中多数彩陶的主要纹饰就是以三角纹与斜线或网格的组合体现的，而多数情况下，斜线与网格均可三角纹中被体现，如穷科克一号墓地和乌图兰墓地彩陶，仅在加勒克斯卡音特墓地的两件单耳罐中，三角纹、斜线纹、网格纹分别出现。

3. 索墩布拉克彩陶研究

3.1 代表性墓地举例

索墩布拉克类型遗存主要包括察布查尔县的索墩布拉克墓地、特克斯县的恰甫其海A区

墓地、叶什克列克墓地、巩留县的山口水库墓地、西格里克山北麓墓群、新源县的巩乃斯种羊场墓地、铁木里克沟口墓地、尼勒克县的穷科克2号墓地、一级水电站墓地、奇仁托海墓地、别特巴斯陶墓群[11]。

3.2 彩陶类型分析

索墩布拉克类型各墓地出土的陶器以素面陶为主，彩陶不发达，其中以索墩布拉克墓地出土彩陶数量最多，达8件。彩陶均为完整器，个别有口沿缺损或纹饰脱落的现象。

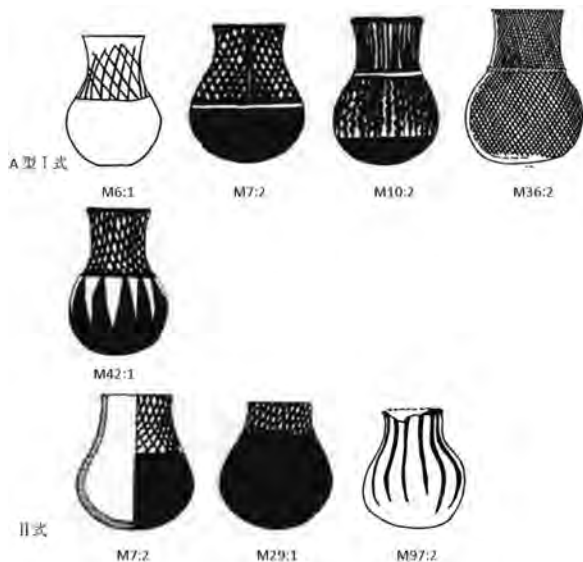
3.2.1 罐

索墩布拉克类型诸墓地中均出土有罐，但彩陶数量极少。

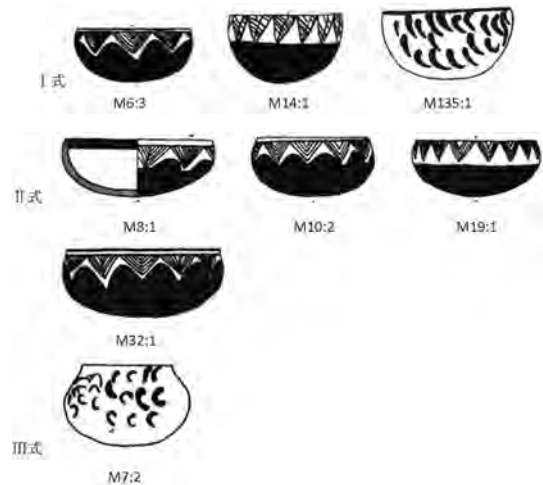
3.2.2 壶

壶为索墩布拉克类型陶器主流器类之一，集中出土于索墩布拉克墓地和恰甫其海A区15号墓地，其中彩陶壶在索墩布拉克类型彩陶中占比最高。其形态特征可体概括为侈口、深腹、圆底。

3.2.3 钵

钵集中出土于索墩布拉克墓地和奇仁托海墓地，其他各墓地有零星出土。形态特征可大体概括为深腹、圆底。

3.2.4 瓶

仅恰甫其海A区15号墓地和叶什克列克墓地出土5件瓶，其中1件为彩陶。侈口，束颈，球腹，平底。

3.3 彩陶纹饰分析

母体纹饰以三角纹为主，另有条带纹和网格纹等，三角纹衍生出菱格三角纹、实体三角纹、折线三角纹、斜线三角纹、杉针纹、山脉纹等。彩绘以紫红彩、黑彩为主，一部分为

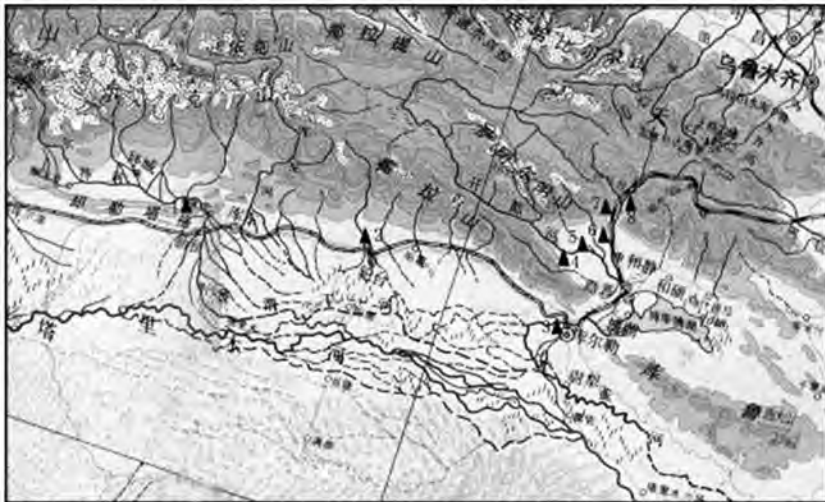

图5.1-1 察吾乎文化主要遗存分布示意图

红彩，有通体装饰也有部分装饰，部分装饰均位于最大腹径以上。壶、罐类母体纹饰中，条带纹、网格纹、三角纹各占一定比例，通体纹饰、半通体纹饰各占一半。

4. 伊犁河谷史前彩陶纹饰的综合分析

4.1 两大类型彩陶纹饰的比较

穷科克类型中多数彩陶母体纹饰为三角纹，主要有网格三角纹、斜线三角纹、折线三角纹、实体三角纹、棋盘格三角纹；线性纹饰（网格纹、斜线纹、折线纹）也占很大比例，但基本以三角纹的形式呈现，纹饰整体复杂。

索墩布拉克类型彩陶的三角纹较少，但除棋盘格三角纹外的各种形式均有体现，甚至有穷类中没有的杉针纹、虚实三角纹；线性纹饰为母体，包括穷类中没有的弦纹、条带纹、半环形纹，除部分器物的纹饰外，整体比较简单。

4.2 彩陶装饰结构分析[12]

索墩布拉克文化彩陶装饰特点较为集中，基本为沿下彩，区别在于装饰部分与整个器物的比例关系，装饰结构可分为沿下彩、次通体彩和通体彩三类。

4.2.1 沿下彩

(1) I式

该类型彩陶口沿下方有一条带状装饰，内填各种形式的三角纹或其他几何纹，带状装饰的宽度约占彩陶高度的1/3，在某些较低的彩陶钵中占近1/2的高度。

(2) II式

该类彩陶的装饰位于口沿下方至上腹部或中腹部，占彩陶高度的1/2至2/3，内填三角纹与其他几何纹饰的组合或单纯的网格纹，装饰密度较大。

4.2.2 次通体彩

该类彩陶装饰位于口沿下方至下腹部近底部，接近通体装饰，是次通体彩。填充装饰结构的纹饰可分为三种：一种是多种几何纹饰的组合，自上而下层层叠加；第二种是几何纹饰的重复；第三种是一些比较潦草的线条，结构不严谨。

4.2.3 通体彩

该类彩陶的装饰布满器身，构成装饰的纹饰有两种：一种是多种几何纹饰的组合，排布规律；第二种是几何纹饰的重复，有网格纹、点纹和逗号纹。

5. 伊犁河谷史前彩陶与新疆其他地区及境外史前彩陶的联系

5.1 与塔里木盆地北缘地区彩陶的联系

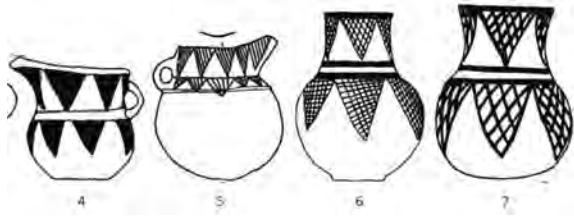
察吾呼文化是天山南麓、塔里木盆地北缘地区早期铁器时代的代表性文化，以和静县的察吾呼古墓群命名[13]，主要分布于博斯腾湖沿岸至库车、拜城之间。现学界一般将其划分为以察吾呼古墓群为代表的察吾呼沟口类型、以轮台县群巴克墓地为代表的群巴克类型和以拜城县克孜尔水库墓地为代表的克孜尔类型[14]，存续时间约为前1100至前100年[15]，基本与索墩布拉克文化同时。

根据已发表的资料可见，察吾呼彩陶与索墩布拉克彩陶的代表性纹饰均为三角纹[16]，但在三角纹的表现形式上各有异同，且察吾呼彩陶三角纹的形式更加多样。

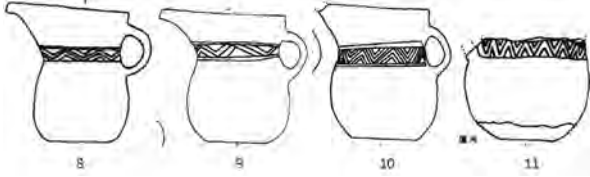
(1) 一组倒三角纹，包括实体三角纹、网格三角纹、斜线三角纹，均为索墩布拉克文化彩陶的典型纹饰。

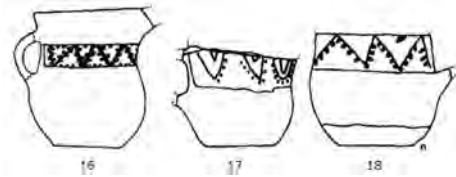
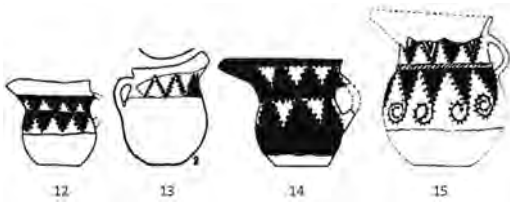
2) 两组倒三角纹，分别位于口沿处和腹部。

3) 带状折线三角纹。

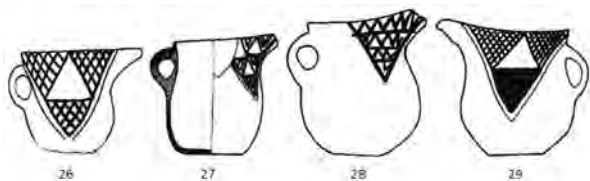
4) 圆点三角纹。即三角纹外缘布满圆点。

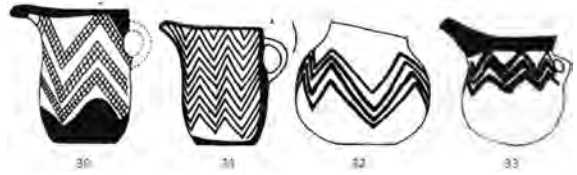
5) 尖端错开的连续三角纹。三角纹的表现形式均与索墩布拉克彩陶的三角纹一致，但尖端错开的形式，并不见于索墩布拉克文化中。

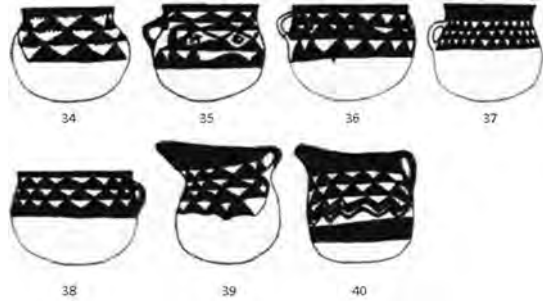
(6) 流部或口沿部的双重三角纹。之所以称双重三角纹，是因为纹饰整体呈三角形，三角形的纹饰里又有一些三角纹的具体形式。

7) 平行折线纹。可看作三角纹的变体。

(8) 多组连续三角纹。

5. 2与七河地区及费尔干纳盆地彩陶的联系

七河地区与费尔干纳盆地位于中亚东部，毗邻我国新疆，在古代中国与欧亚大陆的文化交往过程中具有十分重要的意义。巴尔喀什湖至伊塞克湖之间即为七河地区，与新疆伊犁河谷连成一片；费尔干纳地区位于乌兹别克斯坦、吉尔吉斯斯坦、塔吉克斯坦三国相接处，而七河地区则是其与伊犁河谷交流的通道[17]。

公元前一千纪的早期铁器时代，在里海东部的草原地带生活着多支游牧部落，即塞人，又称斯基泰人。这一分布区内各地区文化面貌存在较大差别，可将这些文化暂称为萨卡文化，从目前的发现看，根据分布地域的差异至少可以划分为中哈萨克斯坦、东哈萨克斯坦、七河地区、帕米尔—费尔干纳和咸海沿岸等几个地区类型[18]。据此，下面将对与索墩布拉克文化基本处于同一时代的萨卡文化七河类型、帕米尔—费尔干纳类型的彩陶与伊犁河谷彩陶的联系作简要探讨。

5. 2. 1与七河地区史前彩陶的联系

I组中，穷科克1号墓地和奇仁托海墓地出土的两件彩陶壶，通体绘瓜皮纹，但前者线条分布较密，后者较疏。Джарлу каинда 出土的一件彩陶罐中，也有类似的纹饰，虽然仅绘于沿下，且不如前两者的纹饰线条匀称，整体显得潦草随意，但三者纹饰的共性更明显，即纹饰起始处线条较粗，至末端变细变尖，且线条的排布都是起始处集中、末端分散。

II组中，穷科克1号墓地出土的一件彩陶杯以及奇仁托海墓地出土的彩陶钵，通体绘蝌蚪纹，前者的蝌蚪纹排布相当密集，自上而下共三排，布满器表，后者较稀疏，装饰随意。Джарлу каинда 出土的一件彩陶罐上有相似的纹饰，虽然该陶罐上的蝌蚪纹较前两者略

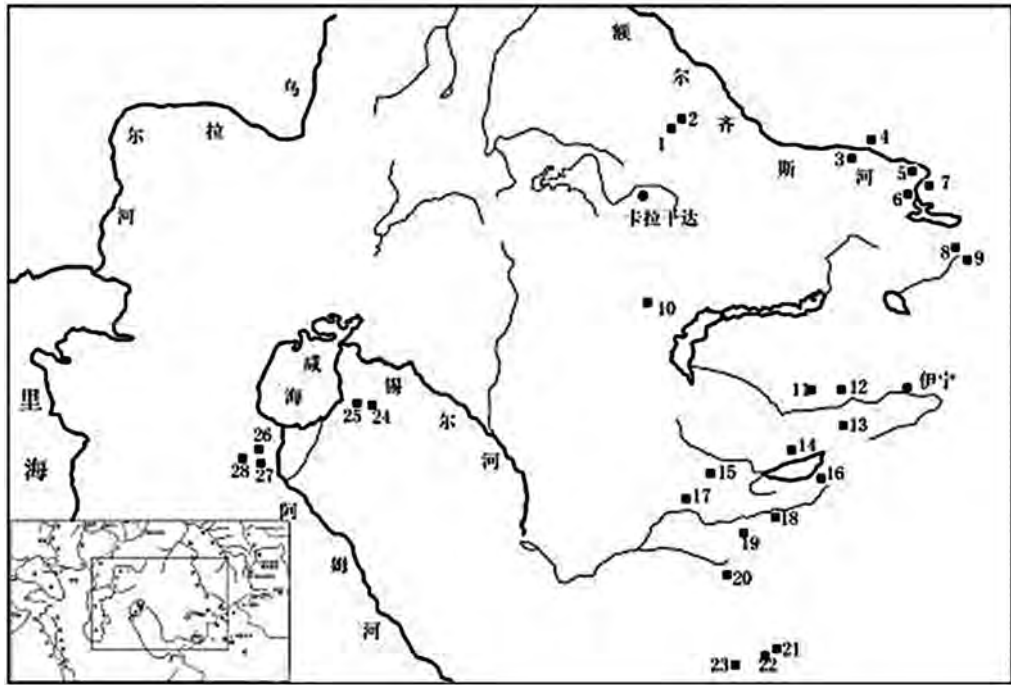

图5.2-1 萨卡文化主要墓地分布图

显细长，有明显的拉伸，且不再是单向排布（前两者的蝌蚪纹皆向一侧卷曲），而是两侧相对分布，但三件彩陶纹饰的总体特征是一致的，即一端圆、一端尖，有一定程度的弯曲。

III组中，恰甫其海A区十五号墓地出土的一件彩陶瓶以及东买里墓地出土的一件彩陶罐，通体绘弦纹，M13:1纹饰呈现出明显的下凸，为弧弦纹，M43:2仅呈现出一定程度的弯曲，但方向一致。Бурана 出土的一件彩陶罐上有

类似的纹饰，虽然纹饰杂乱，但完全可以将其定为弦纹。

根据相关研究，穷科克1号墓地出土的两件彩陶年代约在前1000至前500年间[19]，奇仁托海墓地出土的两件彩陶约在前400至前100年间[20]，东买里、恰甫其海A区十五号墓地的彩陶约在前800至前400年间[21]，Джарлу кайнда, Бурана 的约在前300至100年间[22]。联系前3至1世纪普通民众主导的新疆境内文化对七河地区的影响[23]，可大致勾勒出伊犁河谷彩陶文化对七河地区彩陶的作用：七河彩陶的纹饰显然受到了索墩布拉克文化的影响，且在传播过程中，纹饰呈现出简单、潦草的倾向。

5.2.2 与费尔干纳盆地史前彩陶的联系

IV-VI组中，各组彩陶的纹饰在视觉上差异较大，IV组的纹饰最为精美繁复，V组比较简单，VI组的纹饰显然最为潦草，但三组彩陶纹饰仍有许多共性。

IV组为索墩布拉克文化穷科克1号墓地、叶什克列克墓地出土的彩陶。该组中，纹饰为一组独立画面的重复，这组独立画面，即为三角纹的交错排列。显然，不管是两组还是三组画面的重复，在一件彩陶中，每组画面的内容与构图都是完全相同或基本相似的。

V组和VI组均为萨卡文化费尔干纳类型彩陶。V组中，除五号外，其余三件彩陶的纹饰均只有一组画面，但每组画面也都是由三角纹构成的，只是不再是两种三角纹的交错排列，仅有一种三角纹的简单罗列，其中不再穿插其他形式的三角纹，且折线三角纹、棋盘格三角纹也不见于该组彩陶中，仅有网格三角纹和斜

线三角纹。虽然每组画面不再以两种三角纹构成、不再以重复叠加的形式出现在彩陶上，三角纹也变得简单，但其与IV组彩陶纹饰的共性是不可否认的，是这种纹饰的内容与构图方式不同的表现形式。

VI组的纹饰严格来说并不是三角纹，而是彩绘的波浪纹。尽管已丧失了三角纹的表现形式，但从三角纹本身的角度看，波浪纹与上下两道弦纹恰好构成近似三角形及相互的交错；从每组独立画面的表现形式看，两道弦纹显然可以将每件彩陶的纹饰分为上下两组，每组完全相同。可见，该组纹饰的构图规律与第一组是完全相同的，可以说带有非常明显的三角纹的遗风。

根据相关研究，IV组彩陶年代约在前1100至前800年间[24]，V组彩陶年代约在前800至500年间[25]，VI组彩陶年代约在前200至500年间[26]。结合年代的早晚，可大致做出如下推断：费尔干纳盆地的史前彩陶受到索墩布拉克文化中三角纹因素的影响，且三角纹的表现形式、组合方式愈发简单化，直至演变为波浪纹。

6. 结语

1. 伊犁河谷史前彩陶所处的时空，正是青铜时代晚期至早期铁器时代的索墩布拉克文化。依据年代和地域，一般将其划分为穷科克、索墩布拉克、南山、哈拉图拜四种类型。因此对于彩陶的研究，也要基于不同的文化类型进行分析。文章重点研究了穷科克、索墩布拉克两种文化类型的彩陶，其中由于南山类型不在伊犁河谷范围内、哈拉图拜类型出土彩陶极少且资料基本没有发表，故未做更深入的研究。而将索墩布拉克文化的早期以及中期偏早阶段划分为两种类型，主要是根据二者在墓葬形制、出土陶器上的差异而定。

2. 纵观索墩布拉克文化的发展历程，其早期，即分布于喀什河流域的穷科克类型形成时期，就接受了阿姆河流域的萨帕利文化、瓦克什文化以及南西伯利亚的卡拉苏克文化（前

1000年左右）、阿凡纳谢沃文化（约前3500—前2500年）等多支境外考古学文化[27]，甚至河西走廊沙井文化的因素[28]。在穷科克类型西进东扩，分别形成察布查尔—昭苏地区的索墩布拉克类型以及乌苏—石河子地区的南山类型的过程中[29]，又与同时期的天山南麓及塔里木盆地北缘的察吾乎文化、吐鲁番盆地的洋海—苏贝希文化，以及中亚七河地区的萨卡文化、费尔干纳盆地的楚斯特文化与埃拉坦—阿克塔姆文化[30]产生了密切联系。由此可见，索墩布拉克文化中的偏室墓和无耳罐（壶）等因素体现与中亚地区的联系，而彩陶和单耳器等因素则显示了与察吾乎文化和洋海—苏贝希文化的联系，这些因素可视为东部文化向西扩展并地方化的结果[31]。

正是在这种多重文化交流与互动的背景下，伊犁河谷的史前彩陶文化最终形成。作为中国彩陶文化的终点站以及境外彩陶文化与东方彩陶文化联系的最前沿，索墩布拉克文化首先通过接受洋海—苏贝希文化彩陶中东方传统的因素[32]，取代了原先的安德罗诺沃文化[33]；之后，通过接受楚斯特文化带有几何风格的纹饰特征、阿凡纳谢沃文化的杉针纹[34]，得以继续发展；与此同时，通过影响察吾乎文化彩陶纹饰[35]，终于与新疆其他地区的彩陶文化融合，成为新疆境内早期铁器时代的代表性文化之一，进而融入整个西北地区彩陶文化演进的浪潮。

参考文献

- [1] 申轩丞：《新疆安德罗诺沃文化遗存研究》，吉林大学硕士学位论文，2016年，第13页。
- [2] 申轩丞：《新疆安德罗诺沃文化遗存研究》，吉林大学硕士学位论文，2016年，第18页。
- [3] 羊毅勇：《新疆古代文化的多样性和复杂性及其相关文化的探讨》，《新疆文物》1999年第3、4期，第117—118页。
- [4] 陈戈：《新疆伊犁河流域文化初论》，《欧亚学刊》（第二辑），北京：中华书局，2002年。
- [5] 刘学堂：《伊犁河上游史前考古新发现及其初步研究》，《新疆文物》2011年1期，第85—108页。
- [6] 陈戈：《关于新疆远古文化的几个问题》，《新疆文物》1985年第1期。
- [7] 韩建业：《新疆青铜时代和早期铁器时代文化》，北京：文物出版社，2007年，第76页。
- [8] 丁杰：《论伊犁河谷索墩布拉克文化》，《伊犁师范学院学报（社会科学版）》，2011年9月第3期，第30、32、33、35页。
- [9] 张德伟：《伊犁河谷地区伊犁河流域文化研究》，郑州大学硕士学位论文，2015年，第4页。
- [10] 丁杰：《论伊犁河谷索墩布拉克文化》，《伊犁师范学院学报（社会科学版）》，2011年9月第3期，第32页。
- [11] 同上。
- [12] 王月月：《新疆出土彩陶纹饰探析》，新疆师范大学硕士学位论文，2016年，第170—173页。

- [13] 《新疆察吾呼——大型氏族墓地发掘报告》，东方出版社，1999年。
- [14] 邵会秋：《新疆史前时期文化格局的演进及其与周邻地区文化的关系》，吉林大学博士学位论文，2007年，第105页。
- [15] 任瑞波：《西北地区彩陶文化研究》，吉林大学博士学位论文，2016年，第338页。
- [16] 周金玲：《和静拜勒其尔墓地发掘与研究》，《新疆文物》2000年第1—2期合刊。
- [17] 张盟：《公元前一千纪的内陆亚洲山麓通道》，吉林大学博士学位论文，2013年，第17页。
- [18] 同上。
- [19] 新疆文物考古研究所：《尼勒克县穷科克一号墓地考古发掘报告》，《新疆文物》2002年第3、4期。
- [20] 任瑞波：《西北地区彩陶文化研究》，吉林大学博士学位论文，2016年，第347页。
- [21] 同上。
- [22] 张盟：《公元前一千纪的内陆亚洲山麓通道》，吉林大学博士学位论文，2013年，第27页。
- [23] 张盟：《公元前一千纪的内陆亚洲山麓通道》，吉林大学博士学位论文，2013年，第37页。
- [24] 任瑞波：《西北地区彩陶文化研究》，吉林大学博士学位论文，2016年，第346页。
- [25] 张盟：《公元前一千纪的内陆亚洲山麓通

道》，吉林大学博士学位论文，2013年，第30页。

[26] 同上。

[27] 韩建业：《新疆青铜时代和早期铁器时代文化》，北京：文物出版社，2007年，第116页。

[28] 陈戈：《新疆伊犁河流域文化初论》，《欧亚学刊》（第二辑），北京：中华书局，2002年，第15页。

[29] 同71。

[30] 托呼提·吐拉洪：《中亚晚期青铜时代和早期铁器时代考古文化》，《新疆文物》1999年第3—4期合刊。

[31] 韩建业：《新疆青铜时代—早期铁器时代文化的分期和谱系》，《新疆文物》2005年3期，第57—99页。

[32] 任瑞波：《西北地区彩陶文化研究》，吉林大学博士学位论文，2016年，第427页。

[33] 邵会秋：《新疆地区安德罗诺沃文化相关遗存探析》，《新疆考古研究（第8辑）》，2009年，第81—97页；阮秋荣：《新疆发现的安德罗诺沃文化遗存研究》，《西部考古（第7辑）》，2014年，第125—154页。

[34] 韩建业：《新疆青铜时代和早期铁器时代文化》，北京：文物出版社，2007年，第116页。

[35] 任瑞波：《西北地区彩陶文化研究》，吉林大学博士学位论文，2016年，第428页。

Древняя расписная керамика в долине реки Или и её связь с гончарными традициями соседних регионов

Чэнь Дудоу

Культура Сотонблах является эталонной для эпохи раннего железа в долине реки Или. Окрашенная глиняная посуда культуры Сотонблах – это результат взаимодействия внутренних и внешних культурных факторов, слияния традиций восточной и западной расписной глиняной культуры. Основанная на двух местных типах культур, Сотонблах стала самостоятельным объектом исследования. Это послужило созданию методологии изучения и археологической типологии расписной глиняной посуды. В данной статье рассматривается расписная глиняная посуда, обнаруженная при раскопках доисторического захоронения в долине реки Или.

Рассматривая расписную глиняную посуду, обнаруженную в долине Или, нетрудно заметить, что в ней присутствуют западные и восточной традиции. Расписная керамика сотонблахской культуры стала неотъемлемой частью общей линии гончарства Центральных равнин. Исследование древней расписной глиняной посуды в долине Или не только способствует восстановлению доисторических культурных особенностей Синьцзяна, но также имеет существенное значение для понимания эволюции образцов расписной гончарной культуры на Северо-Западе Китая.

Ключевые слова: орнамент; расписная керамика долины реки Или; культура Сотонблах; культура Чауху; культура Саков.

Prehistoric Painted Pottery of Ili River Valley and its Relationship with that of Neighboring Regions

Chen Doudou

The Sotonblakh Culture is the representative culture in the Early Iron Age of Ili River valley. Painted pottery of the Sotonblakh culture, coming from the interaction of various domestic and foreign culture factors, is the result of the continuous fusion of the oriental and western painted pottery culture. Based on two local types of culture, the Sotonblakh became an independent object of study. This served to create a methodology for the study and archaeological typology of painted pottery. This article discusses painted pottery found during excavations of prehistoric burial in the Ili river valley.

From the point of view of the painted pottery of the Ili River Valley, it is not difficult to find that there are western culture factors and tradition of oriental culture in Sotonblakh culture, and painted pottery of it came down with painted pottery culture of Central Plains in one continuous line. The research on the prehistoric painted pottery in Ili River Valley not only contributes to restore the prehistoric cultural features of Xinjiang, but also of essential significance in the study of evolution of the pattern of painted pottery culture in Northwest China.

Keywords: pattern, painted pottery, Ili River valley, Sotonblakh culture, Chawoohoo culture, Saka Culture

Чэнь Дудоу

магистрант
Археологический факультет
Хэйлунцзянский университет
e-mail: 1945522922@qq.com

Chen Doudou

postgraduate
Department of Archaeology
Heilongjiang University
e-mail: 1945522922@qq.com

靺鞨-渤海马具初论

张欣悦

黑龙江大学考古学系
中国 哈尔滨

摘要

靺鞨族为我国北方民族的重要组成部分,《隋书》始为靺鞨立传,分七部。靺鞨七部在相互兼并过程中逐渐形成了北以黑水部,南以粟末部为核心的两大部分,史称黑水靺鞨与粟末靺鞨。粟末靺鞨于七世纪末创建了渤海国,统治时间长达二百二十九年,其文化内涵有很多方面值得我们来学习探讨。马具作为控制马匹的一种工具,有着深远的历史。为了对靺鞨-渤海出土的马具有更多的了解,本文对已知的靺鞨-渤海遗存中出土马具进行梳理分析,与历史文献结合,对靺鞨-渤海马具进行初步的探讨。

关键字: 靺鞨 渤海 马具研究

靺鞨主要活动于今吉林、黑龙江东部及俄罗斯远东的黑龙江中下游沿岸和滨海地区¹。史书中记载靺鞨分为七部,且七部在不断的兼并战争中逐渐形成了南北两大部分。渤海国虽然是靺鞨族所建立的政权,但由于部族间的分化不能将靺鞨和渤海国一并而论。早在20世纪20年代,鸟居龙藏就将考古学文化遗存与靺鞨民族相关联起来。近现代对渤海的调查研究早

在20世纪初就已经开展了,早期工作的主要是由日本以及俄罗斯的学者们主持的,以中国学者为主体的调查研究则起步于1945年。在各国学者的不断努力下,靺鞨、渤海遗迹的调查研究有了更多的进展,而马具的发现也离不开这些工作。

《中国考古学大辞典》对马具的解释为,附着于马体上的器具,包括马首与马身上的器物²。马具的组成包括衔镡、鞍具、马镫、胸带、鞅带以及胸带、鞅带上佩挂的杏叶、銮铃和步摇活叶等³。虽然目前为止,我们还没有在靺鞨-渤海遗迹中发现有整套马具出土的情况,但却有不少马具的组成部件出土。从已知材料中看靺鞨-渤海出土马具的材质也不只有铁制,在一些地区的遗址中还有骨制马具、青铜制马具的记载。本文拟将从以下几个方面对这些马具进行初步的探讨,敬请大家指正。

一、考古出土的马具

在中国、朝鲜、俄罗斯境内均有靺鞨遗存马具或者渤海类型的马具出土。中国境内靺鞨-渤海遗存出土的马具主要集中于黑、吉两省,从已知材料中梳理

出来出土了马具的遗址有永吉查理巴靺鞨墓地⁴、榆树老河深遗址⁵、杨屯大海猛遗址⁶、安图东清墓葬⁷、宁安虹鳟鱼场渤海墓葬⁸,出土马具情况具体请参看表1。朝鲜境内的渤海遗址主要分布于与中国吉林省接壤的咸镜南、北道、两江道、慈江道等地区⁹,尤以咸镜南北两道居多。朝鲜境内靺鞨-渤海马具主要是在墓葬和城址中有所发现,有延次沟墓群、独洞墓群、青海土城、云头山城等遗址(表2)。

俄罗斯境内靺鞨-渤海类型遗存出土马具的记载也比较多,马具主要

表1 中国境内靺鞨-渤海马具出土情况

省份	出土地点	马具情况	资料来源
吉林省	查理巴靺鞨墓地	铁马衔3件、铁马镫2件	《文物》
吉林省	榆树老河深墓群	报告中称有马具出土,但具体情况不详	《榆树老河深》
黑龙江省	萝北团结墓葬	铁马衔采集而未	《考古》
吉林省	杨屯大海猛遗址	铁马衔7件、铁马镫5件、铁马镫1件	《考古学辑刊》
吉林省	安图东清墓葬	铁马衔镡1件、铁马镫3件、带扣3件	《渤海考古》
吉林省	临江镇遗址	铁马镫	《浑江市文物志》
吉林省	六顶山渤海墓葬	鍍金铜饰	《六顶山渤海墓葬》
黑龙江省	宁安虹鳟鱼场渤海墓葬	铁马衔1件	《宁安虹鳟鱼场渤海墓葬》

表2 朝鲜境内渤海马具出土情况

出土地点	马具情况	资料来源
延次沟墓群第一墓区一号墓	铁衔镡1件、铁马镫2件、云珠、带扣、鞍桥装饰片	《富居里一带的渤海遗迹》
延次沟墓群第一墓区二号墓	铁马镫1件	《富居里一带的渤海遗迹》
延次沟墓群第一墓区四号墓	带扣、带饰	《富居里一带的渤海遗迹》
延次沟墓群第一墓区十二号墓	铁马镫1件、铁马镫1组2件、带扣8件、牌饰3件、云珠1件	《富居里一带的渤海遗迹》
延次沟墓群第一墓区十五号墓	衔镡1件、铁马镫一组2件、鞍桥装饰片6片、带扣11件	《富居里一带的渤海遗迹》
独洞墓群1号墓	带扣1件	《富居里一带的渤海遗迹》
青海土城	铁马镫	《渤海考古》

出土地点	马具情况	资料来源
沙普卡古墓地	带卡	
奈费尔德古墓地5号墓	马具上装备的铁环	《早期中世纪时代阿穆尔河阿穆尔河沿岸地区的民族》
奈费尔德古墓地39号墓	马具上装备的铁环	《奈费尔德古墓地》
奈费尔德古墓地9号墓	马衔、马镫	《奈费尔德古墓地》
西涅里尼科沃-1古城	报告中称有马具出土,但具体情况不详	《东亚的传统文化》
里波夫岗上的古墓群	铁马衔、铁马镫、骨带卡	《阿穆尔河沿岸地区中世纪时期的新型古墓群》
新戈尔杰耶夫斯科耶村落	骨制马镫	《俄罗斯滨海边疆区渤海文物集萃》
新戈尔杰耶夫斯克城址	带饰	《渤海国及其俄罗斯远东部落》
伊万诺夫卡遗址	铁马衔2家	《乌斯季·伊万诺夫卡墓发掘报告》

是在墓葬、城址、村落址等鞣鞅-渤海遗址中有所发现。其中奈费尔德类型中奈费尔德古墓地与沙普卡古墓地、契尔良基诺5号墓地、新戈尔杰耶夫斯科耶村、新戈尔杰耶夫斯克城址等都有马具出土(表3)。

从对这些资料的分析中得知,在中国、朝鲜、俄罗斯境内鞣鞅-渤海马具的数量没有很多,且大部分马具都是在墓葬中出土的。虽然在古城址、村落中也发现马具,但数量没有墓葬出土数量大。出土马具的种类比较单一,主要是马衔、马镫、马镫,带扣等,其中数量最多的是马衔和马镫,马镫和带扣次之。马具装饰品也有出土,如在中国境内六顶山渤海墓葬中有鎏金铜杏叶出土的记载。而朝鲜境内的渤海墓葬出土有马具饰记载比较多,种类也丰富,有云珠和鞍桥装饰片等。骨制马具出土只见于俄罗斯境内,为一件骨制马镫,在中国、朝鲜境内没有发现骨制马具的记载。在《渤海国及其俄罗斯远东部落》一书中还有青铜制马具的记载,这些都证明了马具的材质不仅仅局限于铁制,马具的材质具有多样性。限于我们收集相关材料的能力,以及中外文考古记录的差异性,我们研究的马具标本无论在数量上,还是在质量上,都具有一定的局限性。例如,有些文章中记有马具,而不说具体为何马具;还有些文章中虽提及马具,却不给出具体的线图和照片。

二、马具的类型学分析

马具的部件有很多,但本文主要是对目前鞣鞅-渤海墓葬中出土的典型马具进行类型学的分析,主要有马衔、马镫、马镫、带具等。

(1) 马衔

衔和镫是马具辔头的主要部件,也是鞣鞅-渤海出土马具中数量最多,最常见的两种。

根据马衔的节数,我们将出土的马衔大体分为两个类型。

A型 两节马衔。两节马衔主要是两节,链条式,两端呈环,中间以小环相扣。

两节马衔出土的遗址有永吉查理巴墓葬中M10出土一件两节马衔,以两小环相连接。马衔通长24cm、外环径3.2cm,位于东部角落位

置。

萝北团结墓地的铁马衔是采集到的,通长12.5厘米,大环直径3.9厘米,小环直径2.1厘米。

宁安虹鳟鱼场渤海墓葬的M2001出土的铁制马衔由两根铁丝做成,两端各卷曲成环,两个环相互套成一体,通长17.9cm。

杨屯大海猛遗址的M33,马衔由中间两环相扣,两端环皆呈开口状,出土时两端还口穿在镫中方形孔眼内,长15.3cm。

安图东清墓葬的M1出土的马衔,衔作两节,为链条式。两端呈“s”型,与镫相接,长19cm。

B型 三节马衔。三节马衔比二节马衔多出一小节,节与节之间由小环相扣,可以参看图1。

杨屯大海猛遗址TG4中出土的有三节马衔。节与节之间圆环相扣,两端圆环扣外又有一长方形方孔,出土时,镫套在两端环扣内,长20.1cm。

此外查理巴墓葬的木椁墓M19、M21内各出土了一件铁马衔,但并不知道其具体形状。

延次沟第一墓区1号墓、12号墓、15号墓都各自出有衔镫一件,形状相似,都是衔作两节,链条式,且与镫相接。

(2) 马镫

马镫有一部分单独出土,还有一部分与马衔一体出土。马镫的形状比较单一。从出土情况上看,大部分镫都是与衔相接出土的。

杨屯大海猛遗址M33:11-2,镫身剖面为长方形,两端剖面为圆形,长21.8cm。TG4:12-4,正面中间为方形,两端为圆柱形,一端有一圆突,侧面为S型,中间有两个方孔,长17cm。TG4:12-3,形状与前件同,稍短,长15cm。

安图东清墓葬的M1出土的马镫,镫呈卷分状图案的椭圆形环,长7.7厘米,宽4.7厘米,镫扣在衔的“s”形环上。

延次沟第一墓区1号墓出有衔镫1件,衔与镫相接,镫呈椭圆形环,长径19.2cm,短径12cm,镫扣在衔的环上。

延次沟第一墓区12号墓马镫1件,衔与镫相接,镫呈圆环形,直径4.4cm。

延次沟第一墓区15号墓出衔镫1件,衔与镫相接,镫呈椭圆形环,直径4.5×5.5cm

(3) 马镫

马镫主要出土于墓葬当中。马镫大部分都很完整,少部分残损严重看不出形状。马镫由

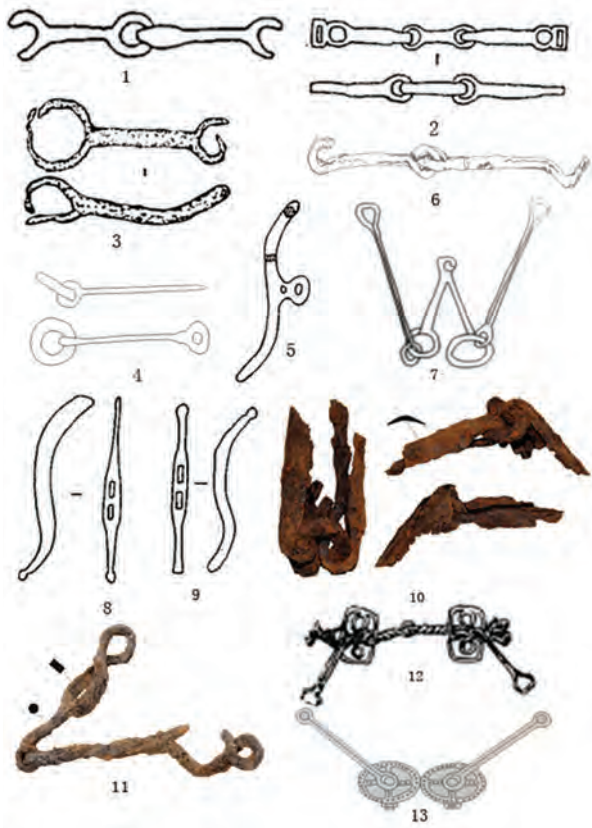

图1 靺鞨-渤海出土的马衔、马镫

1. 杨屯大海猛遗址 (M33:11-1 马衔)
2. 杨屯大海猛遗址 (TG4:12-1 马衔)
3. 萝北团结墓葬 (采集 马衔)
4. 延次沟第一区12号墓出土马镫
5. 杨屯大海猛遗址 (M33:11-2 马镫)
6. 宁安虹鳟鱼场渤海墓葬 (M2001:81 马衔)
7. 延次沟第一区15号墓出土马衔
8. 杨屯大海猛遗址 (TG4:12-4 马镫)
9. 杨屯大海猛遗址 (TG4:12-3 马镫)
10. 伊万诺夫卡墓地 (M14 马衔)
11. 伊万诺夫卡墓地 (M3 马衔)
12. 安图东清墓葬 (M1: 18 铁衔镫)
13. 延次沟第一区1号墓出土铁衔镫

两大部分组成，为镫环和镫柄。通过对材料的梳理我们发现，镫环按形状可以分为两型，A型为椭圆形，B型为梯形。另有腐朽严重的马镫暂不做分型。

椭圆形马镫又可以分为Aa型镫环里有铆钉型马镫和Ab型无铆钉型马镫。马镫中镫环有铆钉的数量在朝鲜境内发现的比较多，中国境内所做记录中镫环有铆钉的马镫见于吉林安图东清墓葬中，其他中国境内靺鞨渤海遗址中没有记载其是否含有铆钉，原因可能是由于保存状况不佳导致铆钉没有得以保存，或者是其马镫的性质为镫环内无铆钉型马镫。

Aa型马镫 椭圆形有铆钉型马镫。

安图东清墓葬M1:16，镫环呈椭圆形，宽18.5cm，高16cm，镫柄呈长方形，上有孔，孔内有铆钉。M16与M17形制基本相同。

延次沟第一墓区中1号墓马镫2件，一件完好，1件残。镫环呈椭圆形，镫环下部足踏处有防滑的齿轮。马镫长30.4cm，镫柄长13.6cm，环径20.8×16.8cm。

延次沟第一墓区2号墓出土铁马镫一件。镫柄和镫环构成，镫环呈圆形。镫环下部足踏处有防滑的齿轮。

延次沟第一墓区15号墓出马镫一组两件。由镫柄和镫环组成，镫环为椭圆形，在环下部足踏处有防滑的齿，镫柄呈长方形，上有一长方形孔。柄长10.2cm，孔径5×1.3cm，环径17.5×14cm。

Ab型马镫 椭圆形无铆钉型马镫。

吉林杨屯大海猛遗址出有马镫1件，采集而来。镫梁开口，高13cm，踏板宽2.8cm。

吉林永吉查理巴靺鞨遗址马镫2件，均出土于M7。M7:9出土的马镫呈椭圆形，上端一长方形穿孔，镫面略窄呈椭圆形，通高17.5厘米。

安图东清墓葬M1:15，镫环呈椭圆形，宽11cm，高12cm，镫环的下边呈柳叶形，长

图2 靺鞨-渤海出土的马镫

1. 延次沟第一区1号墓出土马镫
2. 延次沟第一区2号墓出土马镫
3. 延次沟第一区15号墓马镫
4. 永吉查理巴墓葬 (M7:9 马镫)
5. 安图东清墓葬 (M1:15 铁马镫)
6. 安图东清墓葬 (M1: 16 铁马镫)
7. 杨屯大海猛遗址 (采集 马镫)
8. 北青土城 (铁马衔)
9. 延次沟第一区12号墓出土马镫

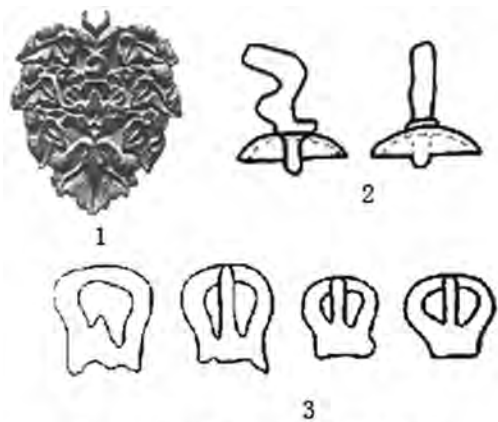

图3 鞅鞞-渤海出土的其他类马具

1. 六顶山渤海墓葬出土的鎏金铜饰
2. 延次沟第一区12号墓出土的云珠
3. 延次沟第一区12号墓出土的带扣

9cm, 宽4.8cm, 马镫上部有一长方形孔, 长4.5cm, 宽4cm的镫柄。

B型 梯形马镫。

青海土城城址中出了一件马镫, 镫环平面呈梯形, 镫柄腐朽不存。

另有, 延次沟第一墓区12号墓出有马镫1组2件。腐朽严重, 只存脚踏部分, 长18cm、宽3.5cm、厚0.6cm、1cm。

(4) 带具

带具分为带扣与带卡两种。带扣的数量比较多, 且多为铁制带扣, 朝鲜境内的带扣形状在报告中记载中大多为“D”字型, 安图东清墓葬出土的带扣按描述来看, 其形状应该也为“D”字型, 因此, 带扣的形状单一, 没有什么特别的变化(图3, 3)。在鞅鞞-渤海类型的遗迹中有很多带具出土的记载, 但很多报告出于谨慎考虑没有把一些带具归因为马具。此外, 俄罗斯境内的遗址中还有有骨制带卡的记载。

安图东清墓葬出土带扣3件, 一端呈圆形, 一端呈长方形, 中间有扣针。

延次沟第一区4号墓里出有带扣和带饰, 均为铁制。带扣为椭圆形, 带饰腐朽严重。12号墓出有带扣8件。大小不同, 形状为D型, 横条上附有扣带。

独洞墓群1号墓内出土马具为带扣1件, 平面呈“D”型。

(5) 鞍桥装饰片

对于鞍桥装饰片的记载见于延次沟墓群当中, 延次沟第一墓区15号墓里出有鞍桥装饰片6片, 为三角形, 上面有很多铆钉。中、俄境内还没有见到相似的记载。

(6) 云珠

云珠的记载也只见于朝鲜境内的延次沟渤海墓葬中。均为铁制, 多为半球状, 半球状外

侧有鸟纹装饰, 大小也差不多, 均在4-4.5cm左右(图3, 2)。

(7) 鎏金铜饰件

吉林六顶山渤海墓葬中出了一枚精美的马具饰件。出于IM5中出土的鎏金铜饰, 残长8.2cm, 宽6.3公分, 形如杏叶, 正面铸繁缛的纹饰, 中央有花卉一朵, 四面衬以花叶, 花和叶的轮廓线及花脉突起, 花瓣及叶面下凹, 花蒂有一小圆孔, 叶梗作方环状, 已残, 背面平素, 铜制, 表面鎏金, 制作精致。报告中说这应该是一件马具饰件, 制作精美(图3, 1)。

三、考古发现与历史文献的比较

鞅鞞族群的葬俗在《旧唐书·鞅鞞传》¹⁰中有记载: “.....死者穿地理之, 以身衬土, 无棺敛之具, 杀所乘马, 于死前设祭。”可见, 马对于鞅鞞族来说, 生前是战斗和生活的重要伙伴, 因此在死后, 才会杀马以祭, 作为死后的陪伴。

粟末鞅鞞在建立渤海国之后, 其滨海有名马“率滨之马”, 《册府元龟》¹¹与《契丹国志》¹²中都有渤海与其他国家之间马匹贸易的记载, 《契丹国志》中“凡渤海左右平章事、大内相已下百官, 皆其国自除授, 岁贡契丹国细布五万疋、麤布十万疋、马一千匹。”因此可以看出, 渤海所拥有的的马匹数量应该不少, 这一点从目前遗址中出土的马骨数量也可以证明这一观点。

马对于人们不仅仅是一种交通工具更是一种战力。而马具作为控制马匹的一种工具, 方便了人们掌控马匹, 提升战斗力。对于马头的控制离不开衔镡, 对于施展劈砍动作, 马镫则起到了相当重要的作用。

对于鞅鞞以及渤海来说, 史书中对于其族群的兵力有记载, 如《隋书·鞅鞞传》¹³中道“鞅鞞, 在高丽之北.....凡有七种: 其一号粟末部, 与高丽相接, 胜兵数千, 多骁武, 每寇高丽中。其二曰伯咄部, 在粟末之北, 胜兵七千.....其七曰白山部, 在粟末东南。胜兵并不过三千, 而黑水部尤为劲健。”以及在《新唐书·渤海传》¹⁴中也对渤海兵力有相关的记载, “昔高丽盛时, 士三十万.....今我众比高丽三之一.....”、可以看出, 虽然鞅鞞-渤海对于唐朝或者高句丽来说处于弱势地位, 但其实力不容小觑, 因此屡被记载入册。

四、结语

通过对鞅鞞-渤海出土马具的梳理, 我们可以看出:

1、鞅鞞-渤海马具在中国、朝鲜、俄罗斯境内均有发现, 虽然目前为止渤海遗址发掘了, 我们还没有在一座渤海墓葬中发现有整具马具出土的现象, 只是有马具的部件出土, 其类型大多是马衔、马镡、带具等。马具饰虽然也有发现, 但数量没有很多。

2、从材质上看, 铁制马具的数量是最多

的, 骨制马具虽然也有出土, 但数量非常少, 青铜制马具只见于记载中。马具的材质虽然有很多种, 但由于资料的限制, 无法做更多的研究。在马具中, 衔与镮的数量最多, 一起出土的情况比较常见, 其次为马镫和带具。马具饰作为一种装饰品, 数量较少。

3、从总体数量来看, 鞞鞞-渤海马具出土的数量不是很多, 这与史书中对于鞞鞞-渤海马匹数量众多, 实力雄厚的“海东盛国”的记载相悖。有学者认为鞞鞞-渤海中的‘胜兵’是骑兵, 这一点还有待于慎重考虑。虽然马骨在渤海遗址中出土数量不少, 但是渤海马具的数量就没有那么丰富, 这种情况既可能与保存环境有关, 也有可能是渤海马具本身数量就不多。期待于未来能有更多的考古发现来对这一问题进行更深入的研究。

参考文献

- [1] 刘晓东. 鞞鞞文化的考古学研究[D]. 吉林大学, 2014.
- [2] 王巍总主编. 中国考古学大辞典[M]. 上海辞书出版社出版, 2014.
- [3] 张博泉、魏存成主编. 东北古代民族·考古与疆域[M], 1998.

- [4] 何明, 程建民, 李刚. 吉林永吉查里巴鞞鞞墓地[J]. 文物, 1995(09):29-47+98+1.
- [5] 吉林省文物考古研究所. 榆树老河深北京[M]. 文物出版社, 1987.
- [6] 刘庆柱. 考古学集刊[M]. 文物出版社, 2004-02-01.
- [7] 魏存成. 渤海考古[M]. 文物出版社, 2008.
- [8] 黑龙江省文物考古研究所: 《宁安虹鳟鱼场-1992~1995年度渤海墓地考古发掘报告》, 物出版社, 2009年.
- [9] 金石柱, 姜龙哲, 石光哲. 朝鲜境内的渤海国遗址空间分布研究[J]. 延边大学学报(社会科学版), 2015, 48(05):81-92.
- [10] (五代)刘昫等. 旧唐书[M]. 北京. 中华书局, 1975.
- [11] 王钦若等. 册府元龟卷九一·朝贡四[M]. 北京. 中华书局, 2003
- [12] 贾敬颜、林荣贵点校本. 契丹国志卷一四·东丹王传[M]. 上海古籍出版社, 1985.
- [13] (唐)魏征. 隋书[M]. 北京: 中华书局, 1973.
- [14] (宋)欧阳修、宋祁. 新唐书[M]. 北京: 中华书局, 1975.

Предварительное изучение конской упряжи племен мохэ и Бохая

Чжан Синьюэ

Мохэ – известный этнос, живший в Средние века на севере Китая, который, согласно описанию в «Суй Шу», разделялся на семь племен. В ходе войн они образовали две группы племен – хэйшуй мохэ и сумо мохэ. В конце VII в. племенами сумо мохэ было создано государство Бохай, существовавшее 229 лет. Его культура заслуживает изучения.

Упряжь как средство управления лошастью имеет давнюю историю. Для лучшего понимания, что такое упряжь, проанализируем находки, относящиеся к материальной культуре мохэ – Бохая, сверяясь с сообщениями, имеющимися в исторической литературе.

Ключевые слова: мохэ, Бохай, лошадиная упряжь

A preliminary study of Mohe-Bohai harness

Zhang Xinyue

Mohe is a well-known ethnos that lived in the middle ages in the North of China, which, according to the description in «Sui Shu», was divided into seven tribes. In the process of wars, the seven parts gradually formed the two parts called Heishui Mohe and Sumo Mohe. At the end of the seventh century Bohai kingdom was created by Sumo Mohe. The history of Bohai State lasted for 229 years, and its cultural connotation is worthy of our study and discussion.

The harness has a far-reaching history as a tool for controlling horses. In order to have a better understanding of the harness, in this paper the known Mohe-Bohai archaeological finds are analyzed and combined with historical literature and the preliminary discussion on Mohe-Bohai harness.

Keywords: Mohe, Bohai, harness

Чжан Синьюэ

Магистрант 2-го курса
Археологический факультет
Хэйлунцзянский университет
e-mail: m13104600151_1@163.com

Zhang Xinyue

2nd year Bachelor
Department of Archaeology
Heilongjiang University
e-mail: m13104600151_1@163.com

Изучение каменных артефактов местонахождения Сифэньчан в районе фермерского хозяйства уезда Сунькэ провинции Хэйлунцзян

Чжан Сюэвэй

黑龙江逊克农场四分场遗址石制品研究

张雪微

黑龙江大学考古学系
中国哈尔滨

摘要

逊克农场四分场遗址位于逊克农场北约1000米。2014年，黑龙江省文物管理研究所对该遗址进行调查和试掘，共发现石制品144件，原料以流纹岩、黑曜岩、凝灰岩为主，类型包括石核、石片、断块、石叶、雕刻器、端刮器等，工具以片状毛坯为主，多为单向加工。根据地层堆积和石制品工业特征，推断处于旧石器时代向新石器时代的过渡阶段。

关键词：黑龙江；逊克农场四分场；石制品；细石叶工艺

一、地理位置、地貌

逊克县位于黑龙江省北部，受小兴安岭和黑龙江两大自然环境因素的影响，地势南高北低，由黑龙江高低河漫滩、阶地往南过渡为山间河谷、台地、丘陵。逊克农场四分场遗址坐落于黑龙江右岸二级阶地，库尔滨河从遗址西侧注入黑龙江。遗址海拔117米，高出黑龙江江面约23米。

二、石制品分类与描述

本次调查地表采集石制品127件，试掘地层出土17件。原料以火山喷出岩为主。其中流纹岩制品所占比重最多（43.80%），其次凝灰岩（24.30%）、黑曜岩（21.50%）、燧石

（10.40%）。石制品类型包括石核、石片、石叶、工具、断块等（详见表一）。其中石片所占比重最大（71.50%），其次为工具（16.00）。如下为具体的石制品分类：

（一）石核

共4件，包括细石核1件，石叶石核3件。

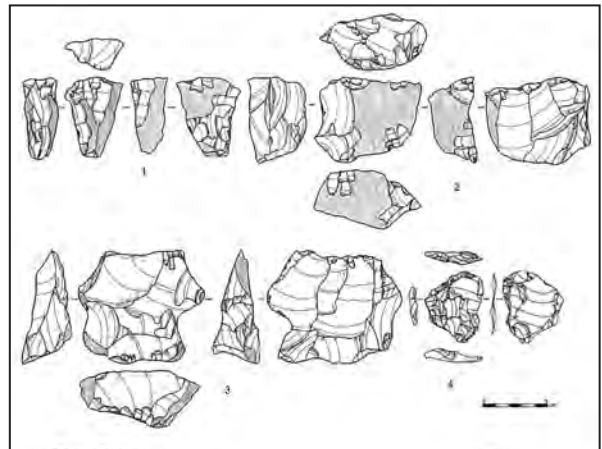
14XM.C: 35 细石核；以小三棱柱流纹岩砾石为毛坯；核体呈半锥形，保留石皮；断口为台面；背缘两侧锤击预制核体，在砾石原有棱脊剥取细石叶，另一面全部为修理疤。长29.9、宽22.0、厚13.0毫米，重8.0克(图二.1)。

14XM.C: 74 单台面单工作面石叶石核；以黑曜岩砾石为毛坯；向心修理预制核体；一面右侧留有自然面；台面多次剥取石片修理而成，工作面6片剥取长石片的石片疤。长43.6、宽37.6、厚21.3毫米，重51.0克(图二.2)。

14XM.C: 75 刃状台面双工作面石叶石核；是进行目的剥片阶段的石核。以黑曜岩砾石为毛坯；核体四周存在向心锤击的细小石片疤，纵向剥取目的长石片，工作面分布10片石片疤，底缘留有石皮。长56.7、宽53.8、厚18.4毫米，重50.0克(图二.3)。14XM.②: 143，刃状台面双工作面石核；以黑曜岩为原料；核体四周有向心锤击剥片痕迹，核体较薄，该石核接近废弃阶段。长43.3、宽51.1、厚

图一. 四分场遗址位置示意图

图二 石核 (14XM.C: 35、14XM.C:74、14XM.C:75、14XM.②: 143)

8.0毫米，重21.0克。（图二.4）

（二）石片

共103件，包括完整石片、有台面断片和无台面断片。原料以流纹岩为主，还包括黑曜岩、凝灰岩。其中流纹岩76件，黑曜岩7件，凝灰岩20件。

1. 完整石片

共80件。长11.2—52.8毫米，平均24.2毫米；宽8.0—57.0毫米，平均22.1毫米；厚2.2—16.3毫米，平均6.2毫米；重0.7—2.4克，平均1.5克。14XM.C: 15 以流纹岩为原料；素台面；打击泡明显；半锥体突出。长20.9、宽39.0、厚6.9毫米，重5.0克（图三.1）。

14XM.C: 18 以流纹岩为原料；素台面；半锥体突出，打击泡明显，同心波清晰，背面5片石片疤，右侧近端为自然面。长40.9、宽30.1、厚4.6毫米，重8.0克（图三.2）。

14XM.C: 34 以流纹岩为原料；素台面；半锥体浅平，背面左侧留有自然面，背面有10片石片疤。长28.1、宽21.4、厚6.0毫米，重1.4克（图三.3）。14XM.C: 67 以流纹岩为原料；扁椭圆形台面；背面有一条横脊和一条纵脊；背面5片石片疤；半锥体浅平；腹面同心波清晰。长42.7、宽29.8、厚6.0毫米，重7.0克（图三.4）。

14XM.C: 71 以流纹岩为原料；自然台面；半锥体突出；打击泡明显；背面4片石片疤。长37.4、宽17.5、厚6.5毫米，重5.0克（图三.5）。14XM.C: 108 以流纹岩为原料；素台面；半锥体浅平；背面5片石片疤。长28.5、宽24.3、厚3.0毫米，重1.2克（图三.6）。

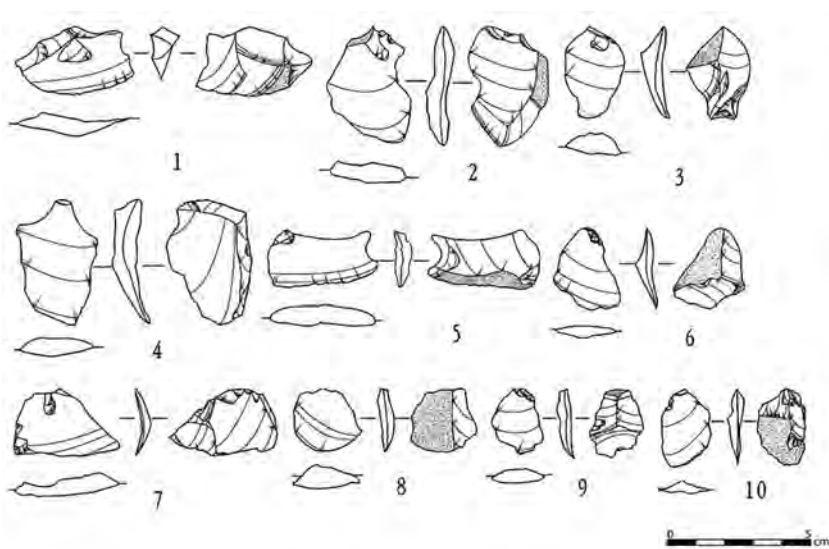
14XM.C: 113 以黑曜岩为原料；自然台面；半锥体突出；打击泡明显；腹面同心波明显，放射线清晰。长37.9、宽25.3、厚6.2毫米，重7.0克（图三.7）。14XM.②: 133 以流纹岩为原料；自然台面；打击泡明显；背面为自然面有一条纵脊，左侧为自然面。长20.5、宽23.9、厚6.9毫米，重4.0克（图三.8）。

14XM.②: 135 以流纹岩为原料；素台面；半锥体浅平；背面8片石片疤。长25.9、宽17.0、厚4.9毫米，重0.8克（图三.9）。

14XM.②: 138 以流纹岩为原料；自然台面；半锥体浅平；背面有8片石片疤。长23.1、宽19.9、厚4.7毫米，重1.1克（图三.10）。

（三）石叶

共5件，14XM.C: 37 石叶中段；原料凝灰岩；背部一条纵脊；背面6片石片疤；两侧近

图三 石片（14XM.C: 15、14XM.C: 18、14XM.C: 34、14XM.C: 67、14XM.C: 71、14XM.C: 108、14XM.C: 113、14XM.②: 133、14XM.②: 135、14XM.②: 138）

平行；横截面呈三角形。长40.4、宽14.7、厚3.5毫米，重0.2克（图四.1）。14XM.C: 43 石叶；原料凝灰岩；背面右侧有狭长自然面，背面7片石片疤；横截面呈梯形。长22.2、宽13.7、厚0.3毫米，重0.1克（图四.2）。

14XM.C: 64 石叶；原料流纹岩；背面两条纵脊，右侧狭长自然面，中部长条石片疤；横截面近梯形。长35.1、宽13.8、厚0.1毫米，重0.1克（图四.3）。14XM.C: 114 石叶中段；原料黑曜岩；背面左侧为狭长自然面；背面有8片石片疤；横截面呈梯形。长35.1、宽13.8、厚0.6毫米，重0.1克（图四.4）。

14XM.②: 131 石叶中段；原料黑曜岩；背部两条纵脊，左侧为自然面，背面4片石片疤；横截面近梯形。长34.0、宽24.7、厚5.1毫米，重9.0克（图四.5）。

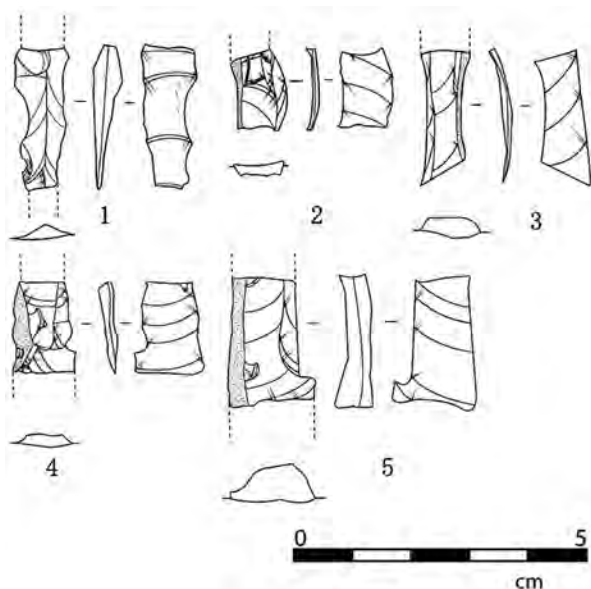
（四）工具

共发现23件，占石制品总数16.00%。包括边刮器2件，端刮器11件，尖状器3件，凹缺器4件，雕刻器2件。长度在25.2—61.9毫米，平均36.7毫米，宽10.4—51.1毫米，平均25.5毫米，厚2.2—13.6毫米，平均7.2毫米，重5.0—26.0克，平均11.6克。尺寸以小型为主，修理方式主要为单向加工。

1. 边刮器

共2件，14XM.C: 85 石片毛坯；以流纹岩为原料；背面近端修理疤小且规整为软锤修理，石片近端正向加工形成刃缘；背面留有自然面。长35.5、宽25.2、厚9.1毫米，重9.0克（图五.1）。14XM.C: 86 石片毛坯；以流纹岩为原料；正向修理直刃。长16.7、宽32.0、厚5.1毫米，重1.3克（图五.2）。

2. 端刮器

图四 石叶 (14XM.C:37、14XM.C:43、14XM.C:64、14XM.C:114、14XM.C:131)

共11件，原料以黑曜岩为主。长25.2--46.7毫米，平均32.3毫米，宽22.1--37.3毫米，平均29.2毫米，厚5.9--10.0毫米，平均8.4毫米。重5.0--22.0克，平均11.0克。14XM.C:19以石片为毛坯；原料乳白色燧石；石片远端和侧边经细致的正向加工；远端刃缘呈圆弧状。长31.8、宽25.1、厚5.9毫米，重5.0克（图五.3）。14XM.C:47以石片为毛坯；原料黑曜岩；修疤凹陷不规整、疤痕较

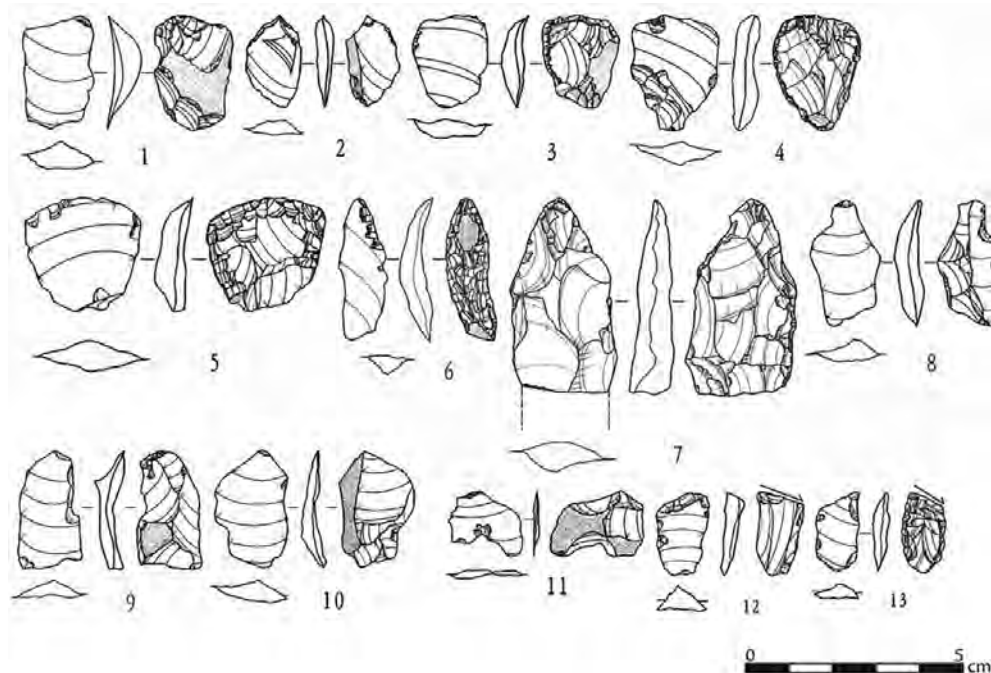
小为软锤修理，两侧边和远端正向加工，远端刃缘呈圆弧状。长47.7、宽34.0、厚7.1毫米，重22.0克（图五.4）。14XM.C:73以石片为毛坯；原料黑曜岩；修理疤连续浅平为压制修理，石片左侧边和远端正向加工；远端刃缘呈圆弧状。长36.3、宽37.3、厚10.0毫米，重13.0克（图五.5）。

3. 尖状器

3件，14XM.C:02 尖状器残片；原料黑曜岩；有明显尖状器特征，边缘有修整。长25.9、宽10.4、厚7.2毫米，重1.5克。14XM.C:84以石片为毛坯；原料流纹岩；背面留有少许自然面，两侧边正向加工修理汇聚于远端，修疤规整连续为压制修理。长47.7、宽14.1、厚5.6毫米，重4.0克（图五.6）。14XM.C:104 双面尖状器；以流纹岩砾石为毛坯；两面加工，通体修理，两侧边基本平行。长64.0、宽33.7、厚10.0毫米，重26.0克（图五.7）。

4. 凹缺器

共4件，原料以黑曜岩为主。14XM.C:05以石片为毛坯；原料黑曜岩；在石片右侧边靠近近端的位置正向修理出一凹刃口。长43.7、宽24.0、厚13.6毫米，重5.0克（图五.8）。14XM.C:06以石片为毛坯；原料黑曜岩；左侧边中部反向修理微凹刃口，背面左侧底部为自然面。长40.8、宽20.1、厚6.8毫米，重6.0克（图五.9）。14XM.C:07以石片为毛坯；原料黑曜岩；在石片右侧边近远端位置正向加工凹刃口。长39.1、宽25.1、6.3毫米，

图五 工具 (14XM.C:85、14XM.C:86、14XM.C:19、14XM.C:47、14XM.C:73、14XM.C:84、14XM.C:104、14XM.C:05、14XM.C:06、14XM.C:07、14XM.C:103、14XM.C:12、14XM.C:93)

重6.0克(图五.10)。14XM.C:103以石片为毛坯;原料燧石;在石片远端中部反向加工凹刃口。长27.3、宽19.1、厚2.2毫米,重1.0克(图五.11)。

5. 雕刻器

共2件,14XM.C:12修边斜刃雕刻器;以石叶为毛坯;原料黑曜岩;打掉石叶远端为刃口,一侧边正向加工。长26.9,宽16.6,厚6.5毫米,重2.0克(图五.12)。14XM.C:93以石片为毛坯;原料凝灰岩。石片周边反向加工修疤规整浅平,近端从左向右斜向打击形成雕刻小面和刃口。长28.7,宽14.8,厚5.1毫米,重1.7克(图五.13)。

三、结语

1. 石制品的主要特征

该遗址石制品原料包括流纹岩、凝灰岩、燧石、黑曜岩。逊克县境内广泛分布着新生代晚期火山喷出岩¹,包括白垩纪的中酸性火山岩,并有火山碎屑岩。白垩系下统上兴安岭火山岩组在库尔滨河和逊河沿岸有零星分布,西部主要是凝灰岩,局部有安山岩,东部主要分布流纹岩,偶见珍珠岩。可见,境内的火山喷出岩为本地原料。遗址发现的黑曜岩同长白山地区的黑曜岩不同,且发现的黑曜岩制品大都带有石皮,表明黑曜岩为本地原料并非外地交换得来²。遗址的绝大部分石料质地均一,无明显节理,少见小斑晶,是打制石器的优质原料。石片的原料以流纹岩为主,工具大都以黑曜岩为原料。反映了当时古人类对不同原料的开发利用。遗址中的石制品尺寸较小,平均长约2.4厘米、宽约2.2厘米,这类小型石制品的生产很大程度上是受原料制约。

遗址中石器剥坯的过程主要以获取石片、石叶和细石叶为目的。剥片技术主要为锤击直接剥片法为主。锤击直接剥片法的相应产品包括石叶石核、细石核、石片。石叶石核多次剥取石片修理台面,核体通过向心锤击细小修理疤进行预制,从宽面先进行目的剥片后在转向另一面进行剥片,剥坯产生的目的石片会进行二次加工制作成不同类型的小型工具;细石核以砾石为毛坯,充分利用原有的形态进行加工,核体保留石皮,断口为台面,从台面方向纵向打击进行剥片,两侧边经过简单的锤击修理,利用核体自然棱脊从台面方向纵向剥取细

石叶。该遗址发现了细石核未发现细石叶,由于该遗址发现的石叶制品均没有完整的近端,且折断口整齐,无法确定其剥片方法。

2014年逊克农场四分场遗址发现的工具类型包括边刮器、两面尖状器、端刮器、凹缺器、雕刻器等。1990年调查时在该遗址发现的工具类型包括两面尖状器、砍砸器、刮削器、铍形器。主要以石片为毛坯,工具修理包括软锤法和压制法。修理方式以单向修理为主,存在个别石制品通体加工。通过整体看四分场遗址工具均属于小型工具,器形规整、小巧精致。

2. 对比与年代

四分场遗址石制品组合为细石核、细石叶、石叶、两面尖状器、端刮器、铍形器。属于典型的石叶、细石叶为代表的工业类型。同我国东北地区以及俄罗斯境内的旧石器时代晚期的遗存存在共同因素。

俄罗斯滨海边疆区南部的泽尔卡利纳亚河流域的乌斯季诺夫卡遗址群中,石制品岩性主要为硅质凝灰岩。该文化的石制品组合与四分场遗址比较类似,都存在向心修理的石核、锥形细石核、修边斜刃雕刻器等,该遗址群的年代跨度约为距今2.2—1.03万年,属于旧石器时代晚期。谢列姆贾遗址群是一支位于俄罗斯境内结雅河二级支流谢列姆贾河两岸的旧石器时代的晚期遗存。以流纹岩砾石为原料,从向心修理核体的砾石石核上剥取长石片或石叶,细石核上剥取细石叶,有双面尖状器、铍形器、简单修理石片边缘的边刮器等工具。四分场遗址的石制品工业特征和该遗址群相近。该文化的整体年代跨度约为距今2.5—1万年,属于旧石器时代晚期。此外,四分场遗址同新石器时代的新彼得罗夫卡文化的刀片文化又有所不同,不见柱形石核和楔形石核、网坠、石镞等器物。因此,四分场遗址的年代晚于1.4万年且不早于新石器时代的地层年代。

结合出土的石制品工业特征和埋藏情况,确定四分场遗址是处于旧石器时代晚期向新石器时代的过渡阶段。由于四分场遗址的试掘面积较小,遗址的信息尚未全面揭露,有待日后工作佐证。

参考文献:

- [1] 于汇历. 黑龙江水电站淹没区逊克县考古调查[J]. 北方文物, 1996(02): 8-15.
- [2] 王社江. 洛南花石浪龙牙洞1995年出土石制品的拼合研究[J]. 人类学学报, 2005, 24(01): 1-17.
- [3] 代国良, 汉景泰. 逊克晚新生代火山岩岩石学特征初步研究[J]. 第四纪研究, 2005(06): 131-132.
- [4] Michael D. Glascocka, Yaroslav V. Kuzmin b, Andrei V. Grebennikov c, Vladimir K. Popov c, Vitaly E. Medvedevd, Igor Y. Shewkomud e, Nikolai N. Zaitsev. Obsidian provenance for prehistoric complexes in the Amur River basin(Russian Far East) [J]. Journal of Archaeological Science, 38 (2011) 1832-1841

¹ 代国良, 汉景泰. 逊克晚新生代火山岩岩石学特征初步研究[J]. 第四纪研究, 2005(06): 131-132.

² Michael D. Glascocka, Yaroslav V. Kuzmin b, Andrei V. Grebennikov c, Vladimir K. Popov c, Vitaly E. Medvedevd, Igor Y. Shewkomud e, Nikolai N. Zaitsev. Obsidian provenance for prehistoric complexes in the Amur River basin(Russian Far East) [J]. Journal of Archaeological Science, 38 (2011) 1832-1841

Amur River basin(Russian Far East)[J].Journal of Archaeological Science ,38 (2011) 1832--1841.

[5] 田川,徐廷,关莹,高星.吉林抚松枫林遗址细石核研究[J/OL].人类学学报:1-13[2018-11-05].

[6] 岳健平,侯亚梅,杨石霞,常阳,张伟,李有骞,郝怀东,王雪东,俄仇立民.黑龙江省桃山遗址2014年度发掘报告[J].人类学学报,2017,36(02):180-192.

Изучение каменных артефактов местонахождения Сифэньчан в районе фермерского хозяйства уезда Сунькэ провинции Хэйлунцзян

Чжан Сюэвэй

Местонахождение Сифэньчан расположено в 1000 метрах к северу от фермы Сюньке. В 2014 г. Институт древностей и археологии провинции Хэйлунцзян провел исследование и раскопки этого места. Всего найдено 144 каменных артефакта. Сырьем являются риолит, обсидиан, туф и т. д. Набор артефактов представлен продуктами дебитаж, пластинами, проколками, сколами, лезвиями, свёрлами, насечками, скребками. Преобладают ретушированные пластины односторонней обработки. Реконструкция указывает на приемы обработки камня, характерные для переходного периода между верхним палеолитом и неолитом.

Ключевые слова: река Хэйлунцзян; местонахождение Сифэньчан; каменные артефакты; технология микролитов

Study of Stone Artifacts from the Sifenchang Site of Xunke Farm on Heilongjiang River

Zhang Xue wei

The Sifenchang site is located in 1000 meters north of Xunke Farm. In 2014, Heilongjiang Provincial Institute of Antiquities and Archaeology carried out an investigation and excavation of the site. A total of 144 stone artifacts were found. The raw materials are rhyolite, obsidian and tuff etc. The lithic assemblage includes cores, flakes, chunks, blades, burins, notches, scrapers. The tools is dominated by flakes, mainly produced by unidirectional machining. The assemblage shows characteristics of the transitional period between Late Upper Palaeolithic and Neolithic.

Keywords: Heilongjiang River; Sifenchang site; stone artifacts; microblades technology

Чжан Сюэвэй

Второй курс
Археологический факультет
Хэйлунцзянский университет
e-mail: zhangxuewei0451@163.com

Zhang Xuwei

Sophomore
Department of Archaeology
Heilongjiang University
e-mail: zhangxuewei0451@163.com

УДК 902

Скипетр и его навершие

Юй Лян

权与杖首

于梁

黑龙江大学考古学系
中国·哈尔滨

摘要

本文通过玉门火烧沟遗址出土的四羊青铜权杖首着眼于中国出土的权杖首,试论中国权杖的来源问题以及权杖与棍棒头、笄等器物的关系问题,通过西北地区出土的权杖首与其他地区出土权杖的区别,讨论与杖首之间的关系。

关键词: 火烧沟遗址;四羊权杖首;棍棒头;笄;权与杖首

一、火烧沟遗址概况

火烧沟遗址属于中国早期青铜文化,属于四坝文化,位于甘肃省玉门市清泉乡,根据碳十四测定距今 3890 ± 120 — 3580 ± 145 年(树轮测定为约距今3700年上下),在20世纪70年代的墓葬发掘中出土了多枚玉石质权杖,其中

最为独特的就是一枚青铜质地的四羊权杖首,腹中部偏下对称地铸有四个盘角的羊头,在器物下端位置饰四道凹弦纹,罋孔内残存一段木柄,器物高8厘米、口径2.8厘米、腹径5厘米、底径2.4厘米。

二、权杖的结构及中国古代权杖头分类

(一) 权杖的结构

权杖整体由上罋、主体、下罋以及柄部组成。

(二) 中国古代权杖头的分类

1. 分类依据:根据主体与上罋以及下罋的形制

2. 分类: A型 无上下罋,主体部分近扁球体球中间有穿孔

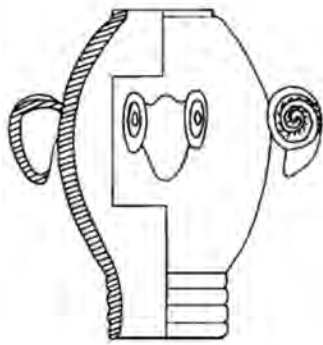

图 1 四羊青铜权杖首

B型 较之A型主体表面有装饰

C型 主体部分与下端柄部结合，向下延伸为下鬃部，主体装饰风格为乳钉状凸起物或扭曲状条棱仍保留着B型的装饰风格¹

三、关于权杖来源探索

对于权杖一般的解释为：象征皇权的用具，通常为欧洲的国王特有，权杖的地位相当于我国的玉玺，装饰华丽等。但是这种观点过于狭隘，而我所说的权杖首正是权杖顶端的装饰，而我更认同的权杖的定义是：所谓权杖，是古代贵族或掌权者用来表示自身权利及地位的一种长棍型器物。因其柄部多木质易于腐朽，而顶部多由石制或铜制成易于保存得以保存下来。此类器物最早出现在西方，西方学界称之为“权杖头”或“权杖首”。随着近年来考古工作的大量进展，我国也出现了权杖头这类的器物，李水城先生将北方的“棍棒头”与甘青以及赤峰等地区发现的类似器物称之为“权杖头”，认为其来源是近东先民率先创造的文化特征，并且认为此类文化因素沿着近东-中亚-中国西北-长城沿线这一相近的文化经济带进行传播。² 对于李水城先生的看法我们值得肯定，像沈融等学者将中国出土的“权杖头”统称为“棍棒头”，并且认为此类器物是中国本土的器物类型，并没有受到其他文化因素的影响，并且随着时间的发展逐渐演变为“笄”这类的器物。在这两种观点中我比较赞同。以火烧沟遗址出土的四羊权杖首为例，在当时火烧沟遗址青铜容器十分罕见，而青铜兵器等却有较多的出土，而四羊青铜权杖首更是只有一例，如果按照沈融先生的看法为“棍棒头”一类的武器的话只出土一件似乎不合乎现实状况。根据火烧沟遗址本身来看，火烧沟遗址居民属于早期羌人，并且根据现在的火烧沟遗址的地点我们可以看出火烧沟遗址位于400毫米等降水量线以外的区域，属于畜牧型经

¹ 杨琳、井中伟：《中国古代权杖头渊源与演变研究》[J].考古与文物.2017年，第3期：66-74.

² 李水城：《赤峰及周边地区所见权杖头及潜在意义源》[J].赤峰学院学报.第五届红山文化高峰论坛专辑

济，并根据羌人这一族属我们可知羊为羌人图腾，这更能体现出这件四羊青铜权杖首的特殊性。我跟认为四羊权杖首能体现出一种权利的象征。而棍棒头一类的器物应是中国本土出现的器物，在出现了对穿技术以后出现对穿石球等器物，并在早期并无任何装饰。我国已知最早的棍棒头出现于辽宁高台山遗址而并非中国西北地区，所以我推断，权杖应由西亚、中亚等地传入，而棍棒头则是我国先民特有的器物类型。

四、关于权杖与骨朵的关系探讨

笔者在第二个问题中已经明确了权杖的定义，而骨朵指的是古代的一种兵器。是一长棒，顶端缀一蒜形或蒺藜形的头，或以铁或坚木制成。唐代以后用作刑杖，而宋以后多并用仪仗，俗称金瓜。

关于骨朵的起源目前目前学界有三种看法：

(一)宿白先生认为源于唐代刑杖。据《唐律疏议》卷二十九《狱官令》中记载：“杖皆去节目，长三尺五寸，讯囚杖，大头径三分二厘，小头一分七厘。笞杖，大头二分，小头一分半”认为杖之大小首即为骨朵。

(二)源于汉代羌、戎兵器或匈奴刑具“轘”。根据周纬《古代兵器史稿》载：蒺藜、蒜头原系兵器，汉时以敌汉军。又据《史记·匈奴列传》：“有罪，小者轘，大者死”。引史家注“轘”即“挝”进而引申“挝”即“骨朵”的速读。由此推断骨朵是源于吸收了羌戎文化的匈奴人的“轘”。陆思贤先生支持此种观点。

(三)源于新石器时代的“棍棒头”及殷商时期的“笄”，根据新石器时代遗址中出土的有按柄的石球，认为骨朵源于此，梁淑琴先生持此观点。³

以笔者的看法，首先我认同梁淑琴先生的观点。第一，权杖与骨朵在本质上是两种器物，不能被混为一谈。权杖具有“权”这一特点就为骨朵没有，其次骨朵在七自己的发展历程中一直具有武器的性质，而这也是权杖所缺失的特征。其次棍棒头应是骨朵的起源，由新石器时代的对穿孔石球一类的器物开始发展，到殷商时期演变为“笄”一类的器物，作为武器一直延续至宋，并出现了分支，出现了用于仪仗的骨朵。在现今的考古发掘中我们可以看到骨朵大多出土于辽金等少数民族政权统治时期的墓葬以及壁画中，

³ 陈永志：《骨朵形制及相关诸问题》[J].内蒙古：内蒙古文物考古 1992年Z1期

所以我推测在骨朵的发展过程中少数民族起到了巨大的作用。

五、关于国其他地区出土的权杖

(一) 良渚文化象牙权杖

象牙权杖长约一米，有镞和主体两部分组成，主体成片状，用整根象牙磨制而成，上大下小，顶端平直，下端突出的榫状结构可以插入椭圆形镞部，表面雕刻有精美繁缛的细纹刻饰。镞部同样布满纹饰，纹饰多以鸟纹及兽面纹为主。出土于福泉山遗址，出土于一贵族墓葬中属于良渚文化时期，距今4500年左右。线学者认为属于特殊材质的礼器。⁴

与火烧沟出土的四羊权杖首我们能看出很大的区别，第一在时间上要早于火烧沟文化。第二质地是由象牙制成而非青铜。最后，良渚文化所代表的是，特殊的图2良渚文化神人兽面纹象牙权杖

礼器而四羊权杖首则代表的则是一种权力。对于新月形传播地带来看，长江中下游地区并不属于这一地区，所以我们能看出长江中下游的权杖与西北地区的权杖存在这较大区别，这也很有可能跟自身器物与传播而来的器物存在着本质上的差别。

(二) 云南地区出土的青铜权杖

在云南青铜文化的墓葬中出土的权杖首颇多，例如出土最多的晋宁石寨山古墓群中出土权杖头饰27例，杖首多为牛、鹿、兔、等动物形象，较为特殊的为大罍鱼杖首。根据李昆声先生的论证，云南地区出土的权杖应是权力的象征。在后期战国豪酋的墓葬中以及南诏王的墓葬中都有杖这一类器物的存在。⁵

云南地区的青铜权杖首大多出现在已经进入青铜文明以后，大量出现于战国时代后期，这可能是由于两个原因造成：首先在早期青铜时代之后，中国西北地区先民南下进入到巴蜀甚至更南部的云南地区，将“权杖”这一器物传入，这恰巧也符合新月形传播地带的范围；第二，由于进入青铜时代，青铜的制造技术得到了较大的改善以及推广，所以出现了大量的青铜权杖首。

六、总结

以火烧沟出土的四羊权杖首为例，我们可以看出，火烧沟遗址在青铜容器很少出土的情况下却出土了一件四羊青铜权杖首，并且由于火烧沟羌人游牧的生业模式，以及对于羊图腾的崇拜，可以证明青铜四羊权杖首作为权力的代表；而良渚文化吴家场墓地出土的象牙权杖，只作为随葬礼器，可以看出青铜权杖在早

期青铜文化时象征着权力。在此我们是否还能做此理解：中国早期的权杖形制器物是否不单单的只代表一种或者两种意义，笔本文的视角，笔者认为是否可以将中国早期青铜时代的权杖按照其材料形制等因素区分为“权力型权杖”和“礼器型权杖”，由此来看，我们就能更加的深入了解早期青铜时代权杖的特点。

权杖首是区别于棍棒头的一种器型，并且笔者认为中国西北地区的权杖首是由近东到中亚在到中国西北传播而来，而棍棒头则是中国先民原有的器型；权杖与骨朵也有本质上的区别，这其实与权杖首和棍棒头的区别相似，因为笔者认为骨朵是由棍棒头演变而来的器物，并且在演变的过程中离不开游牧民族对于骨朵的传承和发展；最后，我们仍然不能局限于权杖与权杖首是由近东地区传来的，虽然我国的权力象征并非权杖，但从早于火烧沟遗址的良渚文化象牙权杖出土来看仍然不能否定我国并无此器型，并且可能作为一种特殊礼器的存在，所以对于权杖的研究仍然不能局限于北方地区，而是要着眼于全国范围内对于早期青铜时代的权杖进行全面研究。

参考文献：

1. 李水城：《赤峰及周边地区所见权杖头及潜在意义源》[J]. 赤峰学院学报. 第五届红山文化高峰论坛专辑
2. 杨琳、井中伟：《中国古代权杖头渊源与演变研究》[J]. 考古与文物. 2017年，第3期：66-74.
3. 王璞：《东西方文明的重要见证物》[N]. 甘肃日报，2018年8月23日第012版
4. 陈杰：《象牙权杖背后的良渚文明》[N]. 光明日报，2015年6月15日 第005版
5. 刘学堂：《四坝文化与青铜之路》[J]. 百色学院学报. 2015年，第28卷第一期，21-27
6. 李昆声：《权杖·驯象·图腾柱——云南考古三题》[J]. 云南师范大学学报，1987年第5期：27-29
7. 李水城、水涛：《四坝文化铜器研究》[J]. 文物. 2000年，第3期：36-44
8. 陈永志：《骨朵形制及相关诸问题》[J]. 内蒙古：内蒙古文物考古 1992年Z1期
9. 干志耿、贾伟明、安路：《论权力象征物玉戚与骨朵》. 社会科学战线. 1991年，第3期，中国古代史，148-154
10. 上海博物馆：上海福泉山遗址吴家场墓地2010年发掘简报

⁴ 陈杰：《象牙权杖背后的良渚文明》[N]. 光明日报，2015年6月15日 第005版.

⁵ 李昆声：《权杖·驯象·图腾柱——云南考古三题》[J]. 云南师范大学学报，1987年第5期：27-29.

Скипетр и его навершие

Юй Лян

В статье обсуждается вопрос о происхождении китайского скипетра, а также взаимосвязь между значением скипетра и его навершием, концом и другими частями на примере бронзового скипетра Шоуган, обнаруженного на памятнике Хошаогоу культуры Сыба в Юйме. Рассматривается разница между этим скипетром и скипетрами, раскопанными в других областях, а также отношения между скипетром и его обладателем.

Ключевые слова: памятник Хошаогоу навершие скипетра

Scepter and Its Head

Yu Liang

The article discusses the history of the Chinese scepter and the relationship between the scepter and a stick, Scorpion and other objects on the example of the Shougang bronze scepter unearthed from the Huozhuogou site in Yumen. The difference between this scepter and scepters excavated in other areas, as well as the relationship between the scepter and its owner is considered.

Keywords: Huozhuo site, scepter head

Юй Лян

Второй курс
Археологический факультет
Хэйлунцзянский университет
e-mail: 2074633481@qq.com

Yu Liang

Sophomore student
Department of archaeology
Heilongjiang University
e-mail: 2074633481@qq.com

УДК 902

Исследование останков животных культуры нижнего слоя Сяцзянь

Юй Сяосяо

夏家店下层文化动物遗存研究

余肖肖

黑龙江大学考古学系
中国 哈尔滨

摘要

夏家店下层文化是中国北方农牧交错地带一支重要的早期青铜文化，绝对年代为距今4000-3300年。本文以夏家店下层文化遗址中出土的动物遗存为切入点，从动物骨骼遗存种属分析可知夏家店下层文化人群的肉食来源主要为家养动物，且其生业方式以农业为主，家畜饲养业为辅；再加工产生的骨制品显示该文化人群已经存在特定的操作链；大甸子墓地的殉牲现象是该文化中相当独特的一个埋葬习俗。

关键字：夏家店下层文化、青铜时代、动物遗存、殉牲现象、骨制品

夏家店下层文化以内蒙古赤峰市夏家店遗址下层遗存的发掘而得名，其年代相当于中原地区的夏至早商时期（距今4000-3300年）

。其分布于以内蒙古赤峰市和辽宁朝阳市为中心，北起西拉木伦河，南抵燕山山脉，西起七老图山，东至医巫闾山的广阔范围内¹。

该文化遗址众多，以居住遗址为主，石城址、墓地材料相对较少。前人的研究多集中在文化分期与分区、物质表现和社会形态等方面，缺乏对动物遗存的综合性研究。笔者收集了夏家店下层文化22个重要遗址的相关资料，对这些遗址出土的动物遗存进行初步的研究分析。从收集的材料来看，动物骨骼种属包括猪、狗、牛、羊、鹿、兔、鸡等；骨制品种类有锥、镞、针、刀、卜骨等；殉牲现象较为罕见，仅在大甸子墓地、代海墓地、界力花遗址中有发现。

一、夏家店下层文化出土动物遗存概况

夏家店下层文化遗址多分布于山岗、缓坡或河流沿岸的平地。古代环境研究表明²，

在这一阶段燕山以北西拉木伦河以南广大区域由湿润性气候向温和偏干气候发展，夏家店下层文化表现出来的人地关系由协调转变为不协调。以努鲁尔虎山为界，以赤峰地区为中心的西部区域遗址群所见动物遗存较东部区域更为丰富，对资源的占有和把控一定程度上反映了西部区域是夏家店下层文化核心地区。

夏家店下层文化遗址出土的动物遗存包括动物骨骼与再加工生产的骨制品。值得注意的是，有的遗址发现了骨制品，但却不见动物骨骼遗存，推测导致这一现象的原因，一是人群的生存和生产并不十分依赖狩猎活动——考古发现如储存粮食的窖穴、大量农具都表明夏家店下层文化人群已经从事农业生产，甚至农作物产量已经达到可观的规模；二是肢解猎物的行为并非完全发生在居住址内，很可能是在捕获猎物后随即肢解带走所需，以此减轻回程负担，这也表现出该人群拥有比较成熟的捕食经验。另外，殉牲现象在夏家店下层文化遗址中出现频率不高，大甸子墓地发现的殉牲现象在夏家店下层遗址中最具代表性，使用殉牲率达到29.5%，殉牲种类多为猪、狗、鸡三种。

为了更好地观察夏家店下层文化中动物遗存的种属情况，进一步分析下夏家店下层文化的人群生业活动和人地关系，我们对各遗址发现的动物遗存进行统计分析。

二、动物骨骼遗存分析

通过对各遗址动物骨骼种属情况的分析（表1），我们可以获得以下几点信息。首先，石城址作为夏家店下层文化中较为特殊且具代表性的一类遗址，几乎不见或少见动物骨骼遗存，说明使用动物资源这一日常活动并非在石城址中进行，该类遗址与人群的日常生活是分离的，且具有较为特殊的意义，其作用极有可能是该人群面临天灾人祸时临时的庇护场所；其次，夏家店下层主要饲养动物为猪、牛、羊、狗。其中猪是该人群的主要肉食资源，在动物遗存中占较大比例，可推测当时的人地关系：夏家店下层文化人群在产粮富余的情况下，进行有目的的家畜饲养活动，家畜饲养的规模越大，对农作业产量的要求就越高，农

表1 夏家店下层文化动物骨骼种属情况

动物遗存种属	猪	牛	羊	狗	鸡	兔	鹿	马	蚌	其他	数量较少、种属不明
红山石城址											
土城子遗址											
蜘蛛山遗址	★	★	★	√		√					
大山前遗址	√	√	√	√					√		√
水泉遗址	√	√	√	√			√			其他啮齿类动物	
东山嘴遗址	√	√	√	√							
药王庙遗址	√		√	√			√		√		
夏家店遗址		√	√	√			√		√		
南山根遗址	√	√	√	√			√				
大甸子遗址	√	√		√		√					
三座店石城址											√
二道井子遗址											√
上机房营子遗址	√	√	√	√	√	√	√	√	√	马鹿、斑鹿、狐、家鼠、东北鼯鼠、大林姬鼠、鼯鼠	
乃林皋遗址	★	√	√	√	√	√	√	√	√	鼯鼠、姬鼠、黄鼠、马鹿、梅花鹿、狍子、蝙蝠、刺猬	
西梁石城址											
康家屯石城址											
北票丰下遗址	★	√	√						√		
平顶山石城址											
代海遗址	√			√					√		
界力花遗址	√				√						
康家湾遗址									√		
小榆树林子遗址											

注1：★为遗址中出现频率较高

业经济要进一步发展，就需要占据和改造野生动物赖以生存的自然环境，在一定程度上导致了野生动物数量的减少。另外，夏家店下层文化遗址中也发现了其他野生动物遗存，表明他们同时进行着一些狩猎活动和渔猎活动，可以推断夏家店下层文化人群的生业方式主要为农业，畜牧业次之，又辅之以狩猎和渔猎活动。

三、出土骨制品分析显示人群已经形成操作链

在遗址中发现的动物骨骼遗存，准确来说是古代人类的生活垃圾。骨制品这一类人工制品则是古代人类对原本应该废弃的资源进行了再加工，赋予其新的用途，这一行为很直观地反映了古代人类对动物资源的强化开发。夏家店下层文化遗址中出土的骨制品（表2），无论从种类还是数量上来看，该文化人群已经形成一定的操作链，以满足当时日常生活与生产活动的需要。在此之前，已经有学者对乃林皋遗址中出土的骨制品加工痕迹进行研究分析³，发现当地古代居民已有专人对动物进行肢解，还会在工具及装饰品制作中成熟地运用锯、劈、磨、钻孔等加工技术。骨制品中最常见的有几类：针、锥、镞、卜骨、匕（刀）。

表2 夏家店下层文化动物遗存人工制品分类情况

动物遗存人工制品情况	针	锥	镞	卜骨	匕	管	珠	管	笄	骨饰	蚌饰	其他
红山石城址												
土城子遗址	√	√	√	√		√						
蜘蛛山遗址		√	√	√	√				√			
大山前遗址				√								
东山嘴遗址			√									
药王庙遗址	√	√	√	√	√		√	√				穿孔器、牌
夏家店遗址	√	√		√				√			√	
南山根遗址		√	√	√	√	√						骨料
大甸子遗址	√	√	√		√			√	√			骨牌饰
三座店石城址		√		√		√						
二道井子遗址	√		√	√	√			√				勺、铲、刻画骨器
上机房营子遗址	√	√			√				√		√	雷、牌饰、骨饰、角锥、牙饰
乃林皋遗址				√								骨料、羊距骨
西梁石城址												
康家屯石城址	√	√	√	√		√						挂饰
北票丰下遗址							√		√		√	羊距骨
平顶山石城址		√										
代海遗址		√									√	
界力花遗址		√										骨刀
康家湾遗址	√	√	√		√							装饰品、角锥、蚌耳环、蚌刀
小榆树林子遗址	√		√	√					√			

针与锥适用于日常生活中的手工行为，镞与匕多用于狩猎生产活动。卜骨是在多数遗址中均有发现的一类特殊遗存，多与祭祀活动有关，反映了当时人群渴望与超自然力量交流的精神世界。其他几类（簪、珠、管、笄等），多为饰品或玩具，可以看出当时人群丰富多彩的艺术审美行为。从物质到精神，骨制品的使用覆盖了夏家店下层文化人群生活的方方面面（图1）。

四、殉牲现象分析

夏家店下层文化墓葬中的殉牲现象集中在大甸子墓地、代海墓地和界力花遗址中，其中大甸子墓地最具代表性。大甸子遗址位于内蒙古赤峰市敖汉旗东南部，距离辽宁北票县约55公里。大甸子墓地靠近遗址的东北侧，位于地表最高处的北端。墓地的西、西南与遗址夯土墙外的壕沟相邻，东北方地下有一道砂石岗。

该墓地共发现804座墓葬，其中有殉牲的墓葬237座，占墓葬总数的29.5%。殉牲墓中共发现殉牲392个个体，种类多为猪、狗和鸡三种。其中猪骨307个、狗骨78个、鸡骨6个，分别占78.3%、19.9%，和1.5%（图2），此外还有不明种属的骨骼1个。殉牲动物的部位多见割掉四蹄的猪和狗，还有单独随葬猪趾骨的现象，另有一部分墓葬随葬狗头或鸡骨。鸡是家禽中最重要的一类动物，它与猪、狗的发现不

仅仅是丧葬习俗的特点，在一定程度上也是该墓地人群定居性生活方式的体现。

殉牲在摆放位置上有三种情况。第一、放于填土中，共有91座，占殉牲墓的38.4%。这种情况多随葬整只猪，个别随葬狗头或整只狗骨。第二、放置于壁龛中，共有81座，占殉牲墓的34.2%。壁龛内共发现145个猪的趾骨，3个为割掉四个蹄子的猪骨架，个别墓葬的壁龛中还放置有鸡骨。第三、壁龛和填土中皆有放置，共有65座，占殉牲墓的27.4%。

从殉牲的组合看，使用割掉四个蹄子的整只猪的情况最多，共81座墓；使用一整只猪和一整只狗的墓葬30座；只使用一整只狗的墓葬23座，使用两整只猪的墓葬11座，使用两整只狗的墓葬7座，使用三整只猪的墓葬5座。

发掘者依据墓葬的形制和大小将该墓地的墓葬分为三个等级：其中一等墓143座，有殉牲者99座，占69.2%；二等墓434座，有殉牲者130座，占30.0%；三等墓175座，有殉牲者仅8座，占4.6%（图3）。墓葬等级越高，殉牲率就越高；反之亦然，墓葬等级越低，殉牲率就越低。可见，殉牲这种丧葬习俗在高等级人群中广泛流行，中间等级人群中也有一定数量的成员使用，而低等级人群中则很少使用殉牲。殉牲在表示墓主人身份地位的意义还是很明显的。

殉牲墓的墓主人可鉴定性别的205位，其中男性有126例，占殉牲墓总数的53.2%，占可鉴定男性墓的42.4%；女性有79例，占殉牲墓总数的33.3%，占可鉴定女性墓的27.6%；其余为性别不明者。可见，无论在殉牲墓的绝对数量上，还是在所属性别中的比例，男性成员在使用殉牲上要比女性更加活跃。

从随葬品的数量看，绝大多数的殉牲墓中都或多或少的随葬有其他器物，有的多达十几件，包括陶制的高、罐、鼎、鬲、爵，玉制的斧、钺，以及松石制成的珠子等装饰。还有一些少量的墓葬除了殉牲之外别无他物。说明殉牲在表示墓主人占有财富情况时，并没有表示身份地位那么明显。此外，该墓地中玉制斧、钺仅随葬于男性墓中，而陶制或石制的纺轮，仅见于女性墓中，而殉牲与以上两类随葬品是

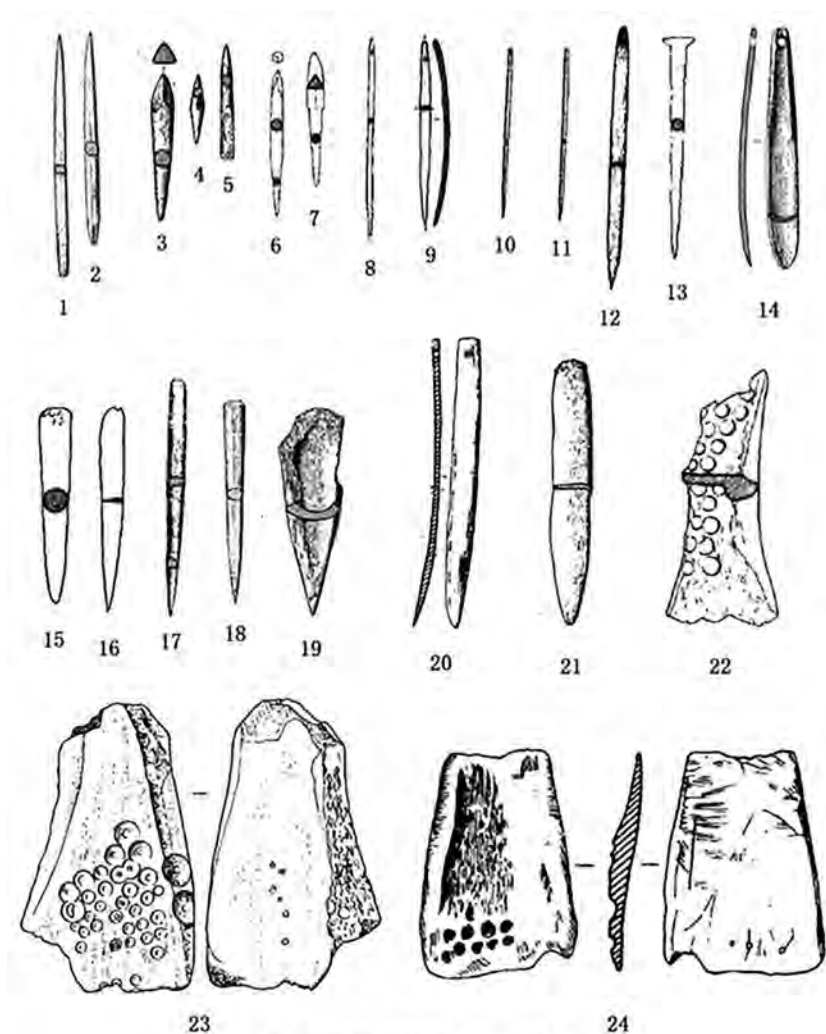

图 1 夏家店下层文化遗址中出土的骨器

1-7、骨簇 8-11、骨针 12-13、骨笄 14、骨匙 15-19、骨锥 20-21、骨匕
 22-14、卜骨（南山根遗址：1、2、18 小榆树林子遗址：10-12、17
 大甸子遗址：6-8、13、15、16、22 北票丰下遗址：9 夏家店遗址：14
 蜘蛛山遗址：3-5、19、21 河东遗址：20 大山前遗址：23 康家屯遗址：24）

共出的，可见殉牲行为与劳动中性别分工的关系不是绝对的。

在发现殉牲现象的夏家店下层文化遗址中，大甸子墓地最具代表性，并且该遗址与其它夏家店下层文化遗址还有很多方面的不同。大甸子遗址的房址在分布上远没有其它遗址密集，也不见夏家店下层文化最有特色的石墙，可见其定居的程度与其它遗址相比是较弱的。而且，大甸子遗址中仅发现5件石铲，墓地中更是不见石铲。因此大甸子遗址和墓地的经济形态与其他夏家店下层文化遗址发达的农业经济有着较大的差别。相关研究表明⁴，大甸子遗址的家猪饲养相当发达，主要表现为猪肉在当时人们的肉食消费中占有很大比重（至少在50%以上），同时饲养技术已相当成熟，大部分家猪被屠宰于其产肉量的峰值期，并对公猪进行了明显的人为控制（很可能进行了阉割）。大甸子遗址的居住址和地层中发现的殉牲骨

骼非常少，报告中也未见详细介绍。墓地中殉牲种类主要是猪、狗、鸡三种动物，其中畜养猪和鸡的过程中需要用到粮食作为饲料，人们获得粮食的途径可能是与周边夏家店下层文化遗址的居民进行交换，或者通过较强势的社会管理体系进行分配。值得一提的是，在水泉遗址中发现了较多的家畜猪、狗、牛和羊等，还有一些鹿和啮齿类其他野生动物⁵。水泉遗址人群虽然还从事家畜饲养业和狩猎活动，但是未见有在墓中随葬殉牲的现象。大山前遗址出土了2145块可鉴定动物骨骼，有猪、牛、羊和狗，分别占48%、24.3%、15.3%和10.9%，但未见殉牲⁶。总之，推测当时的农业和畜牧业很可能在不同的村落或地域上已经出现了比较明确的分工，可能存在强有力的管理阶层协调各村落之间的资源配置。

大甸子墓地将割掉四个蹄子的猪和狗摆放在填土中，将猪趾置于壁龛内的殉牲方式，在夏家店下层文化中属于特殊的文化现象，与周边同文化的遗址和墓葬相比，也算是特

例。殉牲墓所占的比例将近三成，殉牲在表现社会地位和物质财富上，已经开始显现其特殊的祭祀行为，但是还没有形成一个稳定的系统。因此这种殉牲行为无论从目的还是意义上看，都属于完整程度较低的行为。大甸子墓地的殉牲是否代表特殊的族群或特别的职业，还有待进一步研究。

夏家店下层文化的殉牲习俗并不普遍存在各个遗址中，除大甸子墓地中有发现大规模的殉牲现象外，另还有代海墓地和界力花遗址。代海墓葬62座墓中仅8座存在殉牲现象，种类有猪和狗⁷；界力花遗址中6座墓葬仅M5、M6出土有殉牲，种类有猪和鸡⁸。大甸子墓地不仅在有无殉牲上不同于其他遗址和墓地，而且在聚落布局、房址结构、出土农业生产工具的种类和数量以及其他遗物等方面均表现出独特的一面。基于其各方面所表现出来的特点，称之为大甸子类型大体不差⁹。

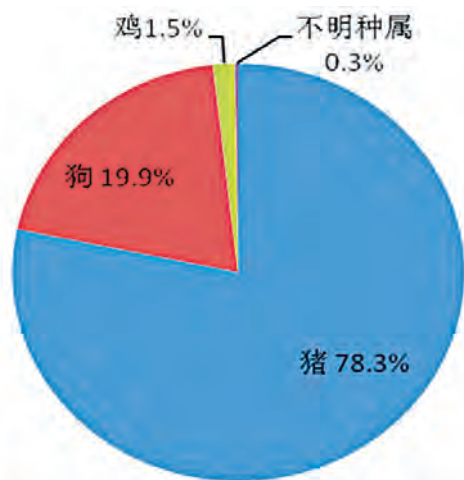

图 2 大甸子墓地殉牲动物比例

五、结语

通过对夏家店下层文化多个重要遗址出土的动物遗存进行分析，我们可以得出以下几点认识：

1、夏家店下层文化石城址、居住址、墓葬三类遗址中，石城址几乎不见或少见动物骨骼遗存，说明这类遗址与人群的日常生活在分离的，结合石城址的地理位置，多位于险峻的山岗，很可能是躲避天灾人祸短期的庇护所。居住址中的动物骨骼遗存较为常见，显然是日常营居活动的场所，部分居住址见骨制品不见动物骨骼，极有可能是人群的屠宰行为有意识的选择在居住址范围之外进行。墓葬中的动物遗存或称为殉牲，仅大甸子墓地出现普遍性的习俗行为，这显然是夏家店下层文化中比较特殊的一个现象，表现出了初步的财富私有化。

2、夏家店下层文化人群经济方式是以农业为主，家畜饲养业为辅，并从事一定的狩猎和渔猎活动。在肉食资源选择中，人群对家养动物的依赖性远远超过野生动物，其肉食资源主

要为猪、牛、羊、狗。大甸子墓地、代海墓地和界力花墓葬中的殉牲习俗显示夏家店下层文化中部分遗址的家畜饲养已经出现除满足人群日常饮食之外有所富余的现象。

3、夏家店下层文化分布范围广泛，且遗址众多。大甸子遗址家畜饲养业发达，却几乎不见农业生产工具，很可能是与周边其他村落存在物质交换行为，说明不同地点的人群营生方式有一定的差异性，甚至不同村落间可能存在强有力的管理阶层协调各村落之间的资源配置。

总之，夏家店下层文化受其特殊的地理位置和气候环境影响，表现出典型的农业为主兼营狩猎的经济形态。在这一阶段，家畜饲养活动表现出明显的定居性质，这类畜牧方式对农作业产量的要求更高，依赖性更大，与游动性较强的放牧活动存在本质上的区别，很可能是游牧经济的前身。

参考文献

- 1 乌恩岳斯图：《北方草原考古学文化研究——青铜时代至早期铁器时代》，科学出版社，2007年，1-39页。
- 2 汤卓炜. 中国东北地区西南部旧石器时代至青铜时代人地关系发展阶段的量化研究[D]. 吉林大学, 2004. 116-125.
- 3 王雅艺, 陈全家, 包曙光, 王乐文. 内蒙古乃林皋遗址2015年出土动物遗存研究[J]. 草原文物, 2017(01):115-124.
- 4 罗运兵. 大甸子遗址中猪的饲养与仪式使用[J]. 边疆考古研究, 2009(00):288-300.
- 5 张镇洪：《建平县水泉夏家店下层文化遗址兽骨研究》，《考古与文物》1989年第1期，57-63页。
- 6 转引自林沅：《中国北方长城地带游牧文化的形成过程》，《林沅学术文集》（二），科学出版社，2008年，39-76页。

7 徐韶钢, 高振海, 赵少军. 辽宁阜新县代海遗址发掘简报[J]. 考古, 2012(11):7-22+1+97-102.

8 司伟伟, 徐政, 张桂霞. 辽宁阜新县界力花青铜时代遗址发掘简报[J]. 考古, 2014(06):3-18+2.

9 包曙光. 中国北方地区夏至战国时期的殉牲研究[D]. 吉林大学, 2014.

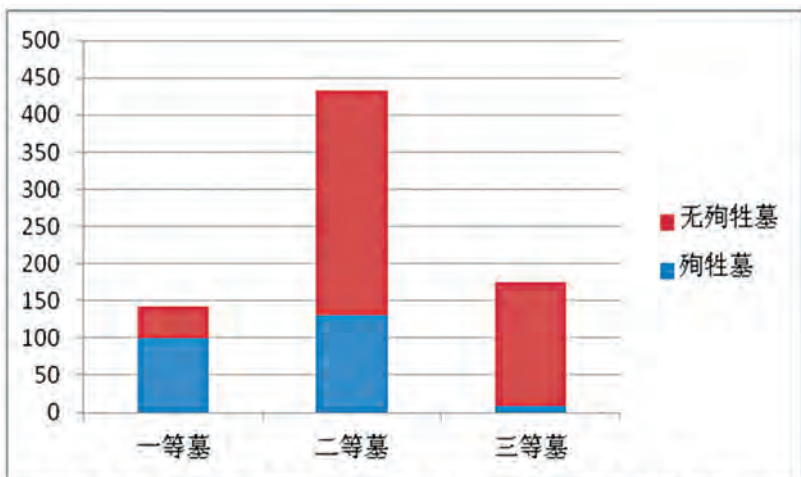

图 3 大甸子墓地各等级墓葬中有、无殉牲墓的数量和比例

Исследование останков животных культуры нижнего слоя Сяцзядянь

Юй Сяосяо

Культура нижнего слоя Сяцзядянь (4000–3300 лет назад) является важной культурой эпохи ранней бронзы на севере Китая. В данной статье на основе анализа останков животных, обнаруженных в местах обитания представителей культуры нижнего слоя Сяцзядянь, показано, что источником мяса у них были главным образом домашние животные, а хозяйство было основано на земледелии, дополняемом животноводством. Костные продукты, полученные в процессе переработки, свидетельствуют, что уже сложилась определенная цепочка рабочих операций. Священнодействия на кладбище Дадянци являлись совершенно уникальным местным обычаем погребения.

Ключевые слова: культура нижнего слоя Сяцзядянь, бронзовый век, останки животных, священный ритуал, костные продукты

Study of the Animal Remains of the Lower Xiajiadian Culture

Yu Xiaoxiao

The Lower Xiajiadian Culture (B.P.4000-3300) is an important early bronze culture in northern China. This paper takes the animal remains unearthed from the lower cultural relics of Xiajiadian as the entry point. From the analysis of animal skeleton species, it can be known that their source of meat was mainly domestic animals, and the economy was based on agriculture, supplemented by livestock. The bone products produced by reprocessing show that the group already has a specific chain of operations; the sacred phenomenon of the Dadianzi cemetery is a quite unique burial custom in these sites.

Keywords: the Lower Xiajiadian Culture, The Bronze age, animal remains, sacred phenomenon, bone products

Юй Сяосяо

Магистр второго курса
Археологический факультет
Хэйлунцзянский университет
e-mail: 13620404670@163.com

Yu XiaoXiao

2nd year bachelor
Department of Archaeology
Heilongjiang University
e-mail: 13620404670@163.com

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Секция «ПАЛЕОЛИТ — МЕЗОЛИТ»

УДК 902

Новые данные о местонахождении Павлова I. Технологический контекст каменного производства

А. А. Уланов, А. В. Тетенькин

Лаборатория археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИрНИТУ, Иркутск

Местонахождение Павлова I расположено на правом берегу р. Витим, в 18 км ниже по течению от г. Бодайбо, на 9-метровой первой надпойменной террасе. Памятник открыт А.В. Тетенькиным в 2012 г. В результате визуального осмотра в борту оврага был выявлен подъемный материал – две пластины из аргиллита и кремня. В 2017 г. заложен разведочный шурф, на глубине 0,22 м от дневной поверхности в слое светло-желтого среднезернистого аллювиального песка обнаружены нуклеидно оббитый предмет и два фрагмента сколов из аргиллита. В 2018 г. Витимским отрядом имени В.М. Ветрова Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИрНИТУ в ходе уточнения границ памятника материал был обнаружен в шурфе 1×2 м и траншее 1×3 м. Культурные остатки зафиксированы в двух уровнях – 1 культурный горизонт в подпочвенной коричнево-желтой супеси на глубине 0,16-0,30 см и 2 культурный горизонт в зеленовато-светло-бурой супеси в подошве субэриальной пачки отложений на глубине 0,40-0,43 от дневной поверхности. Артефакты представлены призматическими пластинами и микропластинами из кремня, кремнецветных пород, фронтальными сколами с призматическими нуклеусов, отщепами и чешуйками. По углю из кострища второго уровня получена AMS дата 9630±50 л.н. (Poz-106864). По углю из подстилающей линзы в кровле аллювиальной пачки – дата 10220±50 л.н. (Poz-106966). По облику каменных артефактов и сырью изготовления материалы 1 и 2 уровней относятся к ансамблям типа Большой Северной сумнагинской культуры. С 1960-х годов по настоящее время подходы к изучению археологических памят-

ников периода раннего голоцена на Нижнем Витиме значительно изменялись. Сумнагинская культура (10500/9500 – 6200±100) распространена в Юго-восточной Якутии, на Таймыре, Анабаре, Вилюе, Яне, Индигирке, Колыме, Чукотке и Приохотье [Археологические памятники..., 1983]. На Нижнем Витиме она представлена стоянкой Большая Северная, открытой С.А. Федосеевой.

Сумнагинская культура входит в якутскую схему периодизации, в которой ей предшествует дюктайская культура (23000/22000–10500/9500). Позднее был сделан вывод о невалидности якутской периодизационной схемы для Нижнего Витима [Инешин, Тетенькин, 2006]. На основе локальной специфики и радиоуглеродной хронологии А.В. Тетенькиным выделены три группы ансамблей типа Авдеихи, Большого Якоря и Большой Северной, в раннем голоцене синхронные. К последнему типу отнесены местонахождения: Инвалидный III – пункты 2 и 3, Коврижка I – 2 к.г., Коврижка III – к.г. 1А, Коврижка V – к.г. 1 [Тетенькин, 2018].

Первый уровень представлен находками 174 артефактов: 70 фрагментов микропластин из кремня, 21 кремневой отщеп, 59 кремневых чешуек, 2 фронтальных скола с нуклеусов, 1 реберчатый, 16 отщепов из крупнозернистой породы, 5 пластин.

Во втором культурном горизонте обнаружены 62 находки: 1 реберчатый скол, 2 фронтальных скола с ретушью, 2 целых и 30 фрагментов микропластин, 3 кремневых отщепа и 9 кремневых чешуек, 15 отщепов крупнозернистой породы.

Дистальные фрагменты микропластин в 1-м горизонте траншеи составляют 5 ед.,

проксимальные 9, таким образом, большая часть микропластин представлена медиальными фрагментами, один из которых имеет следы амортизационной ретуши. Более ярко ситуация представлена во 2-м горизонте, где только 8 фрагментов от общего числа относятся к дистальным и проксимальным, а амортизационная ретушь имеется на 14 медиальных фрагментах. Сходна ситуация и в материалах шурфа, где дистальные фрагменты составляют 5 ед. от общего числа, проксимальные – 6 ед., а амортизационная ретушь имеется на 9 медиальных фрагментах.

Фронтальные сколы, представленные в обоих горизонтах, имеют характер снятий с призматического нуклеуса. Первый скол из 1-го горизонта имеет негативы семи микропластинчатых снятий, одно из которых заходит на латераль; отмечены 5 ступенчатых заломов неудачных снятий, по всей видимости, ставших причиной снятия фронтального скола (рис. 1, 8). Второй скол имеет негативы 5 снятий, 2 заходят на латераль. Причиной снятия фронтального скола явилась невозможность полного скалывания первичного бифасиального ребра, о чем свидетельствуют не снятый остаток ребра и залом сопряжения фронт – ударная площадка напротив ребра. Относительно этого экземпляра невозможно однозначно утверждать о его снятии с призматического или клиновидного нуклеуса (рис. 1, 6). Особый интерес представляют фронтальные сколы 2-го горизонта. Их отличительной чертой является унифасиальная ретушь левого маргинала (рис. 1, 4,5).

Микропластины характеризуются регулярностью, малозаметной ударной волной на вентральной поверхности; дистальные фрагменты преимущественно перьевидные. В совокупности это указывает на отжимное скалывание [Павленок, Павленок, 2014]. Для анализа техники скола также были использованы такие критерии как морфология ударного бугорка, форма губки, наличие изъяснца, форма конуса, регулярность снятий [Damlien, 2015]. В итоге установлен отжим как техника скола на всех диагностируемых микропластинах (57,9% от общего числа микропластин).

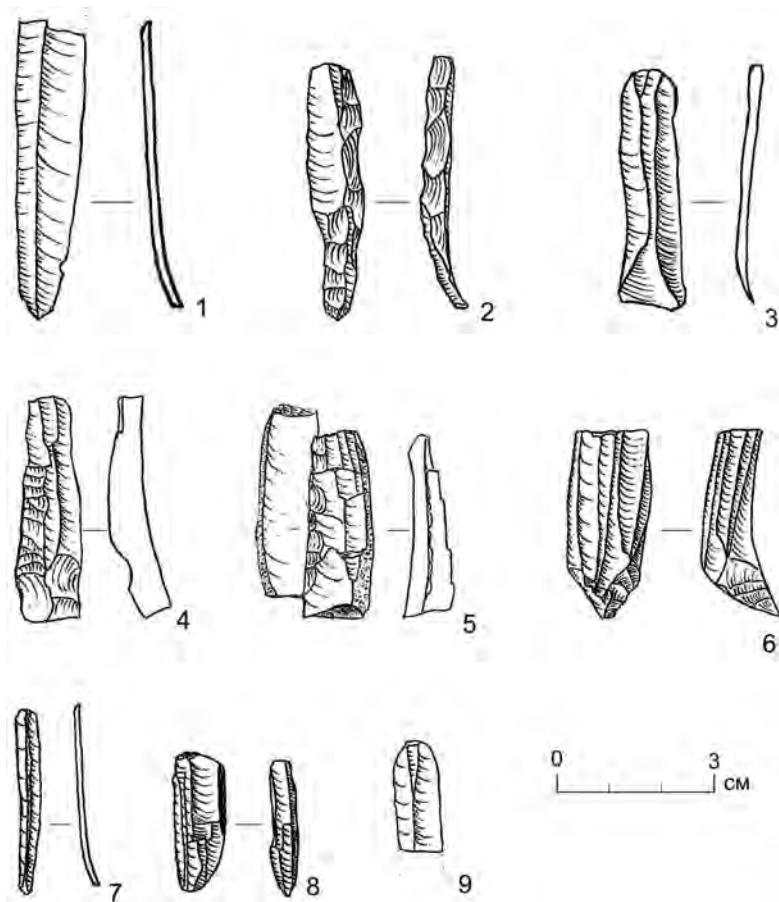

Рис. 1. 1, 3 – пластинки; 2 – реберчатый скол; 4–5 – фронтальный скол с ретушью; 6, 8 – фронтальный скол; 7, 9 – микропластины

Микропластины в проксимальной зоне имеют компактный ударный бугорок с вентральным карнизом, изъяснец отсутствует, ударная площадка прямая, мелкая.

Коллекция содержит группу фрагментов пластинок, с шириной от 12,4 до 14,6 мм (рис. 1, 1, 3). В наиболее распространенных определениях термина «микропластина» фигурируют предельные размеры в рамках 12 мм шириной. Кроме того, в части определений фигурируют техники отжима или посредника для получения микропластин [Gómez, 2018]. Анализ техники скола этой группы пластинок показал применение техники среднего твердого отбойника (medium hard), та же техника скола установлена для реберчатых и фронтальных сколов с нуклеусов.

Таким образом, можно сделать ряд выводов относительно технологии производства пластин, микропластин, пластинчатых сколов и их использования. На первом этапе с применением среднего твердого отбойника скалывается реберчатый скол, начинается скалывание пластин. По мере истощения нуклеуса для скалывания микропластин применялся отжим. После накопления ступенчатых заломов

мов на фронте микронуклеуса, затрудняющих дальнейшее расщепление, снимался фронтальный скол. В двух случаях эти сколы модифицировались. Снятые пластины и микропластины фрагментировались, использовались медиальные сегменты.

Стоянка Павлова I как новое археологическое местонахождение эпохи раннего голоцена имеет положительную перспективу для развития технико-типологических, трасологического, планиграфического сюжетов археологии Нижнего Витима.

*Научный руководитель – А.В. Тетенькин
канд. ист. наук, доцент
старший научный сотрудник
Лаборатория археологии, палеоэкологии
и систем жизнедеятельности
народов Северной Азии ИрНИТУ*

Список литературы

Археологические памятники Якутии. Бассейны Алдана и Олёкмы / Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Алексеев А.Н., Козлов В.И., Кочмар Н.Н., Щербакова Н.М. – Новосибирск: Наука: Сиб. отделение, 1983. – 392 с.

Павленок Г. Д., Павленок К. К. Техника отжима в каменном веке: обзор англо- и русскоязычной литературы // Вестник Новосибирского Государственного Университета. серия: История, филология. – 2014. – №5. – С. 26–36.

Инешин Е. М., Тетенькин А. В. Каменный и костяной инвентарь культурных горизонтов археологического местонахождения Большой Якорь I: сюжеты морфологической и функциональной характеристики // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск, 2006. Вып. 4. – С. 120–158

Тетенькин А. В. Археология позднего верхнего палеолита и мезолита Нижнего Витима и Байкало-Патомского нагорья // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. – 2018. – №2. – С. 182–186

Danniel Hege. Striking a difference? The effect of knapping techniques on blade attributes // Journal of Archaeological Science (63). Elsevier, 2015. P. 122–135

Gómez Coutouly Yan Axel. The emergence of pressure knapping microblade technology in Northeast Asia // Radiocarbon, 2018. P. 1–35

New Information about Pavlova I Site. Technological Context of Lithic Production

A. A. Ulanov, A. V. Tetenkin

Pavlova I site located at the right bank of Vitim river. It previously dating back around 95000-6000 B.P. The focus of this paper on small blades and microblades production cycle. Technological chain including using medium hard hammer and pressure blade making. Result of this work is evidence of transition of cores to microcores quality.

Keywords: Lower Vitim; Knapping technology; Pavlova site; Holocene

Уланов Александр Андреевич

лаборант-исследователь
Лаборатория археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИрНИТУ
e-mail: ulanov.alexandr1998@gmail.com

Тетенькин Алексей Владимирович

к.и.н. доцент, старший научный сотрудник
Лаборатория археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИрНИТУ

Ulanov Alexander Andreevich

research assistant
Laboratory of Archaeology, Paleoeology and Vital Systems of Nord Asia folks INTU
e-mail: ulanov.alexandr1998@gmail.com

Tetenkin Aleksei Vladimirovich

PhD, associate professor
Laboratory of Archaeology, Paleoeology and Vital Systems of Nord Asia folks INTU

УДК 903(571.53)»632»

Геoarхеологическое местонахождение Буреть. Новые данные*

С. Ю. Хохлов

Иркутский государственный университет, Иркутск

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 074-02-2018-334 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров».

Позднепалеолитическая стоянка Буреть имеет такую же известность, как и Мальтинская палеолитическая стоянка. Их объединяют в единую мальтинско-буретскую культуру, общность, но судьба их материалов и данных имеет некоторые отличия. В блокадном Ленинграде были утрачены практически все предметы и документация Бурети. Сохранилась небольшая коллекция (200 предметов) [Абрамова, 1989, с. 206].

Стоянка Буреть находилась на правом берегу р. Ангары в левой приустьевой части пади Сухая, или Сухая речка, расположенной в 1,2 км ниже по течению от современной д. Буреть. Она открыта в 1936 г. А. П. Окладниковым и исследовалась им в 1937, 1939, 1940 гг. [Окладников, 1940, 1940а; 1941]. Общая площадь раскопок, помимо 40 шурфов, за все годы исследований составила 368 кв. м. Геологические особенности стоянки по результатам раскопок

А. П. Окладникова изучал Н. В. Тюменцев [1941]. А. П. Окладников вскрыл четыре скопления из плит доломита, костей животных и предметного материала, которые он идентифицировал как остатки жилищ, аналогичных мальтинским [Окладников, 1941].

В наборе артефактов присутствовали женские скульптуры из кости из нефрита-змеевика (?) (5 экз.), заготовка такой скульптуры из камня, подвески (бусины) из змеевика (?) (8), шлифованный диск из нефрита (?), сколы нефрита (?), скульптура птицы из кости, стержень из трубчатой кости.

Каменный инвентарь представлен пирамидальными, коническими, кареноидными нуклеусами; бифасами, ретушированными пластинами, в том числе с шипами и выемками, остриями на пластинах, концевыми скребками, угловыми резцами, скреблами, чопперами [Абрамова, 1989; Медведев, 1983]. По фауне из раскопок 1930-х гг. получена радиоуглеродная дата 21190 ± 100 л. н. (СОАН-1680) [Абрамова, 1989, с. 208], или 25,3-25,8 тыс. кал. л. н. Здесь и далее калибровка радиоуглеродных дат выполнена в программе OxCal 4.3.2, атмосферная кривая IntCal13, вероятность 95,4 % [Bronk Ramsey, 2018].

После 1940 г. раскопки Бурети не проводились. С 1950 гг. проводилось уточнение геолого-стратиграфической ситуации этой стоянки. В 1956, 1960 гг. Буреть осматривал Н. А. Логачев [Логачев и др., 1964]; в 1964 г. – Э. И. Равский, Г. И. Медведев, М. П. Аксенов; последние в 1965, 1966 гг. провели разведочные работы [Медведев, 1983]; в 1965, 1967 гг. стоянку посетил С. М. Цейтлин [1979]. В 1981 г. работы на Бурети продолжили Г. И. Медведев и Г. А. Воробьева. Ими установлено, что стоянка Буреть была расположена на западном крыле мощного конуса выноса [Медведев, 1983]. В 2000, 2001 гг. Г. И. Медведев продолжил геолого-стратиграфические работы на Буретском местонахождении. По кости из разреза 2001 г. получена радиоуглеродная дата 27695 ± 520 л. н. (СОАН-7375), или 30,9-33,0 тыс. кал. л. н. [Слагода и др., 2012].

В 2018 г. для оценки перспективы поиска палеолитических геoarхеологических объектов и возможностей проведения дальнейших комплексных геoarхеологических исследований отложений возобновлено изучение Буретского геoarхеологического полигона. На левом приустьевом участке пади Сухой в месте нахождения стоянки Буреть заложена врезка вдоль борта старого раскопа, проведена площадная георадарная съемка, собрана коллекция подъемного материала.

Наиболее представительной является коллекция артефактов в количестве 160 предметов, собранная в районе расположения раскопок

А. П. Окладникова. Сборы проведены на разных участках от современного техногенного пляжа до водораздельной поверхности – от 2–3 до 50–60 м над современным урезом Братского водохранилища.

В собранной коллекции по сырью и особенностям форм выделяются три хронологические группы артефактов. В составе коллекции, отнесенной к мезолиту – неолиту, имеются характерные средненеолитические плоскофронтальные нуклеусы из аргиллита, призматические нуклеусы из кремня и аргиллита с замкнутым и полужамкнутыми фронтами, пирамидальные преформы нуклеусов (кремь, аргиллит), скребки, нефритовые тесла и сколы, тесло с перехватом.

Второй хронологический комплекс позднепалеолитического облика собран на пляже в траверсе старых раскопов. Большая часть коллекции находилась в едином пятне на поверхности пляжа. В ее составе хорошо идентифицируются 22 предмета. Это кареноидные, терминальные, призматические и дисковидные нуклеусы из кремня и кварцита, их преформы, сколы переоформления фронтов нуклеусов; крупные ретушированные пластины, резцы, орудия с шипами, скребки, в том числе и высокие, скребло, бифас, двухгранный чоппер. Типологически этот комплекс имеет аналогии с материалами из раскопок Бурети.

Еще один, более древний палеолитический комплекс из 9 предметов из кварцита, часть из которых имеет слабую степень корразии поверхности, фиксировался на разных участках. На водораздельной поверхности найден скол переоформления рабочего края площадки крупного плоскофронтального нуклеуса. На поверхности склона выше раскопов А. П. Окладникова обнаружен крупный долечный скол из кварцита со снятиями. Остальные предметы собраны на поверхности толщи кластического материала конуса выноса, подстилающего рыхлые отложения. Это сколы переоформления фронтов нуклеусов, крупные призматические нуклеусы и их преформы.

Во врезке в районе раскопа А. П. Окладникова на глубине 1,70 м в отложениях, расположенных ниже уровня буретского комплекса, найден карбонатизированный скол коричневого кварцита с пластинчатыми снятиями – ортогональный микронуклеус (?).

Еще пять пунктов нахождения палеолитического материала располагались восточнее устья пади Сухой, в том числе и на территории современной д. Буреть. В составе коллекции (7 предметов из кварцита) имеются долечные сколы, в том числе и с подработкой, двухлезвийное продольное скребло на крупном сколе; овальное двухлезвийное скребло на первичном сколе белого кварцита; преформа пирамидаль-

ного бифронтального нуклеуса с наклонной слабокоррадированной площадкой; тесловидное орудие из долечного скола серого кварцита. Материал одного из пунктов найден на пашне 10–12-метровой поверхности, остальные орудия фиксировались на поверхности пляжа.

Рекогносцировочные работы 2018 г. показали, что на территории Буретского местонахождения имелись стояночные комплексы мезолита – неолита; позднепалеолитический буретский комплекс был раскопан не полностью. Отложения в районе Буретской стоянки содержали и содержат и более древние палеолитические материалы. Нахождение палеолитических артефактов на других участках показывают перспективу поиска местонахождений палеолита на довольно обширной территории Буретского полигона.

*Научный руководитель – Н. Е. Бердникова
старший научный сотрудник
НИЦ «Байкальский регион»*

Geoarchaeo Sites the Buret. New Data

S. U. Khokhlov

In 2018 reconnaissance works was carried out in the area of the famous Paleolithic Buret site. As a result was established that the A. P. Okladnikov's excavation of the 30s years was partially kept. Large part of slope alluvial fan where it was located was destroyed by the abrasion of the Bratsk reservoir. There is a collection of archaeological material consist of Neolithic and Paleolithic finds in the area of the modern beach. In the last complexes it is possible to allocate artifacts similar to the Buret site materials with Aurignacian appearance and more ancient with the specific form.

Keywords: Buret, paleolithic, abrasion, safety, perspectives of the research

Хохлов Сергей Юрьевич

студент 2-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: cthutq.99@mail.com

Khokhlov Sergey Yuriievich

2nd year student

Irkutsk State University

e-mail: cthutq.99@mail.com

Список литературы

Bronk Ramsey C. OxCal 4.3 [Электронный ресурс]. – 2018. – URL: <http://c14.arch.ox.ac.uk>. (дата обращения: 20.12.2018).

Абрамова З. А. Палеолит Северной Азии // Палеолит Кавказа и Северной Азии. – Л.: Наука, 1989. – С.145-243. – (Палеолит мира).

Логачев Н. А., Ломоносова Т. К., Климанова В. М. Кайнозойские отложения Иркутского амфитеатра. – М.: Наука, 1964. – 194 с.

Медведев Г. И. Палеолит Южного Приангарья: дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 1983. – 389 с.

Окладников А. П. Буреть – новая палеолитическая «стоянка» на Ангаре // СА. – 1940. – Т. 5. – С. 290–293

Окладников А. П. Новые данные о палеолитическом прошлом Прибайкалья: (К исследованиям в Бурети 1936-1939 гг.) // КСИИМК. – 1940а. – Вып. 5. – С. 59–62

Окладников А. П. Палеолитическая стоянка в Бурети: (По раскопкам 1936-1940 гг.) // КСИИМК. – 1941. – Вып. 10. – С. 16–31

Слагода Е. А., Ощепкова Е. Б., Опокина О. Л., Медведев Г. И. Природная обстановка палеолитического местонахождения Верхняя Буреть в позднечетвертичное время: геологические и палеокриогенные особенности строения обнажения Верхнее // Известия Иркут. гос. ун-та. – 2012. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». – № 1(1). – С. 58–67

Тюменцев Н. В. К вопросу о геологическом возрасте стоянки Буреть // КСИИМК. – 1941. – Вып. 10. – С. 31–40

Секция «НЕОЛИТ — ЭНЕОЛИТ»

УДК 902(571.53)

Голоценовый комплекс геоархеологического местонахождения Буреть (Падь Сухая III) по результатам работ 2018 года*

С. А. Печенин

Иркутский государственный университет, Иркутск

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 074-02-2018-334 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Геоархеологическое местонахождение Буреть было открыто А. П. Окладниковым в 1936 г., в 3 км ниже с. Буреть (правобережная) по правому берегу р. Ангары, в районе пади Сухая [Окладников, 1940]. За период исследования 1936–1940 гг. были выявлены не только верхнепалеолитическая стоянка с жилищами,

позволившая выделить мальтинско-буретскую стадию палеолита в Байкальской Сибири, но и серия погребений от неолита до бронзового века [Окладников, 1974].

Дальнейшие исследования проводились археологами и геологами с 50-х гг. XX столетия и связаны с именами Н. А. Логачева, Э. И. Рав-

ского, З. А. Абрамовой, С. М. Цейтлина, М. П. Аксенова, Г. И. Медведева, А. М. Георгиевского, Н. А. Савельева и др. [Новые данные..., 2002].

На правом мысу пади в 1936 г. были выделены два самостоятельных памятника – Падь Сухая II (могильник) и Падь Сухая III (стоянка). В 1990 г. объект Падь Сухая III был обследован археологическим отрядом Лаборатории палеоэкологии ИГУ (В. М. Ветров, Н. Е. Бердникова). В 2011 г. проводились работы по определению сохранности объекта, координированию его границ, уточнению датировки археологического материала, предварительно отнесенного ко времени неолита – бронзового века.

В 2016 г. в ходе выполнения рекогносцировочных работ на правом приустьевом мысу пади Сухая было трассировано семь шурфов на разных гипсометрических отметках, в трех из которых был зафиксирован археологический материал.

По проекту «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров» в 2018 г. археологическим отрядом Иркутского государственного университета проводились предварительные изыскательские работы геoarхеологического объекта Буреть. На левом мысу пади Сухой, где располагалось палеолитическое местонахождение Буреть, были проведены рекогносцировочные работы, включающие в себя зачистку береговых обнажений, а также выполнена георадарная съемка поверхности в районе стояночного комплекса, раскопанного А. П. Окладниковым в 1936–1940 гг., с целью отработки методики и поиска возможных крупных скоплений археологических материалов.

Также были проведены рекогносцировочные работы на стоянке Падь Сухая III с целью уточнения стратиграфической ситуации залегания археологического материала. Здесь были трассированы два шурфа общей площадью 8 м², давших выразительный набор артефактов голоценового времени.

Археологический материал стратиграфически приурочен к двум пачкам гумусированной супеси. Находки располагались непосредственно под дерном, до 60 см от уровня дневной поверхности. Маркером для выделения первого культуросодержащего горизонта послужило наличие крицы и шлака среди археологического материала. В обоих шурфах отходы металлопроизводства залегают на глубине от 20 до 28 см от уровня дневной поверхности, и лишь один фрагмент крицы в шурфе № 2 – на глубине 58 см (находился в криогенной трещине). Выделенный культуросодержащий горизонт представлен черно-серой гумусированной супесью и относится к субатлантическому (SA) и суббореальному (SB) периоду голоценового времени, что соответствует в современной археологической периодизации времени палеометалла – Средне-

вековья. Второй культуросодержащий горизонт, включенный в темно-бурю гумусированную супесь, можно отнести к атлантическому периоду голоцена (AT) и датировать эпохой неолита.

В шурфе № 1 в первом культуросодержащем горизонте были зафиксированы 32 кремневых скола, фрагмент призматического нуклеуса из серого кремня, 2 крицы, 14 фрагментов фаунистических остатков. Во втором культуросодержащем горизонте археологический материал распределен неравномерно и, если не считать отдельных разрозненных находок, практически полностью привязан к двум скоплениям, фиксированным в подошве второго литологического слоя. Первое скопление овальной формы (8×14 см) находилось в юго-западном секторе шурфа и представлено 175 сколами, одним нуклеусом, девятью фрагментами керамики. К этому же скоплению можно отнести и семь призматических нуклеусов, располагавшихся компактно в непосредственной близости от него.

Подобная ситуация наблюдалась и во втором скоплении (10×12 см), зафиксированном в северо-западном секторе шурфа. Оно содержало фрагмент керамического сосуда с техническими отпечатками шнура, 106 сколов, восемь пластин и два призматических нуклеуса. Вблизи скопления также находились восемь призматических нуклеусов, схожих морфологически. Все нуклеусы демонстрируют призматический принцип расщепления. Единственный нуклеус клиновидной формы, находившийся в юго-восточном секторе шурфа, может быть отнесен к терминально-краевому принципу расщепления.

Также в коллекции этого горизонта фиксированы 14 пластин, микропластин и краевых сколов, один пластинчатый скол с краевой ретушью, 41 скол из кремня и три из халцедона, одна преформа терминального нуклеуса, 24 фрагмента тонкостенной керамики, четыре фрагмента фаунистических остатков.

В шурфе № 2 коллекция археологического материала первого культуросодержащего горизонта содержала четыре кремневых скола, 53 фрагмента толстостенной керамики, из них два венчика с наклепным валиком, четыре фрагмента крицы, 16 фрагментов фаунистических остатков. Во втором культуросодержащем горизонте было зафиксировано четыре кремневых скола, 22 фрагмента тонкостенной керамики и девять фрагментов костей млекопитающих.

Фаунистический состав представлен видами мелких и средних копытных животных и фрагментом кости птицы.

Фиксация отходов железоплавильного производства в археологических выработках 2018 г. позволила сдвинуть верхнюю хронологическую границу местонахождения Падь Сухая III до эпохи раннего железного века – Средневековья.

Компактное залегание нуклеусов и продуктов их расщепления во втором культуросодержащем горизонте, а также присутствие относительно небольшого количества пластин и пластинчатых сколов указывают на возможное обнаружение своеобразной мастерской для производства последних. Дальнейшие работы на этом участке позволят получить новые данные, а также, возможно, скоррелировать погребальный комплекс могильника Падь Сухая II со стояночными материалами местонахождения Падь Сухая III, тем самым объединив их в единый ансамбль.

Научные руководители:
Е. А. Липнина, канд. ист., доцент
Иркутский государственный университет
Д. Н. Лохов, научный сотрудник
НИЦ «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет

Holocene Complex of Geoarcheological Site Buret (Pad Sukhaya III). The Results of Work 2018

S. A. Pechenin

In 2018 field archaeological research was carried out at the site Buret. Excavations were also carried out on the right cape of creek valley Sukhaya. Here is the site Pad Sukhaya 3. Two layers of archaeological material of Holocene Age were recorded in the pits. Layers dates back to the time of the Neolithic – the Middle Ages. The archeological materials are presented by prismatic cores, blades, microblades, retouched flake, fragments of ceramic, fragments of metal production. The archaeological materials have wide analogies in the objects of the valley of the Angara River and the territory of Baikal Siberia.

Keywords: Buret site, Sukhaya Pad 3 site, Angara, Baikal Siberia, Holocene, Neolithic, Bronze Age, Iron Age, archaeological material, stratigraphy.

Печенин Сергей Александрович
бакалавр 3-го курса
Иркутский государственный университет
e-mail: Pechenin.serj@gmail.com

Список литературы

Новые данные о геостратиграфии и культурных отложениях района палеолитического местонахождения Буреть / А. В. Кашевский, А. С. Козырев, Г. И. Медведев, Е. А. Слагода // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. – Омск, 2002. – С. 148–150

Окладников А. П. Палеолитические жилища в Бурети (по раскопкам 1936–1940 гг.) // КСИИМК. – 1941. – Вып. 10. – С. 16

Окладников А. П. Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети). – Новосибирск: Наука, 1974. – 117 с.

Pechenin Sergey Aleksandrovich
3rd year student
Irkutsk State University
e-mail: Pechenin.serj@gmail.com

УДК 903.23(571.53)»634»

Результаты экспериментальной проверки одной из гипотез по конструированию сосудов хайтинского типа*

И. В. Уланов, А. В. Веренская

Иркутский государственный университет, Иркутск

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 074-02-2018-334 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров».

Керамика хайтинского типа наряду с сетчатой является древнейшей на территории Байкало-Енисейской Сибири: наиболее ранние ее проявления фиксируются ~8500–8400 кал. л. н. [Новые..., 2017, с. 224]. Хайтинские сосуды, как правило, имеют закрытую форму с профилировкой верхней части, приостренное, реже округлое дно и прямой срез венчика. Характерной чертой данного типа являются оттиски тонкого витого шнура, которые полностью покрывают внешнюю поверхность сосудов. Орнамент, который может быть локализован как в верхней части сосудов, так и по всей поверхности, включая дно, состоит, как правило, из

прочерченных линий и отступающих наколов. В Северном Приангарье (редко в Южном) также встречаются сосуды, украшенные отдельно поставленными наколами, либо их сочетанием с прочерченными линиями.

Еще одной особенностью хайтинских сосудов являются следы на их внутренней поверхности в виде параллельных желобков и выпуклых рельефных линий, чаще расположенные горизонтально. Также фиксируются следы в виде бугорков, сочетания желобков и бугорков (на североангарских сосудах).

Ранее нами была предложена гипотеза, согласно которой следы на внутренней по-

верхности трактуются как негативы орнамента фрагментов керамики хайтинского типа, использованных в качестве наковаленки при выбивке. На внутренней поверхности донных частей некоторых сосудов отмечены следы использования в качестве шаблона доньев других хайтинских сосудов. Также во внимание приняты распад сосудов на конструктивные элементы, характер трещин в изломах, следы шнура в расслоениях по спаям. Конструирование сосудов, по нашему мнению, осуществлялось способом зонального лоскутного налёпа с устьевой части (ёмкостная программа) и последующим присоединением дна, изготовленного на форме-основе (другом хайтинском сосуде) [Бердников, Уланов, Соколова, 2017, с. 283]. Данная версия была успешно проверена экспериментально. В результате моделирования получены сосуды хайтинского облика, но главным результатом стали следы на внутренней поверхности моделей, аналогичные таковым на оригинальных хайтинских горшках [Уланов, Бердников, Соколова, 2018, с. 68].

В литературе известны еще две гипотезы конструирования хайтинских горшков, основанные на отличной от описанной выше интерпретации происхождения следов внутри сосудов.

Согласно первой версии, сосуд изготавливался на плетеном каркасе, одновременно служившем наковальней при выбивке; таким образом, следы внутри горшка – оттиски этого плетеного каркаса [Игумнова, Савельев, Спиридонова, 2005, с. 26].

В рамках второй гипотезы бугорки на внутренней поверхности интерпретируются как следы грубой ткани, а желобки – следы веревки или тальниковых прутьев. Формовка сосуда производилась на сложносоставном шаблоне, который представлял собой стержень (чурочка или пирамидка из камней), обмазанный глиной и покрытый мокрой тканью или веревками (дополнительно мог укрепляться прутьями). Сформированное ленточным или лоскутным налёпом, тело сосуда выбивалось или прокатывалось инструментом, обмотанным шнуром. После завершения формовки большей части сосуда шаблон разбирался и вынимался, затем из дополнительного конструктивного элемента формировался венчик и сосуд декорировался [Кичигин, 2014, с. 39–41].

Несмотря на положительный результат эксперимента с использованием фрагментов керамики в качестве наковаленки, остальные гипотезы также нуждаются в проверке.

С этой целью нами проведен эксперимент по моделированию сосуда хайтинского типа по версии, предложенной Д. Е. Кичигиным (вторая гипотеза).

Опираясь на описанную исследователем программу и графическую схему, мы изготовили составной шаблон. Деревянная чурочка с заостренным концом была обмазана сырой глиной (рис. 1, 1, 2), после чего конструкция была обмотана мокрой тканью (взята наиболее грубая и примитивная в плетении льняная холстина) (рис. 1, 3). На получившемся шаблоне лоскутным налёпом было сформировано тело сосуда (рис. 1, 4). Затем на него в технике проката деревянным роликом, обмотанным шнуром, был нанесен шнуровой декор (рис. 1, 5). Однако выполнить последующие шаги программы оказалось весьма затруднительным. Извлечь шаблон не получалось даже усилиями четырех человек, поскольку глина слипалась с чурочкой, а мокрая ткань не давала глине высохнуть (рис. 1, 6). Сделать это удалось, лишь частично разрезав сосуд и отделяя ножом стенки сосуда от шаблона. После извлечения формы-основы, разрез был замазан, однако она была настолько тяжелой, что во время извлечения шаблон стал рвать дно сосуда (рис. 1, 7). Эти трещины были также замазаны, после чего отдельным жгутиком был сформирован венчик. Во время сушки дно модели развалилось по трещинам, несмотря на замазку перед сушкой (рис. 1, 8).

Эксперимент показал следующее. На подготовку составного шаблона (основа + глина + ткань) уходит больше времени и сил, чем на конструирование на готовом сосуде и использование наковаленки с колотушкой, хотя формовка на основе достаточно удобна и занимает меньше времени. Минусами конструкции шаблона являются:

1) сырая глина, которая остается влажной все время формовки из-за мокрой ткани, из-за чего конструкция слипается и ее очень трудно извлечь из сосуда;

2) тяжесть стержня в виде деревянной чурки или камней, из-за чего в момент извлечения шаблона, под весом стержня рвется дно сосуда.

Следы на внутренней поверхности: во-первых, в процессе отделения формы-основы от сосуда часть следов стирается, во-вторых, отдельное конструирование венчика из жгутика приводит к отсутствию оттисков в привенчковой части, в то время как встречаются хайтинские сосуды, полностью покрытые изнутри желобками и другими следами. И самое главное, следы от ткани на керамике не имеют ничего общего со следами на оригинальных горшках. Также при изготовлении сосуда данным способом исключается появление в спаях конструктивных элементов оттисков шнура.

Таким образом, эксперимент по моделированию показал, с одной стороны, что слепить сосуд по предложенной версии весьма проблематично, а с другой – что при изготовлении та-

Рис. 1. Экспериментальная проверка гипотезы по конструированию хайтинской керамики:
 1–3 – изготовление составного шаблона из чурочки, обмазанной глиной и обернутой мокрой тканью;
 4 – конструирование тела сосуда; 5 – нанесение шнурового декора путем прокатывания;
 6 – попытка извлечения шаблона из сосуда; 7 – сосуд после извлечения шаблона;
 8 – трещины, образовавшиеся на дне сосуда во время сушки.

ким способом оттки покрывают не всю внутреннюю поверхность сосуда и сами следы не имеют сходства с таковыми у археологических горшков. Исходя из этого, следует считать данную гипотезу не прошедшей экспериментальную проверку. Тем не менее это не означает безоговорочного принятия предложенной нами гипотезы. Для того, чтобы ответить на все вопросы, связанные с технологией изготовления

раннеолитической керамики хайтинского типа, следует продолжать ее изучение по пути технико-технологического анализа и экспериментальных исследований.

*Научный руководитель – И. М. Бердников
 канд. ист. наук, старший научный сотрудник
 НИЦ «Байкальский регион»
 Иркутский государственный университет*

Список литературы

Бердников И. М., Уланов И. В., Соколова Н. Б. Неолитическое гончарство Байкало-Енисейской Сибири: технологические традиции в территориально-хронологическом контексте // *Stratum plus*. – 2017. – № 2. – С. 275–300

Новые радиоуглеродные данные для неолитических комплексов многослойных местонахождений Тункинской долины и Приангарья / И.М. Бердников, Е.О. Роговской, Д.Н. Лохов, А.М. Кузнецов, С.А. Когай, Е.А. Липнина, Н.Е. Бердникова, Н.А. Савельев, Н.Б. Соколова, И.В. Уланов // *Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культур.* — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. – Вып. 6. – С. 220–230

Игумнова Е. С., Савельев Н. А., Спиридонова Ю. В. Керамика «хайтинского» типа Мишелевского георхеологического комплекса // *Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности.* – Иркутск, 2005. – С. 25–26

Кичигин Д. Е. Керамика с оттисками шнура западного побережья озера Байкал: некоторые вопросы формовки сосудов // *Изв. Лаборатории древних технологий.* – 2014. – № 4 (13). – С. 27–44

Уланов И. В., Бердников И. М., Соколова Н. Б. Экспериментальное моделирование сосудов эпохи раннего неолита Байкало-Енисейской Сибири // *Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и северного Китая.* Улан-Удэ : ИМБТ СО РАН, 2018. Т. 1. С. 64–69

Results of Experimental Verification of One of Hypotheses about Construction of Khaita Type Vessels

I. V. Ulanov, A. V. Verenskaya

The origin of the impress on the inner surface of the Khaita type vessels is one of the interesting problems of the archeology of Baikal-Yenisei Siberia. There are several hypotheses that explain their origin: using a fragment of another vessel as an anvil; woven frame; template and coarse fabric. The final hypothesis was checked in this article. Experiment has shown that forming the vessel in this way is possible, but is difficult separation from the template receptacle. In the course of the vessel several times broke into, including the bottom. However, experiments should be continued to better study the Khaita type pottery.

Keywords: Baikal-Yenisei Siberia, Neolithic, Khaita type, pottery technology, vessels molding, experimental modeling

Уланов Илья Викторович

аспирант 3-го года обучения
Иркутский государственный университет
e-mail: ussr-ilya@yandex.ru

Веренская Александра Владимировна

Стажер-исследователь
Научно-исследовательский центр
«Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет
e-mail: verensk1987@gmail.com

Ulanov Ilya Viktorovich

3rd year postgraduate student
Irkutsk State University
e-mail: ussr-ilya@yandex.ru

Verenskaya Aleksandra Vladimirovna

Trainee Researcher
Scientific Researcher Center
«Baikal region»,
Irkutsk State University
e-mail: verensk1987@gmail.com

Секция «БРОНЗОВЫЙ ВЕК»

УДК 902

Домашние животные в погребальном обряде культур начальной поры эпохи поздней бронзы Волго-Уральского региона (синташтинская, петровская и покровская культуры)

Е. Н. Солдатченкова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Зачастую в погребениях начальной поры эпохи поздней бронзы встречаются захоронения домашних животных, причем в своем большинстве это жертвенные животные. Кости животных встречаются в основном в неглубоких ямах либо на блюдах, в сосудах.

Именно обилие жертвоприношений животных является особенностью синташтинской культуры. Здесь доминируют находки костей МРС, затем идет лошадь, КРС и собака. Животные в ритуале использовались по-разному: для КРС не зафиксировано ни

одного случая использования туши целиком, собака, напротив, не подверглась расчленению. [Епимахов, 1998, с.23]. Особенностью погребального обряда синташтинского населения является помещение рядом с могильными ямами или в них самих (на перекрытии, на полу, в специально устроенных в торцевой части погребальных камер отсеках) большого количества частей или целых туш домашних животных [Виноградов, 2007, с. 22]. Именно расположение жертвенников у края ямы является поздним хронологическим признаком

и относится уже к петровскому этапу [Епи-
махов, 1998, с. 23].

В жертвенных комплексах остатки трех ви-
дов – КРС, МРС и лошади – могли находиться
в одном комплексе. Единичные остатки лоша-
ди также встречаются с костями КРС и МРС. В
погребения помещали не только мясные части
туши, но и очищенные от мяса ребра. В наборы
погребального инвентаря наряду с астрагалами
и фалангами входили зубы и некоторые другие
кости животных. Фаланги лошади предпочи-
тали брать из правых конечностей [Рослякова,
2014, с. 15]. На рубеже среднего и позднего
бронзового века в погребальном обряде начи-
нают использовать части туш свиньи.

Жертвенные комплексы могли быть посвя-
щены не только конкретному лицу, но и всем
погребенным в кургане. В этом случае их рас-
полагали на подкурганной площадке в стороне
от погребений, в ровике или в насыпи курга-
на. В насыпь закладывались отдельные кости:
зубы, пяточные, астрагалы, фаланги и некото-
рые другие кости, с мясом или без него. Мя-
сные части туш лошади или МРС предпочитали
использовать для помещения на дно погребе-
ний, что символизировало «напутственную
пищу».

Виды жертвенных животных достаточно на-
дежно соотносятся с половозрастными харак-
теристиками погребенных. Наиболее значимые
мужские погребения людей военной знати со-
провождали целые костяки, черепа и дисталь-
ные части конечностей лошади. Жертвенные
комплексы с головами и дистальными частями
конечностей КРС и МРС располагали рядом с
центральной погребениями взрослых муж-
чин высокого социального ранга. Части груд-
ной клетки лошади помещали на дно погребе-
ний мужчин, а части грудной клетки МРС – в
погребения женщин, детей и подростков [Рос-
лякова, 2014, с. 16].

Например, в обрядах жертвоприношения,
совершавшихся на площади Чистолебяжеского
могильника, использовались преимущественно
взрослые коровы и овцы, тогда как их доля
костей на поселениях невелика. Здесь все ко-
сти КРС, по которым можно определить пол,
принадлежат коровам.

На другом примере, а именно в Хрипунов-
ском могильнике, видно, что жертвенные жи-
вотные представлены почти исключительно
головами и дистальными частями конечностей

КРС, овцы, козы и лошади, обычно распола-
гавшимися рядом с погребальными камерами
в виде скоплений костей. Некоторые из жерт-
венных комплексов, включавшие головы КРС,
овец и лошадей, по-видимому, вовсе не содер-
жали костей конечностей. Есть некоторые ос-
нования предполагать, что в ряде случаев го-
ловы данных животных могли заменяться их
нижними челюстями [Косинцев, 1998, с. 408].

Эти два примера имеют сходство. Так, на-
пример, сходен возрастной состав жертвенных
животных (они взрослые). В обоих могильни-
ках наблюдаются одни и те же части туш-го-
ловы и дистальные части ног. Находки в виде
костей напоминают зачастую поминальную
тризну. Главное отличие состоит в том, что в
Хрипуновском могильнике роль жертвенно-
го животного главным образом принадлежит
лошади, а в Чистолебяжеском могильнике ис-
пользовали в основном коров и овец.

Таким образом, обряд захоронения домаш-
них животных, особенно характерный для по-
гребального обряда культур ранней поры эпохи
поздней бронзы, с течением времени претерпел
значительные изменения. Лучше всего он вы-
ражен в синташтинской и петровской культуре.
Впоследствии обряд упрощается, что было вы-
звано трансформацией парадигмы погребаль-
ного обряда волго-уральских скотоводов. Эта
парадигма предусматривала более аскетиче-
ский и виртуальный характер самого перехода
в иной мир.

*Научный руководитель – В. С. Бочкарев
канд. ист. наук, старший преподаватель
Института истории
Санкт-Петербургский государственный
университет*

Список литературы

- Виноградов Н. Б.* Культурно-исторические процессы в сте-
пях Южного Урала и Казахстана в начале II тыс. до н.э. (памятни-
ки синташтинского и петровского типов): автореф. дис. ... докт.
ист. наук. – М., 2007. – 46 с.
- Епимахов А. В.* Погребальная обрядность населения Южного
Зауралья эпохи средней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук.
– Новосибирск, 1998. – 38 с.
- Косинцев П. А.* Костные остатки животных из Чистолебяжье-
го и Хрипуновского могильников // Матвеев А.В. Первые андро-
новцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. – С. 405–411
- Рослякова Н. В.* Погребальные комплексы с костями живот-
ных из могильников срубной культурно-исторической общности
Самарского Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань,
2014. – 26 с.

Domestic animals in the Funeral Rites of the Cultures of the Initial Time of the Late Bronze Age in Volga-Ural Region (Sintashta, Petrovskaya and Pokrovskaya Cultures)

E. N. Soldatchenkova

As a result of effective development of new territories in the Volga-Ural region the economy of the producing type of cattle-breeding orientation was formed, the new culture which was shown in magnificent funeral ceremony began to develop. One of

the most characteristic and striking features of the burials the initial of the late bronze age is the abundance of graves domestic animals. Accordingly, in this article we will talk about the place of animals in the burial and their interpretation.

Keywords: domestic animal, funeral rites, late bronze, Volga-Ural region, Sintashta, Retrovskaya culture, Pokrovskaya culture

Солдатченкова Елена Николаевна

магистрант 1-го года обучения

Санкт-Петербургский государственный университет

e-mail: piffy2612@mail.ru

Soldatchenkova Elena Nikolaevna

I year of master's degree

Saint Petersburg State University

e-mail: piffy2612@mail.ru

Секция «РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК»

УДК 903.23

Морфологический анализ керамики каменско-маковского типа селища Дом Отдыха-3 на Нижнем Енисее

О. С. Комарова

Сибирский федеральный университет, Красноярск

В южно-таежной зоне Нижнего Енисея известны два десятка местонахождений с материалами раннего железного века, но только на трёх из них проводились раскопки широкими площадями [Титова, 2016]. В их числе селище Дом Отдыха-3, находящееся в 40 км ниже устья р. Ангары. Оно было открыто П. В. Мандрыкой в 1996 г., и в течение двух полевых сезонов 2014 и 2016 гг. одним раскопом на нем вскрыто 344 кв. м. площади.

Слой раннего железного века включает материалы двух разновременных поселков, от каждого из которых осталось по ряду жилищ углубленного типа, устроенных вдоль края террасы. Один из поселков относится к цэпаньской культуре и содержит, в преобладающем количестве, керамику каменско-маковского типа.

Цель работы – проведение морфологического анализа керамики каменско-маковского типа, обнаруженной на данном селище и её планиграфического распространения в границах изученной площади.

При морфологическом анализе определялась форма и орнаментация сосудов. За основу была взята методика, предложенная В. Ф. Генингом [Генинг, 1971], откорректированная под конкретные материалы. Измерения параметров формы проводились по внутренней стороне сосуда, так как наклепная лента показывает значительную вариабельность внешних контуров. Изучение орнаментов проводилось с учетом: композиции, мотива, элемента, способа его нанесения, формы окончания орнамента.

Из второго культурного слоя селища Дом Отдыха-3 происходят 55 сосудов, среди которых 39 относятся к посуде каменско-маковского

типа. Из них в исследовательскую выборку вошли фрагменты от достоверно идентифицированных 33 сосудов. Два из них археологически целые, а шесть восстанавливаются частично и позволяют представить их верхнюю половину. По отмеченным фрагментам днищ можно предположить круглодонность всей рассматриваемой посуды.

Формы выделялись на основе восьми сосудов, сохранность которых позволяла выделить следующие критерии: открытость или закрытость емкости, наличие или отсутствие шейки, высота и изгиб шейки, высота плечика, раздутость тулова. На основе данных показателей установлены четыре группы форм сосудов:

Первая группа – горшки с короткой дугообразной шейкой, коротким или средним плечиком, раздутым туловом (три сосуда);

Вторая группа – горшки с короткой слабоизогнутой шейкой, высоким плечиком и не раздутым туловом (три сосуда);

Третья группа – круглодонный горшок с наклонным плечиком и надстройкой (сосуд с наклепными ушками) (один сосуд);

Четвертая группа – чаши (один сосуд) (рис. 1).

По композиционному построению орнаментов сосуды близки между собой. Как правило, они украшались рядами из отступающих наколов или оттисков, строящихся горизонтальным мотивом. Последний ряд состоял из разреженных наколов. На большинстве сосудов шейка оформляется наклепной лентой, расположенной под венчиком или немного ниже.

Наибольшее разнообразие отмечается в способах нанесения элементов орнамента: наколы, отступающие оттиски, штампы, пальцевые за-

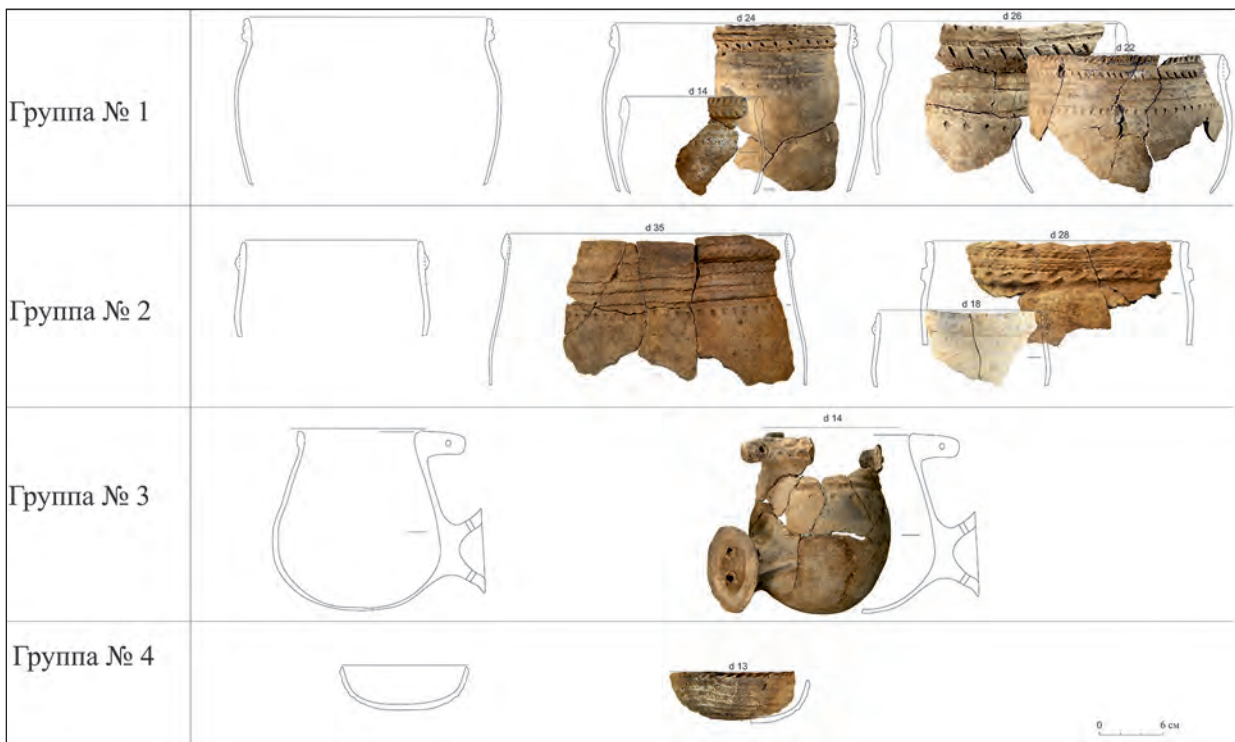

Рис. 1. Группы каменско-маковских сосудов по форме

щипы. Элементы наносились уголком гладкой лопатки, плоскостью с мелкозубчатым рельефом, округлой палочкой для создания ямок. Взаимное сочетание элементов орнамента и приемов их нанесения, позволил выделить три группы орнаментации сосудов:

1) Сосуды, украшенные пальцевыми защипами по шейке и рядами наколов уголка лопатки или зубчатым орнаментом (3 сосуда);

2) Сосуды с наклепной лентой, украшенные отступающими округлыми наколами и накола-

ми уголка лопатки, также встречаются отступающие наколы зубчатым орнаментом (27 сосудов);

3) Сосуды, в орнаментальную композицию которых входят ряды ямок (3 сосуда) (рис. 2).

Орнаментальная композиция на некоторых сосудах включает все отмеченные элементы. Так, на трех сосудах встречаются как ямки, так и отступающие гладкие оттиски, и отпечатки зубчатого штампа. При этом они не изменяют канон композиционного построения орнамента, характерного для керамики каменско-маковского типа. Указанные элементы орнаментации дополняют известную ранее информацию об орнаментации каменско-маковских сосудов [Мандрыка, 2016].

Планиграфическое размещение фрагментов на вскрытой площади памятника показало, что на полу жилища № 4, как и в слое за его пределами, встречаются фрагменты, относящиеся к сосудам разных форм. Также в жилище найдены части сосудов, украшенные разными приемами: уголком лопатки, зубчатым штампом, пальцевыми защипами.

Таким образом, морфологический анализ керамики селища Дом Отдыха-3 показал, что орнаментальная «каменско-ма-

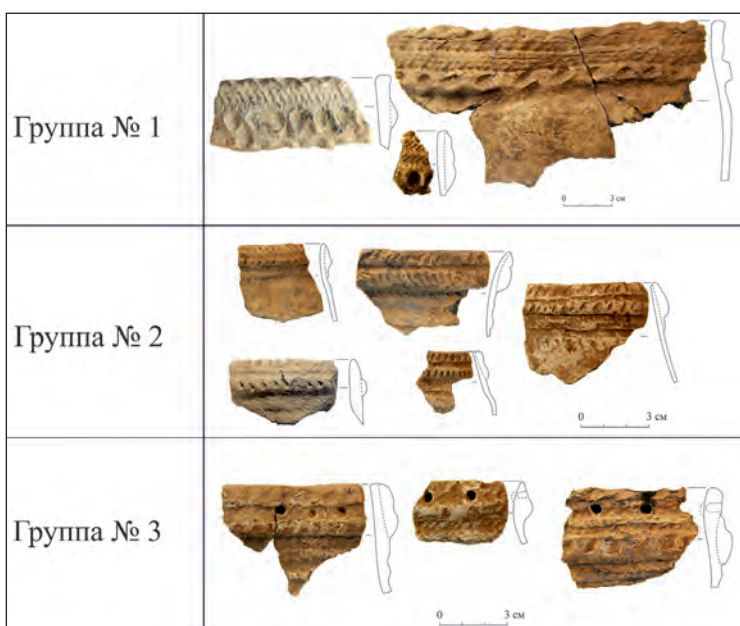

Рис. 2. Группы каменско-маковских сосудов по орнаментации

ковская» композиция наносится на разнообразные по форме сосуды – как на горшки с выпуклым туловом, так и на открытые чаши. Некоторые отмеченные на керамике селища элементы орнамента (пальцевые зацепы, ямки, оттиски зубчатого штампа) указывают, скорее всего, на проникновение в каменско-маковскую среду культурных традиций из сопредельных районов.

*Научный руководитель – П. В. Мандрыка
канд. ист. наук, доцент
Сибирский федеральный университет*

Список литературы

Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // Советская археология. 1973. – № 1. – С. 114–136

Мандрыка П. В. Каменский тип керамики в южной тайге Средней Сибири // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования: Сб. науч. тр. / Под

ред. А. В. Харинского. – Иркутск; Эдмонтон: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2007. – С. 80–85

Мандрыка П. В. Комплексы с керамикой каменско-маковского типа на Енисее и их место в культурогенезе таежной зоны Средней Сибири // П. В. Мандрыка // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Междунар. науч. конф. Т. 1. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – С. 232–240

Титова О. С. К истории археологического изучения Енисейского района // Материалы юбилейной конференции, посвященной 115-летию Красноярского краевого отделения Русского географического общества, Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – С. 190–194

Фокин С. М. Предварительные результаты археологического изучения Стрелковского археологического микрокомплекса // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее: материалы междунар. конф., посвящ. 75-летию Красноярского края. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2009. – Т. 1. – С. 164–167

Фокин С. М. Стоянка близ села Каменское // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири: материалы междунар. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения ученого и общественного деятеля Николая Константиновича Ауэрбаха (1892–1930). Красноярск, 27–30 сентября 2017 г. / отв. ред. А. С. Вдовин, Н. П. Макаров; ред. кол. – Красноярск, 2017. – С. 213–215

Morphological Analysis of Kamensk-Makovsky Ceramics on Materials of the Settlement Dom Otdyha-3

O. S. Komarova

This work is performing the morphological analysis, that was made on the basis of ceramics of Kamensk-Makovsky type of Tsepanskaya culture in a settlement Dom Otdyha-3. Vessels form groups and groups of vessels ornamentation were indentified by the method of morphological analysis. Some elements of the ornament marked on the ceramics (finger tucks, recess, prints of toothed stamp) most likely indicate the pervasion of cultural traditions from neighboring region into Kamensko-Makovsky environment.

Keywords: early iron age, Central Siberia, Tsepan culture, Kamensk and Makovsky complex.

Комарова Ольга Сергеевна
студентка 4-го курса
Сибирский федеральный университет
e-mail: helgainvers@gmail.com

Komarova Olga Sergeevna
4th year student
Siberian Federal University
e-mail: helgainvers@gmail.com

Секция «СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ»

УДК 902

О ранних импортах по материалам Билярского городища на примере керамики типа «Сари»

Р. Р. Утягулова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

В данной работе рассматриваются следы раннего импорта домонгольской поливной керамики типа «Сари» на территории Билярского городища. Все рассматриваемые фрагменты были обнаружены в 44 раскопе, в центральной части внутреннего города, который начал исследоваться в 2015 г.

В домонгольский период Волжская Булгария активно занималась международной тор-

говлей, существенную часть которой составляли связи со странами Востока. Билярское городище, будучи столицей Волжской Булгарии, концентрировало основные материальные богатства. Наиболее часто предметом импорта становилась поливная посуда.

Количество находок поливной керамики, по предварительным материалам за 2015–2016 гг., обнаруженных в ходе работ на 44 раскопе,

Рис. 1. Фрагменты керамики типа «Сари»

не превышает 283, что составляет 0,45% от всех найденных фрагментов посуды, из которых импортного производства – 66 фрагментов [Утягулова, Шакиров, 2017, С. 113–117].

Вся поливная керамика в основном приходится на вторую половину XI – начало XIII вв. Но существуют и следы более раннего импорта. К таким относятся ближневосточная керамика, так называемая керамика типа «Сари». Все три фрагмента с 44 раскопа, рассматриваемые в данной работе, имеют в основе светло-коричневую глину, а также располагаются в сооружении 22 А, на 11 пласте. Это сооружение интерпретируется как подпольная яма и предположительно датируется первой половиной XII в. Среди индивидуальных находок с сооружения 22А, имеются фрагменты лепных крышек, датированных X–XI вв.

Чаши типа «Сари» имеют коническую форму и небольшой полый поддон [Curatola 2007: 65, 173]. Фрагменты из 44 раскопа имеют характерные элементы декора для керамики типа «Сари».

Фрагмент стенки (рис. 1, 1), 6,1×2,3×1,2. На внешней стороне имеется ангоб с подтеками бесцветной глазури. На внутренней поверхности имеется роспись по ангобу темно-коричневой краской, верх украшен белыми вкраплениями. Также использованы краски зеленая и кирпичного цвета.

Фрагмент венчика (рис. 1, 2), 3,9×3,6×0,5. Внешняя сторона ангобирована, по ангобу

имеется роспись темной краской с неравномерным покрытием бесцветной глазури. Внутренняя сторона расписана белой краской, коричневой и краской кирпичного цвета.

Фрагмент венчика (рис. 1, 3), 6,0×5,7×0,5. Внутренняя поверхность покрыта ангобом. На внешней полихромная роспись по белому ангобу покрытая бесцветной глазурию.

Такая специфичная технология нанесения декора характерна для керамики типа «Сари» (Sari wares). Такое название этот тип керамики получил в честь города Сари в Северном Иране. Чаши Сари датируются в пределах X–XI вв. [Ильясов, Ильясова, 2013. С. 100–101]. Но доказательств изготовления керамики типа «Сари» в одноименном городе нет. Новые археологические данные, показывают, что, возможно, центрами производства этого типа посуды явились мастерские города Гурган на юго-востоке Каспийского побережья, где во время раскопок 1970-х гг. были обнаружены бракованные изделия с аналогичной технологией нанесения декора.

В керамике типа «Сари» обязательным элементом является фигура пышной центральной птицы. Контур птицы подчеркнут точками белого ангоба. Также обязательным элементом керамики Сари является так называемые медальоны или, как их называют в западноевропейской литературе, «леденцы», контур которых тоже обведен точками белого ангоба [Watson, 2005. P. 243].

Но важно отметить, что в данную группу керамики входят не только изображения птиц, но и других животных, выполненных в той же стилистической манере.

Тема ближневосточной поливной керамики на памятниках Среднего Поволжья уже была затронута С. И. Валиулиной. Ею был проведен химический анализ глазури и глиняной основы нескольких фрагментов керамики типа «Сари» с территории Билярского городища [Валиулина, 2017. С. 625–638].

На территории Билярского городища изображения целой птицы или другого животного, выполненного в данной стилистике, не обнаружено.

Фрагмент 1 (рис. 1, 1) вполне может относиться к афрасиабской керамике. Для такого типа керамики важное значение имеет цветопостроение. Так, при росписи использовали черную или темно-коричневую краску, для ослабления строгости на темный фон клали белую краску, также для придания яркости использовали красный оттенок. Нередко цветовую гамму дополняли зелено-фисташковым цветом [Ташходжаев, 1967.

С. 69]. Открытые чаши афрасиабской керамики середины (второй половины) X в. обычно украшали радиальной композицией с заполнением фона штриховкой или точками в тонком контуре [Шишкина, 1979. С.59].

Таким образом, наличие на городище фрагментов поливной керамики X–XI вв., происходящей из Средней Азии и Северного Ирана, свидетельствует о ранних торговых связях. Но не стоит говорить о налаженных постоянных отношениях, единичный материал дает повод утверждать, что это были лишь разовые поставки в столицу.

*Научный руководитель – З. Г. Шакиров
канд. ист. наук
заведующий отделом средневековой археологии
Институт археологии им. А. Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан*

Список литературы

Curatola G. Persian Ceramics from the 9th to the 14th century. Milan: Skira. 2006.

Watson O. Ceramics from the Islamic lands. Kuwait national museum. The al-sabah collection. L.: Thames and Hudson, 2005. 512 p.

Валиуллина С. И. Ближневосточная поливная керамика рубежа X–XI и XI вв. в памятниках Среднего Поволжья // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Казань: Б.и.; Кишинев: Stratum Plus: Университет «Высшая антропологическая школа», Т. 2, 2017. С. 625–638

Ильясов Дж. Я., Ильясова С. Р. Чаша // Классическое искусство исламского мира. Десяносто девять имен Всевышнего / Сост. кат. Г. Ласикова. М.: Изд. дом Марджани, 2013. С. 100–103

Таишходжаев Ш. С. Художественная поливная керамика Самарканда IX – нач. XIII вв. Ташкент, 1967. С. 69

Утягулова Р. Р., Шакиров З. Г. Поливная керамика Билярского городища (предварительный анализ материалов раскопа 44) // Этнос и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы XI Всероссийского научно-практического конференции молодых ученых / отв. ред. Э. В. Камалеев. – Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2017. С. 113–117

Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979. С. 59

Early Imports of Bilyar Archaeological Site through the Example of «Sari» Type of Ceramics

R. R. Utyagulova

Early imports of «Sari» type ceramics from an excavations in Bilyar. This paper is devoted to early imports of pre-Mongol glazed ceramics of the «Sari» type on the territory of the Bilyar settlement. All the rate of fragments under consideration were discovered in the excavation number 44 located in the central part of inner city, which has been investigating since 2015.

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, middle ages, Bilyar fortified settlement, Glazed ceramics, early imports.

Утягулова Римма Римовна

студентка 4-го курса

Казанский федеральный университет

e-mail: rim9593@yandex.ru

Utyagulova Rimma Rimovna

4th year student

Kazan Federal University

e-mail: rim9593@yandex.ru

Секция «АНТРОПОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ»

УДК 393

Духовные стихи в похоронной обрядности потомков украинских переселенцев Алтайского края*

А. С. Свидовская

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-09-00487 А

«Деревня традиционная и модернистская: этнографическое изучение стратегий освоения пространства сельских территорий юга Западной Сибири»

Духовные стихи (далее ДС) – уникальный по своей художественной и образной ценности комплекс народно-песенных и церковно-певческих произведений, объединенных общностью христианского религиозного содержания, где параллельно существуют две певческие традиции: фольклорная бесписьменная и православная [Федоровская, 2010, с. 3]. В развитии ДС

русского, белорусского, украинского народов фиксируются не только общие сюжеты и темы, но и тексты. В то же время в регионах, в силу своих лингвистических и музыкальных особенностей, создавались свои вариации [Федоровская, 2010, с. 7].

Исследования фольклористов, музыковедов, этнографов свидетельствуют о том, что

пение ДС является неотъемлемой частью похоронно-поминальной обрядности восточнославянского населения в разных регионах России [Федоровская, 2010; Афанасьевский..., 2011 и др.]. В частности, фольклористами подробно описан похоронный обряд украинского анклава Самойловского района Саратовской области (далее СО) [Левкиевская, 2015].

В некоторых селах Алтайского края (далее АК) в среде потомков украинских переселенцев, прибывших в конце XIX – начале XX в. из восточной части малороссийских губерний России, также сохраняется традиция пения ДС во время похоронного обряда. Так, опубликованы стихи, записанные в с. Романово Романовского района [Семья..., 2017, с. 121–123]. А в ходе полевых исследований 2018 г. в с. Переясловка Топчихинского района автором было записано 30 ДС от Мышеловой А. И., 1937 г.р.

В рамках традиционной культуры ДС были частью повседневности и поддерживали христианское мироощущение. По мнению исследователей, после революционных событий и разрушения церковной жизни ДС закрепились в похоронно-поминальной обрядности.

Проведенное исследование показало, что в селах АК духовные стихи пели два дня, пока покойник остается в доме, или только в день выноса гроба в перерывах между акафистами Псалтири, специально приглашенный человек пожилого возраста, чаще женщина-«читалка» и все присутствующие, кто знает текст и мотив исполнения. По воспоминаниям А. И. Мышеловой, 1937 г.р. раньше для этого специально приглашали женщин, которые хорошо пели, в количестве 10–16 человек. Причем эти женщины не только исполняли стихи, но и подпевали молитвы и слова из Псалтири. Роль «читалки» в с. Переясловка с 2003 г. выполняет получившая для этого благословение священника А. И. Мышелова, 1937 г.р. «Читалку» и поющих бабушек благодарили за их труд: под Псалтирь клали рубаху, отрез ткани или деньги [Семья..., 2017], поющим женщинам раздавали платки.

Опрошенные информанты АК, в отличие от СО, не называют четких ритуальных правил, приуроченных к обрядовым ситуациям, которые определяют выбор текста стиха. Все же вероятно, что на выбор влияла личность покойного и его судьба (мужчина или женщина, старый или молодой и др.).

Стихи Воронежской области, собранные за период 1990-х – 2000-х гг., соотносятся с основной частью текстов, записанных на территории АК в среде потомков украинского населения [Афанасьевский..., 2011]. ДС, по мнению исследователей, выполняют функцию утешения и спасения души грешного человека. Так, рассмотренные стихи в большинстве

своим представляют собой сюжеты, связанные с верой и нравственным законом, с прощально-поминальными мотивами, а также повествуют о жизни святых мучеников и чудотворцев, о Христе. Распространенные темы ДС – ожидание смерти и страшного суда, наказания умершего живым. Они связаны с верой и нравственными законами, где многократно осуждаются грехи.

Нужно сказать, что некоторые схожие по названиям стихи, встречающиеся на территории Самойловского района СО, бытуют и среди потомков украинских переселенцев АК [Левкиевская, 2015].

Основную часть стихов составляют «младшие» ДС (силлабо-тонического стихосложения), которые окрашены лиризмом, в отличие от «старших» (эпических), где идет повествование на сюжеты житийных легенд и Библии.

Стихи из двух рассматриваемых населенных пунктов АК, где сконцентрировано украинское население, не одинаковы. Лучшее, чем в с. Переясловка, сохранение в с. Романово «хохляцкого» языка отразилось на стилистике ДС – в с. Романово стихи зафиксированы с учетом особенностей говора: «Вы подумайтэ...», «Ой вы, голуби, ой вы, билье...». В Переясловке в речи жителей не распространен «хохляцкий» говор. Сохранился один текст, содержащий особенности произношения «хохляцкого» языка: «Ой, Боже мой, с високого нэба / Послушай молитву мою...».

Стихи, исполняемые с учетом украинского произношения, как и песни, более лиричны, встречаются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами («хатэнка», «глубоченька»), что придает стиху более нежное звучание. Характерно обращение к земле-кормилице, отвечающей за плодородие, являющейся родительницей растительного покрова [Афанасьевский..., 2011, с. 28].

Отпевальные стихи Самойловского района СО в большинстве своем также русскоязычны [Левкиевская, 2015, с. 20], как и на территории АК. Возможно, что заимствование украинцами репертуара ДС у русского населения происходило еще до переселения их на новые территории.

По мнению исследователей, исполнение ДС неразрывно связано с традицией «народного» отпевания покойников. Судя по полевым материалам, собранным в АК, традиция чтения Псалтири на сегодняшний день угасает, в отличие от СО, где неформальное отпевание успешно конкурирует с церковным, приглашение певчих к покойнику считается обязательным в отличие от священника [Левкиевская, 2015, с. 11].

В с. Романово, которое является райцентром, после восстановления церкви в 1990-е годы отпевание покойника проводится священником. Чтение Псалтири «читалкой» на дому в настоящее время не практикуется, судя по полевым

материалам [Архив..., 2010, 2014]; пожилых людей, знающих ДС, становится меньше.

В с. Переясловка церкви нет, а после восстановления храма в с. Топчиха традиция «народного» отпевания соседствует с церковной: сначала происходит чтение Псалтири «читалкой» в доме умершего, затем туда приезжает священник. Но и здесь традиция пения ДС близка к угасанию, поскольку А. И. Мышелова по состоянию здоровья все чаще отказывается читать Псалтирь, ДС знают и исполняют несколько пожилых людей. Несмотря на то, что чтение Псалтири над покойником жители Переясловки и близлежащих сел считают необходимым действием на похоронах, обучаться односельчане не хотят: «Все просят, вот как покойник – идут со слезами: «Пожалуйста!» <...> Просят Христом Богом, а вот никто не хочет перенимать вот это!» [Архив..., 2018].

Таким образом, среди потомков украинских переселенцев АК распространены «младшие» ДС, исполняемые на русском языке. Сохранение традиции пения ДС обусловлено проживанием в рассматриваемых селах людей старшего поколения, знающих текст и умеющих его исполнять. Чтение Псалтири пожилыми людьми долгое время поддерживало пение ДС на похоронах, так как в сознании старшего поколения эти две

вещи были неразрывно связаны. Восстановление храмов в сельских населенных пунктах в последние десятилетия способствует замене «народного» отпевания покойников церковным. Этот факт, с одной стороны, может быть рассмотрен как процесс перехода от традиционного исполнения обряда к современному, а с другой – как возврат к церковной традиции.

*Научный руководитель – Н. С. Грибанова
канд. ист. наук, доцент
Кафедра отечественной истории
Алтайский государственный педагогический
университет*

Список литературы

Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ Алтайского края. Романовский район, с. Романово (2010, 2014 гг.); Топчихинский район, с. Переясловка (2018 г.)

Афанасьевский сборник. Материалы исследования. Вып. X. Духовные стихи Воронежского края / Т. Ф. Пухова, Т. В. Мануковская, А. А. Чернобаева. – Воронеж: ВГУ. – 2011. – 284 с.

Левкиевская Е. Е. «Народное отпевание» в Самойловском районе Саратовской области // Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре. – Москва: ИЭА РАН, 2015. – С. 10–34

Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX – XX веке / Н.С. Грибанова, И.В. Чернова, Н.В. Люля, А.С. Свидовская. — Барнаул: АлтГПУ, 2017. — 306 с.

Федоровская Н. А. Духовный стих в русской культуре: автореф. дис. ... д-ра. искусствоведения. – Санкт-Петербург, 2010. – 50 с.

Spiritual Poemes in the Funeral Reliability of the Descendants of Ukrainian Migrants of the Altai Territory

A. S. Svidovskaya

The article analyzes the spiritual poems of the Ukrainian population of the Altai Territory and attempts to compare the tradition of their performance with the central Russia among Ukrainians. Today, the church tradition of funeral of the dead displaces the «folk». The tradition of singing spiritual poems, which existed together with the reading of the dead by the «readers» and the villagers at home, is also fading because the older generation, who can perform them, pass away.

Keywords: spiritual poems, funeral rites, funeral, Ukrainian migrants of the Altai Territory.

Свидовская Анастасия Сергеевна

магистрант 2-го года обучения
Алтайский государственный
педагогический университет
e-mail: nastya-svi@mail.ru

Svidovskaya Anastasia Sergeevna

2-year Master' course
Altai State Pedagogical
University
e-mail: nastya-svi@mail.ru

УДК 394

Культура жизнеобеспечения русского населения Западной Сибири по этнографическим, архивным и археологическим материалам

К. О. Сопова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск

Изучение культуры жизнеобеспечения русского населения Западной Сибири необходимо для исследования истории заселения Сибири. Это поможет более целостно представить характерные особенности населения данной территории.

Цель исследования – обозначить основные элементы жизнеобеспечения русского сельского населения Западной Сибири по этнографическим, архивным и археологическим источникам. В изучении проблем культуры и социума русского населения XVII–XIX вв. необходимо

комплексное исследование источников, которые характеризуют разные стороны жизни. Таким образом, архивные материалы позволяют проследить появление деревни, выявить число дворов, размеры пашни, количество скота и т.п. Данные этнографических исследований помогают охарактеризовать материальную и духовную культуру и найти преемственность среди населения соседних деревень. Археологические материалы, благодаря проведенным планиграфическим, остеологическим и палеозоологическим исследованиям, существенно дополняют сведения этнографических изысканий. Анализ представительной коллекции артефактов, изучение раскопанных построек и сопоставление данных с письменными и этнографическими источниками позволили рассмотреть обширный комплекс материальной культуры жителей сибирской деревни.

Актуальность обращения к сельским поселениям Западной Сибири обусловлена тем, что именно они являются основной базой складывания традиционного культурно-хозяйственного комплекса русских в Сибири.

Анализ культуры жизнеобеспечения русского населения Западной Сибири проведен на примере одного из старейших сел на территории Среднего Прииртышья – деревни Ананьино в Тарском районе Омской области. Деревня Ананьино известна по письменным источникам с 1624 г., что отмечено в дозорной книге Василия Тыркова [Буцинский, 1999]. Просуществовала деревня до 1868 г. и располагалась у одноименного озера на правом берегу реки Иртыш.

Этнографическое изучение близлежащих к Ананьино сохранившихся сел позволило выявить пласт важной информации о населении изучаемой территории. Этнографами были исследованы различные аспекты жизнеобеспечения населения деревни Ананьино, такие как семейная и праздничная обрядность, особенности материальной культуры, быта, традиции строительства жилищ. Так, полевые материалы позволяют выделить несколько характерных черт в планировке подворья – это наличие палисадников, крытого двора. Жители деревни предпочитали строить дома из хвойных пород деревьев.

У потомков деревни Ананьино сохранились некоторые традиции, например, проживание семей в так называемых домах-связях (что подтверждается археологией), сооружение глинобитных печей, употребление архаичной терминологии для обозначения рыбных снастей [Чернова, 2015, С. 65–70].

Другим важным источником для изучения культуры жизнеобеспечения являются архивные материалы. По данным дозорной книги Василия Тыркова (1624 г.), в деревне Ананьино было два двора. Информация о деревне находится в «До-

зорной книге Тарского уезда 1701 г.» [Бережнова, Кабакова, Корусенко, 2013. С. 111–116]. По материалам, хранящимся в Российском государственном архиве древних актов, в Ананьино проживали стрельцы, казаки с семьями, многие родом из города Тары, но имевшие пашенные выпасы и сенокосы вблизи деревни Ананьино. По данным статистического описания населенных пунктов Тарского уезда Тобольской губернии, находящимся в Российском государственном историческом архиве, в 1787 г. деревня Ананьино состояла из 27 дворов. В архивных документах есть сведения о количестве скота на одно крестьянское хозяйство. Так, в деревне Ананьино в 1701 г. на 9 семей служилых (казаки, стрельцы), имевших пашни и скот, приходилось 14 лошадей, 14 голов крупного и 5 голов мелкого рогатого скота. Исследования показали значительную гибкость хозяйственной системы сельского населения: в зависимости от конкретных условий расположения поселения структура животноводства и промысловой деятельности могла заметно изменяться [Явшева, Некрасов, Тагаурова, 2008, С. 356–357].

На основе архивных и полевых материалов А. А. Крих была изучена социальная история деревни Ананьино, а также проведены генеалогические исследования, которые позволили выявить пофамильный состав потомков населения Ананьино. Исследовательницей была выявлена сложная переселенческая история деревни. На протяжении XVIII в. в ней пытались обосноваться представители 28 различных фамилий. Основное население Ананьино составляли семьи старожилов, происходившие от тарских стрельцов Поповых, Неупокоевых, Скуратовых [Крих, 2014, С. 86–90].

В настоящее время на месте деревни находится археологический комплекс Ананьино-I. Раскопки памятника ведутся Л. В. Татуровой. Анализ археологического материала прекрасно дополняет данные, полученные в ходе этнографических изысканий и работы с архивами. Исследование археологических коллекций позволило рассмотреть многие элементы системы жизнеобеспечения. Особенно стоит остановиться на керамическом комплексе как маркере структуры питания и домашнего ремесленного производства посуды. Гончарство относится к тем отраслям производственной деятельности, которые активно откликаются на запросы и потребности общества и, следовательно, согласуются с состоянием социума и его стандартами, что позволяет судить о нем в целом. Анализ керамических материалов памятника позволил сделать вывод о преобладании горшковидных форм в ассортименте керамической посуды, где они составляют более 90% от общего количества. Доминирование горшков над остальными типами посуды свидетельствует об их много-

функциональном назначении. Они использовались для приготовления горячей пищи, хранения продуктов, а также других бытовых нужд [Татаурова, Сопова, 2017. С. 133–141].

В ходе раскопок памятника Ананьино-I была получена представительная коллекция инвентаря, характеризующая различные хозяйственные занятия населения. Найдены фрагменты жерновов, детали упряжи, железные рыболовные крючки, наконечники стрел и остеологический материал. Все эти находки характеризуют особенности земледелия, рыбной ловли, охоты и скотоводства населения бывшей деревни.

Комплексное изучение сельских поселений Сибири, соотнесение археологических, этнографических и архивных данных является продуктивным направлением, для дальнейших разносторонних исследований и реконструкций истории и культуры русских сибиряков.

*Научный руководитель – И. В. Чернова
канд. ист. наук, доцент
Кафедра этнологии, антропологии,
археологии и музееведения
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского*

Life Support Culture of the Russian Population of Western Siberia Based on Ethnographic, Archival and Archaeological Materials

К. О. Sopova

Analysis of the culture of life support for the Russian population of Western Siberia was carried out using the example of a study from the Ananyino village. An integrated approach to research, study and correlation of ethnographic, archival and archaeological sources.

Keywords: life support culture, Western Siberia, Russian.

Сопова Кристина Олеговна

магистрант 1-го года обучения
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского
e-mail: sopovaukropova@gmail.com

Sopova Kristina Olegovna

1st year graduate student
Omsk State University
named after F. M. Dostoevsky
e-mail: sopovaukropova@gmail.com

УДК 903.223

Новые данные о бурятском луке (по материалам семейных архивов)

Р. М. Харитонов

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

Стрельба из лука – важнейший элемент бурятской культуры, являющийся неотъемлемой частью национального быта и праздников. До конца XX в. традиционные луки широко использовались как спортивный инвентарь. Несмотря на это, бурятские изделия остаются слабоизученными. Исследователи оружия и этнографии бурятского народа ограничивались описаниями общих технологических параме-

тров, не акцентируя внимания на характерных особенностях [Бадмаев, 1997, с. 74–76; Гомбожапов, 2016; Жамбалова, 1991, с. 52–56; Санданов, 1993; Тугутов, 1958, с. 39–40; Хангалов, 2004, с. 171]. Возможно, причиной тому и явилась широкая распространенность изделий у населения региона.

На сегодняшний день ситуация коренным образом изменилась – бурятские лучники

Список литературы

Бережнова М. Л., Кабакова Н. В., Корусенко С. Н. Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. как источник по этнографии народов Тарского Прииртышья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 4 (23). – С. 111–116.

Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – Т. 1. – 153 с.

Крих А. А. Этносоциальная история русского населения д. Ананьино в XVII–XIX вв. // Вестник Омского университета, серия «Исторические науки». – 2014. – № 4. – С. 86–90

Татаурова Л. В. Результаты археологических исследований русского комплекса Ананьино в 2011–2012 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. – Т. XVI. – С. 292–296.

Татаурова Л. В., Сопова К. О. Современные подходы и методы в изучении русской керамики Нового времени // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Издательский дом «Наука», 2017. – С. 133–141

Чернова И. В. Культура жизнеобеспечения и хозяйство потомков жителей деревни Ананьино (по этнографическим и архивным материалам) // Вестник Омского университета, серия «Исторические науки» – 2015. – № 1 (5). – С. 65–70

Явиева Д. А., Некрасов А. Е., Татаурова Л. В. Животноводство и охота русского населения лесостепного Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Апелсин, 2008. – С. 356–367

повсеместно используют современные спортивные луки, адаптированные для стрельбы по традиционным правилам. Старинные же образцы можно встретить лишь в музейных коллекциях, материалы которых, ввиду своей малочисленности, не позволяют делать обобщенные выводы о явлении в целом. Также стоит отметить, что чаще всего в музеях попадали не все образцы, а лишь отличающиеся декором или иными характеристиками.

Исчезновение бурятского лука можно объяснить как в целом исчезновением из обихода предметов традиционной культуры, так и появлением новых материалов. Изготовление традиционного лука из природных материалов – сложный и трудоемкий процесс. Такой лук долговечен при соблюдении строгих правил хранения. Если лук долгое время не растягивался, то он терял свою упругость, и выстрел становился невозможным. В результате лук утрачивал своё назначение как оружия и становился предметом антиквариата. Сейчас спортсменам гораздо доступнее спортивные луки, которые не требуют строгого ухода, а также менее зависимы от влажности и температурного режима.

Таким образом, уже сейчас с уверенностью можно говорить о «смене поколений» – изготовленные в прошлом веке традиционные луки, в большинстве своем потерявшие свои свойства, были заменены спортивными, стилизованными и адаптированными для традиционной стрельбы.

Для комплексного изучения традиционного бурятского лука необходимо привлекать все имеющиеся данные, в том числе изделия, хранящиеся в бурятских семьях.

Один из таких луков (рис. 1, 1) хранится у Светланы Борисовны Сандановой (г. Улан-Удэ). Лук симметричный, с отогнутыми в направлении выстрела плечами и выраженными переходными зонами между упругими плечами и концами. Лук композитный, укреплен длинными плечевыми фронтальными накладками черного цвета, внешняя поверхность усилена сухожилиями. Переходные зоны оснащены подпорками для тетивы. У лука сохранилась цельная кожаная тетива.

Изделие обильно украшено, что выделяет его из числа остальных луков, которые использовали буряты. Рукоять со всех сторон оклеена пробкой, украшена небольшими полосками кожи ската, крашеной бересты. Упругие плечи украшены змеиной кожей, фигурно вырезанными полосками бересты, крашеными на разных участках зеленой и желтой краской, а также небольшого размера розетками из берест, клееными поверх крашенных синей кра-

ской сухожилий. На концах декор отсутствует, по-видимому, вследствие ремонта.

О месте и времени изготовления информации С. Б. Санданова не имеет. Однако некоторые особенности (кожа ската, геометрия изделия, длинные переходные зоны) позволяют сделать вывод о китайском происхождении лука. Кроме того, аналогичный лук был представлен на выставке «Монгольское наследие – монгольский лук за 3000 лет» (Монгольский национальный исторический музей, 2016 г.) и был интерпретирован авторами выставки как маньчжурский. Это свидетельствует о том, что буряты использовали луки, импортированные из Китая.

Два лука (рис. 1, 2, 3) хранятся в архиве Зандана Даши-Нимаевича Дугарова (г. Улан-Удэ). Оба лука близки по размерам, имеют схожую геометрию – с отогнутыми в направлении выстрела плечами и плавными, невыраженными переходными зонами между упругими плечами и концами, оба симметричны. Один лук сломан в области упругого плеча, что позволяет с уверенностью говорить о его устройстве. Луки композитные, внутренняя сторона корпуса укреплена упругими накладками по поверхности упругих плеч, внешняя усилена сухожилиями, поверх которых корпус оклеен берестой. На концах лука вклеены роговые вкладыши с двумя арочными вырезами для крепления тетивы. На небольшом расстоянии от окончаний на внутренней стороне расположены подпорки для тетивы. Целый лук сохранился полностью и почти не поврежден, у сломанного, помимо прочего, повреждена рукоять – отсутствует фронтальная пластина, а также повреждена берестяная оклейка.

Согласно свидетельствам З. Д. Дугарова, данные луки принадлежали агинским бурятам. Целый лук был изготовлен в 1970-х гг. в с. Ага-Хангил (Могойтуйский район Забайкальского края). Достался нынешнему владельцу от отца. Сломанный лук изготовлен более 100 лет назад, так как достался ему от пожилого мужчины в с. Ушарбай (Могойтуйский район Забайкальского края), которому, в свою очередь, передали его в наследство от отца.

В фондах Национального музея Республики Бурятия хранится лук селенгинских бурят, имеющий аналогичные геометрические особенности [Харитонов, Бутуханова, 2017]. Луки З. Д. Дугарова, однако, имеют свои отличия: в концы вклеены роговые вкладыши с двумя вырезами для тетивы; различно количество и положение роговых и костяных накладок, – в частности, на них отсутствует длинная жесткая концевая фронтальная

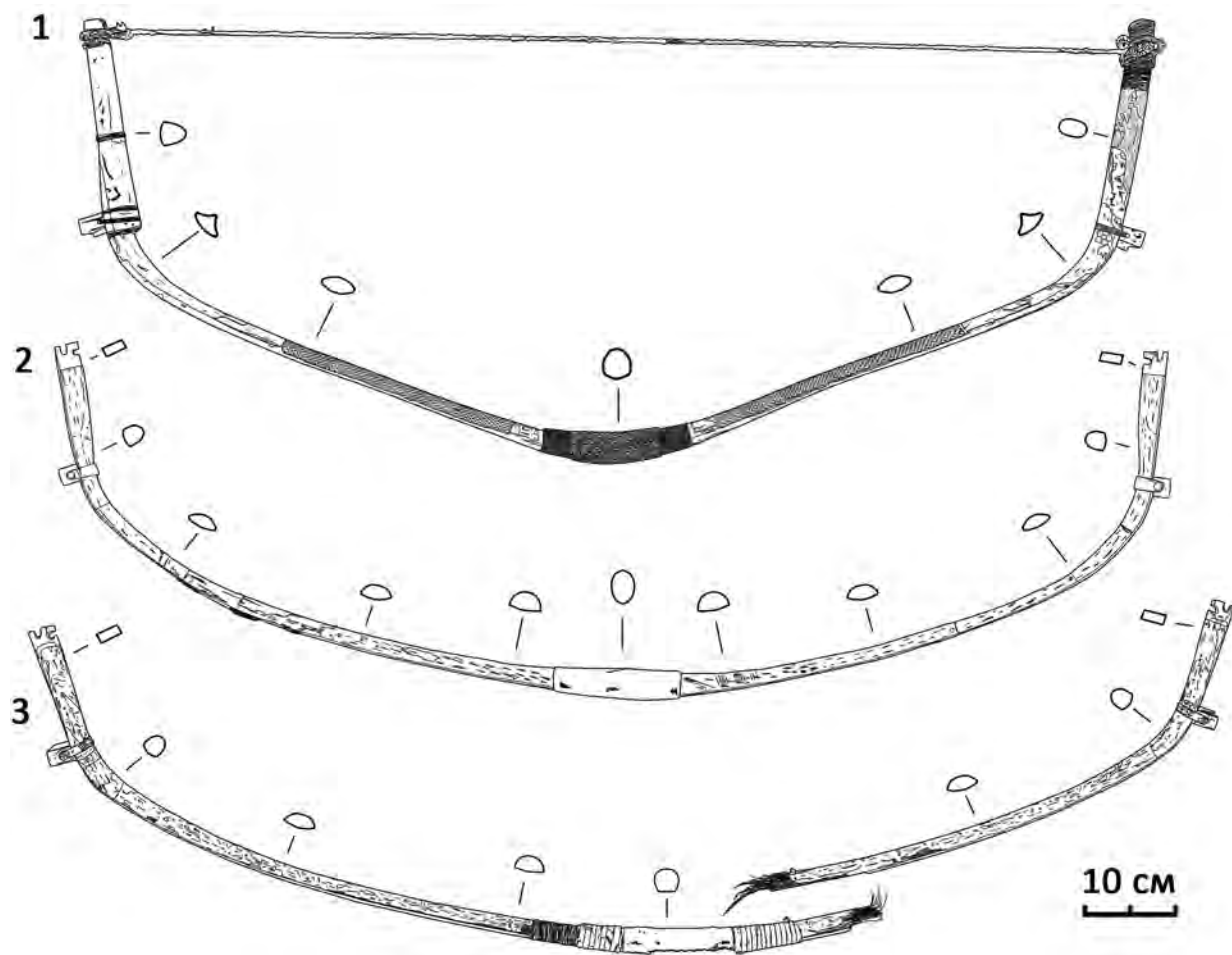

Рис. 1. Бурятские луки из семейных архивов: 1 – лук С. Б. Сандановой; 2, 3 – луки З. Д. Дугарова

накладка, придающая жесткость области концов без изменения сечения (характерная особенность бурятских луков, хранящихся в фондах Национального музея Республики Бурятия), и формирующая характерную геометрию бурятских изделий, которая прослеживается как на самих предметах, так и на их изображениях [Харитонов, 2018, с. 52–53]. Несмотря на это, тот же принцип работы плеч и геометрия достигались иными техническими приемами: вместо отмеченной фронтальной концевой накладки плавно изменялось сечение (утолщалось и сужалось).

На основе изучения двух луков З. Д. Дугарова мы можем говорить о существовании локальных особенностей луков агинских бурят. Вместе с тем геометрия и функциональные особенности как отдельных элементов корпуса, так и изделия в целом позволяют говорить об общей традиции изготовления селенгинского и агинских бурятских луков.

На основе проведенного анализа можно говорить о существовании локальных конструкций бурятских луков, существовавших

в рамках одной общей традиции. Кроме того буряты могли использовать луки импортные. Предметы, сохранившиеся в семьях и частных коллекциях, являются одним из наиболее значимых источников по изучению луков и стрел современных народов и требуют особого внимания специалистов. Их изучение также может значительно дополнить наши данные о луках и стрелах древних народов, принципе их устройства и общих функционально-технических закономерностях ручного метательного оружия кочевников в целом.

*Научный руководитель – А. И. Соловьев
д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник
Института археологии и этнографии
СО РАН*

Список литературы

- Бадмаев А. А.* Ремесла агинских бурят (к проблеме этнокультурных контактов). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. – 160 с.
Гомбожапов А. Г. Традиции изготовления лука и лучные состязания бурят // Гуманитарные науки в Сибири. – 2016. – Т. 23. Вып. 3. – С. 123–126
Жамбалова С. Г. Традиционная охота бурят. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. – 175 с.

Санданов Б. Д. Эрын гурбан наадан: три игры мужей. – Улан-Удэ: Изд-во «Соел», 1993. – 160 с.

Тугутов И. Е. Материальная культура бурят: Этнографическое исследование. – Улан-Удэ: Типография Министерства культуры Бур АССР, 1958. – 215 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений в 3 т. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004. – Т. 1. – 508 с.

Харитонов Р. М. Традиционный бурятский лук на почтовой открытке // Этнография: материалы 56-й Междунар. науч. студ. конф. 22–27 апреля / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. – С. 52–53

Харитонов Р. М., Бутуханова И. М. Бурятский лук конца XIX в. из улуса Тамча // Вестник ВСГИК. – 2017. – № 4 (4). – С. 30–37

The New Data on the Buryat Bow (Based on Family Arcives)

R. M. Kharitonov

The paper focuses on the research of the image of the Buryat traditional bow, preserved in family archives. The questions under study are the range of problems, as well as the current level of knowledge of the subject. The author introduces three bows, describes them in detail, analyses their decoration and individual functional and technical components. The received data are compared with the earlier publications on the Buryat bows. Based on this comparison, the information on the bows' manufacture location is clarified, and the local manufacturing peculiarities are highlighted.

Keywords: bow and arrows, the Buryats, traditional Buryat bow, birch bark, tendons, horn

Харитонов Роман Михайлович

магистрант 1 года обучения

Новосибирский государственный университет

e-mail: tengeri_ashina@outlook.com

Kharitonov Roman Mikhailovich

1st year magistrate

Novosibirsk State University

e-mail: tengeri_ashina@outlook.com

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ESPOL** – Escuela Superior Politécnica del Litoral (Приморский политехнический университет (Республика Эквадор))
- АИГУ** – Архив Иркутского государственного университета
- АИОКМ** – Архив Иркутского областного краеведческого музея
- АККМ** – Алтайский краевой краеведческий музей, нынешний Алтайский государственный краеведческий музей (г. Барнаул)
- АлтГУ** – Алтайский государственный университет
- АН СССР** – Академия наук СССР
- АФСБИО** – Архив Федеральной службы безопасности по Иркутской области
- БОИМК** – Бокейординский историко-музейный комплекс.
- Вып.** – выпуск
- ГАГУ** – Горно-Алтайский государственный университет
- ГАМО** – Государственный архив Магаданской области
- ДФУ** – Дальневосточный федеральный университет
- ЕНУ** – Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева
- З** – Запад
- ИА АН РТ** – Институт археологии Академии наук Республики Татарстан
- ИА РАН** – Институт археологии Российской академии наук;
- ИАЭТ СО РАН** – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук
- Изв. ВСОРГО** – Известия Восточно-Сибирского отделения русского географического общества
- Изв. ГАИМК** – Известия Государственной Академии истории материальной культуры
- Изв. РКСИВА** – Известия Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях
- ИИМК РАН** – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
- ИМБТ СО РАН** – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук
- ИПОС СО РАН** – Институт проблем освоения Севера Российской Академии наук
- ИПС** – исходное пластичное сырье,
- к.г.** – культуросодержащий горизонт
- КГПУ** – Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
- КемГИК** – Кемеровский государственный институт культуры
- КемГУ** – Кемеровский государственный университет
- КККМ** – Красноярский краевой краеведческий музей;
- КСИА** – Краткие сообщения Института археологии
- КСИИМК** – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- М.** – Москва
- МАЭА** – Музей археологии и этнографии Алтая
- МБОУ** – Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
- МИА** – Материалы и источники по археологии
- МРКМ** – Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартынова

НГУ – Новосибирский государственный университет
НИЦ – научно-исследовательский центр
ОАО – Открытое акционерное общество
ОР – органический раствор
ПСЗРИ – Полное собрание Законов Российской Империи.
РАЕ – Российская Академия естествознания
С – Север
с., С. – страница, страницы
СА – Советская археология
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
Сб. МАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР.
СДВР – Север Дальнего Востока России.
Собщ. ГАИМК – Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
СОШ – Средняя общеобразовательная школа
Т. – том
УГПИ – Уссурийский государственный педагогический институт
ФМ – формовочные массы,
ЦГА РСФСР ДВ – Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока
Ш – шамот,
ЭМЗТГ – этноэкологический музей-заповедник «Тюльберский городок»
Ю – Юг
ЮВА – Юго-Восточная Азия

Научное издание

**МАТЕРИАЛЫ LIX РОССИЙСКОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Благовещенск – Хэйхэ, 8–12 апреля 2019 г.

ISBN: 978-5-8331-0412-5

Издательство БГПУ
675000, Благовещенск, ул. Ленина, 104

Подписано в печать
Формат 60x84/8. Усл.-печ. л. 39,06. Тираж 200.
Заказ

Отпечатано в ООО «Типография»
675000, Благовещенск, ул. Политехническая, 55

